

ПАМЯТНИКИ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Blaise Pascal

Pensées

Блез ПАСКАЛЬ

Мысли

Перевод с французского Юлии Гинзбург

Москва
Издательство
имени Сабашниковых

ББК 84.4Фр
П19

Вступительная статья и комментарии

Ю. А. ГИНЗБУРГ.

Разработка оформления серии
С. СЕМЕНОВА

Оформление П. БОРОДИНА и А. ПОЛЯКОВОЙ

Перевод, за исключением особо оговоренных случаев, сделан по изданию:

*Pascal. Œuvres complètes. Ed. par L. Lafuma.
Paris, Seuil (Coll. L'intégrale), 1963.*

Издание подготовлено и осуществлено
при поддержке Министерства иностранных дел Франции
и французского посольства в Москве

Паскаль Блез

П19 Мысли / Пер. с фр., вступ. статья, коммент. Ю. А. Гинзбург.— М.:
Изд-во имени Сабашниковых, 1995.— 480 с. с илл.— (Памятники миро-
вой литературы).

ISBN 5-8242-0037-8

«Мысли» — оставшийся незавершенным труд великого французского ученого и философа XVII столетия Блеза Паскаля. Это сочинение, несмотря на свою отрывочность, принадлежит к высшим достижениям человеческого духа. Оно содержит самые глубокие и одновременно самые пронзительные размышления о Боге и людской природе, о цели жизни и смысле смерти. В настоящее издание включены также тексты самого Паскаля и его близких, так или иначе связанные с «Мыслями».

П 0301070000-07 Без объявл.
Б94(03)-95

ББК 84.4Фр

ISBN 5-8242-0037-8

© Издательство имени
Сабашниковых, 1995

МЫСЛИ О ГЛАВНОМ

Сочинение, которое известно под названием «Мысли», было задумано как апология христианской религии. Но не как очередное упражнение изощренного ума в теологических тонкостях; доказательства существования Бога и превосходства христианства над прочими вероучениями здесь имели ясную практическую, можно сказать, житейскую цель: раз и навсегда, доводами наглядными и неопровержимыми, открыть атеисту глаза на безрассудную пагубность его воззрений и направить его на единственно спасительный путь, указуемый Церковью.

Сочинение это не только не было завершено, но и план его не был выбран окончательно. То, что дошло до читателя,— это, в сущности, разрозненные обрывки черновика, над собиранием и расшифровкой которых по сей день бьются ученые. Человеку, немного сведущему в богословии, видно, что многие аргументы тут неоригинальны, а иные сомнительны. На современников они, во всяком случае, ожидаемого воздействия не оказали. С течением лет и веков, однако, выяснилось, что немного существует книг, способностью задевать и жечь самую глубь души сравнимых с этими беспорядочными записями. И в нашем столетии находились люди, читавшие «Мысли» не иначе как преклонив колени. Обычное объяснение подобного равнодушия ровесников и подобной притягательности для потомков — в том, что автор (или его труд) «опередил свое время», «выломался из своего времени» и т. д. «Мысли» же, напротив, впаяны в свое время накрепко (отчего, быть может, и воспринимались тогда многими как общее место), а их создатель — очевидно, из тех, в ком «воплотился век». Но век — поворотный в духовной истории Европы, автор же — личность, дарованиями, интеллектуальным, психологическим и даже физическим своим складом едва ли не уникальная. Вопросы, заданные таким веком, и попытки ответов на них, исходящие от такой личности, в архивах культуры не залеживаются.

Что есть человек? Какова его природа? Какой удел ему уготован? В сущности, только этими вопросами так или иначе задаются и так или иначе их решают культура и общество всегда и везде, о каких бы частных проблемах ни шла речь. XVII столетие, от которого ведется отсчет Нового времени, выделяется в Европе, во Франции прежде всего, тем, что особенно озабочено решением этих вопросов, непосредственно, напрямую, осознанно ставя подход ко всем остальным в зависимость от этого основного. А ответ на него в свою очередь неотделим от того, как мыслятся отношения человека с Богом, и здесь мнения с неведомой дотоле шириной колеблются от ортодоксальнейших до самых радикальных.

То, что особую напряженность, особую разработанность, особую отточенность формулировок, а главное, особую практическую значимость для личности, общества и государства, такие раздумья обрели именно во Франции XVII века, отнюдь не случайно. Франция лежит на скрещении двух мощных потоков европейской цивилизации — германского и романского. Потому и «георелигиозное», если так можно выразиться, ее положение достаточно своеобразно. Франция стала южной границей Реформации. В XVII веке она была единственной романской страной, где протестантство пустило относительно крепкие корни, единственной европейской страной, где благодаря Нантскому эдикту здравомыслящего и терпимого короля Генриха IV в течение нескольких десятилетий два вероисповедания, католическое и протестантское, сосуществовали на легальной основе. Впрочем, мирного содружества не получилось. Война на истребление была доведена до конца. Католицизм во Франции оказался достаточно силен для победы над внешним врагом — кальвинистским протестантством, но в самом себе он заключал частицы столь разнородные, что столкновение между ними было неизбежно, а католическое возрождение в XVII веке — Контрреформация — во Франции имело особый облик и смысл.

Слово «Контрреформация» мы привыкли понимать как «противореформация», по аналогии с «контрреволюцией» или «контратакой». Между тем католическая Контрреформация была скорее «встречной реформацией», «реформацией изнутри»; римская Церковь была озабочена укреплением собственного здоровья отнюдь не меньше, чем подрыванием сил противника. Невежество, распущенность, корыстолюбие клира, опасность формализации религиозного чувства и распространение суеверий среди мирян, интриганство, расточительность, мания величия у прелатов и самого первосвященника, светские, а то и языческие черты церковного искусства, — все то, что толкало зачинателей Реформации к открытому возмущению, к расколу, было источником тревоги и боли для многих деятелей самой католической Церкви. Надо было что-то предпринимать, и безотлагательно, просто для того, чтобы выжить. Тридентский Собор (1545—1563) выработал общую программу мер внешней борьбы и пропаганды и внутреннего очищения и ужесточения дисциплины.

Французские церковные преобразователи выполняли эту программу по-разному. Одни, как кардинал де Берюль или настоятель парижской церкви Сен-Сюльпис отец Олье, полагали, что начинать надо с воспитания нового типа священнослужителей —

ученых и добродетельных, способных своими поступками, речами и познаниями наставлять мирян и подавать им благой пример. С этой целью создавались новые конгрегации — такие, как ораторианцы,— основной своей задачей ставившие профессиональную подготовку будущих церковнослужителей. Французская Церковь стала с большей охотой принимать у себя и те ордена, что возникли и укрепились на чужих землях,— к примеру, реформированных святой Терезой кармелиток из Испании, известных строгостью устава и склонностью к мистической созерцательности. Вернулись изгнанные из Франции после убийства Генриха IV иезуиты и стали быстро набирать силу в качестве духовников влиятельных особ и воспитателей юношества в открывавшихся ими повсеместно учебных заведениях — коллежах; из коллежей выходили как священники, так и люди светские.

А вот епископ Женевский, святой Франциск Сальский, обративший у себя в Савойе множество гугенотов в католичество, и притом без всякого насилия, единственно силой убеждения,— Франциск Сальский был занят не столько образованием клириков, сколько приобщением мирян, даже самых суетных, к основам религиозного благочестия. Он сам так объяснял свои намерения: «Те, кто толковали о благочестии, почти все заботились о наставлении особ, порвавших сношения с миром, или по крайности проповедовали такое благочестие, что ведет к столь же полному удалению от мира. Я же намереваюсь наставлять тех, кто живет в городах, в семье, при дворе и кто по положению своему обязан жить во внешнем общении друг с другом; а такие люди весьма часто и помыслить не хотят о том, чтобы обратиться к благочестивой жизни, уверяя себя, будто это невозможно... пока остаешься в гуще дел мирских». Истинная богобоязненность, по Франциску Сальскому, не умаляет мирских добродетелей, но наполняет их подлинным смыслом, не отвращает от исполнения мирского долга, но укрепляет в нем. И своих учеников и гораздо более многочисленных учениц Франциск Сальский увещевал воспитывать в себе смиренные повседневные добродетели, не пренебрегая и скромнейшими победами над собой в самых мелких будничных неприятностях, вплоть до дурно приготовленного обеда или появления гостей некстати, и не упуская случая проявить милосердие к ближнему в самых простых и обычных обстоятельствах — по мере сил, без натуги и напряжения. Знатных дам, вверявших его руководству, он охотнее побуждал к благотворительности в миру, чем к экзальтации самоотречения за монастырскими стенами.

Но подлинным героем деятельной филантропии был святой Венсан де Поль. Сын крестьянина, в течение своей бурной, полной приключений жизни видевший и испытавший немало невзгод, он старался возбудить сострадание к самым обездоленным — больным, каторжникам, подкидышам. Духовные сыны и дочери Венсана де Поля, зачастую из богатых и благополучных семейств, должны были не просто жертвовать и собирать какие-то суммы денег; они исполняли самую грязную работу в лазаретах и приютах, святым Венсаном же основанных, навещали заключенных в тюрьмах и на галерах, способствовали освобождению тех, кто был попросту забыт в темницах, хоронили трупы погибших во время войн, голода и эпидемий, нередко погибая при этом

сами. Члены созданных святым Венсаном монашеских орденов жили в миру; для некоторых устав предусматривал лишь временные обеты, которые каждый год могли приноситься вновь или расторгаться — в соответствии с замыслом учредителя: «Пусть их часовней будет приходская церковь, монастырем — улицы города или больничные дворы, оградой — святое послушание, а покрывалом — божественная стыдливость». Такой духовный климат достаточно далек и от строгого житейского аскетизма протестантов, и от мистических экстазов святой Терезы или святого Хуана де ла Крус в соседней Испании.

Работа в миру была для французской Церкви тем насущней, что не одни благочестивые помыслы зрели в душах ее пастырей. Религиозные смуты, Реформация и Контрреформация непосредственным своим результатом имели скорее подтверждение и укрепление роли христианства как формирующего начала европейской цивилизации. И все же именно тогда, в ходе яростных споров о том или ином понимании христианских догматов, с небывалой до тех пор отчетливостью и страстностью продумывались и все доводы за и против самой религии. Как бы искренне и категорически ни отвергались в большинстве случаев доводы «против», атеистическое сознание предстает уже как действительное явление, а не только как отвлеченно допускаемая возможность. В тог­дашней Франции можно было встретить едва ли не все разновидности вольнодумства — от осторожного сомнения до прямого богохульства, от равнодушно-формального исполнения обрядов до откровенного бытового нигилизма. По некоторым подсчетам, в одном тогдашнем полумиллионном Париже было около сорока тысяч атеистов. На вершинах философского умозрения ученики мудрого скептика Монтеня вели беседы со сторонниками эпикурейца Гассенди; желая того или нет, они своими изощренными доводами с разных сторон если не разрушали, то исподволь подтачивали столп традиционного богословия. Сочинители нескромных и дерзких стихов платились за них тюрьмой, а то и костром еще и в XVII веке. А повесам из аристократической золотой молодежи атеистическая бравада требовалась зачастую как обоснование самого разнузданного распутства. Когда герцог де Невер, племянник все­сильного кардинала Мазарини, устраивает со своими приятелями в местечке Руасси близ Парижа попойку на страстную пятницу 1659 года, и на столе у них молочный поросенок, которого присутствующий тут же аббат по всем правилам обряда окрещает карпом, то за этой кощунственной выходкой стоит не столько осознанный вызов небесам, сколько надругательство над законами человеческого общежития. Такое сочетание — безбожие разной степени осознанности и порок разной степени тяжести — было весьма распространено среди французской знати тех лет, что и запечатлено в мольеровском «Дон Жуане», написанном несколько лет спустя после оргии в Руасси. Современники, не утруждая себя проведением различий между всеми этими людьми, объединяли их под одним именем — «либертины».

Опыт борьбы с распущенностью нравов и тем безбожием, которое такой распущенностью питалось — или ее предопределяло, — у Церкви был. И результаты этой борьбы были весьма неплохие. С примерами разврата, безумной расточительности, коварства

и себялюбия в одной и той же среде, а зачастую в одном и том же человеке на разных отрезках его жизни, соседствуют едва ли не более многочисленные и разительные примеры добровольного самоограничения, покаяния и милосердной любви. Девушки, наделенные всеми земными дарами — красотой, богатством, высоким происхождением, нежностью близких, — уходили в монастыри, порой вопреки воле семьи. Молодые люди, перед которыми открывалась блестящая карьера, внезапно отрекались от нее и, даже если по каким-то причинам не давали монашеских обетов, вели и в миру жизнь затворническую, аскетически суровую и исполненную самого ревностного благочестия. Так нередко бывало и без всякой видимой причины, без всякого внешнего толчка. А утраты, разочарования, невзгоды почти неизбежно подвигали обратиться к Богу. Арман-Жан де Рансе, смолоду отнюдь не отличавшийся особым благочестием в поведении и интересах, потеряв покровителя и возлюбленную, не просто постригся в монахи, но стал основателем ордена траппистов, известного особой суровостью устава. Луиза де Лавальер, утратив любовь короля, стала кармелиткой под именем Луизы от Милосердия. Сам Людовик XIV под бременем государственных и семейных невзгод внял увещаниям своих духовников, время от времени отказывавших ему в отпущении грехов из-за его скандальных любовных связей, и под конец старался вести жизнь набожную и добродетельную. Да и самые отъявленные либертины уж если не на склоне лет, то хотя бы на смертном одре в прегрешениях каялись и последних утешений религии не отвергали. Так что в борьбе со слабостями плоти и тем вольнодумством, которое ими питалось, потери Церкви с лихвой возмещались приобретениями.

Но когда мы говорим о XVII веке как о начале Нового времени, то едва ли не главной его приметой видим рождение науки в современном ее облике и смысле. Дело не в успехах образования. Да, ученые опыты и рассуждения все больше занимали людей, от науки далеких. Когда в мольеровском «Мнимом больном» незадачливый жених-лекарь приглашает невесту на вскрытие трупа, то это не столько гротескное преувеличение, сколько правдивое отражение действительности. Такие публичные зрелища были тогда в большой моде: анатомические сеансы устраивались даже в королевском саду, вход был бесплатный, и зевак собиралось великое множество. Не менее велик был интерес к астрономии, многие дома обзаводились собственными телескопами, и когда одна весьма известная в светских и литературных кругах дама решила порвать с миром и удалиться в один из созданных святым Венсаном приютов, свой телескоп она взяла с собой. Но это вовсе не значит, что открытия науки принимаются за непреложную истину и вытесняют из обыденного сознания суеверия и предрассудки. Не только крестьяне верят, что скотине нужно пускать кровь на святого Филиппа, а подвешенные на веревочке в страстную пятницу яйца хранят от пожаров, но и среди людей самых просвещенных в большом ходу гороскопы, медики оспаривают идею кровообращения, зато с большой охотой выбирают для диссертаций темы вроде такой: «Может ли женщина считаться совершенным созданием природы?», Коперника многие либо не знают, либо не признают, и даже в последней трети века знатнейших особ государства могут арестовать по подозрению в колдовстве. Суть в другом. Когда от разрозненных,

добытых на ощупь догадок, копящихся отдельно и независимо от метафизического раздумья о тайнах мироздания, наука переходит к теоретически обоснованному эксперименту и систематизации опытного знания, то за этим стоит идея о неких универсальных, придающих целостный смысл осколкам наших сведений, законах природного мира, доступных рациональному постижению, иначе говоря, природному человеческому разуму. Такая установка неизбежно должна была породить и новый, неведомый прежде склад сознания, интеллектуально, психологически и социологически новый тип человека, который называется ученый, интеллигент.

Но ведь всеобъемлющее и смыслополагающее объяснение бытия уже дано — религией. От того, как сложатся отношения между этими двумя принципами миропонимания — сверхъестественно-религиозным и естественно-научным, от того, как будут сосуществовать — в разных душах и в одной душе — эти два человека, христианин и интеллигент, от развития драмы, герои которой — вера и разум, в сущности, и будет зависеть впредь ход европейской цивилизации.

* * *

Семейство Паскалей к 1623 году, когда родился Блез, принадлежало к весьма достойной и благополучной части французского общества — к тому сословию судейских и чиновников, которое называлось «дворянством мантии», в противоположность родовому, воинскому «дворянству шпаги». При том, что первое место в королевстве несомненно оставалось за феодальной знатью, строители французского государства — отчасти Ришелье, затем Мазарини и особенно Кольбер — в своем стремлении упорядочить и поставить под строгий контроль верховной власти едва ли не все области жизни, в этом сословии нуждались. Верхушка бюрократии имела немалый доход со своих должностей, возможности получить прекрасное образование и доступ в гостиные самых титулованных особ. Этьен Паскаль, отец Блеза, особых богатств не имел, но достаток в доме был твердый; а что касается просвещенности, то в этом он много превосходил тогдашний средний уровень. Со своей молодой женой он был связан узами самой нежной привязанности, детей своих супруги обожали. Их единственному сыну Блезу, казалось, было уготовано самое безмятежное детство, открыты пути к любой карьере, и ничто не мешало надеяться на самое счастливое будущее.

Если бы не несколько обстоятельств. Блез в три года лишился матери — такое для ребенка бесследно не проходит, предопределяя обычно повышенную нервную возбудимость, ранимость и чувствительность. Жизнеописания Блеза, составленные его старшей сестрой Жильбертой и племянницей Маргаритой, расположены где-то на полпути между житием и биографией. Но во многих важных вещах им можно доверять. А они засвидетельствовали, что с первых лет жизни мальчик был отмечен двумя знаками судьбы: необыкновенной силой и живостью ума — и подверженностью тяжелым, необъяснимым и мучительным телесным недугам. Слово само Провидение указало на него пальцем, чтобы именно он стал примером и замороженным вопрошателем вечной тайны величия и ничтожества человека.

Начало его жизни наводило только на мысли о блеске, а никак не о нищете дая природы. Блез и его младшая сестра Жаклина — чудо-дети. Когда семейство перебирается в Париж, у Жаклины обнаруживается поэтическое и актерское дарование. Она пишет стихи по случаю того долгожданного события, что супруга Людовика XIII, Анна Австрийская, наконец-то ждет ребенка, — и удостоивается чести быть представленной королеве; она играет в домашнем спектакле у Ришелье, и всесильный кардинал, большой знаток и любитель театра, так очарован девочкой, что ради нее прощает ее отцу серьезный проступок, грозивший Бастилией, — участие в публичных протестах парижских буржуа против грабительских постановлений власти. Кардинал даже назначает Этьена Паскаля на весьма важную должность — интенданта (то есть полномочного представителя короля) в Нормандии, в Руане. Жаклина и в столице, и в провинции вращается среди светских дам, их любезных кавалеров, поэтов, актеров, впитывает воздух галантных, изысканных до вычурности, изящных до жеманства салонов. А у Блеза общество совсем иное. С тринадцати лет он вместе с отцом посещает собрания научного кружка, проходившие у монаха-францисканца Марена Мерсенна. Отец Мерсенн поддерживал постоянные письменные сношения со всеми научными светилами тогдашней Европы (а это такие имена, как Галилей, Гюйгенс, Торричелли, Декарт), а в Париже у него сходились и все находившиеся на тот день во французской столице профессиональные физики и математики, и такие просвещенные дилеганты, как Этьен Паскаль. Тут, конечно, дух царит совсем другой. Ученые мужи по большей части слишком погружены в предмет своих напряженных размышлений, чтобы обращать внимание на такие вещи, как красивый наряд, приятные манеры и умение вести себя с себе подобными. Но страсти кипят и здесь. Борьба самолюбий за первенство в решении какой-нибудь математической задачи или в разгадке физического явления не менее жестока, чем кончающееся дуэлью соперничество за благосклонность прелестной дамы или выливающийся в публичный скандал спор за успех у зрителей. И когда в 1640 году шестнадцатилетний Паскаль впервые публикует свой труд, «Опыт о конических сечениях», старшие коллеги восхищаются своим юным собратом громко, но не единодушно. Находится человек, полагающий, что в труде этом нет ничего ни выдающегося, ни даже оригинального. Этого человека зовут Рене Декарт.

Так проявилось впервые противостояние двух великих умов, отметившее духовную жизнь Франции и всей Европы, культурной столицей которой в XVII веке становится Париж. Различия в самом ощущении мира, в понимании того, что есть Бог, что есть человек, что есть разум, что есть природа, сказались и в области самой, казалось бы, далекой от всяких идеологических пристрастий, — в математических и естественно-научных занятиях. Для Декарта в любой умственной деятельности главным было установление неких общих, универсальных закономерностей, которым подчиняются и из которых выводятся все частные, конкретные случаи. Такие закономерности лучше всего выражаются алгебраическим уравнением, то есть высшей степенью абстракции, когда под условные значки могут подставляться любые арифметические числа, за которыми, в свою очередь, могут стоять любые количественно измеряемые явления

материального мира. Поиски единой формулы, пригодной для объяснения качественно различных вещей и использования в разных науках, и привели Декарта к созданию аналитической геометрии. Принято считать, что XVII век во Франции прошел под знаком Декарта. А поскольку это столетие у историков французской культуры неизменно (и заслуженно) зовется «великим веком», сформировавшим и запечатлевшим национальный характер, то картезианский рационализм традиционно полагается одной из стержневых черт «французской души». В утверждениях такого рода всегда есть доля истины и доля натяжек. В «великом веке» — веке классицизма, родного детища французской земли — на уровне исходных мыслительных положений, осознанно ли принятых или из воздуха усвоенных, сходились многие, если не все: постигать бытие значит прощупывать за бесконечным разнообразием его преходящих явлений некую устойчивую, неизменно его определяющую основу. Картезианская посылка о наличии таких общеобязательных законов, о возможности и необходимости их вычленения так или иначе разделяется отцами классицизма и сказывается даже там, где упорядочивающую схему разглядеть как будто труднее всего. Например, в отношении к живой природе: внутри парковых оград она состоит из правильных овалов прудов, прямых линий аллей, пирамид деревьев. Или в подходе к языку: так Этьен Паскаль, прежде чем учить сына иностранным языкам, объяснял ему общие правила грамматики, которым все языки повинуются и которые дают возможность иноземцам ими овладеть.

Девятнадцатым, романтическим и позитивистским, веком подобный взгляд на действительность ниспровергался и осмеивался. Но в XX столетии (во Франции прежде всего, что, должно быть, не случайно) он явился вновь и воспринимался не как чудом оживший архаизм, а как самое дерзкое новаторство — у Сезанна и кубистов, прозревавших за причудливой неисчерпаемостью форм сущего ограниченный набор строгих геометрических фигур, в структурализме, занятом повсюду, в любой гуманитарной науке, системой отношений между предметами и поиском математической ее модели.

Паскалю же с самых первых его трудов в науке были ближе наглядные, опытные способы поисков истины. Истина ему нужнее такой, какой она может быть доступна чувственному восприятию, скорее в видимых и осязаемых частных проявлениях, чем в отвлеченно-универсальных формулах. Истину он словно хочет знать в лицо. Поэтому он предпочитает проективную геометрию аналитической, арифметические методы — алгебраическим. Такая неприязнь к абстрагирующей алгебре помешала ему сделать несколько важных математических открытий, к которым он вплотную подошел, и заставила уступить эту честь ученым моложе его на каких-нибудь два десятка лет — Ньютону и Лейбницу. А толчком к его научным трудам нередко служила практическая надобность. Так, изобретением своей счетной машины — дальнего пращура современных ЭВМ — он занялся, чтобы помочь отцу справиться с нудными подсчетами, которые тому приходилось делать по долгу его руанской службы. А основы теории вероятностей он разрабатывал в ответ на вопросы своих друзей-картежников о том, как делится выигрыш между игроками, если игра прерывается.

Но в чем он несомненно сходится с Декартом, так это в ревности к любым

соперникам, в желании до конца сражаться и за свою правоту, и за свой научный приоритет с каждым, кто вздумал бы на них покуситься, и в готовности пользоваться в этих сражениях не только острым мечом неопровержимых доказательств, но и отравленными стрелами личных колкостей. И никакого душевного разлома у юного Паскаля это не вызывало, вообще не представлялось казусом, подлежащим суду совести, пока не случилось происшествие, перевернувшего судьбы всего семейства Паскалей.

Это было в 1646 году. Отец семейства, поскользнувшись, сломал ногу. К нему пригласили двух братьев, лучших в городе костоправов, и те, чтобы удобнее было выхаживать больного, на все время болезни — несколько месяцев — поселились в его доме. Братья-лекари свели Паскалей со своим духовным отцом — кюре из пригородной деревушки, известным своими проповедями. И сам священник, и его духовные чада принадлежали к людям того круга, которых называли янсенистами — по имени епископа Ипрского Корнелия Янсена, по-ученому — Янсения. Главный труд Янсения вышел два года спустя после его смерти, в 1640 году, и назывался «Августин, или Учение святого Августина о здравии, недуге и врачевании человеческой природы, против пелагиан и массилийцев».

Громоздкое название Янсениева труда на самом деле очень точно выражает его суть: что есть человеческая природа и где полагаются границы свободе людской воли перед лицом Господнего промысла. Крайние точки во взглядах на этот предмет в XVII веке были представлены, с одной стороны, теми, в ком Янсений видел наследников пелагианской ереси (по имени Пелагия, британского монаха IV столетия, современника и противника Августина; массилийцы же — это жители Марсея, по-старому Массилии, где был некогда очаг так называемого «полупелагианства»), — то есть прежде всего иезуитами, почитателями испанского теолога Луиса Молины; с другой — протестантами, последователями Кальвина.

Для каждого христианина итог, результат того испытания, которое зовется земной жизнью, — спасение или погибель его души, райское блаженство или адские муки в другой, вечной жизни за гробом. Зависит ли этот итог, и в какой мере, от усилий разума и воли самого человека или определяется исключительно тем, дарована ли человеку сверхъестественная помощь — благодать? И кому она даруется? Молинисты отвечали на этот вопрос так. Человеческая природа изъедена, испорчена первородным грехом прародителей, Адама и Евы, и своими силами, без божественной поддержки, возвыситься до спасения не может; но и после грехопадения она достаточно чиста для того, чтобы человек мог содействовать этой сверхъестественной силе; более того, сотрудничество человека необходимо для его спасения. Как говорил святой Игнатий Лойола, основатель ордена иезуитов: «Будем ожидать успеха только от благодати, но будем трудиться так, словно он зависит только от нас». Благодать как возможность спасения («достаточная благодать») дается каждому, и Христос умер на кресте, чтобы искупить грехи всего человечества, без исключений. Но свободная воля всякого человека — употребить этот дар во благо или оттолкнуть его. Воля Божия проявляется в предвидении и предустановлении этой свободы, а затем в осуждении или оправдании

души — но сообразно тому, как человек воспользовался даром благодати, как прожил он отпущенный ему на земле срок.

Кальвинисты же полагали, что люди созданы Богом одни на спасение, а другие на погибель независимо от их поступков и устремлений, а в соответствии с ответным и тайным предопределением. Христос был послан в мир не для всех людей, а лишь для избранных, тех, кому Господним промыслом уготовано спасение. Им и дается благодать, действие которой неодолимо, которую нельзя принять или отвергнуть по своему усмотрению («действенная благодать»), Тем же, кого Бог еще до творения осудил на погибель, благодать не посылается; а без нее все дела и заслуги тщетны, ибо природа человеческая насквозь, непоправимо порочна и участвовать в деле спасения души, способствовать ему никак не может. Спасется не тот, кто праведен перед людьми, а тот, кому ниспослана благодать; и погибнет не тот, кто перед людьми грешен, а тот, кто лишен благодати. Никому не дано знать, принадлежит ли он к избранным или осужденным; но каждый должен верить в свое избранничество и вести себя так, как если бы то было непреложно известно.

Янсенисты сами предпочитали именовать себя «учениками святого Августина» — чтобы подчеркнуть, что остаются верными чадами католической Церкви и избирают «средний путь» между пелагианством и кальвинизмом. На деле же в том, что касается сущности теологической доктрины, янсенисты куда ближе к Кальвину, чем к теоретикам католической Контрреформации. По выражению одного тогдашнего богослова, «Янсений прочел святого Августина сквозь Кальвиновы очки». Между Кальвином и «учениками святого Августина» было едва ли не единственное важное расхождение в теологических тонкостях: Кальвин полагал, что приговор предопределения был вынесен еще до грехопадения, даже до сотворения человека, янсенисты же — что предопределению род людской подлежит лишь в состоянии утраченной после грехопадения невинности, а до того природа человеческая была чиста и безгрешна, какой и создал ее Господь.

Теологические споры имели свое земное — как церковное, так и светское — продолжение. Янсенисты ставили своей целью возвращение к древней, не искаженной позднейшими наслоениями истине учения и строгости нравов. (Отсюда их обращение к авторитету Августина через головы новейших богословов.) Поначалу такая цель вполне укладывалась в общие задачи Контрреформации, и первых янсенистских деятелей во Франции связывали самые добрые отношения с Франциском Сальским. Но к середине сороковых годов ни святого Франциска, ни отцов янсенизма уже не было в живых, вера не становилась жарче, а нравы — добродетельнее, иезуиты набирали силу, а янсенизм во Франции получил очаг — женский монастырь Пор-Рояль — и полномочных представителей — семейство Арно, принадлежавшее, как и Паскали, к «дворянству мантии» и непримиримо враждовавшее с иезуитами еще со времен Генриха IV. И то, что прежде было предметом мирных ученых обсуждений, стало обоснованием борьбы, затрагивавшей души и судьбы многих людей.

Иезуитская теология и практика были крайним течением католицизма и в Риме

одобрялись не во всем и не всегда. Но и в ортодоксальных католических представлениях промысел Божий, при всей его непостижимости, все-таки соотносим с человеческой мудростью и справедливостью, хотя бы тем, что за гробом вознаграждает доброго и наказывает злого. Мораль такого небесного кнута и пряника, конечно, не столь высока, как требование чистой, «незаинтересованной» — не выслуживающей награды, ибо ее и нельзя выслужить своими силами — любви к Богу; но она оптимистичнее и доступнее. А коль скоро между человеком и Богом устанавливается многоступенчатая иерархия посредников — Церковь, от приходского священника до папы, блаженные и святые, ангелы, Богоматерь-предстательница, — то и степень духовного подвижничества неодинакова для мирянина и затворника-монаха, и даже слабое движение души к Богу и малейший добрый поступок не презираются небом. Более того, чрезмерная пылкость внушает скорее опасливое недоверие мудрым пастырям. Но такая терпимость, если угодно, демократичность Церкви становилась нередко — у иезуитов прежде всего — обоснованием лаксизма, то есть попустительской политики по отношению к верующим, готовой идти на любые компромиссы, закрывать глаза на любые слабости, принимать любое формальное проявление благочестия за истинную ревность, оправдывать любые прегрешения — лишь бы удержать и приумножить паству в ограде храма.

Противоположный взгляд на эти вещи был с особой силой и страстью высказан в книге Антуана Арно, доктора теологии и брата настоятельницы Пор-Рояля Анжелики. Она появилась в 1643 году и называлась «О частом приобщении Святых Тайн». Упор в ней был перенесен в область каждодневного поведения мирянина, каждодневных практических решений духовного руководителя. Символика причастия означает приобщение человеческой души к Богу. Янсенисты полагали, что человек может совершать этот акт, лишь чувствуя себя достойным такого приобщения. А для того ему мало просто не отвлекаться в такой день на всякие суетные занятия; следует поглубже заглянуть к себе в душу, честнее разобраться в истинных своих побуждениях. Ведь испорченность человеческой природы заставляет подозревать, что за самыми, казалось бы, невинными и даже добрыми поступками и чувствами могут таиться дурные, себялюбивые, греховные движения сердца. Сплошь и рядом люди бывают щедрыми из тщеславия, благожелательными из корысти, снисходительными из слабости, твердыми из упрямства. Но кто тогда будет вправе счесть себя достойным приблизиться к Святым Дарам? Ведь коль скоро только благодати доступно радикальное удаление скверны из человеческой души, любой праведник может оказаться неспособным выполнить евангельские заповеди. И само раскаяние может питаться не чистой любовью к Богу, не сокрушением о собственной порочности, не искренним желанием исправиться и жить впредь, как должно, а всего лишь страхом загробного наказания (зачастую испытываемым лишь в последнюю минуту, на смертном одре). В таком случае духовник не должен давать отпущения грехов и допускать кающегося к причастию.

Эта проблема касается уже не столько совести паствы, сколько политики Церкви. В сущности, это главный вопрос и политики вообще как таковой: возможность,

желательность и условия компромисса. Но для Церкви это вопрос особенно мучительный из-за ее двойственного положения посредницы между человеком и Богом, ее принадлежности и к земной относительности, и к небесному Абсолюту. Разумеется, лучше всего для Церкви было бы привести христианский люд к искренней и истовой вере, к строгому и неформальному исполнению всех заповедей религиозной нравственности. Но за долгие века исторического бытия Церкви выяснилось, что это возможно лишь для очень немногих, в таком смысле и вправду избранных душ. Как же быть с остальными? Отступить от них — или двинуться к ним навстречу? Блюсти верность незамутненным истокам церковной догмы и морали, с риском остаться в праведном одиночестве, — или пытаться саму эту мораль смягчить, истолковать снисходя к движению времени и человеческому несовершенству, с опасностью постепенными уступками исказить и обесценить саму суть учения? Прижигать и резать кровоточащие раны или смазывать их болеутоляющим бальзамом? Разрушать тело Церкви малочисленностью верных — или ослаблять ее дух потворством толпам слабых?

Знаменитый богослов, проповедник и оратор, в будущем воспитатель дофина, сына Людовика XIV, и верховный авторитет в делах французской Церкви, Жак-Бенинь Боссюэ оценивал положение так: «Два опасных недуга поразили в наши дни тело Церкви: иных ученых богословов обуяла преступная и бесчеловечная снисходительность, убийственная жалость, подвигающая их подкладывать подушки под локти грешникам, искать покрывала для их страстей... Другие, столь же неумеренные, держат души под игом незаслуженных строгостей: они не терпят никакой слабости... разрушают противоположными крайностями дух благочестия, повсюду отыскивают все новые прегрешения и еще отягощают налагаемое на нас Господом бремя, делая его непосильным для слабости человеческой. Можно ли не видеть, что такая суровость раздувает высокомерие, питает надменность, поддерживает горделивую скорбь и чванливое сознание своей особенностью, представляет добродетель слишком тяжелой, Евангелие чрезмерным, христианство невозможным?»

Семейство Паскалей стало одним из тех — достаточно многочисленных в те годы, — на которых словно на опытном поле проверялась справедливость этих слов Боссюэ. Ко времени знакомства с яansenистскими проповедниками набожность Этьена и его детей была не более и не менее ревностной, чем того требовали принятые в их кругу приличия. Религия безусловно уважалась, но не она определяла заботы души и уклад жизни. С появлением новых друзей интересы членов семьи явно изменились. Самым впечатлительным и внушаемым оказался Блез. Он стал жадно читать рекомендованные ему духовные сочинения и пытался взглянуть на жизнь свою и окружающих с точки зрения истинной веры, какой она ему открывалась. Но прежде всего он обратил свой пыл вовне, в стремлении направить на пути благочестия людей близких — и не очень. Первой, кого коснулось его влияние, была Жаклина. Увещевания своего новоиспеченного духовного руководителя она восприняла всерьез. Очаровательная, несмотря на оставшиеся после ветрянки оспинки, привыкшая ко всем соблазнам и удовольствиям

света девушка, чьей руки искали уже многие солидные претенденты, она отказалась напрочь не только от замужества, но и от всей прежней жизни в свете. Теперь ее твердое решение — уйти в монастырь (правда, с некоторыми колебаниями, куда: в Пор-Рояль или к кармелиткам). Но отец, чье благочестие, хотя и разогретое новым кругом знакомств, чтения и размышлений, все же недостаточно пылко для того, чтобы подвинуть на отказ от самых дорогих сердцу привязанностей, такому решению Жаклины противится. Во всяком случае, он требует, чтобы оно не осуществилось при его жизни. Жаклина покоряется отцовской воле, но в свет не возвращается, а поселяется затворницей в семье своей старшей, уже замужней сестры, Жильберты.

А другим человеком, испытывавшим на себе рвение Блеза-прозелита, был некий руанский капуцин, издавший философский труд под названием «Пути природного суждения» и позволявший себе публично рассуждать о сверхъестественных тайнах религии с помощью одних только доводов естественного разума. Жильберта поведала нам эту историю — разумеется, в самых благостных тонах и с самым нравоучительным концом. Суть же ее в том, что Блез с двумя своими приятелями донес на капуцина церковным властям; а поскольку один представитель этих властей обнаружил широту воззрений и пожелал закрыть глаза на такие философские вольности, трое друзей на том не успокоились, дошли до самого архиепископа Руанского и добились-таки осуждения и наказания еретика.

Но к упражнениям собственного разума Блез в ту пору относился не так строго, как к рассуждениям бедного капуцина, а жизнь свою не готов был изменить так круто, как Жаклина. Напротив. Вернувшись в Париж, он продолжает свои научные занятия, уже не ограничиваясь обменом идеями внутри узкого кружка коллег, отгороженного своими интересами от остального мира, своего рода монастыря ученых. Он понемногу завязывает знакомства в свете, да и сами его опыты настолько значительны, что привлекают внимание все большего числа людей. Одной из натурфилософских проблем, особо занимавших науку в XVII веке, была проблема пустоты. Традиция, опиравшаяся на авторитет Аристотеля, считала неоспоримым, что «природа боится пустоты», и этим «страхом» объяснялись многие физические явления. Новая, поствозрожденческая наука предлагала другую гипотезу — давление воздуха. Этим занимался Галилей, а еще дальше пошел его ученик Торричелли. В сущности, Торричелли своими опытами решил эту проблему, но не дал своим выводам ни однозначной формулировки, ни четкого доказательства. Он был в этом смысле подобен Колумбу, открывшему Америку, но не назвавшему ее по имени. Роль Америго Веспуччи для этой проблемы была уготована Паскалю. Он поставил целую серию сложных и дорогостоящих по тем временам экспериментов и последним из них, проведенным с помощью мужа Жильберты, Флоренца Перье, окончательно опроверг теорию «боязни пустоты» и доказал наличие и воздействие атмосферного давления. Научный эксперимент был задуман для проверки гипотезы и послужил доказательством теории, разбивавшей прежние заблуждения, — вот один из «чистых случаев» новой науки. Это ли не торжество человеческого разума? Но находились люди, оспаривавшие приоритет Паскаля. Среди них были и малоизвестные

дилетанты, и сам Декарт. Паскаль, его родные и друзья защищались, нанося ответные удары яростно и молниеносно. Это ли не ярмарка мирского тщеславия?

А тем временем все больше давали о себе знать давние недуги Блеза. Его мучают сильные боли, оставляя занятиям все меньше времени и сил. Тогдашняя медицина являет собой скорее смесь схоластических разглагольствований с варварскими суевериями, чем подлинное искусство врачевания, и существенного облегчения дать не может. Но несмотря на это — а может быть, как раз подстегиваемый подсознательным предвидением своей кратковечности,— Паскаль работает напряженно, почти лихорадочно. Но привычное течение жизни прерывается двойной потерей — смертью отца и постижением Жаклины.

К отцу Блез без сомнения был привязан глубоко и нежно, ведь тот любил его трепетно, был ему воспитателем, сподвижником и другом; его кончина была тяжелейшим горем. Но письмо Блеза Жильберте, написанное несколько недель спустя, похоже не столько на исповедь потрясенной души, сколько на утешительную проповедь исполняющего свой долг священника. Такова, видимо, уже была к тому времени его роль в семье.

Но благочестием его предстояло новое испытание. Жаклина, уже не связанная запретом отца, пожелала удалиться в Пор-Рояль немедленно. Это означало для Блеза не только расставание с самым ему близким человеком, но и затруднения более низменного порядка: свою часть наследства Жаклина должна была передать монастырю в качестве «приданого» и желала сделать это безотлагательно. А дела Паскалей, как часто случается после смерти главы семейства, оказались не столь хороши; Блезу же требовались средства немалые, прежде всего на его дорогостоящие опыты. И начались препирательства, унижительные для Блеза, мучительные для Жаклины, а Пор-Роялю давшие повод в очередной раз доказать свое благородное бескорыстие, согласившись принять Жаклину без приданого (и заметив при этом не без удовольствия, что в другом монастыре, скажем, у кармелиток, так бы не поступили). В конце концов сдался Блез, он выплатил требуемую сумму.

Тем временем здоровье его, и без того незавидное, было сильно подорвано этими ударами. Врачи в качестве укрепляющего средства прописали перемену образа жизни — меньше ученых занятий и сосредоточенных размышлений, больше развлечений и приятного общества. Возможности для этого в тогдашнем Париже были наилучшие. Несмотря на еще бушующую Фронду, жизнь в салонах не затухает. Здесь можно увидеть весь цвет нации, встретить людей самых разнообразных занятий, сословий и дарований: полководцев и поэтов, придворных острословов и ученых педантов, ветреных красавиц и красно-речивых проповедников. Здесь обсуждаются государственные дела, светские сплетни, театральные премьеры, богословские учения, моды, законы стихосложения. Без такого обмена мыслями, познаниями, житейскими наблюдениями, мадригалами, записками, комплиментами и колкостями не могли бы явиться на свет сочинения, составившие славу французского «великого века» — комедии Мольера, «Максимы» Ларошфуко, письма маркизы де Севинье; да едва ли не все, что было написано в то время во Франции.

Но из салонного общения рождалась не только литература, а и нормы поведения, облик светского воспитанного, «порядочного» человека. Этот человек должен прежде всего избегать крайностей. Он сведущ и искусен во всем, ничему не отдавая предпочтения; он сдержан, уравновешен, любезен, терпим, сознает свои недостатки и не выпячивает своих достоинств. Это идеальное в общежитии существо остается притягательным образцом для французов и по сю пору. Но в середине XVII века тип национального характера не был привычной данностью. Это был предмет споров, работы ума, если угодно, теоретических построений. Жизнь в людском сообществе осознавалась как сложное искусство со своими законами и ловушками; как всякое искусство, оно требовало учебы, труда и особых дарований.

Для Паскаля были во многом внове и такая жизнь, и такое применение умственных сил. Людям точных наук, когда они попадают в царство изящного и сталкиваются со сложными душевными движениями, свойственна некоторая неуклюжесть и прямолинейность. Известен анекдот той поры: один из ученых коллег и близких друзей Паскаля, посмотрев в театре новую трагедию, спрашивал: «А что это доказывает?». Насколько Паскалю удалось преодолеть эти барьеры, мнения расходятся. Но несомненно, что преуспеть и тут он старался, а главное — остро чувствовал разницу между выкладками ума научного, «математического», и мудростью ума «светского», житейского.

Впрочем, тогдашнему свету и новинки науки были любопытны. Паскаль излагает свою теорию пустоты в салоне племянницы Ришелье и посылает экземпляр счетной машины шведской королеве Кристине — сумасбродной авантюристке и ученой меценатке. Письмо, сопровождающее это подношение, — манифест горделивого интеллектуала, готового признать власть царей над миром, но настаивающего на превосходстве своей власти — власти над умами. Правда, в кругу новых знакомых Паскаля его личное превосходство признавалось не во всем и не всеми. Одним из близких его друзей был шевалье де Мере, оставивший сочинения «Об остроумии», «О беседе», — обоснование и кодекс поведения «воспитанного человека». Сам шевалье, что бывает не столь уж часто, вполне мог служить образцом и иллюстрацией своих правил: разносторонний и обаятельный, путешественник, солдат, эрудит, математик, игрок, литератор, любезный кавалер, законодатель хорошего вкуса и изящных манер. Он был искренне уверен, что и в самой математике его дилетантские удачи стоили паскалевских открытий; что же до остального, то тут он полагал себе вправе поучать Паскаля, этого новичка в обществе: «У вас еще осталась привычка, приобретенная в занятиях наукой, — судить обо всем только исходя из ваших доказательств, которые по большей части оказываются ложны. Эти длинные рассуждения, от довода к доводу, мешают вам обрести знание более высокое и никогда не обманывающее. Предупреждаю вас также, что вы тем самым теряете большое преимущество в свете: человек, наделенный живым умом и острым взглядом, по одному виду и выражению лица окружающих угадывает множество вещей, которые могут быть ему полезны; если бы вы, по вашему обыкновению, спросили того, кто умеет пользоваться такими наблюдениями, на каких принципах они основаны, — он, возможно, ответил бы, что понятия об этом не имеет и что они служат доказательствами ему одному».

Но были и люди, признававшие за Паскалем несомненное право духовного руководства, — такие, как герцог де Роаннез и его сестра, отпрыски одного из самых знатных французских семейств. Правда, тут дело было не в математических дарованиях и не в светском обхождении Паскаля.

Из писем Жаклины нам известно кое-что о подспудной работе, которая шла в душе ее брата к концу 1654 года. Теперь они словно поменялись ролями, и та, кого в свое время Блез подвинул на путь ревностного, непоказного благочестия, теперь прилагает все силы к тому, чтобы он сам на этот путь вступил твердо и бесповоротно. А Паскаль отныне не только идет навстречу усилиям Жаклины и ее друзей из Пор-Рояля, но как бы опережает их. Но главным событием в духовной жизни Паскаля было то, которое случилось с ним 23 ноября 1654 года. События такого рода редко бывают засвидетельствованы письменно; но Паскаль, верный своим привычкам естествоиспытателя, и в наблюдениях за собственной душой стремился к точности. Он оставил запись, словно бы протокол того, что чувствовал в тот вечер, когда Бог коснулся его сердца, исторгнув слезы радости, готовность к отречению от мира и сладостной покорности Господней воле, а главное — дав ощутить живую, личностную, прямую связь с Иисусом Христом. Эту запись, называемую «Мемориал» и сделанную сначала, видимо, по свежим следам, на клочке бумаги, а затем переписанную на пергаменте, он всегда носил при себе; ее обнаружили после его смерти, зашитую в подкладку камзола.

Теперь Паскаль стремится порвать все светские знакомства и ищет самого полного уединения вблизи Пор-Рояля, где селились, ведя полумонашеский образ жизни, и другие янсенистские отшельники, прозванные «господами из Пор-Рояля». Но обстоятельства складываются так, что сама пор-рояльская община оказывается в центре мирской борьбы и треволнений.

Споры вокруг янсенизма разгорались с новой силой, все чаще перемещаясь из области отвлеченно-доктринальной в житейскую, от ученой полемики переходя к административным санкциям. Ведь в этих спорах нешуточно затрагивались вполне земные интересы — от того, к янсенистам или к иезуитам будут обращаться влиятельные особы в поисках духовников, в иезуитские коллежи или в «маленькие школы» Пор-Рояля они будут отдавать детей на воспитание, зависело многое — и не в одной Франции. В 1649 году синдик богословского факультета Сорбонны Никола Корне представил на рассмотрение ученых мужей Пять Положений, в которых, как он утверждал, была сформулирована самая суть Янсениева «Августина», и требовал осудить их как еретические. Мнения французского духовенства разделились; после двухлетнего разбирательства часть епископов решила воззвать к верховному авторитету Рима. У обеих сторон в Риме были свои доверенные лица, но в конце концов иезуиты взяли верх: в 1653 году папа Иннокентий X издал буллу, прямо называвшую Пять Положений ересью. Конечно, в принципе папская булла должна приниматься всеми католиками немедленно и безоговорочно. Но во Франции ее, так сказать, ратификация могла сопровождаться долгими проволочками, предложениями поправок и уточнений. Так было и на сей раз. Тем не менее королевским указом булла не только была объявлена обязательной для страны, но

и был составлен «Формуляр», подписать который предлагалось всем лицам духовного звания, даже простым священникам, даже монахиням, в большинстве своем весьма смутно представлявшим себе, о чем идет речь: «...Душою и изустно осуждаю Пять Положений Корнелия Янсения, содержащиеся в его книге «Августин», которые осуждены Папой и Епископами; каковое учение вовсе не есть учение святого Августина, дурно истолкованное Янсением вопреки истинной мысли сего святого Учителя».

До поры, однако, подписание Формуляра откладывалось, а дело янсенистов обретало все новых сторонников. Сам Антуан Арно опубликовал обширное сочинение, главная мысль которого состояла в различении «вопросов факта» и «вопросов права». Если в «вопросах права», то есть догматических, авторитет папы непререкаем, то в «вопросах факта» — например, в том, содержатся ли еретические Пять Положений на самом деле в книге Янсения,— допустимо предположить, что папа мог заблуждаться, основываясь на неточной информации. Дело было снова передано в Сорбонну. Разбирательство, по мнению янсенистов, велось крайне предвзято, и в Сорбонне Арно был обречен проиграть.

Ситуация была критическая, и единственно, что могли сделать янсенисты,— это воззвать напрямую к общественному мнению. Но стиль самого Арно и его ближайших сподвижников, суховатый и тяжеловесный, сложившийся в теологических словопрениях, для подобного предприятия не подходил. «Господа из Пор-Рояля» решили обратиться к своему новому другу. Паскаль, человек, лишь недавно пришедший к ним из мира и в ту пору с миром еще не до конца порвавший, с умом не только глубоким, но и пронзительным, с темпераментом молодости и жаром неопита, а главное, с живым, отточенным в научных спорах, неотразимым пером, годился для такого дела куда лучше. Паскаль соглашается взяться за эту задачу, и в начале 1656 года появляется его первое «Письмо к провинциалу». За ним в течение года последовали еще семнадцать.

«Письма» построены как рассказ человека беспристрастного, бесхитростного и далекого от теологических распрей, но наделенного твердым благочестием, здравым смыслом и острой любознательностью. Желая вникнуть в суть дела, он расспрашивает самих иезуитов об их учении, выслушивает обширные цитаты из иезуитских авторов,— словом, как бы предоставляет им самим говорить за себя. И тем убийственнее оказывается его ирония, что иезуиты сами выставляют напоказ все логические неувязки, все сомнительные новоизобретения своей доктрины, а главное — всю моральную опасность своих попыток поставить религиозную нравственность в зависимость от мирских соображений, истолковывать ее заповеди применительно к сиюминутным нуждам. Ведь стоит разрешить себе однажды мысль об относительности моральных законов, об их приспособляемости к меняющимся временам, о возможности их смягчать сообразно обстоятельствам,— и уже не обозначишь предела допустимого, не удержишься от губительных сделок с совестью. Иезуитская теория «благих намерений», которые, если рассуждать умело и подыскать нужную словесную околичность, можно обнаружить за любым дурным поступком, и служит тому, чтобы облегчить подобные компромиссы, найти такие уловки и оговорки, чтобы можно было оправдать даже ложь, даже разврат,

даже убийство, даже — настаивает логика «Писем» — ледяное равнодушие в вере, при условии лишь послушания духовным руководителям и самого формального и нестрогого соблюдения внешних обрядов.

Эффект «Писем», печатавшихся тайно и сначала анонимно, затем под псевдонимом, превзошел все ожидания. Паскаль нашел свой стиль, сжатый и блистательный, с которого, по сути, начинается современная французская проза. Он нашел нужный тон, идеальное сочетание пафоса и иронии, глубины мысли и остроумия. Он создал жанр, который подхватят Монтескье и Вольтер, которому будет суждено самое завидное будущее. Экземпляры «Писем» рассылались по всей стране и за границу, их читали друзья и враги, ученые мужи и светские дамы, Мазарини (который им посмеялся) и канцлер Сежье (которого от них чуть не хватил удар). Тираж этого сочинения превысил десять тысяч: цифра неслыханная по тем временам.

Как ни пытались иезуиты защищаться, в мнении света они были погублены. Не много нашлось мест, где «Письмам» не рукоплескали бы единодушно; одним из таких мест был сам Пор-Рояль. Те, кто принадлежала к старшему поколению «учеников святого Августина» — Анжелика Арно, отец Сенглен, духовный руководитель аббатства, — относились к «Письмам» скорее сдержанно. Их настораживал не только тон сочинения, непринужденный и откровенно светский, но и сам замысел бороться против зла мирскими средствами, неизбежно таящий опасность впасть в земные грехи. Они предпочли бы оставить этот путь иезуитам и претерпевать безропотно и молчаливо ниспосланные свыше испытания.

А испытания не заставили себя ждать. Увеличивая число сочувствующих, успех «Писем» тем более раздражал власть имущих. Если Мазарини был склонен придерживаться нейтралитета в этой «церковной Фронде», то Анна Австрийская, остававшаяся испанкой и на французском троне, дела иезуитов принимала близко к сердцу и смеяться шуткам по этому поводу, даже самым остроумным, была не готова. Да и все те, кто стоял за безусловное подчинение папскому вердикту, кипели негодованием. Антуана Арно исключили из числа докторов Сорбонны, а вслед за этим ему грозила Бастилия; пришлось скрываться. Отшельникам, селившимся вокруг Пор-Рояля, было приказано покинуть свои кельи. Воспитанники «маленьких школ» были разосланы по домам.

Помощь пришла не из суетной мирской борьбы, а как бы прямо с небес — и опять-таки через семейство Паскалей. Среди пансионеров Пор-Рояля была Маргарита Перье, племянница и крестница Паскаля. Девочка уже несколько лет страдала от слезной фистулы в углу левого глаза. Фистула гноилась, представляла большую опасность и причиняла девочке ужасные муки. Лекари ничего поделать не могли. И вот в марте 1656 года в Пор-Рояль принесли святую реликвию — терние из венца, который был надет на Христа перед распятием. По совету наставницы Маргарита прикоснулась больным глазом к святому тернию — и мгновенно исцелилась. Чудо было засвидетельствовано не только монахинями и родными девочки, но и вызванными для того в Пор-Рояль врачами. Собственно, чудо и не вызывало у современников особых сомнений, только истолковывалось по-разному: друзьями янсенистов — как свидетельство правоты

гонимых, врагами — как обращенное к Пор-Роялю свыше увещание смириться. Благоприятное впечатление все же было гораздо сильнее. Отшельникам разрешили вернуться в любезный их сердцу приют; в «маленьких школах» возобновились занятия. Жизнь в Пор-Рояле потекла своим порядком — до очередных потрясений.

А для Паскаля чудо, случившееся именно в его семье, было убедительнейшим подтверждением избранничества, особого отношения небес к нему самому и его близким. Он не вовсе бросает математику, даже объявляет конкурс на решение одной из самых сложных задач, связанных с циклоидой, и сам его выигрывает — что, впрочем, и было его целью и что нетрудно было предугадать. И куда более практические, сугубо мирские дела привлекают его внимание: он причастен к открытию в Париже первой линии общественного транспорта — движению платных карет по определенному маршруту. Но жестокая болезнь не оставляет ему физических сил заниматься несколькими делами одновременно. А душевные его силы все больше сосредоточиваются на одном деле, которое он отныне и до самой своей смерти в 1662 году считает для себя главным: на создании апологии христианской религии, о плане которой он рассказывает «господам из Пор-Рояля» осенью 1658 года.

* * *

В «Мемориале» Паскаль сразу же уточняет, о каком понимании религии идет речь: «Бог Авраама, Бог Исаака, Бог Иакова, а не Бог философов и ученых». Это значит: мой Бог, обращающийся прямо, лично ко мне, требующий моей горячей, безусловной любви и веры и открывающийся мне во внезапном озарении сердца. А не бесконечно от меня далекий Творец и Устроитель вселенной, чьи дивные дела умопостигаемы и вызывают почтительное восхищение. Этот «Бог философов и ученых» (за ними для Паскаля стоит Декарт прежде всего) оказывается не столь уж далек от Бога ортодоксальной католической теологии, для которой первое лицо Троицы — Бог Отец, Создатель всех людей и всего мироздания. В природе и обществе все связано в стройную иерархическую систему; но перед Богом все равны. А по Декарту, и все в равной мере наделены даром здравого смысла, способностью рассуждения. Законы разума универсальны и общедоступны, их самое точное выражение — математические истины — не зависит ни от внешних обстоятельств, ни от характера и настроения человека, эту истину высказывающего или воспринимающего. Квадрат гипотенузы равен сумме квадратов катетов для всех. Сама мысль для Декарта есть основной, определяющий признак и атрибут человека, и в человеческом сознании следует искать доказательство существования Бога: оно вытекает из того, что у нас есть понятие о некоем высшем, не встречающемся в природе совершенстве; такого понятия не могло бы быть, если бы не было его предмета и источника — самого Бога. Метод Декарта, требовавший последовательного сомнения в любом постулате естественного знания, на истины религии этого требования не распространял, относя их к области веры. Такой истиной веры является, к примеру, бессмертие души, и безоговорочное ее приятие должно бы давать окончательный ответ

на недоумения человека — единственного существа, наделенного сознанием своей смертности. Однако для самого Декарта дело обстояло несколько иначе: «Хотя религия многое нам объясняет об этом предмете, я все же признаюсь в своей слабости, которую, как мне представляется, разделяет со мной большинство людей; я имею в виду то, что хотя мы желаем верить и даже думаем, что весьма твердо верим во все, чему нас учит религия, нам, однако, не свойственно проникаться теми вещами, которым нас учит только вера и которых разум не может постичь, в той же мере, как и теми, в которых нас одновременно с этим убеждают доказательства естественные и весьма очевидные».

То, что для Декарта было досадным камнем преткновения в его стройной системе, для Паскаля стало отправной точкой. Я обречен умереть! Что толку в красоте космоса и разумности миропорядка, если мне, мне вынесен смертный приговор — и я даже не знаю, за что? Вот тот вопрос, без ответа на который все прочие рассуждения отныне не имеют смысла для Паскаля. Он и тут остается ученым, но гармонию мироздания собирается поверять не алгеброй общих формул, как Декарт, а арифметикой личностной правды. Если даже в естественных науках он не удовлетворялся универсальными абстракциями, то тем более нужна ему конкретная, лично переживаемая истина там, где речь идет об уделе человеческого. Но удел этот останется загадкой, если не попытаться понять, кто я такой. Паскалю лучше, чем кому бы то ни было, известно было главное противоречие человеческой природы. Наш ум могуч, он способен объять вселенную и заглянуть в глубины собственного сердца; а тело наше немощно, и достаточно дуновения сырого ветерка, песчинки в мочевом пузыре, чтобы оборвать человеческую жизнь, а с ней и горделивый полет ума. Но это лишь первый, очевидный уровень противоречия. Дело не сводится к простому делению на разум и плоть. Так, собственно, поступал Декарт, различая две субстанции — материю, которой свойственна протяженность, и дух, которому свойственно мышление. Но если для Декарта важна абсолютность такого противопоставления, то Паскаля занимает скорее относительное положение — и человеческого тела в протяженности и человеческого разума в постижении истины. В огромности вселенной человек — такая крошечная точка, что он испытывает скорее страх перед бесконечностью этих немотствующих пространств, чем восторг от красоты их упорядоченного устройства. Оставшись один на один с мирозданием, человек ощущает свою затерянность в нем и его непроницаемое равнодушие, если не враждебность. Такое чувство одиночества перед загадочным молчанием мира, такая готовность принять только ту истину, которая пережита и выстрадана самим, вот этим именно человеком и на его именно отчаянные вопросы отвечает, а не существует от века, «распределена поровну между всеми», всем доступна и для всех одина, заставляют вспомнить об умонастроениях экзистенциалистского толка в XX веке. И натяжка тут скорее терминологическая; по существу же как структуралистские и вообще сциентистские течения современной мысли генеалогически связаны с Декартом, так экзистенциалисты имеют родственные узы с Паскалем — и сознают и признают их.

Но бесконечность простирается и в другую сторону, в сторону величин несравнен-

но меньших самого человека и даже возможностей его чувственного восприятия — былинки, насекомых, мельчайших частиц, их составляющих. Следовательно, человек как плотское существо расположен где-то посередине между двумя безднами материальной, протяженной вселенной — между бесконечно большим и бесконечно малым.

И для Паскаля во внутренней иерархии человеческой природы разум стоит несомненно выше плоти. И для Паскаля разум есть благороднейшее свойство человека. Более того, в сознании и самосознании и заключено достоинство «мыслящей тростинки», превосходящей всю грозную мощь вселенной знанием собственной слабости. Но каковы пределы возможностей самого разума? Декарт обводил запретной чертой лишь область верооткровенной истины, весь природный мир полагая доступным разумному постижению — при условии, что разум будет действовать «правильно», то есть подвергая сомнению любую идею, какой бы авторитет за ней ни стоял, и опираясь исключительно на собственные силы. Иными словами, для Декарта разум ограничивается обстоятельствами внешними — религией, перед которой следует благоговейно склоняться, предрассудками, которые следует бестрепетно преодолевать. Декарт утверждает свой «метод» еще в борьбе за права самостоятельного человеческого суждения.

Паскаль же исходит из предположения, что права эти получены. Более того, он готов снять и те ограничения, которые поставил здравому смыслу Декарт. Ведь паскалевская апология религии основана на идее, что закоренелого атеиста можно именно переубедить, то есть побороть одни логические доводы другими, более доказательными. Так что не внешние границы действий природного человеческого разума занимают Паскаля, а внутренние пределы его возможностей, независимо от области их применения.

И тут выясняется, что и разум, высшая, благороднейшая способность человека, не совершенен и не всесилен, не властен ни над тайнами мироздания, ни над загадкой человеческого удела, ни над слабостями и страстями плоти. Как чувственному восприятию человека недоступны слишком сильный жар или слишком ледяной холод, так разум не готов воспринимать понятия бесконечно великого и бесконечно малого. На его суждение влияют тысячи вещей — и посторонние, вплоть до скрипения флюгера или жужжащей мухи, и, главное, внутренние свойства человеческой души, такие, как воображение или самолюбие. Почтение к судьям или докторам нам внушают отнюдь не их справедливые приговоры или целительные предписания, а их мантии, шапочки и ритуальные жесты. Самая пламенная проповедь не произведет на самого благочестивого из нас должного впечатления, если у проповедника окажется смешной выговор или пятно на сутане. Важнейшие для судеб мира решения могут приниматься не ради государственной пользы, а по любовному капризу или при вспышке раздражения. Это Декарт полагал, что «наша воля готова к чему-то склоняться и что-то делать только сообразно тому, представит ли ей разум эту вещь доброй или дурной; и потому достаточно правильно рассуждать, чтобы поступать правильно, и рассуждать как можно лучше, чтобы поступать как можно лучше». Паскаль же видит, что и правил поведения человеческая мудрость не способна разработать самостоятельно, и заставить

человека повиноваться этим правилам она не в состоянии. Поколения и поколения философов искали ответа на важнейшие вопросы — в чем долг и счастье человека, в чем смысл его существования, и в итоге могут предложить людям лишь полную разногласию мнений, против каждого из которых находятся вполне очевидные возражения. И по большей части отнюдь не разум руководит нашими поступками, а неуправляемые, зачастую и несознаваемые движения и страсти души, прежде всего — любовь к самому себе в разнообразных ее формах: эгоизм, тщеславие, властолюбие. Человек совершает воинские подвиги, пишет мудрейшие книги, решает сложнейшие математические задачи, готов на саму смерть идти для того, чтобы возвыситься в мнении окружающих. Желательна, конечно, мировая слава, но можно удовлетвориться и кучкой ближайших знакомых.

Коль скоро так слаб и неразумен один человек, едва ли следует многого ожидать от человеческого сообщества. Предел возможного здесь — избегать междоусобицы, гражданских войн, которые есть худшее из зол. Надеяться на то, что общество может управляться по справедливости, не приходится, потому хотя бы, что само понятие справедливости, как и все прочие понятия, не может быть определено человеческим разумом абсолютно: что справедливо по одну сторону пограничной реки, то несправедливо по другую. Поэтому в устройстве человеческого общества нужно полагаться не на разумную волю каждого члена, а на силу и обычай. Проблема власти по наследству — казалось бы, самый нелепый принцип: разве старший сын королевы непременно окажется самым достойным и мудрым человеком в стране, чтобы править ею? Разумеется, нет. Но кто же он, этот достойнейший и мудрейший? При непомерном человеческом самолюбии каждый будет считать таковым себя, и результатом может быть только смута. Отрицается, в сущности, сама возможность общественного развития, во всяком случае, осознанного выбора его путей. Ведь любое движение непременно своим условием имеет столкновение интересов и честолюбий, спор разных правд, в котором каждый полагает себя судьей и никто не владеет истиной. Из религиозного взгляда на человека как на существо по природе несовершенное, чьи попытки по собственному разумению и собственной совести совершенствовать устройство видимого мира заведомо обречены на неудачу, рождается политический консерватизм. Но надо заметить, что помыслы о переделывании мира вообще мало привлекают современных Паскалю философов — и не только его соотечественников. Конечно, к таким практическим деятелям, как Кромвель, и тем силам, что за ним стоят, это не относится. Но англичанин Гоббс, с приближением гражданской войны бежавший в Париж, в 1651 году публикует своего «Левиафана», в котором государство, основанное на силе, видится средством защитить людей от их природной самоубийственной драчливости, средством избежать «войны всех против всех» — мысль, весьма родственная паскалевской. (У Гоббса с Паскалем были общие друзья в Париже, кое-что из сочинений англичанина было переведено на французский, и скорее всего Паскаль их читал.) Во Франции же середина XVII столетия — время и вовсе глухое для политических мечтаний и социальных проектов. Средневековые уравнилельные ереси остались далеко позади, до

Фенелона и маршала Вобана, первых ласточек века Просвещения, еще несколько десятилетий. И рассуждения о равенстве и даже превосходстве таланта и ума над силой и знатностью, рассуждения, которым Паскаль предавался и за полтора года до смерти, в беседах с будущим пэром Франции, — эти рассуждения были лишены, так сказать, своих социологических выводов. Превосходство духа над материей по Паскалю и не должно иметь материального выражения в виде более высокого общественного положения носителя духа — интеллигента. Что же касается неравенства имущественного, то бедность почитается добродетелью, которую следует разделять, а не злом, с которым следует бороться.

За разными оценками людского разума просвечивают ценностные системы, противостояние которых, начавшись еще в античности, длилось вплоть до XVII века. Одна — стоическая, с ее суровым пониманием человеческого долга, презрением к превратностям судьбы и горделивой верой в то, что человеку по силам сделать себя таким, каким ему представляется достойным быть. Другая — скептическая, с ее тотальным недоверием к способностям рассудка и воли, вплоть до готовности уподобить человека животным. Паскаль воздал должное обеим: он признавался, что излюбленным его чтением были книги стоика Эпиктета и скептика Монтеня. Но в этом извечном споре между идеализмом и натурализмом Паскаль и не принимает ни одной из сторон, и не пытается найти какого-то эклектического способа их примирить. Он объявляет, что правы и те, и другие. Незачем спорить, велик человек или ничтожен: человек велик и ничтожен одновременно. В этом парадоксе и спрятана мучительная тайна человеческой природы. Но разгадку можно найти не в многомудрых трудах философов, а в верооткровенной истине христианской религии, и только ее одной.

Бог создал человека невинным, безгрешным и совершенным. Но тем, что Адам по своей свободной воле впал в непослушание и грех, первозданное его состояние прекратилось, и с тех пор он пребывает в состоянии природы испорченной, падшей. От первозданной невинности у него остались смутные воспоминания о бывшей чистоте и блаженстве. Но в нынешнем своем порочном состоянии человек собственными силами вернуть себе это благо не может, как не может он сам постичь, что есть истина и справедливость. Вместе с грехом в мир вошла неотвратимая смерть. И на этот «скандал бытия» у человеческой мудрости тоже нет ответа.

Но ответ должен существовать, ибо без него сама жизнь человеческая была бы невозможна. Ответ этот — бессмертие души, вероятность вечного блаженства за гробом. И дать его может только Тот, Кто соединил в Себе две природы — божественную и человеческую: воплощенное Слово, Иисус Христос. «Мироздание прекрасно и разумно, поэтому Бог есть», — говорят ортодоксальные католические богословы и возносят благодарственные хвалы Создателю, Богу Отцу. «Удел человеческий ужасен и бессмыслен, поэтому Бог должен быть», — говорит Паскаль и взывает из бездны к Спасителю, Иисусу Христу. Истина в Боге, но Бог, по слову пророка, сокровенен. И без посредника — Христа — постижение истины и Бога невозможно. Но путь к истине открыт не каждому. В отличие от декартовского здравого смысла.

способность воспринять божественное откровение дана лишь избранным — тем, кто был предназначен к спасению, за кого Христос умер на кресте. Ведь по справедливости Божией после первородного греха все люди заслуживают осуждения и проклятия; но по неизреченному Божьему милосердию небольшому числу из них даруется спасение и посылается «действенная благодать», позволяющая с пути спасения не уклоняться. Этим избранныкам дается способность прозревать подлинный, скрытый от непосвященных смысл — смысл удела человеческого, смысл Священного Писания; им открываются тайны пророчеств, судьбы народов и самая загадочная из них — судьба народа еврейского. Паскалевское «символическое» толкование Библии, при котором все, что не говорит в ней о христианской любви, предлагается считать «иносказанием», свидетельствующим о том же, только не прямо, окольно, тайно для слепых, но явно для просвещенных светом божественной Премудрости,— такое толкование едва ли можно считать предвестием критического, историко-филологического подхода к Священному Писанию. Первые шаги в таком подходе, естественно развивавшемся у протестантов, во Франции были сделаны спустя полтора десятка лет после Паскаля, ораторианцем Ришаром Симоном,— и встретили самый решительный отпор. Паскаль же скорее продолжал традиции отцов Церкви, в своей экзегезе исходивших не из знаний, Библии внеположных и проистекающих из другого источника, а из убеждения, что ответы на задаваемые священным текстом вопросы содержатся в нем самом.

Никто из нас не может знать наверняка, принадлежит ли он к немногим блаженным, и не может считать никого другого, пока тому остается дышать хоть несколько минут, лишенным этого блаженства; мы все должны жить в вечной надежде на спасение и в вечном страхе не попасть в число удостоенных его. Но непременным его условием и знаком должно быть переживание своей личной связи с Христом, сознание, что вот эти капли крови Он пролил именно за тебя, что агония его длится по сей день и все это время ты должен бодрствовать с Ним, как просил Он Своих учеников, что нет никого и ничего, кроме Него, достойного твоей любви и твоих помыслов.

После той ноябрьской ночи, когда был написан «Мемориал», такое переживание не оставляло Паскаля. Что означало это для житейского поведения, для свода повседневных этических правил? Прежде всего — твердую убежденность: ничто из мира нашу душу занимать не должно. Все, что делает человек на этой земле из земных побуждений, объясняется стремлением бежать от мыслей об ужасе и непостижимой бессмысленности его удела. Не только всякие забавы — охота, игра, светская беседа и самое греховное из удовольствий, театр,— но и ученые штудии, война, суд, государственные дела — все это лишь развлечение, то есть тщетные попытки заполнить устрашающую пустоту, в которой человек остается наедине с сознанием своей судьбы. Попытки эти пагубны для человека, ибо подменяют собой и вытесняют из человеческой души то единственное и важное, что нужно для ее спасения,— поиски Бога для тех, кто Его не знает, и любовь к Нему для тех, кто Его нашел.

Так вместо Декартова двоичного деления сущего на материю и дух утверждается понятие о трех «порядках» — плоти, разума и любви. Разум из высшей субстанции, чье

владычество и превосходство не распространяется лишь на область веры, во всем же остальном не ограничено, превращается в срединное звено, возвышающееся над низменной плотью, но склоняющееся перед божественной любовью; более того, это добровольное самоуменьшение и есть основание его величия. И коль скоро высшая из человеческих способностей лишается царственного венца, что же можно сказать об отношении к человеческому существу вообще? Только одно: «Мое «я» — ненависти достойно». И тем более достойно ненависти всякое стремление самоутвердиться, проявить себя, доказать свое превосходство — и даже свою правоту. Любой вид деятельности в таком случае может быть поставлен под сомнение. И, в сущности, вне закона оказываются те занятия, которые немислимы без экспансии личности, выставления ее напоказ, охраны ее приоритетов: наука, поэзия, театр, то есть поприще тех, кого мы теперь называем интеллигентами.

А между тем янсенизм был религией интеллигентов — адвокатов, богословов, писателей, образованных людей разного общественного положения. Кальвинисты из сходных теологических установок извлекали совсем иную социальную мораль: бытовой аскетизм сочетался у них с глубоким уважением к труду, деятельной предприимчивости, и знаком небесного избранничества было преуспевание в земных делах. Основное число французских гугенотов не зря составляли самые искусные и добросовестные ремесленники, банкиры, одним словом, деловые люди, при самом истовом благочестии крепко стоящие на ногах в этой жизни — и не видящие в том никакого противоречия. Для учеников же святого Августина не только мирские радости, но и мирской успех был соблазном и свидетельством гибели. Отшельники Пор-Рояля были не просто кающимися грешниками, но кающимися интеллигентами по преимуществу. «Всё, что в мире: похоть плоти, похоть очей и гордость житейская», — сказано у Иоанна Богослова. А Янсений перелагал эти слова по-своему: «Похоть чувствования, похоть познания и похоть властвования». Вот эта похоть познания, зуд любопытствующей и деятельной мысли, и связанная с умственным превосходством власть над душами (составляющая и для Паскаля гордость житейскую), то есть самая суть интеллектуальных занятий, — она и есть главный враг янсениствующих интеллигентов. Бороться с ним было совсем не просто. Племянник Арно Антуан Леметр, один из первых отшельников Пор-Рояля, бросил блестящую адвокатскую карьеру и спасался в своей келье молитвой, постом, власницей и тяжким физическим трудом; но перед искушением переиздать сборник своих речей устоять не мог. «Господа из Пор-Рояля» оставили после себя объемистые тома своих сочинений (и отнюдь не только богословских; тот же Антуан Леметр даже переводил комедии Теренция) и от возможности продемонстрировать свои дарования и ученость отказывались редко — утешая себя тем, что эти познания и таланты служили борьбе с суетностью человеческой.

Французские школьники до сих пор пишут сочинения о сравнительных достоинствах Корнеля и Расина и разнице между ними. Это важная составляющая национального культурного мифа, а в немалой степени и мифа европейского. Ученики иезуитов Декарт и Корнель, с одной стороны, воспитанники янсенистов Паскаль и Расин, с другой,

представляют разные решения столь важной для европейской культуры проблемы самосознания христианского интеллигента. Во времена, нам более близкие, подобные борения в душах художников зачастую не кажутся столь прямо связанными с различными христианскими учениями. Во Франции XVII века эта связь была очевидна.

«Великодушный», по его собственному определению, герой Декартовой «предварительной» морали (окончательную моральную систему он выстроить не успел — или не смог), чей разум способен верно судить о долге, а воля — его исполнить, герои корнелевского театра, презирующие превратности судьбы и властвующие над собственной слабостью, помнят заветы стоической этики и впитали учение о свободе воли и «достаточной благодати». Не зря противники обвиняли Декарта в пелагианстве. Борьба с враждебностью внешних обстоятельств для Декарта бессмысленна, а для Корнеля исход ее не столь уж важен; но победа над собой вменяется в обязанность и полагается осуществимой. Подняться над человеческой природой, стать выше самого себя и тем обрести право на уважение к собственному «я» — вот истинное предназначение человека, и персонажам корнелевской трагедии (и благородным, и злодеям) дано его исполнить. Им нечего скрывать от других и не в чем подозревать самих себя, их душевная жизнь не слишком сложна, в ней незачем искать тайных извращенных побуждений, множеством пластов открывающихся устремленному в глубину себя взору. Они словно усвоили наставления отца Олье: «Ваша душа, которая есть образ Божий, сотворена для того, чтобы исполнять назначение Самого Бога и подражать Ему в Его действиях. А Бог не любит глядеть на грех. Оттого Он покрывает его, как сказано в писании, то есть Он его разрушает и уничтожает, чтобы не видеть его больше в нас... Мы рождены, чтобы взирать на величие Божие, наша душа создана для того, чтобы созерцать вечную красоту, а не разглядывать чудовищ».

В шестидесятые годы янсенисты повели настоящую войну против театра, называя театральные поэтов «отравителями душ». Их главной мишенью был Корнель — именно за то, что он «покрывал грех», облакал человеческие страсти в красоту стиха и благопристойность зрелища, представлял движения человеческой души — любовь, отвагу, чувство чести, верность долгу, стойкость в испытаниях — благородством и добродетелью, а не низостью и пороком, и тем распаял в человеке все три вида похоти. Иезуиты же были к театру куда терпимее и даже в своих коллежах разрешали ученические спектакли не только на библейские, но и на светские сюжеты. Они соглашались, разумеется, что мученический венец более угоден Господу, чем лавры полководца, и что преклонять колена перед распятием — занятие более благочестивое, чем наслаждаться игрой актеров. Но пропасти между ступенями праведности нет, никому из людей не отказано в благодати переходить с одной на другую. В сочинении одного из иезуитских авторов, непримиримого врага янсенистов, описывались четыре степени радостей духа. Высшая — единение с Богом через смирение; в промежутке — приобщение к богословским добродетелям, то есть вере, надежде и любви; но начальная состоит в «посещении чертогов Поэзии», где и Трагедии отведены «роскошные покои». Любой талант — дар Божий. То, что делал Корнель-драматург, способствует возвышению, а не падению

нравов. Для его же собственной души если и есть какой вред, то не в разжигании дурных страстей, а в гордыне, рождаемой рукоплесканиями. Но этот грех можно искупить трудами, требующими большего смирения. И Корнель легко чередует живое изображение честолюбия, ревности и мести в трагедиях со стихотворным переводом «Подражания Христу», обширного мистико-нравоучительного латинского сочинения, приписываемого немецкому монаху XV века Фоме Кемпийскому. (Впрочем, с точки зрения янсенистского богословия и само «Подражание» недостаточно ортодоксально).

А после такого святого труда Корнель снова возвращается к театру. Не то чтобы сомнения в совместимости этого занятия с заповедями христианства вовсе не закрадывались в его сердце. Как пишет его племянник, «он часто испытывал потребность в том, чтобы казуисты его успокоили и ободрили относительно его пьес для театра; и они всегда оказывали ему такую милость ради той чистоты, каковую он утвердил на сцене, тех благородных чувств, которые царят в его сочинениях, и той добродетели, коей он наделил и саму любовную страсть». Коль скоро иезуиты не презирали почитаемых в свете достоинств, не отвергали природных побуждений как путей к духовному совершенству, не судили строго и слабости более постыдные, чем склонность к развлечению, они готовы были признать возможность благотворного морального воздействия театра. Они гордились своим учеником Корнелем, как каждым заметным и влиятельным в своем деле человеком. А Корнель не упускал случая публично выразить признательность своим учителям, зарифмовывал в своих трагедиях и поэмах теологические максимы иезуитов, а у себя в Руане был самым ревностным прихожанином, жертвовал немалые деньги на нужды храма и состоял членом благотворительного общества. Совесть его была спокойна, даже позволяла сознавать свою славу и наслаждаться ею; если Корнель в течение жизни не раз отрывался от театра, порой на несколько лет, то причины этому были профессиональные, житейские и психологические — но не религиозные. Как христианин он был в мире с самим собой.

Не только воспитанники Общества Иисуса, но и сами отцы-иезуиты охотно занимались науками (вплоть до наших дней: вспомним Тейара де Шардена), не говоря уж о вмешательстве в дела политические. Сам их статус ордена межгосударственного делал их опорой ультрамонтанской, то есть ратовавшей за безусловное верховенство папы, партии, — в противоположность партии галликанской, отстаивавшей возможно большую самостоятельность французских духовных властей, готовых повиноваться скорее указам короля из Парижа, чем папским буллам из Рима. Сама неутомимая миссионерская активность иезуитов не только завоевывала все новые души для Господа в дальних странах, но и для христиан из Европы раздвигала границы дивного мира Божьего — и в духовном, познавательном смысле, и в самом практическом, земном. Из дальних стран, с других континентов иезуиты привозили чай, хину, пробку, существенно меняя сам образ жизни и быт людей. Готовность приспособлять заповеди традиционного христианства к потребностям времени распространялась у иезуитов на мораль не только житейскую, но и деловую. К примеру, ростовщичество неизменно осуждалось Церковью как тяжкий грех. Но хозяйственное

развитие новой Европы было бы невозможно без банков — и казуисты-иезуиты придумывают хитроумнейшие оправдания сомнительному банкирскому ремеслу. Сделав все оговорки относительно осторожности, с которой следует прибегать к подобным сопоставлениям, рискнем все же сказать, что иезуиты во Франции XVII века представляли идеологию прагматическую, рационалистическую, интернациональную, прогрессистскую — некий аналог того, что мы сейчас понимаем под словом «западничество». Разумеется, доводить эту аналогию до конца и видеть в самом ордене иезуитов неких провозвестников политического либерализма и демократии было бы просто нелепо. Но несомненно, что их воззрения были неплохой почвой для того, чтобы семена таких идей могли взойти. Не забудем, что учеником иезуитов был не только Корнель, но и Вольтер.

В янсенистских школах, в отличие от иезуитских коллежей, не было наград и наказаний — чтобы не развивать духа соперничества. Правда, как замечал и сам Паскаль, дети, не подгоняемые стрекалом тщеславия, становились нерадивы. Но тем из них, у кого янсенистское воспитание не отбивало природного честолюбия, а только отравляло тайными угрызениями любой мирской успех, предстояла нелегкая судьба. Таков был случай Жана Расина. Этого круглого сироту Пор-Рояль воспитал из милости; он был обязан отшельникам всем, и они по праву ждали от «малыша Расина» особой верности и благочестивого пыла. А он последовал зову своего природного таланта и предался занятию самому богомерзкому — театру. Увещаний от своих недавних наставников и благодетелей он не слушал, их нападки на «драматических поэтов» воспринял как направленные лично против него — и отвечал за всех, подкрепив эти уничтожающие письма-ответы всей ядовитой зоркостью человека, хорошо знающего самые уязвимые места противника. К успеху и славе он рвался без оглядки; в его молодости были и предательство уже новых покровителей, и мстительное интриганство, и темная история с отравлением его любовницы-актрисы. Жизнь его словно бросала вызов всему, чему его учили добродетельные «господа из Пор-Рояля».

Или иначе: подтверждала их ужас перед губительными силами необузданной, вырвавшейся на волю человеческой природы. И расиновские трагедии как раз и заняты «разглядыванием чудовищ», селящихся в нашей душе. Их героям нелегко пробиваться к пониманию истинных своих побуждений — так они запутанны, извращены страстями, и когда шаг за шагом спускаешься в глубины их сердец, картины предстают все страшнее и отвратительнее, совсем не такие, как на видимой поверхности. Слова «подсознание» Расин не употребляет, но понятие это ему известно не хуже, чем современным психоаналитикам. Как, впрочем, оно было известно учителям янсенистов — святому Августину и самому апостолу Павлу. Не зря уже на склоне лет Расин писал стихотворные вариации на слова из Послания Павла к Римлянам: «Ибо не понимаю, что делаю; потому что не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю». Но в отличие от пациента на кушетке у психоаналитика, персонажам на подмостках расиновского театра и знание своей болезни исцеления не приносит. Даже если их разуму дается постичь всю бездну греха, то воля их не повинуется велениям рассудка,

а остается в рабстве у страстей. Поистине они «праведники без благодати», узники природы, лишенные сверхъестественной помощи, которой одной по силам эти узы разорвать.

Чем неукротимее пагубный пожар, бушующий в душах расиновских героев, тем вывереннее до совершенства и сдержаннее до аскетизма сам строй и стих его трагедий. Минимум персонажей, минимум перипетий, минимум поэтических украшений, минимум самих слов: у Расина наименьший из всех французских классиков, почти невозможный по объему словарь — около двух тысяч слов. Тут все противоположно броской риторике, сложным поворотам сюжета, небрежной шероховатости корнелевских пьес, из-за которой Корнель зачастую выглядит варваром по сравнению с безупречно строгим вкусом его младшего соперника. И тут многое сродни психологическим, «голым» полотнам близкого к Пор-Роялю художника Филиппа де Шампеня, самому убранству алтаря в Пор-Рояльской церкви, на котором никогда не лежали цветы.

Но предел такой работе центростремительных сил в искусстве — абсолютная немота, полное исчезновение. Ведь внешнее самовыражение есть не только необходимое условие, но и смысл, *raison d'être* самого его бытия. Искусство не может вовсе не принадлежать видимому, тварному миру. У того, в чьей душе посеяны семена ненависти к творению, творчество прекращается, когда они прорастают. Так и случилось с Расином. На вершине мастерства, создав прославленный свой шедевр, «Федру», он бросил театр и отрекся от него. Порывался даже принести монашеские обеты, но успокоился на том, что покаянно кинулся к ногам своих бывших наставников, моля о прощении, получил его и впредь оставался им верным другом и историком-апологетом; женился на женщине, не читавшей ни строчки, им написанной, сыну запрещал ходить в театр, а сам если и брался за перо, то только для сочинений самых благочестивых (или верноподданных), и похоронить себя завещал подле своих учителей, на Пор-Рояльском кладбище. Либо — либо; либо монастырь, либо театр; либо вера, либо искусство; либо Христос, либо мир. Для учеников святого Августина иначе вопрос стоять не может.

Но честолюбие Расина, несомненное и немалое, сводилось к желанию быть первым в своем ремесле — желанию, скроенному все-таки по человеческой мерке. И отречение его допускало все-таки, хоть на какое-то время, возможность жить в свете и даже при дворе, завести домашний очаг и дорожить им. У Паскаля же масштаб притязаний был совсем иным. Он не мог удовлетвориться ни профессиональным первенством, ни простым отказом от дела, в котором преуспел и прославился. Для самоутверждения ему нужно было ни больше ни меньше, как самому, в одиночку, убедить всех маловеров в единственной истине, а все человечество — в неоспоримом превосходстве христианской религии. Для покаяния ему нужно было ни больше ни меньше, как презреть мир и человеческую природу до ненависти к самому себе. Тут уж не честолюбие, а гордыня. Жажду владычества в царстве разума, во «втором порядке», он пытался смирить рвением отличиться в царстве любви, в «третьем порядке» — то есть тоже гордыней, гордыней святости. И что с того, что сам он понимал такую опасность и даже

предупреждал о ней, напоминая о срединном положении человека, о том, что кто хочет сделаться ангелом, делается животным? Ведь это были всего лишь утверждения природного разума, не властного, по Паскалю, определить духовную судьбу человека.

Нельзя сказать, что попытки компромисса были вовсе и всегда ему чужды. Весной 1661 года ассамблея французского духовенства приняла наконец решение провести обязательное подписание антиянсенистского Формуляра. Арно, Паскаль, сочувствовавшие янсенистам епископы-галликанцы и богословы лихорадочно искали выхода. В июне 1661 года парижские священники публикуют особый документ — как бы смягчающее дополнение и разъяснение к Формуляру. Смысл его по-прежнему основан на разведении понятий «факта» и «права», то есть на том, что Пять Положений предосудительны по существу, но в «Августине» Янсения не содержатся. Эту бумагу, составленную по советам Паскаля, поспешили подписать многие — она давала возможность искомого компромисса между убежденностью в теологической правоте учеников святого Августина и необходимостью повиновения папе и властям, духовным и государственным. Тем более что такое повиновение диктовалось и практическими соображениями: за отказ подписать Формуляр священнослужители лишались своих должностей и бенефициев, а обитатели Пор-Рояля рисковали самим существованием монастыря.

Компромисс, однако, оказался хрупким. Ни папа, ни король парижского документа не признали; авторам его пришлось от него отказаться. Формуляр надлежало подписывать без всяких уклонений и оговорок: да или нет. Одновременно было велено подписать его и монахиням Пор-Рояля. Среди них было немало таких, кто и не мог разобраться ни в теологической сути дела, ни в тактических уловках борьбы. Для них трудности выбора сводились к страху согрешить невольно, судя о том, что выше их разумения. Для таких же, как Жаклина Паскаль, все обстояло гораздо мучительней. Они были неколебимо убеждены в правоте Янсения. Подписать Формуляр для них означало предать истину. Жаклина негодовала на осторожных: «Я не могу более скрывать скорби, пронзающей мне сердце при виде того, как единственные люди, кому Господь вверил истину, оказались настолько Ему неверны — если дозволено мне это вымолвить, — что не имеют достаточно мужества пойти на страдания, пусть даже на самую смерть, но объявить во всеуслышанье, что эту истину исповедуют... Чего мы боимся? Изгнания и рассеяния монахинь, утраты земного достоинства, тюрьмы, смерти, если угодно. Но не в этом ли и есть наша слава, и не это ли должно стать нашей радостью?.. Я хорошо знаю, что не девичье дело защищать истину — хотя можно сказать как грустную шутку, что когда епископы робки, как девицы, девицам приходится быть храбрыми, как епископы; но если не наш удел защищать истину, то кому как не нам умереть за нее и претерпеть что угодно, лишь бы ее не предавать?».

Но отказаться подписывать Формуляр нельзя было, не нарушая тем самым обета повиновения, то есть не совершая греха, быть может, еще более тяжкого. И Жаклина подписывает Формуляр, более того, она ни словом не выдает своих истинных чувств, когда представители церковных властей, зачистившие в Пор-Рояль, с пристрастием ее допрашивают. Она молчит. И молча, спустя несколько месяцев, умирает. Ей было

тридцать шесть лет. Обстоятельства ее болезни и смерти неизвестны; но никто из знавших Жаклину не сомневался, что убила ее невыносимая душевная мука.

Паскаль долгое время был среди «умеренных» и потратил немало сил на поиски такой тактики, которая позволяла бы избежать суровых земных последствий непокорства — и в то же время облегчала бы последствия компромисса для совести. Но ведь совсем недавно за это именно и обличал так пылко Паскаль иезуитов в «Письмах к провинциалу». Он не мог этого не сознавать. Смерть Жаклины — самого близкого ему на свете человека, с кем его всю жизнь связывали теснейшие и сложнейшие отношения, своего рода беспощадное соревнование в святости, где брат и сестра поочередно менялись ролями лидера, судьи и отстающего, — эта смерть была рубежом, за которым всякая двусмысленность становилась невозможной. Когда «умеренные» собрались у немого Паскаля, чтобы еще раз взвесить все обстоятельства дела и путем голосования прийти к самому мудрому решению, хозяин дома посреди этих хитроумных словопрепаний вдруг упал в обморок. А придя в себя, объяснил причину своего состояния почти словами Жаклины: «Когда я увидел, как эти люди, которых я считал столпами истины, колеблются и поступают своим долгом по отношению к истине, — это меня потрясло, я не мог этого снести и поддался охватившей меня скорби». Он бесповоротно отверг тот «средний путь», который, по его словам, «мерзостен перед Богом, презрен перед людьми и совершенно бесполезен для тех, кому лично грозит опасность».

Что, впрочем, понимать под компромиссом, если мерить людское поведение мерой божественной справедливости? Когда человек отважно борется за некое дело, сколь бы благочестиво оно ни было, чего он добивается: торжества истины или собственного торжества? Как отделить одно от другого, и можно ли уберечься от одного, предаваясь другому? Что касается борьбы вокруг Пор-Рояля, то этот гордиев узел Паскаль разрубил решительно: он просто вышел из игры, отказавшись впредь участвовать в каких бы то ни было акциях и интригах. Но как быть с самой жизнью, в которой каждый шаг и каждое движение души, пораженной червоточинной греха, таит угрозу вечной гибели? В последние свои годы Паскаль дает на это такой ответ, которому не откажешь в последовательности, но можно заподозрить в бесчеловечности. Он предлагает свести все видимые проявления жизни к минимуму. Суетным, порочным «развлечением» оказываются для него отныне не только занятия математикой и богословские диспуты, но и простые житейские заботы: построить дом, выдать дочь замуж, приготовить обед повкуснее — все, чем, как всякая семья, живет семья его сестры Жилберты. Его друг герцог де Роаннез под влиянием Паскаля отказывается от губернаторской должности и самой блестящей партии в королевстве, а его сестра Шарлотта порывается уйти в монастырь. (После смерти Паскаля она все-таки уступила настояниям родных и вышла замуж, но брак был несчастлив, а дети у нее рождались мертвыми.) Даже телесное здоровье, как всякое земное благо, опасно для здоровья души, ибо представляет больше возможностей «развлекаться», а значит, грешить. Напротив, всякая болезнь или уродство есть милость Божия, знак избранничества. И даже родительский поделуй, как всякое выражение земной нежности, вреден ребенку. То место в «Мыслях», которое

известно под названием «Фрагмент пари», убеждает вольнодумца уверовать с помощью аргументов, основанных на теории вероятностей: если поставить на существование Бога, есть шанс выиграть вечность и риск проиграть сущий пустяк, ничто. Иначе говоря, в попытках обратить собеседника на путь веры Паскаль взывает не просто к разуму, но и к прямому расчету, «интересу» — и это тот парадокс, на который обычно обращают внимание толкователи. Но не менее знаменательно тут и другое: та безделица, которую вовсе не жаль потерять участнику паскалевского пари,— это все блага и заботы нашей земной жизни, конечной и несовершенной, а потому как бы и не существующей, приравненной к небытию.

Нет такого самого невинного поступка, чувства, ремесла, которое не несло бы в себе скверны, поскольку исходит от нашей греховной, испорченной, падшей природы, и потому истинно благочестивый христианин должен бежать всякого соприкосновения с миром. Логично. Но можно ведь взглянуть на дело и иначе: нет такого повседневного занятия и естественного движения души, которое не облагораживалось бы и не очищалось набожной верой. Вспомним еще раз слова другого проповедника, в отличие от Паскаля канонизированного католической Церковью,— Франциска Сальского: «Благочестие, когда оно истинно, ничему не мешает, но все совершенствует; если же оно препятствует какому-либо позволительному занятию, то оно, без сомнения, ложно... Каждый обретает приятность в своем деле, соединяя его с благочестием: семейные заботы наполняются умиротворением, любовь мужа и жены становится искреннее, служба государю — вернее, и всякое ремесло — сладостней и любезней. Это заблуждение и даже ересь — желание изгнать благочестие из роты солдат, из лавки ремесленника, с королевского двора, от супружеского очага».

Не нам судить, было ли паскалевское благочестие праведностью или ересью. Несомненно, что оно не было ханжеством и лицемерием. Это в себе самом он под конец жизни воспитал равнодушие к прекраснейшему, по его же мнению, из занятий — математике. Это себе самому он молил Бога даровать не здоровье, а должное отношение к болезни. Это себя самого он полагал недостойным любви, как и всякое смертное земное существо, и потому привязанность к себе самому почитал греховной и запретной.

Здесь вообще, может быть, главное — не чисто психологические свойства личности и даже не предметное содержание размышлений сами по себе, в отдельности, но то их сочетание, которое и дает некий тип поведения и восприятия мира, некий склад духа, проявляющийся и опознаваемый в самых различных исторических обстоятельствах. Человек подобного склада, который нам всех известней и ближе,— Толстой, сам говаривавший, что живет с Паскалем «одной душой». Разумеется, Паскаля ужаснула бы толстовская воинствующая антицерковность. Разумеется, толстовские социальные идеи были бы Паскалю попросту непонятны. Но поиски веры как ответа на мучительные недоумения, порождаемые собственным уделом; претензии научить человечество истинной религии; решимость в самой Библии то, что не отвечает собственному ее пониманию, объявить «иносказанием» или отринуть вовсе; страстное требование всеобщей любви, выражающееся в отталкивании близких; превосходящая обычные пределы после-

довательность в установлении первопричин и признании следствий; дотошность и подозрительность при раскопках в потаенной глубине сердец; отвращение ко всякой роскоши, всякому украшению в быту и на письме, при острейшем восприятии вещественной, материальной действительности; презрение к образованным «полузнайкам» и готовность признать равными себе «нищих духом», неграмотных «простолюдинов»; наконец, воля к отречению, бегству, «уходу» от Богом данного могучего дара и рождением предопределенного образа жизни — все это роднит двух таких далеких, казалось бы, друг от друга и таких, казалось бы, ни на кого не похожих людей. А нас побуждает к попыткам нащупать определение, если не оценку, этого духовного характера. Одержимый гордыней пророк смирения. Нетерпимый проповедник милосердия. Устрашенный собственным величием гигант. Какими триумфами и поражениями духа и какими последствиями для исторического, видимого бытия оборачивается такое самоубийство мирского ума в чаянии приобщиться бессмертной небесной Премудрости, такое презрение к брэнной красоте и людской нежности, взыскующее красоты нетленной и любви божественной?

Наша книга предоставляет читателю возможность самому подумать над этими вопросами — или задать себе другие. Перевод «Мыслей» сделан с издания, считающегося на сей день самым научно достоверным; это издание, в отличие от других, не предлагает собственной классификации паскалевского текста (что облегчает чтение, но неизбежно навязывает и собственное толкование), а следует тому порядку, в котором были найдены эти заметки после смерти автора. Кроме «Мыслей», читатель найдет здесь кое-что из других сочинений Паскаля, содержательно связанных с «Мыслями», из его писем и писем его родных, а также его жизнеописания, написанные его сестрой и племянницей.

Юлия Гинзбург

ЖИЗНЬ ГОСПОДИНА ПАСКАЛЯ,
НАПИСАННАЯ ГОСПОЖОЙ ПЕРЬЕ, ЕГО СЕСТРОЙ,
СУПРУГОЙ ГОСПОДИНА ПЕРЬЕ,
СОВЕТНИКА ПАЛАТЫ СБОРОВ В КЛЕРМОНЕ

Мой брат родился в Клермоне 19 июня тысяча шестьсот двадцать третьего года. Отца моего звали Этьен Паскаль, он был председателем Палаты сборов. Моя мать звалась Антуанетта Бегон. Как только брат мой достиг того возраста, когда с ним можно было говорить, он стал выказывать ум необыкновенный — краткими ответами, весьма точными, а еще более — вопросами о природе вещей, которые удивляли всех вокруг. Такое начало, подававшее блестящие надежды, никогда нас не обманывало, ибо по мере того, как он становился взрослее, возрастала и сила его рассуждений, далеко превосходившая его телесные силы.

Моя мать умерла в 1626 году, когда брату было всего три года, и отец, оставшись один, удвоил заботы о своем семействе; поскольку других сыновей у него не было, положение единственного сына и другие качества, которые он угадывал в этом ребенке, заставляли его питать к нему такую привязанность, что он не мог решиться доверить его воспитание кому-нибудь другому и положил обучать его сам, что он и сделал; мой брат никогда не посещал коллежа и не знал другого учителя, кроме отца.

В 1632 году отец переехал в Париж, перевез нас всех туда и там обосновался. Моему брату, которому было тогда только восемь лет, переезд этот был очень полезен, исходя из отцовских замыслов о его воспитании; отец, без сомнения, не мог бы уделять ему столько забот в провинции, где его должность и многочисленное общество, постоянно у него собиравшееся, отнимали у него много времени. А в Париже он был совершенно свободен; он посвятил себя этому целиком и добился такого успеха, какой только могут принести заботы отца столь разумного и любящего.

Главным правилом его воспитания было, чтобы ребенок всегда оставался выше того, что изучал; поэтому отец не хотел преподавать ему латынь, пока ему не исполнилось двенадцати лет, чтобы она ему легче давалась. За это время он не позволял ему праздности, а занимал его всевозможными вещами, на которые считал его способным. Он объяснил ему в общем, что такое языки; он показал, что языки подчиняются определенным правилам грамматики, что из этих правил бывают исключения, которые люди позаботились отметить, и что так было найдено средство сделать все языки доступными пониманию от страны к стране. Эта общая мысль прояснила его понятия и дала ему увидеть, для чего существуют правила грамматики, так что когда он стал их изучать, то уже знал, зачем он это делает, и занимался как раз теми вещами, где более всего требовалось прилежания.

После всех этих познаний отец преподавал ему и другие. Он часто говорил с ним о необыкновенных явлениях в природе, например, о порохе и других вещах, поражающих разум, когда о них задумываешься. Мой брат находил большое удовольствие в этих беседах, но хотел знать объяснения всех вещей; а поскольку они не все известны, то когда отец ему их не давал, или давал лишь те, что приводят обычно и суть не что иное, как отговорки,— это его не удовлетворяло. Ибо он всегда обладал удивительной точностью ума в определении ложного; можно сказать, что всегда и во всем единственным предметом, к которому стремился его ум, была истина, так как никогда и ни в чем он не умел и не мог находить удовлетворения, кроме своих познаний. Поэтому он с детства мог соглашаться только с тем, что казалось ему несомненно правильно, так что когда ему не давали точных объяснений, он искал их сам и, задумавшись о какой-то вещи, не оставлял ее до тех пор, пока не находил для нее удовлетворяющего его объяснения.

Однажды за столом кто-то случайно ударил ножом по фаянсовой тарелке; он заметил, что при этом раздается громкий звук, который стихает, если прикрыть тарелку рукой. Он хотел непременно узнать тому причину, и этот опыт привел его ко множеству других со звуком. Он обнаружил при этом так много, что в возрасте одиннадцати лет написал о том трактат, который был найден весьма убедительным.

Его гений в геометрии стал проявляться, когда ему было всего двенадцать лет, и при обстоятельствах столь необыкновенных, что о них стоит рассказать подробно. Мой отец обладал обширными познаниями в математике и имел обыкновение беседовать о ней со всеми сведущими в этой науке людьми, которые бывали у него. Но поскольку он намеревался обучить моего брата языкам и знал, что математика имеет свойство заполнять и довольствовать собою ум, то не хотел, чтобы мой брат с нею знакомился, опасаясь, как бы это не заставило его пренебрегать латынью и другими языками, в которых он желал его совершенствовать. Поэтому он спрятал все математические книги.

Он воздерживался разговаривать со своими друзьями о математике в его присутствии; но несмотря на такие предосторожности, любопытство ребенка было возбуждено, и он часто просил отца обучать его математике. Но отец отказывался, предлагая ему это в качестве награды. Он обещал, что как только тот преуспеет в латыни и греческом, он начнет учить его математике.

Мой брат, видя подобное сопротивление, спросил его однажды, что такое эта наука и чем она занимается. Отец ответил ему в общем, что это умение строить правильные фигуры и находить пропорции между ними; вместе с тем он запретил говорить о ней дальше и думать когда бы то ни было. Но его ум, не умевший оставаться в предуказанных границах, как только узнал это простое вступление — что геометрия есть средство строить безупречно правильные фигуры,— стал размышлять о ней в свои свободные часы; придя в комнату, где он обычно играл, он взял уголек и принялся чертить фигуры на полу, ища способа построить совершенную окружность, треугольник с равными сторонами и углами и другие подобные вещи.

Он нашел это все без труда; затем он стал искать пропорции фигур между собой. Но поскольку отец столь тщательно скрывал от него такие вещи, что он не знал даже названий фигур, пришлось ему самому их придумывать. Он называл окружность колечком, прямую — палочкой; так же и с прочим. После названий он придумал аксиомы и наконец совершенные доказательства, и, переходя от одного к другому, он так далеко продвинулся в своих изысканиях, что дошел до тридцать второй теоремы первой книги Евклида. Когда он ею занимался, отец случайно вошел к нему в комнату, так что брат этого не услышал. Он был на глазах отца так поглощен своими занятиями, что долго не замечал его прихода. Трудно сказать, кто был больше поражен,— сын, увидев отца, строго запретившего ему такие занятия, или отец, увидев сына, погруженного в такие вещи. Но отцовское удивление еще возросло, когда, спросив сына, чем он занимается, услышал в ответ, что он искал такие-то и такие-то вещи — что и было тридцать второй теоремой Евклида.

Отец спросил, что навело его на такую мысль, он ответил, что обнаружил то-то и то-то; в ответ на следующий вопрос он рассказал еще несколько доказательств, и так, возвращаясь назад и пользуясь как названиями «колечками» и «палочками», он дошел до своих определений и аксиом.

Мой отец был так потрясен величием и мощью его дарования, что, не сказав ему ни слова, вышел и отправился к господину Ле Пайёру¹, своему близкому другу и очень ученому человеку. Придя к нему, он долго оставался неподвижен и словно вне себя. Господин Ле Пайёр, видя все это и вдобавок катившийся из его глаз слезы, был не на шутку встревожен и просил его не скрывать более причину своих огорчений. Отец ему сказал: «Я плачу не от горя, а от радости. Вы знаете, как я старался не допустить для моего сына знакомства с геометрией из страха отвлечь его от других занятий. Но посмотрите, что он сделал».

Господин Ле Пайёр был удивлен не меньше, чем мой отец, и сказал, что считает несправедливым и далее скрывать такой ум и скрывать от него эти познания, что следует показать ему книги и больше его не удерживать.

Отец с этим согласился и дал ему «Начала» Евклида для чтения в часы досуга. Он прочел и разобрался в них сам, и объяснения ему не потребовалось ни разу. Пока он их читал, он придумывал и свое и продвинулся так далеко, что смог постоянно бывать на еженедельных собраниях, куда сходились самые ученые люди в Париже, чтобы принести свои работы и обсудить чужие.

Брат мой стал очень заметен и в обсуждениях, и в собственных трудах, будучи одним из тех, кто наиболее часто приносил туда новые работы. В этих собраниях нередко также разбирались задачи, присланные из Германии и других стран, и его мнение обо всем этом выслушивалось внимательнее, чем чье-либо другое: у него был ум столь живой, что, случалось, он обнаруживал ошибки там, где прочие их не замечали. А между тем он уделял этим занятиям лишь часы досуга, так как изучал тогда латынь, согласно правилам, установленным для него отцом. Но поскольку он находил в этой науке истину, которую всегда так пылко искал, то был так этим счастлив, что вкладывал в нее всю душу; и как бы мало он ею ни занимался, он продвигался так быстро, что в возрасте шестнадцати лет написал «Трактат о конических сечениях», который слыл таким достижением ума, что говорили, будто со времен Архимеда не бывало ничего подобного.

Все ученые полагали, что надо сразу же его напечатать, потому что, говорили они, хотя такой труд всегда будет вызывать восхищение, а все же, если его напечатать в тот год, когда автору всего шестнадцать лет, это обстоятельство немало прибавило бы к его достоинствам. Но поскольку мой брат никогда не имел жажды славы, он не придавал этому значения, и труд этот так и не был напечатан.

Все это время он продолжал изучать латынь и греческий, а кроме того, за едой и после нее отец беседовал с ним то о логике, то о физике и других разделах философии, и он все об этом узнал, не бывав никогда в коллеже и не имев других учителей ни в этом, ни во всем прочем.

Можно только вообразить, как радовался отец успехам моего брата во всех науках; но он не подумал, что такое усиленное и постоянное напряжение ума в столь нежном возрасте может дурно сказаться на его здоровье; и действительно, оно стало ухудшаться, как только он достиг восемнадцати лет. Но недомогания, которые он тогда испытывал, были невелики и не мешали ему продолжать все его привычные занятия; так что как раз в то время, в возрасте девятнадцати лет, он изобрел арифметическую машину, с помощью которой можно производить всевозможные действия не только без пера или жетонов², но и без знания правил арифметики, и притом с безошибочной точностью. Это изобретение считалось вещью совершенно небывалой, поскольку укладывало

в машину науку, обитающую в уме человеческом, и указывало средства производить с ней все действия безупречно правильно, не прибегая при этом к размышлению. Эта работа очень его утомила не самим замыслом или механизмом, которые он придумал без труда, но необходимостью объяснять все это рабочим, так что он потратил два года на то, чтобы довести ее до нынешнего совершенства.

Но эта усталость и хрупкость его здоровья, сказывавшаяся уже несколько лет, вызвали у него недомогания, от которых он так и не избавился с тех пор; и он говаривал нам, что с восемнадцати лет у него не было ни дня без страданий. Недомогания эти бывали разной тяжести, и как только они давали ему передышку, его ум сразу же устремлялся на поиски чего-то нового.

В один из таких промежутков, в возрасте двадцати трех лет, увидев опыт Торричелли, он затем придумал и осуществил свой, называемый «опыт с пустотой», ясно доказывающий, что все явления, приписывавшиеся до того пустоте, причиной своей имеют тяжесть воздуха. Это была последняя работа в земных науках, которой он занял свой ум, и хотя впоследствии он изобрел циклоиду, в моих словах нет противоречия, потому что он нашел ее, не думая о ней и при обстоятельствах, заставляющих полагать, что он не прикладывал к тому усилий, как я бы сказала на его месте. Сразу же после того, когда ему не было еще и двадцати четырех лет, Промысел Божий представил случай, побудивший его читать благочестивые книги, и Бог так просветил его через это святое чтение, что он совершенно понял, что христианская религия требует от нас жить только для Бога и не иметь иной цели, кроме Него. Эта истина показалась ему столь очевидной и столь обязательной и столь благодетельной, что он оставил все свои изыскания. И с тех пор он отринул все прочие познания, чтобы предаваться тому, о чем Иисус Христос сказал, что оно одно только нужно (Лк. 10, 42).

Он был до той поры особым покровительством Провидения обережен от всех пороков молодости, и что еще более удивительно, при его складе и направлении ума он никогда не был склонен к вольнодумству в том, что касается религии, всегда ограничивая свою любознательность явлениями природными; и он мне не раз говорил, что это правило присоединялось у него ко всем остальным, завещанным ему отцом, который сам питал благоговение к религии, внушил его и сыну с детства и наказал ему, что все, что составляет предмет веры, не может быть предметом рассуждений.

Эти правила, часто повторявшиеся ему отцом, к которому он питал глубочайшее почтение и в котором обширные познания соединялись с умом сильным и точным, так врезались ему в душу, что какие бы речи он ни слышал от вольнодумцев, они его никак не задевали, и хотя он был еще очень молод, но считал их людьми, исповедовавшими ложную мысль о том, что разум человеческий превыше всего, и не понимавшими самой природы веры.

Так этот великий ум, столь широкий и столь исполненный любознательно-

сти, столь неустанно искавший причины и объяснения всему на свете, был в то же время покорен всем заповедям религии, как ребенок. И такая простота царила в его душе всю жизнь, так что с тех самых пор, когда он решился не изучать более ничего, кроме религии, он никогда не занимался сложными теологическими вопросами и употреблял все силы своего ума на то, чтобы познавать правила христианской морали и совершенствоваться в ней, чему он посвятил все дарования, данные ему Богом, и весь остаток своей жизни не делал ничего иного, кроме как размышлял денно и ночью о законе Божиим. Но хотя он особо и не изучал схоластику, ему были известны постановления Церкви против ересей, измышленных хитростями и заблуждениями ума человеческого; такого рода изыскания более всего его возмущали, и в это время Бог послал ему случай явить свое рвение к религии.

Он жил тогда в Руане, где наш отец был занят на королевской службе; в то время там объявился некий человек, который обучал новой философии³, привлекавшей всех любопытных. Двое молодых людей, из числа друзей моего брата, зазывали его к этому человеку; он с ними пошел. Но в беседе с философом они были немало удивлены, убедившись, что, излагая им основы своей философии, он извлекал из них выводы о вопросах веры, противоречащие решениям Церкви. Он доказывал с помощью рассуждений, что тело Иисуса Христа не образовалось из крови Пресвятой Девы, и многое другое в том же духе. Они пытались возражать ему, но он стоял на своем. Обсудив между собой, как было бы опасно позволить беспрепятственно наставлять юношество человеку с такими ложными воззрениями, они решили сначала его предупредить, а если он будет упорствовать, то донести на него. Так и случилось, потому что он пренебрег их советами; тогда они сочли, что их долг — донести на него монсеньеру Дю Белле, исполнявшему тогда обязанности руанского епископа по поручению монсеньера Архиепископа. Монсеньер Дю Белле послал за этим человеком, допросил его, но был обманут двусмысленным признанием, которое тот написал собственноручно и скрепил своей подписью; впрочем, он не придал большой важности предупреждению, исходившему от троих молодых людей. Но как только они прочли это исповедание веры, то сразу поняли все его недомолвки, и это заставило их поехать к монсеньеру Архиепископу Руанскому в Гайон. Вникнув во все, он нашел это столь важным, что дал полномочия своему совету, а монсеньеру Дю Белле послал особое распоряжение заставить этого человека объясниться по всем статьям обвинения и ничего не принимать от него иначе, как через посредство тех, кто на него донес. Это было исполнено, и он предстал перед архиепископским советом и отрекся от всех своих воззрений; можно сказать, что он сделал это искренне, потому что никогда не выказывал обиды на тех, кому был обязан этой историей, что позволяет думать, что он сам был обманут ложными заключениями, которые выводил из своих ложных посылок. Верно также, что в этом не

было злого умысла против него и никакого другого намерения, кроме как открыть глаза ему самому и помешать ему соблазнять молодых людей, которые оказались бы не способны отличать истинное от ложного в таких тонких вещах. Так эта история разрешилась благополучно. И поскольку мой брат все более погружался в поиски способов угождать Господу, эта любовь к совершенству так пылала в нем с двадцати четырех лет, что охватила весь дом. Отец, не стыдясь учиться у своего сына, стал с тех пор вести жизнь более строгую благодаря постоянным упражнениям в добродетели вплоть до самой смерти, и кончина его была совершенно христианская.

Моя сестра, наделенная дарованиями необыкновенными, снискавшими ей с детства такое громкое имя, какого нечасто добиваются и девицы много старше ее, была так тронута речами брата, что решилась отказаться от всякого успеха, который до тех пор так любила, и целиком посвятить себя Богу. Поскольку она была очень умна, то как только Бог посетил ее сердце, она поняла вместе с братом все, что он говорил о святости христианской религии, и не могла более сносить своего несовершенства, в котором, ей казалось, она пребывала в миру; она стала монахиней в обители с очень суровым уставом, в Пор-Рояле-в-Полях ⁴, и умерла там в возрасте тридцати шести лет, пройдя самые трудные послушания и утвердившись за краткий срок в таких достоинствах, каких другие достигают лишь за долгие годы.

Моему брату было тогда двадцать четыре года; его недомогания все усиливались, и дошло до того, что он не мог глотать никакой жидкости, если она не была подогрета, и то лишь по капельке. Но так как кроме того он страдал невыносимыми головными болями, воспалением внутренностей и многими другими недугами, то врачи велели ему очищаться через день в течение трех месяцев; ему приходилось глотать все снадобья так, как он мог, то есть подогретыми и каплю за каплей. Это была настоящая пытка, и окружавшим его было трудно даже смотреть на это; но мой брат никогда не жаловался. Он все это считал благом для себя. Ведь он не знал более иной науки, кроме науки добродетели, и понимая, что она совершенствуется в недугах, он с радостью шел на все мучительные жертвы своего покаяния, видя во всем преимущества христианства. Он часто говорил, что прежде болезни мешали его занятиям, и он страдал от этого, но что христианин должен принимать все, а особенно страдания, потому что в них познается Иисус Христос распятый, Который должен быть для христианина всей наукой и единственной славой в жизни.

Продолжительное употребление этих снадобий вместе с другими, ему предписанными, принесли некоторое облегчение, но не полное выздоровление. Врачи решили, что для полного восстановления сил он должен отказаться от всякой длительной умственной работы и насколько возможно искать случаев направлять свой ум на то, что его занимало бы и было бы ему приятно, то есть, одним словом, на обычные светские беседы; ведь других развлечений, подходя-

щих для моего брата, не было. Но как заставить решиться на это такого человека, как он, которого Бог уже посетил? И вправду сначала это оказалось очень трудно. Но на него так наседали со всех сторон, что он в конце концов уступил доводам о необходимости укрепить свое здоровье: его убедили, что это сокровищница, которую Бог велел нам беречь.

И вот он оказался в свете; он не раз бывал при Дворе, и опытные царедворцы замечали, что он усвоил вид и манеры придворного с такой легкостью, будто воспитывался там от рождения. В самом деле, когда он говорил о свете, то так пронизательно вскрывал все его пружины, что нетрудно было себе представить, как он умел бы на них нажимать и вникать во все, что требуется, чтобы приспособиться к такой жизни, насколько он бы счел это разумным.

То было время его жизни, употребленное наихудшим образом: хотя милосердие Божие оберегло его от пороков, а все же то был мирской дух, весьма отличный от евангельского. Богу, ожидавшему от него большего совершенства, не угодно было оставлять его в таком состоянии надолго, и Он воспользовался моей сестрой, чтобы его извлечь, как некогда Он воспользовался моим братом, чтобы извлечь ее из ее мирских занятий.

С тех пор как она стала монахиней, ее пыл всякий день усиливался, и все ее мысли дышали одной бесконечной святостью. Вот почему она не могла снести, что тот, кому она после Бога более всех была обязана снизошедшей на нее благодатью, не имел такой же благодати; и так как мой брат виделся с нею часто, она часто говорила об этом, и наконец слова ее обрели такую силу, что она убедила его — как он убедил ее первый — покинуть мир и все мирские разговоры, самые невинные из которых — всего лишь повторение пустяков, совершенно не достойное святости христианства, к которой мы все призваны и образец которой нам дал Иисус Христос.

Соображения здоровья, которые раньше поколебали его, показались ему теперь столь жалкими, что он сам их стыдился. Свет истинной мудрости открыл ему, что спасение души следует предпочесть всему остальному и что удовлетворяться преходящими благами для тела, когда речь идет о вечном благе для души,— это значит рассуждать ложно.

Ему было тридцать лет, когда он решил оставить свои новые мирские обязанности; начал он с того, что переменял квартал, а чтобы бесповоротно порвать со своими привычками, отправился в деревню; вернувшись оттуда после продолжительного отсутствия, он так ясно показал свое желание покинуть свет, что и свет покинул его.

Как и во всем, он и в этом хотел добраться до самого основания: его ум и сердце были так устроены, что он не мог иначе. Правила, которые он положил себе в своем уединении, были твердые правила истинного благочестия: одно — отказаться от всех удовольствий, а другое — отказаться от всякого рода излишеств.

Для исполнения первого правила он прежде всего стал насколько возможно обходиться без слуг, и с тех пор поступал так всегда: сам стелил себе постель, обедал в кухне, относил посуду, одним словом, позволял слугам делать только то, чего никак не мог делать сам.

Обходиться вовсе без чувственных ощущений было невозможно; но когда ему приходилось по необходимости доставлять чувствам какое-то удовольствие, он удивительно искусно отвращал от него душу, чтобы она не имела тут своей доли. Мы никогда не слышали, чтобы он похвалил какое-то блюдо, которое ему подавали; а когда ему старались иногда приготовить что-нибудь повкуснее, то на вопрос, понравилось ли ему кушанье, он отвечал просто: «Надо было предупредить меня заранее, а сейчас я уже об этом не помню и, признаюсь, не обратил внимания». А когда кто-нибудь, следуя принятому в свете обычаю, восхищался вкусным кушаньем, он не мог этого выносить и называл это чувственностью, хотя это и была самая обыкновенная вещь,— «потому,— говорил он,— что это значит, что вы едите, чтобы ублажить свой вкус, что всегда дурно, либо по меньшей мере, что вы говорите тем же языком, что и люди чувственные, а это не пристало христианину, который ничего не должен говорить такого, что не дышало бы святостью». Он не позволял, чтобы ему подавали какие-нибудь соусы или рагу, ни даже апельсины или кислый виноградный сок, ничего возбуждающего аппетит, хотя от природы он все это любил.

С самого начала своего затворничества он определил количество пищи, необходимое для потребностей его желудка; и с тех пор, какой бы ни был у него аппетит, он никогда не переступал эту меру, и как бы ему ни было противно, съедал все, что себе определил. Когда его спрашивали, зачем он это делал, он отвечал, что надо удовлетворять потребности желудка, а не аппетита.

Но умерщвление чувств не ограничивалось у него только отказом от всего, что могло быть ему приятно, как в еде, так и в лечении: он четыре года подряд принимал разные снадобья, не выказывая ни малейшего отвращения. Как только ему предписывали какое-нибудь лекарство, он начинал его принимать без усилий, и когда я удивлялась, как это ему не противно принимать такие ужасные снадобья, он смеялся надо мной и говорил, что не понимает, как это может быть противно то, что принимаешь по доброй воле и будучи предупрежден о его дурных свойствах; что такое действие должны производить только насилие и неожиданность. В дальнейшем нетрудно будет увидеть, как он применял это правило, отказываясь от всякого рода удовольствий духа, к которым могло быть причастно самолюбие.

Не менее заботился он и об исполнении другого поставленного им себе правила, вытекающего из первого,— отказываться от всякого рода излишеств. Постепенно он убрал все занавеси, покрывала и обивку из своей комнаты, потому что не считал их необходимыми; к тому же и приличия его к тому не

обязывали, ибо его посещали отныне только те люди, которых он неустанно призывал к воздержанию и которые, следовательно, не удивлялись, увидев, что он живет так, как советует жить другим.

Вот как он провел пять лет своей жизни, от тридцати лет до тридцати пяти, в неустанных трудах для Бога или для ближнего, или для себя самого, стремясь ко все большему самосовершенствованию; в каком-то смысле можно сказать, что это и был весь срок его жизни; потому что четыре года, которые Бог дал ему прожить после того, были одной сплошной мукой. С ним случилась некая-то новая болезнь, но удвоились недомогания, которыми он страдал с юности. Но тогда они набросились на него так яростно, что в конце концов его погубили; и во все это время он совсем не мог ни минуты поработать над великим трудом, который он затеял в защиту религии, не мог поддерживать людей, которые спрашивали его совета, ни устно, ни письменно: недуги его были так тяжелы, что он не мог им помочь, хотя очень этого желал.

Мы уже говорили, что он отказался от лишних визитов и вообще никого не хотел видеть.

Но поскольку люди ищут сокровища повсюду, где они есть, и Богу неугодно, чтобы свечу зажженную покрывали сосудом⁵, то кое-кто из умных людей, знакомых ему прежде, искал его и в его уединении и спрашивал совета. Иные, которые имели сомнения в вопросах веры и знали, как он в них сведущ, также обращались к нему; и те, и другие — а многие из них живы — всегда возвращались удовлетворенными и свидетельствуют по сей день, при каждом случае, что это его разъяснениям и советам они обязаны тем добром, которое знают и делают.

Хотя он вступал в такие беседы только из милосердия и бдительно следил за собой, чтобы не растерять того, чего пытался достичь в своем затворничестве, они были ему все-таки тяжелы, и он опасался, как бы тщеславие не заставило его находить удовольствие в этих беседах; а его правилом было — не допускать таких удовольствий, в которых тщеславие было бы хоть как-то замешано. С другой стороны, он не полагал себя вправе отказывать этим людям в помощи, в которой они нуждались. Отсюда в нем проистекала борьба. Но дух самоуменьшения, который и есть дух любви, все примиряющий, пришел ему на помощь и внушил завести железный пояс, весь утыканный шипами, и надевать его прямо на голое тело всякий раз, когда ему докладывали, что какие-то господа его спрашивают. Он так и сделал, и когда в нем просыпался дух тщеславия или когда он испытывал какое-то удовольствие от беседы, то прижимал его к себе локтем, чтобы усилить боль от уколов и так напомнить себе о своем долге. Такой обычай показался ему столь полезным, что он прибегал к нему и для того, чтобы предохранять себя от праздности, к которой был принужден в последние годы своей жизни. Поскольку он не мог ни читать, ни писать, то ему приходилось предаваться безделью и отправляться на прогулку, не имея

возможности думать о чем-либо связно. Он справедливо опасался, как бы такое отсутствие занятий, которое есть корень всякого зла, не отвратило его от его воззрений. И чтобы всегда быть начеку, он словно вживил в свое тело этого добровольно приглашенного врага, который, вгрызаясь в его плоть, беспрестанно побуждал его дух к бодрости и тем давал ему возможность верной победы. Но все это держалось в такой тайне, что мы ничего не знали, а стало нам это известно только после его смерти от одного весьма добродетельного человека, которого он любил и которому обязан был об этом сказать по причинам, касавшимся самого этого человека.

Все то время, которое не отнимали у него дела милосердия, подобные тем, о каких мы рассказали, он отдавал молитвам и чтению Священного Писания. Это было словно средоточие его сердца, где он находил всю радость и весь покой своего уединения. У него и вправду был особенный дар вкушать благо таких двух драгоценных и святых занятий. Можно даже сказать, что для него они не различались: молясь, он размышлял о Священном Писании. Он часто говорил, что Священное Писание — наука не для ума, а для сердца, что она понятна только тем, у кого сердце чистое, а все остальные видят в нем только тьму, что покров, скрывающий Писание от иудеев, скрывает его и от дурных христиан, и что любовь — не только предмет Писания, но и врата в него. Он заходил еще дальше и говорил, что способность постигать Священное Писание приходит к тем, кто ненавидит самих себя и любит умерщвленную жизнь Иисуса Христа. В таком расположении духа он читал Священное Писание и делал это столь прилежно, что знал его почти все наизусть, так что ему нельзя было привести неверную цитату, и он мог с уверенностью сказать: «Этого нет в Писании», или: «Это там есть», и точно называл место и знал по сути все, что могло быть ему полезно для совершенного понимания всех истин как веры, так и морали.

У него был такой замечательный склад ума, который украшал все, что он говорил; и хотя он многие вещи узнал из книг, но переваривал их по-своему, и они казались совершенно иными, потому что он всегда умел изъясняться так, как следовало, чтобы они проникли в ум другого человека.

У него был необыкновенный склад ума от природы; но он создал для себя совершенно особые правила красноречия, которые еще усиливали его дарование. Это вовсе не было то, что называют блестящими мыслями и что на самом деле есть фальшивый бриллиант и ничего не означает: никаких громких слов и очень мало метафорических выражений, ничего ни темного, ни грубого, ни кричащего, ни пропущенного, ни лишнего. Но он понимал красноречие как способ выражать мысли так, чтобы те, к кому обращаются, могли их схватывать легко и с удовольствием; и он полагал, что это искусство состояло в некоем соотношении между умом и сердцем тех, к кому обращаются, и мыслями и выражениями, которыми пользуются, но эти соотношения связываются во-

едино должным образом, только если им придать подобающий поворот. Вот почему он внимательно изучал сердце и ум человека: он прекрасно знал все их пружины. Когда он размышлял о чем-нибудь, то ставил себя на место тех, кто будет его слушать, и, проверив, все ли соотношения тут налицо, он искал затем, какой поворот надо им придать, и удовлетворялся лишь тогда, когда видел несомненно, что одно так соответствовало другому, то есть что он думает как бы умом своего будущего собеседника, что когда наступало время всему этому соединиться в разговоре, то уму человеческому невозможно было не принять его доводы с удовольствием. Из малого он не делал великого, а из великого — малого. Ему недостаточно было, что фраза казалась красивой; она должна была еще и соответствовать своему предмету, чтобы в ней не было ничего лишнего, но также и ничего недостающего. Одним словом, он настолько владел своим стилем, что мог выразить все, что хотел, и его речь всегда производила то впечатление, которое он и задумал. И эта манера письма, одновременно простая, точная, приятная и естественная, была так ему свойственна и так не похожа на других, что едва появились «Письма к провинциалу», как все угадали, что они написаны им, как он ни старался это скрыть даже от своих близких.

В то время Богу было угодно исцелить мою дочь от слезной фистулы, которой она страдала три с половиной года. Фистула эта была такого дурного свойства, что искуснейшие хирурги в Париже сочли ее неизлечимой; и наконец Бог взял на Себя ее исцеление через прикосновение к Святому Тернию, хранящемуся в Пор-Рояле, и это чудо было засвидетельствовано многими хирургами и врачами и подтверждено торжественным решением Церкви.

Дочь моя была крестницей моего брата; но более всего он был потрясен этим чудом потому, что Бог в нем прославился, и потому, что оно случилось в такое время, когда вера у большинства людей ослабела. Радость его была так велика, что он был весь ею пронизан; а поскольку он всегда глубоко размышлял обо всем, чем бы ни был занят его ум, то в связи с этим отдельным чудом ему пришли в голову многие весьма важные мысли о чудесах вообще, как в Ветхом, так и в Новом Завете. Если существуют чудеса, значит, есть нечто выше того, что мы зовем природой. Отсюда по здравому смыслу следует: надо только убедиться в достоверности и подлинности чудес. А для этого есть правила, вытекающие опять-таки из здравого смысла, и эти правила оказываются верны для чудес Ветхого Завета. Следовательно, эти чудеса истинны; следовательно, есть нечто выше природы.

Но эти чудеса сопровождаются еще и знамениями того, что они исходят от Бога; особенно чудеса Нового Завета свидетельствуют, что Тот, Кто их совершил,— Мессия, Которого люди должны были ожидать. Итак, чудеса и Ветхого, и Нового Завета доказывают, что Бог есть, а чудеса Нового Завета особо доказывают, что Иисус был истинный Мессия.

Он излагал все это необыкновенно разумно, и когда мы слушали, как он рассказывает обо всех обстоятельствах, при которых были засвидетельствованы эти чудеса в Ветхом и Новом Завете, они нам казались ясны. Нельзя было отрицать истинности этих чудес, а также выводов, которые он из них извлекал для доказательства Бога и Мессии, не нарушая самых общих правил, по которым судят о достоверности всех вещей, почитаемых несомненными. Кое-что из его мыслей об этом было собрано; но это совсем немного, и я полагаю бы себя обязанной рассказать об этом поподробней и пролить на то больше света согласно всему, что мы от него слышали, если бы один из его друзей не показал нам трактата о книгах Моисеевых ⁶, где все это было изложено замечательно и таким слогом, который не был бы недостойн моего брата. Я вас отсылаю к этому труду; добавлю только — и это важно здесь заметить, — что разнообразные мысли моего брата о чудесах ему многое открыли о религии. Поскольку все эти истины следуют одна из другой, ему достаточно бывало задуматься об одной, а другие словно приходили к нему толпой и являлись его уму так, что возвышали его самого, как он нам часто говорил; при подобных обстоятельствах он и возгорелся против атеистов настолько, что, увидев при свете мудрости, ниспосланной ему Богом, как их убедить и разбить бесповоротно, он и затеял этот труд, сохранившиеся части которого дают нам такие основания сожалеть, что он не собрал их сам и не составил из них, вместе с тем, что он мог бы еще добавить, сочинения законченной красоты. Без сомнения, он был на это способен, но Бог, одаривший его разумом, необходимым для столь великого замысла, не дал ему достаточно здоровья, чтобы довести этот замысел до совершенства.

Он намеревался доказать, что у христианской религии столько же свидетельств истинности, сколько и у любой вещи, считающейся в мире самой достоверной. Он не прибегал для этого к метафизическим аргументам; это не значит, что он ими пренебрегал, когда они были уместны. Но он говорил, что они очень далеки от обычного человеческого разумения, что не все к ним способны и что тем, кто способен, они годятся лишь на краткий миг, а час спустя они уже не знают, что об этом сказать, и боятся быть обмануты. Он говорил также, что такого рода доказательства могут привести нас лишь к рассудочному знанию Бога, а знать Его таким образом означает не знать Его вовсе. Он старался не прибегать и к обыденным доводам, взятым из тварной природы; он их ценил, потому что они освящены Писанием и согласуются с разумом, но полагал, что они несообразны расположению ума и сердца тех, кого он замыслил убедить. Он знал по опыту, что таким способом не только их не осилить, но и нет ничего лучше, напротив, чтобы их отвратить и лишить надежды найти истину, чем пытаться их убедить только такого рода рассуждениями, против которых они зачастую так ожесточаются, что огрубление сердец делает их глухими к подобному голосу природы и что они пребывают в осле-

плении, от которого могут избавиться только через Иисуса Христа, а вне Его никакого общения с Богом нам не дано, ибо написано, что Отца не знает никто, кроме Сына, и кому Сын хочет открыть.

Христианское Божество не сводится просто к Богу — зиждителю математических истин и миропорядка: это участь язычников. Оно не сводится к Богу, простирающему промысел Свой на жизнь и имение человеческие, чтобы посылать череду счастливых лет: это удел иудеев. Но Бог Авраама и Иакова, Бог христиан есть Бог любви и утешения; это Бог, наполняющий душу тех, кто Его нашел. Это Бог, Который зарождает внутри них ощущение их ничтожества и Его бесконечного милосердия, Который соединяется с ними в глубине их душ, наполняет их смирением, верой, надеждой и любовью, делает их способными стремиться к иной цели, кроме Него Самого.

Бог христиан — это Бог, помогающий душе понять, что Он — ее единственное благо, что только в Нем ее покой, что у нее не будет иной радости, кроме как любить Его, и вместе с тем внушающий ей ужас перед всеми препятствиями, которые ей мешают любить Его изо всех сил. Себялюбие и похоть, удерживающие душу, Ему невыносимы, и Он открывает душе, какие глубины себялюбия в ней таятся и что Он один может ее исцелить.

Вот что значит познавать Бога по-христиански. Но чтобы так Его познать, нужно знать одновременно и свою ничтожность, и недостойность, и свою нужду в посреднике, помогающем приблизиться к Богу и соединиться с Ним. Эти знания нельзя разделять, потому что одно без другого они не только бесполезны, но и вредны. Знание Бога без знания нашей ничтожности порождает гордыню; знание нашей ничтожности без Иисуса Христа порождает отчаяние. Но познание Иисуса Христа нас избавляет от гордыни и отчаяния, потому что в нем мы находим Иисуса Христа, единственного утешителя в нашей ничтожности и единственный путь из нее спастись.

Мы можем знать Бога, не зная нашей ничтожности, или нашу ничтожность, не зная Бога, или даже знать и Бога, и нашу ничтожность, не зная способа освободиться от несчастий, нас удручающих. Но мы не можем знать Иисуса Христа, не зная вместе и Бога, и нашу ничтожность, ибо Он не просто Бог, но Бог — исцелитель наших несчастий.

Итак, все, кто ищет Бога без Иисуса Христа, не находят той мудрости, которая утолила бы их жажду или была бы им действительно полезна, потому что они либо не доходят до понимания того, что есть Бог, либо если доходят, то это для них бесполезно, так как они пытаются создать для себя возможность общаться без посредника с тем Богом, которого познали без посредника, то есть впадают в атеизм и деизм — две вещи, почти одинаково мерзостные для христианской религии.

Поэтому следует стремиться только к познанию Иисуса Христа, ибо только через Него мы можем надеяться познать Бога так, чтобы нам это было полезно.

Это Он — истинный Бог людей, несчастных и грешных; Он — средоточие всего и цель всего, и кто Его не знает, тот ничего не знает ни о природном миропорядке, ни о себе самом, ибо мы не только Бога познаем единственно через Иисуса Христа, но и самих себя познаем единственно через Иисуса Христа.

Без Иисуса Христа человек пребывает в пороке и ничтожестве; с Иисусом Христом человек избавляется от порока и ничтожества. В Нем все наше блаженство, наша добродетель, жизнь, мудрость, надежда, а без Него есть только пороки, несчастья, мрак и отчаяние, и мы видим только тьму и беспорядок в Божией природе и в нашей собственной. Это в точности его слова, и я подумала, что должна их привести здесь, потому что они замечательно показывают, в каком духе писался его труд, и что тот способ, каким он хотел за него приняться, был без сомнений наилучший для того, чтобы произвести впечатление на сердца людей.

Одним из важнейших правил красноречия, которое он себе поставил, было не только не говорить ничего непонятного или неудобопонятного, но и говорить такие вещи, которые брали бы за живое его собеседников; он был уверен, что тогда хотя бы себялюбие непременно заставит задуматься над тем, что он говорит; к тому же, поскольку все на свете нас может задевать двояко — либо огорчать, либо утешать, то он полагал, что никогда не следует огорчать тем, в чем не можешь утешить, и что в должном равновесии и заключается секрет красноречия.

И потому среди своих доказательств в защиту Бога и христианской религии он желал прибегать лишь к таким, которые были бы доступны всем, для кого предназначались, и которые задевали бы человека за живое либо тем, что он находил в себе самом все, на что ему указывали, доброе ли, дурное ли, либо ясно видел, что наилучшим и разумнейшим решением для него было бы поверить, что есть Бог, Которого мы можем познать, и Посредник, Который, придя заслужить для нас эту благодать, начинает с того, что делает нас счастливыми в этой жизни через добродетели, Им внушаемые, и счастье это много больше всего, что мир нам обещает, и уверяет, что мы получим совершенное блаженство на небесах, если его заслужим на тех путях, которые Он нам указывает и на которых Сам подает нам пример.

Но хотя он был уверен, что все, что он имел сказать о религии, было очень ясно и убедительно, он все же сомневался, что это так для тех, кто пребывает равнодушным и кто, не находя в самих себе доводов, которые их бы убедили, пренебрегает искать их вовсе и в особенности в Церкви, где они необыкновенно наглядны. Ибо он держал за две несомненные истины, что Бог дал видимые знамения прежде всего Церкви, чтобы Его могли познать те, кто ищет Его искренне, и в то же время сокрыл их так, чтобы Его могли увидеть только те, кто ищет Его всем сердцем.

Вот почему, беседуя с атеистами, он никогда не начинал ни со спора, ни с утверждения основ того, о чем собирался говорить, но старался прежде всего выяснить, ищут ли они истину всем сердцем, и сообразно этому вел себя с ними — либо помогая им найти то знание, которого у них не было, если они искренне его искали, либо побуждая их его искать и сделать эти поиски своим главным занятием, прежде чем наставлять их, если они желали, чтобы эти наставления пошли им на пользу. Работать дальше над своим замыслом ему помешали недуги. Ему было около тридцати четырех лет, когда он начал этим заниматься; целый год он употребил на подготовку; насколько позволяли ему другие дела, он собирал мысли об этом, приходившие ему в голову; но к концу года, то есть на тридцать пятом году жизни, который был пятым годом его затворничества, недомогания его усилились так губительно, что он не мог больше ничего делать в оставшиеся ему четыре года жизни, если можно назвать жизнью те ужасные мучения, в которых он их провел.

Нельзя думать об этом труде без острой боли оттого, что самая прекрасная и, быть может, самая полезная для нынешнего времени вещь осталась незаконченной. Не посмею сказать, что мы были ее недостойны. Как бы то ни было, Богу стало угодно показать этим, если можно так выразиться, наброском, на что был способен мой брат благодаря величию ума и дарований, которые Он ему послал; и если бы этот труд мог быть закончен кем-нибудь другим, то я полагаю, такую милость можно было бы снискать только множеством новых молитв.

Это возвращение недугов у моего брата началось с зубной боли, совершенно лишившей его сна. Но как может такой ум, как у него, бодрствовать и ни о чем не думать? Вот отчего во время бессонницы, которая случалась у него очень часто и очень его изнуряла, ему однажды ночью пришли в голову кое-какие мысли о циклоиде. За первой мысль последовала вторая, за второй — третья; наконец, множество мыслей сменили одна другую. Они ему открыли как бы без его воли решение циклоиды, удивившее его самого. Но поскольку он давно уже отказался от подобных вещей, то даже не подумал что-то записать. Все же он рассказал об этом одному человеку⁷, с чьим мнением обязан был считаться как из уважения к его достоинствам, так и из благодарности за сердечную привязанность, которой тот его почтил; у этого человека появился замысел, имевший своей целью лишь славу Божию, и он склонил моего брата написать все, что пришло ему в голову, и отдать это напечатать.

Невероятно, с какой быстротой он занес это на бумагу; он писал с такой скоростью, с какой двигалась его рука, и закончил все в несколько дней. Копии он не снимал, но отдавал листки по мере готовности. В то время печатали и другой его труд, который он тоже отдавал в печать по ходу дела; так он поставял печатникам два разных сочинения. Это не было слишком трудно для его ума, но тело его не выдерживало, и это было последнее напряжение сил,

окончательно разрушившее его здоровье и вызвавшее то мучительное состояние, о котором мы говорили, когда он не мог глотать.

Но если его недомогания лишили его возможности служить другим, то они не были бесполезны для него самого, ибо он переносил их так терпеливо, что это дает основания думать — и утешаться этой мыслью, — что Богу было угодно через это сделать его таким, каким Он хотел увидеть его перед Собой. И правда, он помышлял только об этом, и никогда не забывая двух правил, которые себе предписал — отказаться от всяких удовольствий и от всяких излишеств, — он исполнял их с еще большим рвением, словно его торопило бремя милосердия, с предчувствием, что он приближается к тому средоточию, где будет вкушать вечный покой.

Но ниоткуда нельзя лучше узнать то особое расположение духа, с каким он переносил все новые страдания в эти четыре года своей жизни, как из удивительной «Молитвы», которую мы от него узнали и которую он написал в то время, «об употреблении болезней во благо». Не может быть сомнений, что эти мысли жили в его сердце, потому что они появились в его уме и он их записал только после того, как воплотил их на деле. Мы можем даже заверить, что были тому свидетелями и что если никто не мог лучше написать об употреблении болезней во благо, никто не мог и осуществить такие мысли с большей поучительностью для всех, кто это видел.

За несколько лет до того он написал письмо по случаю смерти моего отца, из которого видно его мнение о том, что христианин должен смотреть на земную жизнь как на жертвоприношение, а разные приключения с нами события должны нас задевать лишь в той мере, в какой они прерывают или довершают это жертвоприношение. Вот почему предсмертное состояние, в каком он был обречен пребывать в последние годы его жизни, стало средством исполнить то жертвоприношение, которое должно было совершиться через его смерть. Он принимал это мучительное состояние с радостью, и мы видели всякий день, как он благословлял за него Бога со всей силой благодарности. Когда он говорил с нами о смерти, которую полагал ближе, чем она впоследствии оказалась, то всегда говорил и об Иисусе Христе, что смерть без Иисуса Христа ужасна, а в Иисусе Христе сладостна, свята, радостна для верующего; что поистине, если б мы были невинны, страх смерти был бы разумен, потому что это противно природному порядку, чтобы каралась невинность; что было бы справедливо ее ненавидеть, если б она могла разлучить святую душу со святым телом. Но что теперь справедливо ее любить, так как она разлучает святую душу с нечистым телом; что было бы справедливо ее ненавидеть, если б она нарушала мир между душой и телом, но не сейчас, когда она улаживает непримиримую ссору между ними, лишает тело злосчастной способности грешить и ставит душу перед блаженной необходимостью делать только одно — хвалить Бога и пребывать с Ним в вечном союзе. Что не следует,

однако, осуждать любовь к жизни, внушенную нам природой, потому что мы получили ее от Самого Бога; что надо ее употребить на ту жизнь, для которой Бог нам ее и дал, на жизнь чистую и блаженную, а не на нечто противоположное. Что Иисус Христос любил свою жизнь, потому что она была чиста, что Он страшился смерти, потому что в Нем она грозила телу, угодному Богу. Но что поскольку это не так с нашей жизнью, которая есть жизнь в грехе, то мы должны склонять себя ненавидеть эту жизнь, противоположную Христовой, и любить смерть и не страшиться ее, ведь она обрывает нашу жизнь, исполненную греха и мучений, и тем дарит нам свободу вместе с Иисусом Христом созерцать Бога, поклоняться Ему, благословлять и любить Его вечно и безоглядно.

По этой же причине он так любил покаяние; он говорил, что надо наказывать грешное тело, и наказывать его беспощадно непрерывным покаянием, потому что иначе оно бунтует против разума и противится всем спасительным мыслям. Но поскольку у нас не хватает храбрости наказывать самих себя, то мы должны полагать себя весьма обязанными Богу, когда Ему бывает угодно это сделать; вот почему он постоянно благословлял ниспосланные ему страдания, которые считал как бы огнем, выжигающим понемногу его грехи в ежедневном жертвоприношении и тем приготавливающим его, пока Богу не будет угодно послать ему смерть, в которой будет принесена жертва совершенная.

Он всегда так любил бедность, что неизменно старался не расставаться с ней; и когда он собирался что-то предпринять или когда у него спрашивали совета, то первая мысль, приходившая из сердца к рассудку, была о том, можно ли при этом пребывать в бедности. Но к концу жизни любовь его к этой добродетели столь возросла, что я не могла доставить ему большего удовольствия, чем побеседовать с ним о ней и послушать то, что он всегда был готов нам об этом сказать.

Он никогда никому не отказывал в милостыне, хотя сам был небогат и расходы, которых требовали его недуги, превышали его доходы. Он всегда давал милостыню, отказывая себе в необходимом. Но когда ему на это указывали, в особенности когда его траты на милостыню бывали очень велики, он огорчался и говорил нам: «Я заметил, что как бы ни был человек беден, после его смерти всегда что-то остается». Порой он заходил так далеко, что ему приходилось занимать на жизнь и брать в долг с процентами, чтобы иметь возможность раздавать бедным все, что у него было; после этого он ни за что не хотел прибегать к помощи друзей, потому что он взял себе за правило никогда не считать чужие нужды обременительными для себя, но всегда остерегаться обременять своими нуждами других.

Как только пошло дело с каретами ⁸, он мне сказал, что хочет получить тысячу ливров вперед в счет его доли, чтобы послать беднякам города Блуа и окрестностей, которые терпели тогда большую нужду. А когда я сказала, что

дело еще не наладилось и нужно бы подождать еще год, он мне ответил, что не видит в том большой беды, потому что если его компаньоны понесут убытки, он им возместит из своих денег, и что он не может ждать до следующего года, потому что нужда слишком уж неотложна. Но в один день ничего не делается, и беднякам из Блуа помогли другие, а мой брат в том участвовал только своей доброй волей; это подтверждает истинность того, что он нам столько раз говорил,— что деньги ему нужны лишь для того, чтобы помогать бедным; ведь как только ему казалось, что он может их получить, он начинал распределять их заранее, даже не будучи еще в них уверен.

Не следует удивляться, что тот, кто так хорошо познал Иисуса Христа, так любил бедных, и что ученик отдавал даже необходимое, ибо он хранил в сердце своем пример Учителя, Который отдал Себя Самого. Но правило, которое он себе поставил,— отказаться от всяких излишеств,— стало у него основанием великой любви к бедности. То, на что он обращал особое внимание ввиду этого правила,— это всеобщее желание превосходства во всем, которое особенно пробуждает в нас жажду в обращении с мирскими вещами всегда иметь наилучшие из них, самые красивые и самые удобные. Вот почему он не выносил, когда звали самых искусных рабочих, но говорил нам, что искать надо всегда самых бедных и самых порядочных и отказаться от этой особой искусности, которая никогда не бывает необходима; он также весьма порицал тех, кто так заботливо окружает себя всяческими удобствами,— чтобы все было под рукой, чтобы в комнате было все, что нужно, и прочее в таком роде, что люди делают без всяких угрызений; ибо, основываясь на самой сути духа бедности, который должен жить во всех христианах, он полагал, что все ему противоречащее, даже если оно узаконено мирскими обычаями и приличиями,— это непременно излишество, потому что мы от этого отказались при крещении. Он воскликнул однажды: «Будь я нищ сердцем так же, как и духом, я был бы счастлив; я необычайно верю в дух бедности и в то, что следование этой добродетели есть великое средство для спасения души».

Все эти слова заставляли нас заглянуть себе в душу и порой побуждали нас искать каких-то общих правил, которые годились бы на все случаи, и мы делали ему такие предложения. Но он этого не одобрял и говорил нам, что мы призваны не к общему, но к частному; и что, по его мнению, самый угодный Богу способ служить нищим — это служить нищим по-нищенски, то есть в меру своих сил, не предаваясь великим замыслам, родственным тому превосходству, жажду которого он обличал во всем, и в мыслях, и в делах. Он не порицал учреждения крупных больниц, но говорил, что такие великие предприятия должны быть уделом немногих людей, которых Бог к тому предназначил и которых Он ведет невидимой рукой, но что это не призвание всякого человека, в отличие от повседневной помощи каждому бедняку по отдельности.

Он очень желал, чтобы я посвятила себя постоянному служению им, чтобы

я наложила его на себя в наказание за свою жизнь. Он настойчиво убеждал меня и самой поступать так, и детям это внушить. А когда я говорила, что боюсь, как бы это не помешало мне заботиться о домашних, он отвечал, что мне недостает только доброй воли и что так как есть несколько степеней в следовании этой добродетели, то всегда можно найти для нее время, не поступаясь своими семейными обязанностями, что само милосердие внушает его дух и надо только ему повиноваться. Он говорил, что не нужно никакого особого знамения, чтобы узнать, призван человек или нет, что это общее призвание для всех христиан; коль скоро Иисус Христос по таким вещам будет судить мир, то достаточно и обычных нужд, чтобы мы старались их удовлетворить всеми средствами, которые в нашей власти; и что поскольку из Евангелия видно, что единое небрежение этим долгом может стать причиной вечной гибели, одна мысль об этом должна нас подвигать совлечь с себя все и стократ отдать самих себя, если есть у нас вера. Еще он говорил нередко, что посещать бедных необыкновенно полезно, потому что когда постоянно видишь перед собой удручающую их нищету и то, что они часто не имеют самого необходимого, то надо быть очень уж черствым, чтобы не отказаться добровольно от бесполезных удобств и излишних украшений. Вот лишь часть наставлений, которые он нам давал, чтобы возбудить в нас любовь к бедности, занимавшую в его сердце столь важное место.

Не меньшим было и его целомудрие, ибо он так почитал эту добродетель, что постоянно был настороже, стараясь не допустить, чтобы она хоть как-то была оскорблена, в нем ли самом или в других. Трудно поверить, как он был строг в таких вещах. Поначалу это даже приводило меня в замешательство, потому что он осуждал едва ли не все речи, которые говорятся в свете и считаются невиннейшими. Если, к примеру, мне случалось сказать, что я встретила красивую женщину, он корил меня за это и говорил, что я не должна была произносить таких слов при лакеях и молодых людях — ведь я не знаю, какие мысли это может в них возбудить. Смею сказать, что он не мог даже выносить тех ласк, которыми дарили меня мои дети. Он утверждал, что это может им только повредить, что нежность можно выразить и тысячей других способов. С этим его советом мне было труднее согласиться, но впоследствии я поняла, что он был в этом прав так же, как и во всем остальном, и узнала на опыте, что хорошо сделала, послушавшись его.

Все это происходило в домашнем кругу; но месяца за три до его смерти Богу было угодно предоставить ему случай проявить и вне дома ту ревностную заботу о целомудрии, которую Он ему внушил. Однажды, возвращаясь из Сен-Сюльпис, где он присутствовал на мессе, он наткнулся на девушку лет пятнадцати, попросившую у него милостыню. Он сразу же подумал о той опасности, которой она подвергалась, и узнав от нее, что она из деревни, что отец ее умер, что в тот самый день мать ее свезли в Отель-Дьё⁹, так что эта

бедная девушка осталась одна и не знала, что делать, он подумал, что это Бог ее послал ему, и тут же отвел ее в семинарию, где поручил ее заботам доброго священника, которому он дал денег и попросил найти для нее какое-нибудь место, где она была бы в безопасности. И чтобы помочь ему в этих хлопотах, он сказал, что завтра же пошлет к нему женщину, которая купит для этой девушки одежду и все необходимое. И действительно, он послал женщину, которая так славно потрудилась с этим священником, что вскоре они приискали ей хорошее место. Священник этот не знал имени моего брата и сначала не догадался его спросить, так он был занят заботами об этой девушке. Но когда она была пристроена, он смог обдумать этот поступок и нашел его столь прекрасным, что пожелал узнать имя того, кто его совершил. Он справился у той женщины, но она сказала, что ей велено его скрывать. «Молю вас, добейтесь разрешения его открыть; обещаю, что не буду говорить об этом при его жизни. Но если Богу будет угодно, чтобы он умер прежде меня, для меня будет большим утешением рассказать об этом поступке, ибо я нахожу его столь прекрасным и достойным известности, что не смогу допустить, чтобы он пребывал в забвении». Но он ничего не добился и так увидел, что этот человек, пожелавший остаться неизвестным, был столь же скромен, сколь милосерден, и что если он так ревностно старался сберечь чужое целомудрие, то не менее ревностно он оберегал собственное смирение.

Он питал особенную нежность к своим друзьям и к тем, кого полагал посвятившими себя Богу; можно сказать, что если никто не был более его достоин любви, то никто и не умел любить и выказывать любовь лучше, чем он. Но нежность его проистекала не только из склада его души; хотя сердце его всегда было готово сострадать всем нуждам его друзей, сострадание его всегда согласовалось с правилами христианства, которые представляли ему разум и вера: вот почему его нежность никогда не переходила в глубокую привязанность и не приносила никаких утех.

Никого он не любил больше, чем мою сестру, и по справедливости. Он часто с ней виделся; он говорил с ней обо всем совершенно откровенно; во всем без исключения она давала ему то, чего он хотел, ибо их мнения совпадали настолько, что они во всем были согласны; два их сердца определенно составляли одно, и они находили друг в друге утешение, которое могут понять лишь те, кому выпадало подобное счастье и кому известно, что значит любить и быть любимым с таким взаимным доверием, без всякого страха раздоров и при полном согласии.

И однако по смерти моей сестры, случившейся за десять месяцев до его кончины, когда он узнал эту новость, то сказал только одно: «Да пошлет нам Бог милость умереть столь же христианской смертью!» И впоследствии он говорил нам лишь о милостях, которые посылал ей Бог при жизни, и об обстоятельствах и времени ее смерти; и возносясь сердцем к небесам, где, он

надеялся, она пребывала в блаженстве, он говорил нам с каким-то восторгом: «Блаженны умирающие, и умирающие во Господе». А когда он видел мою скорбь (я действительно очень горевала из-за этой утраты), то огорчился и говорил, что это нехорошо и что не следует испытывать такие чувства по смерти праведников, но что, напротив, мы должны возносить Богу хвалы за то, что Он так скоро вознаградил ту скромную службу, которую Она для Него несла.

Так он показывал, что любил без привязанности, и мы имели тому еще одно доказательство, когда умер мой отец, несомненно вызывавший у него все чувства, которые благодарный сын обязан питать к столь любящему отцу; из письма, написанного им по случаю отцовской кончины, видно, что если природа и была задета, то разум быстро взял верх, и что взирая на это событие в лучах веры, душа его умилялась, но не для того, чтобы оплакивать отца, утраченного на земле, но чтобы созерцать его в Иисусе Христе, в Котором он обретаеа его на небесах.

Он различал два вида любви, чувствительную и разумную, полагая, что первая не слишком полезна в мирской жизни. Он говорил также, что достоинства тут ни при чем и что порядочные люди должны ценить лишь разумную любовь, которая, по его мнению, состоит в том, чтобы принимать участие во всем, что случается с нашими друзьями, всеми способами, какими разум велит нам это делать, жертвуя своим именем, удобствами, свободой и самой жизнью, если повод того достоин, и достоин несомненно, если мы этим служим другу во имя Бога, Который должен быть единственным предметом любви для всех христиан.

«Черство то сердце,— говорил он,— которое знает нужды ближнего и противится долгу, побуждающему принять в них участие; и наоборот, нежное сердце — то, в которое все нужды ближнего проникают легко, так сказать, через все чувства, которые разум велит питать друг к другу в подобных обстоятельствах; которое радуется, когда нужно радоваться, и огорчается, когда нужно огорчаться». Но он прибавлял, что любовь может быть совершенна лишь тогда, когда разум просвещен верой и предписывает нам действовать по правилам милосердия. Вот почему он не видел большой разницы между любовью и милосердием, равно как и между милосердием и дружбой. Он думал только, что поскольку дружба предполагает связь более тесную, а эта связь — внимание более пристальное, то мы менее черствы к нуждам наших друзей, потому что нужды эти нам становятся быстрее известны и нам легче в них поверить.

Вот как он понимал любовь, и сам он питал такую, которая не сочеталась ни с привязанностью, ни с утехами; ведь коль скоро христианская любовь не может иметь иного предмета, кроме Бога, то она не может ни привязываться к кому-либо, кроме Него, ни предаваться утехам, ибо знает, что нельзя терять

времени и что Бог, Который все видит и судит, велит нам дать отчет во всем, что случилось в нашей жизни и что не было еще одним шагом по единственно дозволенному пути — по пути к совершенству.

Но он не только сам не привязывался к другим, он не хотел также, чтобы другие привязывались к нему. Я не говорю о привязанностях преступных и опасных, это вещь грубая и для всех очевидная; но я говорю о самой невинной дружбе, чье веселье составляет обычно всю сладость человеческого общества. Это было одно из тех правил, которые он соблюдал особенно строго, чтобы не поддаваться подобным чувствам и не давать им воли, как только он замечал малейшие их признаки; а так как я была весьма далека от такого совершенства и полагала, что не могу слишком много заботиться о таком брате, как он, составлявшем счастье семьи, то старалась не упустить ничего, чем могла бы ему послужить, и выражала ему свою любовь как умела. Наконец я поняла, что была к нему привязана и ставила себе в заслугу, что справлялась со всеми заботами, которые почитала своим долгом; но он судил иначе, и так как мне казалось, что он изъявляет недостаточно чувств в ответ на мои, то меня это огорчало, и время от времени я ездила изливать душу сестре и чуть ли не жаловалась ей. Она утешала меня, как могла, напоминая о тех случаях, когда я нуждалась в брате и он помогал мне с таким рвением и с такой нежностью, что у меня не должно было остаться никаких оснований сомневаться в его любви. Но тайна его сдержанного обращения со мной открылась мне полностью только в день его смерти; один человек, замечательный величием ума и благочестием¹⁰, с которым он много беседовал о добродетельной жизни, сказал мне, что он всегда представлял ему основным правилом своего благочестия — не позволять, чтобы его любили, привязываясь, что это грех, к которому люди недостаточно бдительны, но который имеет тяжкие последствия и которого следует тем более страшиться, что он часто представляется не столь опасным.

После его смерти мы получили еще одно доказательство того, что это правило задолго до того жило в его сердце; чтобы оно всегда было с ним, он собственноручно написал его на клочке бумаги, который мы нашли на нем и узнали в нем тот самый, который он часто читал. Вот что в нем было сказано: «Грешно, чтобы люди привязывались ко мне, даже если они это делают с радостью и по доброй воле. Я обманул бы тех, в ком зародил бы такое желание, ибо я не могу быть целью для людей, и мне нечего им дать. Разве не должен я умереть? И тогда со мной вместе умрет предмет их привязанности. Как был бы я виновен, убеждая поверить лжи, даже если б я это делал с кротостью, а люди верили бы радостно и тем радовали меня,— так я виновен, внушая любовь к себе. И если я привлекаю к себе людей, я должен предупредить тех, кто готов принять ложь, что они не должны в нее верить, какие бы выгоды мне это ни сулило; и точно так же — что они не должны привязываться

ко мне, ибо им следует тратить свою жизнь и труды на угождение Богу или поиски Его».

Так он наставлял самого себя и прекрасно исполнял свои наставления. И так я ошибалась, выводя подобные заключения из его обращения со мной, потому что принимала за недостаток любви то, что было в нем совершенством милосердия.

Но если он не хотел, чтобы создания, которые сегодня живут, а завтра, быть может, исчезнут, и которые к тому же столь мало способны делать себя счастливыми, привязывались друг к другу, то это затем, чтобы они привязывались к одному лишь Богу; и действительно, порядок таков, иначе и нельзя судить, если подумать серьезно и с желанием следовать истинной мудрости. Вот почему не стоит удивляться, что тот, кто был так мудр и содержал свое сердце в таком порядке, принимал для себя столь благочестивые правила и исполнял их столь неукоснительно.

И так он относился не только к этому первейшему правилу, которое есть основание христианской морали; он так ревностно защищал установленный Богом порядок во всем остальном, из него вытекающем, что не мог терпеть, чтобы порядок этот нарушался в чем бы то ни было; поэтому его преданность королю была столь пылкой, что во времена парижских смут он шел против всех. Он называл пустыми предложениями все причины, которые приводили люди, чтобы оправдать мятеж. Он говорил, что в государстве, устроенном как республика, к примеру, в Венеции, было бы большим злом способствовать воцарению монарха и подавлять свободу людей, которым Бог ее дал; но в государстве, где установлена королевская власть, нельзя отказывать ей в должном почтении, не совершив при этом своего рода святотатства, потому что власть, которой Бог наделил короля, есть не только образ, но и частица власти Божией, и нельзя восставать против нее, не восставая открыто против Богом данного порядка. Он добавлял, что поскольку последствием этого будет гражданская война — самое большое зло, какое можно совершить против любви к ближнему, — то тяжесть этого греха невозможно преувеличить, что первые христиане учат нас не бунту, но терпению, когда государь дурно исполняет свой долг. Он говорил нередко, что сам был столь же далек от этого греха, как от человекоубийства или грабежа на большой дороге, что нет ничего более противного его природе и представляющего для него меньшее искушение; это заставило его отказаться от немалых выгод, но не принимать участия в подобных беспорядках.

Так он понимал служение королю и был непримирим к тем, кто с этим не соглашался. Очевидно, что виной тому был не его темперамент и не упорствование в своем мнении, потому что он был удивительно кроток с теми, кто оскорблял его самого, так что никогда не делал различия между ними и всеми остальными и так прочно забывал то, что касалось его одного, что ему трудно

было об этом напомнить, надо было приводить все обстоятельства дела. А если кто-либо изумлялся этому, он говорил: «Не удивляйтесь, это не по добродетели, а по непритворной забывчивости; я уже ничего не помню». А между тем память у него была такая превосходная, что он никогда не забывал того, что хотел помнить. Но поистине обиды, нанесенные ему самому, не запечатлевались в этой великой душе, которую все трогало лишь постольку, поскольку было связано с высшим порядком любви, а все остальное было как бы вне его и никак его не касалось.

Правда, что я никогда не встречала души, более естественно возвышавшейся над всеми порывами испорченной человеческой природы; так было и только с обидами, к которым он был как будто нечувствителен, но и со всем, что радует других людей и вызывает самые сильные их страсти. У него была несомненно великая душа, но в ней не было ни честолюбия, ни желания величия и власти или мирских почестей; все это он даже считал скорее бедой, чем счастьем. Ему нужно было имя лишь для того, чтобы раздавать его другим; наслаждение свое он находил в разуме, в порядке, в праведности, одним словом, во всем, что могло питать душу, а не в чувственных вещах.

Он не был лишен недостатков, но мы имели полную свободу указывать ему на них, и он подчинялся мнению своих друзей с величайшей покорностью, если оно было справедливо; но даже несправедливые суждения он всегда принимал с кротостью. Необыкновенная живость его ума делала его порой столь нетерпеливым, что ему бывало нелегко угодить; но как только ему давали понять или он сам замечал, что обидел кого-то этой нетерпеливостью, он тотчас исправлял свою оплошность обхождением столь учтивым, что не потерял из-за этого ничьей дружбы.

Он не попираал чужого самолюбия своим, и можно даже сказать, что он не имел его вовсе, никогда не говорил о себе или о чем-то имевшем к нему отношение; известно его пожелание, чтобы порядочный человек избегал называть себя и даже употреблять слова «я» и «меня». Он обыкновенно говорил об этом, что «христианское благочестие уничтожает человеческое «я», а человеческая благовоспитанность его скрывает и подавляет». Он считал это правилом и строго его придерживался.

Он никогда не раздражал людей указаниями на их недостатки, но если уж говорил о чем-то, то говорил всегда без притворства и словно не зная, что значит угодить лестию; он был не способен также не сказать правды, когда был вынужден это делать. Те, кто его не знали, поначалу бывали удивлены, услышав, как он беседует с людьми, потому что всегда казалось, будто он настаивает на своем, и притом с какой-то властностью; но виной тому была все та же живость его ума, и, побыв с ним немного, люди вскоре убеждались, что в этом было даже что-то привлекательное и что в конце концов им не столько важна его манера говорить, сколько суть им сказанного.

К тому же он ненавидел всякую ложь, и малейший обман был ему невыносим; и поскольку ум его отличался пронизательностью и точностью, а сердце — прямою и бесхитростностью, то его поступки и поведение отличались искренностью и верностью.

Мы нашли его записку, в которой он без сомнения описывает самого себя, чтобы, имея постоянно перед глазами путь, указанный ему Богом, он не мог с него свернуть. Вот что сказано в этой записке: «Я люблю бедность, потому что Иисус Христос ее любил. Я люблю богатство, потому что оно дает мне возможность помогать нищим. Я не плачу злом тем, кто причиняет мне зло, но желаю им быть в том же расположении духа, что и я, когда не принимаешь ни зла, ни добра от большинства людей. Я стараюсь быть справедливым, честным, искренним и верным со всеми людьми и питаю сердечную нежность к тем, с кем Бог связал меня теснее; и хотя я на виду у людей, во всех своих делах я на виду у Бога, Которому надлежит их судить и Которому я их все посвящаю. Вот каковы мои чувства, и я всякий день благословляю Спасителя моего, Который вложил их в меня и из человека, исполненного слабости, ничтожества, похоти, гордыни и честолюбия, сделал человека свободного от всех этих зол силою Своего величия, которому и принадлежит в этом вся слава, а от меня здесь только ничтожество и заблуждения».

Без сомнения, можно многое еще добавить к этому портрету, если пожелать довести его до полного совершенства; но оставляю другим, более искусным, чем я, нанести последние штрихи — это дело мастеров; я же добавлю только, что этот великий во всем человек был прост как ребенок в том, что касалось благочестия. Видевшие его обычно этому удивлялись. Не только не было в его поведении каких-либо ужимок либо лицемерия, но как умел он подниматься духом в понимании самых возвышенных добродетелей, так он умел умяться в следовании добродетелям самым обыкновенным, возбуждающим благочестие. Все, что служило к прославлению Бога, представлялось ему важным, и он все исполнял как ребенок. Главным его развлечением, особенно в последние годы жизни, когда он не мог больше работать, было ходить по церквям, где были выставлены мощи или совершались какие-то обряды, и он нарочно для того запаса «Духовным альманахом», который указывал ему все места для богомолья; и все это с такой набожностью и простотой, что видевшие его удивлялись тому, и среди них один, человек весьма добродетельный и просвещенный, объяснил это такими прекрасными словами: «Благодать Божия в великих душах проявляется через вещи обыкновенные, а в душах обыкновенных — через вещи великие».

Он питал жаркую любовь ко всей церковной службе, то есть к молитвам из требника, и старался их читать сколько мог; но особенно к службе, составленной из Псалма 118¹¹, в котором находил такие дивные вещи, что радовался всякий раз, когда его произносил; а когда он беседовал с друзьями о красоте

этого Псалма, то приходил в восторг, и вместе с ним возносились душой все, с кем он говорил. Когда ему присылали каждый месяц памятку¹², как это делают во многих местах, он получал и читал ее с почтением, не забывая ежедневно прочитывать изречение. И так во всем, что касалось благочестия и могло быть для него душеспасительно.

Господин кюре из церкви Сент-Этьен, который навещал его в болезни, только дивился этой простоте; он неизменно повторял: «Это ребенок, он кроток и послушен, как ребенок». А накануне его смерти один священник, который был человеком большой учености и великой добродетели, посетив его и пробыв с ним около часу, вышел от него столь растроганный благим примером, что сказал мне: «Утешьтесь; если Бог его призывает, у вас есть все основания благодарить Бога за ту милость, которую Он ему послал. Он умирает в младенческой простоте. При таком уме, как у него, это вещь небывалая; я всей душой хотел бы быть на его месте, я ничего столь прекрасного не видел».

Последняя его болезнь началась с необычного отвращения к еде, которое охватило его за два месяца до смерти. У него в доме жил один бедняк со всем своим семейством; эти люди не могли ему сослужить никакой службы, но он держал их у себя как сосуд провидения Господня, который он должен беречь. Один из сыновей бедняка заболел ветряной оспой, и в доме моего брата стало двое больных — он и этот ребенок. Мне было необходимо находиться рядом с братом, и так как появилась опасность, что я заражусь ветрянкой и передам ее моим детям, мы подумывали перевести ребенка в другое место, но милосердие подсказало моему брату поступить иначе, внушив ему самому уйти из дому и перейти ко мне. Он был уже очень болен, но говорил, что для него переезд менее опасен, чем для ребенка, и потому перебираться должен он сам, а не ребенок. И действительно, его перенесли к нам.

Этому милосердному поступку предшествовал другой — он простил весьма чувствительную обиду, нанесенную ему человеком, который был многим ему обязан. Мой брат обошелся с ним по своему обыкновению, не только без малейшей досады, но с кротостью и со всеми знаками любезности, необходимыми, чтобы завоевать чье-то расположение. Без сомнения, это было по особому промыслу Божию, что в последние дни, когда он так скоро должен был предстать перед Богом, ему явился случай совершить эти два подвига милосердия, которые в Евангелии свидетельствуют о предопределении, чтобы по его смерти он имел в этих двух милосердных поступках знамение того, что Бог прощает ему грехи и вводит его в царство, ему уготованное, коль скоро Он дал ему милость простить прегрешения других и так легко помочь другому в нужде. Но мы еще увидим, что Бог приготавливал его к смерти как поистине избранного и другими поступками, не менее утешительными.

Через три дня после этого посещения с ним случился ужасный приступ колик, совершенно лишивший его сна; но он обладал такой силой духа и таким

мужеством, что продолжал вставать каждый день и сам принимал свои снадобья, не желая допустить, чтобы ему услужали хоть в чем-то.

Доктора, осматривавшие его, нашли его болезнь тяжелой; но так как жара у него не было, они сочли, что опасности нет. Однако мой брат, не желая рисковать, на четвертый день своих колик, еще до того, как был принужден оставаться в постели, послал за господином кюре из Сент-Этьен и исповедался, но еще не причастился. Господин кюре навещал его время от времени по своей всегдашней заботливости, и мой брат не пропустил ни одного такого случая, чтобы исповедаться снова; но нам он ничего не говорил, чтобы не напугать нас. Порой болезнь немного его отпускала; он пользовался этим, чтобы составить свое завещание, в котором бедные не были забыты, и он совершал насилие над собой, чтобы не оставить им больше. Он мне сказал, что если бы господин Перье был в Париже и был бы на то согласен, то он распорядился бы всем своим имуществом в пользу бедных.

Одним словом, голова и сердце его были заняты только бедными, и он говорил мне не раз: «Отчего я до сих пор ничего не сделал для бедных, хотя всегда их так сильно любил?» И когда я отвечала: «Оттого, что у вас никогда не было достаточно денег». — «Тогда я должен был отдавать им мое время, — возражал он, — и мои труды; вот чего я не делал. Но если врачи говорят правду и Бог даст мне оправиться от этой болезни, я решился не иметь других занятий и дел до конца дней моих, кроме служения бедным». С такими мыслями Бог и взял его к Себе.

Терпение его было не менее велико, чем его милосердие; для тех, кто был рядом, это было таким возвышенным уроком, что все они признавались, что никогда не видали ничего подобного. Когда кто-нибудь ему говорил, что жалеет его, он отвечал, что его самого его состояние вовсе не удручает, что он даже боится выздороветь; а когда его спрашивали, почему, он отвечал: «Потому что я знаю опасности здоровья и преимущества болезни». А когда мы все же не могли удержаться и жалели его, особенно в минуты сильных болей: «Не жалейте меня, — говорил он, — болезнь — это естественное состояние христианина, такое, в котором он должен пребывать всегда, то есть в страданиях, в муках, лишённым всяких благ и чувственных наслаждений, свободным от всех страстей, без честолюбия, без алчности и в постоянном ожидании смерти. Разве не так христиане должны проводить всю свою жизнь? И разве это не великое блаженство — по необходимости впасть в то состояние, в котором долг обязывает нас пребывать?» И вправду было видно, что он рад такому состоянию, на что мало кто из людей способен. Ведь тут нужно только покоряться, смиренно и кротко. Вот почему он просил нас лишь об одном — молиться Богу, чтобы Он послал ему такую милость. Впрочем, послушав его, мы уже не находили возражений, а напротив, чувствовали, что исполнялись тем же духом, что и он, и желали страданий и понимали, что это и есть то состояние, в котором христиане должны пребывать всегда.

Он горячо желал причаститься, но врачи продолжали этому противиться, потому что не считали его настолько больным, чтобы принимать причастие на дому, и полагали неудобным без большой необходимости звать священника ночью, чтобы застать больного натошак. Меж тем колики его продолжались, и врачи велели ему пить воды; это принесло облегчение на несколько дней, но на шестой день у него случился глубокий обморок и мучительные головные боли. Хотя врачи такому происшествию и не удивились и говорили, что это всего лишь водные парь, он продолжал исповедоваться и с необыкновенной настойчивостью просил, чтобы ему дали причаститься и ради Бога нашли способ устранить все те неудобства, на которые ему ссылались; и он так настаивал, что один человек, при сем присутствовавший, ему сказал, что это нехорошо, что он должен подчиниться мнению своих друзей, что у него уже почти нет жара, и пусть он сам судит, следует ли приносить Святые Дары в дом, когда ему легче, и не лучше ли подождать и причаститься в церкви, куда, будем надеяться, он скоро будет в состоянии пойти. Он отвечал: «Вы не чувствуете моей боли и обманываетесь; в моей головной боли есть что-то необычное». Тем не менее, встретивши такое сильное сопротивление своему желанию, он не стал более о том заговаривать. Но мне он сказал: «Коль скоро мне не хотят оказать эту милость, я хочу совершить взамен какое-нибудь доброе дело, и не имея возможности причаститься во Главе, я хотел бы причаститься в членах, и для того я надумал поместить сюда больного бедняка, за которым ухаживали бы так же, как за мной. Мне больно и стыдно, что обо мне так заботятся, в то время как множество бедных, которые больны тяжелее, чем я, лишены самого необходимого. Пусть возьмут сиделку нарочно для него, и вообще пусть не будет между ним и мною никакого различия. Это уменьшит боль от того, что я ни в чем не нуждаюсь; я не могу больше переносить эту боль, если только мне не дадут утешения знать, что здесь в доме есть бедняк, за которым ухаживают так же заботливо, как за мной; прошу вас, попросите господина кюре указать такого бедняка».

Я в тот же час послала к господину кюре, который сказал, что не знает никого в таком состоянии, чтобы его можно было перенести; но что как только он выздоровеет, он укажет ему способ явить свое милосердие, поручив ему заботы об одном старике до конца его дней; господин кюре не сомневался, что он непременно выздоровеет.

Убедившись, что нельзя поместить бедняка в одном доме с ним, он стал меня просить, чтобы его самого перенесли в госпиталь для неизлечимых, потому что он горячо желал умереть в обществе бедных. Я сказала, что врачи едва ли сочтут возможным переносить его в его нынешнем состоянии. Такой ответ очень его огорчил, и он взял с меня слово, что по крайней мере если наступит у него хоть какое-то облегчение, я доставлю ему эту радость.

Но эти заботы меня миновали, потому что мучения его так усилились, что

в приступе боли он попросил меня позвать врачей; и тут же стал сомневаться: «Боюсь,— сказал он,— что в этой просьбе слишком много избалованности». Тем не менее я это сделала. Врачи велели ему пить сыворотку и продолжали уверять, что никакой опасности нет и что это просто мигрень в соединении с водными парами. Но что бы они ни говорили, он все равно им не верил. Он попросил меня позвать священника, чтобы тот провел ночь с ним и со мной; я сочла, что он очень плох, и велела, без лишних слов, приготовить свечи и все, что нужно, чтобы он мог причаститься на следующее утро.

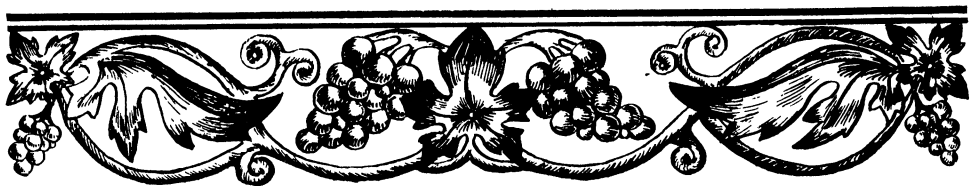
Эти приготовления не были бесполезны, но понадобились раньше, чем мы думали: около полуночи с ним случились такие сильные судороги, что когда они кончились, мы подумали, что он мертв. И ко всем нашим скорбям добавилась еще одна, горчайшая,— видеть, как он умирает без причащения, когда он просил об этой милости так часто и так настойчиво.

Но Бог, соблагволив вознаградить желание столь пылкое и столь праведное, словно чудом прекратил эти судороги и вернул ему сознание такое ясное, как если бы он был совершенно здоров; так что когда господин кюре вошел в его комнату с распятием и воскликнул: «Я принес вам Того, Кого вы так пылко желали», эти слова окончательно его пробудили; господин кюре приблизился, чтобы причастить его, а он сделал усилие и сам приподнялся на постели, чтобы принять причастие с большим почтением; господин кюре спросил его, как полагается, о главных таинствах веры, и он на все отвечал благоговейно: «Да, отец мой, верую во все и всем сердцем». Затем он принял Святое Причастие и елеосвящение с таким умилением, что слезы выступили у него на глазах. Он отвечал на все и под конец поблагодарил господина кюре, а когда тот благословил его Святым Причастием, он сказал: «Да не покинет меня Господь вовеки», и это были его последние слова. Ибо через миг после обряда причащения судороги его возобновились и уже не оставляли его и не давали ни минуты ясности духа; они продолжались до самой его смерти, которая наступила спустя сутки, то есть девятнадцатого августа тысяча шестьсот шестьдесят второго года, в час утра, в возрасте тридцати девяти лет и двух месяцев.

Господин кюре церкви Сент-Этьен на следующее воскресенье в своей проповеди попросил собравшихся молиться за него и сказал о нем похвальное слово, засвидетельствовав, как высоко он ценил его благочестие и как сожалеет об утрате, причиненной его смертью. В том же духе он говорил с покойным господином Архиепископом Парижским, который расспрашивал его, зная, что господин кюре присутствовал при его кончине. И все же то, что он рассказал в подобных обстоятельствах о беседе, которую имел с господином Паскалем во время его болезни, дало повод неким людям, желающим, будь это возможно, очернить его память и его имя, распускать слухи о том, будто он незадолго до смерти отрекся¹³ перед лицом господина кюре. Сейчас, однако, не много найдется людей, которые верили бы этой клевете; сам господин кюре церкви

Сент-Этьен, который еще жив и является теперь аббатом и генералом ордена Святой Женеьевы, сможет ее опровергнуть для всех тех, кто в этом еще нуждается и кто захотел бы попросить у него разъяснений.

Он уже заранее достаточно все объяснил в нескольких письмах, которые он оказал нам честь написать по этому поводу и которые у нас хранятся; он заявляет в них, что никогда, ни устно, ни письменно, не сообщал кому бы то ни было, будто господин Паскаль отрекся, поскольку это чистая ложь. И он остается при том мнении, что он понял совершенно в противоположном смысле слова, сказанные ему господином Паскалем в той беседе, о которой он рассказывал господину Архиепископу, что и дало повод к этим ложным слухам. И хотя на самом деле ничего такого не было сказано, я сочла необходимым опровергнуть эту ложь и очистить память человека, всегда твердо державшегося католических воззрений, от которых ему не было нужды отрекаться, всегда глубоко почитавшего все истины веры и смиренно им покорявшегося, чьим всепоглощающим занятием и единственным трудом в последние пять или шесть лет жизни было сражаться с врагами религии и христианской морали.

ЗАМЕТКИ О ЖИЗНИ ГОСПОДИНА ПАСКАЛЯ, НАПИСАННЫЕ МАДЕМУАЗЕЛЬ МАРГАРИТОЙ ПЕРЬЕ, ЕГО ПЛЕМЯННИЦЕЙ

Когда господину Паскалю был год от роду, с ним приключилась необыкновенная вещь. Его мать, хотя и была очень молода, отличалась набожностью и милосердием; было множество бедных семейств, каждому из которых она давала по небольшой сумме денег всякий месяц, и среди бедных женщин, которых она оделяла милостыней, была одна, слывшая колдуньей: так о ней все говорили, но его мать, женщина вовсе не суеверная и очень разумная, смеялась над этими разговорами и продолжала давать ей милостыню.

В то время случилось этому младенцу захворать тем, что в Париже зовется «сухоткой»; но болезнь эта сопровождалась двумя необычными обстоятельствами: одно — что он не мог взглянуть на воду, не впадая в безумную ярость; а другое, еще более удивительное, — что он не мог видеть своего отца и свою мать рядом друг с другом; он принимал ласки каждого из них по отдельности с удовольствием, но как только они приближались друг к другу, он отчаянно кричал и бился; все это продолжалось больше года, и за это время болезнь его все усиливалась; он дошел до такой крайности, что казалось, будто он близок к смерти.

Его отцу и матери все тогда говорили, что тут, без сомнения, порча, которую навела на него эта колдунья; они оба над этим смеялись, считая такие речи выдумками, какие появляются у людей при виде вещей необычных, и вовсе не обращали на них внимания, позволяя этой женщине свободно входить в их дом, где она получала милостыню. Наконец, мой дед, встревоженный тем, что ему об этом говорили, однажды позвал эту женщину в свой кабинет, полагая, что тон, которым он с нею будет говорить, даст ей возможность прекратить все слухи; но он был поражен, когда после первых сказанных

им слов, на которые она отвечала довольно робко только то, что это не так и что это говорят о ней из зависти к милостыне, которую она получает,— когда он захотел ее попугать и, притворившись, будто верит, что она околдовала его ребенка, пригрозил ей виселицей, если она не скажет правды, то она в страхе упала на колени и пообещала сказать ему все, если он пообещает сохранить ей жизнь.

Изумленный этим, мой дед спросил, что же она сделала и что заставило ее это сделать. Она ответила, что просила его защищать ее на суде, но он отказался, полагая, что дело ее не правое, а в отместку она навела порчу на его сына, которого, как ей было известно, он нежно любил; и что ей очень прискорбно это ему говорить, но порча эта смертельна. Мой дед, удрученный такими словами, сказал: «Как! Неужто мой сын должен умереть!» Она ответила, что есть средство, но нужно, чтобы кто-нибудь умер вместо него и взял на себя порчу. Дед мой сказал: «Нет! Пусть лучше сын мой умрет, чем убивать другого человека». Она ответила: «Можно перенести порчу на животное». Мой дед предложил ей лошадь; она сказала, что таких больших расходов не нужно, а достаточно будет и кота. Он велел дать ей кота; она его забрала и на лестнице столкнулась с двумя капуцинами, которые шли утешать мою бабушку в столь опасной болезни ее сына. Монахи сказали ей, что она снова собирается напускать порчу — на этого кота; она взяла его и бросила из окна, он упал не более чем с шести футов высоты и разбился; она попросила другого, и мой дед велел его ей дать. Великая любовь, которую он питал к своему сыну, была причиной того, что он не подумал, как все это было нехорошо; ведь чтобы перенести порчу, надо было снова призывать Дьявола; подобная мысль так и не пришла ему на ум, он понял это только много позже и раскаивался в том, что это допустил.

Вечером та женщина вернулась и сказала моему деду, что ей нужен ребенок, которому не исполнилось еще семи лет и который до восхода солнца сорвал бы девять листиков разных трав, то есть по три листика каждой. Мой дед передал это своему аптекарю, который ответил, что сам поведет свою дочь, что он и сделал на следующее утро. Эти три травы были собраны, и женщина сделала из них припарку, принесла ее в семь часов утра моему деду и велела положить ее на живот ребенку. Дед мой это сделал; а в полдень, вернувшись из суда, он нашел весь дом в слезах, и ему сказали, что ребенок мертв; он поднялся, увидел плачущую жену и ребенка в колыбели, казалось, мертвого.

Он ушел и, выходя из комнаты, встретил на ступеньках женщину, которая принесла припарку, и приписав смерть ребенка этому снадобью, он ударил ее так сильно, что она свалилась со ступеньки. Встав, она сказала ему, что видит, в каком он гневе, потому что считает своего сына мертвым; но что она забыла ему сказать утром, что ребенок будет казаться мертвым до самой полночи,

и что до тех пор его надо оставить в колыбели, а тогда он очнется. Мой дед вернулся и строго-настрого приказал, чтобы ребенка не хоронили. Между тем он казался мертвым, у него не было ни пульса, ни голоса, ни сознания; он похолодел и подавал все признаки смерти; все смеялись над легковерием моего деда, который обычно не склонен был верить таким людям.

Так его и не трогали, мои дед и бабушка были все время рядом, никому не доверяясь; они слышали, как било час за часом, и пробило полночь, а ребенок так и не очнулся. Наконец между полночью и часом, ближе к часу, чем к полночи, ребенок начал позевывать; это было поразительно; его взяли на руки, стали согрывать, дали вина с сахаром; он его выпил; затем кормилица дала ему грудь, и он ее взял, хотя не подавал признаков сознания и не открывал глаз; это длилось до шести часов утра, когда он стал открывать глаза и кого-то узнавать. Тогда, увидев отца и мать рядом друг с другом, он принялся кричать, как обычно; стало видно, что он еще не излечился, но родные утешались тем, что он хотя бы не умер; а спустя шесть-семь дней он мало-помалу смог смотреть на воду.

Вернувшись с мессы, мой дед увидел, что он сидит на коленях у матери и забавляется тем, что переливает воду из одного стакана в другой; дед хотел подойти, но ребенок этого не вынес, а несколько дней спустя уже выносил, и через три недели он совершенно исцелился и стал полнеть и с тех пор ничем не болел.

Во все то время, что дед мой прожил в Руане, господин Паскаль, мой дядя, проникнутый глубоким благочестием, которое он сам внушил и всему семейству, впал в удивительное состояние, вызванное великим прилежанием, с каковым он занимался науками: поскольку слишком много соков у него оттягивал мозг, с ним случилось нечто вроде паралича от пояса донизу, так что он принужден был передвигаться только с помощью костылей; ноги и ступни его сделались холодны как мрамор, и приходилось всякий день надевать на него носки, смоченные в водке, чтобы хоть как-то согреть ему ступни. Врачи, видя его в таком состоянии, сочли себя обязанными запретить ему всякие упорные занятия; но столь живой и деятельный ум, как у него, не мог оставаться праздным. Коль скоро он больше не был погружен ни в науки, ни в благочестие, по-своему требующее усилий, ему понадобились какие-то удовольствия; он должен был снова бывать в свете, играть и развлекаться. Сначала он делал все это умеренно; но люди тут незаметно входят во вкус и пользуются этим уже не как лекарством, но ради удовольствия. Так и случилось. Он стал вести светскую жизнь, хотя и без пороков и беспутства, но в праздности, удовольствиях и развлечениях.

Дед мой умер; дядя продолжал возвращаться в свете, и даже с большей

свободой, поскольку стал владельцем собственного состояния; и погрузившись в эту жизнь, он принял решение пойти обычным в свете путем, то есть вступить в должность и жениться. Он приглядел и девицу, и должность, и делал шаги, чтобы добиться того и другого; обо всем этом он советовался с моей тетушкой, которая уже была тогда монахиней и очень огорчалась, видя, как тот, кто открыл ей глаза на ничтожество мира, теперь сам в него погружается через такие намерения. Она часто убеждала его от них отказаться; но время для того еще не пришло, он слушал ее и продолжал питать те же замыслы. Наконец, Богу было угодно, чтобы однажды, в день Зачатия Пресвятой Девы, он отправился повидать мою тетушку и оставался с ней в монастырской гостиниой, пока монахини читали вечерние молитвы перед проповедью. Когда прозвонил колокол, она оставила его, а он вошел в церковь послушать проповедь, не подозревая, что там-то и ожидал его Бог. Он увидел, что проповедник стоял уже на кафедре, и было ясно поэтому, что моя тетушка не могла с ним переговорить. Предметом проповеди были Зачатие Пресвятой Богородицы, начало жизни христиан и важность для них обращения к святости через то, чтобы не вступать, как то делают почти все светские люди, по привычке, по обычаю и из человеческих понятий о приличии, в должности и браки; проповедник доказывал, что надо советоваться с Богом, прежде чем делать такие шаги, и хорошенько думать, поможет ли это спасению души и не станет ли к нему препятствием.

Поскольку таковы как раз и были положение и намерения моего дяди, а проповедник говорил с большой пылкостью и убедительностью, он был живо этим тронут, и, думая, что все это было сказано для него, он так это и воспринял, и, поразмыслив со всей серьезностью о проповеди в то самое время, пока ее слушал, он после нее снова пошел к моей тетке и открыл ей, что был поражен этой проповедью, потому что она, казалось, была произнесена для него одного, и что он был ею тронут тем сильнее, что убедился, увидев проповедника на кафедре, что она его ни о чем не предупреждала. Тетушка моя, как могла, раздула этот только занявшийся огонь, и несколько дней спустя мой дядя совершенно порвал с миром; ради этого он уехал на какое-то время в деревню, чтобы изменить свой образ жизни и нарушить течение многочисленных визитов, которые он наносил сам и которые наносили ему; это ему удалось, и с тех пор он не видался больше ни с кем из тех своих друзей, с которыми его соединяли только мирские узы.

В уединении своем он привел к Богу господина герцога де Роаннеза, с которым его связывала очень тесная дружба, основанная на том, что господин де Роаннез, имея ум весьма возвышенный и способный к глубочайшему восприятию наук, восхищался умом господина Паскаля и был очень к нему привязан. Господин Паскаль, покинув свет и решившись заниматься только богоугодными делами, доказывал господину де Роаннезу, как важно для него поступить

так же, и говорил ему об этом столь хорошо и убедительно, что господин де Роаннез воспринял то, что он говорил ему об этом предмете, так же глубоко, как и его ученые рассуждения, которые были прежде их главным удовольствием и предметом всех их бесед. Так Бог коснулся его души через посредство господина Паскаля, и он стал размышлять о ничтожестве мира, потратив какое-то время на поиски того, чего же Бог хочет от него; наконец он решился не думать больше о мире, удалиться от него сколь возможно скорее и отказаться от должности губернатора Пуату, в которую должен был вступить по указу короля.

Неделю спустя после того, как он принял это решение и сообщил о нем моему дяде, которого он даже поселил у себя на какое-то время, чтобы тот укреплял его решимость, случилось так, что господин граф д'Аркур, двоюродный дед господина де Роаннеза, приехал к нему сказать, что ему предлагают невесту; это была мадемуазель де Мем, ныне госпожа де Вивон; она была лучшей партией в королевстве благодаря своему состоянию, происхождению и красоте. Он был поражен таким предложением, потому что уже более четырех лет имел в виду, что когда достигнет брачного возраста, то попытается получить эту девицу в жены; однако же он не колеблясь отказался от нее, полагая, что обязан дать Богу свидетельство своей верности, не отступив от решения покинуть мир, которое Он ему внушил; и потому он сразу же ответил господину графу д'Аркуру, что весьма признателен тем особам, которые подумали о нем, но еще не готов жениться. Господин граф д'Аркур очень рассердился и сказал, что он сошел с ума, что он должен быть счастлив, если, искавши девицу знатную, красивую, разумную и самую богатую наследницу в королевстве, он ее получает; что вот теперь родные этой девицы сами его просят и ищут, а он еще раздумывает! Тогда господин де Роаннез ему объявил, что он вовсе не хочет вступать в брак. Господин граф рассердился еще больше и выбранил его; и наконец в его семействе стали винить в этом моего дядю, так что на него смотрели с ненавистью, и однажды даже служившая в доме привратницей женщина пробралась в его комнату, чтобы заколоть его, но по счастью его там не оказалось. С тех пор мой дядя жил в уединении и полном удалении от мира, в каковом он и окончил свои дни, так и не вернувшись в свет; напротив, он постепенно порвал со всеми своими друзьями и не виделся больше ни с кем из мирских знакомых.

В уединении своем он по воле Провидения стал писать против атеистов; вот как было собрано то, что дошло до публики. Господин Паскаль, работая, имел обыкновение держать в голове все, что он хотел написать, почти не делая набросков на бумаге; ему помогала в том удивительная способность никогда ничего не забывать, и он сам говорил, что ни разу не забыл того, что хотел

запомнить. Так он хранил в памяти замыслы всего, что собирался писать, пока не доводил это до совершенства, а тогда уже записывал. Такое было у него обыкновение; но для этого требовались большие усилия воображения, а когда за пять лет до смерти он стал страдать тяжкими недугами, то не имел больше сил, чтобы держать в памяти все, что думал о каждом предмете. Тогда для облегчения дела он стал записывать то, что приходило ему в голову, по мере того, как эти мысли ему являлись, чтобы затем воспользоваться ими для работы, как он поступал некогда с тем, что запечатлевалось в его памяти; и вот эти отрывки, записанные по кусочкам, нашли после его смерти и довели до публики, которая встретила их с большим одобрением.

Когда он работал над своим сочинением против атеистов, с ним приключилась сильнейшая зубная боль. Однажды вечером господин герцог де Роаннез, уходя, оставил его в страшных мучениях; он лег в постель, боль все усиливалась, и он надумал заняться для облегчения чем-нибудь таким увлекательным, что притянуло бы все соки к мозгу и отвлекло бы его мысли от боли. Тут он вспомнил про задачу о циклоиде, поставленную отцом Мерсенном¹, которую никто не мог разрешить и которой он сам никогда не занимался. Он размышлял об этой столь успешно, что нашел решение и все доказательство. Он так погрузился в это занятие, что зубная боль утихла, и когда, решив задачу, он перестал о ней думать, то обнаружил, что исцелился от своей болезни.

Господин де Роаннез, зайдя к нем утром и увидев, что он здоров, спросил, что же его вылечило. Он ответил, что это циклоида, которую он искал и нашел. Господин де Роаннез, удивленный и таким действием, и самим предметом, ибо он знал его сложность, спросил, что он собирается с этим делать. Мой дядя ответил, что это послужило ему лекарством, а больше ему ничего и не нужно. Господин де Роаннез возразил, что тому есть много лучшее употребление; что ввиду его замысла сражаться с атеистами надо им показать, что он разбирается лучше их всех в том, что касается геометрии и подлежит доказательствам; и что он потому и покоряется вере, что знает, где кончаются доказательства; и потому он посоветовал назначить бо пистолей и бросить вызов всем известным ему сведущим математикам, предложив эту награду тому, кто найдет решение задачи. Господин Паскаль с ним согласился и передал бо пистолей господину де Каркави², названному одним из тех судей, кто будет оценивать работы, присланные со всей Европы, и определил срок в полтора года. За это время работы пришли отовсюду; они все были рассмотрены, и поскольку за полтора года никто решения не нашел, господин Паскаль забрал эти бо пистолей и употребил их на то, чтобы напечатать свой труд и награвировать доски для фигур; все это очень его утомило, потому что над этим трудом он работал так же, как над другими. Он держал его в голове и записывал лишь тогда, когда надо было нести к печатнику, иногда по две работы сразу. Так что иной раз ему

приходилось делать две работы одновременно и потому мешать в уме идеи для обеих.

Когда его труд был напечатан, он взял только сто двадцать экземпляров и послал тем сведущим математикам, которым он бросил вызов, единственно чтобы исполнить свой замысел. Он послал его также своим личным друзьям. Ни одного экземпляра он не дал в продажу, вовсе не имея намерения стяжать себе славу этим сочинением; у него осталось два или три десятка, которые мы нашли после его смерти и которые мой отец отдал одному своему приятелю-книгопродавцу, чтобы тот делал с ними в своей лавке что пожелает.

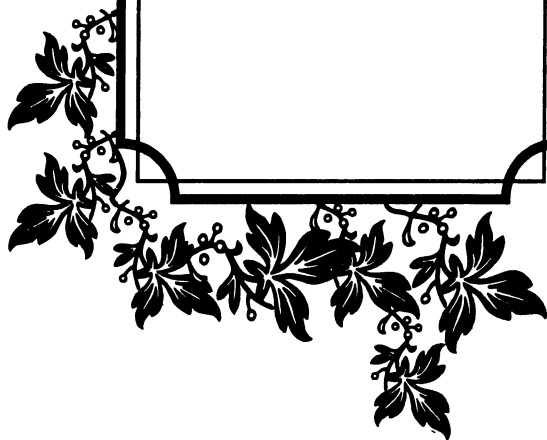
О науке он говорил мало; но когда представлялся случай, он высказывал свое мнение о предмете разговора; к примеру, он нередко высказывал свои мысли о философии Декарта. Он был согласен с ним насчет автомата ³ и совсем не был согласен с тонкой материей ⁴, над которой очень смеялся. Но его объяснение того, как были созданы все вещи, он отвергал и часто говорил: «Я не могу простить Декарту: он хотел бы во всей своей философии обойтись без Бога, но не мог обойтись без того, чтобы Бог дал пинка вселенной и тем запустил ее ход; после чего Бог был ему больше не нужен».

Месяца за два до его кончины случилось так, что у него собралось несколько человек, чтобы обсудить тогдашнее состояние дел в Церкви; представив им сложности некоторых пунктов, он убедился, что эти особы собирались действовать не столь прямо, как ему бы хотелось, и готовы были отступить в том, что казалось ему важным для истины. Это так его поразило, что он упал в обморок и потерял сознание и дар речи. Он пребывал в таком состоянии довольно долго, и когда его с большим трудом привели в чувство и моя мать, при сем присутствовавшая, спросила его, что было тому причиной, он сказал: «Когда я увидел, как эти люди, которых я считал столпами истины, колеблются и поступают своим долгом по отношению к истине,— это меня потрясло, я не мог этого снести и поддался охватившей меня скорби».

После смерти господина Паскаля тело его вскрыли и обнаружили, что желудок и печень его сморщены, а кишки в гангрене, но никто не мог сказать с определенностью, было ли это причиной мучительных колик или их следствием. Но самое удивительное было то, что при вскрытии головы оказалось: у черепа не было швов, кроме лямбдовидного, что очевидно было причиной ужасных головных болей, которыми он страдал всю жизнь. Правда, когда-то у него был шов, называемый лобным; но он долго не зарастал в младенчестве, как это часто бывает в таком возрасте, и потому на нем образовалась мозоль, совершенно его покрывшая и такая большая, что ее легко можно было нащупать пальцем. Что до венечного шва, то его и признака не было. Врачи отметили необычайную величину мозга, вещество которого было столь твердым

и плотным, что они увидели в этом причину, по которой, коль скоро лобный шов не мог зарости, то природа восполнила это с помощью мозоли. Но что было самое удивительное и чему прежде всего врачи приписывали его смерть и последние обстоятельства, ее сопровождавшие,— это то, что внутри на черепе, против мозговых желудочков, были две вмятины, словно выдавленные пальцем на воске; они были полны свернувшейся, запекшейся крови, от которой по мозговой оболочке уже пошла гангрена.

МЫСЛИ

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Паскаль писал свои заметки на больших листах бумаги и отделял одну от другой жирной чертой. Готовясь осенью 1658 года выступить перед своими друзьями в Пор-Рояле с рассказом о плане «Апологии», он разрезал эти листы на более мелкие и распределял их, сообразно теме, по разным «связкам», или сериям. Таких серий, непосредственно предназначавшихся для будущего труда, он успел разложить и озаглавить двадцать восемь. С января 1659 года болезнь мешала ему продолжить это занятие. Оставшиеся 34 серии включают и заметки, касающиеся самых разнообразных предметов. Их дополняют фрагменты, дошедшие до нас из прочих источников.

Пробелы внутри фрагментов соответствуют делениям, обозначенным самим Паскалем. То, что было им вычеркнуто, дается в скобках. В скобках же даются и номера фрагментов по изданию Брунсвика — самому распространенному и уже использовавшемуся нашими переводчиками.

Иноязычные тексты в подавляющем большинстве случаев — латинские; редкие исключения оговариваются при переводе (см. Комментарии). Перевод не дается в том случае, если он содержится в самом паскалевском тексте.

Читателя не должны смущать очевидные порой отрывочность мысли и странности пунктуации; они объясняются особенностями самого сочинения.

РАЗДЕЛ I. СИСТЕМАТИЗИРОВАННЫЕ БУМАГИ

1. Порядок

1 (596). Псалмы поются по всей земле.

Кто свидетельствует о Магомете? Он сам.

И.Х. желает, чтобы Его свидетельство ничего не значило.

Такие свидетели должны быть всегда, и везде, и гонимы. Он одинок.

2 (227). Диалогический порядок.

Что я должен делать. Глаза мои засланы тьмой.

Считать ли мне себя ничтожеством? Считать ли мне себя богом?

3 (227 и 244). Все вещи меняются и сменяют друг друга.

Вы ошибаетесь, тут...

Как, вы не говорите сами, что небо и птицы доказывают существование Бога? Нет. И ваша религия этого не говорит? Нет. Ибо хотя это в каком-то смысле очевидно для немногих душ, коим свет ниспослан от Бога, для большинства это ложно.

4 (184). Письмо, побуждающее к поискам Бога.

А потом искать Его у философов, пирронистов ¹ и догматиков ², которые будут раздражать того, кто Его ищет.

5 (247). Порядок.

Увещательное письмо к другу, чтобы подвигнуть его на поиски. А он ответит: к чему мне искать, все напрасно. Возразить ему: не отчаивайтесь. А он скажет, что был бы счастлив увидеть луч света. Но что согласно этой религии, даже если он уверует, это ничего ему не даст. И потому он предпочитает не искать вовсе. А на это отвечать ему: Машина ¹.

- 6 (60). 1. Раздел. Несчастье человека без Бога.
2. Раздел. Радость человека с Богом.

иначе

1. Разд. Что природа испорчена самой же природой.
2. Раздел. Что согласно Писанию, есть Исцелитель.

7 (248). Письмо, указывающее на пользу доказательств. Через Машину.

Вера отличается от доказательства. Одно от человека, а другая дар Божий. *Justus ex fide vivit* ¹. Доказательство зачастую и есть орудие веры, которую Бог сам вкладывает в сердце, *fides ex auditu* ², но вера живет в сердце и заставляет говорить не *scio*, но *Credo* ³.

8 (602). Порядок.

Посмотреть, что есть ясного и неоспоримого в положении евреев.

9 (291). В письме можно поговорить о несправедливости.

Нелепый закон, по которому старшие получают все. Друг мой, вы родились по эту сторону горы, следовательно, то, что все имение отошло к вашему старшему брату, справедливо.

Почему вы меня убиваете?

10 (167). Все это от ужасов человеческой жизни. Взглянув на них, люди ударились в развлечения.

11 (246). Порядок. После письма о необходимости поисков Бога написать письмо об удалении препятствий — рассуждение о Машине, о подготовке Машины, о поисках разумом.

12 (187). Порядок.

Люди презируют религию. Они испытывают ненависть и страх при мысли, что она может оказаться истинной. Дабы излечить от этого, надо начать с доказательства того, что религия вовсе не противоречит разуму. Заслуживает почтения, внушить его.

Потом представить ее привлекательной, пробудить у добрых людей желание, чтобы она оказалась истинной, а затем доказать, что она истинна.

Заслуживает почтения, потому что хорошо знает человека.

Привлекательна, потому что обещает истинное благо.

II. Суета

13 (133). Два похожих лица; по отдельности в каждом из них нет ничего особенно смешного, но вместе они вызывают смех своим сходством.

14 (338). Однако же истинные христиане все-таки покоряются страстям, не из уважения к ним, а повинуюсь установлениям Господа, в наказание людям поработившего их страстям. *Omnis creatura subjecta est vanitati, liberabitur* ¹. Потому и святой Фома объясняет то место из святого Иакова о предпочтении, оказываемом богатым ², так, что если они это делают не сообразуясь с волей Господа, то нарушают установления религии.

15 (410). Персей ¹, царь македонский. Эмилий Павел.

Персея упрекали за то, что он не наложил на себя руки.

16 (161). Суета.

Столь очевидная вещь, как мирская суета, так мало известна, что если сказать: искать славы и власти глупо,— это покажется странно и удивительно. Вот что меня поражает.

17 (112). Непостоянство и Прихоти.

Жить только своим трудом и царствовать над могущественнейшей страной в мире — вещи весьма далекие друг от друга. Они соединяются в особе турецкого султана.

18 (955). Кончик капюшона воздвигает на борьбу 25 000 монахов ¹.

19 (318). У него четыре лакея.

20 (292). Он живет на другом берегу.

21 (381). Слишком юные не умеют рассуждать здраво, слишком старые — тоже.

Думаешь ли о каком-то предмете слишком мало или слишком много — одинаково себя морочишь.

Если судишь о своем труде сразу же после его окончания, то еще не можешь от него отделиться, если слишком долго спустя, то уже не можешь в него войти.

Так и картины, если смотреть на них со слишком близкого или слишком далекого расстояния. И лишь единственная маленькая точка и есть нужное место.

Все другие слишком близко, слишком далеко, слишком высоко или слишком низко. В искусстве живописи эта точка определяется перспективой, но кто ее определит для истины и морали?

22 (367). Могущество мух: они выигрывают сражения, отвлекают наши умы, грызут наши тела.

23 (67). Тщета наук.

В минуты скорби знание вещей внешних не сможет меня утешить в незнании морали, но знание нравов всегда утешит меня в невежестве относительно наук о внешнем мире.

24 (127). Удел человеческий.

Переменчивость, скука, тревога.

25 (308). Привычка видеть королей окруженными стражей, трубачами, саванниками и всем прочим, что внушает машине почтение и страх, приводит к тому, что и в тех несчастных случаях, когда короли оказываются одни, без сопровождения, их лица вызывают почтение и страх у подданных. Это потому, что люди не отделяют мысленно их особы от свиты, вместе с которой их обычно видят. И те, кто не знают, что причиной тому привычка, полагают, что причина в каких-то природных свойствах. Отсюда эти выражения: печать божественности лежит на его челе, и т. д.

26 (330). Могущество царей основано на рассудительности и на глупости народов, причем на глупости много больше. Самая великая и важная вещь в мире имеет своим основанием неразумие. И основание это поразительно надежно: ведь тут нет ничего кроме того, что народ неразумен. А то, что основано на здравом рассуждении, основано на песке — например, уважение к мудрости.

27 (354). Человеческая природа не знает движения по прямой; у нее свои приливы и отливы.

Лихорадка бросает в жар и в озноб. И озноб так же свидетельствует о силе горячки, как и сам жар.

То же самое с изобретениями человеческого ума из века в век, и то же самое вообще с благом и злом мира.

Plerumque gratae principibus vices ¹.

28 (436). Неразумие.

Люди заняты одним только добыванием благ; но у них нет ни умения доказать, что они владеют этим благом по праву, ибо ими движут лишь прихоти человеческие, ни сил это благо удержать.

То же и со знанием. Болезнь его отнимает.

Мы не способны ни на истину, ни на добро.

29 (156). *Ferox gens nullam esse vitam sine armis rati* ¹.

Одни предпочитают смерть миру, другие предпочитают смерть войне.

Любую идею можно предпочесть жизни, любовь к которой кажется столь сильной и естественной.

30 (320). Вести корабль выбирают не того из мореплавателей, кто среди них самый знатный.

31 (149). Люди не заботятся об уважении к себе в тех городах, где они проездом. Но стоит им там немного задержаться, как они начинают об этом заботиться. Задержаться насколько? На время, соразмерное отпущенной нам краткой, пустой жизни.

32 (374). Суета.

Долг уважения означает: поступите своими удобствами.

33 (374). Что меня изумляет больше всего — это то, что никто не изумляется собственному неразумию. Люди всерьез что-то предпринимают, и каждый следует своему уделу не потому, что это и вправду хорошо, не потому, что так уж заведено, а словно бы каждый твердо знал, в чем состоят разум и справедливость. Люди обманываются на каждом шагу и с удивительным смирением винят в том собственные ошибки, а не то знание, обладанием которым они неизменно гордятся. Но хорошо, что в мире, к вящей славе пирронизма, столько не-пирронистов: это доказывает, что человек способен на самые невероятные заблуждения, коль скоро он может полагать своим неизменным природным свойством не слепоту, а, напротив, мудрость.

Ничто так не подтверждает правоту пирронизма, как существование не-пирронистов. Если бы все были пирронистами, они были бы не правы.

34 (376). Эту секту больше укрепляют враги, чем друзья, ибо глупость человеческая много яснее проявляется у тех, кто о ней не подозревает, чем у тех, кто ее признаёт.

35 (117). Каблучок.

О, какое изящество! Что за искусный мастер! Какой храбрый солдат! Вот источник наших склонностей и выбора занятий. Как этот умеет пить, как тот мало пьет: вот откуда появляются трезвенники и пьяницы, солдаты, тусы и т. д.

36 (164). Кто не видит суетности мира, сам суетен. Но кто ее не видит? Разве что молодые люди, которые душой целиком в страстях, развлечениях и мыслях о будущем.

Но отнимите у них развлечение — и вы увидите, что они умирают от тоски. Они смутно чувствуют свое ничтожество, не сознавая его; это большое несчастье — испытывать невыносимую скорбь, как только приходится задуматься о самом себе и ничем от этих мыслей не отвлекаться.

37 (158). Разные занятия.

Слава так сладка, что пусть ее принесет хоть смерть, — мы все равно ее любим.

38 (71). Слишком много и слишком мало вина.

Не давайте ему вина: он не сможет найти истину.

Дайте ему слишком много вина: то же самое.

39 (141). Люди заняты тем, что гоняются за мячиком или зайцем: даже короли находят в этом удовольствие.

40 (134). Какая суетность: мы восхищаемся картиной за то, что на ней похоже изображены такие вещи, которыми мы вовсе не восхищаемся в натуре.

41 (69). Когда читаешь слишком быстро или слишком медленно, понимаешь плохо.

42 (207). Сколько царств о нас и не ведает!

43 (136). Мало что нас утешает, так как мало что огорчает нас.

44 (82). Воображение.

Эта главенствующая способность человека, эта госпожа обмана и заблуждения, тем более коварная, что не всегда она такова: она была бы непогрешимым мерилom истины, если б не грешила ложью. И —

Но будучи чаще всего ложной, она никак себя не выдает, помечая одинаковым знаком истину и ложь. Я говорю не о глупцах, я говорю о самых разумных; это среди них воображение имеет полную свободу убеждать. Напрасно вопиет разум, не он определяет цену вещам.

Эта надменная сила, враждебная разуму, которая тешится своей властью над ним, чтобы показать, как она могущественна, создала вторую человеческую природу. У нее свои счастливы и неудачники, свои здоровяки, хворые, богачи, нищие. Она заставляет верить, сомневаться, отвергать разум. Она приглушает чувства и обостряет их. У нее свои безумцы и свои мудрецы. И более всего нам обидно видеть, что она дает приютившим ее удовлетворение куда более полное и совершенное, чем разум. Предающиеся воображению нравятся самим себе много больше, чем могут себе нравиться благоразумные и осмотрительные. Одни смотрят на людей властным взглядом, спорят смело и уверенно — другие это делают робко и нерешительно, — и такое ясно выражение лица часто дает им преимущество во мнении слушателей, настолько мудрецы от воображения в чести у судей той же породы. Воображение не может сделать дураков мудрецами, но оно делает их счастливыми, к зависти разума, который может дать своим друзьям только горе; воображение рождает гордость, разум — стыд.

Кто создает общее мнение, кто внушает уважение и восхищение к людям, сочинениям, законам, знатности, как не эта способность воображения? Все земные сокровища не стоят ничего без ее благоволения. Вы говорите, что этот сановник, чья почтенная старость вызывает всеобщее уважение, во всем следует разуму чистому и возвышенному, что он судит о вещах по их сути, а не по внешним признакам, способным лишь поразить воображение глупцов. Вот он входит в храм послушать проповедь, и его ревностная набожность подкрепляет твердость его разума пылкостью благочестия; он готовится выслушать проповедь с беспримерной почтительностью. Но вот появляется проповедник, и если природа наградила его скрипучим голосом и забавными чертами, если цирюльник плохо его побрил, если к тому же он случайно испачкался в грязи по дороге, — какие бы глубокие истины он ни возвещал, держу пари: наш сенатор утратил свою серьезность.

Окажись величайший философ в мире на доске через пропасть и будь эта доска много шире, чем требуется, — как бы ни убеждал его разум, что он в безопасности, воображение возьмет верх. Многие не могут и подумать об этом, не бледнея и не обливаясь потом.

Не стану говорить обо всех проявлениях; кто не знает, что стоит кошке или крысе попасться на глаза, угольку хрупнуть под ногой, и т. д. — и вот уже разум выбит из колеи. Тон голоса подчиняет себе самых мудрых и неизбежно меняет речи и стихи.

Благорасположение или неприязнь склоняют на свою сторону правосудие; и насколько адвокат, чьи труды заранее хорошо оплачены, находит более справедливым дело, которое он защищает! Как убеждают его пылкие жесты судей, обманутых этой видимостью! Жалкий разум, который каждый ветерок может повернуть в любую сторону. Я мог бы сказать едва ли не про все

человеческие поступки, что они движутся почти всегда лишь такими колебаниями. Ибо разум принужден уступать, и самый мудрый разум принимает для себя те правила, которые дерзко распространило повсюду человеческое воображение. (Тот, кто захочет следовать одному лишь разуму, будет ответным глупцом. Весь день надо — так уж заведено — трудиться ради мнимых благ; а когда сон освобождает нас от бремени разума, приходится поминутно вскакивать, чтобы гнаться за призраками и стряхивать с себя наваждение этой владычицы мира.)

(Вот причина наших заблуждений, но она не единственная.)

(Человек правильно сделал, что соединил эти две силы: хотя при таком мире воображение и получает большое преимущество, но в случае войны преимущество было бы целиком на его стороне. Никогда разум не побеждает воображение полностью, а обратное происходит всякий день.)

Наши судейские отлично поняли эту тайну. Их алые мантии, горностаи, в котором они похожи на пушистых котов¹, дворцы, где они вершат суд, королевские гербы, — все это торжественное великолепие совершенно необходимо; и если бы врачи лишились своих мантий и туфель, если бы ученые не имели квадратных шапочек и широчайших рукавов, — они бы ни за что не сумели заморочить весь честной народ, беззащитный перед таким удивительным зрелищем. Твори они истинное правосудие, владей лекари подлинным искусством врачевания, квадратные шапочки им были бы ни к чему. Глубина их познаний сама внушала бы к себе почтение; но поскольку знания эти мнимые, им приходится прибегать к таким обманным приемам, которые поражают воображение — а именно к воображению они взывают и благодаря ему добиваются уважения к себе.

Только солдаты не рядятся подобным образом, потому что занимаются действительно важным делом. Одни добывают себе положение силой, другие — ужимками.

Властителям земным тоже нет нужды переоблачаться. Они не обряжаются в какие-то особенные одежды, чтобы их узнавали. Но они окружают себя стражниками, воинами. Эти вооруженные люди, чья сила и храбрость служат им одним, трубы и барабаны, возвещающие их появление, сопровождающие их легионы заставляют трепетать и самых отважных. У них нет наряда, зато у них есть власть. Надо обладать большой здравостью суждения, чтобы видеть обыкновенного человека в турецком султани, которого охраняют в его серале сорок тысяч янычаров.

Мы не можем просто смотреть на адвоката в мантии и квадратной шапочке и не составить себе при этом благоприятного мнения о его познаниях.

Воображение всем владеет; оно создает красоту, праведность и счастье, к чему стремится мир.

Я бы очень хотел взглянуть на итальянскую книжку, которую знаю только

по названию — но оно одно стоит многих книг: Dell' opinione regina del mondo ². Я подписываюсь под ней, не читая, — разве только в ней есть что-то дурное.

Таковы вкратце деяния этой лживой способности, которая дана нам словно специально для того, чтобы неизбежно вводить нас в заблуждение. Но у нас есть для того и другие причины.

Не только давние впечатления могут обманывать нас, очарование новизны обладает такой же властью. Отсюда раздор в наших душах; мы упрекаем себя либо за то, что следуем ложным впечатлениям детства, либо за то, что отчаянно гонимся за новыми. Кто придерживается золотой середины — пусть явится и докажет это. Нет такого самого очевидного правила, которое нельзя было бы представлять изначально ложным следствием либо обучения, либо нашего восприятия.

Одни говорят: поскольку вы с детства полагали, что сундук пуст, раз вы в нем ничего не видите, вы поверили в возможность пустоты. Это обман ваших чувств, подкрепленный привычкой, и надо, чтобы учение его исправило. А другие утверждают: поскольку вам сказали в школе, что пустоты не существует, то ваш здравый смысл, судивший так верно до этих ложных сведений, оказался подпорчен, и надо исправить его, вернувшись к изначальным природным понятиям. Так кто же обманщик? Чувства или знания?

Есть у нас и еще один источник заблуждений: болезни. Они искажают суждение и восприятие. И если серьезные болезни значительно их меняют, то я думаю, что и легкие недомогания делают свое, соразмерное им, дело.

Наконец, наша выгода — чудесное орудие для бескровного самоослепления. Даже честнейшему человеку на свете не дано быть судьей в своем собственном деле. Я знаю людей, которые, чтобы не впасть в потворство своим интересам, совершали величайшую несправедливость в противоположном смысле. Верным средством проиграть самое справедливое дело было прибегнуть к ходатайству их ближайших родственников. Справедливость и истина обитают в таких крошечных точках, которые наши слишком грубые инструменты не могут точно определять. И если они их и находят, то размазывают эти точки так, что оказываются ближе ко лжи, чем к истине.

(Значит, человек так счастливо устроен, что не имеет ни одного надежного способа пребывать в истине, зато множество отличных способов пребывать во лжи. Теперь посмотрим, сколько же их.)

Но самая удивительная причина его заблуждений — война между чувствами и разумом.)

45 (83). Человек — не более чем существо, по природе своей исполненное заблуждений, без благодати не устранимых. Ничто не указывает ему истину.

Все его обманывает. Эти два источника истины, разум и чувства, не только ненадежны сами по себе, но еще и обманывают друг друга; чувства обманывают разум ложной видимостью. И за такое плутовство ум платит чувствам тем же, вознаграждая себя. Страсти берегут чувства, сбивают их с пути. Они власть лгут и обманываются сами.

Но кроме заблуждений, проистекающих из всяких случайностей и несогласия между разнородными способностями...

(Тут надо начать главу о лживых свойствах.)

46 (163). Суета.

Истоки и последствия любви. Клеопатра.

47 (172). Мы никогда не задерживаемся в настоящем. Мы вспоминаем прошлое; мы предвкушаем будущее, словно хотим поторопить его слишком медленный шаг, или вспоминаем прошлое, чтобы остановить его мимолетность. Мы так неосмотрительны, что блуждаем по недоступным нам временам и вовсе не думаем о том единственном времени, которое нам принадлежит; так легкомысленны, что мечтаем только о воображаемых временах и без рассуждений бежим от единственного существующего в действительности. Это потому, что настоящее обычно нас ранит. Мы его прячем с глаз долой, потому что оно нас удручает, а если оно нам приятно, то жалеем, что оно ускользает. Мы пытаемся удержать его в будущем и предполагаем распоряжаться такими вещами, которые отнюдь не в нашей власти, в том времени, до которого мы вовсе не обязательно доживем.

Пусть каждый разберется в своих мыслях. Он увидит, что все они заняты прошлым или будущим. Мы почти не думаем о настоящем, а если и думаем, то лишь для того, чтобы в нем научиться получше управлять будущим. Настоящее не бывает никогда нашей целью.

Прошлое и настоящее для нас средства; только будущее — наша цель. И таким образом, мы вообще не живем, но лишь собираемся жить, и постоянно надеемся на счастье, но никогда не добиваемся его, и это неизбежно.

48 (366). Дух этого царственного судии мира не настолько свободен, чтобы не зависеть от малейшего шороха рядом. Чтобы спугать его мысли, не надо пушечного выстрела. Достаточно скрипа флюгера или лебедки. Не удивляйтесь, если он сейчас плохо рассуждает: муха жужжит у него над ухом. Этого довольно, чтобы он стал не способен дать добрый совет. Если вы хотите, чтобы он смог отыскать истину, прогоните это создание, которое сковывает его рассудок и смущает могучий разум, правящий городами и царствами.

Хорошо же это божество. O ridicolosissime heroe! ¹

49 (132). Мне кажется, Цезарь был слишком стар, чтобы развлекаться завоеванием мира. Эта забава была хороша для Августа и Александра. То были молодые люди, которых трудно удержать, но Цезарь был зреее.

50 (305). Швейцарцы обижаются, если их принимают за дворян, и доказывают свое престонародное происхождение, чтобы их сочли достойными высоких постов.

51 (293). Почему вы убиваете меня, когда за вами преимущество? Я безоружен.— Как, разве вы не живете на другом берегу? Друг мой, если б вы жили на этом берегу, я был бы душегуб, и убивать вас таким способом было бы несправедливо. Но коль скоро вы живете на другом берегу, я храбрец, и это справедливо.

52 (388). Здравый смысл.

Они вынуждены говорить: вы поступаете нечестно, мы не дремлем, и т. д. Какое удовольствие для меня видеть этот надменный разум униженным и молящим. Это не речи мужа, оружием и силой защищающего свое право от посягательств. Он не тешитса разговорами о честности, а карает подлость силой.

III. Ничтожество

53 (429). Человек низок настолько, что покоряется животным, поклоняется им.

54 (112). Непостоянство.

Вещи имеют различные свойства, а душа — различные наклонности; нет ничего простого в том, что предстает душе, и душа никогда и ни в чем не предстает простой. Здесь причина того, что люди и плачут, и смеются над одним и тем же.

55 (111). Непостоянство.

К человеку прикасаешься словно к органу. Человек и есть орган, только странный, изменчивый, непостоянный. (Те, кто умеют играть только на обыкновенных органах) с этими не справятся. Нужно знать, где у них клавиши.

56 (181). Мы так несчастны, что можем получать удовольствие от какого-то дела лишь при условии, что огорчаемся, если оно кончается неудачей,— а это может происходить и происходит постоянно в тысяче случаев. Кто откроет тайну, как радоваться благу, не огорчаясь от сопутствующего зла, тот решит задачу. Это вечное движение.

57 (379). Нехорошо быть слишком свободным.
Нехорошо иметь все необходимое.

58 (332). Тирания состоит в желании властвовать надо всем и безо всяких ограничений.

Разные палаты — силы, красоты, остроумия, благочестия, и каждая правит у себя, а не над другими. Но иногда они сталкиваются, и сила с красотой начинают драться за власть друг над другом, поскольку власть их имеет разную природу. Они не уживаются вместе. Их ошибка в желании царствовать повсюду. Это никому не дано, даже силе: сила — ничто в царстве ученых, она госпожа лишь над внешним миром.— Итак, эти рассуждения неверны...

58 (332). Тирания.

Тирания — это желание заполучить одним способом то, что можно получить лишь другим. Мы платим разную дань разным достоинствам: дань любви — красоте, дань страха — силе, дань доверия — науке.

Мы должны платить эту дань, было бы несправедливо в ней отказывать; но несправедливо и требовать другую. Вот почему кажутся неверными и тираническими такие рассуждения: я красивый, поэтому меня должны бояться, я сильный, поэтому меня должны любить, я... И точно такие же ложь и тирания в словах: он не сильный, поэтому я не буду его уважать, он не учен, поэтому я не буду его бояться.

59 (296). Когда нужно решать, следует ли начинать войну и убивать множество людей, приговаривать множество испанцев к смерти,— все решает один

человек, и к тому же лицо заинтересованное; это должен быть беспристрастный третейский судья.

60 (294). (На самом деле эти бессильные законы он обойдет, следовательно, стоит его обманывать.)

На чем он будет основывать устройство мира, которым желает править? На прихоти каждого человека? Какой будет беспорядок! На справедливости? Но он не знает, в чем она состоит. Если бы он это знал, он не поддерживал бы самую распространенную среди людей максиму о том, что каждый следует нравам своей страны. Сияние подлинной правды покорило бы все народы. А законодатели не брали бы за образец, вместо этой неизменной истины, выдумки и прихоти персов или германцев. Она пребывала бы во всех государствах на свете и во все времена, а не так, как мы видим, что справедливость и несправедливость меняются с переменой климата, три градуса широты переворачивают всю юриспруденцию, истина зависит от меридиана. За несколько лет употребления меняются основные законы, у права есть свои эпохи, вхождение Сатурна в созвездие Льва обозначает рождение такого-то преступления. Хороша справедливость, которой речка кладет предел. Истина по сю сторону Пиренеев, заблуждение по другую.

Они признают, что источник справедливости — не в обычаях, но в естественных законах, общих всем странам. Разумеется, они бы яростно это отстаивали, если бы безрассудный случай, сеющий законы по свету, нашел хоть один всеобщий закон. Но ирония в том, что прихоти человеческие слишком разнятся между собой, и такого всеобщего закона нет.

Воровство, кровосмешение, детоубийство и отцеубийство — все числилось среди поступков добродетельных. Может ли быть что-либо более странное, чем то, что какой-то человек имеет право меня убить, поскольку он живет на другом берегу и его государь поссорился с моим, хотя у нас с ним нет никакой ссоры.

Разумеется, естественные законы существуют, но этот хваленый разум, сам извращенный, извратил и все вокруг. *Nihil amplius nostrum est, quod nostrum dicimus artis est* ¹. *Ex senatus-consultis et plebiscitis crimina exercentur* ². *Ut olim vitiiis sic nunc legibus laboramus* ³.

Из этой путаницы проистекает, что один говорит, будто источник справедливости — в авторитете законодателя, другой — в желании государя, третий — в существующих обычаях, и это вернее всего. Ничто не бывает справедливо само по себе, повинуюсь одному лишь разуму; все колеблется вместе со временем. Обычай — вот и вся справедливость, по той единственной причине, что он в нас укоренился. Тут мистическое основание его власти. Кто станет докапываться до его истоков, его уничтожит. Ничто так не ошибочно, как законы, карающие нас за ошибки. Тот, кто повинуется им, потому что они

справедливы, повинуются воображаемой справедливости, а не сути закона. Закон сводится к самому себе. Он закон — и ничего больше. Кто захочет выяснить его побудительную причину, тот обнаружит, что она крайне легковесна и неразумна; и если он не привык созерцать причуды человеческого воображения, то будет удивляться, как это век окружает подобный закон такими почестями и преклонением. Искусство фрондировать и сотрясать государство состоит в умении подрывать установившиеся обычаи, доискиваясь до их истоков и показывая, сколь мало в них основательности и справедливости. Говорят, надо обращаться к изначальным, первейшим законам государства, которые ложный обычай отменил. Это верное средство все разрушить. Однако народ легко поддается таким речам, он сбрасывает ярмо, как только его распознает, а властители этим пользуются ему на гибель и на гибель нашим любознательным исследователям древних обычаев. Вот почему мудрейший из наших законодателей говорил, что для блага людей их зачастую следует обманывать, а другой, здравый политик, — *Cum veritatem qua liberetur ignoret, expedit quod fallatur* ⁴. Не нужно, чтобы он знал правду о самозванстве власти; когда-то она установилась незаконно, теперь она стала законной. Нужно представлять ее подлинной и вечной и скрывать ее происхождение, если не хочешь, чтобы ей вскорости пришел конец.

61 (309). Справедливость.

Справедливость так же зависит от моды, как и красота.

62 (177). (Три гостеприимца)

Мог ли подумать человек, заручившийся благосклонностью английского короля, польского короля и шведской королевы ¹, что у него не найдется приюта и убежища на этой земле?

63 (151). Слава.

Людские похвалы все портят с детства. О, как это прекрасно сказано! О, как он хорошо поступил, какой он смысленный, и т. д.

Дети в Пор-Рояле, которых оберегают от этих укусов зависти и тщеславия ¹, становятся нерадивы.

64 (295). Мое, твое.

Эта собака моя, говорят бедные дети. Это мое место под солнцем. Вот начало и образ всех беззаконий на земле.

65 (115). Разнообразие.

Богословие — наука, но вместе с тем сколько наук она в себе заключает? Человек — это тело, но что это для анатомии? Голова, сердце, желудок, жилы, каждая жила, каждая часть жилы, кровь, каждый гумор крови ¹.

Город, деревня; издали это город и деревня, но когда приближаешься, видишь дома, деревья, крыши, листья, былинки, муравьев, муравьиные лапки — и так до бесконечности. Все это заключено в слове «деревня».

66 (326). Несправедливость.

Опасно говорить народу, что законы несправедливы; ведь он им повинуеться только потому, что верит в их справедливость. Вот отчего следует тут же ему сказать, что законам надо повиноваться потому, что они законы, равно как надо повиноваться начальникам не потому, что они справедливы, но потому, что они начальники. Вот средство предотвратить всякий бунт, если удастся убедить в том, что это и есть определение справедливости.

67 (879). Несправедливость.

Право существует не для тех, кто им владеет, но для тех, кто ему подчиняется: говорить это народу опасно, но народ слишком вам доверяет, ему это не повредит, а вам может быть полезно. Итак, следует этого не скрывать. *Parse oves meas, а не tuas* ¹. Пасти овец — ваш долг передо мной.

68 (205). Когда я думаю о кратком сроке своей жизни, поглощаемом вечностью до и после нее — *memoria hospitis unius diei praetereuntis* ¹, — о крошечном пространстве, которое я занимаю, и даже о том, которое вижу перед собой, затерянном в бесконечной протяженности пространств, мне неведомых и не ведающих обо мне, я чувствую страх и удивление, отчего я здесь, а не там; ведь нет причины, почему бы мне оказаться скорее здесь, чем там, почему скорее сейчас, чем тогда. Кто меня сюда поместил? Чьей волей и властью назначено мне это место и это время?

69 (174). Ничтожество.

Иов и Соломон.

70 (165). Если бы участь наша была действительно счастливой, нам не нужно было бы отвлекаться от мыслей о ней.

71 (405). Противоречие.

Гордыня — противовес всем несчастьям, скрывает ли она их или выставляет напоказ; она хвалится тем, что о них знает.

72 (66). Нужно знать самого себя. Пусть это не поможет найти истину, но поможет хотя бы правильно устроить свою жизнь, а это самое благое дело.

73 (110). Ощущение обманчивости доступных нам наслаждений и неведение о тщете наслаждений воображаемых — вот причина непостоянства.

74 (454). Несправедливость.

Они не нашли иного способа удовлетворять свои вожеления, не причиняя вреда другим.

Иов и Соломон.

75 (389). Екклезиаист доказывает, что человек без Бога лишен всякого знания и неизбежно несчастлив, ибо это несчастье — желать и не мочь. Ведь он хочет быть счастливым и уверенным в какой-то истине. Однако он не может ни достичь знания, ни отказаться от желания знать. Он не может даже сомневаться.

76 (73). 13. (Но, быть может, этот предмет за пределами человеческого разума. Посмотрим же, что он придумал в том, что ему по силам. Если есть что-то, к чему собственные интересы побуждают его приложить самые серьезные старания, то это поиски высшего блага. Итак, в чем же его находят эти мощные и пронизательные умы, и согласны ли они между собою?

Один говорит, что высшее благо — в добродетели, другой — в сладострастии, третий — в следовании природе, четвертый — в истине — *felix qui potuit rerum cognoscere causas*¹, пятый — в полном неведении, шестой — в праздности, седьмой — в том, чтобы не поддаваться обманчивой видимости, восьмой — в том, чтобы ничему не удивляться — *nihil mirari prope res una quae possit facere et servare beatum*², а славные пирронисты — в своей атараксии, вечном сомнении и колебании. А самые мудрые полагают, что найти его нельзя, даже в мечтах. Вот нам и награда.

Переставить
этот раздел
после законов

Но, может быть, если эта чудесная философия и не добила́сь ничего определенного ценой столь долгих и напряженных усилий, то душа хотя бы сумела понять самое себя. Послушаем, что говорят об этом наставники человечества. Что они думают о ее сущности? Оказались ли они удачливее в поисках ее местопребывания? Что они узнали о ее происхождении, сроке жизни, расставании с телом?

Значит ли это, что душа — слишком возвышенный предмет для ее слабого разума? Тогда спустимся к материи. Посмотрим, знает ли душа, из чего сделано то тело, в которое она вдыхает жизнь, и другие тела, которые она созерцает и перемещает по своему усмотрению.

Что же знают об этом наши великие догматики, от коих ничто не скрыто?

Harum sententiarum ³.

Без сомнения, этого было бы довольно, если бы разум был разумен. Он достаточно разумен для того, чтобы признать, что не смог пока найти ничего бесспорного. Но он еще не отчаивается когда-нибудь это сделать; напротив, он по-прежнему исполнен рвения в этих поисках и уверен, что у него хватит сил для такой победы.

Надо довести это до конца; проверив его силы по их достижениям, исследуем их самих по себе. Посмотрим, если ли у разума силы и средства познать истину.)

IV. Скука

77 (152). Гордыня.

Любознательность — это всего лишь тщеславие. Чаще всего люди ищут знаний только для того, чтобы поговорить об этом; кто бы пустился в морское плавание, чтобы не проронить о нем ни слова и ради единственного удовольствия повидать мир, без надежды об этом рассказать.

78 (126). Описание человека.

Зависимость, жажда независимости, нужда.

79 (128). Люди порывают с привычными занятиями от скуки. Мужчина спокойно живет в своей семье; стоит ему увидеть привлекательную женщину, поиграть 5 или 6 дней в свое удовольствие — и он уже чувствует себя несчастным, вернувшись к прежнему состоянию. Вот самая обыкновенная вещь на свете.

V. Причины вещей

80 (317). Почтение означает: поступите своими удобствами.

Это кажется суетно, а на самом деле очень правильно: я бы, конечно, потревожил себя, если бы вам это было нужно, коль скоро я это делаю безо всякой для вас надобности. К тому же, знаки почтения нужны для того, чтобы отличать высших. Если бы почтение выражалось сидением в кресле, мы бы почитали всех, и никакого отличия не было бы. Но вскочив с места, мы проводим это отличие очень ясно.

81 (299). Единственные всеобщие правила — это законы страны в делах обыкновенных и мнение большинства в остальном. В чем тут причина? В силе.

И поэтому короли, обладающие силой, не следуют мнению большинства своих министров.

Без сомнения, имущественное равенство справедливо, но...

Не умея сделать так, чтобы сила повиновалась справедливости, мы представляем справедливым повиновение силе. Не умея усилить справедливость, мы оправдываем силу, чтобы соединить справедливость с силой ради установления мира, который есть высшее благо.

82 (271). Мудрость велит нам вернуться в детство. *Nisi efficiamini sicut parvuli*¹.

83 (327). Простые люди судят о вещах верно, потому что они пребывают в естественном неведении, как и подобает человеку. У знания две крайности, и крайности эти сходятся: одна — полное естественное неведение, с которым человек рождается на свет; другая крайность — та точка, на которой великие умы, объяввшие все доступное людям знание, обнаруживают, что они не знают ничего, и возвращаются к тому самому невежеству, откуда начали свой путь; но это невежество умное, сознающее себя. А те между этими двумя крайностями, кто утратили неведение естественное и не обрели другого, тешатся крохами поверхностного знания и строят из себя умников. Они-то и сбивают людей с толку и ложно судят обо всем.

Простые люди и мудрецы поддерживают течение жизни; а эти его презирают, и им платят тем же. Они судят ложно обо всех вещах, а остальные судят верно.

84 (79). (Декарт.

Можно сказать в общем: это происходит с помощью числа и движения ¹. И это верно; но говорить, какие именно, и создавать машину — это смешно. Это и бесполезно, и сомнительно, и трудно. А если б это было верно, не думаю, что вся философия стоила бы и часа, на нее потраченного.)

85 (878). *Summum jus, summa injuria* ¹.

Мнение большинства — наилучший путь, поскольку оно очевидно и имеет достаточно силы, чтобы заставить себе повиноваться. Однако это мнение не самых мудрых.

Если бы это было возможно, силу подчинили бы справедливости; но силой нельзя распоряжаться по своему желанию, поскольку она — качество физическое, тогда как справедливость — качество духовное, и ею можно распоряжаться как хочешь. Ее подчинили силе и стали называть справедливым то, чему повинуются насильно.

Отсюда право меча — ведь меч дает подлинное право.

Иначе насилие было бы по одну сторону, а справедливость — по другую. Конец Двенадцатого «Письма к провинциалу» ².

Поэтому несправедлива Фронда, которая во имя своей мнимой справедливости восстает против силы.

Не так в Церкви, где есть истинная справедливость и нет насилия.

86 (297). *Veri juris* ¹. У нас его больше нет. Если б оно у нас было, мы не принимали бы за правило справедливости следование обычаям своей страны.

Поэтому, не умея подчиняться справедливости, люди подчинились силе, и т. д.

87 (307). Канцлер принимает важный вид и обвешивает себя украшениями. Ибо должность его — мнимая; не то король. У него настоящая сила и нет нужды в воображении. А судьи, доктора и т. д. владеют только воображением.

88 (302). Тут причина в силе, а не в обычае, ибо тех, кто способен придумать что-то новое, немного. Сильное же большинство не желает ничего менять и отказывает в славе этим выдумщикам, мечтающим ее добиться посредством своих изобретений. Если же они в этом упорствуют и презирают тех, кто не может ничего придумать, другие награждают их издевками, а то и тумаками.

Пусть же они не чванятся остротой своего ума — или довольствуются собственным мнением о себе.

89 (315). Причина вещей.

Поразительно: вы не хотите, чтобы я воздавал почести человеку, одетому в парчу и за которым следуют семь или восемь лакеев. Да если я ему не поклонюсь, он велит отстегать меня кнутом. Наряд — это сила. Это верно даже про коня в богатой сбруе рядом с другими. Странно, что Монтень не видит, какая тут разница ¹, удивляется, что люди ее находят, и ищет тому объяснений. Поистине,— пишет он,— в чем причина, и т. д.

90 (337). Причина вещей.

Степени понимания. Простонародье почитает людей знатных, полумудрецы их презирают, говоря, что высокое происхождение дарится не личными достоинствами, а случаем. Мудрецы их почитают, но не из тех же соображений, что народ, а из более тонких. Святоши, у которых больше рвения, чем ума, их презирают, несмотря на уважение, которое им оказывают мудрецы, потому что они судят согласно новому знанию, дарованному им благочестием, но истинные христиане их почитают согласно иному, высшему знанию.

Итак, мнения колеблются от «за» до «против» сообразно степени знания.

91 (336). Причина вещей.

Нужно иметь понимание более тонкое и судить обо всем сообразно ему, но говорить надо так, как говорит народ.

92 (335). Причина вещей.

Все же верно будет сказать, что заблуждаются все; ибо хотя суждения простых людей здравы, в их умах они не таковы — ведь они видят истину не там, где она есть. В их мнении истина есть, но не там, где они думают. Верно, что надо почитать знатных, но не потому, что высокое рождение есть подлинное преимущество, и т. д.

93 (328). Причина вещей.

Постоянное превращение «за» в «против».

Итак, мы доказали, что человек суетен, ибо придает значение вещам несущественным. И все его мнения опровергнуты.

Мы доказали затем, что все эти мнения весьма здравы; что суетность эта имеет самые твердые основания и что простые люди не так суетны, как полагают обычно. Так мы опровергли мнение, опровергавшее мнение простых людей.

Но теперь нужно опровергнуть это последнее утверждение и доказать, что все-таки мысль о суетности простых людей верна, хотя суждения их и здравы, потому что они видят истину не там, где она есть на самом деле, и помещая ее там, где ее нет, их суждения остаются весьма ложными и вредными.

94 (313). Здравомыслие простых людей.

Величайшее из зол — гражданские войны.

Они неизбежны, если попробовать вознаграждать людей сообразно их достоинствам, ибо каждый скажет, что он самый достойный. Зло, которого следует опасаться, если престол по праву рождения унаследует глупец, не столь велико и не столь неизбежно.

95 (316). Здравомыслие простых людей.

Щегольство — не такое уж пустое дело; это значит доказывать, что на тебя работает множество людей. Это значит доказывать своей прической, что у тебя есть камердинер, парфюмер и т. д., своими брыжами, шитьем, позументом и т. д. А иметь множество слуг — это не просто внешняя оболочка, не просто красивая попона.

Чем больше у человека слуг, тем он сильнее. Наряд — это доказательство силы.

96 (329). Причина вещей.

Страсти человеческие порождают множество красот; умение хорошо играть на лютне — зло только по причине наших страстей.

97 (334). Причина вещей.

Похоть и сила — вот источники всех наших действий. Похоти повинуются по своей воле, силе — против воли.

98 (80). Почему хромой нас не раздражает, а раздражает хромающий ум? Потому что хромой признает, что мы ходим прямо, а хромающий ум полагает, что это мы хромаем. Иначе мы бы испытывали к нему жалость, а не гнев.

Эпиктет¹ задает вопрос еще резче: почему мы не обижаемся, когда нам говорят, что у нас болит голова, но обижаемся, когда говорят, что мы дурно рассуждаем или принимаем неверное решение.

99 (80 и 536). Причина в том, что мы совершенно уверены, что голова у нас не болит и что мы не хромаем, но не столь уверены, что приняли правильное решение. Ведь мы можем быть уверены только в том, что видим совершенно ясно, и когда другой совершенно ясно видит противоположное, мы впадаем в замешательство и смущение. Тем более, когда тысяча других людей смеется над нашим выбором: тогда надо предпочесть наше суждение множеству других. А это рискованно и трудно. Таких противоречий никогда не бывает, когда речь идет о хромоте.

Человек так устроен, что если сказать ему: ты глупец, он поверит. И если он сам себе это скажет, то заставит себя поверить, ибо человек ведет с самим собой внутреннюю беседу, и важно верно ее направлять. *Congrumpunt bonos mores colloquia prava*¹. Нужно хранить молчание, насколько возможно, и разговаривать лишь с Богом, который и есть истина; тогда сумеешь самому себе ее внушить

100 (467). Причина вещей.

Эпиктет. Не так с теми, кто говорят: у нас болит голова. Мы уверены в своем здоровье, но не уверены в своем суждении; и действительно, его суждение было глуповато.

А ведь он думал доказать свою мудрость, рассуждая, в нашей власти или нет.

Но он не понимал, что не в нашей власти управлять сердцем, и был не прав, выводя это из того, что есть христиане.

101 (324). У простых людей воззрения очень здравые. К примеру.

1. В том, что они выбирают развлечение и что охота важнее добычи. Полузнайки издеваются над этим и, торжествуя, доказывают на таком примере человеческое безумие, но в суть они не проникают. Люди правы:

2. В том, что отличают человека по внешнему виду, по знатности или богатству. Многие с успехом доказывают, как это неразумно. Но это очень разумно. Каннибалы смеются над царем-младенцем.

3. В том, что оскорбляются, получив пощечину, и так жаждут славы; ведь она столь желанна из-за других весьма существенных благ, с нею связанных.

А человек, который получил пощечину и не возмутился, согнут под бременем оскорблений и нужды.

4. Трудиться наудачу, путешествовать по морю, идти по жердочке.

102 (759). (Либо иудеи, либо христиане должны быть дурны.)

103 (298). + Справедливость, сила.

Следовать справедливости справедливо; покоряться силе необходимо.

Справедливость без силы — немощь; сила без справедливости — тирания.

Бессильной справедливости противятся, ибо всегда есть дурные люди.

Несправедливую силу осуждают. Поэтому следует соединить справедливость и силу, а для того либо справедливость сделать сильной, либо силу сделать справедливой.

О справедливости можно спорить — сила очевидна и бесспорна. Поэтому нельзя было придать силу справедливости, ибо сила восстала против справедливости и заявила, что справедлива не справедливость, а она, сила.

И вот, не сумев сделать справедливость сильною, мы сделали так, будто сила справедлива.

104 (322). Какие преимущества дает знатность, которая человеку в 18 лет доставляет положение, известность и почет, каких другие добиваются в пятьдесят. Так тридцать лет выигрываются без труда.

VI. Величие

105 (342). Если бы зверь делал по рассудку то, что он делает по инстинкту, и говорил по рассудку то, что говорит по инстинкту об охоте, и предупреждал собратьев о выслеженной или потерянной добыче, он говорил бы и о том, что ему более всего досаждают, к примеру: перегрызите эту веревку, она ранит меня, а я не могу до нее дотянуться.

106 (403). Величие.

Причины вещей доказывают величие человека, который сумел построить такой замечательный порядок из своих страстей.

107 (343). Попугай чистит свой клюв, хотя он чист.

108 (339). Что в нас испытывает наслаждение? Рука, плечо, плоть, кровь? Очевидно, это должно быть нечто нематериальное.

109 (392). Против пирронизма.

(Странно, что они не могут дать определение таким вещам, не напутав. Мы сейчас поговорим об этом.) Мы полагаем, что восприятие у всех одинаковое. Но это произвольное предположение — у нас нет никаких доказательств. Согласен, что эти слова употребляются в одних и тех же случаях, и что всякий раз, когда два человека видят, как некое тело изменило свое положение в пространстве, они оба выражают свое восприятие этого предмета одним и тем же словом, говоря, что предмет этот движется; и из этого тождества в словоупотреблении делают важный вывод о тождестве мысли. Но хотя можно сделать ставку и на такое утверждение, это отнюдь не полностью и не окончательно убеждает: ведь известно, что зачастую одни и те же выводы делаются из различных предположений.

Этого довольно, чтобы запутать суть предмета, хотя и не настолько, чтобы вовсе помрачить прирожденную ясность суждений, коей мы руководствуемся в таких вещах. Академики ¹ стали бы биться об заклад, но это лишь во вред и смущает догматиков, к вящей славе всей пирронистской шайки, то есть этой двусмысленной двусмыслицы и некоей сомнительной темноты, где ни наши сомнения не могут вовсе загасить всякий свет, ни наша прирожденная ясность не может вовсе рассеять тьму.

(На обороте 109 (213). Такова же и всякая вещь. Бог — начало и конец. Еккл.)

1. Разум.

110 (282). Мы познаем истину не только разумом, но и сердцем. Именно сердцем мы познаем начальные понятия, и тщетно рассудок, к этому непричастный, пытается их оспорить. Пирронисты, которые только этим и заняты, стараются напрасно. Мы знаем, что живем не во сне. Как бы ни были мы бессильны доказать это с помощью рассуждений, такое бессилие означает лишь слабость нашего разума, но никак не зыбкость всех наших знаний, как они утверждают. Ибо знание первоначал — пространства, времени, движения, числа — столь же твердо, как любое из тех, что даются нам рассудком; на эти-то знания, добытые сердцем и инстинктом, и должен опираться разум и основывать на них все свои рассуждения. Мы сердцем знаем, что у простран-

ства три измерения, что числа бесконечны, а уж потом разум нам доказывает, что нет двух таких квадратных чисел, из которых одно было бы вдвое больше другого. Начальные понятия познаются чувством, теоремы доказываются умозаключением; и в том, и в другом знании мы можем быть уверены, хотя достигаются они разными путями,— и если разум потребует у сердца доказательства начальных понятий, чтобы согласиться их разделить, это будет так же смешно и бесполезно, как если бы сердце требовало от разума прочувствовать все доказанные им теоремы, чтобы согласиться их принять.

Итак, это бессилие должно послужить лишь к унижению разума — который желал бы судить обо всем,— но не к оспориванию нашей уверенности в своих понятиях. Если бы наставлять нас был способен один только разум, тогда пусть Бог даст, напротив, чтобы мы в нем вовсе не имели нужды и познавали бы все предметы инстинктом и чувством. Но природа отказала нам в этом благе; напротив, она дает нам весьма мало познаний такого рода, а все остальные могут достигаться лишь рассуждением.

Вот почему блаженны и тверды в убеждении те, кому Бог дал веру через сердечное чувство; но тем, кто ее не имеет, мы можем ее дать лишь через рассуждение, пока Бог не даст им ее через сердечное чувство, без чего вера остается делом всего лишь человеческим и бесполезным для спасения души.

111 (339). Я могу представить себе человека без рук, без ног, без головы — ведь нас только опыт учит, что голова человеку более необходима, чем ноги. Но я не могу вообразить человека без мысли. Это был бы камень или животное.

112 (344). Инстинкт и разум — печати двух природ.

113 (348). Мыслящая тростинка.

Не в пространстве должен я искать своего достоинства, но в правильности мысли. Владение землями не даст мне никакого преимущества. В пространстве вселенная объемлет и поглощает меня, малую точку; мыслью я ее объемлю.

114 (397). Величие человека в том, что он сознает себя несчастным; дерево себя несчастным не сознает.

Сознавать себя несчастным — это несчастье; но сознавать, что ты несчастен,— это величие.

115 (349). Нематериальные души.

Философы, победившие свои страсти,— какая материя могла это сделать?

116 (398). Сами эти несчастья доказывают его величие. Это несчастья владетельной особы. Несчастья свергнутого короля.

117 (409). Величие человека.

Величие человека столь очевидно, что оно проистекает даже из его ничтожества. Ведь то, что естественно для животного, для человека считается ничтожным; из чего мы заключаем, что если ныне его природа подобна природе животных, то это есть падение высшей природы, которая была ему свойственна прежде.

Кто ощущает себя несчастным оттого, что он не король, как не свергнутый король? Ощущал ли Эмилий Павел себя несчастным оттого, что он больше не был консулом? Напротив, все полагали его счастливым оттого, что он консулом был, ибо этот сан дается не навсегда. Но Персея считали таким несчастным оттого, что он больше не царь,— ибо этот сан дается навсегда,— что люди удивлялись, как это он еще может оставаться в живых. Кто считает себя несчастным потому, что у него только один рот, и кто не сочтет себя несчастным, если у него останется только один глаз? Наверно, никому не приходило в голову печалиться об отсутствии третьего глаза, но тот, у кого нет ни одного, безутешен.

118 (402). Величие человека даже в его страстях, в том, что он сумел из них вывести удивительный порядок и создать образ и подобие милосердия.

VII. Противоположности

119 (423). Противоположности. После доказательств низости и величия человека. Теперь пусть человек назначит себе цену. Пусть он любит себя, ибо его природа способна на добро; но он не должен из-за этого любить и те низости, которые в ней заключены. Пусть он презирает себя, ибо способность эта не осуществляется; но он не должен поэтому презирать саму эту природную способность. Пусть он ненавидит себя, пусть он себя любит: он способен познать истину и быть счастливым, но не владеет истиной неизменной и утешительной.

Я хотел бы пробудить в человеке желание ее обрести, быть готовым и свободным от страстей, чтобы следовать за ней, где бы она ни была, сознавая,

насколько замутнены страстями его суждения; я хотел бы, чтобы он ненавидел в себе правящую им похоть, дабы она не ослепляла его в миг выбора и не останавливала его тогда, когда выбор уже сделан.

120 (148). Мы столь высокого мнения о себе, что желали бы стать известными всему миру и даже тем, кто придут после нас. И мы так суетны, что радуемся уважению пяти или шести ближайших к нам людей и довольствуемся им.

121 (418). Опасно слишком настойчиво убеждать человека, что он не отличается от животных, не доказывая одновременно его величия. Опасно и доказывать его величие, не вспоминая о его низости. Еще опаснее оставлять его в неведении того и другого, но очень полезно показывать ему и то, и другое.

Человеку не следует ни полагать себя равным животным или ангелам, ни пребывать в неведении о том и о другом, а следует знать и то, и другое.

122 (416). Д. П.-Р.¹ Величие и ничтожество.

Ничтожество вытекает из величия, а величие из ничтожества; поэтому одни настаивают на ничтожестве тем упрямее, что доказательство его видят в величии, а другие настаивают на величии тем жарче, что выводят его из самого ничтожества. Все, что одни смогли придумать в доказательство величия, другим лишь послужило доводом для утверждений о ничтожестве; ведь чем выше вершина, с которой падаешь, тем ничтожней себя ощущаешь, и наоборот. Они гоняются друг за другом в порочном круге; ведь очевидно, что в меру собственного разумения человек видит и свое величие, и свое ничтожество. Короче, человек сознает свое ничтожество. Он ничтожен, потому что такова его участь; но он велик, потому что это сознает.

123 (157). Противоречия, презрение к нашему существу, нелепая смерть, ненависть к нашему существу.

124 (125). Противоположности.

Человек от природы легковерен, подозрителен, робок, отважен.

125 (92). Что такое наши врожденные понятия, как не усвоенные обычаи. У детей — те, что они получили от обычаев отцов, как охота у хищных зверей.

Иной обычай дает иные врожденные понятия. Опыт помогает судить об этом, а также о том, существуют ли врожденные понятия, неподвластные обычаю. Есть и привычные понятия, противоречащие природе и неподвластные природе и второй привычке. Это как вам будет угодно.

126 (93). Отцы опасаются, как бы сыновняя любовь не изгладилась. Что же это за природа, если ее можно изгладить.

Привычка — вторая природа, и она разрушает первую. Но что такое природа? И почему привычка к природе не принадлежит? Я очень боюсь, что сама природа — не более чем первая привычка, как привычка — вторая природа.

127 (415). О природе человеческой можно судить двумя способами: либо сообразно ее цели, и тогда она велика и несравненна; либо сообразно поведению толпы, как судят о природе лошадей или собак, видя в ней бег и *animus ascendendi*¹, и тогда человек подл и низок. Вот два пути, полагающие разные способы суждения и вызывающие столько споров у философов.

Ибо один отвергает положения другого. Один говорит: он вовсе не рожден для этой цели, потому что все его поступки ей противны; а другой: он отдаляется от цели, когда совершает эти низкие поступки.

128 (396). Две вещи объясняют человеку его природу: инстинкт и опыт.

129 (116). Ремесло. Мысли.

Все едино, все различно.

Как многообразна природа человеческая. Какое множество призваний. И по какой случайности человек обычно принимает то, про что говорят с восхищением. Изящный каблучок.

130 (420). Если он превозносит себя, я его принижаяю.

Если он принижает себя, я его превозношу

И всегда ему противоречу.

До тех пор, пока он не постигнет,

Что он есть непостижимое чудовище.

131 (434). Главные доводы пирронистов (второстепенных я не касаюсь) — что вне веры и откровения мы не можем быть уверены в истинности наших понятий, разве лишь в том, что говорит нам природное чувство. Но это природное чувство — отнюдь не убедительное доказательство истины: коль скоро нет твердого знания вне веры, то если человек создан либо всеблагим Богом, либо злым демоном, либо по воле случая, можно сомневаться, внушены ли нам понятия истинные, или ложные, или зыбкие, в зависимости от нашего происхождения.

К тому же, вне веры никто не может твердо знать, спит он или бодрствует, — ведь во сне мы совершенно уверены, что бодрствуем. И поскольку мы грезим часто, то и живем в грезе, громоздя один сон на другой. Не может ли быть так, что и эта половина жизни сама всего лишь сон, в который заключены другие сны и от которого мы пробуждаемся в смерти; во время этого сна мы столь же мало имеем понятия о добре и зле, как и во время настоящего сна. Течение времени и жизни, и наши столь разные тела, и мысли, которые их волнуют, — быть может, всего лишь иллюзии, подобные течению времени и обманчивым призракам в наших грезах. Нам кажется, что мы видим пространства, очертания, движения, мы чувствуем, как течет время, отмериваем его, — одним словом, ведем себя так же, как наяву. И коль скоро половину жизни мы проводим во сне, по собственному нашему признанию или что бы мы об этом ни думали, у нас нет никакого понятия об истине, а все наши суждения, следовательно, — просто иллюзии. Кто знает, не есть ли эта другая половина жизни, которую мы считаем явью, всего лишь второй сон, не многим отличающийся от первого. (И кто задумывается, где же грезы, а где явь — от которой мы просыпаемся, когда полагаем, что спим, — и что если бы мы грезили вместе с другими и случайно грезы наши совпали — что довольно часто бывает, — а бодрствовали бы в одиночку, тот может считать, что все переставлено наоборот.)

Вот главные доводы с той и другой стороны — я не касаюсь второстепенных рассуждений пирронистов против важности обычаев, воспитания, нравов разных стран и прочих подобных вещей, которые хотя и увлекают за собой большинство простых людей, чьи воззрения имеют под собой лишь такую непрочную основу, но разлетаются от малейшего вздоха пирронистов. Нужно только открыть их книги; если вы еще не до конца убеждены, вас убедят очень скоро и, быть может, чересчур.

Упомяну лишь один довод догматиков: что, говоря по чести и со всей искренностью, нельзя сомневаться во врожденных понятиях.

Против чего пирронисты выставляют, одним словом, неопределенность нашего происхождения, а следовательно, и нашей природы. На что догматики возражают, с тех пор как стоит мир.

(Кто пожелает побольше узнать о пирронизме, пусть возьмет их книги. Они его убедят быстро и, может быть — чересчур.)

Вот и идет война между людьми, и в ней каждый должен стать на чью-то сторону и непременно присоединиться либо к догматизму, либо к пирронизму. А кто надеется остаться нейтральным, тот станет самым настоящим пирронистом. Такая нейтральность и есть суть их заговора. Кто не против них, тот полностью за них: в этом их преимущество. Они сами не за себя, они нейтральны, беспристрастны, сомневаются во всем без исключения.

Что же станет делать человек в таком состоянии духа? Будет ли сомневаться во всем? Сомневаться, бодрствует ли он, когда его щиплют, жгут; сомневаться в своем сомнении, в своем существовании?

Подобного состояния достигнуть нельзя, и я утверждаю, что поистине совершенного пиррониста никогда не было. Природа поддерживает обессилевший разум и не дает ему до такой степени сбиться с пути.

И напротив, может ли он сказать наверное, что обладает истиной, он, который при первой же атаке не сумеет привести никаких доказательств и будет принужден отступить?

Что же это за химера — человек? Какая невидаль, какое чудовище, какой хаос, какое поле противоречий, какое чудо! Судья всех вещей, бессмысленный червь земляной, хранитель истины, сточная яма сомнений и ошибок, слава и сор вселенной.

Кто распутает этот клубок? (Конечно, это выше догматизма и пирронизма и всей человеческой философии. Человек выше человека. Согласимся же с пирронистами в том, о чем они столько кричат: истина нам недоступна, это не наша добыча, она не на земле живет, а обитает на небе, пребывает в лоне Господнем, и познать ее можно в той мере, в какой Ему угодно ее открыть. Узнаем же от истины несотворенной и воплощенной правду о нашей природе.

Если искать истину с помощью разума, неизбежно попадешь в одну из этих трех сект — нельзя быть пирронистом или академиком, не задушив природу, нельзя быть догматиком, не отказавшись от разума.)

Природа опровергает пирронистов (и академиков), разум опровергает догматиков. Что же с тобой станет, о человек, ищущий правду о своем уделе с помощью природного разума? Ты не сумеешь ни избежать какой-либо из этих трех сект, ни остаться в ней. Узнай же, гордый человек, что ты — парадокс для самого себя. Смирись, бессильный разум! Умолкни, бессмысленная природа, узнай, что человек бесконечно выше человека, и выслушай от своего владыки правду о своем уделе, тебе неведомую.

Слушай Господа.

(Не ясно ли, как день, что удел человеческий двойственен?) Ведь если бы человек вовсе не был греховен, он в невинности своей спокойно наслаждался бы истиной и блаженством. А если бы он был греховен во всем, у него не было бы и догадки ни об истине, ни о блаженстве. Но как бы мы ни были несчастны — если и есть толика величия в нашем уделе, она лишь усугубляет наши скорби,—

у нас есть понятие о счастье, а достичь его мы не можем. Мы видим образ истины, но в руках у нас остается лишь обман. Мы не способны ни пребывать в полном неведении, ни знать наверное, и это знак того, что мы были на той ступени совершенства, с которой, к несчастью, пали.

(Признаем же двойственность удела человеческого.)

(Признаем же, что человек бесконечно выше человека и что он непостижим для самого себя без помощи веры. Кто же не видит, что без знания о двойственности природы человеческой мы были бы в безнадежном неведении об истинной нашей природе.)

И все-таки как странно, что самая далекая от нашего понимания тайна — наследование греха — и есть та вещь, без которой мы никак не можем понимать самих себя.

Без сомнения, нет ничего столь оскорбительного для нашего разума, как слова, что грех первого человека сделал виновными тех, кто так удален от этого источника, что как будто никак не мог в том грехе соучаствовать. Такое продолжение кажется нам не просто невозможным. Оно представляется и крайне несправедливым, ибо что может более противоречить законам нашей жалкой справедливости, чем осуждение навечно ребенка, не имеющего воли к греху, к которому он как будто бы столь мало причастен и который был совершен за шесть тысяч лет до его рождения. Конечно, ничто нас не ранит так больно, как это учение. И однако без этой тайны, самой непостижимой из всех, мы остаемся непостижимы для самих себя. Запутанный узел нашей судьбы берет свои начала и концы в этой бездне. И потому человек более непостижим без знания этой тайны, чем эта тайна непостижна человеку.

(Посему кажется, что Господь, желая сделать сложность нашего бытия непонятной нам самим, запрятал этот узел так высоко, или, вернее сказать, так низко, что мы никак не можем до него добраться. Так что к истинному знанию о самих себе нас ведут не гордые усилия разума, но его бесхитрое смирение.)

(Эти положения, прочно покоящиеся на незыблемом основании религии, показывают нам, что есть две, равно непреходящие, истины веры.

Одна — что человек в первозданном состоянии или в состоянии благодати вознесен над всею природою, словно уподоблен Богу и сопричастен божескому естеству. Другая — что в состоянии испорченности и греха человек отпал от этого состояния и стал подобен животным. Два эти утверждения равно верны и непреложны.

Писание ясно нам это объясняет, говоря в несколько местах: *deliciae meae cum filiis hominum* ¹— *effundam spiritum meum super omnem carnem* ²— *dii estis* ³. И еще: *omnis caro foenum* ⁴, *homo assimilatus est jumentis insipientibus et similis factus est illis* ⁵, *dixi in corde meo de filiis hominum* ⁶.

Из чего явствует, что человек благодатью делается как бы подобен Богу

и сопричастен божественному Его естеству, а без благодати становится подобен диким животным.)

VIII. Развлечение

132 (170). Развлечение.— Если бы человек был счастлив, блаженство его было бы тем полнее, чем меньше у него было бы развлечений, как у святых и Бога. Да; но разве наслаждаться развлечениями не значит быть счастливым?

— Нет; ведь развлечения приходят извне и от других; поэтому человек зависим во всем, тысяча случайностей может его тревожить и приносить неизбежные огорчения.

133 (168). Развлечение.

Коль скоро люди не могут победить смерть, нищету, невежество, то чтобы стать счастливыми, они решили об этом не думать.

134 (169). Невзирая на все свои беды, он хочет быть счастливым и не может этого не хотеть.

Но как за это приняться. Для счастья ему надо бы стать бессмертным; поскольку этого он сделать не может, то счел за благо не давать себе думать о смерти.

135 (469). Я понимаю, что мог бы вовсе не быть, ибо мое «я» — это моя мысль; и это мыслящее «я» могло бы вовсе не быть, если бы мою мать убили до того, как зародилась моя душа; следовательно, я не могу себя считать существом необходимым. Я также не вечен и не бесконечен. Но я вижу ясно, что в природе есть существо необходимое, вечное и бесконечное.

136 (139). Развлечение.

Когда я стал думать о разнообразных треволнениях, подстерегающих людей, о трудах и опасностях, которым они подвергаются при Дворе, на войне, где родится столько стычек, страстей, отчаянных и зачастую неудачных начинаний, и т. д., — я говорил нередко, что все человеческие несчастья имеют один корень: неумение спокойно оставаться у себя в комнате. Если бы человек достаточно состоятельный умел жить в свое удовольствие у себя в доме, он не двинулся бы с места ради морского путешествия или осады крепости; люди

покупают армейские должности так дорого потому только, что им невыносимо оставаться в городе, и они ищут бесед и развлечений в играх лишь оттого, что не могут безмятежно сидеть дома. И т. д.

Но когда я взглянул на дело пристальнее и, обнаружив корень всех наших несчастий, пожелал доискаться до их первопричины, то нашел одну очень важную — сам наш от природы горестный удел; мы слабы, смертны и так несчастны, что для нас нет утешения ни в чем, если мы задумаемся о нашем уделе всерьез.

В каком бы положении человек ни был, соберет ли он все сокровища, что могут нам принадлежать; получит ли он царский сан, высочайший в мире, — вообразите его, окруженного всеми желанными ему благами; но если он лишен развлечений и предоставлен догадкам и раздумьям о том, кто он есть, — это безмятежное блаженство не будет ему опорой, и он с неизбежностью придет к мыслям о том, что ему угрожает, о мятежах, которые могут случиться, наконец, о неминуемой смерти и болезнях; и вот, без того, что зовется развлечением, он несчастен, он несчастнее, чем последний из его подданных, если тот играет и развлекается.

(Итак, единственное благо людей состоит в развлечении от мыслей о своем уделе; это может быть какое-нибудь занятие, сбивающее мысли на другой путь, или какая-либо новая приятная страсть, их заполняющая, или игра, охота, увлекательное зрелище — одним словом, все, что зовется развлечением.)

Вот отчего людям так желанны игра и болтовня с женщинами, война, высокие чины. Не потому, что в них истинное счастье, и не потому, что кто-то думает, будто подлинное блаженство заключено в выигранных деньгах или затравленном зайце; подари их нам кто-нибудь, мы остались бы равнодушны. Нам нужны не мирная и праздная жизнь, позволяющая думать о нашем несчастливом уделе, и не опасности войны, и не тяготы службы; нам нужна суета, заглушающая эти мысли и развлекающая нас. Поэтому охота важнее, чем добыча.

Вот отчего люди так любят шум и движение. Вот отчего тюрьма — такое ужасное наказание, а наслаждение одиночеством — вещь непонятная. Величайшее блаженство королевского сана в том, что королей постоянно стараются развлекать и доставлять им всевозможные удовольствия. Король окружен людьми, занятыми только тем, как бы его развлечь и помешать ему думать о себе самом. Ибо какой бы он ни был великий король, стоит ему об этом задуматься — и он несчастен.

Вот и все, что люди смогли придумать, чтобы сделать себя счастливыми; и те, кто философствуют по этому поводу и полагают, будто люди поступают совершенно неразумно, гоняясь целый день за зайцем, которого не захотели бы купить, вовсе не понимают нашей природы. Этот заяц не спас бы нас от мыслей о смерти и несчастьях, нас подстерегающих, а охота спасает. И потому совет,

который дали Пирру ¹,— начать с того покоя, которого он собирался искать путем стольких трудов,— оказалось так трудно исполнить.

(Сказать человеку, чтобы он оставался в покое,— значит сказать ему, чтобы он жил счастливо. Это значит посоветовать ему А.

А. Чтобы его удел был совершенно счастливым и позволяющим размышлять о нем на досуге, не находя повода для огорчения. (— Это значит не понимать нашей природы.)

Поэтому люди, смутно угадывающие свой удел, ни от чего так не бегут, как от покоя, и готовы на все в поисках треволений.

И бранят их не за то, за что надо: вина их не в том, что они ищут беспокойства. Если б они его искали только для развлечения! Но беда в том, что они его ищут так, словно бы обладание вещами, к которым они стремятся, могло их действительно сделать счастливыми; и тут уж правы те, кто обвиняют их в суетности. Но и обвинители, и обвиняемые не понимают истинной природы человека.) И когда их упрекают за то, что предмет их столь пылких желаний не может их осчастливить, если бы они отвечали так, как следует, хорошо подумавши,— что они в этом ищут всего лишь кипучих и неотвязных занятий, которые отвратили бы их от мыслей о себе, и что для этого-то они и выбирают для себя какой-нибудь притягательный предмет, чарующий их и властно к себе влекущий,— их противникам нечего было бы возразить...— Суетность, удовольствие указывать на нее другим.— Танец, надо думать, куда ставить ногу — но они не отвечают так, потому что не знают самих себя. Они не понимают, что им нужна охота, а не добыча.— Дворянин искренне верит, что охота — большое удовольствие, королевское удовольствие, но его доезжащий иного мнения.— Они воображают, что если бы получили эту должность, то потом уж наслаждались бы безмятежным покоем; они не понимают ненасытной природы своей алчности. Они искренне полагают, что ищут покоя, а на самом деле ищут только тревог.

Тайный инстинкт толкает их на поиски развлечений и занятий вонне оттого, что они уязвлены своими постоянными несчастьями. А другой тайный инстинкт, доставшийся от их первозданной природы, рождает у них догадку, что истинное счастье только в покое, а не в треволениях. Из этих двух противоборствующих инстинктов возникает у них смутный замысел, таящийся от них самих в глубинах их душ; он побуждает их стремиться к покою путем тревог и постоянно воображать, будто вожаденное удовлетворение наступит для них, если, преодолев какие-то предполагаемые трудности, они смогут тем самым распахнуть двери покою.

И так проходит вся жизнь; люди ищут покоя, борясь с препятствиями, а когда их преодолевают, покой становится для них невыносим из-за скуки, им порождаемой. Нужно вырываться из него и кланчить себе тревог.

Ибо иначе придется думать либо о настоящих несчастьях, либо о тех, что

нам грозят. А если даже мы как будто в безопасности со всех сторон, скука собственной властью будет постоянно расплзаться из глубины сердца, где прорастают ее природные корни, и отравлять наш разум своим ядом.

Б. Итак, человек столь несчастен, что тоскует даже без всяких причин для тоски, по самим свойствам его нрава. И он так суетен, что если у него есть тысяча важных причин для тоски, любого пустяка вроде бильярда или прыгающего мячика довольно, чтобы его развлечь.

В. Но скажите, зачем ему все это? Чтобы на завтра похвалиться перед друзьями, что он сыграл лучше, чем другие. И вот одни потеют у себя в кабинете, чтобы доказать ученым, что они решили какую-нибудь алгебраическую задачу лучше, чем это кому-либо удавалось до сих пор, а множество других подвергается страшным опасностям, чтобы потом похвастаться взятой ими крепостью — на мой взгляд, весьма глупо. Третьи, наконец, выбиваются из сил, чтобы проведать обо всем этом, и не для того, чтобы набраться мудрости, а только чтобы показать, что они об этом знают; они-то глупее всех в этой компании, поскольку обладают знаниями, тогда как про других еще можно думать, что они исправились бы, будь у них такие знания.

Вот этот человек живет, не скучая: он всякий день играет по малой. Давайте ему каждое утро ту сумму, которую он может выиграть днем, но потребуйте, чтобы он отказался от игры: вы сделаете его несчастным. Возможно, кто-то скажет, что он играет для забавы, а не для выигрыша. Тогда заставьте его играть не на деньги: он охладет к игре и заскучает. Значит, он ищет не просто забавы. Забава без риска и страсти нагонит на него скуку. Ему нужно горячительное, нужно возбуждать себя мыслью, будто он будет счастлив, выиграв сумму, которой не пожелал бы, если б ему ее предложили с условием отказаться от игры; ему нужно создать для себя предмет страсти и распалить свои желания, гнев, страх этим предметом, который он сам себе создал, как дети пугаются ими же размалеванной рожицы.

Вот почему человек, который несколько месяцев назад потерял единственного сына и, обремененный судебными процессами и тяжбами, сегодня утром был так озабочен, сейчас об этом и не вспоминает. Не удивляйтесь — он весь поглощен тем, где пробежит кабан, которого его собаки вот уже десять часов так резво преследуют. Больше ничего и не нужно. В каком бы ни был человек горе, если удастся втянуть его в какое-нибудь развлечение, — вот он и счастлив на это время. И как бы ни был человек счастлив, если он не занят и не развлечен какой-нибудь страстью или забавой, которые не дают скуке им завладеть, — он быстро станет грустен и несчастлив. Без развлечений нет радости; с развлечением нет печали. Из этого и состоит человеческое счастье.

Д. ... их высокого положения, что у них есть множество людей, которые их развлекают, и что в их власти сохранять такое состояние.

Посмотрите, что же значит быть канцлером, суперинтендантом,

председателем парламента, как не сохранять такое положение, при котором каждое утро множество людей является к ним отовсюду, чтобы не оставить им в продолжение всего дня ни часу, когда они могли бы подумать о самих себе. А если они впадают в немилость и их ссылают в сельские поместья, где у них нет недостатка ни в деньгах, ни в челяди, исполняющей все их приказания,— они неизменно чувствуют себя несчастными и покинутыми, ибо никто не мешает им думать о самих себе.

137 (142). Развлечение.

Разве королевское достоинство — недостаточно великая вещь само по себе, чтобы тот, кто им облечен, не чувствовал себя счастливым от одной мысли о том, кто он такой; неужели нужно отвлекать его от этой мысли, как обыкновенных людей? Я вижу, что отвлечь человека от мыслей о его домашних невзгодах и наполнить его ум заботой об умении танцевать — значит сделать его счастливым; но так ли это и с королем, и станет ли он счастливее, предаваясь забавам, чем погружаясь в мысли о своем величии? Какой более приятный предмет можно предложить его уму? Не испортим ли мы его радость, занимая его душу мыслями о том, как согласовать свои шаги с ритмом мелодии или как половчее кинуть мячик, вместо того чтобы дать ему наслаждаться на досуге созерцанием своей величественной славы? Проверьте; оставьте короля в одиночестве, без всякого удовольствия для чувств, без всякой заботы для ума, без общества и без развлечений, чтобы он размышлял о самом себе сколько душе его угодно, и вы увидите, что король без развлечений — несчастнейший из людей. Этого стараются избежать, и вокруг королевских особ всегда находится множество людей, следящих за тем, чтобы дела у них сменялись развлечениями, и стерегущих всякую минуту их досуга, чтобы заполнить ее игрой и удовольствиями и не оставить места пустоте. Иначе говоря, они окружены людьми, у которых одна чудесная забота: смотреть, как бы король не остался в одиночестве и не мог бы задуматься о себе; ведь они отлично знают, что если он начнет об этом думать, то станет несчастен, какой бы он ни был великий король.

Это все я говорю о христианских государях не как о христианах, но только как о государях.

138 (166). Развлечение.

Легче перенести смерть без мыслей о ней, чем мысль о смерти без всякой ее угрозы.

139 (143). Развлечение.

Людей с самого детства обязывают заботиться о своей чести, о своем достатке, о своих друзьях, а также о достатке и чести друзей, их изнуряют всякими делами, изучением языков, упражнениями; им внушают, что они не будут счастливы, если их здоровье, честь, имение, а также здоровье, честь, имение их друзей не будет в хорошем состоянии, и что отсутствие хотя бы одного из этих благ принесет им несчастье. Так их нагружают обязанностями и заботами, заставляя суетиться с рассвета. Станный способ делать людей несчастными? Скажете вы; что можно придумать лучше этого, чтобы сделать их несчастными? Как что: надо только отнять у них все эти заботы, и тогда они взглянут на себя, задумаются, кто же они такие, откуда они пришли, куда идут; им нельзя дать слишком много занятий и развлечений. Вот почему их так неустанно готовят к делам, а если выпадет им несколько свободных минут, советуют употребить их на забавы, игры и постоянно чем-то себя занимать.

Сколько пустоты и мерзости в сердце человеческом.

IX. Философы

140 (466). Если бы Эпиктет ясно видел путь, он сказал бы людям: вы идете по ложному пути. Он доказывает, что есть другой, но не ведет по нему. Этот путь — хотеть того, чего хочет Бог. Только И.Х. по нему ведет. *Via veritas* ¹.

Пороки даже у Зенона ².

141 (509). Философы.

Напрасно кричать человеку, не познавшему себя, чтобы он сам находил путь к Богу. И напрасно говорить это человеку, себя познавшему.

142 (463). (Против философов, у которых есть Бог, но нет И.Х.) Философы.

Они полагают, что один только Бог достоин любви и восхищения, — и хотят любви и восхищения от людей для себя, и не видят своей испорченности. Если они чувствуют, что исполнены желания любить Его и поклоняться Ему, если в этом они находят свою величайшую радость, если считают себя добрыми людьми, — прекрасно! Но если они себе противны, если у них нет иных стремлений, кроме желания утвердить себя в мнении людей, и если все их совершенство в том, что они ненасильственно побуждают людей видеть свое счастье в любви к ним, — я скажу, что такое совершенство ужасно. Подумайте, они знают Бога и не желают лишь того, чтобы люди любили Его, а хотят, чтобы люди остановились на них. Они хотят быть предметом человеческого стремления к счастью.

143 (464). Философы.

В нас много такого, что тянет нас вовне.

Инстинкт нам подсказывает, что счастья нужно искать вне нас самих. Страсти влекут нас вовне, даже если не представляется предметов, их возбуждающих. Внешние предметы сами нас искушают и зовут, даже когда мы о них не думаем. Поэтому напрасно твердят нам философы: замкнитесь в самих себе, там ваше благо; им не верят, а те, кто им верят, самые пустые и глупые из всех.

144 (360). То, что предлагают стоики, так трудно и так тщетно.

Стоики говорят: все те, кто не достигли высочайшей степени мудрости, равно безумны и порочны, как те, кто на два пальца под водой.

145 (461). Из трех похотей¹ возникли три секты, и философы только то и делают, что поддаются одной их трех похотей.

146 (350). Стоики.

Они полагают, что возможное изредка возможно всегда и что поскольку желание славы позволяет одержимым чего-то добиться, то и другие это могут.

Это лихорадочные порывы, которых здоровье не может воспроизвести.

Из того, что есть стойкие христиане, Эпиктет заключает, что каждый может быть стойким.

Х. Высшее благо

147 (361). Высшее Благо. Споры о Высшем Благе.

*Ut sis contentus temetipso et ex te nascentibus bonis*¹.

Тут противоречие, ибо они советуют самоубийство.

О! Что же это за счастливая жизнь, если от нее бегут как от чумы!

148 (425). Вторая часть.

Что человек без веры не может познать ни истинного блага, ни праведности.

Все люди ищут счастья. Исключений тут нет, какими бы разными средствами они ни пользовались. Все стремятся к этой цели. Одни идут на войну, а другие нет, но за этим все то же единственное желание, только по-разному понимаемое. Воля никогда не предпринимает ничего, что имело бы другой предмет. Вот что движет всеми поступками всех людей, даже тех, кто собрался вешаться.

И однако за такое множество лет никогда ни один человек без веры не достигал той точки, к которой все неизменно стремятся. Все стенают — государи, подданные, вельможи, простолюдины, старики, юноши, сильные, слабые, ученые, невежды, здоровые, больные, во всех краях, во все времена, всех возрастов, всех сословий.

Столь длительный, непрерывный и единообразный опыт должен бы нас убедить в невозможности достичь блага нашими собственными усилиями. Но пример мало чему нас научает. Он никогда не бывает так совершенно схож с нашим случаем, чтобы не было между ними какого-нибудь тончайшего различия, и это позволяет нам надеяться, что наши ожидания не будут обмануты, как это было с другими; и вот, настоящее нас никогда не удовлетворяет, опыт нас обманывает и ведет нас от несчастья к несчастью до самой смерти, их пределу в вечности.

О чем же кричат нам эта жажда и это бессилие, как не о том, что было у человека некогда истинное счастье, от которого ныне ему остался лишь знак и призрачный след, и он тщетно пытается наполнить эту пустоту всем, что его окружает, а не найдя опоры в том, что имеет, ищет ее в том, чего у него нет; но ничто не может ее дать, ибо эту бездонную пропасть способен заполнить лишь предмет бесконечный и неизменный, то есть сам Бог.

Он один есть истинное благо. И странная вещь — с тех пор, как человек его утратил, не нашлось ничего в природе, что могло бы его возместить,— светила, небо, земля, стихии, растения, капуста, порей, животные, насекомые, телята, змеи, лихорадка, чума, война, голод, пороки, прелюбодеяние, кровосмешение. И точно так же с тех пор, как он потерял истинное благо, все может казаться ему таковым, даже собственная гибель, как бы ни было это противно Богу, разуму и природе одновременно.

Одни его ищут во власти, другие — в любознательности и науках, третьи — в сладострастии.

А те, кто ближе других к нему подошли, полагают, что это всеобъемлющее благо, желанное всем людям, никак не может состоять ни в одной из тех отдельных вещей, что могут принадлежать лишь одному человеку, а будучи разделены между многими, приносят их обладателям больше огорчения отсутствием той части, которой они не владеют, чем радости от той, что им принадлежит. Они поняли, что истинное благо должно быть таково, чтобы им могли обладать все сразу, без обделения и зависти, и чтобы никто не мог утратить его против своей воли; их суждение основано на том, что это желание естественно для человека, поскольку оно непременно присуще всем, и человек не может его не иметь; из чего они заключают...

XI. Д. П.-Р.

149 (430). Д. П.-Р. начало, после объяснения непостижимости.

Величие и ничтожество человека столь очевидны, что истинная религия непременно должна нас учить тому, что есть в человеке некое великое основание для величия и великое основание для ничтожества.

Она должна также объяснить нам эти поразительные противоречия.

Чтобы сделать человека счастливым, она должна показать ему, что есть Бог, что мы обязаны Его любить, что в Нем наше подлинное блаженство, а единственное зло для нас — в разлучении с Ним; она должна утверждать, что ум наш объят тьмой, мешающей нам Его знать и любить, что долг велит нам любить Бога, а похоть тому препятствует, и потому мы исполнены порока. Она должна объяснить нам, почему мы противимся Богу и собственному благу. Она должна указать нам лекарства от этих недугов и средство добывать эти лекарства. Исследуем на этот предмет все религии на свете и посмотрим, есть ли среди них хоть одна, кроме христианской, которая это исполняет.

Будут ли это философы, признающие лишь то благо, что заключено в нас самих? Нашли ли они лекарство от наших болезней? Можно ли излечить человека от гордыни, посчитав его равным Богу? Те, кто уравнили нас с животными, и магометане, предлагающие нам земные наслаждения как единственное благо даже в вечности,— дали они нам лекарство от похоти?

Какая же религия научит нас излечивать гордыню и похоть? Какая религия, наконец, объяснит нам, в чем наше благо, наш долг, слабости, сбивающие нас с пути, причина этих слабостей, лекарства для избавления от них и способ добывать эти лекарства? Все другие религии не смогли этого сделать. Посмотрим, что делает премудрость Божия.

О люди,— говорит она,— не ждите ни истины, ни утешения от людей. Я — та, что создала вас, и я одна могу открыть вам вашу природу.

Но теперь вы уже не таковы, какими я вас создала. Я сотворила человека святым, невинным, совершенным, наполнила его душу знанием и разумением, причастила его моей славе и чудесам. Око человеческое зрело тогда величие Божие. Тьма не слепила его, и горести его не удручали.

Но он не смог вынести такой славы, не впадши в гордыню. Он захотел сделаться средоточием для самого себя и не зависеть от моей помощи. Он отверг мое владычество и пожелал стать равным мне, ища свое блаженство в себе самом; я предоставила его самому себе, и отвратила от него тварей, прежде ему покорных, и сделала их врагами ему, так что теперь человек стал подобен животным и так удален от меня, что в нем едва брезжит догадка о своем Создателе, ибо все его познания стерты либо искажены. Чувства, не слушающие разума, а порой над разумом властвующие, влекут его на поиски наслаждений. Все твари земные его либо удручают, либо соблазняют, и господ-

ствуют над ним, либо покаяв его своей силе, либо чаруя своей прелестью, что есть владычество еще более жестокое и несправедливое.

Вот в каком состоянии люди ныне. У них остается некое слабое, смутное воспоминание о блаженстве их первой природы, но они погружены в муки слепоты и похоти, ставшие их второй природой.

Из того, что я открыла вам, вы можете понять причину стольких противоречий, поражающих всех людей и вызывавших столь различные суждения. А теперь взгляните на все проявления величия и славы, которых не смогло истребить испытание столькими несчастьями, и подумайте, не должна ли быть причина тому в другой природе.

Д. П.-Р. На завтра. Прозопопея ¹.

О люди, тщетно ищите вы в самих себе лекарства от ваших бед. Все ваши знания годны лишь на то, чтобы вы поняли: не в вас самих вы найдете истину и благо.

Философы вам это обещали и не смогли исполнить.

Они не знают ни истинного вашего блага, ни (истинной вашей природы).

Как же могли они дать лекарства от болезней, которых даже не знают? Главные ваши болезни — это гордыня, отрывающая вас от Бога, и похоть, привязывающая вас к земле; а они только то и делали, что разжигали одну из этих болезней. Если они представляли Бога предметом ваших стремлений, то для того лишь, чтобы вы поупражнялись в гордыне; они побуждали вас думать, что вы по природе своей Ему подобны и с Ним сообразны. А те, кто видел тщету таких притязаний, ввергали вас в другую бездну, объясняя, что вы по природе подобны животным, и подталкивая вас искать своего блага в похоти, что есть удел животных.

Это не средство излечить вас от пороков, которых эти мудрецы и не познали. Я одна могу объяснить вам вас самих, это...

(Я не требую от вас слепой веры.)

Адам, И.Х.

Соединить с Богом вас может благодать, а не природа.

Привести вас к смирению может покаяние, а не природа.

Итак, эта двойная способность.

Вы уже не в первоначальном состоянии.

Теперь, когда эти два состояния вам открыты, вы не можете их не признать.

Последите за вашими поступками. Понаблюдайте над собой, и посмотрим, обнаружите ли вы явные признаки этих двух природ.

Может ли быть столько противоречий в простом существе?

Непостижимое.

Все, что непостижимо, от этого не перестает существовать. Бесконечное число, бесконечное пространство, равное конечному.

Невероятно, что Бог соединяется с нами.

Это заключение выводится единственно из сознания нашей низости; но если вы его делаете искренне, доведите его до конца вместе со мной и согласитесь, что мы и вправду так ничтожны, что не способны сами судить, может ли Его милосердие сделать нас достойными Его. Хотел бы я знать, почему эта тварь, сознающая себя столь жалкой, присваивает себе право измерять милосердие Божие и класть ему пределы сообразно своему воображению. Человек так же плохо знает Бога, как и самого себя. И вот, смущенный мыслью о собственном состоянии, он смеет говорить, что Бог не может дать ему способность общаться с Ним. Но я хотел бы его спросить, требует ли Бог от него чего-то иного, кроме того, чтобы человек любил и знал Его; и почему он думает, что Бог не может сделать Себя предметом его любви и познания, коль скоро он от природы способен к любви и знанию. Без сомнения, человек знает хотя бы то, что он есть и что он что-то любит. Итак, если он что-то видит в том мраке, которым окружен, и если он находит какой-то предмет для любви среди земных вещей, почему, если Бог явит ему какую-то искорку своего естества, он окажется не способен познать и полюбить Его, так, как будет Ему угодно сообщаться с нами? Конечно, в таких рассуждениях — несносная гордыня, хотя с виду они как будто основаны на смирении; но смирение это и неискренне, и неразумно, коль скоро не побуждает нас признать, что нам самим природа наша неведома, и открыть ее нам может один лишь Бог.

Я не хочу, чтобы вы доверялись Мне без размышлений, и не намереваюсь подчинять вас Себе тиранически. Я не намереваюсь также давать вам объяснения всех вещей. А чтобы примирить эти противоречия, Я хочу открыть вам глаза посредством неоспоримых доказательств Моей божественности, которые убедят вас в том, кто Я есмь, и подтвердить могущество Свое чудесами и доказательствами, которых вы не сможете опровергнуть; а затем вы поверите в то, о чем Я говорю вам, когда у вас не будет другого довода для возражений, кроме того, что вы не можете сами судить, существует это или нет.

Бог пожелал искупить людей и открыть путь спасения тем, кто стал бы его искать, но люди оказались недостойны этого, и потому справедливо, что Бог отказывает иным жестоковыйным в том, что Он дарит другим по милосердию Своему, коего они вовсе не заслужили.

Если бы Он пожелал смягчить упорство самых жестоковыйных, Он мог бы это сделать, явив Себя им столь открыто, что они не могли бы сомневаться

более в истинном Его естестве, как оно будет явлено в Судный день в таком блеске молний и преображении природы, что мертвые воскреснут и последние слепцы Его узрят. Не так пожелал Он являться в милости Своей, ибо столько людей оказались ее недостойны, что Он рассудил лишить их того блага, которого они не желают иметь. Посему было бы несправедливо, чтобы Его божественная сущность явилась совершенно открыто и неоспоримо убедительно для всех людей; но было бы несправедливо также, чтобы Он являлся столь сокровенно, чтобы и те, кто искренне ищут Его, не могли бы Его узнать. Он пожелал, чтобы такие люди Его несомненно узнавали; и так Он установил меру, являясь открыто тем, кто ищут Его всем сердцем, и оставаясь сокровенным для тех, кто всем сердцем от Него бегут.

Д. П.-Р. На завтра. 2.

...Отмерил познание Себя, давая видимые свидетельства о Себе тем, кто Его ищут, но не тем, кто не ищут Его.

Он дал достаточно света тем, кто жаждут видеть, и достаточно мрака тем, у кого желания противоположные.

ХII. Начало

150 (226). Нечестивцы, заявляющие, что во всем следуют разуму, должны быть на удивление разумны.

Что же они говорят?

Разве мы не видим, говорят они, что животные умирают и живут, как люди, и турки, как христиане; у них свои обряды, свои пророки, свои ученые, святые, монахи, как и у нас, и т. д.

Но противоречит ли это Писанию? Не сказано ли там обо всем этом?

Если вы вовсе не заботитесь узнать Истину, можете успокоиться на этом. Но если вы всем сердцем стремитесь ее узнать, то надо все это рассмотреть поподробней. Этого было бы достаточно для философской проблемы, но там, где речь идет обо всем... И однако, после столь недолгих размышлений они забавляются, и т. д.

Но справьтесь у этой религии, даже если она не даст оправдания такой загадке, быть может, она ее объяснит.

151 (211). Как странно, что мы ищем утешения в обществе нам подобных, несчастных, как и мы, бессильных, как и мы; они нам не помогут: мы будем умирать в одиночку.

Значит, нужно поступать, как если бы мы были одни. Тогда стали бы мы

возводить роскошные дворцы и т. д.; мы бы решительно искали истину. А кто от этого отказывается, тот свидетельствует, что людские почести ему важнее поисков истины.

152 (213). Между нами и адом или небом — только жизнь, самая хрупкая вещь на свете.

153 (238). Так что же вы мне обещаете? Срок — десять лет, десять лет самолюбия, безуспешных стараний нравиться, не говоря о непременных тяготах?

154 (237). Выбор.

Можно по-разному жить в мире, в зависимости от того, какое предположение принять.

1. (Если известно наверное, что мы будем здесь всегда.) Если мы сможем быть здесь всегда.

(2. Если неизвестно, будем мы всегда или нет.)

(3. Если известно наверное, что мы не будем здесь всегда — но известно, что мы будем здесь долго.)

(4. Если известно наверное, что мы не будем здесь всегда, и неизвестно — будем ли мы — долго — ложно.)

5. Если известно наверное, что мы не будем здесь долго, и неизвестно, пробудем ли еще час.

Мы принимаем это последнее предположение.

155 (281). Сердце
Инстинкт
Основания

156 (190). Жалеть атеистов, которые ищут, ведь они достаточно несчастны. Бичевать тех, которые этим хвалятся.

157 (225). Атеизм свидетельствует о силе ума, но лишь до известной степени.

158 (236). Чтобы сделать выбор, вы должны дать себе труд искать истину; ведь если вы умрете, не поклоняясь настоящей истине, вы погибли. Но, говорите вы, если бы Он хотел, чтобы я Ему поклонялся, Он дал бы мне знаки Своей воли. Он так и сделал, но вы ими пренебрегли. Ищите же их, это стоит того.

159 (204). Если стоит отдать неделю жизни, стоит отдать и сто лет ее.

160 (257). Люди бывают только трех родов: одни нашли Бога и служат Ему, другие не нашли Его и стараются Его отыскать, а третьи живут, не найдя Его и не ища. Первые разумны и счастливы, последние неразумны и несчастны. А те, кто посередине, несчастны и разумны.

161 (221). Атеисты должны говорить вещи совершенно очевидные. А то, что душа материальна, вовсе не очевидно.

162 (189). Начать с жалости к неверующим, они и так несчастны из-за своего поведения.

Бранить их стоило бы только в том случае, если б это шло им на пользу; но им это вредит.

163 (200). Узник в темнице не знает, вынесен ли ему приговор; у него есть только час на то, чтобы это узнать; но если он узнает, что приговор вынесен, этого часа достаточно, чтобы добиться его отмены. Было бы противоестественно, если бы он употребил этот час не на выяснение того, вынесен ли приговор, а на игру в пикет.

И так же противоестественно, что человек, и т. д. Это утяжеляет десницу Господню.

Не только рвение тех, кто ищут Бога, доказывает Его существование, но и ослепление тех, кто Его не ищут.

164 (218). Начало. Темница.

По мне, хорошо бы не разрабатывать дальше идеи Коперника. Но только —

Вся жизнь зависит от того, смертна или бессмертна душа.

165 (210). Последний акт кровав, как бы ни была весела вся остальная пьеса. Потом бросают горсть земли на голову — и дело с концом.

166 (183). Мы беззаботно мчимся к пропасти, держа перед собой какой-нибудь экран, чтобы ее не видеть.

XIII. Покорность и сила разума

167 (269). Покорность и сила разума: в этом и состоит истинное христианство.

168 (224). Как я ненавижу эти глупости — не верить в Евхаристию и т. д. Если Евангелие говорит правду, если И.Х.— Бог, какие тут могут быть затруднения.

169 (812). Не будь чудес, я не стал бы христианином, говорит святой Августин.

170 (268). Покорность.

Нужно уметь сомневаться, где следует, быть уверенным, где следует, а где следует — покоряться. Кто ведет себя иначе, тот не понимает силы разума. Есть такие, кто грешат против этих трех правил: либо всё считают доказанным, не зная пределов возможного в доказательствах, либо сомневаются во всем, не зная, где следует покориться, либо покоряются во всем, не зная, где следует судить самому.

Пирронист, геометр, христианин: сомнение, уверенность, покорность.

171 (696). *Susceperunt verbum cum omni aviditate scrutantes scripturas si ita se haberent*¹.

172 (185). Бог, правящий всем на свете милостиво, вдыхает веру в умы посредством рассуждений, а в сердца посредством благодати; но желание

вдохнуть веру в умы и сердца посредством насилия и угроз означает внушить не веру, а страх. *Terrorum potius quam religionem* ¹.

173 (273). Если все подчинять разуму, в нашей религии не останется ничего таинственного и сверхъестественного.

Если пренебрегать доводами разума, наша религия будет нелепа и смехотворна.

174 (270). Святой Августин. Разум никогда бы не покорился, если бы не рассудил, что бывают обстоятельства, когда он должен покоряться.

Следовательно, справедливо, чтобы он покорялся, когда сочтет должным.

175 (563). Грешники будут посрамлены еще и тем, что увидят: их осуждает собственный разум, хвалившийся, что осуждал христианскую религию.

176 (261). Для тех, кто не любит истины, оправданием служат распри и большое число тех, кто ее отрицает; итак, причиной их заблуждений лишь нелюбовь к истине и милосердию. И потому извинить их нельзя.

177 (384). По возражениям нельзя судить об истине.

Многие верные мысли встречали возражения.

Многие ложные их не встречали.

Возражения не доказывают ложности мысли, равно как и их отсутствие не доказывает ее истинности.

178 (747). О двух родах людей смотрите под заголовком «Беспрерывность».

179 (256). Настоящих христиан немного. Я подразумеваю даже веру. Многие верят из суеверия. Многие не верят из распутства; немногие остаются посередине.

Я не включаю сюда тех, чьи нравы поистине благочестивы, и всех тех, кто верит по сердечному убеждению.

180 (838). И.Х. совершал чудеса, а затем и апостолы. И первые святые совершали их множество, потому что пророчества еще не исполнились; а чтобы они исполнились через них, не было иных свидетельств, кроме чудес. Было предсказано, что Мессия обратит народы в истинную веру. Как исполнилось бы это пророчество без обращения народов и как народы обратились бы к Мессии, не видя этих последних знаков пророчеств, доказывающих Его пришествие? Ведь до того, как Он умер, воскрес и обратил народы, не все было исполнено, и потому во все это время чудеса были нужны. Теперь они больше не нужны в споре с евреями, ибо исполнившиеся пророчества суть поныне длящееся чудо.

181 (255). Благочестие отличается от суеверия.

Доводить благочестие до суеверия означает разрушать его.

Еретики ставят нам в вину такую суеверную покорность; это и значит делать то, в чем нас обвиняют.

Нечестиво не верить в Евхаристию, потому что ее нельзя увидеть.

Суеверная вера в то, и т. д.

Вера, и т. д.

182 (272). Ничто так не согласуется с разумом, как это отречение разума.

183 (253). 2 крайности.

Исключить разум, допускать только разум.

184 (811). В неверии в И.Х. не было бы греха, если бы не чудеса.

Videte an mentiar ¹.

185 (265). Вера говорит многое такое, чего чувства не говорят, но ничего противного тому, что они воспринимают; вера выше их, а не против них.

186 (947). Вы злоупотребляете доверием простолюдинов к Церкви и обманываете их.

187 (254). Не так уж редко приходится упрекать людей в излишнем легковерии. Это такой же порок, как недоверчивость, и столь же опасный. Суеверие.

188 (267). Высшее проявление разума — признать, что есть бесконечное множество вещей, его превосходящих. Без такого признания он просто слаб.

Если естественные вещи его превосходят, что сказать о вещах сверхъестественных?

XIV. Преимущество

189 (547). Бог через И.Х.

Мы познаем Бога только через И.Х. Без этого посредника мы лишаемся всякого общения с Богом. Через И.Х. мы познаем Бога. Все те, кто пытались познать Бога и доказать Его существование без И.Х., представили неубедительные доказательства. Но чтобы доказать божественность И.Х., у нас есть пророчества, — а это доказательства основательные и наглядные. Пророчества исполнились и подтвердили свою истинность ходом событий и тем доказали достоверность этих истин, а следовательно, и божественности И.Х. В Нем и через Него мы познаем Бога. Вне этого и без Писания, без первородного греха, без необходимого, обещанного и явившегося посредника, нельзя ни доказать неопровержимо существование Бога, ни наставлять в благом учении и благой морали. Но через И.Х. и в И.Х. мы познаем Бога и можем наставлять в морали и учении. Итак, И.Х. — истинный Бог наш.

Но мы познаем одновременно и наше ничтожество, ибо этот Бог есть не кто иной, как исцелитель наших болезней. Поэтому мы можем по-настоящему познать Бога лишь через познание наших грехов.

А те, кто познают Бога, не познавая своего ничтожества, славят не Бога, но самих себя.

Quia non cognovit per sapientiam, placuit deo per stultitiam predicationis salvos facere ¹.

190 (543). Предисловие. Метафизические доказательства существования Бога столь удалены от человеческого разумения и столь запутанны, что мало

проникают в душу, и если кому-либо и полезны, то лишь на тот миг, пока это доказательство у них перед глазами; а час спустя они уже боятся, не ошиблись ли в нем.

Quod curiositate cognoverunt, superbia amiserunt ¹.

Вот это проистекает из познания Бога без И.Х., то есть из общения без посредника с Богом, которого познали без посредника.

Тогда как те, кто познали Бога через посредника, знают о своем ничтожестве.

191 (549). Не только невозможно, но и бесполезно познавать Бога без И.Х. Они не удалились, но приблизились; они не умалились, но... *Quo quisque optimus eo pessimus si hoc ipsum quod sit optimus ascribat sibi* ¹.

192 (527). Познание Бога без познания своего ничтожества приводит к гордыне.

Познание своего ничтожества без познания Бога приводит к отчаянию.

Познание И.Х. посредничает между ними, ибо в нем мы находим и Бога, и свое ничтожество.

XV. Переход

193 (98). Предубеждение сбивает с пути.

Как огорчительно, что люди помышляют только о средствах, а не о цели. Каждый думает, как быть достойным своего сословия, но выбирает для нас сословие и родину жребий.

Как жаль, что столько турок, еретиков, неверующих держатся образа мыслей своих отцов единственно потому, что каждому внушали предубеждение, будто такой образ мыслей — наилучший; и точно так же определяется для каждого его ремесло жестянщика, солдата и т. д.

Вот почему дикарям нечего делать в Провансе ¹.

194 (208). Почему положен такой предел моим познаниям, моему росту, сроку моей жизни — 100 лет, а не 1 000? Какие были у природы причины назначить мне именно такой предел и выбрать эту, а не другую точку

в бесконечности, если у выбора нет оснований и ни одна точка не предпочтительнее другой?

195 (37). (Обо всем понемногу.) Поскольку нельзя достичь универсальности, познав все, что можно знать обо всем, нужно знать обо всем понемногу; лучше знать что-то обо всем, чем знать все о чем-то. Подобная универсальность лучше всего. Если бы можно было обладать обеими, было бы еще лучше; но коль скоро нужно выбирать, следует выбрать такую. Свет это знает и так и делает, ведь свет зачастую судит верно.

196 (86). (Мое воображение заставляет меня ненавидеть жабу и того, кто чавкает во время еды. Воображение — большая сила. Что же из этого следует? Что мы подчинимся этой силе, поскольку она естественна? Нет, что мы будем ей сопротивляться.)

197 (163). (Нет лучшего доказательства суетности людской, чем причины и следствия любви,— ведь от них меняется вселенная. Нос Клеопатры.)

198 (693). 4. 5. Когда я вижу слепоту и ничтожество человеческие, когда смотрю на немую вселенную и на человека, покинутого во мраке на самого себя и словно заблудившегося в этом уголке вселенной, не зная, кто его сюда поместил, зачем он сюда пришел, что с ним станет после смерти, и неспособного все это узнать, — я пугаюсь, как тот, кого спящим привезли на пустынный, ужасный остров и кто просыпается там в растерянности и без средства оттуда выбраться. И потому меня поражает, как это люди не впадают в отчаяние от такого несчастного удела. Я вижу вокруг других людей с той же участью. Я спрашиваю их, не осведомлены ли они лучше, чем я. Они мне отвечают, что нет; и тут же эти несчастные безумцы, оглянувшись вокруг и заметив что-нибудь тешащее воображение, предаются этому предмету душой и привязываются к нему. Что до меня — я не мог предаваться таким вещам; и рассудив, насколько более вероятно, что существует нечто и кроме того, что я вижу вокруг, я стал искать, не оставил ли Бог какого-либо свидетельства о Себе.

Передо мною множество религий, спорящих друг с другом, но одинаково ложных, кроме одной. Каждая желает, чтобы ей верили ради ее могущества, и угрожает неверным. На таких основаниях я им не верю. Это может говорить каждый. Каждый может объявить себя пророком; но я вижу христианство и его исполнение пророчества, что не каждый может сделать.

199 (72). 4. Несоразмерность человека.

9. — (Вот куда нас ведут познания, данные природными нашими способностями.

Если они не истинны, значит, нет вовсе истины в человеке, а если истинны, человек находит в них важные основания смирять гордыню и принужден унижаться тем или иным способом.

А поскольку он не может существовать без веры в их истинность, я желал бы, чтобы прежде чем пускаться в более глубокие изыскания о природе, он задумался бы о ней однажды серьезно и не торопясь, а также взглянул бы на самого себя — и тогда судил бы, соразмерен ли он с ней, сравнивши эти два предмета.)

Итак, пусть человек объемлет взором всю природу в ее высоком и совершенном величии, пусть он отведет взгляд от низких предметов, его окружающих. Пусть посмотрит на это ослепительное сияние, зажженное, словно негаснущий светильник, чтобы озарять вселенную; пусть земля представится ему крохотной точкой рядом с тем огромным кругом, который описывает это светило, и пусть он подивится тому, что сам этот огромный круг есть лишь малая точка в сравнении с тем, что замыкают светила, катящиеся по небосводу. Но если наш взгляд здесь остановится, пусть наше воображение идет дальше, оно скорее устанет работать, чем природа — поставлять ему пищу. Весь видимый мир есть лишь незаметная морщинка на обширном лоне природы. Никакие понятия не могут к ней приблизиться; напрасно мы тужимся послать наши представления за пределы воображаемых пространств, мы порождаем лишь атомы в сравнении с действительностью вещей. Это бесконечная сфера, центр которой везде, окружность — нигде. Самое важное из наглядных проявлений всемогущества Божия в том и состоит, что наше воображение теряется при этой мысли.

А теперь, обратившись к себе, пусть человек подумает, что он есть рядом с сущим, пусть взглянет на себя в растерянности и пусть из этой маленькой норки, где он обитает, — я имею в виду вселенную, — он научится назначать истинную цену земле, царствам, городам, домам и самому себе.

Что такое человек для бесконечности?

Но чтобы представить себе другое, столь же поразительное чудо, пусть он поищет среди вещей ему известных самые крошечные, пусть муравей со своим маленьким тельцем заставит подумать о несравненно меньших его членах, о лапках с суставами, о венах в его лапках, о крови в его венах, о гуморах в этой крови, о капельках в этих гуморах, парях в этих капельках; пусть, расщепляя и дальше такие вещи, он истощит все свои силы на представление об этом, и пусть тот последний предмет, до которого он дойдет, и станет теперь предметом нашего рассуждения. Быть может, он подумает, что это и есть самая малая вещь в природе.

Я хочу показать ему здесь другую бездну. Я хочу нарисовать ему не только видимую вселенную, но и бескрайность природы, которую можно вообразить внутри этого мельчайшего атома; пусть он увидит там бесконечное множество миров, у каждого из которых есть свой небосвод, свои планеты, своя земля, на этой земле свои живые существа, и наконец свои муравьи, в которых он обнаружит то же, что и в видимых глазу; и вот когда он станет обнаруживать там все то же самое, без конца и остановки, пусть у него голова пойдет кругом от таких чудес, столь же поразительных своей малостью, как другие своей огромностью. Ведь кто не изумился бы, что наше тело, которое только что не было заметно во вселенной, а она и сама незаметна в лоне всего сущего, теперь стало колоссом, целым миром, вернее, всем по сравнению с той малостью, куда нельзя проникнуть. Кто задумается над этим, тот утрашит самого себя, и, сознавая себя заключенным в той величине, которую определила ему природа между двумя безднами — бесконечностью и ничтожностью, — он станет трепетать при виде этих чудес; и я полагаю, что его любопытство сменится изумлением, и он будет больше расположен безмолвно их созерцать, чем горделиво исследовать.

Так что же есть человек в природе? Ничто по сравнению с бесконечностью, все по сравнению с небытием, середина между ничто и все; он бесконечно далек от постижения крайностей; цель и начала вещей надежно скрыты от него непроницаемой тайной.

Равным образом — не способен понять небытие, из которого он извлечен, и бесконечность, которую он поглощается.

Ему остается только ловить какую-то видимость вещей срединных, навсегда отчаявшись познать их начала и цель. Все вещи вышли из небытия и стремятся к бесконечности. Кто проследит эти удивительные пути? Творец всех чудес их знает. Больше этого не может никто.

Не умея созерцать эти бездны, люди дерзко принялись исследовать природу, словно они ей хоть как-то соразмерны.

Удивительно — они хотят постичь начала вещей и затем познать все, из гордыни столь же бесконечной, как их предмет. Ведь очевидно, что такие замыслы нельзя питать без гордыни или без способностей бесконечных, как природа.

Человек сведущий понимает, что природа запечатлела образ свой и своего Создателя на всех вещах, и они почти все причастны к ее двойной бесконечности. Так, мы видим, что все науки бесконечны в обширности своих занятий; кто может сомневаться, к примеру, что геометрия предлагает бесконечное число задач для разрешения. Они бесконечны также и в разнообразии и сложности своих понятий; всякому ясно, что те, которые кажутся последними, не держатся сами собой, а опираются на другие, у которых есть еще другие для опоры, и последних для них никогда не бывает.

Но мы считаем последними те, что представляются таковыми нашему разуму; так мы поступаем с миром вещественным, где называем неделимой точкой ту, за которой наши чувства ничего больше не воспринимают, хотя по природе своей она делится бесконечно.

Из этих двух бесконечностей науки величие более очевидно; вот почему немногие притязали на знание всех вещей. Я буду рассуждать обо всем, говорил Демокрит.

Но бесконечность малого менее очевидна. Философы только притязали на проникновение в нее, и на этом все спотыкались. Вот откуда столь часто встречающиеся названия: «Начала вещей», «Начала философии» и им подобные, на самом деле столь же хвастливые, хотя это и меньше бросается в глаза, как «*De omni scibili*»¹.

Они полагают себя от природы более способными проникнуть в центр мира, чем объять его окружность; видимое пространство мира очевидно нас превосходит. Но поскольку мы превосходим вещи малые, то полагаем себя более способными их постигнуть; а ведь проникнуть в ничто отнюдь не легче, чем во все. И для того, и для другого нужна беспредельная сила разума; и мне кажется, что тот, кто постиг бы первоначала вещей, мог бы прийти и до постижения бесконечности. Одно зависит от другого, и одно ведет к другому. Крайности сходятся и, удаляясь друг от друга, соединяются. Они встречаются в Боге и только в Боге.

Уясним же себе наше положение. Мы есть нечто, но мы не есть все. Частица бытия, в нас заключенная, препятствует нам постичь первоначала мира, которые рождаются из небытия; но частица бытия в нас так мала, что бесконечность скрывается из-за этого от нашего зрения.

Наш разум занимает в порядке вещей умопостигаемых такое же место, какое наше тело занимает в природном пространстве.

Мы ограничены со всех сторон, и такое наше положение, срединное между двумя крайностями, проявляется во всех наших способностях. Чувства наши не воспринимают никаких крайностей, слишком громкий звук нас оглушает, слишком яркий свет слепит, слишком дальнее и слишком близкое расстояние мешают видеть. Излишние длинноты и излишняя краткость вредят рассуждению, избыток истины нас изумляет. Я знаю людей, которые не могут понять, что если от нуля отнять четыре, останется нуль. Основные начала нам слишком очевидны; избыток наслаждений утомляет, излишняя сладковзвучность в музыке неприятна, слишком большое благодеяние раздражает. Мы желали бы иметь возможность отдавать долги с лихвой. *Beneficia eo usque laeta sunt dum videntur exsolvi posse. Ubi multum antevenere pro gratia odium redditur*². Мы не чувствуем ни слишком сильного жара, ни слишком сильного холода. Избыточные качества для нас враждебны, но нечувствительны, мы их уже не ощущаем, но страдаем от них. Здравомыслию вредят излишняя молодость и излишняя старость, избыток и недостаток познаний.

Одним словом, крайности для нас словно бы не существуют, и мы не существуем для них; либо они от нас ускользают, либо мы от них.

Вот наше истинное положение. Оно делает нас неспособными ни знать наверное, ни оставаться в полном неведении. Мы плаваем на обширном пространстве посередине, вечно неуверенные и колеблющиеся; нас носит от одного берега к другому; к какой бы тверди мы ни захотели пристать и закрепиться у нее, она качается, уходит от нас, а если мы пытаемся за нее зацепиться, ускользает из рук, уплывает от нас и навечно пускается в бегство; ничто не застывает на месте для нас. Такое состояние для нас естественно, и однако же оно противнее всего нашим склонностям. Нас палит желание обрести надежное пристанище и неизменное, твердое основание, на котором мы бы возвели башню, поднимающуюся до бесконечности, но любой наш фундамент рушится, и в земле разверзается бездна.

Не будем же искать надежности и твердости; разум наш постоянно обманывается изменчивой видимостью: ничто не может накрепко остановить конечное между двумя бесконечностями, которые заключают его в себе и от него ускользают.

Думаю, что хорошенько это поняв, мы успокоимся каждый на том месте, которое назначила ему природа.

Эта середина, доставшаяся нам на долю, всегда удалена от крайностей; а потому — что нам за важность, если кто-то другой понимает вещи немного лучше, чем мы, и смотрит на них с чуть более высокой точки; разве он все равно не бесконечно далек от вершины, и срок нашей жизни разве перестает быть ничтожным в вечности, если удлинится на десяток лет?

С точки зрения этих бесконечностей все конечные вещи равны между собой, и я не вижу, почему мое воображение должно быть привязано к той, а не к другой. Нам тяжело даже просто сравнивать себя с конечными вещами.

Если бы человек изучал себя, то увидел бы, насколько он не способен идти дальше. Как может часть познать целое? Но он может постараться познать хотя бы те части, с которыми он сам сопоставим. Однако в мире все части так соотносены и связаны друг с другом, что, я полагаю, невозможно познать одну без другой и без целого.

К примеру, человек соотносится со всем, что знает. Ему нужно пространство, которое его вместило бы, время, в котором ему длиться, движение, чтобы жить, вещества, чтобы его составить, тепло и яства, чтобы его питать, воздух, чтобы дышать. Он видит свет, осязает предметы, одним словом, все сочетается с ним. Значит, чтобы познать человека, нужно знать, почему он не может существовать без воздуха, а чтобы знать, что такое воздух, нужно знать, чем он так важен для человеческой жизни, и т. д.

Пламя не живет без воздуха; значит, чтобы знать одно, нужно знать другое.

И поскольку все вещи одновременно и причина, и следствие, и нуждаются

в помощи, и подают ее, являются и прямо, и опосредованно, и все соединены естественными невидимыми узлами, которые связывают между собой самые далекие друг от друга и самые разные из них,— я полагаю невозможным знать части, не зная целого, равно как и знать целое, не зная частей по отдельности.

(Вечность вещей в самих себе или в Боге должна быть поразительна для краткого срока нашей жизни.

Твердая и неизменная неподвижность природы, сравнение ее с постоянными переменами, происходящими в нас, должны производить то же впечатление.)

И в довершение нашей неспособности постигать вещи — то, что они сами по себе просты, а в нас соединились две природы, противоположные и различные: духовная и телесная. Невозможно, чтобы мыслящая часть нашего существа была не духовной, а какой-то иной; и полагать, что мы просто телесны, значило бы отнять у нас всякую способность познания вещей: нет ничего более нелепого, чем утверждать, будто материя познает саму себя. Мы не можем знать, как она это делает.

Таким образом, если мы только материальны, то лишены всякой способности познания, а если состоим из духа и материи, то не можем в совершенстве познавать простые вещи, духовные или телесные.

Вот причина того, что почти все философы смешивают идеи вещей и говорят о вещах телесных, как о духовных, а о духовных, как о телесных. Они смело говорят, что тела влекутся книзу, что они стремятся к своему центру, бегут от своей гибели, боятся пустоты, что у них есть наклонности, симпатии и антипатии — все то, что свойственно только вещам духовным. А говоря о вещах духовных, они их считают словно находящимися в каком-то месте и приписывают им передвижение с одного места на другое, что свойственно только телам.

Глядя, как мы соединяем вещи духовные с телесными, можно подумать, что такая смесь должна быть легко доступна нашему пониманию. Однако она нам менее всего понятна; человек для самого себя — самый загадочный предмет во всей природе, ибо он не может представить себе, что такое тело, и еще меньше — что такое дух, а менее всего — как тело может соединиться с духом. Вот предел сложности, а между тем это его собственное существо: *modus que corporibus adherent spiritus comprehendi ab homine non potest, et hoc tamen homo est*³.

И чтобы довершить доказательство нашей слабости, я закончу двумя соображениями...

200 (347). Человек — всего лишь тростинка, самая слабая в природе, но это тростинка мыслящая. Не нужно ополчаться против него всей вселенной, чтобы его раздавить; облачка пара, капельки воды достаточно, чтобы его убить. Но

пусть вселенная и раздавит его, человек все равно будет выше своего убийцы, ибо он знает, что умирает, и знает превосходство вселенной над ним. Вселенная ничего этого не знает.

Итак, все наше достоинство заключено в мысли. Вот в чем наше величие, а не в пространстве и времени, которых мы не можем заполнить. Постараемся же мыслить как должно: вот основание морали.

201 (206). Вечное безмолвие этих бесконечных пространств меня пугает.

202 (517). Утешиться; не от себя вы должны Его ждать, напротив, Его должно ждать, не ожидая ничего от себя.

XVI. Ложность других религий

203 (595). Ложность других религий.

Магомет не убеждает.

Его доводы должны быть очень доказательны, потому что ничем другим не подкреплены.

Что же он говорит? Что надо в него верить.

204 (592). Ложность других религий.

У них нет свидетелей. А у нас они есть.

Бог предлагает другим религиям представить столь же явные свидетельства. Исаия 43, 9—44, 8.

205 (489). Если есть единое начало всему, единая цель всего — все из этого, все для этого,— то истинная религия должна учить нас поклоняться только этому и только это любить. Но поскольку мы не способны поклоняться тому, чего не знаем, и любить что бы то ни было, кроме нас самих, религия, предписывая наш долг, должна также объяснить нам эту неспособность и указать лекарства от нее. Она учит нас, что через человека было все утрачено и разорвана наша связь с Богом и что через человека связь эта восстановлена.

Мы рождаемся столь далекими от такой любви к Богу, что непременно должно быть одно из двух: либо мы рождаемся виновными, либо Бог несправедлив.

206 (235). Rem viderunt, causam non viderunt ¹.

207 (597). Против Магомета.

Алькоран так же принадлежит Магомету, как Евангелие — святому Матфею. Многие авторы, из века в век, его цитируют. Даже его недруги, Цельс ¹ и Порфирий ², никогда в том не сомневались.

В Алькоране сказано, что святой Матфей был праведник. Следовательно, Магомет — ложный пророк, либо потому, что называет дурных людей праведниками, либо потому, что не соглашается со словами праведников об И. Х.

208 (435). Без этих знаний, полученных от Бога, люди либо возносились бы душой из-за смутной памяти об их былом величии, либо впадали в уничижение при виде их нынешней слабости. Ибо, не владея полнотой истины, они не могут достичь совершенной добродетели; одни полагают природу неиспорченной, другие неисправимой, и так впадают либо в гордыню, либо в уныние — два источника всех пороков; им остается либо малодушно этим порокам предаваться, либо побеждать их гордыней. Ведь если они признают величие человека, то отрицают его испорченность, так что избегают лени, но губят себя надменностью; а если они признают ущербность природы, то отрицают ее достоинство, так что избегают тщеславия, но при этом впадают в отчаяние.

Отсюда рождаются различные секты — стоиков и эпикурейцев, догматиков и академиков, и т. д.

Одна лишь христианская религия может исцелить оба эти порока, не изгоняя один другим с помощью мудрости земной, но изгоняя их оба с помощью простоты евангельской. Ибо она учит праведников, что может возносить людей до сопричастности Божескому естеству, что и в этом возвышенном состоянии они носят в себе источник всякой испорченности, который делает их на всю жизнь подвластными заблуждениям, невзгодам, смерти, греху; и она кричит последним нечестивцам, что они способны принять благодать Искупителя. И заставляя трепетать тех, кого она оправдывает, и утешая тех, кого осуждает, она такой точной мерой уравнивает страх надеждой, возвещая о присущей всем двойной способности — и к благодати, и к греху, — что умаляет человека несравненно сильнее, чем то может сделать разум, но при этом не вгоняет в отчаяние, и возвеличивает его несравненно сильнее, чем природная гордыня, но не дает надуваться от спеси. Она ясно показывает этим, что она одна свободна от заблуждений и пороков, и потому ей одной должно наставлять и исправлять людей.

Кто же может отринуть веру в небесную премудрость и поклонение ей? Разве не ясней, чем день, что мы ощущаем в себе нестираемые следы нашего

величия, и разве не столь же очевидно, что мы всякий час испытываем на себе действие нашего плачевного удела?

О чем же этот хаос и это чудовищное смятение кричат нам так громко, что противиться им невозможно, как не о том, что природа наша поистине двойственна?

209 (599). Разница между И. Х. и Магометом.

Магомет не предсказан, И. Х. предсказан.

Магомет убивал, И. Х. давал убивать своих.

Магомет запрещал читать, апостолы приказывали читать.

Все это столь разнится, что если Магомет избрал путь земного торжества, то И. Х. избрал путь земной гибели; так что не следует говорить, что поскольку Магомет добился земного торжества, И. Х. вполне мог его добиться; лучше сказать, что поскольку Магомет добился земного торжества, И. Х. должен был погибнуть.

210 (451). Все люди по природе своей ненавидят друг друга. Они как могли использовали свои страсти, чтобы заставить их служить общественному благу. Но это только притворство и подделка под милосердие, в глубине нет ничего, кроме ненависти.

211 (453). На страстях людских основаны и из них извлечены замечательные законы для государства, морали и правосудия.

Но в глубине эта мерзкая суть человеческая, это *figmentum malum*¹ только прикрито. Оно никуда не делось.

212 (528). И. Х.— тот Бог, к которому приближаются без гордыни и перед кем уничижаются без отчаяния.

213 (551). *Dignior plagis quam osculis
non timeo quia amo*¹.

214 (491). Свидетельством истинной религии должно быть требование любви к своему Богу. Это вполне справедливо, а между тем ни одна этого не повелевает; наша это сделала.

Она также должна постичь похоть и бессилие человеческие; наша это сделала.

Она должна указать и лекарства, одно из них — молитва. Ни одна другая религия не просит у Бога любви к Нему и послушания Ему.

215 (433). При взгляде на природу человеческую становится ясно, что религия истинна в том случае, если познала нашу природу. Она должна постичь наше величие и наше ничтожество и причины того и другого. Какая религия это постигла, кроме христианской?

216 (493). Истинная религия указывает нам наш долг, наши слабости, гордыню и похоть, и лекарства — смирение, умерщвление плоти.

217 (650). Есть иносказания ясные и убедительные, но бывают и другие, которые кажутся притянутыми за уши; они могут что-то доказать только тем, кто уже и так убежден. Такие иносказания похожи на апокалиптические.

Разница в том, что у них нет столь неоспоримых; так что нет ничего более несправедливого, чем утверждать, как они, что их доказательства имеют под собой не меньше оснований, чем некоторые из наших. Ведь у них нет столь убедительных, как иные из наших.

Игра неравная. Нельзя равнять и смешивать такие вещи, потому что хотя они, с одной стороны, и кажутся похожими, они столь различны с другой. Только божественная ясность заставляет благоговеть и перед темнотами.

(Это как раз те, кто изъясняются между собой на некоем темном языке; те, кто его не понимают, уловят только нелепицу.)

218 (598). Я хочу, чтобы о Магомете судили не по тому, что есть темного в его словах и чему можно приписать некий таинственный смысл, а по тому, что у него ясно,— его рай и прочее. Вот где он смешон. Принимать его темноты за таинственность неверно потому, что ясность его смешна. Не так с Писанием. Пусть там есть места столь же странные и непонятные, как у Магомета, но зато там есть и поразительная ясность, и прямые, исполнившиеся пророчества. Игра тут неравная. Не следует равнять и путать между собой вещи, схожие лишь темной, но не ясностью, из-за которой можно благоговеть и перед темнотами.

219 (251). Другие религии, наподобие языческих, больше доступны простонародью, ибо они касаются вещей внешних, но не годятся для людей ученых.

Чисто умственная религия больше подходила бы ученым, но не годилась бы для народа. Только христианская религия подходит всем, ибо в ней соединены внешнее и внутреннее. Она возвышает простых людей до внутреннего и склоняет гордецов до внешнего; она не была бы совершенна без обоих, ибо простые люди должны понимать дух буквы, а ученые — склоняться духом перед буквой.

220 (468). Никакая другая религия не призывает людей ненавидеть себя, никакая другая религия не может поэтому нравиться тем, кто себя ненавидят и ищут существо, поистине достойное любви. И если они никогда прежде не слышали о религии уничиженного Бога, то бросятся к ней в объятия.

XVII. Сделать религию привлекательной

221 (774). И. Х. для всех. Моисей для одного народа.

Иудеи благословенны в Аврааме. Я благословлю благословляющих тебя, но благословятся в тебе все племена земные.

Parum est ut ¹, и т. д. Исаия. Lumen ad revelationem gentium ².

Non fecit taliter omni nationi ³, сказал Давид о завете. Но говоря об И. Х., нужно сказать: fecit taliter omni nationi, parum est ut ⁴, и т. д. Исаия.

Лишь И. Х. — для всех; даже Церковь приносит жертву только за верных. И. Х. принес крестную жертву за всех.

222 (747). Иудеи по плоти и язычники живут в скорби, и христиане тоже. Для язычников нет Искупителя, потому что они Его и не ждут. Нет Искупителя для иудеев, потому что они Его ждут напрасно. Искупитель есть только для христиан.

Смотри раздел о Бесперывности.

XVIII. Основания

223 (570). Нужно поместить в главу об Основаниях то, что в главе об иносказательности касается причины иносказаний. Почему предсказано первое пришествие И. Х.? Почему оно предсказано в столь темных выражениях?

224 (816). Неверующие — люди самые легковверные, они верят в чудеса Веспасиана ¹ и не верят в чудеса Моисеевы.

225 (789). Как И. Х. оставался неузнанным среди людей, так остается неузнанной истина среди расхожих мнений, ничем от них по виду не отличаясь. Так и Евхаристия рядом с обыкновенным хлебом.

226 (523). Вся вера заключена в И. Х. и Адаме, и вся мораль — в грехе и благодати.

227 (223). Что они могут сказать против воскресения и рождения от Девы? Что труднее создать человека или животное, чем его воссоздать. Но если они никогда не видели какого-то рода животных, как они могут знать, не создаются ли они без сообщения с себе подобными?

228 (751). Что говорят пророки об И. Х.? Что Он будет Богом явно? Нет, но что Он поистине Бог сокровенный, что Его не узнают, что не будут думать, что это Он, что Он станет камнем преткновения, на котором многие споткнутся, и т. д.

Пусть же нас больше не упрекают за недостаток ясности, ведь мы это исповедуем открыто. Но, говорят нам, есть темноты, и без них люди не заблуждались бы об И. Х. А это — одно из твердых намерений пророков: ехсаеса ¹.

229 (444). То, что люди смогли постичь наивысшим светом разума, эта религия объяснила чадам своим.

230 (430). Все, что непостижимо, тем не менее существует.

231 (511). (Если вы хотите сказать, будто человек слишком ничтожен, чтобы удостоиться общения с Богом,— то нужно изрядное величие, чтобы об этом судить.)

232 (566). Мы ничего не поймем в деяниях Господа, если не возьмем за правило, что Он хотел ослепить одних и просветить других.

233 (796). И. Х. не говорит, что Он не из Назарета, чтобы оставить дурных людей в слепоте, и что Он не сын Иосифа.

234 (581). Бог заботится больше о воле, чем о разуме; совершенная ясность послужила бы разуму и повредила воле.

Смирить гордыню.

235 (771). И. Х. пришел ослепить зрячих и подарить зрение слепцам, исцелить больных и погубить здоровых, призвать к покаянию и оправдать грешников, а праведников оставить в их грехах, возместить бедным и разорить богатых.

236 (578). Ослепить. Просветить. Святой Авг. Монт. Сабунд ¹.

Света довольно, чтобы просветить избранных, и довольно темноты, чтобы привести их к смирению. Довольно темноты, чтобы ослепить проклятых, и довольно света, чтобы осудить их и не найти для них оправданий.

Родословная И. Х. в Ветхом Завете так переплетена со множеством других, ненужных, что теряется среди них. Если бы Моисей вел счет только предкам И. Х., это было бы слишком видно; если бы он вовсе их не отмечал, это было бы недостаточно видно; но кто смотрит внимательно, тот ясно различает родословную И. Х. через Фамарь ², Руфь ³, и т. д.

Те, кто повелевали приносить такие жертвы, знали об их бесполезности, а те, кто говорили об их бесполезности, продолжали их приносить.

Если бы Господь допустил только одну религию, ее было бы слишком легко узнать. Но глядите внимательно, и вы ясно различите истинную в этой путанице.

Правило: Моисей был разумный человек. Итак, коль скоро он следовал разуму, то не мог утверждать ничего такого, что разуму прямо бы противоречило.

Так все очевидные недостатки становятся достоинствами. Пример: две родословные, у Матфея и у Луки. Ясно, как день, что сговориться они не могли.

237 (795). Если бы И. Х. пришел только для освящения, все Писание и все вокруг тому бы способствовало, и было бы очень легко убедить неверующих. Если бы И. Х. пришел лишь для того, чтобы ослеплять, все поступки Его были бы темны, и у нас вовсе не было бы средства убеждать неверующих; но поскольку Он пришел *In sanctificationem et in scandalum*¹, как сказано у Исаии, мы не можем убеждать неверующих. А они не могут убедить нас, но тем самым мы их убеждаем, ибо говорим, что во всех Его поступках нет непреложности ни для тех, ни для других.

238 (645). Иносказания.

Желая отнять у своих бранные блага, Бог в доказательство, что это не от бессилия, создал народ иудейский.

239 (510). Человек не достоин Бога, но нельзя сказать, что он не способен сделаться достойным Его.

Не достойно Бога соединяться с ничтожным человеком, но нельзя сказать, что не достойно Его извлечь человека из ничтожества.

240 (705). Доказательство.

Пророчество с исполнением его.

То, что предшествовало И. Х., и то, что за Ним последовало.

241 (765). Источник противоположностей. Бог уничижаемый, и даже до смерти на кресте. Две природы в И. Х. Два пришествия. Два состояния природы человеческой. Мессия, попирающий смерть своей смертью.

242 (585). Что Бог пожелал остаться сокровенным.

Будь только одна религия, Бог был бы явлен открыто.

То же самое — будь мученики только у нашей религии.

Поскольку Бог так сокровенен, всякая религия, которая не говорит, что Бог сокровенен, ложна, и всякая религия, которая этого не объясняет, не просвещает нас. Наша все это делает. *Vere tu es deus absconditus*¹.

243 (601). (Основание нашей веры.)

Языческая религия не имеет основания. (Теперь говорят, что некогда она

его имела в говорящих оракулах. Но какие книги нам это подтверждают? Добродетельны ли их авторы настолько, чтобы им можно было верить? Так ли их заботливо сберегали, чтобы можно было не сомневаться, что они не испорчены?)

Основание магометанской религии — Алькоран и Магомет. Но этот пророк, который должен был стать последним ожиданием мира,— был ли он предсказан? Какая на нем печать, отличающая его от всякого, кто пожелал бы назваться пророком? Какие чудеса, по его же собственным словам, он совершил? Какую тайну он открыл, по его же преданию? Какая мораль и какое блаженство!

На иудейскую религию следует смотреть иначе. В предании священных книг и в предании народа. Мораль и блаженство смешны в предании народа, но достойны восхищения в преданиях их святых. Их основание достойно восхищения. Это самая древняя книга на свете, и самая подлинная; тогда как Магомет, чтобы увековечить свою книгу, запрещает ее читать, Моисей, чтобы увековечить свою, велит читать ее всем. И так вся религия.

Христианство в священных книгах весьма отлично от христианства у казуистов.

Наша религия столь божественна, что у другой божественной религии общего с ней только основание.

244 (228). Возражение атеистов.
Но мы в полной тьме.

XIX. Иносказательный закон

245 (657). Что закон был иносказателен.

246 (647). Иносказания.

Судьба народов еврейского и египетского ясно предсказана двумя людьми, встретившимися Моисею ¹: египтянином, избивавшим еврея, за что Моисей отомстил, убив египтянина, и евреем, оказавшимся неблагодарным.

247 (674). Иносказательность.

Делай все согласно Господу, явившемуся тебе на горé, о чем святой Павел говорит ¹, что евреи служат образу и тени небесного.

248 (653). Иносказания.
Пророки пророчествуют иносказаниями — пояс, горящие борода и волосы ¹, и т. д.

249 (681). Иносказательность.
Ключ к тайнописи.
Veri adoratores ¹. Ecce agnus dei qui tollit peccata mundi ¹.

250 (667). Иносказат.
Эти слова — меч, щит, potentissime ¹.

251 (900). Кто хочет найти смысл Писания и не берет его из Писания, тот враг Писанию. Авг., О хр. уч. ¹

252 (648). Две ошибки. 1. Воспринимать только букву. 2. Воспринимать только дух.

253 (679). Иносказания.
И. Х. отверз их разум, чтобы они поняли Писание.
Тут два великих откровения. 1. Все им являлось в иносказаниях — Vere Israelitae ¹, Vere liberi ². Истинный хлеб с неба.

2. Бог, унижаемый до креста. Нужно было Христу принять муки, чтобы обрести славу, победить смерть своей смертью — два пришествия.

254 (649). Поговорить против слишком темных иносказаний.

255 (758). Чтобы Мессию узнавали хорошие люди и не узнавали злые, Бог повелел предсказать Его таким образом. Если бы деяния Мессии были предсказаны ясно, не было бы никакой темноты даже для злых.

Если бы время было предсказано темно, тьма не рассеялась бы даже для добрых, ибо доброта их сердец не помогла бы им понять, что, к примеру, мем означает боо лет ¹. Но время было предсказано ясно, а деяния — иносказательно.

Потому злые полагают обетованные блага благами земными и заблуждаются, несмотря на ясно предсказанное время, а добрые не заблуждаются.

Ибо понимание обетованных благ зависит от сердца, называющего благом то, что оно любит, а понимание времени обетованного от сердца не зависит. Так ясное предсказание времени и темное предсказание благ обманывает только злых.

256 (662). Иудеи по плоти не понимали ни величия, ни унижения Мессии, предсказанных им пророками. Они не узнали Его в Его предсказанном величии — в словах, что Мессия будет Господом Давиду, хотя Он и сын ему, и был прежде Авраама и видел его ¹.

Они не поверили, что Он так велик и вечен, не узнали его в унижении и смерти. Мессия, говорили они, пребудет вечно, а этот сказал, что умрет. Они не поверили ни что Он смертен, ни что Он вечен; они искали в Нем лишь земного величия.

257 (684). Противоречие.

Лицо может быть красиво только тогда, когда в нем согласуются между собой самые разные черты, и недостаточно сочетать соединимые свойства, не сочетая противоположных; чтобы понять смысл какого-либо сочинения, нужно согласовать все противоречивые места в нем.

Так, Писание можно понять, если есть в нем смысл, согласующий все противоречивые места; недостаточно такого смысла, который подходил бы для многих сочетающихся между собой мест, а нужен такой, который согласовал бы даже противоречивые места.

У каждого автора есть смысл, согласующий все противоречивые места, — или у него вовсе нет смысла. Нельзя этого сказать о Писании и пророках: у них, конечно, здравого смысла было с избытком. Значит, надо искать в нем тот смысл, который согласует все противоречия.

Подлинный смысл — не тот, что был виден иудеям, но в И. Х. все противоречия согласуются.

Иудеи не сумели бы согласовать предсказания Осии о том, что они останутся без царя и князя, с пророчеством Иакова ¹.

Если понимать закон, жертвы и царство в прямом смысле, все места согласовать нельзя; значит, это непременно должны быть иносказания. Нельзя будет даже согласовать все места у одного автора, ни даже в одной книге, ни порой даже в одной главе, что ясно показывает, какой смысл имел в виду автор; к примеру, как у Иезекииля, гл. 20, где говорится и что народ будет жить по заповедям Божиим, и что он не будет по ним жить.

258 (728). Не позволялось приносить жертвы вне Иерусалима — избранного Господом места, ни даже есть десятину в другом месте. Второзак. 5 и т. д. Второзаконие 14. 23. 15. 20. 16. 2. 7. 11. 15.

Осия предсказал, что сыны Израилевы будут оставаться без царя и князя и без жертвы и т. д., без терафима, ибо по закону нельзя было приносить жертвы вне Иерусалима.

259 (685). Иносказание.

Если закон и жертвы понимать в прямом смысле, то они должны быть угодны Богу и не могут быть Ему неуютны. Если это иносказания, они должны быть и уютны, и неуютны.

А по всему Писанию они и уютны, и неуютны. Сказано, что закон изменится, что жертвоприношение изменится, что они останутся без царя, без князя и без жертвоприношений, что будет дан новый завет, что закон обновится, что наставления, ими полученные, дурны, что жертвы их мерзки, что Бог их вовсе не требовал.

И сказано, наоборот, что закон пребудет вечно, что завет этот во веки веков, что жертвы будут приноситься вечно, что скипетр никогда не отойдет от них, ибо он не должен отойти, пока не придет вечный царь.

Все эти места — надо ли их понимать буквально? нет; надо ли их понимать иносказательно? нет, но буквально или иносказательно; но первые, исключая буквальность, означают иносказательность.

Все эти места не могут быть сказаны в прямом смысле; все могут быть сказаны иносказательно. Их надо понимать не буквально, а иносказательно.

Agnus occisus est ab origine mundi ¹, *juge sacrificium* ².

260 (678). Изображение заключает в себе отсутствие и присутствие, удовольствие и неудовольствие. Действительность исключает отсутствие и неудовольствие.

Иносказания.

Чтобы знать, в прямом или иносказательном смысле нужно понимать закон и жертвы, следует выяснить, останавливали тут свой взгляд и свои мысли пророки, говоря об этом, видели они только Ветхий Завет или что-то еще, чему этот Завет служил изображением. Ведь изображение представляет вещи иносказательно. Нужно только вдуматься в то, что они говорят.

Говоря, что завет будет вечен, имеют ли они в виду тот завет, о котором они говорят, что он изменится, и то же самое с жертвами и т. д.

Шифр имеет двойной смысл. Когда перехватывают важное письмо, смысл

которого ясен, но в котором тем не менее сказано, что смысл его скрыт и затемнен, спрятан так, что письмо это будут видеть не видя, понимать не понимая,— что тут следует думать, как не то, что это шифр с двойным смыслом.

Тем более, когда обнаруживаются явные противоречия в смысле буквальном.

Пророки ясно сказали, что любовь Божия всегда пребудет с Израилем, что закон будет вечен; и они сказали, что смысл их слов будет непонятен и сокрыт.

Как же должны мы почитать тех, кто открывает нам шифр и учит нас понимать скрытый смысл, особенно когда понятия, ими извлекаемые, столь естественны и ясны? Это то, что сделал И. Х. И апостолы. Они сняли печать. Они разодрали завесу и открыли дух. Они научили нас, что враги человеку — его страсти, что Искупитель будет духовен и царство Его духовное, что будет два пришествия, одно в ничтожестве, дабы умалить человека горделивого, другое в славе, дабы возвысить человека униженного, что И. Х. будет Богом и человеком.

261 (757). Время первого пришествия заведомо предсказано, второго — нет, потому что первое должно быть сокрыто, а второе явно и столь разительно, что даже врагам придется его признать, но первое должно было случиться непременно тайно и узнано только теми, кто вчитывался в Писание.

262 (762). Что могли сделать иудеи, Его враги?

Если бы они приняли Его, то подтвердили бы Его пришествие своим признанием, ибо это значило бы, что Его приняли те, кто ждет Мессию; а если они отрицают Его, то подтверждают своим отрицанием.

263 (686). Противоречия.

Скипетр до Мессии без царя и князя.

Закон вечный, меняющийся.

Вечный завет, новый завет.

Добрый закон, дурные постановления. Исз. 20.

264 (746). Евреи привыкли к великим и очевидным чудесам; и так, имея великие события в Красном море и земле Ханаанской как первообраз подвигов своего Мессии, они ожидали еще более величественных, которым чудеса Моисеевы были бы лишь первым наброском.

265 (677). Иносказание заключает в себе отсутствие и присутствие, удовольствие и неудовольствие.

Шифр с двойным смыслом. Ясность и то, где сказано, что смысл сокрыт.

266 (719). Кто-то может подумать, будто когда пророки предсказывали, что скипетр не отойдет от Иуды до вечного царя, они говорили так, чтобы польстить народу, и пророчество их оказалось ложным при Ироде ¹. Но чтобы показать, что смысл их речей не таков, что они, напротив, хорошо знали, что земное царство разрушится, они говорили, что народ останется без царя и князя. И надолго. Осия.

267 (680). Иносказания.

Как только эта тайна открыта, уже невозможно ее не видеть. Читайте Ветхий Завет таким образом, и вы увидите, напрямую ли надо понимать жертвоприношения, и родство с Авраамом как причину милости Господней, и землю обетованную как место отдохновения? Нет, но как иносказания.

И посмотрите также на все установленные обряды и все заповеди, не зовущие к любви, и вы увидите, что это иносказания.

Итак, все эти жертвы и обряды — либо иносказания, либо глупости; но есть вещи очевидные и слишком возвышенные, чтобы считать их глупостями.

Понять, ограничили свой взор пророки в Ветхом Завете или они видели там и другое.

268 (683). Иносказания.

Буква убивает — Все являлось в иносказаниях — Христос должен был страдать — Бог униженный — Вот шифр, данный нам святым Павлом.

Обрезание сердца, истинный пост, истинная жертва, истинный храм: пророки указывали, что все это должно быть духовным.

Не тленная плоть, но та, что нетленна.

Вы будете истинно свободны; следовательно, другая свобода — всего лишь свобода иносказательная.

Я истинный хлеб с неба.

269 (692). Есть такие, кто ясно видит, что у человека нет другого врага, кроме похоти, отвращающей его от Бога, — а не врагов; нет другого блага,

кроме Бога,— а не тучной земли. Те, кто думает, будто благо человека — в плотском, а зло для него в том, что отвращает его от чувственных наслаждений, коими он упивается и в коих умирает. Но те, кто ищет Бога всем сердцем, для кого нет иного горя, кроме как лишиться Его, и иного желания, кроме как обрести Его, и иных врагов, кроме отвращающих от Него, кто огорчается, видя себя окруженными и подавленными такими врагами,— они пусть утешатся, я приношу им радостную весть: у них есть Избавитель; я покажу им Его; я докажу, что у них есть Бог; другим я Его не покажу. Я покажу, что Мессия был им обещан, чтобы избавить их от врагов, и что Он пришел, чтобы избавить их от грехов, а не от врагов во плоти.

Когда Давид предсказал, что Мессия избавит его народ от врагов, можно было подумать, что это плотские враги, египтяне. Тогда я не смог бы доказать, что пророчество исполнилось; но можно подумать и так, что это грехи. Ибо на самом деле вовсе не египтяне — враги, но враги — грехи.

Это слово — «враги» — двусмысленно, но если в другом месте он говорит, что очистит народ свой от грехов, как и Исаия и другие,— двусмысленность исчезает, и двойное значение слова «враги» сводится к единственному — «грехи». Ведь если он подразумевал грехи, то мог назвать их врагами, но если он думал о врагах, то их назвать грехами не мог.

Моисей и Давид и Исаия употребляли одни и те же слова. Кто же сможет сказать, что они подразумевали не один и тот же смысл и что Давид, который явно имел в виду грехи, когда говорил о врагах, подразумевал не то же самое, что и Моисей, когда тот говорил о врагах.

Даниил (IX) молился об избавлении изгнанного народа от врагов. Но думал он о грехах, и чтобы показать это, он говорит, что Гавриил явился ему и сказал, что он был услышан и что осталось ждать семьдесят седьмин, после чего народ будет очищен от беззаконий. Грех прекратится, и Избавитель, Святой святых, принесет народу правду вечную — не законную, но вечную.

270 (670). А. Иносказание.

Евреи состарились в таких земных мыслях: что Бог любил их отца Авраама, его плоть и потомков ее, что поэтому Он их умножил и отличил среди всех народов и не терпел, чтобы они смешивались с другими, что когда они томились в Египте, Он их вывел оттуда со всеми великими благоприятными для них знаменами, что Он их питал манной в пустыне, привел их в тучную землю, дал им царей и прекрасный храм, чтобы там совершались жертвоприношения и они очищались пролитием крови жертвенных животных, и что,

наконец, Он пошлет им Мессию, чтобы сделать их властителями мира, и Он предсказал время Его пришествия.

Мир состарился в этих плотских заблуждениях. И.Х. явился в предсказанное время, но не в блеске славы, как ожидалось, и потому они не подумали, что это Он. После Его смерти святой Павел пришел научить людей, что все это сбылось иносказательно, что царство Божие не плотское, но духовное, что враги человеку не вавилоняне, но страсти его, что Богу угодны не рукотворные храмы, но сердца чистые и смиренные, что телесное обрезание бесполезно, а нужно обрезание в сердце, что Моисей не дал им хлеб с неба, и т. д.

Но Господь не желал открывать такие вещи народу, этого не достойному, и желал все же, чтобы в них поверили; потому Он ясно предсказал время их свершения и много раз объяснял их ясно, но иносказательно, так, чтобы ищущие прямой смысл на нем и остановились, а ищущие смысл сокрытый его увидели.

Все, что не говорит о любви, есть иносказание.

Единственный предмет Писания — любовь.

Все, что не говорит о едином благе, описывает его иносказательно. Ибо если есть лишь одна цель, то все, что не говорит о ней прямыми словами, есть иносказание.

Бог по-разному говорит об этой единственной заповеди — любви, — чтобы удовлетворить наше любопытство, ищущее разнообразия, таким разнообразием, ведущим нас всегда к тому, что одно только нужно ¹. Ибо одно только нужно, а мы ищем разнообразия, и Бог снисходит и к тому, и к другому посредством такого разнообразия, которое ведет к единственно необходимому.

Евреи так верили в прямой смысл предсказаний и так ждали их исполнения, что когда они действительно исполнились тогда и так, как было предсказано, не узнали их.

Раввины считают иносказанием сосцы возлюбленной ² и все, что не выражает прямо их единственную цель — преходящее благо.

А христиане даже Евхаристию считают иносказанием той славы, которой они взыскуют.

271 (545). И.Х. не делал ничего иного, как учил людей, что они должны любить друг друга, что они рабы, слепцы, больные, несчастные и грешники; что Он их избавит, просветит, осчастливит и исцелит, что для этого они должны ненавидеть себя и следовать за Ним в унижение и крестную смерть.

272 (687). Иносказания.

Когда истинное слово Господне ложно по букве, оно верно по духу. *Sede a dextris meis* ¹; это ложно по букве, следовательно, верно по духу.

В таких выражениях говорится о Боге в людских понятиях. Это значит только, что у Бога может быть то же намерение, что у людей,— усадить одесную себя. Тут говорится о намерении Божиим, а не о способе его исполнения.

И если сказано: Бог обонял благоухание ароматов ваших и даст вам за то землю гучную,— такое же намерение будет у Бога для вас, потому что у вас было для Него то же намерение, какое имеет человек для того, кому дарит ароматы.

Так же и *iratus est* ², Бог ревнитель, и т. д. Ибо то, что относится до Бога, невыразимо, и посему о том нельзя говорить иначе, и Церковь по сей день изъясняется так, *quia confortavit seras* ³, и т. д.

Непозволительно придавать Писанию тот смысл, о котором нам не было откровения. Что мэм Исаии означает боо — об этом нам не было откровения. Не сказано, что недостающие цад и ге означают таинства ⁴. Следовательно, так говорить не позволено. И еще менее — говорить, что это способ философского камня. Но мы говорим, что буквальный смысл — не истинный, потому что так говорили сами пророки.

273 (745). Те, кому трудно уверовать, ищут оправданий в том, что иудеи не веруют. Если бы это было так ясно,— говорят они,— почему же иудеи не поверили? И словно желают веры у иудеев, чтобы пример такого отказа веровать их не останавливал. Но их отказ как раз и есть основание нашей веры. Мы были бы не столь в ней тверды, если б они были с нами: вот тогда у нас был бы предлог поважнее.

Замечательно, что Бог сделал иудеев великими поборниками пророчеств и врагами их исполнения.

274 (642). Доказательства обоих Заветов сразу.

Чтобы доказать верность обоих одновременно, нужно только выяснить, исполнились ли во втором пророчества первого.

Чтобы проверить пророчества, нужно их понимать.

Ибо если кто думает, что у них есть только один смысл,— тогда несомненно, что Мессия не придет, но если у них два смысла, тогда несомненно, что Он придет как И.Х.

Следовательно, весь вопрос в том, есть ли у них два смысла.

Что у Писания два смысла.

Чему И.Х. и апостолы дали следующие доказательства.

1. Доказательство самим Писанием.
 2. Доказательства раввинов. Моисей Маймонид ¹ сказал, что у Писания точно два лица и что пророки пророчествовали только об И.Х.
 3. Доказательства Каббалы ².
 4. Доказательства мистическим истолкованием, которое сами раввины дают Писанию.
 5. Доказательства утверждениями раввинов, что существуют два смысла. что есть два пришествия Мессии, в славе или в унижении, по заслугам их — что пророки пророчествовали только о Мессии — закон не вечен, но должен измениться с Мессией — что тогда не будут больше вспоминать о Красном море — что иудеи и язычники смешаются.
- (6. Доказательства ключом к шифру, который дают нам И.Х. и апостолы.)

275 (643). А. Иносказания.

Исаия, 51. Красное море — образ искупления.

Ut sciatis quod filius hominis habet potestatem remittendi peccata, tibi dico: surge ¹.

Бог, желая показать, что Он может создать народ, святой святостью невидимой, и исполнить его вечной славы, сотворил вещи видимые. Поскольку природа есть образ благодати, Он сделал через блага природы то, что должен был сделать в благодати, дабы люди рассудили, что коль скоро Он сотворяет видимое, то может сотворить и невидимое.

Так Он спас народ от потопа; Он дал народу родиться от Авраама, выкупил его от врагов и упокоил.

Замысел Божий не был спасти от потопа и дать целому народу родиться от Авраама для того лишь, чтобы ввести нас в тучную землю.

И даже благодать — только иносказание славы. Ибо она не есть последняя цель. Закон был иносказанием благодати, сама она — иносказание славы, но она иносказание славы и ее основание или причина.

Жизнь обыкновенных людей схожа с жизнью святых. И те, и другие ищут для себя удовольствия и расходятся только в предмете, в котором они это удовольствие для себя полагают. Они называют врагами тех, кто им препят-

ствуем, и т. д. Так Бог показал Свою власть дарить блага невидимые через свою власть над благами видимыми.

276 (691). О двух людях, рассказывающих глупые сказки, причем один из них видит двойной смысл Каббалы, а другой знает только смысл прямой,— тот, кто будет их слушать, не владея этим секретом, будет судить о них одинаково. Но если затем в продолжение беседы один будет говорить вещи ангельские, а другой повторять плоскости и избитые места, он сможет рассудить, что один говорит, проникнув в тайну, а другой — нет; один докажет, что он не способен на такие глупости и способен овладеть тайной, а другой — что он не способен на тайну и способен на глупость.

Ветхий Завет — это шифр.

XX. Раввины

277 (635). Хронология раввинов.

Цитаты по страницам книги Pugio ¹.

стр. 27. Р. Га-Кадош.

автор Мишны, или устного закона, или второго закона — 200 г.

Комментарии к Мишне	{	Сифра ² Барайта ³ Талмуд Иерусал. Тосефта ⁴	}	340 г.
------------------------	---	---	---	--------

Берешит Рабба, автор — р. Ошайа Раба, комментарий к Мишне.

Берешит Рабба, Бар Нахони ⁵ — рассуждения тонкие, изящные, исторические и теологические.

Тот же автор написал книги, называемые Работ.

Через сто лет после Иерусалимского Талмуда р. бен Аши составил Вавилонский Талмуд по общему согласию всех евреев, которым вменяется в непреложную обязанность исполнять все, что там сказано.

Добавление р. бен Аши называется Гемара, то есть комментарий к Мишне. А Талмуд содержит в себе и Мишну, и Гемару.

278 (446). У евреев долгие размышления о первородном грехе.

По слову Книги Бытия, VIII, помышление сердца человеческого — зло от юности его.

Р. Моисей га-Даршан ¹. Эта дурная закваска гайтся в человеке с часа его творения.

Массахет Сукка ². У этой дурной закваски семь имен: в Писании она называется зло, крайняя плоть, нечисть, враг, соблазн, каменное сердце, бурный ветер; все это означает злобу, таящуюся и запечатленную в сердце человеческом. Мидраш Тегиллим ³ говорит то же самое, и что Бог избавит добрую природу человеческую от дурной.

Эта злоба возобновляется всеневно против человека, как написано в Псалме 137. Нечестивец подсматривает за праведником и ищет умертвить его, но Господь не отдаст его в руки его.

Злоба искушает сердце человека в этой жизни и будет свидетельствовать против него в другой.

Все это есть в Галмуде.

Мидраш Тегиллим о 4 Псалме. Трепещите, и не будете грешить. Трепещите и отпугивайте похоть вашу, и она никогда не введет вас во грех. И о 36 Псалме. Нечестие беззаконного говорит в сердце моем: нет страха Божия пред глазами его; это значит, что так природная злоба человеческая говорит нечестивому.

Мидраш и Когелет ⁴. Лучше дитя бедное и разумное, чем царь старый и безрассудный, не умеющий провидеть грядущее. Дитя — это добродетель, а царь — злоба человеческая. Ее называли царем, потому что все члены ей повинуются, и старым, потому что она в сердце человеческом от младенчества до старости, и безрассудным, потому что она ведет человека путем гибели, а он не провидит того.

То же самое в Мидраш Тегиллим.

Берешит Рабба о 35 Псалме. Все кости мои благословят Тебя, Господи, ибо Ты избавляешь слабого от сильного; а есть ли кто сильнее дурной закваски.

И о Притчах, 25. Если голоден враг твой, накорми его хлебом, то есть если голодна дурная закваска, накорми ее хлебом премудрости, как сказано в Притчах, 9. И если он жаждет, напой его водою, о чем сказано. Исаия, 55.

Мидраш Тегиллим говорит то же самое, и что Писание в этом месте, говоря о нашем враге, подразумевает дурную закваску, и что давая ему этот хлеб и эту воду, ты собираешь горящие угли на голову его.

Мидраш Когелет о Еккл. 9. Великий царь обложил город небольшой. Этот великий царь — дурная закваска. Мощные машины, с помощью которых он ведет осаду, — это искушения, а город должен был найти мудрого бедняка, который его спас, то есть добродетель.

И о Псалме 41. Блажен, кто помышляет о бедном.

И о Псалме 78. Дыхание уходит и не возвращается, из чего кое-кто сделал

ложное заключение, что душа не бессмертна; но смысл тут в том, что это дыхание — дурная закваска, которая уходит с человеком по его смерти и не возвращается по воскресении.

И то же самое о Псалме 103.

И о Псалме 16.

Учение Раввинов: два Мессии.

XXI. Беспрерывность

279 (690). Слово Давида или Моисея — к примеру, о том, что Бог обрежет сердце,— дает понять их дух.

Пусть все другие их речи кажутся двусмысленны и заставляют усомниться, философские они или христианские,— одно такое слово все определяет окончательно, как одно слово Эпиктета все определяет в противоположном смысле. Двусмысленность длится до сих пор, но не после.

280 (614). Государства погибли бы, если б их законы не менялись зачастую от обстоятельств, но религия никогда этого не позволяла и этим не пользовалась. Итак, нужно либо приспособливаться, либо творить чудеса.

Нет ничего удивительного, что они сохраняют себя, сгибаясь перед обстоятельствами,— да это и не есть настоящее спасение, и они все равно гибнут без следа. Нет ни одного, что простояло бы 1000 лет. Но что эта религия всегда была крепка и нестибаема... Это от Бога.

281 (613). Беспрерывность.

Эта религия, состоящая в вере в то, что человек пал из состояния славы и общения с Богом в состояние скорби, муки и отпадения от Бога, но что после этой жизни нас исцелит грядущий Мессия,— эта религия была на земле всегда.

Все ушло, а она, которой все живо, осталась.

Люди в первые века творения впадали во всякое беспутство, и все же были среди них святые, такие, как Енох ¹, Ламех ² и другие, терпеливо ожидавшие пришествия Христа, обещанного от начала мира. Ной видел злобу людскую, достигшую последней ступени, и ему выпала честь спасти собою мир за то, что он надеялся на Мессию, чьим прообразом он был. Авраам был окружен идолопоклонниками, когда Господь открыл ему тайну о Мессии, Коего он чтит издавека; во времена Исаака и Иакова земля наполнилась мерзостью, но эти святые жили в своей вере, и Иаков, умирая и благословляя своих сыновей,

воскликает в восторге, заставляющем его прервать речь свою: Господи, ожидаю спасителя, Тобою обещанного, *salutare tuum exspectabo domine* ³.

Египтяне были заражены идолопоклонством и колдовством, и даже народ Божий поддавался их примеру. Но Моисей и другие видели Того, Кого они не видели, и поклонялись Ему, помня о вечных дарах, которые Он им уготовил.

Затем греки и латиняне усадили на трон ложные божества, поэты сочинили сотни разных божественных историй. Философы разделились на тысячу разных сект. Но все же в глубине Иудеи всегда оставались избранные, предсказывавшие пришествие Мессии, о Котором было ведомо только им. Он пришел наконец, по совершении времени; и с тех пор мы видели столько схизм и ересей, столько царств погибло, столько перемен во всем; а эта Церковь, поклоняющаяся Тому, Кто был всегда, продолжает стоять неизменно; и что удивительно, несравненно и, конечно, происхождения божественного, — что с этой религией, которая жила всегда, всегда сражались. Тысячу раз она была накануне полной гибели, и всякий раз, когда она была в таком положении, Бог поднимал ее чудесными проявлениями своей мощи. Поразительно то, что она выстояла против воли тиранов, не клонясь и не сгибаясь; ибо не удивительно, когда государство выживает, подчиняя порой свои законы силе обстоятельств; но когда — Кружок в Монтене ⁴.

282 (616). Бесперывность.

В Мессию верили всегда. Предание Адама было еще свежо у Ноя и Моисея. С тех пор пророки предсказывали Его, предсказывая другие вещи, которые время от времени являлись взору людей, подтверждая истинность их призвания и, следовательно, истинность их обетований о Мессии. И.Х. творил чудеса, а также апостолы, обратившие всех язычников, чем и исполнились все пророчества, и пришествие Мессии доказано навсегда.

283 (655). Шесть веков, шесть отцов у шести веков, шесть чудес при начале шести веков, шесть восходов ¹ при начале шести веков.

284 (605). Единственная религия, перечашая природе, здравому смыслу, жажде удовольствий, — та единственная, которая была всегда.

285 (867). Если древняя Церковь заблуждалась, наша Церковь погибла. Если она впадет в заблуждение сегодня, этого не случится, потому что она навсегда усвоила высшее правило верности преданиям, идущим от древней

Церкви. И такая покорность и подражание древней Церкви все преодолевает и все исправляет. Но древняя Церковь не помышляла о Церкви будущей и не сообразовывалась с ней, как мы помышляем о древней Церкви и с ней сообразуемся.

286 (609). Два рода людей в каждой религии.

Среди язычников одни поклонялись животным, а другие — единому Богу в естественной религии.

Есть иудеи по плоти и по духу, которые были христианами древнего закона.

Среди христиан есть низменные — это иудеи закона нового.

Иудеи по плоти ожидали плотского Мессию, а низменные христиане верят, что Мессия их избавил от любви к Богу. Настоящие иудеи и настоящие христиане поклоняются Мессии, который поможет им любить Бога.

287 (607). Кто судит об иудейской религии по людям низменным, тот плохо ее знает. Она видна в святых книгах и в преданиях пророков, которые понимали закон не буквально. Так и наша религия божественна в Евангелии, у апостолов и в предании, но смешна у тех, кто плохо ее понимает.

Согласно иудеям по плоти, Мессия должен быть великим царем земным. Согласно христианам по плоти, И.Х. пришел избавить нас от любви к Богу и дать нам таинства, которые все сделают без нас; и то, и другое — ни христианская религия, ни иудейская.

Истинные иудеи и истинные христиане всегда ждали Мессию, который поможет им любить Бога и этой любовью побеждать своих врагов.

288 (689). Моисей (Второзаконие, 30) обещает, что Бог обрежет сердца их, чтобы они любили Господа.

289 (608). Иудеи по плоти находятся посередине между христианами и язычниками. Язычники не знают Бога и любят только земное, иудеи знают истинного Бога и любят только земное, христиане знают истинного Бога и вовсе не любят земное. Иудеи и язычники любят одни и те же блага. Иудеи и христиане знают одного и того же Бога.

Иудеи были двух родов. Одни имели только языческие чувства, другие — только чувства христианские.

XXII. Доказательства Моисея

290 (696). Другой кружок ¹.

Долгая жизнь патриархов отнюдь не способствовала утрате памяти о вещах прошедших, напротив, она помогала ее сохранить. Ибо если мы порой недостаточно осведомлены об истории наших предков, то это проистекает из того, что мы почти не жили с ними вместе, и они часто умирают прежде, чем мы достигнем сознательного возраста. А когда люди жили так долго — и дети долго жили со своими отцами. Они подолгу беседовали. О чем же они говорили, как не об истории своих предков, ибо тогда вся история в этом и заключалась, поскольку у людей не было ни школ, ни наук, ни искусств, занимающих так много места в наших разговорах? Мы видим, что в те времена люди особо заботились о сохранении своей родословной.

291 (587). Эта религия так богата чудесами, святыми, чистыми, непорочными, мудрыми, великими свидетелями, мучениками; царями — Давид — на троне; Исаия царского рода; так велика познаниями, явив миру все свои чудеса и всю свою премудрость. Она все это презирает и говорит, что у нее нет ни премудрости, ни знамений, но крест и безумие.

Ибо те, кто этими знамениями и премудростью удостоились почитания от вас и доказали вам свои достоинства, объявляют вам, что все это не может нас изменить и сделать нас способными знать и любить Бога, а может сила крестного безумия, без премудрости и знамений, но не знамения без этой силы.

Так наша религия безумна, если думать о ее подвигающей силе, могущественна и разумна, если думать о премудрости, ее приуготовляющей.

292 (624). Доказательства Моисея.

Почему Моисей хочет, чтобы жизнь человеческая была так длинна и так мало сменялось поколений.

Потому что не долготы лет, но множество поколений затемняет смысл.

Потому что истина меняется только со сменой людей.

И однако два самых памятных события, какие только можно вообразить, — сотворение мира и потоп, — он помещает так близко, что их можно коснуться рукой.

293 (204). Если стоит отдать неделю, стоит отдать и всю жизнь.

294 (703). Пока были пророки, чтобы поддерживать закон, народ был беспечен. С тех пор как пророков больше нет, беспечность сменилась рвением.

295 (629). Иосиф скрывает позор народа своего. Моисей не скрывает собственного позора, ни...

Quis mihi det ut omnes prophetent ¹.

Он утомился от народа ².

296 (625). Сим, который видел Ламеха, который видел Адама, видел также Иакова, который видел тех, кто видел Моисея: следовательно, потоп и сотворение мира — правда. Это передавалось между людьми, понимающими такие вещи.

297 (702). Иудейский народ ревностен к своему закону, особенно с тех пор, как больше нет пророков.

XXIII. Доказательства Иисуса Христа

298 (283). Порядок. Против возражения, что у Евангелия нет порядка.

У сердца свой порядок, у разума — свой, основанный на правилах и доказательствах. У сердца порядок другой. Вы не станете доказывать, что вас следует любить, рассуждая по порядку о причинах любви; это было бы смешно.

У И.Х., святого Павла порядок любви, а не разума, ибо они желали смирения, а не познаний.

То же самое у святого Августина. Этот метод состоит прежде всего в отступлениях по каждому поводу, имеющему отношение к цели, чтобы ни на миг не упускать ее из виду.

299 (742). Евангелие говорит о девственности Пресвятой Девы только до рождения Иисуса Христа. Все по отношению к Иисусу Христу.

300 (786). И.Х. в тени безвестности (того, что мир зовет безвестностью), так что историки, пишущие о важных для государства вещах, едва его заметили.

301 (772). Святость.

Effundam spiritum meum ¹. Все народы погрязли в нечестии и похоти, вся земля жаждала любви: цари отказывались от своего сана, девицы шли на мученическую казнь. Откуда такая сила? Оттого, что пришел Мессия. Вот последствия и знамения Его пришествия.

302 (809). Сочетания чудес.

303 (799). Ремесленник говорит о богатстве, судейский рассуждает о войне, о королевском сане и т. д., но хорошо о богатстве говорит богатый, король спокойно говорит об огромном даре, который только что сделал, а Бог хорошо говорит о Боге.

304 (743). Доказательства И.Х.
Почему сохранилась книга Руфь.
Почему история Фамари.

305 (638). Доказательства И.Х.

Это не значит быть в плену, если есть уверенность в освобождении через 70 лет; но теперь они в плену без всякой надежды.

Бог обещал им, что хотя Он их рассеет до краев света, но если они будут верны закону своему, Он соберет их вновь. Они твердо верны закону и пребывают в угнетении.

306 (763). Пытая, был ли Он Богом, иудеи доказали, что Он был человеком.

307 (764). Церковь потратила столько же трудов на доказательства человеческой природы И.Х. в споре с теми, кто ее отрицал, сколько и на доказательства Его божественной природы; и очевидность этого столь же велика.

308 (793). Бесконечное расстояние между телом и разумом есть лишь подобие бесконечно более бесконечного расстояния между разумом и любовью, ибо она сверхъестественна.

Все величие власти лишено блеска в глазах людей, занятых работой разума.

Величие работников разума невидимо царям, богачам, полководцам, всем сильным по плоти.

Величие мудрости, которая только от Бога, невидимо ни людям плоти, ни людям разума. Это три разных порядка, разного рода.

У великих гениев свои царства, своя слава, свое величие, своя победа и свой блеск, и нет нужды в плотском величии там, где оно чужое. Их видят не глаза, но умы. Этого достаточно.

У святых свое царство, своя слава, своя победа, свой блеск, им нет нужды в величии плоти или разума; такое величие им чуждо, ибо ничего им не прибавляет и не отнимает у них ничего. Их видят Бог и ангелы, а не тела или любознательные умы. Бога им довольно.

Архимед и без громкой славы пользовался бы таким же уважением. Он не вел сражений, видимых глазу, но подарил умам свои изобретения. О, как сияет его слава в умах.

И.Х., без богатств и без всяких подвигов в чем-либо кроме премудрости, пребывает в своем порядке святости. Он не сделал никаких изобретений. Он не царствовал, но Он был смиренный, терпеливый, святой, святой, святой для Бога, страшный для бесов, безгрешный. О, в какой сверкающей пышности и несказанном великолепии является Он очам сердца и умеющим видеть премудрость.

Архимеду в его книгах по геометрии не было нужды представляться царем, даже если б он им был.

Господу нашему Иисусу Христу для славы в царстве святости не было нужды являться царем, но Он явился в славе своего порядка.

Смешно оскорбляться земной малостью И.Х., словно бы эта малость была того же порядка, которому принадлежит явленное Им величие.

Подумайте об этом величии в Его жизни, в Его страстях, в Его безвестности, в Его смерти, в выборе учеников, в их отречении, в Его тайном воскресении и во всем остальном. Вы увидите — оно столь велико, что нет причины оскорбляться той малостью, которая принадлежит другому порядку.

6*

Но есть такие, кто могут восхищаться только величием плоти, словно и нет величия ума. И другие, кто восхищаются только величием ума, словно и нет бесконечно более высокого величия премудрости.

Все тела, небосвод, звезды, земля с ее царствами не стоят малейшего из умов. Ибо он знает все это и себя самого, а тела — нет.

Все тела вместе и все умы вместе и все из них происходящее не стоят малейшей толики любви. Она принадлежит бесконечно более высокому порядку.

Из всех тел вместе нельзя извлечь и самой ничтожной мысли. Это невозможно, ибо принадлежит другому порядку. Из всех тел и умов нельзя извлечь толики истинной любви, это невозможно, это принадлежит другому, сверхъестественному порядку.

309 (797). Доказательства И.Х.

И.Х. говорил о важных вещах так просто, что кажется, будто Он о них и не думал, и в то же время с такой точностью, что мысли Его нам совершенно понятны. Это соединение такой ясности с такой бесхитростностью восхищает нас.

310 (801). Доказательства И.Х.

Предположение, что апостолы были обманщиками, нелепо. Продолжим его до конца, представим себе, как эти двенадцать человек собираются после смерти И.Х. и сговариваются сказать, что Он воскрес. Они бросали этим вызов всем властям. Сердца человеческие удивительно склонны к легкомыслию, к переменчивости, к обещаниям, к богатствам, так что если бы хоть один из них признался во лжи из-за этих приманок, не говоря уж о темницах, пытках и смерти, они бы погибли. Подумайте об этом.

311 (640). Удивительно и достойно особого внимания, что еврейский народ все еще живет спустя столько лет и что он по-прежнему гоним. Ибо для доказательства И.Х. необходимо и существование евреев, подтверждающее существование И.Х., и гонения на них, поскольку они Его распяли. И хотя гонения и жизнь противоречат друг другу, народ этот продолжает жить, оставаясь по-прежнему гонимым.

312 (697). *Prodita lege.
Impleta cerne.
Implenda collige* ¹.

313 (569). *Каноны.*
В начальные дни Церкви ереси служили подтверждением канонов.

314 (639). Когда Навуходоносор увел народ в плен, то чтобы не подумали, будто скипетр отошел от Иуды, Он сказал им заранее, что они там будут недолго, и что они там будут, и что они вернуться.

Пророки по-прежнему их утешали; род царей их не прерывался.

Но по второму разрушению Храма они остались без обещаний о восстановлении его, без пророков, без царя, без утешения, без надежды, ибо скипетр отошел от них навсегда.

315 (752). Сначала Моисей учит о Троице, о первородном грехе, о Мессии. Давид великий свидетель.

Царь, добрый, милостивый, прекрасное сердце, глубокий ум, могущественный. Он пророчествует, и чудо его сбывается. Так до бесконечности.

Будь он суетен, ему стоило бы только объявить себя Мессией, ибо пророчества о нем яснее, чем об И. Х.

То же самое с Иоанном Предтечей.

316 (800). Кто открыл евангелистам качества души совершенно героической, какую они с таким совершенством изобразили в И. Х.? Почему они рисуют Его слабым в страстях Его? Разве они не умели изображать героическую смерть? Умели; ведь тот же евангелист Лука рисует смерть святого Стефана ¹ более мужественной, чем смерть И. Х.

Они изображают Его подверженным страху, пока смерть не приблизилась неотвратимо, а после этого необыкновенно твердым.

Но они описывают Его встревоженным, когда Он тревожится сам, и твердым, когда Его тревожат люди.

317 (701). Ревностность евреев к своему закону и своему храму. Иосиф¹ и Филон Александрийский, ad Caium².

Какой еще народ так ревностен; они должны были быть такими.

Пришествие И. Х. предсказано и по времени, и по состоянию мира. Отошел законодатель от чресл его, и Четвертое царство³.

Как счастливы мы иметь такой свет посреди такой тьмы.

Как прекрасно видеть очами веры, что Дарий и Кир, Александр, римляне, Помпей и Ирод, сами того не зная, трудились во славу Евангелия.

318 (755). Очевидные расхождения между Евангелиями.

319 (699). Синагога предшествовала Церкви, иудеи — христианам. Пророки предсказали христиан. Иоанн Предтеча. И. Х.

320 (178). Макробий¹. Младенцы, убитые Иродом.

321 (600). Всякий человек может сделать то, что сделал Магомет. Он не творил чудес, его появление не было предсказано. Ни один человек не может сделать того, что сделал И. Х.

322 (802). Апостолы либо были обмануты, либо обманывали сами. И то, и другое маловероятно. Невозможно принять человека за существо, воскресшее из мертвых.

Пока И. Х. был с ними, Он мог их поддерживать, но после, если Он им не явился, кто подвигал их действовать?

XXIV. Пророчества

323 (773). Поражение иудеев и язычников от Иисуса Христа: omnes gentes venient et adorabunt eum¹. Parum est ut², etc. Postula a me³.

Adorabunt eum omnes reges ⁴.
Testes iniqui ⁵.
Dabit maxillam percutiendi. Dederunt fel in escam ⁶.

324 (730). Что тогда с идолопоклонством будет покончено, что Мессия разобьет идолов и приведет людей к поклонению истинному Богу.

Что капища идолов будут разрушены и что от всех народов, повсюду на земле Ему будет приноситься жертва чистая, а не животные.

324 (730). Что Он будет царем иудеев и язычников; и вот этот царь иудеев и язычников, которого гнали и те, и другие, и сговаривались Его погубить, владычествует и над теми, и над другими, и разрушает веру Моисееву в Иерусалиме, где было средоточие ее и где Он создал свою первую Церковь, и разрушает поклонение идолам в Риме, где было средоточие его и где Он создал свою главную Церковь.

325 (733). Что Он наставлял людей на путь совершенный.

И никогда, ни до, ни после, не являлся человек, чьи наставления могли бы сравниться с этим в божественности своей.

326 (694). А увенчание всему этому — пророчество, дабы не говорили, что произошло все случайно.

Кто из тех, кому жить осталось не более недели, не предпочтет думать, что все это — не прихоть случая?

А если бы нами не владели страсти, не было бы разницы между неделями и сотней лет.

327 (770). После того как пришло до Него столько людей, пришел наконец И. Х. и сказал: вот Я и вот время. То, чему пророки предрекали свершиться по прошествии времени, Я говорю вам, что апостолы Мои это совершат. Иудеи будут посрамлены. Иерусалим вскоре будет разрушен, и язычники познают Бога. Апостолы Мои совершат это после того, как вы убьете наследника виноградника ¹.

А потом апостолы сказали иудеям: вы будете прокляты. Цельс над этим смеялся. А язычникам: вы познаете Бога, и тогда это свершилось.

328 (732). Пусть никто больше не наставляет ближнего своего, говоря: вот Господь. Бог явится всем. Сыновья ваши будут пророчествовать. Я вложу дух Божий и страх Божий в ваши сердца.

Все это — одно и то же.

Пророчествовать — значит говорить о Боге без доказательств внешних, но по чувству внутреннему и непосредственному.

329 (734). Что И. Х. был мал при начале Его, а затем возрос. Камень Даниила ¹.

Если бы я вовсе ничего не слышал о Мессии, все равно, увидев, как исполнились чудесные пророчества о судьбах мира, я понял бы, что они от Бога, а зная, что те же самые книги предсказывают Мессию, я бы несомненно в Нем уверился; и зная, что они назначают Его время до разрушения Второго храма, я сказал бы, что Он придет.

330 (725). Египтяне.

Обращение египтян.

Ис. (30. 19). Жертвенник Богу истинному в Египте.

331 (748). Во времена Мессии народ этот разделяется.

Духовные приняли Мессию, плотские остались, чтобы служить свидетелями Ему.

332 (710). Пророчества.

Если бы один человек составил книгу, где предсказал бы, когда и как явится И. Х., и Он явился бы согласно пророчеству,— это было бы доказательство огромной силы.

Но у нас есть много большее. Есть череда людей, которые на протяжении четырех тысяч лет постоянно и неизменно являлись один за другим и в точности так же предсказывали Его пришествие. Есть целый народ, который возвещает это пришествие и четыре тысячи лет продолжает жить, чтобы очевидно свидетельствовать о своей вере в него, и вера эта не может быть поколеблена, какие бы угрозы и гонения народу ни чинили. Это несравненно убедительнее.

333 (708). Пророчества.

Время предсказано через судьбу народа еврейского, судьбу народов языческих, судьбу храма, через число лет.

334 (726). Осия — 3 (4).

Исаия 4 (2), 48. Я давно предсказал это, дабы вы знали, что это Я. 54, 60, 61 и последняя.

Иаддуй Александру ¹.

335 (706). Величайшее из доказательств И. Х. — пророчества. Об этом Господь заботился более всего, ибо событие, их наполняющее, — это чудо, которое длится с рождения Церкви и до конца. Так Бог 1600 лет подряд воздвигал пророков, а потом на 400 лет рассеял эти пророчества вместе с иудеями, которые разнесли их по всему свету. Вот как готовилось рождение Христа, в Евангелие которого должен был поверить весь свет; нужны были не только пророчества, подтверждающие Его, но пророчества эти должны были еще и разнестись по всему свету, чтобы весь свет Его принял.

336 (709). Нужна большая смелость, чтобы предсказать одно событие столькими способами.

Нужно было, чтобы 4 царства, идолопоклоннические или языческие, конец царствования Иуды и 70 седмиц сошлись во времени, и все это до разрушения Второго храма.

337 (753). Ирода принимали за Мессию. Он отнял скипетр у Иуды, но он не был из дома Иуды. Это была многочисленная секта.

А Бар-Кохба ¹ и другой были приняты евреями. И слух в то время был повсюду. Свет ². — Тацит. Иосиф.

Как был необходим Мессия, коль скоро через Него скипетр должен был навечно оставаться у Иуды — и с Его пришествием скипетр должен быть отнят у Иуды.

Ничего нельзя было сделать лучше для того, чтобы они, видя, не видели, и слыша, не слышали.

Греки проклинали тех, кто исчислял отрезки времени.

338 (727). Предсказание.

Что во время Четвертого царства, перед разрушением Второго храма, до того как власть будет отнята у иудеев в семидесятую седьмину Даниила, пока стоит Второй храм, язычники просветятся и будут приведены к познанию Бога, которому поклоняются иудеи; что те, кто любят Его, будут избавлены от врагов, исполнены страхом Божиим и любовью Божией.

И вот случилось, что во время Четвертого царства, перед разрушением Второго храма и т. д., язычники стали толпами поклоняться Богу и вести жизнь ангельскую.

Девушки посвящают Богу свою девственность и свою жизнь, мужчины отказываются от всех наслаждений. То, чего Платон не мог внушить избранным, ученейшим мужам, некая тайная сила всего лишь несколькими словами внушает сотням тысяч невежд.

Богатые покидают свои сокровища, дети покидают покойные дома своих отцов и бегут в суровые пустыни, и т. д. У Филона Александрийского.

Что же это такое? Это то, что и было предсказано задолго; за 2000 лет ни один язычник не поклонялся Богу иудейскому, а в предсказанное время толпы язычников поклоняются этому единому Богу. Капища разрушаются, и даже цари покоряются кресту. Что это все такое? Это дух Божий распространяется по земле.

Ни один язычник от Мессии до И. Х., согласно самим же раввинам; толпы язычников после И. Х. поверили в книги Моисеевы и соблюдают их суть и дух, отбрасывая только ненужное.

339 (738). Поскольку пророки назвали предзнаменования, которые должны возвестить пришествие Мессии, нужно было, чтобы все эти предзнаменования сошлись в одно время. Нужно было, чтобы наступило Четвертое царство, когда истекут семьдесят седьмин Даниила, и чтобы скипетр к тому времени отошел от Иуды.

И все это совершилось беспрепятственно; и тогда явился Мессия, явился И. Х., который назвал Себя Мессией, и все это тоже беспрепятственно и доказывает истинность пророчества.

340 (720). Non habemus regem nisi Caesarem ¹. Итак, И. Х. был Мессией, коль скоро царем у них был чужеземец и они не хотели другого.

341 (723). Пророчества.

Семьдесят седьмин Даниила неопределенны в том, что касается начала отсчета, из-за неясности пророчества. А в том, что касается его конца, из-за расхождений у историков. Но разница эта не превышает 200 лет.

342 (637). Пророчества.

Скипетр не отходил во время Вавилонского пленения, потому что возвращение их было скорым и предреченным.

343 (695). Пророчества. Умер великий Пан ¹.

344 (756). Что, кроме восхищенного почтения, можно испытывать к человеку, который ясно предсказывает совершающиеся события... и объявляет свой замысел — и ослеплять, и просвещать, и мешает темные места с ясными, подтверждающимися.

345 (727). *Parum est ut...* ¹ Призвание язычников. (Ис. LII, 15.)

346 (729). Предсказания.

Предсказано, что в свой срок Мессия придет заключить новый завет, который заставит забыть исход из Египта — Иер. XXIII, 5 — Ис. XLIII, 16 — и поместит закон свой не вовне, но в сердце, и страх свой, бывший снаружи, в самую глубь сердца...

Кто не видит во всем этом закона христианского?

347 (735). Пророчества.

Что иудеи отвергли И. Х. и будут за это отвержены Богом; что лоза возлюбленная будет давать лишь кислый виноград; что избранный народ будет неверным, неблагодарным и упрямым. *Populum non credentem et contradicentem* ¹.

Что Бог поразит их слепотой, и они будут в ясный полдень шарить руками, как слепцы.

Что перед Ним придет предтеча.

348 (718). Вечное царствование дома Давидова, 2 Пар., по всем пророчествам и с клятвой. И не исполнилось на земле.

XXV. Особые иносказания

349 (652). Особые иносказания
Два закона, две скрижали закона, два храма, два пленения.

350 (623). (Иафет начинает родословную.) ¹
Иосиф перекрещивает руки и отдает предпочтение младшему ².

XXVI. Христианская мораль

351 (537). Удивительная вещь христианство: оно требует от человека признать свою низость и даже мерзость — и требует от него желанья уподобиться Богу. Без такого противовеса это вознесение духа делало бы его нестерпимо тщеславным, а это уничижение внушало бы нестерпимое презрение к себе.

352 (526). Из сознания своего ничтожества рождается отчаяние. Из гордыни рождается самодовольство.

Боговоплощение показывает человеку меру его ничтожества через величие средства, необходимого для его излечения.

353 (529). Ни уничижение, делающее нас неспособными к добру, ни святость, очищенная от зла.

354 (524). Нет учения, более сообразного человеку, чем это, которое открывает его двойную способность — принимать благодать и утрачивать ее из-за двойной опасности, постоянно его преследующей: отчаяния или гордыни.

355 (524). Из всего, что есть на земле, Он берет себе только страдание, но не наслаждение. Он любит Своих ближних, но Его любовь не заключается в этих границах и распространяется и на Его врагов, а затем и на врагов Божиих.

356 (539). Какая разница в послушании между солдатом и монахом? Ведь они оба должны слушаться и повиноваться, и в одинаково тяжелых испытаниях; но солдат всегда надеется стать начальником и никогда им не становится, потому что маршалы и даже принцы тоже всего лишь рабы и слуги; но он продолжает надеяться и выбивается из сил для этой цели, тогда как монах дает обет всегда оставаться слугой. Поэтому разница между ними не в вечном рабстве, в котором они неизменно пребывают, а в надежде, которую один питает постоянно, а другой — никогда.

357 (541). Никто не бывает ни так счастлив, как истинный христианин, ни так разумен, ни так добродетелен, ни так любезен.

358 (538). Как мало у христианина гордыни в его чувстве единения с Богом. Как мало у него презрения к себе в чувстве равенства с червем земляным. Как прекрасно он принимает жизнь и смерть, блага и невзгоды.

359 (481). Примеры геройской гибели лакедемонян и прочих нас вовсе не трогают,— что они нам дают?

Но пример смерти мучеников нас трогает, ибо они — члены нашего тела. Мы связаны с ними общностью. Их мужество рождает наше не только своим примером, но и потому, что, быть может, их мужеством наше было куплено.

Ничего такого нет в языческих примерах. Мы не связаны с ними. Мы не становимся богаче от того, что кто-то чужой богат; но мы богатеем, если богатеет наш отец или муж.

360 (482). Начало мыслящих членов. Мораль.

Сотворив небо и землю не сознающими блаженства своего бытия, Бог пожелал сотворить такие существа, которые бы его сознавали и составили бы тело из мыслящих членов. Ибо наши члены не сознают блаженства своего соединения, своей удивительной разумности, той заботы, с которой природа распоряжается их силой, возвращает и укрепляет ее. Как были бы они счастливы, если б ощущали это, если б это видели; но тогда они должны были обладать разумением, чтобы это понимать, и доброй волей, чтобы согласиться с волей всеобщего разума. А если, обладая разумением, они употребили бы его на то, чтобы удерживать пищу для себя самих, не передавая ее другим членам, то оказались бы не только несправедливы, но и несчастны, и скорее ненавидели

бы себя, чем любили; их блаженство, равно как и их долг, состоит в том, чтобы подчиняться целокупному разуму, их объемлющему и любящему их больше, чем они сами любят себя.

361 (209). Разве ты не остаешься рабом, когда господин тебя любит и ласкает? Ты на верху блаженства, раб, господин тебя обласкал. Он тебя скоро побьет.

362 (472). Собственная воля никогда не даст удовлетворения, если будет властна надо всем, чего желает; удовлетворение приходит с той минуты, как от нее отказываются. Без нее нельзя быть недовольным; благодаря ей нельзя быть довольным.

363 (914). Они дают волю похоти и заглушают укоры совести, а надо бы поступать наоборот.

364 (249). Возлагать всю надежду на исполнение обрядов — это суеверие; но отказываться их исполнять — это гордыня.

365 (496). Мы по опыту видим огромную разницу между святошей и добрым человеком.

366 (747). Два рода людей в каждой религии. (Смотрите раздел «Беспрерывность».) Суеверие, похоть.

367 (672). Не придавали значения обрядам.

Когда святой Петр и апостолы размышляют об отмене обрезания, что означает отступить от закона Божия, они сообразуются не со словами пророков, а просто с тем, что Дух Святой нисходит на необрезанных.

Они судят так, что благоволение Божие к тем, кого Он исполняет духом Своим, важнее, чем необходимость соблюдать закон.

Они знали, что у закона нет иной цели, кроме Святого Духа, и коль скоро Он может нисходить на необрезанных, обрезание необязательно.

368 (474). Члены. Начать с этого.

Чтобы понять, какую любовь мы обязаны питать к самим себе, нужно вообразить тело, состоящее из мыслящих членов, ибо мы — члены целого, и подумать, как каждый член должен себя любить, и т. д.

369 (611). Государство.

У христианского и даже у иудейского государства не было иного властелина, кроме Бога, как замечает Филон Александрийский, «О государстве».

Они сражались только за Бога и уповали более всего на Бога. Города свои они считали принадлежащими Богу и хранили их для Бога. I Пар. XIX, 13¹.

370 (480). Чтобы члены были счастливы, нужно, чтобы они обладали волей и согласовывали ее со всем телом.

371 (473). Вообразим тело, состоящее из мыслящих членов.

372 (483). Быть членом означает получать жизнь, бытие и движение только от духа всего тела. А для тела отдельный член, не видящий тела, к которому он принадлежит,— всего лишь естество гибнущее и умирающее. Он, однако, полагает себя всем целым, и не видя более тела, от которого зависит, полагает, что зависит только от самого себя, и хочет себя самого сделать средоточием и телом. Но поскольку в нем самом не заключено начала жизни, то он лишь теряет и путается в сомнениях о своем естестве, догадываясь, что он — не тело, но все же не видя, что он — член тела. Наконец, когда он познает себя, то словно возвращается к себе самому и любит себя отныне только ради тела. Он жалеет о своих былых заблуждениях:

По природе своей он не мог бы любить другую вещь иначе, как для себя самого и чтобы ее себе подчинить, ибо каждая вещь любит себя более всего.

Но любя тело, он любит себя самого, потому что бытие его только в теле, через тело и для тела. *Qui adhaeret deo unus spiritus est*¹.

Тело любит руку, и рука, будь у нее воля, должна бы любить себя так же, как ее любит тело; всякая любовь сверх того несправедна.

*Adhaerens deo unus spiritus est*¹; человек любит себя, поскольку он — член И. Х.; человек любит И. Х., поскольку Он — тело, в котором человек — член. Все — единое. Один в другом, как три лица Троицы.

373 (476). Нужно любить только Бога и ненавидеть только себя.

Если бы нога долго не знала, что принадлежит к телу и что есть тело, от которого она зависит, если бы она знала и любила только себя и вдруг узнала, что принадлежит к телу, от которого зависит,— какие сожаления, какое смятение от своей прежней жизни, от того, что она была бесполезна для тела, которое вдохнуло в нее жизнь, которое уничтожило бы ее, если б ее отбросило и отделило от себя, как она отделялась от него. Как она молила бы ее оставить! И с какой покорностью подчинилась бы она воле, правящей телом, и согласилась бы даже, чтобы ее отрезали, если так надо! Иначе она не могла бы называться членом; ведь всякий член должен быть готов погибнуть за тело — единственное, для чего все существует.

374 (475). Если бы ноги и руки имели свою отдельную волю, они бы устроили для себя порядок не иначе, как подчинив эту отдельную волю главной воле, правящей всем телом. Без этого им уготованы беспорядок и беда; а желая лишь блага для тела, они устраивают благо для себя.

375 (503). Философы освятили пороки, надевая ими самого Бога; христиане освятили добродетели.

376 (484). Двух законов достаточно, чтобы управлять всем христианским государством лучше, чем с помощью всех политических законов.

XXVII. Заключение

377 (280). Что от познания Бога далеко до любви к Нему.

378 (470). Если б я увидел чудо, говорят они, я бы обратился. Как могут они уверять, что сделали бы то, чего не знают. Они думают, что обращение состоит в поклонении Богу, которое совершается в общении и беседе с Ним, как они себе их представляют. Подлинное же обращение состоит в том, чтобы уничтожиться перед этим Высшим Существом, Которое вы столько раз гневили и Которое в любой час по праву может вас погубить; в том, чтобы признать, что вы ничего не можете без Него и не заслужили от Него ничего, кроме немилости.

Оно состоит в знании того, что между вами и Богом — неодолимое противостояние и что мы не можем общаться с Ним без посредника.

379 (825). Чудеса не обращают нас, но приговаривают. Sum. Theol. p. q. 113. a. 10. ad. 2¹.

380 (284). Не удивляйтесь, что простые люди веруют без рассуждений. Бог дает им любовь к Нему и ненависть к самим себе. Он склоняет их сердца к вере. Нельзя уверовать настоящей верой, если Бог не склонит сердца, а как только Он склонит сердце, приходит вера.

Это то, что хорошо знал Давид. *Inclina cor meum Deus in* ¹, и т. д.

381 (286). Те, кто верят, не читавши Заветов, верят потому, что их внутреннее предрасположение исполнено святости, и то, что они слышат о нашей религии, с ним согласуется. Они догадываются, что сотворены Богом. Они хотят любить только Бога, ненавидеть только себя. Они чувствуют, что у них самих не хватит на это сил, что они не способны идти к Богу и что если Бог не придет к ним, они не способны ни на какое общение с Ним; они слышат, как наша религия говорит, что надо любить только Бога и ненавидеть только себя, но что поскольку все мы греховны и недостойны Бога, Бог сделался человеком, чтобы соединиться с нами. Больше ничего и не нужно, чтобы убедить людей с таким сердечным предрасположением и с таким знанием своего долга и своей слабости.

382 (287). Познание Бога.

Те, кого мы считаем христианами, хотя и не знают пророчеств и доказательств, но судят об этом не хуже тех, кто такими познаниями обладают. Они судят об этом сердцем, тогда как другие судят разумом. Это потому, что их склоняет к вере сам Господь, и оттого убеждения их тверды и правильны.

(Вы скажете, что такой способ суждения ненадежен и что благодаря ему еретики и неверующие сбиваются с пути истинного.)

(На это можно ответить, что еретики и неверующие говорят то же самое; но я отвечу: у нас есть доказательства того, что Бог поистине склоняет тех, кого любит, к христианской вере, а у неверующих нет никаких доказательств того, что они говорят, поэтому наши утверждения хотя и похожи словесно, но

различаются тем, что одно не имеет никаких доказательств, а другое доказано убедительно.)

(*eorum qui amant* ¹ — Бог склоняет сердца тех, кого любит — *Deus inclina corda eorum* ² — кто Его любит — кого Он любит.)

Признаю, что кто-то из таких христиан, верующих без доказательств, быть может, не сумеет убедить неверующего, который найдет что сказать за себя; но те, кому известны доводы нашей религии, докажут с легкостью, что этот верующий действительно исполнен духа Божия, хотя и не может доказать это сам.

Коль скоро Бог сказал через своих пророков (которые поистине пророки), что в царствии И. Х. Он изольет Свой дух на все народы и что сыны, дочери и чада Церкви будут пророчествовать, то несомненно, что дух Божий почует на этих, а на других — нет.

РАЗДЕЛ II. НЕСИСТЕМАТИЗИРОВАННЫЕ БУМАГИ

Серия I

383 (197). Быть равнодушным до презрения к интересующим нас вещам и стать равнодушным к тому, что интересует более всего.

384 (630). Маккавеи ¹ тогда, когда больше нет пророков. Массора ² после И. Х.

385 (707). Недостаточно было того, что пророчества существовали; их надо было распространить по всему свету и сберечь на все времена.

И чтобы событие не сочли случайным, надо, чтобы оно было предсказано. Мессии прибавляет славы, что они — свидетели и даже орудия Его славы, сверх того, что Бог их сохранил.

386 (203). *Fascinatio nugacitatis* ¹.

Чтобы страсти нам не вредили, будем поступать, как если б нам оставалась неделя жизни.

387 (241). Порядок.

Я больше боялся бы ошибаться и обнаружить, что христианская религия истинна, чем не ошибаться, веря в ее истинность.

388 (740). И. Х., на которого взирают два Завета: Ветхий как на свое упование, Новый как на свой образец и оба — как на свое средоточие.

389 (794). Почему И. Х. не пришел открыто для нас, вместо того чтобы черпать доказательства из прежних пророчеств?

Почему Он захотел, чтобы Его предсказывали иносказательно!

390 (617). Бесперывность.

Подумайте, что от сотворения мира ожидание Мессии и поклонение Ему длилось непрерывно, что были люди, говорившие, что Бог им открыл будущее рождение Искупителя, Который спасет Свой народ. Что затем явился Авраам и сказал о бывшем ему откровении, что Он родится от него, через сына, который будет ему дан, что Иаков объявил, что из двенадцати его сыновей Он родится от Иуды, что Моисей и его пророки явились затем и объявили время и обстоятельства Его пришествия. Что они сказали, что закон им дан только в ожидании закона Мессии, что до тех пор он будет неизменен, но закон Мессии будет длиться вечно, что их закон или закон Мессии, обещанием которого он был, пребудет всегда на земле, что он воистину длился всегда, что наконец И. Х. пришел при всех предсказанных обстоятельствах. Это поразительно.

391 (749). Если это было так ясно предсказано евреям, то как они могли в это не поверить, или почему они не были истреблены за сопротивление такой очевидной вещи?

Отвечаю. Прежде всего, это было предсказано; а что они не поверили такой очевидной вещи и не были истреблены. В этом величайшая слава для Мессии, ибо существования пророков было недостаточно; нужно было их сохранить без подозрения, потому что... и т. д.

392 (644). Иносказания.

Бог, пожелав создать для себя святой народ, который Он отделит от других народов, избавит от врагов, поселит в земле покоя, возвестил его создание и через пророков Своих предсказал время и обстоятельства Своего пришествия. И все же, дабы укрепить надежду у избранных Своих во все времена, Он показал им как бы образ этих событий, никогда не оставляя их вовсе без подтверждений Своего могущества и Своей воли к их спасению, ибо при

сотворении человека Адам был тому свидетелем и хранителем обетования о Спасителе, Который родится от женщины.

Когда люди были так близко от начала мира, что не могли еще забыть своего сотворения и грехопадения, когда тех, кто видел Адама, уже не было на свете, Бог послал Ноя и спас его и затопил всю землю с помощью чуда, говорившего достаточно ясно и о Его власти спасти мир, и о Его воле это совершить и дать родиться от семени жены Тому, Чье пришествие Он обещал.

Этого чуда было достаточно, чтобы укрепить упования избранных.

Когда память о потопе была еще так свежа среди людей, когда Ной был еще жив, Бог положил Свои заветы с Авраамом, а когда еще был жив Сим, Он послал Моисея, и т. д.

393 (442). Истинная природа человека, его истинное благо, истинная добродетель, истинная религия — это такие вещи, которые нельзя познать отдельно друг от друга.

394 (288). Вместо того, чтобы жаловаться, что Бог так сокровенен для нас, возблагодарите Его за то, что Он так открыт, и еще возблагодарите Его за то, что Он не открылся надменным мудрецам, недостойным познать святого Бога.

Два рода людей знают Его: те, у кого сердце смиренное, кто любит свое уничижение, на какой бы ступени разума, высокой или низкой, они ни стояли, и те, у кого довольно разума, чтобы видеть истину, какие бы у них ни были возражения.

395 (478). Когда мы желаем думать о Боге, все, что нас отвлекает, искушает думать о другом,— это пустяки; все это дурно и родилось вместе с нами.

396 (471). Грешно, чтобы люди привязывались ко мне, даже если они это делают с радостью и по доброй воле. Я обманул бы тех, в ком зародил бы такое желание, ибо я не могу быть целью для людей, и мне нечего им дать. Разве не должен я умереть? И тогда со мной вместе умрет предмет их привязанности. Как был бы я виновен, убеждая поверить лжи, даже если б я делал это с кротостью, а люди верили бы радостно и тем радовали меня,— так я виновен, внушая любовь к себе. И если я привлекаю к себе людей, я должен предупредить тех, кто готов принять ложь, что они не должны в нее верить, какие бы выгоды мне это ни сулило; и точно так же — что они не должны привязываться ко мне, ибо им следует тратить свою жизнь и труды на угождение Богу или поиски Его.

Оригинал этой записки у мадемуазель Перье ¹.

397 (426). Он утратил свою истинную природу, и потому все становится его природой; точно так же, как он утратил истинное благо, и потому все становится для него истинным благом.

398 (525). Философы не указывали людям понятий, сообразных двум состояниям.

Они внушали сознание чистого величия, а оно не есть состояние человека.

Они внушали сознание полной низости, а она не есть состояние человека.

Нужно сознание низости, не от природы, но от покаяния, не для того, чтобы в ней погрязнуть, а чтобы идти к величию. Нужно сознание величия, не по заслугам, а по благодати и прошедшего через низость.

399 (438). Если человек создан не для Бога, почему он счастлив только в Боге.

Если человек создан для Бога, почему он так противится Богу.

400 (427). Человек не знает, в какой ряд себя поместить, он, очевидно, заблудился, потерял свое истинное место и не может его найти. Он тщетно ищет его повсюду, в тревоге, окруженный непроницаемой тьмой.

401 (437). Мы жаждем истины и находим в себе лишь сомнения.

Мы ищем счастья и находим только страдания и смерть.

Мы не способны отказаться от желания счастья и не способны обладать уверенностью и счастьем.

Это желание оставлено нам и для того, чтобы нас покарать, и для того, чтобы показать нам, с какой высоты мы пали.

402 (290). Доказательства религии.

Мораль./ Учение./ Чудеса./ Пророчества./ Иносказания.

403 (174). Соломон и Иов лучше всех познали ничтожество человеческое и лучше всех о нем говорили, будучи один счастливейшим из людей, другой —

несчастнейшим. Один знал по опыту тщету наслаждений, другой — подлинность горя.

404 (424). Все эти противоречия, которые как будто более всего удаляют меня от познания любой религии,— это и есть то, что скорее всего приводит меня к религии истинной.

405 (421). Я равно осуждаю и тех, кто решил восхвалять человека, и тех, кто решил его осуждать, и тех, кто решил развлекаться; я могу согласиться лишь с теми, кто ищет, стелая.

406 (395). Инстинкт, разум.

Нам свойственно бессилие доказать что-либо, непреодолимое для всякого догматизма.

Нам свойственно понятие об истине, непреодолимое для всякого пирронизма.

407 (465). Стоики говорят: обратитесь в глубь себя, там вы найдете успокоение. И это неправда.

Другие говорят: идите в мир и ищите счастья и развлечений. И это неправда, нас настигают болезни.

Счастье ни вне нас, ни внутри нас; оно в Боге и вне и внутри нас.

408 (74). Письмо о безумии человеческой науки и философии.

Это письмо до развлечения.

Felix qui potuit ¹.

Felix nihil admirari ².

280 видов истинного блага у Монтеня ³.

409 (220). Ложные воззрения философов, не обсуждавших бессмертия души. Ложность их дилеммы у Монтеня.

410 (413). Эта внутренняя война разума со страстями привела к тому, что желавшие мира разделились на две секты. Одни захотели отринуть страсти

и стать богами, другие захотели отринуть разум и стать грубыми животными. Де Барро ¹. Но ни те, ни другие не добились своего, и разум по-прежнему корит страсти за их низменность и греховность и смущает покой тех, кто им предается. А страсти по-прежнему живы в тех, кто хотел их отринуть.

411 (400). Величие человека.

У нас такое высокое понятие о душе человеческой, что мы не можем снести насмешки над собой за это и неуважения к душе. Все блаженство человеческое состоит в уважении к ней.

412 (414). Все люди неизбежно безумны, так что не быть безумцем означает только страдать другим видом безумия.

413 (162). Тому, кто хочет сполна оценить всю меру суетности человеческой, достаточно подумать о причинах и следствиях любви. Причина ее Бог весть в чем. Корнель. А следствия ее сокрушительны. Это Бог весть что, такой пустяк, что его и определить нельзя, будоражит всю землю, государей, армии, целый мир.

Если бы нос Клеопатры был покороче, лик земли был бы иным.

414 (171). Несчастье.

Единственное, что утешает нас в наших несчастьях,— это развлечение. А между тем развлечение — величайшее из наших несчастий. Это оно больше всего мешает нам думать о самих себе и незаметно нас губит. Без него мы стали бы скучать, и скука заставила бы нас искать более надежного средства от нее избавиться; но развлечение нас забавляет и позволяет приблизиться к смерти незаметно.

415 (130). Треволнения.

Когда солдат жалуется на тяготы своей жизни, или крестьянин и т. д., попробуйте лишить их всякого труда.

416 (546). Природа греховна.

Без И.Х. человек должен пребывать в пороке и несчастье. С И.Х. человек избавлен от порока и несчастья.

В Нем вся наша добродетель и все наше блаженство.
Вне Его только порок, несчастье, заблуждение, мрак, смерть, отчаяние.

417 (548). Не только Бога мы познаем единственно через И. Х., но и самих себя; мы познаем жизнь и смерть лишь через И.Х. Вне И.Х. для нас нет познания ни нашей жизни, ни нашей смерти, ни Бога, ни самих себя.

И так же без Писания, единственным своим предметом имеющего Христа, мы не познаем ничего и видим только тьму и беспорядок в природе Божией и в собственной природе.

Серия II

418 (233). Бесконечное ничто.

Наша душа заброшена в наше тело, где она находит число, время, измерения; она рассуждает об этом и называет это природой, необходимостью, и не может верить во что-то другое.

Единица, добавленная к бесконечности, никак ее не увеличивает, так же как и туаз ¹, добавленный к бесконечной мере; конечное уничтожается перед бесконечным и превращается в чистое ничто. Так и наш разум перед Богом, так и наша справедливость перед божественной справедливостью. Несоразмерность между нашей справедливостью и справедливостью Божией не так велика, как между единицей и бесконечностью.

Справедливость Божия должна быть несказанно велика, как и Его милосердие. Но справедливость к проклятым не так велика и должна меньше нас поражать, чем милосердие к избранным.

Мы знаем, что есть бесконечность, но природа ее нам неведома, как мы знаем, что утверждение, будто числа конечны, ложно. Следовательно, то, что существует бесконечность чисел, верно, но мы не знаем, что это такое. Неверно, что она четная, неверно, что она нечетная, ибо оттого, что добавляется единица, природа ее не меняется. И тем не менее это число, а всякое число — либо четное, либо нечетное. Верно, что это относится ко всякому конечному числу.

И так же точно можно знать, что Бог есть, не зная, кто Он такой.

Или нет какой-то основной истины, коль скоро столько верных суждений не являют собой саму истину?

Итак, мы познаем существование и природу конечного, поскольку мы сами наделены свойствами конечности и протяженности, как и оно.

Мы познаем существование бесконечного и не ведаем его природы, поскольку оно обладает протяженностью, как и мы, но у него нет пределов, как у нас.

Но мы не познаем ни существования, ни природы Бога, поскольку у Него нет ни протяженности, ни пределов.

Но через веру мы познаем Его существование, через славу мы познаем Его природу.

Я доказал уже, что можно познавать существование вещи, не познавая ее природы. (На обороте.)

Поговорим теперь с точки зрения природного разума.

Если Бог есть, Он бесконечно непостижим, ибо у Него нет ни частей, ни пределов, и потому Он никак с нами не соотносится. Мы не можем знать, ни кто Он такой, ни есть ли Он. Если так, кто возьмется разрешить этот вопрос? Не мы, ибо мы никак с Ним не соотносимся.

Кто же будет винить христиан за то, что они не могут объяснить причин своей веры, винить тех, кто исповедует религию, объяснить которую не может; представляя ее миру, они объявляют прямо, что это неразумие, *stultitia*, а вы потом жалуетесь, что у них нет доказательств. Если б они их имели, то не сдержали бы слова. Именно лишаясь доказательств, они не лишаются смысла. Да; но пусть это извиняет тех, кто предлагает нам такую религию, пусть это снимает с них упреки в том, что они предьявляют ее без доказательств,— это не извиняет тех, кто принимает ее. Рассмотрим этот довод. И скажем: Бог или есть, или Его нет; но на какую сторону мы склонимся? Разум тут ничего определить не может. Нас разделяет бесконечный хаос. На краю этого бесконечного расстояния играет игра, в которой выпадает орел или решка. На что вы поставите? Разумом вы не можете выбрать ни то, ни другое; разумом вы не можете отказаться ни от того, ни от другого.

Не браните же за ошибку тех, кто сделал выбор, ведь вы о нем судить не можете. Нет; но я их браню не за то, что они сделали такой выбор, но что они вообще выбор сделали, потому что и тот, кто выбрал решку, и другой одинаково ошибаются, они ошибаются оба; правильно было бы вовсе не заключать пари.

Да, но заключать его придется. Тут от вас ничего не зависит, вы впутаны в это дело. На что же вы поставите? Посмотрим; поскольку надо выбирать, посмотрим, где для вас меньше ущерба. Вы можете потерять две вещи: истину и благо, и две вещи вы можете поставить на кон: ваш разум и вашу волю, знание и блаженство, и двух вещей страшится ваша природа: заблуждения и несчастья. Коль скоро выбирать непременно надо, для вашего разума при любом выборе ущерб будет одинаков. Этот довод отпадает. Но ваше блаженст-

во? Взвесим выигрыш и потерю, если вы поставите на решку, то есть на Бога. Рассмотрим две возможности: если вы выигрываете, то выигрываете все, а если теряете, не теряете ничего; делайте же вашу ставку скорее. Прекрасно. Да, ставить надо, но, может быть, моя ставка слишком велика. Послушайте, при такой вероятности выигрыша и потери, если бы вы могли выиграть две жизни за одну — и то стоило бы так играть, но если вы можете выиграть три жизни?

Приходится играть (коль вы поставлены перед такой необходимостью), а раз вы принуждены играть, было бы безрассудно с вашей стороны не рискнуть вашей жизнью, чтобы получить за нее три в такой игре, где есть подобная вероятность выигрыша и потери. Но есть вечная жизнь в блаженстве. И коль так, если бы только один шанс из бесконечного их количества был за вас, то и тогда стоило бы делать одну ставку, чтобы получить за нее две; и вы поступите противно здравому смыслу, если будучи вынуждены играть, откажетесь поставить одну жизнь против трех в игре, где за вас один из бесконечного числа шансов и где выигрыш — бесконечная жизнь в бесконечном блаженстве; но здесь ваш выигрыш — бесконечная жизнь в бесконечном блаженстве, у вас один счастливый шанс против конечного числа несчастливых, и ставка ваша тоже вещь конечная. Это разрешает все сомнения повсюду, где есть бесконечность и где нет бесконечного числа проигрышных шансов против одного выигрышного. Здесь нечего раздумывать, надо ставить все. Равным образом, когда вы принуждены играть, надо отказаться от мысли беречь жизнь, а не рисковать ею для выигрыша бесконечности, столь же вероятного, как и проигрыш; а проигрыш здесь — небытие.

И бесполезно говорить, что выигрыш необязателен, а риск обязателен, и что бесконечное расстояние между уверенностью в риске и неуверенностью в выигрыше уравнивает конечное благо, которым обязательно придется рисковать, с бесконечностью, выигрыш которой вовсе не обязателен. Это не так. Всякий игрок уверен в риске и не уверен в выигрыше, и тем не менее он, не погрешая против разума, обязательно рискует конечным, чтобы необязательно выиграть конечное. Нет бесконечного расстояния между уверенностью в риске и неуверенностью в выигрыше: это ложно. На самом деле есть бесконечность между уверенностью в выигрыше и уверенностью в потере, но неуверенность в выигрыше соизмеряется с уверенностью в риске пропорционально шансам на выигрыш и проигрыш. Поэтому если шансов с одной стороны столько же, сколько с другой, игра будет идти на равных. Тут уверенность в риске равна неуверенности в выигрыше, а вовсе не отстоит от нее бесконечно. А бесконечную силу наше рассуждение обретает тогда, когда в игре, где есть равные шансы выиграть и проиграть, рискуешь конечным, а получаешь бесконечное.

Это доводы убедительные, и если человек способен к познанию истины, то вот она.

Согласен, признаю; но все-таки, нельзя ли взглянуть на изнанку этой игры?

Да, Писание и все прочее и т. д. Да; но мне связали руки и заткнули рот, меня заставляют играть, а я не свободен, меня держат, а я устроен так, что не могу верить. Что я, по-вашему, должен делать? — Это правда, но знайте хотя бы, что неспособность верить проистекает из ваших страстей. Коль скоро разум влечет вас к вере, а вы все-таки не можете уверовать, старайтесь убеждать себя новыми доказательствами существования Бога, но борьбой со своими страстями. Вы хотите прийти к вере, но не знаете дороги к ней. Вы хотите излечиться от неверия и просите лекарств; узнайте от тех, и т. д., кто были связаны, как вы, а теперь ставят все, что имеют. Это люди, знающие дорогу, по которой вы хотите идти, и излечившиеся от болезни, от которой вы хотите излечиться; следуйте же им в том, с чего они начали. Они начали с того, что поступали точно так, как если бы веровали,— кропили себя святой водой, ходили к мессе и т. д. Разумеется, это поможет вам уверовать и сделает вас глупее.— Но этого-то я и боюсь.— А почему? Что вы теряете? Но чтобы доказать вам, что это верная дорога, я скажу, что это ослабляет страсти, которые и есть для вас те препоны, и т. д.

Конец этого рассуждения.

Так что же с вами случится плохого, если вы сделаете такой выбор? Вы будете верным, честным, смиренным, благодарным, доброжелательным, искренним и надежным другом... Конечно, вы лишитесь мерзких удовольствий, славы, наслаждений, но разве не будет у вас других?

Говорю вам, что вы выиграете в этой жизни и что с каждым шагом, который вы сделаете по этой дороге, вы будете все лучше видеть, как верен выигрыш и как ничтожно то, чем вы рискуете, так что вы поймете наконец, что ставили на верную вещь, и бесконечную к тому же, а не отдали за нее ничего.

О, я в восторге, в восхищении от таких выводов и т. д. Если эти доводы вам нравятся и кажутся достаточно сильными, то знайте, что их высказал человек, который до и после того стоял на коленях, молясь тому бесконечному, не имеющему частей Существо, Которому он отдает все свое, чтобы Тот взял Себе и все ваше для вашего собственного блага и для Своей славы; и что так сила сопрягается с унижением.

419 (89). Привычка — наша природа. Кто привыкает к вере, тот ее исповедует и уже не может не бояться ада и не верит ни во что другое.

Кто привык верить, что король грозен, и т. д.

Кто же усомнится, что наша душа, привыкнув видеть число, пространство, движение, верит в это и ни во что иное.

420 (231). Вы полагаете невозможным, что Бог бесконечен и не имеет частей? Да. Тогда я вам покажу вещь бесконечную и неделимую: это точка, движущаяся повсюду с бесконечной скоростью.

Ведь она едина повсюду и целостна в каждом месте.

Пусть это явление природы, прежде казавшееся вам невозможным, убедит вас, что могут быть и другие, которых вы еще не знаете. Извлекайте из вашей учености не тот вывод, что вам нечего больше узнавать, но что вам остается узнать бесконечно много.

421 (477). Неправда, что мы достойны любви других людей. Грешно, что мы ее хотим. Если бы мы рождались разумными и бесстрастными и знающими себя и других, мы бы не наделяли нашу волю такой склонностью. Но мы рождаемся с ней, следовательно, мы рождаемся грешными.

Ибо все стремится к себе: это противно всякому порядку.

Нужно стремиться к всеобщему, а тяга к себе есть начало всякого беспорядка, в войне, в государстве, в хозяйстве, в человеческом теле.

Итак, воля наша порочна. Если члены природных и гражданских общностей стремятся к благу всего тела, членами которого они являются. Итак, надо стремиться к всеобщему. Следовательно, мы рождаемся грешными и порочными.

421 (606). Ни одна религия, кроме нашей, не учит, что человек рождается в грехе, ни одна секта философов этого не говорила, следовательно, ни одна не говорит правды.

Ни одна секта, ни одна религия не пребывала на земле всегда, кроме религии христианской.

422 (535). Мы должны быть очень обязаны тем, кто указывает наши недостатки, ведь эти люди нас унижают, открывают нам глаза на презрение, которое мы к себе внушали; они не препятствуют тому, чтобы нас презирали в будущем, ведь у нас хватит на то множества других недостатков. Они приуготовляют путь исправления и избавления от недостатков.

423 (277). У сердца свой рассудок, который рассудку недоступен; это видно по множеству вещей.

Я говорю, что сердце от природы любит и бесконечное существо, и самого

себя, в зависимости от собственной прихоти, и ожесточается против того или другого по своему выбору. Вы отбросили одно и сохранили другое; по рассудку ли вы любите самого себя?

424 (278). Бога познают сердцем, а не рассудком. Вот что такое вера. Бог является сердцу, а не рассудку.

425 (604). Единственное знание, которое противоречит здравому смыслу и природе человеческой,— это то единственное, которое всегда жило среди людей.

426 (542). Только христианская религия делает человека одновременно достойным любви и счастливым; светская порядочность не дает того и другого одновременно.

Серия III

427 (194). ...Пусть они хотя бы осведомятся сначала, что это за религия, с которой они борются, прежде чем с ней бороться. Если бы эта религия хвалилась, что ясно видит Бога, что Он является ей открыто и без покровов, можно было бы бороться с ней, говоря, что не видно на свете ничего такого, что столь непреложно бы о Нем свидетельствовало. Но поскольку она говорит, напротив, что люди живут во мраке и в отдалении от Бога, что Он скрыт от их разума, что это и есть то имя, которое Он Себе дает в Писании, *Deus absconditus*¹; наконец, коль скоро она равно старается внушить две вещи: что Бог дал доступные нам знамения в Церкви, чтобы Его узнали те, кто Его всей душой ищут; но что тем не менее Он их окутал таким покровом, что Его могут узнать лишь те, кто Его ищут всей душой,— какое преимущество могут они получить, когда, исповедуя небрежение к поискам истины, кричат, будто ничто им ее не доказывает,— ведь эта тьма, которой они окружены и за которую они винят Церковь, только подтверждает одну из тех вещей, которым она учит, не касаясь другой, и подтверждает ее учение, а вовсе не опровергает его?

Чтобы бороться с ней, они должны были кричать, что употребили все свои силы на поиски ее повсюду и даже там, где Церковь советует искать истину, но ничего не нашли. Если бы они так говорили, то в самом деле оспаривали бы одно из ее притязаний. Но я надеюсь показать здесь, что нет разумного человека, который бы так говорил; я даже осмелюсь сказать, что этого никто

никогда не делал. Мы знаем, как ведут себя те, кто держатся такого направления мыслей. Они думают, что положили много усилий на поиски познаний, если потратили несколько часов на чтение Писания и задали какому-нибудь священнику несколько вопросов об истинах веры. После чего они похваляются, что безуспешно искали в книгах и у людей. Но я скажу то, что говорил часто: на самом деле такое легкомыслие недопустимо. Здесь речь идет не о мелкой выгоде для кого-то чужого, к чему еще можно бы так относиться; речь идет о нас самих, обо всем нашем существе.

Бессмертие души так для нас важно, так глубоко нас задевает, что надо вовсе лишиться разумения, чтобы не пытаться разузнать о нем получше. Все наши поступки, все наши мысли примут столь различный оборот в зависимости от того, есть у нас надежда на вечное блаженство или нет, что всякий шаг можно предпринять здраво и рассудительно только проверивши его с этой точки зрения,— что и должно стать главной нашей заботой.

Итак, первейший наш интерес и первейший наш долг состоят в том, чтобы выяснить для себя этот вопрос, от чего зависит все наше поведение. Вот почему среди тех, кто в этом не убежден, я вижу огромнейшую разницу между теми, кто всеми силами своими стремится это узнать, и теми, кто живет не заботясь и не думая об этом.

Я могу лишь сострадать тем, кто искренне удручен таким сомнением, кто считает его худшим из несчастий и, ничего не жалея, чтобы от него избавиться, делает эти поиски своим главным и насущнейшим занятием.

Но на тех, кто проводит свою жизнь, не думая о конечной цели жизни, кто потому лишь, что в самом себе не находит убедительных доводов для веры, пренебрегает их искать вовне и взглянуть поглубже, такие ли это воззрения, что принимаются людьми от невежества и легковерия, или они, хотя и темны сами по себе, но покоятся на основании твердом и незыблемом,— на них я смотрю иначе.

Такое легкомыслие в деле, где речь идет о них самих, об их бессмертии, обо всем их существе, вызывает у меня больше возмущения, чем жалости; оно изумляет меня и пугает: для меня это чудовищно. Я говорю так не из ревностной набожности и духовного благочестия. Напротив, я имею в виду, что человек должен держаться такого мнения из земных интересов и собственного самолюбия: ведь для этого нужно только видеть то, что видят самые невежественные.

Не нужно иметь слишком возвышенную душу, чтобы понять, что здесь не может быть настоящего и прочного счастья, что все наши радости — не более чем суета, что несчастья наши неисчислимы, наконец, что смерть, грозящая нам каждую минуту, через несколько лет непременно поставит нас перед неизбежностью либо вечного небытия, либо вечных страданий.

Это самая непререкаемая истина на свете, и самая страшная. Мы можем

храбриться, сколько душе угодно: вот он, конец, подстерегающий прекраснейшую из жизней. Поразмышляйте об этом, а потом скажите: разве не бесспорно, что единственное благо в этой жизни — надежда на другую жизнь, что мы счастливы лишь в той мере, в какой к ней приближаемся, и что как нет больше горя для тех, кто совершенно уверен в вечности, так нет счастья для тех, кто вовсе не имеет о ней понятия.

Несомненно, испытывать такие сомнения — большое несчастье; но коль такие сомнения есть, то непреложный долг состоит по меньшей мере в поисках; а тот, кто сомневается и не ищет, тот одновременно и очень несчастен, и очень греховен. А если он при этом спокоен и доволен собой, если он на том стоит, наконец, если это ему в радость и в похвальбу, то я не нахожу слов для определения такого безумца.

Откуда берутся такие воззрения? Какую радость находят люди в том, что им больше нечего ждать, кроме непоправимых несчастий? Чем тут гордиться, если оказался в непроницаемой тьме, и как могут так рассуждать люди в здравом уме?

«Я не знаю, ни по чьей воле я в этом мире, ни что такое мир, ни что такое я сам; обо всем этом я в ужасающем неведении; я не знаю, что такое мое тело, мои чувства, моя душа и даже та часть меня, которая думает то, что я говорю, которая размышляет обо всем и о себе самой и знает себя не лучше, чем все остальное.

Я вижу пугающие пространства вселенной, которые меня окружают, я понимаю, что нахожусь в каком-то уголке этих просторов, но не знаю, ни почему я оказался именно здесь, а не в другом месте, ни почему краткий срок, отпущенный мне для жизни, назначен именно в этой, а не в другой точке целой вечности, которая была до меня и будет после. Повсюду я вижу только бесконечность, объемлющую меня как атом, как тень, которая существует лишь на один безвозвратный миг. Я знаю лишь то, что скоро должен умереть; но самое для меня неведомое — эта смерть, избежать которой мне не удастся.

Я не знаю, ни откуда пришел, ни куда иду; я знаю только, что, уходя из этого мира, я попадаю навсегда либо в небытие, либо в руки разгневанного Бога, не зная, какой из этих уделов навеки мне уготован. Вот мое положение, исполненное слабости и неуверенности. И из всего этого я заключаю, что должен прожить все свои дни, не помышляя искать ответа о том, что со мною случится. Быть может, какой-то ответ сыскался бы в моих сомнениях; но я не желаю прилагать к тому усилий и делать какие-то шаги для таких поисков; и, презирая тех, кто над этим бьется (какое бы твердое знание они ни обрели, это будет повод для отчаяния, но не для тщеславия), я хочу пойти беззаботно и бесстрашно навстречу такому великому событию и не противясь дам подвести себя к смерти, так и не зная ничего о моем будущем вечном уделе».

Кто захотел бы иметь своим другом человека, который рассуждает подоб-

ным образом? Кто выбрал бы его среди прочих, чтобы делиться с ним своими заботами? Кто просил бы его помощи в невзгодах? Наконец, кто придумает, на что мог бы он употребить свою жизнь?

На самом деле для религии почетно иметь своими врагами людей столь безрассудных; их противоборство настолько ей не опасно, что служит, напротив, к утверждению ее истин. Ведь христианская вера почти что сводится к утверждению этих двух вещей: испорченности природы и искупления Иисусом Христом. Так вот, я полагаю, что если они и не доказывают истины искупления святостью своих нравов, зато прекрасно доказывают испорченность природы своими извращенными воззрениями.

Нет для человека ничего важнее его участи; нет для него ничего страшнее вечности. И если находятся люди, равнодушные к собственной гибели и угрозе вечных мучений,— это противно природе. Они ведут себя совсем иначе по отношению к другим опасностям: они боятся даже малейших из них, предвидят их, обдумывают; и тот самый человек, который провел столько дней и ночей в гневе и отчаянии из-за потери должности или какого-нибудь воображаемого ущерба для своей чести,— тот самый человек, зная, что со смертью потеряет все, остается спокоен и беспечен. Чудовищно видеть в одном и том же сердце, в одно и то же время, такую чувствительность к пустякам и такую странную бесчувственность к самому важному. Тут какая-то непостижимая замороженность и сверхъестественная расслабленность, которые выдают, что причиной тому некая всемогущая сила.

Должно быть какое-то странное извращение в природе человеческой, чтобы хвалиться таким состоянием, пребывание в котором и одного-единственного человека кажется невероятным. Но по опыту своему я встречал их так много, что это казалось бы удивительно, если бы мы не знали, что большинство из этих бахвалов только притворяются и на самом деле вовсе не таковы. Это люди, которые слышали, что в свете такая смелость считается хорошим тоном. Это у них называется «сбросить ярмо», и они стараются этому подражать. Но совсем нетрудно им показать, какой вред они себе наносят, ища уважения к себе таким способом. Это не средство его добиться, я имею в виду даже среди людей светских, которые умеют судить здраво и знают, что единственный способ преуспеть в этом,— показать себя человеком порядочным, верным, рассудительным и умеющим оказывать услуги друзьям: ведь люди по природе своей любят только то, что им полезно. А какая нам польза слышать от человека, что он сбросил ярмо, что он не верит в существование Бога, следящего за его поступками, что он считает себя единственным хозяином своей жизни и никому другому, кроме себя, не собирается отдавать отчета? Или он думает, что так внушит к себе больше доверия, что мы будем ждать от него утешения, советов и помощи во всех наших житейских нуждах? Неужели они полагают, будто доставляют нам большую радость, говоря, что, по их мнению, наша

душа — всего лишь дуновение ветерка, облачко пара, и к тому же говоря это тоном надменным и самодовольным? Разве такие вещи следует говорить весело? Разве, напротив, не нужно говорить об этом с грустью, как о самой печальной вещи на свете?

Если бы они подумали серьезно, то увидели бы, как это все несообразно, противно здравому смыслу, непорядочно и во всех отношениях так далеко от той привлекательности, к которой они стремятся, что они способны скорее наставить на путь истинный, чем развратить тех, у кого есть хоть малейшая склонность им внимать. В самом деле, пусть они расскажут о своих воззрениях и причинах, заставивших их усомниться в религии; речи их будут так сбивчивы и так низки, что убедят вас в обратном. Это то, что сказал им как-то весьма метко один человек: «Если вы будете и впредь рассуждать в том же роде,— сказал он им,— то поистине, вы меня обратите». И он был прав — кто не ужаснулся бы, увидев, что его убеждения разделяются людьми столь презренными?

Те, кто лишь притворяются, будто держатся таких воззрений, должны быть очень несчастны оттого, что так себя насиляют, стараясь казаться самими дерзкими из людей. Если в глубине души они огорчаются, что столь многое им неведомо, пусть не скрывают этого: в таком признании нет ничего постыдного. Постыдно только в этом не признаваться. Ничто так не обличает крайнюю слабость духа, как незнание того, что человек без Бога несчастлив; ничто так не свидетельствует о дурных наклонностях сердца, как нежелание обрести истину о вечности обетованной; ничто так не выдает трусость, как попытки храбриться перед Богом. Пусть они оставят такое нечестие тем, кто рожден так низко, что способен на это; пусть они будут хотя бы порядочными людьми, если не могут быть христианами, пусть, наконец, признают, что есть только два рода людей, которых можно назвать разумными: те, кто служат всей душой Богу, потому что Его знают, и те, кто ищут Его всей душой, потому что не знают Его.

Но те, кто живут, не зная Его и не ища, почитают самих себя столь недостойными своих собственных забот, что недостойны забот чужих, и тут надобно все милосердие религии, которую они презирают, чтобы не презирать их и не оставлять их предаваться своему безумию. Но поскольку наша религия обязывает нас считать их, пока они живут на этом свете, неизменно способными к приятию благодати, которая может их умудрить, и допускать, что они могут через короткое время уверовать горячее, чем мы сами, и что мы, напротив, можем впасть в такую же слепоту, в какой они пребывают ныне,— мы должны делать для них то, чего хотели бы для себя самих, будь мы на их месте, и призывать их сжалиться над собой и сделать хотя бы несколько шагов, чтобы попробовать, не прольется ли свет и на них. Пусть они отдадут чтению этой книги те несколько часов, что так бессмысленно тратят на другое: как бы им это ни было неприятно, быть может, они что-нибудь найдут и уж во всяком

случае не много потеряют. Но те, кто займутся этим от души и с подлинным желанием обрести истину,— я надеюсь, что их желания исполнятся и что их убедят те доказательства божественной религии, которые я здесь собрал и в которых я следовал такому порядку...

428 (195). Я счел необходимым, прежде чем приступить к доказательствам христианской религии, представить греховность тех, кто равнодушен к поискам истины о том, что для них так важно и так живо их касается.

Из всех их заблуждений это, без сомнения, очевиднее всего обличает их безумие и слепоту, и в нем легче всего их убедить, стоит только обратиться к здравому смыслу и природным понятиям. Ведь несомненно, что срок нашей жизни — всего лишь миг, что смерть длится вечно, что бы ни ожидало нас после нее, и что поэтому все наши поступки и мысли должны идти столь разными путями в зависимости от того, какова природа этой вечности, что невозможно ни одного шага предпринять здраво и рассудительно, не проверивши его с этой точки зрения,— что и должно стать главной нашей заботой.

Нет ничего очевиднее этого, и потому, согласно законам разума, люди ведут себя совершенно безрассудно, если не сворачивают на другой путь. Судите же по этому о тех, кто живет, не думая о последней цели жизни, предаваясь своим наклонностям и удовольствиям без колебаний и тревоги и, словно полагая, будто можно отменить вечность, если отвратить от нее свои помыслы, заботятся о своем счастье только в настоящий миг.

Но вечность тем не менее существует, и смерть, которая откроет ее врата и которая грозит им каждое мгновение, непременно поставит их вскоре перед ужасной неизбежностью либо вечного небытия, либо вечных мучений; а они не знают, что же им уготовано навеки.

Вот несомненно ужасные последствия. Перед ними угроза вечных мучений; а они, словно бы это не стоило труда, не заботятся выяснить, идет ли речь о таких понятиях, какие люди слишком легко принимают на веру, или о таких, которые, будучи сами по себе темны, имеют очень прочное, хотя и сокрытое от глаз, основание. Они не знают, истинная это вещь или ложная, убедительны доказательства или слабы. Доказательства у них перед глазами, но они отказываются на них взглянуть и в таком неведении предпочитают делать все необходимое для того, чтобы подвергнуться таким мучениям, если они существуют, выяснение этого отложить до смерти, а тем временем вполне довольствоваться своим положением, признаваться в нем и даже им гордиться. Можно ли думать всерьез о важности этого дела, не ужасаясь такому безрассудному поведению?

Эта беспечность неведения чудовищна, и нужно дать почувствовать ее безрассудство и глупость тем, кто проводит в ней жизнь, представив ее им,

чтобы поразить их зрелищем их собственного безумия. Ибо вот как рассуждают люди, решившиеся жить в неведении того, кто они такие, и не искать ответа. «Я не знаю»,— говорят они.

429 (229). Вот что я вижу и что меня смущает. Я гляжу повсюду и повсюду вижу только тьму. Природа не предлагает мне ничего, что не вызывало бы сомнений и тревоги. Если бы я не видел ничего, что свидетельствовало бы о Божестве, я остановился бы на отрицании; если бы я видел повсюду свидетельства о Творце, я успокоился бы в вере. Но находя вокруг слишком многое для отрицания и слишком малое для веры, я пребываю в жалком состоянии; и я желал множество раз — если есть Бог за этой верой, пусть она свидетельствует о том прямо; а если свидетельства ее ложны, пусть она вовсе их уберет; пусть она говорит либо все, либо ничего, чтобы я знал, какому выбору мне следовать. А в том состоянии, в каком я пребываю, не ведая, ни кто я такой, ни что я должен делать, я не знаю ни своего удела, ни своего долга. Вся моя душа жаждет узнать, в чем истинное благо, чтобы стремиться к нему; за вечность я готов платить любую цену.

Я досадую на тех, кто живет в вере столь беспечно и так дурно употребляет тот дар, которому я, мне кажется, нашел бы совсем иное употребление.

430 (431). Никто другой не постиг, что человек — превосходнейшее из созданий. Одни, которые хорошо постигли подлинность этого превосходства, приняли за малодушие и неблагодарность то низкое мнение, которое люди естественно имеют о самих себе; а другие, которые постигли, как справедливо такое низкое мнение, считают смехотворной гордыней то понятие о своем величии, которое столь же естественно для человека.

Поднимите глаза ваши к Богу,— говорят одни; смотрите на Того, с Кем вы так схожи и Кто вас создал, чтобы вы поклонялись Ему. Вы можете стать подобны Ему; мудрость вас с Ним уравниет, если вы захотите ей следовать. «Выше головы, свободные люди»,— говорил Эпиктет. А другие говорят: «Опусти глаза свои к земле, ты, жалкий червь, и смотри на животных, своих сотоварищей».

Кем же станет человек? С кем он сравнивается — с Богом или с животными? Какое страшное расстояние! Кем же мы будем? Как же не заключить из всего этого, что человек сбился с пути, пал со своего места на вершине, что он ищет его в тревоге и не может больше найти. Кто же укажет ему дорогу? Величайшие из людей не смогли этого сделать.

431 (560). Мы не можем представить себе ни Адама в славе, ни природы его греха, ни передачи нам этого греха. Это всё такие вещи, которые произошли при состоянии природы, совершенно отличном от нашего, и которые превосходят наши нынешние способности понимания.

Все это нам знать бесполезно, если мы хотим от этого избавиться; нам важно понимать только то, что мы несчастны, испорчены, разлучены с Богом, но искуплены Иисусом Христом; чему мы имеем удивительные доказательства на земле.

Итак, два доказательства — грехопадение и искупление — побеждают нечестивцев, которые равнодушны к религии, и иудеев, которые для нее непримиримые враги.

Серия IV

432 (194). (23). ...Любовь к самому себе, и поскольку это такая вещь, которая достаточно для нас важна, чтобы нас волновать,— знать наверное, что после всех невзгод в этой жизни неотвратимая смерть, грозящая нам каждое мгновение, через несколько лет непременно поставит нас перед ужасной неизбежностью либо вечного небытия, либо вечных мучений.

(24). Три удела.

(25). Не надо говорить, что это свидетельство ума.

(26). Это все, что может сделать человек, уверившийся в ложности такой вести, причем он должен не радоваться тому, а огорчаться.

(27). Только это важно, и только этим люди пренебрегают.

(28). Наше воображение так преувеличивает настоящее, поскольку мы постоянно о нем думаем, и так умаляет вечность из-за недостаточного размышления о ней, что мы делаем вечность из ничего и ничто из вечности; и все это пустило в нас такие крепкие корни, что весь наш разум не в силах нас от этого защитить, и что...

(29). Я спросил бы их — разве неправда, что вы сами, собственным примером утверждаете то основание веры, с которой боретесь,— испорченность человеческой природы.

433 (783). ...Тогда Иисус Христос пришел сказать людям, что у них нет других врагов, кроме самих себя, что это их страсти разлучают их с Богом, что Он пришел эти страсти истребить и одарить людей Своей благодатью, чтобы из них всех построить святую Церковь, что Он пришел привести в эту Церковь язычников и иудеев, что Он пришел разрушить у одних — идолов, у других — суеверия. Чему все люди воспротивились, не только из природной похоти, но

более всего цари земные соединились, чтобы погубить эту нарождающуюся религию, как и было предсказано (Proph.: Quare fremuerunt gentes... reges terrae... adversus Christum) ¹.

Все, что есть сильного на земле, соединяется — мудрецы, судьи, цари. Одни пишут, другие выносят приговор, третьи убивают. И невзирая на такие утеснения, простые и слабые люди сопротивляются всей этой мощи и даже покоряют себе царей, мудрецов и судей и изгнывают идолопоклонничество со всей земли. И все это делается той же силой, что предсказала Его.

434 (199). Представьте себе цепочку людей в кандалах. Все они приговорены к смерти, и каждый день кого-то из них казнят на глазах у других; оставшиеся в живых видят свою судьбу в судьбе себе подобных и, глядя друг на друга с мукой и без надежды, ожидают, когда настанет их черед. Вот образ удела человеческого.

435 (621). После сотворения мира и потопа, когда Богу уже не нужно было ни разрушать мир, ни создавать его заново, ни посылать великих знамений о Себе, Он стал утверждать на земле народ, созданный для особой цели, который должен был просуществовать до появления того народа, который Мессия создаст духом Своим.

Серия V

436 (628). Иудейские древности.— Как отличается одна книга от другой! Я не удивляюсь тому, что греки создали «Илиаду», а египтяне и китайцы — свои повести. Нужно только посмотреть, как это рождалось. Сочинители таких сказок не были современниками тех происшествий, о которых писали. Гомер сочиняет роман, таковым подает его, таковым его и воспринимают; ведь никто не сомневался, что Троя и Агамемнон — такой же вымысел, как и золотое яблоко ¹. Он и не помышлял делать из этого историю, а только развлечение; он единственный сочинитель в то время, красота его книг приносит долговечность рассказу: он всем известен, все о нем говорят; его надо знать, каждый заучивает его наизусть. Четыреста лет спустя свидетелей тех событий больше нет в живых; никто уже не знает, вымысел это или подлинная история; люди просто узнали ее от предков, она может сойти за правду.

Всякая история, сочиненная после событий, подозрительна; так Сивиллины Книги ² и Трисмегист ³ и множество других, которым люди верят, лгут, и ложь обнаруживается с течением времени. Не так с авторами-современниками.

Есть большая разница между книгой, написанной отдельным человеком и брошенной им в народ, и книгой, написанной самим народом. Нет сомнений, что такая книга — столь же древняя, как и сам народ.

437 (399). Нельзя быть несчастным, не сознавая этого. Разрушенный дом не может быть несчастен. Несчастливы только люди. *Ego vir videns*¹.

438 (848). Если столь велико милосердие Божие, что Он дает нам спасительные наставления, даже когда Он сокрыт от нашего взора,— какого же света следует ожидать, когда Он откроется нам?

439 (565). Признайте же истинность религии даже в темноте ее, в сумерках, нас окружающих, в нашей равнодушии к познанию ее.

440 (559). Если вечное существо является однажды, оно есть всегда.

441 (201). Все возражения и тех, и других оборачиваются против них самих, а не против религии. Все, что говорят нечестивцы...

442 (560). ...Так вся вселенная указывает человеку либо на его порочность, либо на искупление. Все ему указывает на его величие или на его ничтожество. Равнодушие Божие мы видим на язычниках; покровительство Божие — на иудеях.

443 (863). Все заблуждаются тем опаснее, что каждый следует некоей истине; ошибка их не в том, что они следуют неправде, а в том, что не следуют другой истине.

444 (557). Верно, что человек может найти объяснение своему уделу во всем, но надо правильно понимать это объяснение: неверно, что все открывает Бога, и неверно, что все Его скрывает. Но верно и то, что Он сокрыт от тех, кто Его искушает, и что Он открыт тем, кто Его ищет, ибо люди и недостойны Бога, и способны его приять: недостойны из-за грехопадения, способны из-за первой своей природы.

445 (558). Что доказывает вся тьма нашего неведения, кроме нашей недостойности?

446 (586). Если бы вовсе не было тьмы, человек не сознавал бы своей греховности; если бы вовсе не было света, человек не надеялся бы на исцеление. Итак, это не только справедливо, но и на пользу нам, что Бог отчасти сокровенен, отчасти открыт, потому что для человека равно опасно и знать Бога, не зная своего ничтожества, и знать свое ничтожество, не зная Бога.

447 (769). Обращению язычников дано было свершиться только через благодать Христову. Иудеи так долго за него боролись — и ничего не добились: все, что говорили Соломон и пророки, оказалось бесполезно. Мудрецы, такие, как Платон и Сократ, не смогли их убедить.

448 (559). Если бы Бог никогда и ничем не открывался нам, такое вечное удаление было бы двусмысленно и могло бы означать как отсутствие божества, так и недостойность людей Его узнать; но то, что Он является изредка, а не всегда, убирает всякую двусмысленность. Если Он явился однажды, значит, Он есть всегда; из этого следует только одно — что Бог есть и что люди Его недостойны.

449 (556). ...Они кощунствуют о том, чего не знают. Христианская религия состоит из двух истин; людям одинаково важно их знать и одинаково опасно не знать их; Бог с одинаковым милосердием дал нам свидетельства обеих.

Они, однако, пытаются утверждать, что одна из этих истин не существует, на основании того самого, из чего должны были бы сделать вывод о существовании другой. Мудрецов, говоривших, что есть только один Бог, преследовали, евреев ненавидели, христиан еще больше. Они видели при свете своего природного разума, что если есть истинная религия на земле, то ход всех событий на свете должен к ней стремиться как к своему средоточию. Весь ход событий целью своей должен иметь утверждение и величие религии; люди должны иметь понятия, сообразные тому, чему она нас учит; наконец, она должна быть средоточием и целью, к которой все стремится, так что тот, кто знает ее начала, может судить и обо всей природе человеческой в частности, и обо всем устройстве мира вообще.

И на таком основании они решаются кощунствовать о христианской религии, потому что плохо ее знают. Они воображают, что она состоит просто

в поклонении Богу, которого представляют себе великим, всемогущим и вечным; это есть собственно деизм, почти столь же далекий от христианской религии, как атеизм, совершенно ему противоположный. Отсюда они заключают, что религия наша ложная, потому что не видят, как все на свете споспешествует утверждению той истины, что Бог открывается людям не столь очевидно, как мог бы это делать.

Но пусть они говорят против деизма, что им заблагорассудится, они не смогут ничего сказать против христианской религии, как раз и состоящей в таинстве Искупителя, который, соединив в себе две природы, человеческую и божественную, извлек людей из греха, чтобы примирить их с Богом в Своем божественном существе.

Она внушает людям одновременно две истины: и что есть Бог, которого люди способны принять, и что есть греховность в природе, которая делает их недостойными того. Людям одинаково важно знать обе эти истины; и одинаково опасно для человека знать Бога, не зная своего ничтожества, и знать свое ничтожество, не зная Искупителя, который может из него извлечь. Знание лишь одной истины родит либо гордыню философов, которые знают Бога, но не свое ничтожество, либо отчаяние атеистов, которые знают свое ничтожество, но не Искупителя.

И поскольку людям равно необходимо знание обеих этих истин, Господь с равным милосердием нас в обеих наставляет. Христианская религия это делает, в том она и заключается.

Задумайтесь о миропорядке с этой точки зрения и посмотрите, не стремится ли все на свете к утверждению двух основ нашей религии: Иисус Христос есть цель всему и средоточие, к которому все стремится. Кто знает Его, знает объяснение всему.

Заблуждающиеся заблуждаются лишь потому, что не видят одной из этих двух вещей. Можно знать Бога, не зная своего ничтожества, и знать свое ничтожество, не зная Бога; но нельзя знать Иисуса Христа, не зная вместе и Бога, и своего ничтожества.

Вот почему я не буду здесь доказывать доводами природного разума ни существование Бога, ни Троицу, ни бессмертие души, ничего из подобных вещей; не только потому, что я не чувствую себя в силах найти в природе такие доводы, чтобы убедить закоренелых атеистов, но потому, что такие знания без Иисуса Христа бесполезны и бесплодны. Если кто-то согласится, что пропорции чисел суть истины нематериальные, вечные и зависящие от первоистины, в которой они существуют и которая называется Бог, — я не подумаю, что этот человек далеко продвинулся к спасению своей души.

Христианская религия не заключается в Боге — простом творце геометрических истин и круговорота стихий; это участь язычников и эпикурейцев. Она не заключается только в Боге, распространяющем Свой промысел на

жизнь и блага человеческие и дарующем череду счастливых лет тем, кто Ему поклоняется; это удел иудеев. Но Бог Авраама, Бог Исаака, Бог Иакова, Бог христиан — это Бог любви и утешения; это Бог, который наполняет душу и сердце тех, над кем владычествует; это Бог, который помогает им ощутить внутренне свое ничтожество и Его бесконечное милосердие; который проникает в глубины их душ; который наполняет их смирением, радостью, верой, любовью; который их делает неспособными иметь другую цель, кроме Себя Самого.

Все те, кто ищут Бога вне Иисуса Христа и не идут дальше природы, либо не находят вовсе нужного им знания, либо придумывают для себя способ познать Бога и служить Ему без посредника, и тем впадают либо в атеизм, либо в деизм, почти одинаково противные христианской религии.

Без Иисуса Христа мир не мог бы существовать; тогда он должен был либо разрушиться, либо уподобиться аду.

Если бы мир существовал для того, чтобы открывать человеку Бога, Его божественность сияла бы повсюду неоспоримо; но коль скоро он существует только через Иисуса Христа и ради Иисуса Христа и для того, чтобы открывать человеку и его ничтожество, и искупление,— повсюду сияют доказательства этих двух истин.

То, что является нам, не свидетельствует ни о совершенном отсутствии, ни о явном присутствии божества, но о присутствии Бога сокровенного. На всем лежит эта печать.

Единственный, кто знает природу,— знает ли он ее лишь на горе себе? Единственный, кто ее знает,— будет ли он единственным несчастным?

Нельзя, чтобы он вовсе ничего не видел; нельзя также, чтобы он видел так много, что мог бы вообразить, будто обрел Бога; но пусть он видит достаточно, чтобы знать, что он Его утратил; ведь чтобы знать о своей утрате, нужно видеть и не видеть; это как раз и есть нынешнее состояние природы.

Какой бы путь он ни избрал, я не дам ему покоя...

450 (494). Истинная религия должна открывать величие и ничтожество, внушать уважение и презрение к самим себе, любовь и ненависть.

Серия VI

451 (620). Преимущества еврейского народа.

В этих разысканиях еврейский народ влечет к себе мое внимание прежде всего обилием удивительных и необыкновенных вещей, случившихся в его истории.

Я вижу прежде всего, что этот народ весь состоит из братьев; тогда как другие народы образовались из соединения множества семейств, этот, хотя и такой многочисленный, весь произошел от одного человека, и, будучи все одной плотью и членами друг друга, они составляют могучее племя из одной семьи,— вещь в своем роде единственная.

Эта семья или этот народ — самый древний из всех известных людям, что, как мне кажется, вызывает к нему особое почтение. И более всего в наших разысканиях; ведь если Бог всегда сообщался с людьми, то за преданиями об этом следует обратиться к ним.

Народ этот не только необыкновенно древний, но и удивительно стойкий: жизнь его непрерывно длится от зарождения его и доньше; тогда как народы Греции и Италии, Лакедемона, Афин и другие, пришедшие много позже, давно погибли, он продолжает жить, наперекор всем стараниям многих могучих царей, сотни раз пытавшихся его погубить, как о том свидетельствуют его историки и как можно о том судить по естественному порядку вещей на протяжении столь долгих лет. И все-таки он всегда выживал, и это выживание было предсказано. И простираясь от изначальных времен до нынешних, его история включает в себе истории всех наших народов.

Закон, который правит этим народом, есть и самый древний закон в мире, и самый совершенный, и единственный, который неизменно хранился в государстве. Это замечательно доказывают Иосиф («Против Аппиона») и Филон Александрийский; из разных текстов у них видно, что закон этот столь древний, что другие древнейшие народы и само слово «закон» узнали только более тысячи лет спустя, так что Гомер, описавший историю многих государств, этого слова ни разу не употребил. А его совершенство легко понять из простого чтения: мы видим, что он обо всем позаботился так мудро, так справедливо и так осмотрительно, что и самые древние законодатели у греков и римлян, немного о нем наслышанные, позаимствовали из него свои главные законы, что видно из того свода, который у них называется Двенадцатью таблицами¹, и из других доказательств, приводимых Иосифом.

Но этот закон в то же время — самый суровый и строгий в том, что касается до отправления их религии; он обявляет народ под страхом смерти соблюдать множество мелких и обременительных правил, так что поразительно, как этот закон неизменно хранился на протяжении стольких веков таким своевольным и пылким народом, тогда как все другие государства меняли время от времени свои законы, куда более мягкие.

Книга, которая первой заключила в себе этот закон, сама есть древнейшая книга в мире; книги Гомера, Гесиода и прочих появились только шесть или семь сотен лет спустя.

Серия VII

452 (631). Чистосердечие иудеев.

Они проносят с собой любовно и преданно эту книгу, в которой Моисей объявляет, что они были всю свою жизнь неблагодарны к Богу, что ему ведомо — они станут еще неблагодарнее после его смерти, но что он призывает небо и землю в свидетели против них, что он их достаточно многому (научил).

Он объявляет, что Бог, разгневавшись на них наконец, рассеет их по всем земным народам, что как они раздражали Его, поклоняясь богам, которые не были их богами, так и Он раздражит их, призвав народ, который вовсе не Его народ; и Он желает, чтобы все Его слова были сохранены навеки и чтобы книга Его была помещена в ковчег завета и всегда свидетельствовала против них.— Исаия. Исаия говорит то же самое. 30. 8.

Серия VIII

453 (610). Чтобы показать, что у истинных иудеев и истинных христиан религия одна и та же.

Религия иудеев заключается как будто прежде всего в отцовстве Авраама, в обрезании, в жертвоприношениях, в обрядах, в ковчеге, в храме, в Иерусалиме, наконец, в законе и завете Моисеевом.

Я говорю, что она не заключается ни в чем из всего этого, но в любви к Богу, и что все остальное Бог отвергает.

Что Бог вовсе не примет родства с Авраамом. Что Бог покарает евреев, как иноплеменников, если они оскорбят Его.

Втор. IX. 19. Если вы забудете Бога и последуете за чужими богами, я вам предсказываю, что вы погибнете так же, как те народы, которые Бог истребил перед вами.

Что Бог примет иноплеменников, как иудеев, если они полюбят Его.

Ис. 56. 3. Да не говорит сын иноплеменника: «Господь не примет меня»; иноплеменников, присоединившихся к Богу, чтобы служить Ему и любить Его, Я приведу на святую гору Мою, и жертвы их будут благоприятны, ибо дом Мой — дом молитвы.

Что истинные иудеи полагали, что достоинство их от Бога, а не от Авраама.

Ис. 63. 16. Только Ты — Отец наш; ибо Авраам не узнаёт нас, и Израиль не признаёт нас своими; Ты, Господи,— Отец наш, от века имя Твое: «Искупитель наш».

Сам Моисей им сказал, что Бог не посмотрит на лица.

Втор. 10. 17. Бог говорит: «Я не смотрю на лица и не беру даров».

Суббота была только знамением. Исх. 31. 13 и в память об исходе из

Египта. Втор. 15. 19. И она больше необязательна, потому что об Египте надо забыть.

Обрезание было только знаменем. Быт. 17. 11.

Отсюда следует, что в пустыне они не были обрезаны, потому что не могли смешиваться с другими народами. А после пришествия И.Х. обрезание больше необязательно.

Что велено обрезать сердца.

Втор. 10. 17. Иер. 4. 3.— Обрежьте себя для Господа, и снимите крайнюю плоть с сердца вашего, и не ожесточайтесь более, ибо Бог ваш — Бог великий, могучий и грозный и не смотрит на лица.

Что Бог говорит, что сотворит это однажды.

Втор. 30. 6. И обрежет Господь, Бог твой, сердце твое и сердце потомства твоего, чтобы ты любил Господа, Бога твоего, от всего сердца твоего.

Что необрезанных сердцем будут судить.

Иер. 9. 26. Что Господь будет судить народы необрезанные и весь народ Израилев, ибо он необрезан сердцем.

Что внешнее бесполезно без внутреннего.

Иоиль 2. 13. scindite corda vestra ¹, и т. д.

Ис. 58. 3. 4., и т. д.

Все Второзаконие увещевает любить Бога.

Втор. 30. 19. Во свидетели пред вами призываю небо и землю; жизнь и смерть предложил я вам, дабы вы любили Господа, Бога вашего, слушали глас Его. Ибо Господь — жизнь ваша.

Что по недостатку этой любви иудеи будут отвергнуты за их беззакония, а язычники избраны вместо них.

Осия 1. 10.

Втор. 32. 20. Сокрою лице Мое от них за последние их беззакония. Ибо они род развращенный, и нет в них верности.

Они раздражили Меня не богом, и Я раздражу их народом, который не Мой народ, народом бессмысленным.

Исаия 65.

Что земные блага ложны, а истинное благо в соединении с Богом.

Пс. 143. 15.

Что их праздники неуютны Богу.

Амос 5, 21.

Что жертвоприношения иудеев неуютны Богу.

Ис. 66.

1. 11.

Иер. 6. 20.

Давид, miserere ².

Даже от добрых.

Ехрестави ³. Пс. 49. 8. 9. 10. 11. 12. 13 и 14.

Что Он их установил только ради их жестоковийности. Замечательно у Михея, 6.

1 Царств 15. 22.

Осия 6. 6.

Что жертвы язычников будут приняты Господом. И что приношение иудеев будет неблагоугодно Господу.

Малахия 1. 11.

Что Бог заключит новый завет через Мессию, а ветхий будет отринут.

Иер. 31. 31.

Mandata non bona ⁴, Иезекииль.

Что прежнее не будет воспоминаемо.

Ис. 43. 18, 19.

65. 17, 18.

Что не вспомнят о ковчеге.

Иер. 3. 15, 16.

Что храм будет отвергнут.

Иер. 7. 12, 13, 14.

Что жертвы будут отвергнуты и будут приноситься жертвы другие, чистые.

Малахия 1. 11.

Что священство по чину Ааронову будет упразднено, а установлено Мессией священство по чину Мелхиседека ⁵.

Dixit dominus ⁶.

Что этот чин будет вечным.

Ibid.

Что Иерусалим будет отвергнут, а Рим допущен.

Dixit dominus ⁶.

Что имя евреев будет проклято, и дано будет новое имя.

Ис. 65. 15.

Что это новое имя будет лучше, чем имя евреев, и вечное.

Ис. 56. 5.

Что евреи останутся без пророков. Амос.

Без царя, без князя, без жертвы, без терафима.

Что невзирая на то, евреи будут жить как народ. Иер. 31. 36.

Серия IX

454 (619). Я вижу, что христианская религия основана на предшествовавшей религии, в которой вот что я нахожу убедительного.

Я не говорю здесь о чудесах Моисея, Иисуса Христа и апостолов потому прежде всего, что они не кажутся доказательствами, а я здесь хочу только представить все те основания христианской религии, которые неоспоримы и не могут вызывать сомнений у кого бы то ни было.

Несомненно, что мы видим в разных концах света некий особенный народ, отделенный от всех других народов, который называется еврейским народом.

Итак, я вижу основателей религий в разных концах света и во все времена, но у них нет ни морали, которая могла бы меня привлечь, ни доказательств, которые могли бы меня убедить, и потому я одинаково отверг бы и религию Магомета, и религию Китая, и религию древних римлян, и религию Египта — по той единственной причине, что ни одна из них не имеет больших свидетельств своей истинности, чем другая, ничего, что могло бы определить мое решение. У разума нет оснований предпочесть ту, а не другую.

Но вглядываясь в это изменчивое, удивительное разнообразие нравов и верований на протяжении веков, я нахожу в одном уголке мира некий особенный народ, отделенный от всех других земных народов, самый древний из них, чья история многими столетиями старше самых старых из ведомых нам историй.

Я вижу, что народ этот велик и многочислен, что он произошел от одного человека, поклоняется единому Богу и подчиняется закону, который, по их словам, они получили из Его рук, и они полагают себя единственными в мире, кому Господь открыл Свои тайны. Что все люди впали в грех и в немилость Божию, что они отданы во власть своим чувствам и своему рассудку. И что отсюда — те удивительные заблуждения и бесконечные перемены религий и обычаев, которые случаются у них. Тогда как они сами остаются непоколебимы в своем образе жизни; но что Бог не оставит навсегда другие народы во мраке, что Избавитель придет для всех, что они живут на свете, чтобы возвещать это людям, что они созданы для того, чтобы быть предшественниками и провозвестниками этого великого пришествия и чтобы звать все народы соединиться с ними в ожидании Избавителя.

Существование такого народа изумляет меня и кажется достойным нашего внимания.

Я вглядываюсь в этот закон, про который они утверждают, что получили его от Бога, и нахожу его превосходным. Это самый первый закон на земле, и такой, что прежде чем само слово «закон» стало употребляться у греков, они уже почти тысячу лет как получили его и соблюдали неизменно. Мне кажется удивительным также, что первый закон на земле был и самым совершенным, так что величайшие законодатели заимствовали из него свои установления, как это видно по Закону 12 таблиц в Афинах, который был затем взят и римлянами;

это было бы нетрудно доказать, если бы Иосиф и другие уже не сказали об этом достаточно.

455 (717). Пророчества.
Обетование, что у Давида всегда будут преемники.
Иер.

Серия X

456 (618). Вот что убедительно: пока все философы разделяются на множество сект, в некоем уголке мира живут люди, составляющие самое древнее племя на земле; они объявляют, что все заблуждаются, что Бог открыл им истину, что она пребудет на земле вечно. И действительно, все другие секты исчезают; а эта продолжает жить, и вот уже четыре тысячи лет они утверждают знание, полученное ими от предков: что человек порвал свою связь с Богом и совершенно отдалился от Него, но Он обещал искупить людей, что это учение пребудет на земле всегда, что закон их имеет двойной смысл.

Что на протяжении 1600 лет среди них были люди, которых они считали пророками и которые предсказали время и обстоятельства.

Что 400 лет спустя они были рассеяны повсюду, потому что Иисуса Христа следовало возвещать повсюду.

Что И.Х. явился в предсказанное время и в предсказанных обстоятельствах.

Что с тех пор евреи рассеяны повсюду, и что на них проклятие, и все-таки они продолжают существовать.

457 (572). Предположение об апостолах-обманщиках.
Время предсказано ясно, обстоятельства — темно.

5 доказательств иносказаний.

2000 1600 пророки
 400 в рассеянии

Серия XI

458 (588). Противоположности. Бесконечная мудрость и безумие религии.

459 (713). Софония III. 9. «Я дам народам уста чистые, чтобы все призывали имя Господа и служили Ему единокорно».

Иезек. XXXVII. 24: «А раб мой Давид будет царем над ними».

Исход IV. 22: «Израиль есть сын Мой, первенец Мой».

460 (544). Бог христиан — это Бог, Который открывает душе, что Он — ее единственное благо; что в Нем ее упокоение, что у нее одна радость — любить Его; и Который внушает ей одновременно ненависть ко всем преградам, удерживающим ее и мешающим ей любить Бога всеми своими силами. Любовь к себе и похоть, останавливающие душу, для нее непереносимы. Этот Бог открывает ей, что в ней таится губительная любовь к себе и что только Он один может ее излечить.

461 (584). Мир существует для того, чтобы вершились милосердие и суд, не так, словно бы люди вышли из рук Господних, но так, что они — враги Господа, которым Он по милости Своей дарует столько света, чтобы они могли вернуться, если хотят Его искать и за Ним следовать, но которых Он карает, если они не хотят Его искать и следовать за ним.

462 (739). Пророки предсказывали и не были предсказаны. Затем святые предсказанные, но не предсказывавшие. Иисус Христос предсказанный и предсказывавший.

463 (243). Замечательно, что ни один канонический автор не обращался к природе за доказательствами существования Бога. Все стараются внушить веру в Него. Давид, Соломон и прочие никогда не говорили: «Пустоты нет, поэтому Бог есть». Они, должно быть, были куда учнее, чем самые ученые люди, которые пришли после них и к этим доводам прибегали. Это очень важно.

464 (419). Я не потерплю, чтобы он успокоился на себе или на другом, так что оставаясь без пристанища и отдыха...

465 (428). Эти дети с удивлением видят, как ценят их товарищей.

466 (428). Если доказывать существование Бога с помощью природы — знак слабости, не презирайте Писание; если понимать вещи противоположные — знак силы, чтите Писание.

467 (449). Порядок.

После испорченности природы сказать: справедливо, чтобы все пребывающие в таком состоянии о том знали, и те, кто этому радуются, и те, кто об этом горюют, но несправедливо, чтобы все увидели искупление.

468 (562). Нет ничего на земле, что не доказывало бы либо ничтожество человеческое, либо милосердие Божие, либо бессилие человека без Бога, либо могущество человека с Богом.

469 (577). (Низость).

Бог заставил ослепление этого народа служить ко благу избранных.

470 (404). Величайшая низость человека — его стремление к славе, но это как раз то, что более всего свидетельствует о его достоинстве; ведь какими бы богатствами он ни обладал на этой земле, как бы ни был здоров и наделен самым важным, — нет ему радости, если люди его не ценят. Он столь высокого мнения о разуме человеческом, что какие бы выгоды он ни имел на земле, если он не займет столь же выгодного положения в умах людских, то останется безутешен. Это самое прекрасное место на свете, ничто не может отвратить его от таких желаний, это самое неистребимое свойство сердца человеческого.

И те, кто более всего презирают людей и приравнивают их к животным, тоже хотят, чтобы ими восхищались, чтобы им верили, и противоречат сами себе собственными помыслами; природа, которая сильнее всего, убеждает их в величии человека непреложнее, чем разум убеждает их в его низости.

471 (441). Я же признаю, что как только христианская религия открывает ту истину, что природа человеческая испорчена и разлучена с Богом, мы начинаем прозревать эту истину повсюду: природа такова, что повсюду, и в человеке, и вне человека, свидетельствует об утраченном Боге и об испорченной природе.

472 (574). Величие.— В религии столько величия, что справедливо, чтобы те, кто из-за ее темноты не хотят брать на себя труд ее искать, ее лишились. На что же мы жалуемся, коль скоро если ищем ее, то можем найти?

473 (500). Понимание слов «добро» и «зло».

474 (622). Когда сотворение мира начало удаляться из виду, Бог дал историка единственному его очевидцу и поручил целому народу хранить эту книгу, чтобы история эта была самой достоверной на свете, и чтобы все могли узнать из нее такие необходимые сведения, и чтобы узнавать их можно было только из нее.

475 (676). Завеса, которой скрыты эти книги от иудеев, скрывает их и от дурных христиан и от всех, кто отказывается ненавидеть самих себя. Но как способны их понимать и познавать Иисуса Христа те, кто действительно ненавидят себя!

476 (688). Я не говорю, что мем загадочен.

477 (406). Гордыня вознаграждает за все несчастья и изглаживает их. Какая удивительная несуразность и очевидное заблуждение. Павши со своего места, он ищет его в тревоге. Это делают все люди. Посмотрим, кто же его найдет.

478 (137). Можно не рассматривать каждое занятие в отдельности, достаточно их все свести к понятию «развлечение».

479 (74). Двести восемьдесят родов высшего блага у философов.

480 (590). В религии надо быть чистосердечным: истинные язычники, истинные иудеи, истинные христиане.

481 (594). Против истории Китая. Историки, рассказывающие о Мексике, о пяти солнцах, последнему из которых только восемьсот лет ¹.

Разница между книгой, принятой народом, и книгой, создающей народ.

482 (289). Доказательства — 1. Христианская религия, ее установление; утвердилась сама так крепко и с такой кротостью, хотя так перечит природе.— 2. Святость, высота и смирение христианской души.— 3. Чудеса святого Писания.— 4. Отдельно Иисус Христос.— 5. Отдельно апостолы.— 6. Отдельно Моисей и пророки.— 7. Народ иудейский.— 8. Пророчества.— 9. Бесперывность: ее нет ни в одной религии.— 10. Учение, объясняющее все.— 11. Святость этого закона.— 12. Через ход событий в мире.

Несомненно, что после этого, взвесив, что такое жизнь и что такое религия, нельзя противиться желанию следовать ей, если она проникла в сердце; и очевидно, что вовсе нет места насмешкам над теми, кто ей следует.

Серия XII

483 (1726). Пророчества. (В Египте, *Pugio Fidei*, стр. 659, Талмуд: «У нас есть предание, что когда придет Мессия, дом Господень, где должно проповедовать слово Божие, окажется полон мерзости и нечистот, а премудрость ученых станет извращаться и гнить. Тех, кто убоится греха, народ будет гнать и называть безумцами и глупцами».

Ис., 49: «Слушайте Меня, острова, и внимайте, народы дальние: Господь призвал Меня от чрева, от утробы матери Моей называл имя Мое; и создал уста Мои как острый меч; тению руки Своей покрывал Меня, и соделал Меня стрелою изостренною; в колчане Своем хранил Меня; и сказал Мне: Ты раб Мой, Израиль, в Тебе Я прославлюсь. А Я сказал: напрасно Я трудился, ни на что и вообще истощал силу Свою. Но Мое право у Господа, и награда Моя у Бога Моего. И ныне говорит Господь, образовавший Меня от чрева в раба Себе, чтоб обратиться к Нему Иакова, и чтоб Израиль собрался к Нему: Я почтен в очах Господа, и Бог Мой — сила Моя. И Он сказал: мало того, что Ты будешь Моим для восстановления колен Иаковлевых и для возвращения остатков Израиля; но Я сделаю Тебя светом народов, чтобы спасение Мое простерлось до концов земли. Так говорит Господь, Икупитель Израиля, Святый Его, презираемому всеми, поносимому народом, рабу властелинов; цари увидят и встанут; князья поклонятся ради Господа, Который верен, ради Святого Израилева, Который избрал Тебя.

Так говорит Господь: во время благоприятное Я услышал Тебя, и в день спасения помог Тебе; и Я буду охранять Тебя, и сделаю Тебя заветом народа, чтобы восстановить землю, чтобы возвратить наследникам наследия опусто-

шенные, сказать узникам: «выходите», и тем, которые во тьме: «покажитесь». Они при дорогах будут пасти, и по всем холмам будут пажити их. Не будут терпеть голода и жажды, и не поразит их зной и солнце; ибо Милующий их будет вести их, и приведет их к источникам вод. И все горы Мои сделаю путем, и дороги Мои будут подняты. Вот, одни придут издалека; и вот, одни от севера и моря, а другие из земли Синим. Радуйтесь, небеса, и веселись, земля, и восклицайте, горы, от радости; ибо утешил Господь народ Свой и помиловал страдальцев Своих.

А Сион говорил: «оставил меня Господь, и Бог мой забыл меня!» Забудет ли женщина грудное дитя свое, чтобы не пожалеть сына чрева своего? но если бы и она забыла, то Я не забуду тебя. Вот, Я начертал тебя на дланях Моих; стены твои всегда предо Мною. Сыновья твои поспешат к тебе, а разорители и опустошители твой уйдут от тебя. Возведи очи твои и посмотри вокруг,— все они собираются, идут к тебе. Живу Я! — говорит Господь,— всеми ими ты облечешься, как убранством... Ибо развалины твои, и пустыни твои, и разоренная земля твоя будут теперь слишком тесны для жителей; и поглощавшие тебя удалятся от тебя. Дети, которые будут у тебя после потери прежних, будут говорить вслух тебе: «тесно для меня место; уступи мне, чтоб я мог жить». И ты скажешь в сердце твоём: «кто мне родил их? я была бездетна и бесплодна, отведена в плен и удалена; кто же возрастил их? вот, я оставалась одинокою; где же они были?» Так говорит Господь Бог: вот, я подниму руку Мою к народам, и выставлю знамя Мое племенам, и принесут сыновей твоих на руках и дочерей твоих на плечах. И будут цари питателями твоими, и царицы их кормилицами твоими; лицом до земли будут кланяться тебе и лизать прах ног твоих, и узнаешь, что Я Господь, что надеющиеся на Меня не постыдятся. Может ли быть отнята у сильного добыча, и могут ли быть отняты у победителя взятые в плен? Да! так говорит Господь: и пленные сильным будут отняты, и добыча тирана будет избавлена; потому что Я буду состязаться с противниками твоими, и сыновей твоих Я спасу... и всякая плоть узнает, что Я — Господь Спаситель твой и Искупитель твой, Сильный Иаковлев».

Ис., 50: «Так говорит Господь: где разводное письмо вашей матери ¹, с которым Я отпустил ее? или которому из Моих заимодавцев Я продал вас? Вот, вы проданы за грехи ваши, и за преступления ваши отпущена мать ваша.

Почему, когда Я приходил, никого не было, и когда Я звал, никто не отвечал? Разве рука Моя коротка стала для того, чтоб избавлять, или нет силы во Мне, чтобы спасти?

Вот, прещением Моим... Я облакаю небеса мраком и вретище делаю покровом их.

Господь Бог дал Мне язык мудрых, чтоб Я мог словом подкреплять изнемогающего; каждое утро Он пробуждает, пробуждает ухо Мое, чтоб Я слушал, подобно ушачимся.

Господь Бог открыл Мне ухо, и Я не воспротивился, не отступил назад.

Я предал хребет Мой биющим, и ланиты Мои поражающим; лица Моего не закрывал от поруганий и оплевания. И Господь Бог помогает Мне; поэтому Я не стыжусь...

Близок оправдывающий Меня... Вот, Господь Бог помогает Мне: кто осудит Меня?

Вот, все они, как одежда, обветшают; моль съест их. Кто из вас боится Господа, слушается гласа раба Его? Кто ходит во мраке, без света, да уповает на имя Господа и да утверждается в Боге своем. Вот, все вы, которые возжигаете огонь... ² идите в пламень огня вашего и стрел, раскаленных вами! Это будет вам от руки Моей: в мучении умрете».

Ис. 51: «Послушайте Меня, стремитесь к правде, ищущие Господа! Взгляните на скалу, из которой вы иссечены, и в глубину рва, из которого вы извлечены. Посмотрите на Авраама, отца вашего, и на Сарру, родившую вас; ибо Я призвал его одного, и благословил его, и размножил его. Так, Господь утешит Сион... радость и веселие будет в нем.

Послушайте Меня, народ Мой и племя Мое, приклоните ухо ко Мне! ибо от Меня произойдет закон, и суд Мой поставлю на свет для народов».

Амос, 8: «Пророк, исчислив грехи Израиля, говорит, что Господь поклялся взыскать за них ³.

И будет в тот день, говорит Господь Бог: произведу закат солнца в полдень и омрачу землю среди светлого дня. И обращу праздники ваши в сетования, и все песни ваши — в плач.

И возложу на все чресла вретиче и плешь на всякую голову; и произведу в стране плач, как о единственном сыне, и конец ее будет — как горький день. Вот, наступают дни, говорит Господь Бог, когда Я пошлю на землю голод, — не голод хлеба, не жажду воды, но жажду слышания слов Господних. И будут ходить от моря до моря, и скитаться от севера к востоку, ища слова Господня, и не найдут его.

В тот день истаивать будут от жажды красивые девы и юноши, которые клянутся грехом Самарийским и говорят: «жив бог твой, Дан! и жив путь в Вирсавию!» — они падут и уже не встанут».

Амос 3. 2: «Только вас признал Я из всех племен земли...»

Дан. 12. 7, описав все царство Мессии, говорит: «По совершенном низложении силы народа святого все это совершится».

Аггей 2. 4 ⁴: «Кто остался между вами, который видел этот Дом в прежней его славе, и каким видите его теперь? Не есть ли он в глазах ваших как бы ничто? Но ободрись ныне, Зоровавель ⁵, говорит Господь, ободрись, Иисус, сын Иоседеков ⁶, великий иерей! ободрись, весь народ земли, говорит Господь, и производите работы, ибо Я с вами, говорит Господь Саваоф. Завет Мой, который Я заключил с вами при ишествии вашем из Египта, и дух Мой

пребывает среди вас: не бойтесь! Ибо так говорит Господь Саваоф: еще раз, — и это будет скоро, — Я потрясу небо и землю, море и сушу (иносказание, обозначающее великие и необыкновенные перемены); и потрясу все народы, — и придет Желаемый всеми народами, и наполню Дом сей славою, говорит Господь Саваоф.

Мое серебро и Мое золото, говорит Господь Саваоф (то есть не этим следует Меня чтить; как сказано в другом месте ⁷: «Все звери полевые — Мои; для чего предлагать их Мне в жертву?») Слава сего последнего храма будет больше, нежели прежнего, говорит Господь Саваоф; и на месте сем Я дам мир, говорит Господь Саваоф».

Втор. 18. 16: «Так как ты просил у Господа Бога твоего, при Хориве в день собрания, говоря: «да не услышу впредь гласа Господа Бога моего, и огня сего великого да не увижу более, дабы мне не умереть». И сказал мне Господь: хорошо то, что они говорили. Я воздвигну им Пророка из среды братьев их, такого как ты, и вложу слова Мои в уста Его, и Он будет говорить им все, что Я повелю Ему; а кто не послушает слов Моих, которые Пророк тот будет говорить Моим именем, с того Я взыщу».

Быт. 49: «Иуда! тебя восхвалят братья твои. Рука твоя на хребте врагов твоих; поклонятся тебе сыны отца твоего. Молодой лев Иуда, с добычи, сын мой, поднимается. Преклонился он, лег, как лев и как львица: кто поднимет его?»

Не отойдет скипетр от Иуды и законодатель от чресл его, доколе не придет Примиритель, и Ему покорность народов».

Серия XIII

484 (711). Предсказания отдельных событий.

Они были чужеземцами в Египте, не владея никаким имуществом ни в этой стране, ни в других.— (Не было ни малейших признаков ни того царства, которое так долго стояло впоследствии, ни того правящего совета из 70 судей, который они называли синедрионом и который, будучи основан Моисеем, просуществовал до времен Иисуса Христа. Все это было так далеко от их тогдашнего состояния, как только возможно), когда Иаков, умирая и благословляя двенадцать своих сыновей, объявляет им, что они будут владеть обширными землями, а колону Иудину предсказал особо, что цари, которые будут править ими, произойдут из его рода, и все его братья поклонятся ему. (И что Мессия, упование народов, родится от него, и что скипетр не отойдет от Иуды, ни законодатель и правитель от чресл его, доколе не придет долгожданный Мессия из его колена.)

Тот же Иаков распоряжается будущими землями, словно он им хозяин,

и дает Иосифу часть большую, чем другим. «Я даю тебе,— говорит он,— преимущественно перед братьями твоими, один участок», и, благословляя двоих сыновей Иосифа, Ефрема и Манассию, которых тот перед ним поставил, старшего, Манассию, справа, а младшего, Ефрема, слева, он перекрещивает руки, и, возложив правую руку на голову Ефрема, а левую на голову Манассии, он их так и благословляет; а когда Иосиф говорит ему, что он предпочел младшего, он отвечает с удивительной твердостью: «Знаю, сын мой, знаю, но Ефрем будет больше, чем Манассия», и это оказалось так верно впоследствии, что потомство его одного было почти столь же многочисленно, как полных два колена, составивших целое царство, и обычно их называют одним именем — Ефрем. Тот же Иосиф, умирая, закликает детей своих унести его кости с собой, когда они пойдут в ту землю, где будут только 200 лет спустя.

Моисей, который описал все это задолго до того, как оно случилось, сам определил каждому роду его часть этой земли перед тем, как они туда вошли, словно он был его хозяином. (И объявляет под конец, что Бог воздвигнет пророка из среды братьев их, которому он должен быть прообразом,— и возвещает им слова Господни и в точности предсказывает все, что случится с ними в той земле, куда они попадут после его смерти, победы, которые Бог им дарует, их неблагодарность к Богу, кары, что будут им за это ниспосланы, и все остальное в их судьбе.)

Он дает им судей, чтобы производить раздел. Он предписывает им все государственные установления, которые они будут соблюдать, укрепленные города, которые они построят, и т. д.

Серия XIV

485 (722). Даниил 2.

Тайны, о которой ты спрашиваешь, не могут тебе открыть ни мудрецы, ни гадатели.

(Должно быть, этот сон запал ему в душу.)

Но есть на небесах Бог, открывающий тайны; и Он открыл в твоём сне, что будет в последние дни.

А мне тайна сия известна не моей мудростью, но откровением Господа, Который открыл мне ее, чтобы показать тебе то, что будет.

Тебе, царь, было такое видение. Вот, какой-то большой истукан, огромный, стояя пред тобою, и страшен был вид его. Голова у него была из золота, грудь и руки — из серебра, чрево и бедра — медные, голени его железные, ноги его частью железные, частью глиняные.

Ты видел его, доколе камень не оторвался от горы без содействия рук, ударил в истукан, и железные и глиняные ноги его, и разбил их.

Тогда все вместе раздробилось: железо, глина, медь, серебро и золото сделались как прах; а камень, разбивший истукан, сделался великою горою и наполнил всю землю. Вот сон! А теперь я скажу тебе значение его.

Ты, величайший из царей, которому Бог даровал такую власть, что все народы страшатся тебя, ты — золотая голова истукана, которого ты видел.

Но после тебя восстанет другое царство, ниже твоего, и еще третье царство, медное, которое будет владычествовать над всею землею.

А четвертое царство будет крепко, как железо; ибо как железо разбивает и раздробляет все, так и оно, подобно всесокрушающему железу, будет раздроблять и сокрушать.

А что ты видел ноги и пальцы на ногах частью из глины горшечной, а частью из железа, то будет царство разделенное, и оно будет частью крепко, как железо, а частью хрупко, как глина.

Но как железо не смешивается с глиною, так те, кто представлен железом, и те, кто представлен глиною, не сольются, хотя и соединятся через семя человеческое.

И во дни тех царств Бог Небесный воздвигнет царство, которое вовеки не разрушится, и царство это не будет передано другому народу; оно сокрушит и разрушит все царства, а само будет стоять вечно. Так как ты видел, что камень отторгнут был от горы не руками и раздробил железо, глину, серебро и золото.

Бог дал тебе знать, что будет после сего. И верен этот сон, и точно истолкование его.

Тогда Навуходоносор пал на лице свое, и т. д.

Дан. 8.

Даниил видел бой овна с козлом, который его победил и стал властвовать над землей; когда его большой рог сломился, на место его вышли четыре, обращенные на четыре ветра небесных, от одного из них вышел небольшой рог, который разросся к югу и к востоку и к земле Израиля и вознесся до воинства небесного и низринул звезды и попрах их и даже поверг Вождя воинства сего, и отнята была у Него ежедневная жертва, и поругано было место святыни Его.

Вот какое видение увидел Даниил. Он искал значение его, и голос воззвал и сказал: «Гавриил! объясни ему это видение!» И Гавриил ему сказал:

Овен, которого ты видел, это цари Мидийский и Персидский, а козел — царь Греции, а большой рог, который между глазами его, это — первый ее царь.

Он сломился, и вместо него вышли другие четыре: это четыре царства восстанут из этого народа, но не с его силою.

Под конец же этих царств, когда возрастут беззакония, восстанет царь наглый и сильный, хотя не его силою, и будет успевать и действовать и губить народ святых, и, при уме его, и коварство будет иметь успех в руке его,

и погубит многих, и против Владыки восстанет, но будет сокрушен. И однако не рукою яростною.

Даниил 9. 20.

И когда я молился всем сердцем и исповедовал грехи мои и грехи народа моего, я повергал мольбу мою пред Господом, и вот, Гавриил, которого я видел прежде в видении, прилетев, коснулся меня около времени вечерней жертвы, и вразумлял меня и сказал: «Даниил! я исшел, чтобы научить тебя разумению с начала моления твоего. Я пришел открыть тебе, чего ты желаешь, ибо ты — муж желаний; итак, вникни в слово и уразумей видение. Семьдесят седьмин определены для народа твоего и святого города твоего, чтобы покрыто было преступление, запечатаны были грехи и заглажены беззакония, и чтобы приведена была правда вечная и исполнились видения и пророчества, и помазан был Святой святых. (После чего этот народ не будет больше Твоим народом и город этот — святым городом.— Время гнева пройдет, наступят лета благодати вовеки.)

Итак, знай и разумей: с того времени, как выйдет повеление о восстановлении Иерусалима, до Христа Владыки семь седьмин и шестьдесят две седмины (евреи обычно делили числа и меньшее ставили впереди; эти 7 и 62 дают 69 из 70. Следовательно, остается семидесятая, то есть последние семь лет, о которых он скажет после). Улицы и стены обстроятся в трудные времена. И по истечении 62 седьмин (которые последуют за семью первыми) предан будет смерти Христос (Христос будет предан смерти после 69 седьмин, то есть в последнюю седмины) и придет народ со своим вождем и разрушит город и святилище и будет как наводнение и конец войны довершит опустошение.

И одна седмины (остающаяся семидесятая) утвердит завет для многих, а половина седмины (то есть последние три с половиной года) прекратит жертву и приношение, и сделает удивительной мерзость запустения, и она распространится и продлится даже для тех, кто ей удивлялся, и до окончательной гибели.

Даниил 11.

Ангел сказал Даниилу: еще три царя (после Кира, при котором это было написано) восстанут в Персии (Камбиз, Смердис, Дарий); потом четвертый (Ксеркс) превзойдет всех богатством и силой и поднимет всех против царства Греческого.

И восстанет царь могущественный (Александр), чья держава будет весьма обширна и который будет действовать по своей воле; но когда царство его установится, оно разрушится и разделится по четырем ветрам небесным (как он уже говорил раньше — VII. 6, VIII. 8) и не к потомкам его перейдет, и не с тою властью, с какою он владычествовал; ибо раздробится царство его и достанется другим, кроме этих (четыре главных наследников).

И тот из наследников (Птолемей, сын Лага), кто будет царствовать на юге (в Египте), усилится, но другой (Селевк, царь Сирийский) пересилит его, и царство его будет великое царство. (Аппион ¹ говорит, что это был самый могущественный из наследников Александра.)

Но чрез несколько лет они сблизятся, и дочь южного царя (Береника, дочь, Птолемея Филадельфа, сына другого Птолемея) придет к царю северному (к Антиоху Теосу, царю Сирии и Азии, племяннику Селевка Лагида), чтобы установить мир между этими царями.

Но ни она, ни потомство ее не будут властвовать долго, ибо она и те, кто послали ее, и рожденные ею и помогавшие ей будут преданы смерти. (Береника и ее сын были убиты Селевком Каллиником.)

Но восстанет отрасль от корня ее (Птолемей Эвергет родится от одного отца с Береникой), и войдет с сильным войском в землю царя северного, и там покорит себе все, и увезет в Египет богов их и князей их, золото их и серебро их и все их драгоценности, и на несколько лет царь северный будет бессилен против него. (Если бы его не отозвали в Египет домашние заботы, он разорил бы Селевка еще успешнее, говорит Юстин ².)

И он возвратится в свою землю, но сыновья другого (Селевк Керавн, Антиох Великий) раздражатся и соберут многочисленное войско.

И войско их пойдет и сокрушит все; и раздражится южный царь (Птолемей Филопатор) и тоже выставит большое войско и сразится с ним (с Антиохом Великим) и победит его (при Рафии ³). И войско его станет наглым, и сердце царя вознесется (этот Птолемей осквернил храм. Иосиф.), он низложит многие тысячи, но от этого не будет сильнее.

Ибо царь северный (Антиох Великий) возвратится и выставит войско больше прежнего. (В царствование юного Птолемея Эпифана.) В те времена многие восстанут против южного царя, и даже отступники (те, кто изменил своей религии, чтобы угодить Эвергету, когда он послал войско в Скопас), мятежные из сынов твоего народа поднимутся, чтобы исполнилось видение, и падут. (Антиох вернет себе Скопас и разобьет их.)

И царь северный разрушит валы и укрепленные города, и у юга не останется силы противостоять.

И все будут действовать по воле его; он остановится на земле Израиля, и она не устоит перед ним.

И вознамерится он стать господином всего египетского царства (не пощадив юности Эпифана, говорит Юстин).

И для того он заключит с ним союз, и отдаст ему дочь свою. (Клеопатру, чтобы она предала своего мужа. Аппион замечает по этому поводу, что, не решаясь завладеть Египтом силой, так как ему покровительствовали римляне, он пытался совершить это хитростью.) Он пожелает ее совратить, но она не исполнит его намерений.

Потом он обратит лице свое к островам (то есть прибрежным землям) и овладеет многими (как говорит Аппион).

Но великий вождь воспротивится его завоеваниям и прекратит нанесенный им позор, который на него обратится (Сципион Африканский, который остановит продвижение Антиоха Великого, ибо тот оскорблял римлян в лице их союзников).

Он вернется затем в свою землю и там падет, и не станет его. (Он был убит своими.)

На место его восстанет некий тиран (Селевк Филопатор или Сотер, сын Антиоха Великого), который обложит податями славу царства, то есть народ, но и он после немногих дней погибнет, и не от возмущения и не в сражении.

И восстанет на место его презренный и недостойный царских почестей; но он придет без шума и лестью овладеет царством.

Все полчища дрогнут перед ним. Он их сокрушит, даже и того вождя, с кем вступит в союз, ибо после того будет действовать обманом, и взойдет с малым народом в страны мирные и безбоязненные, он возьмет лучшие крепости и совершит то, чего не делали отцы его, и разоряя все вокруг, будет иметь великие замыслы, но только до времени.

25.

Серия XV

486 (682). Ис. I. 21. Превращение добра во зло и отмщение Господне.

Is. 10. I. Vae qui condunt leges iniquas.

Is. 26. 20. Vade populus meus intra in cubicula tua, claude ostia tua super te, abscondere modicum ad momentum donec pertranseat indignatio.

Is. 28. I. Vae coronae superbiae.

Чудеса. Luxit et elanguit terra.

Confusus est libanus et obsorduit, etc. Is. 33. 9.

Nunc consurgam, dicit dominus, nunc exaltabor, nunc sublevabor. I.

Omnes gentes quasi non sint. Is. 40. 17.

Quis annuntiavit ab exordio ut sciamus et a principio ut dicamus: justus es. Is. 41. 26.

Operabor et quis avertet illud. Is. 43. 13.

Neque dicet forte mendacium est in dextera mea. Is. 44. 20.

Memento horum Jacob et Israel quoniam servus meus es tu. Formavi te, servus meus es tu Israel, ne obliviscaris mei.

Delevi ut nubem iniquitates tuas et quasi nebulam peccata tua, revertere ad me quoniam redemi te. 44. 21. etc.

Laudate caeli quoniam misericordiam fecit dominus... quoniam redemit dominus Jacob et Israel gloriabitur.

Haec dicit dominus redemptor tuus ex utero, ego sum dominus, faciens omnia, extendens caelos solus, stabiliens terram, et nullus mecum. 44. 23. 24.

In momento indignationis abscondi faciem meam parum per a te et in misericordia sempiterna misertus sum tui, dixit redemptor tuus dominus. Is. 54. 8.

Qui eduxit ad dexterum Moysen brachio majestatis suae, qui scidit aquas ante eos ut faceret sibi nomen sempiternum. Is. 63. 12.

Sic adduxit populum tuum ut faceres tibi nomen gloriae. 14.

Tu enim pater noster et Abraham nescivit nos, et Israel ignoravit nos. Is. 63. 16.

Quare indurasti cor nostrum ne timeremus te. Is. 63. 17.

Qui sanctificabantur et mundos se putabant... simul consumerentur dicit dominus. Is. 66. 17.

Et dixisti absque peccato et innocens ego sum. Et propterea avertatur furor tuus a me.

Ecce ego iudicio contendam tecum eo quod dixeris, non peccavi. Jer. 2. 35.

Sapientes sunt ut faciant mala, bene autem facere nescierunt. Jer. 4. 22.

Aspexi terram et ecce vacua erat, et nihili, et caelos et non erat lux in eis.

Vidi montes et ecce movebantur et omnes colles conturbati sunt; intuitus sum et non erat homo et omne volatile caeli recessit. Aspexi et ecce Carmelus desertus et omnes urbes ejus destructae sunt a facie domini et a facie viae furoris ejus.

Haec enim dicit dominus, deserta erit omnis terra sed tamen consummationem non faciam.— Jer. 4. 23, etc.

Ego autem dixi forsitan pauperes sunt et stulti ignorantes viam domini
judicium dei sui.

Ibo ad optimates et loquar eis. Ipsi enim cognoverunt viam domini.

Et ecce magis hi simul confugerunt jugum, ruperunt vincula.

Idcirco percussit eos leo de silva pardus vigilans super civitates eorum. Jer. 5. 4.

Numquid super his non visitabo dicit dominus, aut super gentem hujuscemodi
non ulciscetur anima mea. Jer. 5. 29.

Stupor et mirabilia facta sunt in terra.

Prophetae prophetabant mendacium et sacerdotes applaudebant manibus et
populus meus dilexit talia, quid igitur fiet in novissimo ejus.— Jer. 6. 16.

Наеc dicit dominus, state super vias et videte et interrogate de semitis antiquis,
quae sit via bona et ambulate in ea et invenientis refrigerium animabus vestris, et
dixerunt non ambulabimus.

Et constitui super vos speculatores audite vocem tubae, et dixerunt non
audiemus.

Audite gentes quanta ego faciam eis audi terra ecce ago adducam mala, etc.
Jer. 6. 16.

Надежда на внешние обряды. Иер. 7. 14.

Faciam domui huic in qua invocatum est nomen meum et in qua vos habetis
fiduciam et loco quem dedi vobis et patribus vestris sicut feci silo.

Tu ergo noli orare pro populo hoc.

Главное не в жертвоприношениях видимых.

Quia non sum locutus cum patribus vestris et non praecepi eis in die qua eduxi
eos de terra Egypti de verbo holocaustatum et victimarum.

Sed hoc verbum praecepi eis dicens, audite vocem meam et ero vobis deus et
vos eritis mihi populus et ambulate in omni via quam mandavi vobis, ut bene sit
vobis, et non audierunt.

Множество учений.

Secundum numerum enim civitatum tuarum erant dei tui Juda et secundum
numerum viarum Jerusalem posuisti aras confusionis, tu ergo noli orare pro populo
hoc. Jer. 11. 13.

Non prophetabis in nomine domini et non morieris in manibus nostris.

Propterea hae dicit dominus. Jer. 11. 21.

Quod si dixerint ad te, quo egrediemur? dices ad eos, haec dicit dominus, qui
ad mortem ad mortem, et qui ad gladium ad gladium, et qui ad famem ad famem,
et qui ad captivitatem ad captivitatem. Jer. 15. 2.

Pravum est cor omnium et incrustabile, quis cognoscet illud?

(То есть: кто узнает всю его испорченность сполна; а что оно испорчено,
уже известно.)

Ego dominus scrutans cor et probans renes. Jer. 17. 9.

Et dixerunt venite et cogitemus contra Jeremiam cogitationes, non enim peribit lex a sacerdote neque sermo a propheta.

Non sis tu mihi formidini, tu spes mea in die afflictionum. Jer. 17. 17.

A prophetis enim Jerusalem egressa est pollutio super omnem terram. Jer. 23. 15.

Dicunt his qui blasphemant me: locutus est dominus, pax erit vobis et omni qui ambulat in pravitate cordis sui dixerunt: non veniet super vos malum.— Jer. 23. 17¹.

Серия XVI

487 (727). При жизни Мессии.

Aenigmatis¹. Иезек. 18.

Его предшественник. Малахия 2.

Младенец родится нам. Ис. 9.

Он родится в Вифлееме. Мих. 5. Он явится главным образом в Иерусалиме и родится в доме Иудином и Давидовом.

Он ослепит мудрецов и книжников. Ис. 6 — Ис. 8. 29 — Ис. 29 — Ис. 61 и будет благовествовать бедным и малым, открывать глаза слепым и исцелять увечных — и приводить к свету тех, кто томится во тьме. Исаия 61.

Он будет наставлять на путь совершенный, и наставником будет народам. Ис. 55—42. I. 7.

Пророчества должны быть непонятны нечестивым. Дан. 12.— Осия, конец 10, но понятны мудрым.

В тех же пророчествах, где Он предстает нищим, Он предстает царем народов. Ис. 52. 16 и т. д. 53.— Зах. 9. 9.

Пророчества, предсказывающие время, предсказывают только, что Он будет царем народов и будет страдать, но не что Он будет на небесах и судьей. А те, что предсказывают Его вершащим суд и во славе, не называют времени.

Что Он должен быть жертвой за грехи мира. Ис. 39. 53 и т. д.

Что Он должен быть камнем краеугольным и драгоценным. Ис. 28. 16.

Что Он должен быть камнем преткновения и скалою соблазна. Ис. 8.

Иерусалим должен был преткнуться на этом камне.

Строители должны отвергнуть этот камень. Пс. 117. 22.

Бог сделает этот камень главою угла.

И камень этот должен сделаться великою горою и наполнить всю землю. Дан. 2.

Что Его отвергнут, не узнают, предадут. 108. 8.

Продадут. Зах. 11. 12., будут плевать Ему в лицо и бить по ланитам, насмехаться над Ним и злословить Его всяко, напоят желчью, Пс. 60 (72), пронзят копьем. Зах. 12, пригвоздят руки и ноги, убьют, поделают ризы Его и об одежде Его бросят жребий. Пс. (22).

487 (761). Иудеи, убив Его, чтобы не признавать Его за Мессию, наложили на Него последнюю печать Мессии.

И продолжая не признавать Его, они сделали свидетелями безупречными. И убив Его и продолжая отвергать Его, они исполнили пророчества.

488 (727). Что Он воскреснет. Пс. 15. на третий день. Осия 6. 3.

Что Он вознесется на небо и сядет одесную, Пс. 110.

Что цари восстанут против Него. Пс. 2.

Что сядя одесную Отца, Он победит врагов Своих.

Что цари земли и все народы поклонятся Ему. Ис. 60.

Что иудеи выживут как народ. Иер.

Что они будут скитаться без царя, и т. д. Ос. 3.

Без пророков. Амос.

Ожидая спасения и не обретая его. Ис.

И.Х. призовет народы.— Ис. 52. 15.

Ис. 55.

Ис. 60.

Пс. 71.

Ос. 1. 9. Вы не Мой народ, и Я не буду вашим Богом, после того как вы будете умножены в рассеянии. Там, где говорили им: «вы не Мой народ», Я назову их Моим народом.

Серия XVII

489 (713). Пленение иудеев без возврата.

Иер. 11. 11. Я нашлю на Иуду бедствие, от которого они не смогут избавиться.

Иносказания.

У Господа был виноградник, от которого Он ожидал, что он принесет хорошие грозды, а он принес дикие ягоды. И зарастет он тернами, и повелю облакам не...

Ис. 5. 8. Виноградник Господа Саваофа есть дом Израилев, и мужи

Иуды — любимое насаждение Его. И ждал Он правосудия, но вот — кровопролитие.

Ис. 8.

«Господа Саваофа — Его чтите свято, и Он — страх ваш, и Он — трепет ваш! И будет Он освящением и камнем преткновения и скалою соблазна для обоих домов Израиля, петлею и сетью для жителей Иерусалима.

И многие из них преткнутся, и упадут, и разобьются, и запутаются в сети, и будут уловлены.

Завяжи свидетельство, и запечатай откровение при учениках Моих».

Итак, я надеюсь на Господа, сокрывшего лице Свое от дома Иаковлева, и уповаю на Него.

Ис. 29. Изумляйтесь и дивитесь, сыны Израиля, пьянейте, шатайтесь, но не от вина, ибо навел на вас Господь дух усыпления, и сомкнул глаза ваши, пророки, и закрыл ваши головы, прозорливцы.

Даниил 12. Не уразумеет сего никто из нечестивых, а мудрые уразумеют.

Осия, последняя глава, последний стих, после многих земных благословений говорит: кто мудр, чтобы разуметь это? И т. д.

И всякое пророчество для вас то же, что слова в запечатанной книге, которую подают умеющему читать книгу и говорят: «прочитай ее»; и тот отвечает: «не могу, потому что она запечатана». И передают книгу тому, кто читать не умеет, и говорят: «прочитай ее»; и тот отвечает: «я не умею читать».

И сказал Господь: так как этот народ приближается ко Мне устами своими, сердце же его далеко отстоит от Меня, и благоговение их предо Мною есть изучение заповедей человеческих, то вот (причина и объяснение, ибо если бы они чтили Меня сердцем, то понимали бы пророчества.

И посему) Я еще необычайно поступаю с этим народом, чудно и дивно, так что мудрость мудрецов его погибнет, и разума у разумных его не станет ¹.

Пророчества — доказательства божественности. Ис. 41.

Если вы боги, приблизьтесь и скажите, что произойдет в будущем, и мы вникнем умом своим. Возвестите нам, что было прежде, и предреките нам, что должно случиться.

И мы будем знать, что вы боги; сделайте что-нибудь, доброе ли, худое ли, если можете, чтобы мы изумились и вместе с вами увидели.

Но вы — ничто, вы — мерзость, и т. д.

Кто из вас возвестил об этом изначала, чтобы нам знать, и задолго пред тем, чтобы нам можно было сказать: «правда»? Но никто не сказал, никто не возвестил ².

Ис. 42. Я Господь, и не дам славы Моей иному. Вот, предсказанное прежде сбылось, и новое Я возвещу. Пойте Господу новую песнь от концов земли.

Выведи народ слепой, хотя у него есть глаза, и глухой, хотя у него есть уши.

Пусть все народы соберутся вместе. Кто между ними и богами их возвестил, что было изначала, и предсказал, что будет? Пусть представят свидетелей от себя, и оправдаются, или пусть слушают Меня и скажут: «правда!»

А Мои свидетели, говорит Господь, вы и раб Мой, которого Я избрал, чтобы вы верили, что это Я.

Я предрек, и спас, Я один сотворил эти чудеса пред глазами вашими; вы — свидетели Мои, говорит Господь, что Я — Бог.

Ради вас Я послал в Вавилон и сокрушил все запоры. Я Господь, Святый ваш, Творец Израиля.

Открывший в море дорогу, в сильных водах стезю, сокрушивший и потопивший всех врагов могущественных, стоявших против вас. Но вы не вспоминаете прежнего, и о древнем не помышляете.

Вот, Я делаю новое; ныне же оно явится. Вы это узнаете. Я сделаю пустыни обитаемыми и цветущими.

Этот народ Я образовал для Себя; он будет возвещать славу Мою, и т. д.

Я, Я Сам изглаживаю преступления твои ради Себя Самого, и грехов твоих не помяну, ибо — чтобы вы вспомнили о своей неблагодарности, чтобы видеть, сможете ли вы оправдаться. Праотец твой согрешил, и ходатаи твои все отступили от Меня ³.

Ис. 44. Так говорит Господь: Я первый, и Я последний, и кроме Меня нет Бога. Ибо кто как Я? Пусть он в порядке представит все с того времени, как Я устроил народ древний, или пусть возвестит наступающее и будущее.

Не бойтесь и не страшитесь. Не издавна ли Я возвестил тебе и предсказал? И вы Мои свидетели.

Предсказание о Кире.

Ради Иакова, избранного Моего, Я назвал тебя по имени.

Ис. 45. 21. Придите, и посоветуемся между собою. Кто возвестил это из древних времен, наперед сказал это? Не Я ли, Господь?

Ис. 46. Вспомните прежде бывшее и знайте, что нет подобного Мне. Я возвещаю от начала, что будет в конце, и от древних времен то, что еще не сделалось. Мой совет состоится, и все, что Мне угодно, Я сделаю.

Ис. 48. 3. Прежнее Я задолго объявлял, и все сбывалось. Все сбывалось так, как Я возвещал, ибо Я знал, что ты упорен, и сердце твое жестоко, и лоб бесстыден. Поэтому Я объявлял тебе задолго, прежде нежели это приходило, чтобы ты не сказал: «идол мой сделал это, и истукан мой повелел этому быть».

Вы видели, как сбылось предсказанное; и неужели вы не признаете этого? А ныне Я возвещаю тебе новое и сокровенное, и ты не знал этого. Я скрывал это от тебя, чтобы ты не хвалился, что сам это предвидел.

Ты и не слышал, и не знал об этом, и ухо твое не было открыто; ибо Я знал, что ты поступишь вероломно, и от самого чрева матерного ты прозван отступником. Ис. 65.

Осуждение иудеев и обращение язычников.

Меня нашли не искавшие Меня: «вот Я! вот Я!» говорил Я народу, не призывавшему имени Моего.

Всякий день простирал Я руки Мои к народу непокорному, ходившему путем недобрым, по своим помышлениям, к народу, который постоянно оскорбляет Меня своими беззакониями пред лицом Моим, приносит жертвы идолам, и т. д.

Они рассеются как дым в день гнева Моего, и т. д.

Я соберу беззакония ваши и отцов ваших и воздам по делам вашим.

Так говорит Господь: ради рабов Моих не погублю всего Израиля. Но сохраню некоторых, как сохраняют сок в виноградной кисти, когда говорят: «не повреди ее, ибо в ней благословение».

И произведу от Иакова семя, и от Иуды — наследника гор Моих, и наследуют избранные Мои поля тучные и пастбища обильные.

А всех прочих, которые оставили Господа и служат богам чужим, Я истреблю. Я звал — и вы не отвечали, говорил — и вы не слушали, и избирали то, что было неугодно Мне.

Посему так говорит Господь Бог: вот, рабы Мои будут есть, а вы будете голодать. Рабы Мои будут веселиться, а вы будете в стыде. Рабы Мои будут петь от сердечной радости, а вы будете кричать от сердечной скорби и рыдать от сокрушения духа.

И оставите имя ваше избранным Моим для проклятия. И убьет тебя Господь Бог, а рабов Своих назовет иным именем, которым кто будет благословлять себя на земле, будет благословляться Богом истины, и т. д.

Потому что прежние скорби будут забыты.

Ибо вот, Я творю новое небо и новую землю, и прежние уже не будут воспоминаемы и не придут на сердце.

А вы будете веселиться и радоваться вовеки о том, что Я творю: ибо вот, Я творю Иерусалим веселием и народ его радостью. И буду радоваться об Иерусалиме и веселиться о народе Моем; и не услышится в нем более голос плача и голос вопля.

И будет, прежде нежели они воззовут, — Я отвечу; они еще будут говорить, и Я уже услышу. Волк и ягненок будут пастись вместе, и лев, как вол, будет есть солому, а для змеи прах будет пищею: они не будут причинять зла и вреда на всей святой горе Моей.

Ис. 56.

(Так говорит Господь: сохраняйте суд и делайте правду; ибо близко спасение Мое и откровение правды Моей.

Блажен муж, который делает это, который хранит субботу от осквернения и оберегает руку свою, чтобы не сделать никакого зла.)

Да не говорит сын иноплеменика, присоединившийся к Господу: «Господь совсем отделил меня от Своего народа».

Ибо Господь говорит так: которые хранят Мои субботы, и избирают угодное Мне, и крепко держатся завета Моего, тем дам Я место в доме Моем и имя лучшее, нежели сыновьям и дочерям; дам им вечное имя, которое не истребится.

За беззакония наши правосудие не достигает нас; ждем света, и вот тьма,— озарения, и ходим во мраке.

Осызаем как слепые стену, спотыкаемся в полдень, как в сумерки, между живыми — как мертвые.

Все мы ревим, как медведи, и стонем, как голуби; ожидаем чуда, и нет его,— спасения, но оно далеко от нас.

Ис. 66. 18.

Ибо Я посетую деяния их и мысли их; и вот, Я приду собрать все народы и языки, и они увидят славу Мою.

И положу на них знамение, и пошлю из спасенных от них к народам: в Африку, в Лидию, в Италию, в Грецию, к народам, которые не слышали обо Мне и не видели славы Моей. И они приведут братьев ваших.

Осуждение храма.

Иер. 7.

Пойдите же в Силом, где Я прежде назначил пребывать имени Моему, и посмотрите, что сделал Я с ним за нечестие народа Моего. Я отверг его и воздвиг Себе храм в другом месте.

И ныне, говорит Господь, так как вы делаете все эти дела, то Я так же поступаю с домом сим, на котором наречено имя Мое, на который вы надеетесь, и с местом, которое Я дал отцам вашим, как поступил с Силомом.

И отвергну вас от лица Моего, как отверг всех братьев ваших, все семья Ефремово.

Ты же не проси за этот народ.

Иер. 7. 22. Для чего вам прилагать всесожжения к всесожжениям? Отцам вашим Я не говорил и не давал им заповеди в тот день, в который Я вывел их из земли Египетской, о всесожжении и жертве. Но такую заповедь дал им: слушайте гласа Моего, и Я буду вашим Богом, а вы будете Моим народом.

(Лишь после того, как они стали приносить жертвы золотым тельцам, Я заповедал им всесожжения, чтобы обратить во благо дурной обычай.)

Иер. 7. Не надейтесь на обманчивые слова: «здесь храм Господень, храм Господень, храм Господень», они...

Серия XVIII

490 (721). Нет у нас царя кроме кесаря.

491 (439). Испорченная природа.
Человек не действует согласно разуму, который есть его существо.

492 (630). Чистосердечие иудеев.
С тех пор, как у них нет пророков. Маккав.
После пришествия И.Х. Массор.
Эта книга будет вам свидетельством.
Недостающие и заключительные письма.

Чистосердечные даже в ущерб своей чести и умирающие за это. Такому нет ни примера на свете, ни корня в природе.

493 (714). Исполнившиеся пророчества.
3 Цар. 13. 2.
4 Цар. 23. 16.

Нав. 6. 26.— 3 Цар. 16. 34.— Втор. 33.

Мал. I. 11. Осуждение жертвоприношений иудейских и жертвы язычников (даже вне Иерусалима) и повсюду.

Моисей перед смертью предсказывает собрание народов. 32. 21. И осуждение иудеев.

Моисей предсказывает будущее каждому колену.

494 (714). Иудеи свидетели Бога. Ис. 43. 9. 44. 8.

495 (641). Народ этот, очевидно, создан для того, чтобы служить свидетелем Мессии. Ис. 43. 9. 44. 8. Он несет книги и любит их и не понимает их. И все это было предсказано; что слова Божии будут им доверены, но как книга запечатанная.

496 (714). Ожесточили их сердца. Каким же образом? Потакая их похоти и внушая им надежду, что они смогут ее улажить.

497 (714). Пророчество.

Имя ваше будет проклято избранными Моими, и Я дам им другое имя.

498 (715). Пророчество.

Амос и Захария. Они продали праведника, и за это никогда не будут возвращены из плена.

Предали И.Х.

Не будет больше воспоминания о Египте.

Смотрите Ис. 43. 16. 17. 18. 19. Иер. 23. 6. 7.

Пророчество.

Иудеи распространятся повсюду. Ис. 27. 6.

Новый закон. Иер. 31. 32.

Два храма славы. И.Х. придет. Агг. 2. 7. 8. 9. 10. Малахия. Гроций ¹.

Собирание народов. Иоиль 2. 28. Осия 2. 24. Втор. 32. 21. Мал. I. 11.

499 (792). Кто из людей был более славен.

Весь народ иудейский предсказывает Его до пришествия. Народы языческие поклоняются Ему после пришествия.

И народ иудейский, и народы языческие видят в Нем средоточие свое.

И однако, кто из людей так пренебрегает славою.

Из 33 лет 30 Он живет в неизвестности. Три года Он слывет обманщиком. Священники и начальники отвергают Его. Друзья и самые близкие Его презирают; наконец Он умирает: свои Его предают, тот, другой, отрекается, и все Его покидают.

Что Ему от этой славы? Никогда человек не имел более славы, никогда человек не имел более поношения. Вся эта слава нужна была только нам, чтобы мы могли узнать Его, а Себе Он не взял ничего.

Серия XIX

500 (700). Как прекрасно взглянуть глазами веры на историю Ирода или Цезаря.

501 (659). Иносказания.

Чтобы доказать, что Ветхий Завет иносказателен — и только иносказателен. Для этого I. что это было бы недостойно Бога; 2. что их речи очень ясно выражают обещание земных благ, а в то же время они говорят, что речи их

темны и что смысл их непонятен. Откуда следует, что этот тайный смысл — вовсе не тот, который они выражают открыто, а значит, они подразумевали другие жертвы, другого Избавителя и т. д. Они говорят, что поймут их только в конце времен. Иер. 33. посл.

Второе доказательство в том, что речи их противоречивы и опровергают самих себя. Так что если предположить, что под словами «закон» и «жертва» они не имели в виду ничего иного, кроме закона и жертвы Моисеевых, то тут будет явное и грубое противоречие; следовательно, они имели в виду нечто другое, противореча себе иной раз в одной и той же главе.

А чтобы понимать смысл какого-либо автора...

502 (571). Зачем иносказания.

(Они должны были иметь дело с народом плотским и сделать его хранителем завета духовного.)

Чтобы внушить веру в Мессию, нужны были давние пророчества, которые были бы сделаны людьми безупречными, особенно усердными и благочестивыми и ревностными в вере и известными по всей земле.

Чтобы все это совершилось, Господь избрал плотский народ и отдал ему на хранение пророчества, предсказывающие Мессию, который должен освободить нас и избавить от плотских благ, любимых этим народом.

Он особо пекся о своих пророках и указывал всем на эти книги, предсказывающие нашего Мессию, уверяющие все народы, что Он придет, и придет так, как это предсказано в книгах, которые они держали открытыми перед всеми. И так этот народ, обманутый пришествием Мессии в бедности и унижении, стал самым жестоким Его врагом. И вот он, этот народ, которого меньше всех других на свете можно заподозрить в благосклонности к нам, самый неукоснительный и ревностный, как только возможно, в исполнении своих законов и в почитании своих пророков, которых он проносит с собой в чистоте.

Так что те, кто отвергли и распяли Иисуса Христа, который был для них соблазном,— это те же, кто несет книги, свидетельствующие о Нем; они подтвердили, что это Он, тем, что отвергли Его; Его равно доказывают и праведные иудеи, принявшие Его, и неправедные, Его отвергнувшие,— и то, и другое было предсказано.

Для того-то и имеют эти пророчества смысл скрытый, духовный, которому этот народ враждебен, таящийся за смыслом плотским, которому он дружествен. Если бы смысл духовный был открыт, они были бы не способны его любить и не могли бы нести его, не хранили бы ревностно свои книги и свои обряды; а если бы они полюбили это обетование духовное и сохранили бы его в чистоте до пришествия Мессии, их свидетельство не имело бы силы, потому что они были бы ему дружественны.

Вот почему хорошо, что смысл духовный был сокрыт, но, с другой стороны, если б он был сокрыт так, что не являлся бы вовсе, то не мог бы служить доказательством Мессии. Что же было сделано?

Он был сокрыт за смыслом земным во множестве мест и ясно открыт в других, а кроме того время и мирские обстоятельства были предсказаны так ясно, что они яснее света, и этот духовный смысл так прямо объяснен в нескольких местах, что нужно впасть в ослепление, подобное тому, которое плоть насылает на покорный ей разум, чтобы этого не понять.

Вот как поступил Господь. Этот смысл сокрыт за другим во множестве мест, а открывается изредка, в немногих местах, но зато таким образом, что те места, где он сокрыт, многосмысленны и могут быть истолкованы в двух значениях, тогда как те, где он открывается, просты и могут быть истолкованы только в духовном смысле.

Так что это не могло вводить в заблуждение, и был лишь один народ, настолько плотский, что мог в этом ошибиться.

Ведь когда им было обещано изобилие благ, что мешало им понимать под этим истинные блага, как не их похоть, истолковавшая эти обещания в смысле благ земных? Но те, для кого все блага заключались только в Боге, связывали их единственно с Богом.

Ибо есть два начала, по-разному определяющие волю человеческую: похоть и любовь. Это не значит, что похоть несоединима с верой в Бога, а любовь — с благами земными; но похоть использует Бога и наслаждается мирскими благами, а любовь — наоборот.

А дает имена вещам главная цель; все, что мешает нам ее достичь, называется врагом. Так те создания, пусть даже добрые, которые отвращают праведников от Бога, будут им врагами, и сам Бог — враг для тех, чьим страстям Он чинит препону.

Итак, употребление слова «враг» зависит от главной цели. Праведники понимали под ним свои страсти, а люди плотские — вавилонян; такие выражения были темны только для нечестивых.

Это и говорит Исаия: *signa legem in electis meis* ¹.

И что И.Х. будет скалою соблазна, но блаженны те, которые не соблазняются о Нем.

Осия, посл., прекрасно это сказал: Кто мудр, чтобы разуметь это? Праведники уразумевают, ибо правы пути Господни, но беззаконные падут на них.

503 (675). ...падут. И однако этот Завет, написанный для того, чтобы ослепить одних и просветить других, запечатлевает даже в ослепленных ту

истину, которая должна быть познана другими. Ведь те видимые блага, которые они получали от Бога, были столь велики и необыкновенны, что становилось ясно — Он может дать им и блага невидимые, и Мессию.

Ибо природа — образ благодати, а чудеса видимые — образ невидимых, ut sciat, tibi dico surge ¹.

Ис. 51 говорит, что искупление будет подобно переходу через Красное море.

Бог показал на исходе из Египта, на переходе через море, на поражении царей, на манне, на всем роде Авраамовом, который Он мог спасти, на хлебе, посланном с неба, что этот враждебный народ есть образ и представление того самого Мессии, Которого они не познали... и т. д.

Наконец, Он дал нам понять, что все это — не более чем образы и что истинно свободные, истинные израильтяне, истинное обрезание, истинный хлеб с неба и т. д.

Киркерус — Уссерий ².

В этих обещаниях каждый находит то, что лежит в глубине его сердца,— блага земные или блага духовные, Бога или Его тварей, только с той разницей, что те, кто ищут тварей, их находят, но со множеством противоречий, с запретом их любить, с заповедью поклоняться только Богу и любить только Его (что одно и то же), и для них Мессия не пришел; тогда как те, кто ищут Бога, находят Его, и без всяких противоречий, с заповедью любить только Его, и Мессия пришел в предсказанное время, чтобы дать им те блага, которых они ищут.

Итак, у иудеев были чудеса, пророчества, исполнившиеся на их глазах, и учение их закона требовало поклоняться только Богу и любить только Его. Потому закон этот вечен. Он имеет все признаки истинной религии. Таков он и был, но надо отличать учение иудеев от учения закона иудейского. А учение иудеев не истинно, хотя у него и есть чудеса, пророчества и непрерывность, потому что в нем нет другой заповеди — поклоняться только Богу и любить только Его.

Серия XX

504 (260). Они прячутся в толпе и сзывают людей себе на помощь. Суматоха.

505 (260). Авторитет. Услышанные вами от кого-то слова вовсе не должны непременно вызывать ваше доверие; вы ни во что не должны верить, пока не представите себе, будто никогда этого не слышали.

Вы должны верить тому, в чем согласны сами с собой и с неизменным голосом вашего разума, а не с другими.

Так важно верить.

Сто противоречий оказались бы истиной.

Если бы древность сама по себе была правилом для веры, то древние не имели бы правил.

Если бы всеобщее согласие, если бы люди погибли.

Ложное смирение, гордыня.

Кара грешникам — заблуждение.

Поднимите завесу.

Все напрасно для вас, если нужно либо верить, либо отрицать, либо сомневаться.

Значит, у нас не будет правил?

Мы судим о животных, что они хорошо делают свое дело; не получим ли мы правил, как судить о людях?

Отрицание, вера и сомнение для человека то же самое, что бег для лошади.

506 (90). *Quod crebro videt non miratur etiamsi cur fiat nescit; quod ante non viderit id si evenerit ostentum esse censet. Cic* ¹.

Nae iste magno conatu magnas nugas dixerit. Terent ².

506 (87). *Quasi quicquam infelicius sit homine cui sua figmenta dominantur. Plin* ³.

507 (363). *Ex senatusconsultis et plebiscitis scelera exercentur. Sen* ¹.

Nihil tum absurde dici potest quod non dicatur ab aliquo philosophorum ².

Quibusdam destinatis sententiis consecrati quae non probant coguntur defendere. Cic ³.

Ut omnium rerum sic litterarum quoque intemperantia laboramus. Senec ⁴.

Id maxime quemque decet quod est cujusque suum maxime ⁵.

Hos natura modos primum dedit. Georg ⁶.

Paucis opus est litteris ad bonam mentem ⁷.

Si quando turpe non sit tamen non est non turpe quum id a multitudine laudetur ⁸.

Mihi sic usus est, tibi ut opus est facto fac. Ter ⁹.

508 (364). Rarum est enim ut satis se quisque vereatur ¹.

Tot circa unum caput tumultuantes deos ².

Nihil turpius quam cognitioni assertionem praecurrere. Cic ³.

Nec me pudet ut istos, fateri nescire quod nesciam ⁴.

Melius non incipient ⁵.

Серия XXI

509 (49). Прикрывать природу, наряжать ее. Не король, папа, епископ, но августейший монарх, и т. д. Не Париж, но столица королевства.

Есть случаи, когда нужно называть Париж Парижем, а есть такие, когда нужно называть его столицей королевства.

510 (2). Чем умнее человек, тем больше он видит разнообразия в людях. Для человека недалекого все люди одинаковы.

511 (2). Разные виды здравомыслия: одни годятся для определенного порядка вещей, но не для другого, в котором они сбивают с толку.

Одни делают верные заключения из малого числа правил, и это здравомыслие. Другие делают верные заключения из того, что основано на множестве правил.

К примеру, одни хорошо понимают свойства воды, в чем правил немного, но заключения из них выводить так сложно, что нужна редкостная здравость ума, чтобы в это проникнуть; но такие люди вовсе не обязательно будут хорошими математиками, потому что математика основана на множестве правил, и природа ума может быть такова, что она способна проникать глубочайшим образом в малое число правил, но вовсе не способна проникать в такие вещи, которые основаны на множестве правил.

Итак, есть два вида ума, один — делающий глубокие и тонкие заключения из немногих правил, и это ум здравомыслящий. Другой — постигающий множество правил, не смешивая их, и это ум математический. Один означает силу и прямоту ума. Другой — его широту. Одно вполне может обходиться без другого; ум может быть сильный и узкий, равно как и широкий и слабый.

Серия XXII

512 (1). Разница между умом математическим и умом светским.

У одного правила наглядные, но далекие от житейского употребления, так что за отсутствием привычки людям трудно оборачиваться в ту сторону; но стоит туда обернуться, как эти правила становятся отчетливо видны; и нужно обладать совсем уж извращенным умом, чтобы рассуждать ложно, исходя из правил столь очевидных, что им почти невозможно от нас ускользнуть.

Но правила для ума светского всеупотребительны, они у каждого перед глазами. Тут нет нужды оборачиваться и насилывать себя; надо только иметь хорошее зрение, но уж действительно хорошее: ибо правила тут такие незаметные и многочисленные, что им почти невозможно не ускользнуть от нас. А пропуск хотя бы одного правила ведет к ошибке; итак, нужен острый взгляд, чтобы разглядеть все правила, и к тому же точный ум, чтобы не рассуждать ложно, исходя из правил уже известных.

Все математики были бы людьми светскими, имей они хорошее зрение,— ведь они рассуждают верно, когда исходят из правил им известных. А люди светские были бы математиками, если бы смогли обратить свой взгляд на непривычные для них правила математики.

Некоторые светские люди не способны быть математиками, потому что никак не могут обратить свой взгляд на правила математики; а математики не могут стать светскими людьми из-за неспособности увидеть то, что у них перед глазами, и потому, что, привыкнув к четким и очевидным правилам математики, привыкнув делать заключения лишь после того, как хорошенько рассмотрели и усвоили эти правила, они теряются в вещах светских, где правила не поддаются такому освоению. Они едва заметны, их скорее чувствуют, чем видят; их бесконечно трудно показать тому, кто сам их не чувствует. Это вещи такие тонкие и их такое множество, что нужно восприятие очень тонкое и ясное, чтобы их почувствовать и судить о них точно и здраво согласно этому чувству, хотя и не умея чаще всего выстраивать доказательства по порядку, как в математике, потому что тут нет подобных правил и потому что заниматься этим можно до бесконечности. Суть дела нужно схватывать сразу, одним взглядом, а не по ходу рассуждений — во всяком случае, до известной степени. Потому математики редко бывают людьми светскими, а люди светские — математиками; ведь математики пытаются подходить математически к таким тонким вещам и вызывают всеобщий смех, когда пробуют начинать с определенных и переходить к правилам, что неуместно в такого рода рассуждениях. Не то чтоб ум ими не занимался; но он делает это молча, естественно и безыскусно. Ибо выражение здесь недоступно никому, а чувство доступно лишь немногим. И напротив, люди светские, привыкшие судить с одного взгляда, бывают крайне удивлены, когда им предлагают такие доводы, в которых они ничего не

понимают и вникнуть в которые можно лишь через определения и правила столь отвлеченные, каких они не привыкли рассматривать подробно, и для них отталкивающие и неприятные.

Но глупцы не могут быть ни светскими людьми, ни математиками.

У тех математиков, которые остаются только математиками, ум здравый, но лишь в том случае, если им все растолковать через определения и правила; иначе они глупы и несносны, потому что рассуждают здраво, только когда имеют перед собой ясные правила.

А люди светские и только светские не имеют терпения вникать даже в основные правила, касающиеся вещей мыслимых и воображаемых, которых они никогда не встречали в жизни, и совершенно в ней не употребительных.

513 (4). Математика. Светскость.

Истинное красноречие смеется над красноречием. Истинная мораль смеется над моралью. Иначе говоря, мораль мудрости смеется над моралью рассудка, у которой нет законов.

Ибо мудрость — это то, к чему чувство относится так же, как науки относятся к рассудку. Светский ум составляет часть мудрости, а математический — часть рассудка.

Смеяться над философией — это и есть философствовать по-настоящему.

514 (356). Пища для тела дается понемногу.
Обильная пища и малая питательность.

Серия XXIII

515 (48). Разн.

Когда в сочинении повторяются одни и те же слова и, пытаясь их заменить, автор видит, что они именно те, которые здесь нужны, и что без них сочинение станет хуже, — надо их оставлять, это доказывает их уместность. Желание непременно их изменить слепо, оно не понимает, что здесь такое повторение — не ошибка, ибо не может быть единого правила на все случаи.

516 (880). (Папа.) Людям нужна уверенность, им хочется, чтобы папа был непогрешим в вопросах веры, чтобы серьезные богословы были непогрешимы в вопросах морали и чтобы они поэтому могли не сомневаться.

517 (869). Если бы святой Августин появился сегодня и имел бы так же мало прав, как его защитники, он не смог бы ничего сделать.

518 (378). Пиррон.

Иметь слишком много ума считается безумием, равно как и иметь его слишком мало; хороша только посредственность; так постановило большинство, и оно готово ужалить каждого, кто выделяется из посредственности с любого краю. Не стану этому противиться, я согласен, чтобы меня туда поместили, и отказываюсь от места на нижнем краю, не потому, что он нижний, а потому, что он край,— ведь я точно так же отказался бы от места на верхнем. Кто отрывается от середины, тот отрывается от человечества.

Величие человеческой души состоит в умении держаться середины; оно вовсе не в том, чтобы отрываться от нее, а в том, чтобы в ней оставаться.

519 (70). (Природа не...

Природа так хорошо поместила нас в середине, что если мы изменим равновесие в одну сторону, то изменим его и в другую. Я делаем, *zoa trekei*¹.

Поэтому я иногда думаю, что в нашей голове есть какие-то пружинки, устроенные так, что если нажать на одну из них, то тут же нажимается противоположная.)

520 (375). (Я провел большую часть моей жизни в убеждении, что справедливость существует, и в этом я не ошибался, ибо она действительно есть — постольку, поскольку Бог пожелал нам ее открыть. Но я так не думал, и в этом я ошибался, потому что полагал, будто наша справедливость справедлива сама по себе и будто я могу ее познать и судить о ней; но я столько раз убеждался в ложности своего суждения, что наконец перестал доверять самому себе, а затем и другим. Я видел, как меняются все государства и люди. И потому, переменяв множество суждений об истинной справедливости, я понял, что природа наша заключается в вечной изменчивости, и с тех пор больше не менялся. А если я изменяюсь, то подтверждаю этим свое мнение. Пирронист Аркесилай¹, который становится догматиком.)

521 (387). (Возможно, что есть истинные доказательства, но об этом нельзя сказать определенно.

Это доказывает лишь то, что ничего нельзя сказать определенно, кроме того, что все неопределенно. К вящей славе пирронизма.)

522 (140). (Этот человек, так горящий о смерти жены и единственного сына, так озабоченный трудной тяжбой,— почему он сейчас вовсе не грустен и как будто избавился от всех своих мучительных и тревожных мыслей? Тут нечему удивляться. Ему только что подали мяч, и он должен отбить его партнеру. Пусть хоть крыша падает ему на голову — он весь поглощен игрой. Как же он может думать о своих делах, если ему надо выиграть в таком деле? Вот забота, достойная занять его великую душу и изгнать всякую другую мысль из его ума. Этот человек рожден, чтобы познавать вселенную, чтобы судить обо всем на свете, чтобы править целым государством,— и вот он весь погружен в раздумье о том, как загнать зайца. А если он не будет опускаться до такого и захочет всегда оставаться серьезным, то окажется еще глупее, потому что пожелает возвыситься над человечеством. А он в конечном счете всего лишь человек, иначе говоря, способен на малое и на великое, на все и ни на что. Он ни ангел, ни животное, но человек.)

523 (145). (Нас занимает одна-единственная мысль; мы не можем думать о двух вещах сразу. И часто нас захватывает то, что ближе к миру, а не к Богу.)

524 (853). (Судить о велениях Божиих следует с осторожностью, отец мой. Святой Павел на острове Мальта ¹.)

525 (325). Монтень не прав. Обычаю нужно следовать только потому, что он обычай, а не потому, что он разумен или справедлив; но народ следует ему по той единственной причине, что верит в его справедливость. Иначе он перестал бы следовать даже самому устоявшемуся обычаю, потому что люди готовы повиноваться только разуму или справедливости. Без этого обычай покажется тиранией, но царство разума и справедливости представляется не более тираническим, чем царство наслаждения. Это правила естественные для человека.

Было бы хорошо, если б мы повиновались законам и обычаям потому, что это законы (тогда не было бы мятежей; но люди, быть может, и не захотели бы подчиняться законам как таковым, а вечно искали бы законы хорошие); надо знать, что вводить какие-то верные и справедливые законы невозможно, что мы ничего в этом не понимаем, и нужно только следовать уже имеющимся. Так мы бы никогда от них не отступали. Но люди не принимают эту мысль, и поскольку они верят, что истину можно найти и что она заключена в законах и обычаях, то они им верят и считают их древность доказательством истинности (а не просто их власти, основанной на смелости, но не на истине).

Поэтому люди им повинуются, но готовы взбунтоваться, как только им покажут, что законы эти ничего не стоят, — а это можно сделать с любым законом, если взглянуть на него с нужной стороны.

526 (408). Зло на земле в изобилии. Существует множество его разновидностей, тогда как добро почти единообразно. Но один вид зла почти так же трудно найти, как и то, что зовется добром, и это особое зло часто принимается за добро. Нужно даже незаурядное величие души, чтобы его творить, — так же, как и добро.

527 (40). Примеры, которые люди приводят в доказательство каких-то других своих доводов, — если бы надо было доказывать эти примеры, для них искали бы каких-то других доводов в качестве примеров. Поскольку людям всегда кажется, что трудность в том, что они хотят доказать, то они ищут примеров более ясных и облегчающих доказательство.

Поэтому, если желаешь доказать какую-нибудь общую мысль, надо ее подкрепить частным правилом некоего случая, а желая доказать частный случай, надо начинать с общего правила. Ибо мы всегда полагаем неясным то, что хотим доказать, и очевидным то, что используем в качестве доказательства; и когда нужно доказать какую-то мысль, люди сначала внушают себе, будто она неясна, а та, с чьей помощью ее хотят доказать, — наоборот, очевидна, и так ее будет легче понять.

528 (57). Мне не по душе такие фразы: я вас беспокоил, боюсь, что наскучил вам, боюсь, что отниму слишком много времени. Они подталкивают нас либо к согласию, либо к спору.

529 (105). Как трудно предлагать на суд другому человеку какую-нибудь мысль и не влиять при этом на его суждение самым способом, которым эта мысль высказывается. Если говорить: я нахожу это прекрасным, это мне кажется темным, и тому подобное, то мы склоняем его суждение к согласию либо побуждаем к спору. Лучше не говорить ничего; тогда человек будет судить сообразуясь с самим собой, то есть с таким, какой он есть в эту минуту, и с тем, что приносят с собой прочие обстоятельства, к которым он непричастен. По крайней мере мы тут будем ни при чем — разве что и молчание оказывает своей действие и будет повернуто и истолковано в зависимости от настроения нашего собеседника, а если он физиогномист, то будет строить

догадки по движению наших черт и выражению лица или тону голоса. Так трудно не столкнуться суждение с его естественного пути; вернее, так мало в нем самом твердости и устойчивости.

530 (274). Все наши рассуждения сводятся к уступкам чувству.

Но воображение и похоже на чувство, и противоположно ему, так что различить эти противоположности нельзя. Один говорит, что мое чувство — это воображение, другой, что мое воображение — это чувство. Нужно бы иметь какое-то мерило. Разум предлагает себя в таком качестве, но он колеблется в обе стороны.

И вот мерила нет вовсе.

531 (85). То, что представляется нам самым важным,— к примеру, утаить свою бедность,— зачастую вовсе не имеет значения. Это пустяк, который наше воображение раздувает до размеров горы; повернись наше воображение в другую сторону, и мы без труда это обнаружим.

532 (373). Пиррон.

Я записываю свои мысли не по порядку, но, быть может, не без плана и замысла. Это и есть настоящий порядок, и он всегда будет отличать мой предмет самим своим беспорядком.

Я оказал бы слишком большую честь моему предмету, излагая его по порядку, потому что хочу доказать, что порядок ему чужд.

533 (331). Мы представляем себе Платона и Аристотеля не иначе как важными учеными в широких мантиях. А они были люди обходительные и простые; они смеялись с друзьями. А когда они развлекались мыслями о законах и политике, то делали это играя. То была наименее серьезная и наименее философская часть их жизни: самая же философская была — жить спокойно и просто.

О политике они писали так, словно устанавливали правила для сумасшедшего дома.

А если они делали вид, будто говорят об этом как о важном деле, так это потому, что знали: сумасшедшие, к которым они обращались, воображали себя царями и императорами. Они принимали их понятия, чтобы умерить их безумие и насколько возможно свести его к наименьшему злу.

534 (5). Те, кто судят о сочинении не по правилам, по отношению к другим словно те, у кого есть часы. Один говорит: прошло два часа; второй: прошло всего три четверти часа. Я смотрю на часы и говорю одному: вы скучаете; а другому: для вас время бежит, потому что прошло полтора часа; и я смеюсь над теми, кто говорит, что у меня свой счет времени и что я сужу о нем по собственной прихоти.

Они не знают, что я сужу по часам.

535 (102). Есть пороки, которые прилепляются к нам только через другие и отлетают, как ветки, когда обрублен ствол.

536 (579). Бог и апостолы, провидя, что из семян гордыни могут произрастать ереси, и не желая способствовать их рождению собственными речами, поместили в Писание и церковные молитвы такие слова и семена, которые им бы противодействовали и приносили бы со временем свои плоды.

Вот так же Он помещает в мораль милосердную любовь, которая приносит плоды против похоти.

537 (407). Когда зло переманивает разум на свою сторону, оно гордится этим и выставляет разум напоказ во всем его блеске.

Когда воздержанием или суровостью решений не удастся достичь истинного блага и приходится возвращаться к покорности природе, она гордится таким возвращением.

538 (531). Тот, кто знает волю своего господина, будет избит сильнее,— из-за той власти, которую дает ему знание;

*Qui justus est justificetur adhuc*¹, из-за той власти, которую дает ему святость.

С того, кому многое дано, многое взыщется из-за власти, которую дает ему такой дар.

539 (99). Есть всеобъемлющая и существенная разница между действиями воли и всеми остальными.

Воля — одно из главных орудий веры, не потому, что она образует веру, но потому, что истинность или ложность всякой вещи зависит от того, с какой

стороны на нее посмотреть. Воля, которая избирает то, а не другое, не дает разуму разобраться в достоинствах той вещи, которая ей не нравится, и разум, идущий в ногу с волей, останавливается, чтобы взглянуть с той стороны, с какой ей угодно, и судит сообразно увиденному.

540 (380). Все мудрые наставления у людей есть; недостает только умения ими пользоваться.

К примеру, никто не сомневается, что не следует рисковать жизнью для защиты общественного блага, но мы это делаем; а для религии — никогда.

Неравенство между людьми необходимо, это правда; но согласившись с этим, мы оставляем дверь открытой не только для самого сурового владычества, но и для самой суровой тирании.

Уму бывает необходимо немного расслабиться, но это открывает двери для настоящей распушенности.

Пусть обозначат границы. Естественных пределов нет. Законы пытаются их положить, а разум их не выносит.

541 (120).

(Природа разнообразит
и подражает

Искусство подражает
и разнообразит.)

542 (370). Случай внушает наши мысли, случай их прогоняет. Нет такой уловки, чтобы их удержать или заманить.

Я хотел записать ускользнувшую мысль; а вместо этого я пишу, что она ускользнула.

543 (938). Отклонение.

Мелкие повороты мысли, это допустимо.

Вы недовольны, что я остерегаюсь отцов иезуитов, и...

Я стал о них иного мнения с тех пор, ведь я их не знал...

544 (778). Omnis Judaeae regio, et Jerosolimitae universi et baptisabantur ¹, потому что туда приходили люди всех сословий.

Камни могут быть чадами Авраамовыми.

545 (458). Все, что в мире: похоть плоти, похоть очей и гордость житейская. *Libido sentiendi, libido sciendi, libido dominandi* ¹. Горе земле проклятия, которую эти три огненные реки больше опаляют, чем орошают. Блаженны те, кто не погружены в эти потоки, не влекутся ими, но неподвижно на них утверждают, не стоя, а сидя в месте низком и надежном, откуда они не встают до света, но упокоясь там с миром, воздевают руки к Тому, Кто поднимет их, чтобы они стояли твердо во вратах святого Иерусалима, где гордость не сможет более их убеждать и побеждать; и все же они проливают слезы, не над тем, как уплывает все тленное, влекомое этими волнами, но в воспоминаниях о своей милой родине, небесном Иерусалиме, о котором они не забывают никогда во все время своего долгого изгнания.

546 (515). Избранные не будут знать своих добродетелей, а проклятые — меры своих грехов. Господи, когда мы видели Тебя в голоде и жажде, и т. д.

547 (784). И.Х. не хотел свидетельства ни от бесов, ни от тех, кто не имели призвания, но от Бога и от Иоанна Крестителя.

548 (779). Если вы обратитесь, Господь исцелит и спасет.
Ne convertantur et sanem eos. Is. ¹ *Et dimittantur eis peccata. Marc.* 3 ².

549 (780). И.Х. никогда не судил, не выслушав.
Иуде: *amice ad quid venisti* ¹. И также тому, у кого не было брачных одежд ².

550 (744). Молитесь из страха впасть в искушение. Впадать в искушение опасно. Ему подвергаются потому, что не молятся.

Et tu conversus confirma fratres tuos ¹, но сначала *conversus Jesus respexit Petrum* ².

Святой Петр просит разрешения ударить Малха ³. И ударяет, не дождав-шись ответа. А И.Х. отвечает после этого.

Слово «Галилея», которое вырывается как бы случайно у толпы евреев, обвиняющих И.Х. перед Пилатом, дает Пилату основание отослать И.Х. к Ироду. Чем и совершается таинство, что Его будут судить иудеи и язычники. То, что казалось случайностью, было причиной совершения таинства.

551 (84). Воображение раздувает всякие мелочи и заполняет ими нашу душу из-за прихотей в оценке, а вещи великие из-за безрассудной дерзости умаляет по своей мерке,— когда говорит о Боге, к примеру.

552 (107). *Lustravit lampade terras* ¹. Погода имеет мало связи с моим настроением. У меня свои туманы и свое ясное небо внутри; и даже удачи и неудачи в моих делах мало на меня действуют. Порой я пытаюсь сам бороться с превратностями судьбы. Слава победы над ними помогает мне бороться радостно, тогда как от счастливого случая я иной раз отворачиваюсь с презрением.

553 (76). Написать против тех, кто слишком углубляется в науки. Декарт.

554 (303). Сила — царица мира, а не мнение, но мнение использует силу. Мнение создает сила. По нашему мнению, робость прекрасна. Почему? Потому что тот, кто попробует плясать на канате, будет в одиночестве, а я соберу шайку посильнее из людей, которые скажут, что это не прекрасно.

555 (47). Есть люди, которые говорят хорошо, а пишут плохо. Это потому, что само место, присутствие множества слушателей их возбуждает и извлекает из их умов больше, чем они в себе находят без такого горячительного.

556 (371). (Ребенком я сжимал книжку, и поскольку со мной иногда случилось... думая, что я ее сжал, я не доверял себе.)

557 (45). Языки — это шифры, где не буквы заменяются буквами, но слова — словами. Так что незнакомый язык можно расшифровать.

558 (114). Разнообразие так велико, что все оттенки голоса, все виды походки, кашля, сморканья, чиханья... Среди плодов различают виноград, а в винограде — мускат, и кондрийе, и дезарг, и вот эту лозу. Это все? Можно ли встретить две одинаковые грозди, а в каждой грозди — две одинаковые ягоды, и т. д.

Я никогда не судил одинаково об одной и той же вещи, я не могу судить о сочинении, пока его пишу. Нужно поступать, как художники, и отходить на несколько шагов, но недалеко. На какое же расстояние? Угадайте...

559 (27). Разн. Язык.

Те, кто насилует слова ради антитез, подобны тем, кто делает ложные окна ради симметрии.

Их цель — не точная речь, но точные фигуры речи.

560 (552). Гробница И.Х.

И.Х. был мертв, но Его видели на кресте. Он мертв и сокрыт в гробнице.

Погребали И.Х. одни святые.

И.Х. не творил никаких чудес в гробнице.

Туда входят только святые.

Новую жизнь И.Х. начинает там, а не на кресте.

Это последнее таинство страстей и искупления.

(И.Х. учит живой, мертвый, погребенный, воскресший.)

У И.Х. не было другого приюта на земле, кроме гробницы.

Враги перестали преследовать Его только в гробнице.

561 (173). Они говорят, что затмения предвещают беду, потому что беды нам привычны, и несчастья случаются так часто, что они часто угадывают верно; тогда как если б они говорили, что это предвестие счастья, то часто бы ошибались. Они видят добрые предзнаменования только в редчайших расположениях светил. Поэтому они нечасто ошибаются в своих предсказаниях.

562 (534). Есть только два вида людей: одни — праведники, которые считают себя грешниками, другие — грешники, которые считают себя праведниками.

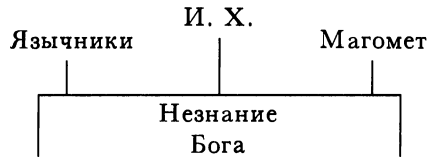
563 (886). Еретики.

Иезек. Все язычники хулили Израиля, и пророк тоже. Но израильяне не

имели права сказать ему: ты говоришь как язычники, потому что его самый сильный довод и был в том, что язычники говорили как он.

564 (485). Подлинная и единственная добродетель — в том, чтобы ненавидеть себя (ибо мы достойны ненависти за свою похоть), и искать и любить существо, подлинно достойное любви. Но поскольку мы не можем любить то, что вне нас, нужно любить существо, которое было бы в нас и не было бы нами. И это верно для каждого из людей. Таковым может быть только всецелое существо. Царство Божие внутри нас. Всецелое благо в нас, оно есть мы сами, и оно не есть мы.

565 (591).

566 (575). Для избранных все обращается во благо, даже темные места Писания, потому что они почитают эти места ради божественно ясных, а для других все обращается во зло, даже ясные места, ибо они кощунствуют над этими местами из-за темных, которых не понимают.

567 (874). Судить о том, что такое папа, следует не по нескольким словам Отцов Церкви (как говорили греки на Соборе¹. Важные правила), но по деяниям Церкви, по трудам ее Отцов и по канонам.

Единство и множество, duo aut tres in unum², нельзя исключать одно из двух, как делают паписты, исключаящие множество, и гугеноты, исключаящие единство.

568 (815). Не может быть разумной веры вопреки чудесам.

569 (872). Папа — первый из всех. Кого другого все знают, кто другой всеми признан, имеет право проникать во все, ибо у него в руках повелительный жезл, проникающий повсюду.

Как легко это может выродиться в тиранию. Вот почему И.Х. положил им такое правило: *Vos autem non sic* ¹.

570 (768). Иосиф — образ И.Х.

Безгрешный, любимец отца своего, посланный отцом к своим братьям, проданный братьями за двадцать сребренников. И через это становится их господином, их спасителем и спасителем для других и спасителем мира. Этого бы не случилось, не будь умысла его погубить, продажи в рабство и хулы, которые шли от них.

В темнице Иосиф, невинный, между двумя преступниками. И.Х. на кресте между двумя разбойниками. Он предсказывает спасение одному и смерть другому по одним и тем же знакам. И.Х. спасает избранных и осуждает на верные муки проклятых за одни и те же грехи. Иосиф только предсказывает, И.Х. творит. Иосиф просит того, кто спасется, вспомнить о нем, когда ему будет хорошо. А тот, кого спасает И.Х., просит помянуть его, когда Он придет в Царствие Его.

571 (775). Ересь — говорить всегда и про всех, *omnes*. И ересь — не говорить время от времени про всех, *bibite ex hoc omnes* ¹. Гугеноты впадают в ересь, говоря про всех. *In quo omnes rescaverunt* ². Гугеноты впадают в ересь, делая исключение для чад верных. Нужно следовать Отцам Церкви и преданию, чтобы знать, когда что делать, ибо ересь грозит и с той, и с другой стороны.

572 (54). Разн. Фигуры речи.
Я... хотел этим заняться.

573 (646). Синагога не погибла, потому что была образом Церкви.
Но поскольку она была лишь образом, то попала в рабство.

Образ просуществовал до пришествия истины, дабы Церковь всегда была видима либо в изображении, ее обещающем, либо в действительности.

574 (263). Чудо укрепило бы мою веру; так говорят, когда не видят чуда.

Есть доводы, которые, если глядеть на них издали, как будто ограничивают наше зрение, но если подойти к ним вплотную, окажется, что видишь

дальше. Ничто не останавливает полет нашего ума. Говорят, нет такого правила, из которого не было бы исключения, и такой общей истины, которая не была бы где-то неприменима. Того, что она не абсолютна, нам достаточно, чтобы иметь повод считать, будто к нынешнему случаю приложимо исключение, и говорить: это не всегда верно, следовательно, есть случаи, когда это неверно. Остается только доказать, что это и есть такой случай. И вот тут-то мы бываем либо недостаточно искусны, либо недостаточно удачливы, если не найдем нужного подхода.

575 (651). Бредни апокалипсистов ¹ и преадамитов ², миллениаристов ³ и т. д. Кто хочет обосновать свои бредовые воззрения на Писание, может их обосновать этим, к примеру.

Говорится, что нынешнее поколение не уйдет, пока все не совершится. На это я скажу, что за нынешним поколением придет другое, и они будут следовать друг за другом всегда.

Во 2 Паралип. о Соломоне и о царе говорится как о двух разных людях ⁴. Я докажу, что их было двое.

576 (567). Два противоположных довода. Надо с этого начинать, без этого ничего нельзя понять, и все — ересь. И высказав любую истину, надо добавить в конце, что помнишь об истине противоположной.

577 (234). Если бы следовало что-то предпринимать только для верного дела, то для религии не надо было бы делать ничего, ибо тут уверенности нет. Но сколько вещей предпринимается без всякой уверенности — морские путешествия, сражения. Тогда я скажу, что не надо делать вообще ничего, ибо уверенности нет ни в чем. И что религия куда вернее, чем то, что мы доживем до завтра.

Ведь мы вовсе не безусловно доживем до завтра, но безусловно возможно, что не доживем. О религии нельзя так сказать. Она не безусловно существует, но кто посмеет сказать, будто безусловно возможно, что ее нет.

Когда люди трудятся для завтрашнего дня, не будучи в нем уверены, они поступают правильно, ибо следует трудиться без твердой уверенности, согласно закону вероятности в игре, который мы доказали.

Святой Августин видел, что люди трудятся на море, в сражениях и т. д. без всякой уверенности — но он не видел закона вероятности в игре, доказывающего, что так и следует поступать. Монтень видел, что люди обижаются,

когда им говорят, что их разум хромает, он видел, что обычай всемогущ, но он не видел причины этих явлений.

Все эти люди видели явления, но не видели их причин. Между ними и теми, кто открыл причины, отношение такое же, как между теми, кто наделен только зрением, и теми, кто наделен разумом. Ибо явления как бы ощутимы, а причины видимы только для разума. И хотя явления видимы разуму, такой разум по отношению к тому, который видит причины,— как телесные чувства по отношению к разуму.

578 (26). Красноречие — это живопись мысли, и те, кто добавляют еще что-то к рисунку, создают картины, а не портрет.

579 (53). Карета свалилась или повалилась, по смыслу.

Разливать или наливать, по смыслу.

Речь г. ле М. ¹ в защиту францисканца, постриженного насильно.

580 (28). Симметрия.
в том, что видно глазу.

основана на том, что нет причины делать иначе.

А также на строении человеческого тела.

Поэтому симметрия требуется только в ширину, но не в высоту или в глубину.

581 (12). Скарамуш ¹, который думает только об одном предмете.

Доктор ¹, который говорит еще четверть часа после того, как все сказал,— так ему хочется поговорить.

582 (66g). Измениться в лице, из-за нашей слабости.

583 (56). Разгадка моего участия в вашем горе; господин кардинал не хотел, чтобы его разгадали.

Моя душа полна тревоги; я полон тревоги будет лучше.

584 (15). Красноречие убеждает своей вкрадчивостью, а не силой, как тиран, а не как царь.

585 (32). Есть некая модель приятности и красоты, которая состоит в некоем соотношении между нашей природой, слабой или сильной, такой, какая она есть, и той вещи, которая нам нравится.

Все, что создано по этой модели, нам приятно, будь то дом, песенка, речь, стихи, проза, женщина, птицы, реки, деревья, комнаты, одежда и т. д.

Все, что создано не по этой модели, не нравится тем, у кого хороший вкус.

И как есть несомненная связь между песней и постройкой, созданными по правильной модели, потому что они соотносятся с этой единственной моделью, хотя и каждая в своем роде, так есть несомненная связь между вещами, созданными по дурным моделям. Дурная модель не одна, их бесконечное множество, но каждый, к примеру, плохой сонет, по какой бы ложной модели он ни был создан, совершенно схож с женщиной, одетой по такой модели.

Лучше всего видно, как смешон плохой сонет, если уяснить себе его природу и модель, а затем вообразить женщину или постройку, сообразные такой модели.

586 (33). Поэтическая красота.

Как говорят о поэтической красоте, так можно говорить и о красоте математической или медицинской. Но об этом не говорят, потому что хорошо известно, в чем состоит цель математики: в доказательстве, и в чем состоит цель медицины: в излечении. Но в чем состоит удовольствие, которое есть цель поэзии, неизвестно. Неизвестно, что такое эти правила природы, которым надо подражать, и за отсутствием такого знания люди придумали всякие странные выражения: золотой век, чудо наших дней, роковые и т. д. И эта невнятица называется поэтической красотой.

Но кто попробует вообразить женщину, созданную по этой модели, которая состоит в том, чтобы говорить громкими словами о пустяках,— тот увидит перед собой красотку, обвешанную цепочками и зеркальцами, и будет смеяться над ней, потому что он лучше понимает, что такое приятная женщина, чем что такое приятные стихи. Но те, кто в этом не разбирается, будут восхищаться ею за такой наряд, и есть множество деревень, где ее примут за королеву; вот почему мы зовем сонет, сочиненный по такой модели, первой дамой на деревне.

587 (34). В свете нельзя прослыть знатоком поэзии, если не повесить на себя табличку «поэт», «математик» и т. д. Но людям всесторонним вывески не требуются, у них нет разницы между ремеслом поэта и портного.

Людей всесторонних не называют поэтами, математиками и т. д. Но они бывают всеми сразу и судьями над всеми прочими. Их не распознают с первого взгляда и продолжают говорить, о чем говорили, когда они входят. В них не замечают одних достоинств больше, чем других, пока не требуется их употребить; тогда о них вспоминают. Ибо этим людям свойственно, что другие не говорят об их умении говорить, пока не заходит речь о языке, и что об этом их умения заговаривают, когда речь об этом заходит.

Итак, это ложная похвала, если при появлении человека говорят, что он знаток в поэзии; и это дурной знак, если его мнения не спрашивают, когда обсуждаются какие-то стихи.

588 (279). Вера — дар Божий. Не думайте, будто мы говорили, что она дается рассуждением. Другие религии не говорят этого о своей вере. Чтобы ее достичь, они предлагают только рассуждение, которое, однако, к ней не ведет.

589 (704). Дьявол смущал набожность евреев до пришествия Иисуса Христа, потому что это могло быть для них спасительно; но не после.

Язычники над народом еврейским издевались, народ христианский преследовали.

590 (656). Adam forma futuri ¹. Шесть дней, чтобы сотворить одного, шесть веков ², чтобы сотворить другого. Шесть дней для сотворения Адама, о которых говорит Моисей, — это только изображение шести веков для сотворения Иисуса Христа и Церкви. Если бы Адам не согрешил и Иисус Христос не пришел, был бы только один Завет, один век у людей, и творение представлялось бы совершенным одновременно.

591 (186). Ne si terrerentur et non docerentur improba quasi dominatio videretur ¹. Авг. Посл. 48 или 49.

4 том, Contra mendacium, ad Consentium ².

Серия XXIV

592 (750). Если бы евреи были все обращены Иисусом Христом, у нас были бы только пристрастные свидетели. А если бы они были истреблены, у нас вовсе не было бы свидетелей.

593 (760). Евреи отвергли Его, но не все: святые Его приняли, а плотские — нет, и это не только не вредит Его славе, но добавляет к ней последнюю, завершающую черточку. Ведь тот довод, который они приводят, единственный, который можно найти во всех их книгах, в Талмуде и у Раввинов, — это только то, что Иисус Христос не покорил все народы силой оружия. *Gladium tuum potentissime*¹. Развѣ это не единственное, что они могут сказать? Иисус Христос был убит, говорят они, Он пал и не покорил язычников силой. Он не дал нам их в добычу. Он не раздает сокровищ — больше им сказать нечего. За это я и люблю Его. Я не хотел бы того, какого они себе представляют. Ясно, что только пороки помешали им Его принять, но из-за этого отказа они стали свидетелями нелицеприятными, и более того, через это они исполнили пророчества.

(Через то, что этот народ Его не принял, случилось удивительное:

Пророчества — единственные непреходящие чудеса, какие можно совершить; но их можно оспаривать.)

594 (576). (Порядок) Общее отношение мира к Церкви. Бог желает ослепить и просветить.

Поскольку события подтвердили божественность этих пророчеств, остальному мы должны верить, и так мы можем понять миропорядок.

Когда забылись чудеса сотворения мира и потопа, Бог дал нам закон и чудеса Моисеевы, пророчества, предсказывавшие отдельные события. И чтобы приуготовить непреходящее чудо, Он приуготовляет пророчества и их исполнение. Но поскольку в пророчествах можно усомниться, Он делает их несомнительными и т. д.

595 (450). Если мы не знаем, что исполнены гордыни, честолюбия, похоти, слабости, ничтожества и греха, то мы слепы. А если, зная, мы не хотим от этого избавляться, то что можно сказать о человеке?

Что же можно испытывать к религии, которой так хорошо известны пороки людские, кроме почтения и желания узнать истину от той религии, которая обещает дать столь нужные лекарства?

596 (202). (По тем, кто страдает от своего неверия, видно, что Бог их не просветил; но по другим видно, что есть Бог, Который ослепил их.)

597 (455). Мое «я» заслуживает ненависти. Вы, Митон ¹, его прикрываете, но не можете убрать совсем. И потому вы все равно заслуживаете ненависти.

Отнюдь нет, ведь я так обязателен и любезен со всеми, что у людей нет причин меня ненавидеть. Это верно — если бы во мне только и было ненавистного, что те неприятности, которые я причиняю людям.

Но если я ненавижу свое «я» потому, что грешно ему становиться средоточием всего, то я всегда буду его ненавидеть.

Одним словом, «я» наделено двумя свойствами. Оно греховно само по себе, желая сделаться средоточием всего. Оно неудобно для других, желая поработить их, ибо каждое «я» — враг для всех остальных и хотело бы стать для них тираном. Вы можете искоренить неудобство, но не греховность.

Поэтому вы не внушите любовь к нему тем, кто ненавидит его греховность. Вы внушите любовь к нему только грешникам, которые не видят в нем своего врага. И так вы останетесь греховны и будете нравиться только грешникам.

598 (868). Нам мешает сравнивать происходившее в Церкви когда-то и происходящее в ней сейчас то, что мы обычно представляем себе святого Афанасия ¹, святую Терезу ² и других увенчанными славой и временем, уже до нас почитавшимися как божества. Нам кажется так теперь, когда столетия многое прояснили, но во времена преследований этот великий святой был мужчиной, которого звали Афанасий, а святая Тереза — юной девицей. Илия был такой же человек, как мы, его волновали те же страсти, что и нас, — говорит святой Петр ³, чтобы развеять у христиан эти ложные представления, заставляющие нас отвергать пример святых, словно он нам несоразмерен. Это были святые, говорим мы, они нам не чета. Что же тогда происходило? Святой Афанасий был человеком по имени Афанасий, его обвиняли во множестве прегрешений, такой-то и такой-то собор осудил его за такой-то грех. Все епископы и наконец сам папа с этим согласились. Что говорят тем, которые этому сопротивляются? Что они возмутители спокойствия, что они схизматики, и т. д.

4 вида людей: благочестие без знания, знание без благочестия, ни знания, ни благочестия, и благочестие, и знание.

Три первых его осуждают, последние оправдывают, их отлучают от Церкви, однако они-то и спасают Церковь.

Благочестие, мудрость.

599 (908). Но *правдоподобно* ли, что из *правдоподобности* ¹ рождается уверенность?

Разница между покоем и уверенностью совести. Уверенность дается только истиной; покой дается только честным исканием истины.

600 (440). Испорченность разума проявляется в столь разнообразных и нелепых нравах. Нужно было явиться истине, чтобы человек перестал полагаться на себя.

601 (858). Казуисты предоставляют решения испорченному разуму, а выбор решений испорченной воле, чтобы все, что есть испорченного в природе человека, внесло свою лепту в его поведение.

602 (885). Священником становится кто захочет, как при Иеровоаме ¹.

Это ужасно, когда церковные порядки нам сегодня рисуют столь прекрасными, что желание их изменить считается преступлением. В былые времена они были безупречно хороши, и считалось, что не будет греха их изменить. А когда они такие, как теперь, — нельзя и подумать об их изменении.

Разрешалось менять обычай, при котором священников отбирали так строго, что почти не находилось достойных, и не разрешается изъяслять недовольство обычаем, при котором появляется столько недостойных.

603 (502). Авраам не взял ничего для себя, но только для слуг своих ¹. Так и праведник не берет ничего для себя у мира, ни даже похвалы мирской, но только для своих страстей, которыми он повелевает как господин, говоря одной из них: уходи и приходи, *sub te erit appetitus tuus* ². Укрощенные, страсти его становятся добродетелями: алчность, ревность, гнев — сам Господь их Себе приписывает. Они такие же добродетели, как милосердие, жалость, верность, которые ведь тоже суть страсти. Их нужно заставлять служить себе, как рабов, и, давая им пропитание, следить, чтобы душа его не брала. Ибо когда страсти становятся господами, они превращаются в пороки, и душа тем питается и отравляет себя.

604 (871). Церковь, папа.

Единство — множество. Если рассматривать Церковь как единство, то папа, ее глава, становится всем; если рассматривать ее как множество, то

папа — только часть. Отцы Церкви рассматривали ее то как единство, то как множество. Поэтому о папе они говорили по-разному.

Святой Киприан, sacerdos dei ¹.

Но утверждая одну из этих истин, они не исключали другой.

Множество, которое не сводится к единству,— это смута. Единство, которое не зависит от множества,— это тирания.

Едва ли не в одной только Франции еще позволено говорить, что Собор выше папы.

605 (36). У человека много потребностей. Он любит только тех, кто может удовлетворить их все. Говорят, он хороший математик, но мне математика ни к чему: он меня примет за теорему. Это хороший солдат: он меня примет за осажденную крепость. Мне же нужен светский человек, который мог бы отвечать всем моим потребностям сразу.

606 (155). Настоящий друг — вещь очень полезная даже для больших вельмож; он их хвалит и поддерживает в их отсутствие. Они должны все сделать, чтобы занять такого друга, но тут надо правильно выбрать, ибо если они положат все силы на дураков, это не принесет им пользы, как бы такие люди их ни расхваливали. Впрочем, они и не будут хвалить, если окажутся слабее других, потому что с ними никто не считается, и они будут злословить за компанию.

610 (30). (Почитайте рассуждения янсениста из 2, 4 и 5 ¹. Это возвышенно и серьезно.)

(Шут и гордец мне одинаково ненавистны.)

Ни с тем, ни с другим нельзя дружить.

За отсутствием сердца мы доверяемся уху.

611 (30). Светскость — его правило.

Поэт, а не светский человек.

610 (30). (Я считаю, что мне нечего больше отвечать после моего 8.)

611 (30). Красоты умолчания, суждения.

607 (766). Иносск.

Спаситель, отец, жрец, жертва, яства, царь, мудрец, законодатель, скорбящий, нищий, образующий народ, который Он будет вести и питать и приведет в землю обетованную.

608 (766). И. Х. Служба.

Он один должен был образовать великий народ, избранный и святой, вести его, питать, привести в землю отдохновения и святости, сделать его святым для Бога, создать из него храм Божий, примирить его с Богом, спасти его от гнева Божьего, избавить от рабства у греха, явно воцарившегося в человеке, дать законы этому народу, запечатлеть эти законы в их сердцах, отдать Себя Богу за них, принести Себя в жертву за них, быть Самому и чистой жертвой, и жрецом, отдать Свое тело и Свою кровь. И в то же время предложить хлеб и вино Богу.

Ingrediens mundum ¹.

Камень на камне.

То, что этому предшествовало, что за этим последовало; удел всех евреев — жить и скитаться.

609 (736). Пророчества. *Transfixerunt* ¹. Зах. 12. 10.

Что должен прийти Избавитель и разможить голову дьяволу, освободить народ Свой от грехов, *ex omnibus iniquitatibus* ². Что должен появиться Новый Завет, который пребудет вечно, что должно быть другое священство, по чину Мелхиседека, и будет оно вовек, что Христос должен быть славен, могуч, силен и в то же время в таком уничижения, что Его не узнают, не примут за Того, Кто Он есть, что Его отвергнут, что Его умертвят, что Его народ, отринув Его, не будет больше Его народом, что идолопоклонники Его примут и прибегнут к Нему, что Он покинет Сион и воцарится в средоточии идолопоклонничества, что евреи все же никогда не исчезнут, что Он будет из дома Иудина и что больше не будет царя.

612 (219). Несомненно, что душа либо смертна, либо бессмертна; это должно менять целиком всю мораль, и однако философы строят свою мораль независимо от этого.

Они размышляют, как провести один час.

Платон для приготовления к христианству.

613 (443). Величие, ничтожество.

Чем мы мудрее, тем больше величия и тем больше низости мы видим в человеке.

Обыкновенные люди.

Более возвышенные.

Философы.

Они изумляют обыкновенных людей.

А христиане изумляют философов.

Так стоит ли изумляться, если религия всего лишь помогает постичь глубины того, что мы узнаем тем лучше, чем мудрее мы сами.

614 (664). Иносказание. Бог воспользовался похотями народа еврейского, чтобы он послужил И. Х., (который принес исцеление от всякой похоти).

615 (663). Иносказание. Ничто так не похоже на любовь, как корыстолюбие, и ничто так от нее не отличается. Поэтому евреи, которые владели многими богатствами, тешившими их корыстолюбие, были и весьма подобны христианам, и весьма отличны от них. Так они обладали теми двумя качествами, которые требовались, чтобы они были и весьма подобны Мессии и служили образом Его, и чтобы они были от Него весьма отличны и были потому свидетелями нелицеприятными.

616 (660). Похоть для нас стала естественна и составляет нашу вторую природу. Итак, у нас две природы, одна добрая, другая дурная. Где же Бог? Где вас нет, а царство Божие внутри вас. Равнины.

617 (492). Кто не испытывает ненависти к своему себялюбию и к тому инстинкту, который заставляет обожествлять себя, тот настоящий слепец. Кто не видит, что нет ничего более противного истине и справедливости. Ибо неправда, что мы это заслужили, пребывать в этом грешно и невозможно,

потому что все требуют одного и того же. Итак, это явный грех, в котором мы родились, от которого не можем избавиться, а избавляться нужно.

И однако ни одна религия не говорила, что это грех, что мы в нем родились, что мы должны ему противиться, ни одна не подумала, как нас от него избавить.

618 (479). Если Бог есть, надо любить только Его, а не кратковечную тварь. Рассуждение нечестивцев в Премудрости ¹ основано только на том, что Бога нет. Коль так, говорит он, будем же искать радости в твари. Это выход на крайний случай. Но если есть Бог и можно любить Его, он пришел бы не к такому заключению, а к противоположному. И таково заключение мудрецов: Бог есть, не будем же искать радости в твари.

Итак, все, что побуждает нас прилепиться к твари, дурно, ибо это мешает нам либо служить Богу, если мы знаем Его, либо Его искать, если Он нам неведом. А мы исполнены похоти, то есть зла, следовательно, мы должны ненавидеть самих себя и все то, что побуждает нас прилепиться к чему-либо, кроме одного лишь Бога.

619 (394). Исходные рассуждения у всех верны — у пирронистов, стоиков, атеистов и т. д. ...но выводы их ложны, потому что противоположные рассуждения тоже верны.

620 (146). Человек, очевидно, создан, чтобы мыслить. В этом все его достоинство и вся его ценность; и весь его долг состоит в том, чтобы мыслить как должно. Так вот, порядок мысли требует начинать с себя, со своего создателя и своей цели.

А о чем думает свет? Об этом — никогда, но о танцах, игре на лютне, пении, стихотворстве, состязаниях и дуэлях, о том, чтобы сделаться королем, но не о том, что значит быть королем и что значит быть человеком.

621 (412). Междоусобная война разума и страстей в человеке.

Если бы у него был только разум, без страстей.

Если бы у него были только страсти, без разума.

Но поскольку у него есть и то, и другое, он не может обойтись без войны и может заключить мир с одним, только воюя с другими.

Поэтому его всегда раздирает спор с самим собой.

622 (131). Скука.

Нет ничего столь невыносимого для человека, как пребывать в полном покое, без страстей, без дел, без развлечений, без занятий.

Он ощущает тогда свое ничтожество, свою покинутость, свою недостаточность, свою зависимость, свое бессилие, свою пустоту.

И немедля из глубины своей души он извлекает тоску, мрак, грусть, печаль, досаду, отчаяние.

623 (495). Если это противоестественное ослепление — жить, не пытаюсь узнать, кто ты такой, то жить дурно, веря в Бога,— ослепление ужасное.

624 (731). Пророчества.

Что И. Х. воссядет одесную, доколе Господь положит врагов Его в подножие ног Его.

Значит, Сам Он их не положит.

625 (214). Несправедливость.

Если гордыня соединяется с нуждою — вот крайняя несправедливость.

626 (462). Поиски истинного блага.

Люди обыкновенные видят благо в богатстве и внешних благах или хотя бы в развлечениях.

Философы показали тщету всего этого и увидели благо там, где могли.

627 (150). Тщеславие так укоренилось в сердце человеческом, что солдат, подмастерье, повар, ключник — все бахвалятся и желают занять почитателей; и даже философы этого хотят, и те, кто обличают тщеславие, желают похвал за то, что так хорошо об этом написали, и те, кто их читают, желают похвал за то, что это прочли; и я, пишущий эти слова, быть может, желаю того же, и, быть может, те, кто будут меня читать...

628 (153). О желании снискать почет у тех, кто тебя окружает.

Гордыня имеет над нами естественную власть посреди наших несчастий, заблуждений и т. д. Мы с радостью отдадим жизнь, лишь бы об этом говорили.

Суета, игра, охота, визиты, спектакли, ложный гул молвы о нас.

629 (947). Двойственность человека столь очевидна, что были люди, полагавшие, будто у нас две души.

Им казалось, что простое естество не способно на такое разнообразие и столь внезапные перемены, от безмерной гордыни до горького сокрушения сердца.

630 (94). Человеческая природа — это вся природа, omne animal¹.
Все можно сделать естественным. Всякое естество можно погубить.

631 (422). Хорошо устать и утомиться от тщетных поисков истинного блага, чтобы воздеть руки к Избавителю.

632 (198). Чувствительность человека к пустякам и бесчувственность к вещам важным — знак удивительного извращения.

633 (411). Несмотря на зрелище всех наших несчастий, которые хватают нас и держат за горло, мы не можем подавить в себе инстинкт, возвышающий нас.

634 (97). Самая важная вещь в мире — это выбор профессии, а распоряжается этим случай.

Каменщиками, солдатами, кровельщиками нас делает обычай. Вот отличный кровельщик, говорят люди, а о солдатах говорят: они круглые дураки; а другие наоборот: нет ничего великого кроме войны, все остальные — мошенники. И вот, с детства слыша, как хвалят одно ремесло и поносят другое, мы и делаем свой выбор. Ведь мы, естественно, любим рассудительность и презираем глупость; сами эти слова все решают; мы грешим только в их применении.

Так велика сила обычая, что из тех, кого природа сотворила просто людьми, он делает людей разных сословий.

Ведь есть целые края, где все — каменщики, в других — солдаты и т. д. Конечно, природа не так однообразна; все это делает обычай, он насилует природу, но иногда природа берет над ним верх и помогает человеку следовать своему инстинкту, невзирая на все обычаи, добрые или дурные.

Серия XXV

635₇ (13). Нам нравится смотреть на заблуждения и страсти Клеобулины ¹, потому что она их не сознает: она была бы нам неприятна, если б не была обманута.

636 (42). «Князь» применительно к королю нам нравится, потому что унижает его сан.

637 (59). Угасить факел мятежа: слишком пышно.

Трепет его гения: два броских слова — это чересчур.

638 (109). Когда мы здоровы, то удивляемся, как могут жить больные. Когда мы больны, то принимаем лекарства охотно, нас заставляет болезнь; у нас нет больше страстей, жажды развлечений и прогулок, которую внушало здоровье и которая несовместима с требованиями болезни. Природа внушает нам тогда страсти и желания, сообразные нашему состоянию. Только страхи внушаем себе мы сами, а не природа; они тревожат нас, потому что соединяют с нашим нынешним состоянием страсти состояния прежнего.

639 (109). Поскольку от природы мы несчастны всегда, в любом состоянии, то наши желания рисуют нам некое блаженное состояние, соединяя с нашим нынешним состоянием радости воображаемого; а если мы получим эти радости, то не будем счастливы ими, потому что у нас появятся другие желания, рожденные этим новым состоянием.

Надо развить в подробностях эту общую мысль.

640 (182). Если те, кто сохраняют надежду при дурном обороте дела и радуются удачам, не огорчаются неудачам в такой же мере, то их можно заподозрить в том, что проигрыш им на руку и что они будут в восторге, если найдут предлог для надежды, чтобы показать, как они заинтересованы в этом деле, и скрыть за притворной радостью подлинную, которую они испытывают от проигрыша.

641 (121). Наша природа — движение, полный покой — это смерть.

642 (448). (Митон) ясно видит, что природа пала и люди испорченны, но не знает, почему они не могут летать повыше.

643 (159). Дороже всего те добрые поступки, которые остались тайными. Когда я встречаю такие в истории, как на странице 184¹, я ими любуюсь; но в конце концов они были не вовсе тайными, коль скоро стали известны, и хотя их скрывали изо всех сил, то крошечное упущение, из-за которого о них узнали, все портит, ибо самое прекрасное — как раз в желании их скрыть.

644 (910). Может ли быть, что вас склоняет к такому допущению не оглядка на мнение света, а что-то другое? Вы хотите нас уверить, что это так и что если бы дуэль и не была в моде, то рассмотрев эту проблему саму по себе, вы сочли бы позволительным для людей драться друг с другом?

645 (312). Справедливость — это то, что уже установилось; поэтому все наши установившиеся законы будут непременно почитаться справедливыми без всякого их рассмотрения, коль скоро они установились.

646 (95). Чувство. Память и радость — чувства, и даже геометрические теоремы становятся чувствами, потому что разум делает чувства естественными, а естественные чувства разумом стираются.

647 (35). Воспитанный человек. Хорошо, когда его не называют ни математиком, ни проповедником, ни оратором, но воспитанным человеком. Мне нравится только это общее качество. Когда при виде человека вспоминают о его книге, это дурной знак. Я хотел бы, чтобы любое качество замечали только при встрече с ним и в случае его применения, не *quid nimis*¹, опасаясь, как бы это качество не поглотило человека и не стало его именем; пусть о нем не думают, что он хорошо говорит, пока не представится случая для красноречия; но тогда пусть о нем так подумают.

648 (833). Чудеса.

Народ сам делает такое заключение, но вы должны ему это объяснить.

Нехорошо быть исключением из правила; следует даже относиться к исключениям сурово и враждебно, но все же, поскольку исключения из правил несомненно существуют, следует судить их сурово, но справедливо.

649 (65). Монтень. То, что есть в Монтене хорошего, достигается только ценой больших усилий. То, что есть в нем дурного — я имею в виду кроме нравов,— могло быть исправлено в один миг, если бы ему дали понять, что он слишком увлекается всякими рассказами и слишком много говорит о себе.

650 (333). Вы никогда не встречали людей, которые, жалуясь, что вы их недостаточно цените, называют вам почтенных особ, которые их уважают? Я бы им ответил на это: покажите мне те ваши достоинства, которые покорили этих особ, и я буду уважать вас не меньше.

651 (369). Память необходима для всех действий разума.

652 (14). Когда правдивая речь нам рисует страсть или действие, мы обнаруживаем в самих себе подтверждение услышанной истине; а мы и не подозревали, что знаем об этом; и в нас рождается любовь к тому, кто помог нам эту истину осознать, ибо он показал нам не свое достоинство, но наше собственное. Так это благодеяние влечет нас к нему, а к тому же наше общее с ним понимание вещей неизменно склоняет наше сердце его любить.

653 (913). Вероятность.

Каждый может поставить, никто не может снять.

654 (939). Вы не сможете меня обвинить в клевете на Эскобара ¹, потому что он всем известен.

655 (377). Речи о смирении дают повод для гордыни тщеславным и для смирения — смиренным. Равно как и рассуждения о пирронизме дают самоуверенным повод для уверенности. Мало кто говорит о смирении смиренно,

о целомудрии целомудренно, о пирронизме с сомнением. Мы целиком состоим из лжи, двуличия, противоречий; мы прячемся от себя и притворяемся перед собой.

656 (372). Пока я записываю свою мысль, она иногда от меня ускользает; но это напоминает мне о моей позабытой было слабости, что для меня не менее поучительно, чем ускользнувшая мысль, ибо для меня важно только одно: постигать свое ничтожество.

657 (452). Жалеть несчастных не значит побеждать похоть, напротив, нам приятно иметь повод выказать добрые чувства и прослыть мягкосердечным, ничего не давая.

658 (391). Беседа:
Громкие слова о религии: я ее отрицаю.
Беседа:
Пирронизм служит религии.

659 (911). Надо ли убивать людей, чтобы не было злодеев?
Это значит создавать двух вместо одного, *Vince in bono malum* ¹. Св. Авг.

660 (91). *Spongia solis* ¹.
Когда мы видим, что какое-то явление происходит всегда одинаково, мы выводим из этого закон природы, как то, что завтра будет день и т. д. Но природа часто нас обманывает и не подчиняется своим собственным правилам.

661 (81). Разуму свойственно верить, а воле свойственно любить, так что при отсутствии подлинных предметов они прилепляются к ложным.

662 (521). Благодать всегда будет в мире, равно как и природа; так что ее можно в каком-то смысле считать природой. И потому всегда будут пелагиане ¹ и католики, и всегда будет борьба.

Потому что первое рождение творит одних, а благодать второго рождения творит других.

663 (121). Природа непрестанно возобновляет одно и то же: годы, дни, часы, пространства. И числа идут одно за другим; так что создается некий род бесконечности и вечности. Но во всем этом нет ничего бесконечного и вечного, а просто эти ограниченные вещи бесконечно умножаются. Мне кажется, бесконечно только число, их умножающее.

664 (94). Человек есть действительно *omne animal* ¹.

665 (311). Власть, основанная на мнении и воображении, правит какое-то время; она кротка, и подчиняются ей добровольно. Власть силы правит всегда. Поэтому можно сказать, что мнение царствует над миром, но сила его тиранит.

666 (931). Уж кого осудил Эскобар, тот поистине осужден.

667 (25). Красноречие.

Нужно и приятное, и правдивое, но само приятное должно быть правдиво.

668 (457). Каждый есть все для самого себя, ведь с его смертью все для него умирает. Поэтому каждый считает себя всем для всех. О природе следует судить по ее правилам, а не по нашим.

669 (188). Во всем нужен диалог и слова, которые можно было бы сказать обиженным: чем вы недовольны?

670 (46). Остролов, дурной характер.

671 (44). Если хотите, чтобы о вас хорошо думали, не говорите об этом.

672 (124). Мы смотрим на вещи не только с разных сторон, но и разными глазами; мы не заботимся о том, чтобы увидеть их схожесть.

673 (123). Он разлюбил женщину, которую любил десять лет назад. Еще бы: она уже не та, да и он не тот. Он был молод, она тоже; теперь она совсем другая. Может быть, он бы ее еще любил, будь она такой, как прежде.

674 (359). Нас поддерживает в добродетели не наша собственная сила, но противовес из двух противоположных пороков, подобно тому, как мы можем устоять между двумя разнонаправленными порывами ветра. Уберите один порок, и мы впадем в другой.

675 (29). Стиль. При встрече с естественным стилем мы бываем удивлены и обрадованы, потому что ожидали встретить автора, а нашли человека. А люди с хорошим вкусом, которые, беря в руки книгу, надеются найти человека, бывают удивлены, обнаружив автора. *Plus poëticè quam humane locutus est* ¹.

Истинно почитают природу те, кто внушают ей, что она может говорить своим языком обо всем, даже о теологии.

676 (937). Свет, должно быть, совсем ослеп, если верит вам.

677 (873). Папа ненавидит и боится ученых, которые не принесли ему обета послушания.

678 (358). Человек — ни ангел, ни животное; к несчастью, тот, кто хочет стать ангелом, становится животным.

679 (894). Пров. Те, кто любят Церковь, сокрушаются, что портятся нравы, но по крайней мере законы остаются неприкосновенны. Но эти посягают на законы. Сам образец испорчен.

680 (63). Монтень.

Недостатки Монтеня велики. Непристойности. Это ни к чему, что бы ни говорила мадемуазель де Гурне ¹. Легковерный: люди без глаз ². Невежественный: квадратура круга ³, мир больше нашего ⁴. Его воззрения на добровольное человекоубийство ⁵, на смерть. Он побуждает не заботиться о своем спасении, без страха и раскаяния. Поскольку книга его писалась не для того, чтобы обращать на путь благочестия, он и не был обязан это делать, но не отвращать с этого пути мы обязаны непременно. Можно извинить его несколько вольные и сластолюбивые воззрения в каких-то обстоятельствах жизни — 730, 331 ⁶, — но нельзя извинить его совершенно языческие воззрения на смерть ⁷. Ведь надо

вовсе отказаться от всякого благочестия, чтобы не желать хотя бы умереть по-христиански. А он на протяжении всей книги только и думает, как бы умереть в неге и малодушии.

681 (353). Я не восхищаюсь избытком какой-либо добродетели, к примеру, храбрости, если не вижу в соединении с ней избытка добродетели противоположной: так Эпаминонд ¹ обладал необыкновенной храбростью и необыкновенной добротой; иначе это будет не восхождение, а падение. Величие можно проявить, не находясь в какой-нибудь крайней точке, но касаясь обеих сразу и заполняя весь промежуток между ними.

Но может быть, это всего лишь внезапные метания души от одной крайности к другой, и на самом деле она всегда находится только в одной точке, как горящая головешка. Пусть так; но если это и не свидетельствует о широте души, то хотя бы о ее подвижности.

682 (232). Бесконечное движение.

Бесконечное движение, точка, заполняющая все, момент покоя. Бесконечность без количества, неделимая и бесконечная.

683 (20). Порядок.

Почему я должен делить свои рассуждения о морали на 4 части, а не на 6. Почему я буду определять добродетель в 4 частях, а не в 2, не в 1. Почему я найду ее в *abstine et sustine* ¹, а не в «следуй природе», или «поступай праведно в своих частных делах», как Платон, или в чем-нибудь еще.

Но вот, скажете вы, все заключено в одном слове; да, но это бесполезно, если не дано объяснений. А когда мы начинаем это объяснять, то как только мы открываем правило, содержащее все остальные, они высыпаются из него в том первоизданном беспорядке, которого вы хотели избежать. Так что когда они все заключены в одном, они в нем спрятаны и бесполезны, как в сундуке, а на свет появляются не иначе, как в естественном беспорядке. Природа их все установила, не заключая одно в другом.

684 (21). Порядок. Природа поместила все свои истины в саму себя. Наша мысль заключает одни в другие, но это неестественно. Каждая должна быть на своем месте.

685 ⁽⁴⁰¹⁾. Слава.

Животные не восхищаются друг другом. Конь не восхищается своим сотоварищем. Не то чтоб они не состязались в беге, но это не имеет последствий, и, оказавшись в стойле, тот, что тяжелей и нескладней, не уступит своего овса другому, как того желают люди в обращении друг с другом. Их достоинства находят удовлетворение в самих себе.

686 ⁽³⁶⁸⁾. Когда нам говорят, что тепло — это всего лишь движение каких-то крошечных шариков, а свет — sonatus recedendi ¹, которую мы ощущаем, это нас поражает. Как! Неужто наслаждение — это всего лишь пляска мельчайших частичек! Мы составили себе об этом совершенно иное представление, и такие понятия кажутся нам далеко отличными от других, которые мы называем при сравнении теми же самими. Ощущение огня, эта теплота, которая действует на нас совсем иначе, чем прикосновение, восприятие звука и света, — все это нам представляется непостижимым. А между тем это просто и грубо, как удар о камень. Правда, мельчайшие частички, проникающие в поры, касаются других нервов, но все равно это прикосновение к нервам.

687 ⁽¹⁴⁴⁾. Я провел много времени в занятиях отвлеченными науками, и их удаленность от нашей жизни меня от них отвратила. Когда я стал изучать человека, то увидел, что эти отвлеченные науки чужды человеку и что, погружаясь в них, я оказался дальше от познания своего удела, чем другие, в них несведущие. Я простил другим их невежество, но надеялся хотя бы найти сотоварищей в изучении человека, в настоящей науке, потребной ему. Я ошибся. Этой наукой занимается еще меньше людей, чем геометрией. Люди тянутся к другим наукам не потому, что не умеют заниматься этой. Но может быть, это не то знание, которое нужно людям, для собственного счастья им лучше не понимать самих себя.

688 ⁽³²³⁾. Что такое «я»?

Человек стоит у окна и смотрит на прохожих; если я пройду мимо, то смогу ли сказать, что он стоял у окна, чтобы меня увидеть? Нет, потому что он не думает именно обо мне; но тот, кто любит кого-то за красоту, любит ли он его? Нет, потому что из-за ветряной оспы, которая убьет красоту, не убив человека, он его разлюбит.

И если меня любят за мою рассудительность, за мою память, — любят ли меня? *Меня?* Нет, потому что я могу утратить эти качества, не утратив самого себя. Где же оно, это *я*, если оно ни в теле, ни в душе? И как любить тело или

душу иначе как за эти качества, которые не создают меня, ибо они преходящи? Можно ли любить отвлеченно субстанцию человеческой души, каковы бы ни были ее качества?

Так не будем же больше смеяться над теми, кто ищет уважения к себе за чины и должности; ведь мы любим в людях только их заемные качества.

689 (64). Не в Монтене, но в самом себе нахожу я все, что там вижу.

690 (506). Да не зачтет нам Господь все наши грехи, то есть все последствия и продолжения наших грехов, которые ужасны даже при мелких проступках, если мы в них немилосердно упорствуем.

691 (432). Пирронисты правы. Ведь до Иисуса Христа люди действительно не знали, ни где они обретаются, ни велики ли они или ничтожны. А те, кто говорил о том и о другом, ничего в этом не понимали и рассуждали бестолково и наугад. И более того, они всегда ошибались, исключая либо одно, либо другое.

Quod ergo ignorantibus quaeritis religio annuntiat vobis ¹.

692 (215). Монтальт ¹.

Снисходительные понятия о морали так нравятся людям, что странно, почему им не нравятся эти. Потому, что они перешли всякие границы. И к тому же множество людей видит истину и не может ее достичь, но мало кто не знает, что чистота религии несовместима с нашими слабостями. Смешно говорить, что людей эскобаровских нравов ожидает награда в вечности.

693 (906). Тот образ жизни, который легче всего вести перед светом, труднее всего перед Богом. И наоборот: нет ничего труднее перед светом, чем монашеская жизнь; нет ничего легче перед Богом. Перед светом нет ничего приятнее высокого чина и большого богатства; перед Богом нет ничего труднее, как прожить такую жизнь, не привыкнув и не пристрастившись к этому.

694 (61). *Порядок.*— Я мог бы выстроить свои рассуждения в таком порядке: чтобы показать тщету всякой человеческой жизни, начать с жизни обыкновенных людей, затем перейти к жизни философов, пирронистов, стоиков; но

порядок был бы нарушен. Я немного знаю, что это такое и как мало людей понимают в этом толк. Ни одна наука человеческая не может следовать порядку. Святой Фома ему не следовал. Математика ему следует, но по сути своей она бесполезна.

695 (445). В глазах людских первородный грех — безумие, но его и не выдают ни за что другое. И вы не должны упрекать меня за неразумность этого учения, ведь я и представляю его неразумным. Но это безумие мудрее всей мудрости человеческой, sapientius est hominibus ¹. А без этого что мы можем сказать о природе человека? Вся его участь зависит от этой неуловимой точки. И как может разум ее уловить, если она противна разуму и разум не только не приближается к ней своими путями, но отшатывается, когда ему указывают на нее?

696 (22). Пусть не говорят, что я ничего не сказал нового, само расположение материала ново. Когда играют в мяч, оба игрока бросают один и тот же мячик, но один бросает его точнее.

Равно как и пусть мне скажут, что я пользуюсь старыми словами. И как одни и те же мысли образуют другое рассуждение, если их расположить иначе, так одни и те же слова при ином расположении образуют другие мысли.

697 (383). Люди, ведущие беспорядочную жизнь, говорят ведущим жизнь размеренную, что те удаляются от природы, а они сами ей следуют. Так плывущим на корабле кажется, что движутся те, кто остался на берегу. Язык со всех сторон одинаков. Из порта судят о тех, кто на корабле, но где нам найти такой порт в морали?

698 (119). Природа воспроизводит себя. Зерно, брошенное в хорошую землю, прорастает. Мысль, брошенная в хороший ум, прорастает.

Числа воспроизводят пространство, хотя они имеют совсем другую природу.

Все создается и управляется одним повелителем.

Корень, ветви, плоды, начала, следствия.

699 (382). Когда все движется равномерно, кажется, будто не движется ничего; как на корабле, когда все плывут в одну сторону, кажется, что не

плывет никто. Тот, кто останавливается, делает очевидным движение остальных, служа точкой отсчета.

700 (934). Генералы ¹.

Им мало того, что они принесли в наши храмы такие нравы, *templis inducere mores*. Они уже не просто хотят, чтобы их терпели в Церкви, но поскольку они стали сильнейшими, то желают изгнать других...

Могатра ². Не надо быть богословом, чтобы изумляться этому.

Кто мог бы предсказать вашим генералам, что так быстро наступит время, когда они распространят свои нравы на всю Церковь и будут называть войной отказ от такого беспутства. *Et tanta mala расем* ³.

701 (9). Когда вы хотите принести пользу и доказать другому, что он ошибается, надо иметь в виду, с какой стороны он смотрит на вещи, ибо с этой стороны он бывает прав, и признать его правоту в этом, но показать ему ту сторону, с которой он заблуждается. Он будет доволен, потому что увидит, что не ошибался, а просто видел не все стороны. А на это люди не сердятся, но ошибаться они не хотят — потому, может быть, что человек по природе своей не может увидеть всего и по природе же не может ошибаться в том, что видит, ибо наши чувственные восприятия всегда верны.

702 (507). Благодать. Дуновение благодати, черствость сердца, внешние обстоятельства.

703 (516). Слава. Рим. 3, 27 исключает славу. Каким законом?

Законом дел? Нет, но законом веры. Вера — не в нашей власти, в отличие от дел закона, и дается нам иначе.

704 (954). Венеция ¹.

Какую же вы извлечете из этого для себя выгоду, если государи идут на это из необходимости, а народам это ненавистно? Вот если б они вас упрашивали и молили христианских государей им в том помочь, — тогда такие уговоры могли быть для вас лестны. Но когда на протяжении полувека государи старались напрасно, и понадобилась такая крайняя нужда, чтобы этого добиться...

705⁽¹⁸⁰⁾. У вельмож и простолюдинов одни и те же опасности, и невзгоды, и страсти, но один на верхней точке колеса, а другой ближе к центру, и поэтому он меньше перемещается при том же вращении.

706⁽⁸⁷⁰⁾. Связывать и развязывать. Господь не пожелал отпускать грехи без Церкви. Поскольку оскорбление наносится и ей тоже, Он желает, чтобы и в прощении у нее была своя доля. Он делит с ней эту власть, как король с парламентами; но если она вяжет или разрешает без Бога, это уже не Церковь. Так и с парламентом: если король милует кого-то, нужно, чтобы это было утверждено в парламенте; но если парламент утверждает что-то без короля или не утверждает его приказа, то это уже не королевский парламент, а сборище мятежников.

707⁽⁸⁹⁸⁾. Они не могут обладать непрерывностью и мечтают о вездесущности, поэтому разносят порчу по всей Церкви, чтобы самим стать святыми.

708⁽⁸⁷⁷⁾. Папы. Короли могут распоряжаться своей державой, а папы своей не могут.

709⁽¹⁷⁵⁾. Мы так плохо знаем самих себя, что многие считают себя умирающими, будучи совершенно здоровы, а другие думают, что здоровы, когда близки к смерти, и не чувствуют надвигающейся лихорадки или зреющего абсцесса.

710⁽²⁴⁾. Язык.

Не следует уводить ум в сторону, разве только чтобы дать ему передышку, но это можно делать лишь в подобающее время; передышка должна быть тогда, когда это уместно, и не иначе. Когда отдых нехстати, он утомляет, а когда утомление нехстати, мы расслабляемся и просто бросаем все. Так хитрая похоть злорадствует, выделявая противоположное тому, чего от нас добивается, и не платя нам за это наслаждением — той монетой, за которую от нас можно получить что угодно.

711⁽³⁰¹⁾. Сила. Почему мы подчиняемся мнению большинства? Потому, что за ним правота? Нет, потому, что за ним сила.

Почему мы следуем древним законам и древним понятиям? Потому что они самые здравые? Нет, но они не имеют соперников и лишают нас причин для раздоров.

712 (530). Один человек как-то сказал мне, что испытал несказанную радость и умиротворение после исповеди. Другой поведал, что после нее по-прежнему пребывал в страхе. Я подумал, что из этих двоих можно сделать одного безупречного и что каждому из них недостает того чувства, которое испытывает другой. И то же самое нередко происходит в других случаях.

713 (923). Не одно только отпущение грехов смывает их в таинстве покаяния, но и раскаяние, которое не может быть истинно, если не жаждет этого таинства.

Так не брачное благословение препятствует греху при продолжении рода, но желание рождать детей для Бога, которое бывает истинно только в браке.

И как раскаявшийся без таинства скорее заслуживает отпущения грехов, чем нераскаявшийся и причастившийся, так, к примеру, дочери Лота ¹, не имевшие другого желания, кроме как родить детей, были чище без брака, чем замужние без желания иметь детей.

714 (944). Папа. Тут есть противоречие, ибо, с одной стороны, они говорят, что надо следовать преданию, и не осмелятся отказать от этих слов, а с другой — они говорят то, что им заблагорассудится. Мы будем всегда верить первому высказыванию — ведь не верить ему значило бы им перечить.

715 (118). Главный талант, от которого зависят все остальные.

716 (215). Бояться смерти, будучи вне опасности, а не подвергаясь ей, ибо надо быть человеком.

717 (17). Реки — это дороги, движущиеся и несущие нас куда нужно.

718 (830). Пророчества были двусмысленны: теперь они больше не таковы.

719 (788). Я оставил (между Израильянами) 7 000 ¹. Мне нравятся эти верные, неизвестные людям и даже самим пророкам.

720 (912). Всеобъемлющее.

Мораль и язык — науки частные, но всеобъемлющие.

721 (917). Правдоподобность.

Рвение святых в поисках истины было бы бесполезно, если бы вероятное было несомненным.

Страх у святых, всегда следовавших самому надежному.

Святая Тереза всегда следовала советам своего духовника.

722 (922). Правдоподобность.

Давайте будем судить, кто действительно всей душой ищет Бога, сравнив между собой предметы их любви.

Правдоподобно, что я не отравлюсь этим кушаньем.

Правдоподобно, что я не проиграю процесс, если не затею его.

Правдоподобность.

Если на самом деле достаточно серьезных авторов и разумных доводов, я скажу, что они и не серьезны, и не разумны.

Как! Если верить Молине ¹, мужу позволено торговать женой? Можно ли назвать разумным обоснование этому, которое он дает, да и противоположное — Лессия ²?

А вы сами осмелитесь шутить такие шутки с королевскими указами? Говоря, что прогуливаться в поле, поджидая кого-то, не значит драться на дуэли.

Что Церковь запретила драться на дуэли, но не прогуливаться.

И ростовщичество, но не...

И симонию ³, но не...

И месть, но не...

И грех содомский, но не...

И *quatuor primum* ⁴, но не...

723 (69). 2 бесконечности. Середина.

Если читать слишком быстро или слишком медленно — ничего не понять.

724 (352). О добродетели человека следует судить не по особым его подвигам, а по обычной жизни.

725 (884). Грешники без раскаяния, праведники без милосердия, Бог без власти над волей людской, предопределение без тайны.

726 (876). Папа. Бог не творит чудес в повседневной жизни Своей Церкви. Если бы непогрешим был один, это казалось бы удивительно; но непогрешимость многих кажется столь естественной, что рука Божия скрыта в природе, как и при всех прочих Его деяниях.

727 (904). Они делают правило из исключения. Предки наши давали отпущение грехов до покаяния? Делайте это как исключение. Но вы из исключения делаете правило без исключений; так что теперь вы не хотите даже, чтобы правило встречалось как исключение.

728 (31). Все ложные красоты, за которые мы браним Цицерона, имеют своих почитателей, и во множестве.

Чудеса, святой Фома, т. III, кн. VIII, гл. 20.

729 (731). Казуисты.

Щедрая милостыня, разумное раскаяние.

Если мы и не можем определить, кто есть праведник, то прекрасно видим, кто им не является. Забавно, что казуисты полагают, будто это можно толковать по-ихнему.

Люди, привыкающие дурно говорить и дурно мыслить.

Их многочисленность отнюдь не подтверждает их совершенства, напротив.

Смирение одного составляет гордость многих.

Серия XXVI

730 (754). homo existens (te deum facis) ¹.
Scriptum est dii estis et non (potest solvi scriptura) ².
Haec infirmitas non est ad (mortem) sed ad vitam ³.
Lazarus dormit, et deinde dixit Lazarus mortuus (est) ⁴.

731 (196). У этих людей нет сердца.

Дружбы из этого не получится.

732 (38). Поэт, а не светский человек.

733 (862). На Церковь всегда нападали по противоположным заблуждениям. Но, кажется, никогда так, как сейчас — с разных сторон одновременно, и если она больше страдает от множества заблуждений, зато тут есть то преимущество, что они уничтожают друг друга.

Она страдает и от тех, и от других, но от кальвинистов больше из-за раскола.

Несомненно, что многие и с той, и с другой стороны обмануты. Надо раскрыть им глаза.

Вера заключает в себе множество истин, которые как будто противоречат друг другу — время смеяться и время плакать, и т. д. responde ne respondeas ¹, и т. д.

Источник этого — соединение двух природ в Иисусе Христе.

А также два мира. Сотворение нового неба и новой земли. Новая жизнь, новая смерть.

Все вещи двойственны, а имена у них одни и те же.

И, наконец, два человека, которые живут в праведниках. Они из двух миров, член и образ Иисуса Христа. И поэтому все имена им подходят — праведный грешник, живой мертвец, мертвый живущий, отверженный избранный и т. д.

И в вере, и в морали есть множество истин, которые кажутся несовместимыми, но все уживаются между собой в дивном порядке.

Источник всех ересей — это исключение каких-нибудь из этих истин.

Обычно происходит так, что, не умея увидеть связь между двумя противоречивыми истинами и полагая, будто признание одной означает исключение другой, они утверждают одну, исключают другую, а про нас думают, что мы делаем обратное. Но причина их ереси и есть такое заблуждение; а невежественное предположение, будто мы держимся противоположной истины, заставляет их спорить.

2. Пример. О Святых Дарах мы веруем, что поскольку субстанция хлеба преобразается и пресуществляется в субстанцию Тела Господня, Иисус Христос поистине здесь присутствует: вот одна истина. Другая же в том, что это таинство есть также образ таинства креста и славы и поминовение обоих. Католическая вера заключает в себе обе эти истины, которые кажутся противоположными.

Нынешние еретики, не понимая, что это таинство заключает в себе вместе и присутствие Иисуса Христа, и Его образ, что это и жертва, и поминовение жертвы, полагают, что нельзя допускать одну из этих истин, не исключая другой.

Они придерживаются того единственного понятия, что это таинство — образ, и в этом они не еретики. Они думают, что мы исключаем эту истину. Потому они и предъявляют нам столько возражений, основанных на тех местах из Отцов Церкви, где об этом говорится. И вот они отрицают присутствие — и в этом они еретики.

1. Пример. Иисус Христос есть Бог и человек. Ариане ² не могут соединить эти две вещи, которые они считают несовместимыми, говорят, что Он — человек, и в этом они католики; но они отрицают, что Он — Бог, и в этом они еретики. Они утверждают, что мы отрицаем Его человечество, и в этом они невежды.

3. Пример. Индульгенции.

Вот почему кратчайший путь к пресечению ересей — это учить людей всем истинам, и величайшее средство ереси опровергнуть — это провозглашать все истины.

Ибо что смогут сказать еретики?

Чтобы узнать, действительно ли суждение принадлежит Отцу Церкви...

734 (817). Заглавие.

Почему так верят лжецам, объявляющим, что они видели чудеса, и не верят никому из тех, кто говорит, будто владеет тайной бессмертия или вечной молодости.

Размышляя, отчего такому множеству шарлатанов, хвастающихся, будто знают всякие снадобья, люди доверяются настолько, что вручают им свою жизнь, я предположил: истинная причина здесь в том, что среди них встречаются и настоящие целители; ведь невероятно, чтобы стольким поддельным врачам люди так доверяли, не будь настоящих. Если бы вообще не было средств ни от какой болезни и все болезни были неизлечимы, люди не могли бы вообразить, что они могут такие средства дать, и тем более — что столько людей верило тем, кто прежде них хвалился таким знанием. Точно так же, если кто-то хвастает, что может спасти от смерти, ему никто не верит, ибо тому нет никаких примеров. Но поскольку есть немало снадобий, которые признаны полезными даже величайшими из людей, людское мнение качнулось в эту сторону, и поскольку известно, что это возможно, был сделан вывод, что так оно и есть. Ведь простые люди рассуждают обычно так: какая-то вещь возможна, следовательно, она существует. Оттого, что эту вещь нельзя отрицать вообще, поскольку какие-то ее частные проявления действительно существуют, простые люди, не умеющие различать, какие из ее частных проявлений истинны, а какие ложны, верят во все скопом. Равно как и в несуществующие действия луны верят потому, что есть настоящие — к примеру, морской прилив. И то же самое с пророчествами, чудесами, толкованием снов, колдовством и т. д.; ведь если бы во всем этом не было ничего настоящего, в это бы никто не верил; поэтому вывод следует делать не тот, что нет истинных чудес, коль скоро есть множество ложных, напротив, следует сказать, что истинные чудеса несомненно есть, коль скоро есть столько ложных, и что ложные существуют единственно по той причине, что есть истинные. И таким образом нужно рассуждать о религии; ведь невозможно, чтобы люди придумали себе столько ложных религий, если бы не было одной истинной. На это возражают, что религия есть и у дикарей, но можно ответить, что они о чем-то слышали, как это явствует из потопа, обрезания, креста святого Андрея ¹ и т. д.

735 (818). Размышляя о том, почему существует столько ложных чудес, ложных открытий, колдовства и т. д., я увидел причину в том, что существуют настоящие; ведь такое множество ложных чудес было бы невозможно, не будь настоящих, и невозможны были бы ложные религии, не будь истинной. Ибо если бы ничего этого вовсе не было, невозможно, чтобы одни люди все это придумали, а еще невозможней — чтобы другие в это поверили. Но поскольку величайшие вещи истинно существуют и великие люди в них верили, то из-за

этого почти все оказались готовы поверить и в ложные, так что вывод тут следует делать не тот, что нет истинных чудес, коль скоро есть множество ложных, но напротив, что истинные чудеса есть, коль скоро есть множество ложных, и что ложные чудеса существуют единственно по той причине, что есть истинные; и так же точно ложные религии существуют потому, что есть одна истинная. На это возражают, что и у дикарей есть религия, но это потому, что они слышали об истинной, о чем свидетельствуют крест святого Андрея, потоп, обрезание и т. д. Тут дело в том, что разум человеческий, склоненный истиной в эту сторону, стал восприимчив и ко всякой лжи, исходящей отсюда...

736 (96). Когда люди привыкают к неправильным объяснениям природных явлений, они уже не могут принять правильных, когда те появляются. Так случилось с идеей кровообращения, объясняющей, почему вена вздувается под жгутом ¹.

737 (10). Обычно мы больше верим тем соображениям, до которых додумались сами, чем тем, что пришли в голову другим.

738 (341). История со щукой и лягушкой Лианкура ¹. Они всегда делают так и никогда иначе, и никаких других разумных вещей.

739 (864). Истина в наше время так покрыта тьмой, а ложь так прочно утвердилась, что где уж нам любить истину — мы ее даже не знаем.

740 (583). Вред приносят те, кто знают истину, но защищают ее до тех пор, пока их выгода с нею совпадает, а без этого от нее отворачиваются.

741 (340). Счетная машина производит действия, которые ближе к мысли, чем все, что делают животные; но она не делает ничего, что позволило бы сказать, будто у нее есть воля, как у животных.

742 (108). Даже когда для людей вовсе нет выгоды в том, что они говорят,— это не основание утверждать непреложно, что они не лгут; бывает ведь ложь и просто ради лжи.

743 (859). Можно испытывать удовольствие на корабле во время бури, если твердо уверен, что корабль не потонет; гонения, обрушивающиеся на Церковь, такого же рода.

744 (18). Когда о чем-то нет достоверного знания, хорошо, если есть всеобщее заблуждение, убаюкивающее людские умы, — к примеру, луна, воздействию которой приписывается смена времен года, течение недугов и т. д.; ведь главная болезнь человека — беспокойное любопытство о тех вещах, которых он знать не может, и для него уж лучше заблуждение, чем такое бесполезное любопытство.

745 (18). Манера письма Эпиктета, Монтеня и Соломона де Тюльи¹ — самая распространенная, самая доходчивая, самая запоминающаяся; их сочинения чаще всего цитируют, потому что они все состоят из мыслей, рождающихся по поводу обычных житейских вещей. К примеру, когда заговорят о царящем в свете заблуждении, будто луна — причина всему, то не преминут вспомнить, что Соломон де Тюльи говорит: когда истина неизвестна, хорошо, если есть всеобщее заблуждение, и т. д. (это мысль с другой стороны).

746 (787). О том, что ни Иосиф, ни Тацит, ни другие историки не говорили об Иисусе Христе.

Это отнюдь не довод «против», наоборот, это довод «за». Ведь несомненно, что Иисус Христос был, что Его религия вызвала много разговоров и что эти люди не могли о ней не знать; поэтому очевидно, что они умалчивают о ней с умыслом, или что они о ней говорили, но это было вычеркнуто или изменено.

747 (589). О том, что христианская религия — не единственная.

Этот довод отнюдь не наводит на мысль о ее ложности, напротив, он позволяет видеть, что она истинна.

748 (239). Возр. Те, кто надеются на спасение, счастливы этим, но для них есть словно противовес — страх перед адом. Отв. У кого больше оснований бояться ада — у того, кто не ведает, существует ад или нет, и твердо знает, что будет проклят, если существует; или у того, кто догадывается, что ад есть, и если так, надеется спастись?

749 (456). Благодаря какому же извращению разума нет никого, кто бы не ставил себя самого выше всего на свете и не любил бы собственное благо и время своего счастья и своей жизни более всего остального на свете!

750 (176). Кромвель грозил опустошить весь христианский мир; королевское семейство погубило бы, а его собственное стало бы всемогущим, если б не крохотная песчинка в его мочевом пузыре. Даже Риму было уготовано трепетать перед ним. Но завелся у него этот камешек, и он умер, семейство его оказалось в ничтожестве, кругом снова мир, и король вернулся на трон.

751 (3). Те, кто привыкли судить чувством, ничего не понимают в делах рассудка. Они стремятся прежде всего проникнуть в суть одним взглядом и не привыкли искать отвлеченных начал. А другие, напротив, привыкли рассуждать с помощью отвлеченных начал, ничего не понимают в делах чувства, ищут в них отвлеченных начал и не умеют увидеть суть одним взглядом.

752 (866). Два рода людей уравнивают вещи друг с другом: праздники с буднями, мирян со священниками, все грехи между собой, и т. д. Одни из этого заключают: что плохо для священников, то плохо и для мирян; а другие — что не плохо для мирян, то дозволено и священникам.

753 (179). Когда Август узнал, что среди тех младенцев моложе двух лет, которых Ирод велел умертвить, был и его собственный сын, он сказал, что лучше быть бором у Ирода, чем его сыном. Макробий, книга II, Sat. ¹, гл. IV.

754 (501). I Степень — когда тебя хулят за дурные дела и хвалят за добрые. II Степень. Когда тебя ни хвалят, ни хулят.

755 (258). *Unusquisque sibi deum fingit* ¹.

Отвращение.

756 (365). Мысль.

Все достоинство человека заключено в его мысли, но что такое мысль? Не глупость ли?

Мысль — вещь удивительная и несравненная по природе своей. Чтобы вызывать к себе презрение, она должна бы иметь какие-то чудовищные пороки; но у нее пороки такие, что нет ничего смешнее. Как велика она по природе своей, как низка по своим порокам.

757 (212). Утекание.

Ужасно чувствовать, как утекает все, чем мы владеем.

758 (857). Ясность. Темнота.

Темнота была бы слишком густа, если б у истины не было видимых проявлений. Такое дивное проявление в том, что она всегда присутствует в Церкви, в видимом собрании. Ясность была бы слишком ослепительна, если бы вся Церковь держалась единого мнения. Тот, Кто был всегда, — истинен, ибо истина была всегда, а никакая ложь не вечна.

759 (346). Мысль составляет величие человека.

760 (568). Возр. Писание очевидно изобилует местами, не внушенными Духом Святым.

Отв. Они ведь не вредят вере.

Возр. Но Церковь постановила, что в нем все — от Святого Духа.

Отв. У меня два ответа: 1. Что Церковь никогда этого не постановляла, другой — что если б она так постановила, то смогла бы это подтвердить.

761 (568). Есть множество извращенных умов.

762 (568). У Дионисия ¹ есть любовь, он был на месте.

763 (568). Пророчества, приводимые в Евангелии, — вы думаете, они там для того, чтобы внушать вам веру? Нет, они для того, чтобы отдалять вас от веры.

764 (11). Все захватывающие развлечения опасны для христианской жизни; но среди всех, придуманных светом, нет ни одного, которого следовало бы страшиться больше, чем театра. Такое правдоподобное и искусное изображение страстей возбуждает и порождает их в нашем сердце, и прежде всего — любовь; особенно же если она изображается чистой и добродетельной. Ибо чем невиннее она кажется невинным душам, тем более они готовы ее воспринять; страсть приятна нашему самолюбию, которое тотчас рождает желание вызывать те чувства, что так хорошо представлены на сцене; и в то же время возникает понятие о добродетельности изображаемых чувств; оно изгоняет страх из невинных душ, воображающих, что чистота не будет поругана, если любить любовью, которая представляется им чувством столь похвальным.

И вот у людей, уходящих из театра, сердце так полнится всей красотой и сладостью любви, а душа и ум так убеждены в ее невинности, что они совершенно готовы воспринять первые ее впечатления, а еще лучше — искать случая возбудить ее в чем-нибудь сердце, чтобы получить такие наслаждения и такие жертвы, которые столь хорошо были представлены на сцене.

765 (39). Если бы молния ударяла в низины и т. д., — поэты и те, кто умеют рассуждать только о такого рода вещах, лишились бы доказательств.

766 (8). Есть много людей, которые слушают проповедь так же, как вечернюю службу.

767 (306). Поскольку герцогский, королевский, судейский сан — вещи подлинно существующие и необходимые (потому что сила правит всем), они есть всегда и везде; но поскольку они даются такому-то или такой-то исключительно произвольно, то это вещи непостоянные, подверженные переменам и т. д.

768 (345). Повеления разума для нас более непререкаемы, чем повеления любого властелина: ведь послушавшись одного, мы будем несчастны, а послушавшись другого, мы окажемся глупцами.

769 (903). (*State super vias et interrogate de semitis antiquis et ambulare in eis et dixerunt non ambulabimus, sed post cogitationes nostras ibimus* ¹). Они сказали народам: идемте с нами, последуем мнениям новейших авторов; природный

разум будет нам водителем; мы будем подобны другим народам, следующим каждый своему природному разумению. Философы...)

Для всех религий и сект на свете водителем был природный разум; только христиане обязали себя повиноваться внеположным им правилам и изучать те, что Иисус Христос оставил древним для нас и передал верным. Такое ограничение стеснительно для добрых отцов иезуитов. Они хотят быть вольны, как прочие, следовать собственному воображению. Тщетно взываем мы к ним, как некогда пророки к евреям: идите в Церковь, расспросите о путях, оставленных ей древними, и следуйте этими тропами. Они отвечали, как евреи: мы не пойдём и будем жить по своим помыслам. И сказали: мы будем как другие народы.

Серия XXVII

770 (103). Пример Александрова целомудрия не породил столько девственников, сколько породил невоздержных пример его пьянства. Не стыдно быть не столь добродетельным, как он, и кажется простительно не быть более порочным. Нам кажется, будто пороки простых смертных нам чужды, когда мы предаемся порокам великих людей. Между тем мы не замечаем, что в этом они — простые смертные. Мы прикасаемся к ним с того конца, которым они касаются простых людей. Ведь как бы высоко они ни были вознесены, каким-то краешком они соединяются с последними из людей. Они не висят в воздухе, отделившись целиком от нашего общества. Нет, нет; если они и выше нас, то это потому, что голова их поднимается выше, но их ноги стоят так же низко, как наши. Все они на одной черте и попирают одну и ту же землю, и с этого конца они ровня нам — и самым малым, детям, животным, и т. д.

771 (355). Бесперывное красноречие скучно.

Принцы и короли порой играют. Не всегда они восседают на своих тронах. Им там скучно. Чтобы ощутить свое величие, надо с ним расстаться на время. Бесперывность надоедает во всем. Приятно замерзнуть, чтобы согреться.

Природа продвигается вперед. *Itus et reditus*, она шагает и возвращается, потом идет дальше, потом проделывает расстояние вдвое меньше, потом большее, чем когда-либо, и т. д. ААа.

Морской прилив колеблется так же — аАаАаа, и так же, похоже, движется солнце.

772 (58). Вы неловки — «прошу вас, извините меня»; без этих извинений я и не заметил бы, что меня задели.

«При всем почтении, скажу», тут только и есть плохого, что эти извинения.

773 (135). Нас радует только борьба, но не победа.

Нам нравится смотреть на схватку зверей, но не на победителя, терзающего жертву. Чего же мы ждали, как не полной победы; но вот она пришла — и мы чувствуем пресыщение. Так и в игре, так и в поисках истины. Нам нравится следить за борьбой мнений в спорах; но созерцать обретенную истину? увы! Чтобы люди взирали на нее с удовольствием, нужно показать, как она рождается в споре. То же самое и со страстями: смотреть на схватку двух страстей приятно, но когда одна берет верх, это уже просто зверство.

Нам нужны не сами вещи, но их поиски. Поэтому в пьесе нас так мало трогают сцены спокойные, не заставляющие дрожать от страха, и ужаснейшие несчастья без надежды, и удовлетворенная страсть, и дикая жестокость.

774 (497). Против тех, кто, полагаясь на милосердие Божие, не заботится творить добрые дела.

Поскольку у грехов наших два источника — гордыня и леность, Господь открыл нам два Своих качества, их излечивающие: милосердие и справедливость. Справедливости свойственно принижать гордыню, как бы ни были святы дела, и *non intres in iudicium*¹, и т. д., а милосердию свойственно побеждать лень, призывая к добрым делам, как сказано в одном месте²: «Благость Божия ведет тебя к покаянию», а в другом³ о Ниневитянах: «Покаемся, кто знает, может быть, еще Бог умилосердится». Отсюда видно, что милосердие отнюдь не попустительствует расслабленности, напротив, это свойство, определенно с нею борющееся. Вместо того, чтобы говорить: «если бы не было милосердия у Бога, нужно было бы прилагать всевозможные усилия, стремясь к добродетели», следует говорить, напротив, что как раз потому, что Бог милосерд, и нужно прилагать всевозможные усилия.

775 (899). Против тех, кто злоупотребляет словами Писания и пользуется тем, что находит среди них якобы подтверждающие их заблуждения.— Глава для Вечерни, Пасхальное Воскресение, молитва о короле.

Толкование слов: «Кто не за меня, тот против меня». И других: «Кто не против вас, тот за вас». Человек говорит: «Я ни за, ни против»; ему следует ответить...

776 (858). Историю Церкви следует на самом деле называть историей истины.

777 (847). Один из антифонов рождественской вечерни: Exortum est in tenebris lumen rectis corde ¹.

778 (68). Людей не учат достойному поведению и учат всему остальному. А они ничему так не стремятся научиться, как достойному поведению. Они хотят знать то единственное, чему их не учат.

779 (88). Дети пугаются рожицы, которую сами намалевали. Они дети; но как может тот, кто так слаб в детстве, стать сильным в зрелости! Мы просто меняем свои причуды. Все, что улучшается при движении вперед, этим же движением губится. Все, что было слабо, никогда не сможет стать сильным до конца. Напрасно мы говорим: «он вырос, он изменился»; он все тот же.

780 (62). Предисловие к первой части.

Поговорить о тех, чьим предметом было познание самих себя, о делениях Шаррона ¹, удручающих и скучных. О беспорядке у Монтеня, который хорошо чувствовал слабость правильной методы. Что он избегал этого, перепрыгивая от темы к теме, что он искал свежего воздуха.

Он возымел глупое намерение рисовать самого себя, и делать это не между прочим и вопреки своим правилам — в такую слабость впадают все, — а следуя собственным правилам и первоначальному основному замыслу. Говорить глупости ненароком, по слабости — болезнь обычная, но говорить их умышленно — это невыносимо, а говорить такие глупости...

781 (242). Предисловие ко второй части.

Поговорить о тех, кто касались этого предмета.

Я поражаюсь дерзости, с которой эти люди берутся говорить о Боге.

Обращая свои речи к нечестивцам, они начинают с доказательств существования Бога через явления природы. Я бы не удивился таким их словам, если б они обращались к верным; несомненно, что те, в чьих сердцах вера жива, видят тотчас же, что все существующее есть не что иное, как творение Бога, Коему они поклоняются; но те, в ком свет угас и в ком вы намереваетесь его снова возжечь, — эти люди, лишенные веры и благодати, ищут всем своим

разумом, но все, что они видят в природе и что могло бы их привести к познанию истины, считают всего лишь мраком и тьмой, — говорить таким людям, что стоит им только взглянуть на малейшую из вещей вокруг, и они увидят Бога воочию, приводить им как единственное доказательство в таком великом и важном деле движение луны и планет и полагать, что таким доводом можно завершить доказательство, — это значит давать им основание думать, будто доказательства нашей религии весьма слабы, и я знаю по размышлению и опыту, что это лучший способ вызвать их презрение. Не так говорит об этом Писание, которое лучше разбирается в вещах божественных. Оно говорит, напротив, что Бог — это Бог сокровенный и что после грехопадения Бог оставил людей в слепоте, от которой их может излечить только И. Х., а вне Его всякое общение с Богом прервано. *Nemo novit patrem nisi filius et cui filius voluit revelare* ¹.

Вот что показывает нам Писание, когда говорит во многих местах, что те, кто ищут Бога, Его находят. Это не такой свет, о котором говорят — как солнце в ясный день. Не сказано, что те, кто ищут солнца в ясный день или воды в море, их найдут; поэтому свидетельство природы о Боге не должно быть таково. И Писание говорит нам в другом месте: *vere tu es deus absconditus* ².

782 (266). Сколько линзы открыли нам вещей, не существовавших для философов былых времен! Кое-кто открыто нападал на Священное Писание за слова о множестве звезд, говоря: их только 1022, мы точно знаем.

На земле есть травинки, мы их видим; с Луны бы мы их не видели. А на травинках — ворсинки, а на ворсинках — крохотные букашки, но дальше этого — ничего, о гордецы!

Разнородные тела составлены из элементов, а элементы — нет; о гордецы, вот трудный случай.

Не следует говорить, что существует то, чего мы не видим. Говорить нужно как все прочие, но думать не так, как они.

783 (357). Когда люди пытаются доходить в добродетелях до крайностей с обоих концов, являются пороки, незаметно осаждающие их пути со стороны бесконечно малого, и является множество пороков со стороны бесконечно великого, так что люди теряются в пороках и уже не видят добродетелей. — Они хотят стать самим совершенством.

784 (23). Слова, по-разному расположенные, дают разные мысли. А мысли, по-разному расположенные, производят разное действие.

785 (776). Ne timeas, pusillus grex; timore et tremore ¹. Quid ergo, ne timeas, modo timeas ².

Не бойтесь, если вы боялись; но если вы не боялись, бойтесь.

Qui me recipit, non me recipit sed eum qui me misit ³.

Nemo scit neque filius ⁴.

Nubes lucida obumbravit ⁵.

Иоанн Креститель должен был обратить сердца отцов к детям, а И. Х.— положить различие; противоречия нет.

786 (865). Если вообще бывает время, когда нужно исповедовать две противоположные вещи, то это тогда, когда за уклонение от одной из них преследуют; иезуиты и янсенисты не правы, что их скрывают, но янсенисты виноваты больше, так как иезуиты лучше клялись в обеих.

787 (843). Г. де Кондран ¹. Он говорит, что нельзя сравнивать единство святых с единством лиц Троицы.

И. Х. говорит обратное.

788 (486). Когда человек был невинен, достоинство его состояло в том, чтобы находить применение всем тварям и первенствовать среди них; теперь оно в том, чтобы от них отделяться и покорять их себе.

789 (50). Мысли.

Одна и та же мысль меняется в зависимости от слов, которые ее выражают. Мысли получают свое значение от слов, а не дают его словам.

790 (627). Кажется, Иисус Навин был первым из народа Божьего, кто носил это имя. А Иисус Христос был последним из народа Божьего.

791 (777). Действие in communi и in particulari ¹.

Как мне кажется, полупелагиане ² заблуждаются, говоря об in communi то, что верно только для in particulari, а кальвинисты — говоря об in particulari то, что верно in communi.

Серия XXVIII

792 (101). Я утверждаю, что если бы все люди знали, что они говорят друг о друге, на свете не нашлось бы и четверых друзей. Это видно по тем ссорам, причиной которых — нескромные рассказы, порой доносящиеся до нас.

793 (737). Отныне я отвергаю все другие религии.

Здесь я нахожу ответ на все возражения.

Это справедливо, чтобы столь чистое Божество открывалось лишь тем, чье сердце очищено.

Эта религия мне уже по душе, и я нахожу, что такой божественной морали достаточно для ее подтверждения, но я нахожу в ней и многое другое.

Мне кажется убедительным, что, сколько помнят люди, существует народ, более древний, чем все остальные.

Людям неизменно возвещается, что они целиком испорчены, но что придет Избавитель.

Что это сказано не одним человеком, но великим множеством людей и целым народом, пророчествовавшим именно об этом на протяжении 4 000 лет; книгами, рассеянными по свету на протяжении 400 лет.

Чем больше я в нее вглядываюсь, тем больше нахожу в ней истины. Целый народ Его предсказывал до Его пришествия, целый народ Ему поклоняется после; и то, что предшествовало, и то, что последовало; и эта синагога, Ему предшествовавшая, и эти толпы евреев, несчастных, лишенных пророков, которые следуют за Ним и, будучи все Его врагами, неопровержимо свидетельствуют для нас об истинности этих пророчеств, предсказывавших и их несчастья, и их слепоту. И вот они без идолов и без царя.

Слепота евреев, ужасная и предсказанная. *Eris palpans in meridie* ¹. *Dabitur liber scienti litteras et dicet non possum legere* ².

Скипетр был еще в руках первого узурпатора-иноземца.

Слух о пришествии Иисуса Христа.

Я восхищаюсь первой и святейшей религией, божественной в своем праве, в своем долготии, в своей непрерывности, в своей морали, в своих поступках, в своем учении, в своем действии и...

И вот я воздеваю руки к Избавителю моему; будучи предсказан за 4 000 лет, Он пришел страдать и умереть за меня на землю в то время и в тех

обстоятельствах, которые были предсказаны, и благодатью Его я ожидаю мирной кончины, уповая соединиться с Ним навеки, а меж тем живу в радости — во благе, которое Ему угодно мне даровать, либо в несчастьях, которые Он посылает ради моего блага и которые Он примером Своим научил меня терпеть.

794 (393). Забавно думать, что есть на свете люди, которые, презрев все законы божеские и природные, сотворили себе свои собственные и неукоснительно им повинуются, к примеру, воины Магомета и т. д., воры, еретики и т. д., а также логики.

Их дерзость, кажется, не знает ни границ, ни преград, коль скоро их не останавливают преграды столь справедливые и святые.

795 (160). Чихание поглощает всю душу точно так же, как и серьезное дело, но из этого не следуют те же выводы против величия человека, потому что это происходит против его воли, и хотя иногда он сам старается это сделать, он старается против своей воли. Это делается не ради самой этой вещи, а для другой цели. Поэтому в таком поступке нет свидетельства слабости человека и его рабства.

Поддаваться страданию не постыдно для человека, а поддаваться наслаждению — постыдно. Это не потому, что страдание приходит к нам извне, а наслаждения ищем мы сами. Ведь можно искать страдания и нарочно поддаваться ему, не впадая в такую низость. Отчего же для разума почетно сгибаться под силой страдания и постыдно сгибаться под силой наслаждения? Оттого, что не страдание искушает нас и притягивает; мы сами добровольно избираем его и позволяем ему завладеть нами, так что мы над ним хозяева, и человек при этом сгибается перед самим собой. Но в наслаждении человек сгибается перед наслаждением. А славу приносят только господство и власть, позор же приносит только рабство.

796 (314). Бог
все создал для Себя.
Себе даровал власть над горем и благом.

Вы можете отнести это к Богу или к себе.

Если к Богу, Евангелие — закон.

Если к себе, вы займете место Бога.

Поскольку Бог окружен существами, исполненными милосердия и просящими у Него даров милосердия, которые в Его власти, то...

Познай же себя и помни, что ты всего лишь царь похоти и ходишь путями похоти.

797 (310). Царь и тиран.

У меня тоже будут задние мысли.
Я буду осторожен при всяком путешествии.

Величие установлений, почтение к установлениям.

Удовольствие для сильных мира сего — возможность творить счастливых.

Богатству свойственно, чтобы его раздавали щедро.

Нужно искать, что свойственно каждой вещи. Власти свойственно покровительствовать.

Когда сила противостоит ужимкам, когда простой солдат срывает квадратную шапочку с председателя суда и выбрасывает ее через окно.

798 (41). Эпиграммы Марциала ¹.

Любям нравятся насмешки, но не над кривыми или убогими, а над удачливыми гордецами. Мы ошибаемся, думая иначе, ибо причиной всех наших порывов — похоть, и человечество...

Следует нравиться тем, чьи сердца добры и нежны.

...О двух кривых ничего не стоит, ибо это их не утешает, а только подхлестывает тщеславие автора.

Все, что нужно одному лишь автору,— вздор.

Ambitiosa recidet ornamenta ².

Серия XXIX

799 (612). Быт. 17. Statuam pactum meum inter me et te foedere sempiterno ut sim deus tuus ¹.

Et tu ergo custodies pactum meum ².

800 (532). В Писании есть места, утешающие человека в любом положении и устрашающие его в любом положении.

Природа словно делает то же самое с помощью двух бесконечностей — природной и моральной. Ведь у нас всегда будут те, кто выше нас и кто ниже, кто умнее нас и кто глупее, кто блаженнее нас и кто несчастней, чтобы умалить нас в гордыне и приподнять в унижении.

801 (660). Fascinatio ¹ — Somnum Suum ² — figura huius mundi ³.

Евхаристия.

Comedes panem tuum ⁴ — panem nostrum ⁵.

Inimici dei terram lingent ⁶. Грешники лизут землю, то есть любят земные наслаждения.

Ветхий Завет содержал в себе образы будущей радости, а Новый содержит средства ее стяжать.

Были образы радости, средства покаяния, и все же пасхального агнца ели с горькими травами, cum amaritudinibus ⁷.

Singularis sum ego donec transeam ⁸. И. Х. до Своей смерти был почти единственным мучеником.

802 (122). Время излечивает боль и ссоры, потому что мы меняемся. Мы уже не прежние; ни обидчик, ни обиженный уже не те люди. Это как народ, которому нанесли оскорбление, а потом встретились с ним снова спустя два поколения. Они по-прежнему французы, но не те же самые.

803 (386). Если бы мы каждую ночь видели во сне одно и то же, это действовало бы на нас так же, как те предметы, которые мы видим каждый день наяву. И если бы ремесленник был уверен, что каждую ночь двенадцать часов подряд ему будет

сниться, будто он король, то он был бы почти так же счастлив, как король, которому каждую ночь двенадцать часов подряд снилось бы, будто он ремесленник.

Если бы каждую ночь нам снилось, что нас преследуют враги, и эти страшные призраки нас бы осаждали, а дни свои мы проводили бы в разных хлопотах, как во время путешествия,— то мы мучились бы почти так же, как если б это было на самом деле, и боялись бы заснуть, как бояться просыпаться, когда есть опасность, что такие невзгоды могут постигнуть наяву. И сон действительно мог бы причинить такое же зло, что и явь.

Но поскольку сны все разные и даже один и тот же сон меняется, они воздействуют на нас много меньше, чем явь, которая более постоянна; впрочем, не настолько она постоянна и однообразна, чтобы не меняться тоже, но она это делает не так резко — разве что в редких случаях вроде путешествий, и тогда мы говорим: я словно во сне; ведь жизнь — это греза, только чуть менее изменчивая.

804 (447). Можно ли предположить, будто люди, говоря, что справедливость удалась с земли, имели понятие о первородном грехе? *Nemo ante obitum beatus*¹. Значит ли это, будто они знали, что после смерти начинается вечное, настоящее блаженство?

805 (106). Зная главную страсть каждого, можно не сомневаться, что ему понравиться; и однако у каждого есть свои прихоти, противоречащие его собственному благу и даже его понятию о своем благе, и такие странности нарушают правильную гамму.

806 (147). Мы не довольствуемся той жизнью, которая заключена в нас и нашем собственном существе. Мы хотим жить воображаемой жизнью в представлениях других, и ради этого прилагаем все усилия, чтобы создать видимость себя. Мы постоянно стараемся приукрашать и охранять наше воображаемое существо и пренебрегаем подлинным. И если мы наделены спокойствием, или великодушием, или верностью, мы торопимся оповестить об этом, чтобы присоединить такие качества к нашему второму существу; мы готовы отделить их от себя, чтобы наделить ими другого. Мы охотно станем трусами, чтобы прослыть храбрецами. Явное свидетельство ничтожности нашего собственного существа — в том, что мы не можем довольствоваться одним без другого и часто обмениваем одно на другое. Тот, кто не готов умереть, чтобы сберечь свою честь,— тот будет покрыт позором.

807 (519). Ин. 8.

Multi crediderunt in eum.

Dicebat ergo Jesus, si manseritis vere mei discipuli eritis et veritas liberabit vos.

Responderunt semen Abrahae sumus et nemini servimus unquam ¹.

Есть разница между учениками и учениками истинными. Их распознают, сказав им, что истина сделает их свободными. А они отвечают, что они свободны и сами могут вырваться из рабства у дьявола. Они действительно ученики, но не истинные.

808 (245). Есть три средства веровать: разум, обычай, вдохновение свыше. Христианская религия, будучи единственной разумной, не принимает за истинных своих чад тех, кто верует без вдохновения. Она отнюдь не исключает разума и обычая, напротив; нужно открывать свой ум для доказательств, укрепляться обычаем, но смиренно отдаваться вдохновению, которое одно может производить действие истинное и спасительное, ne evasuetur crux Christi ¹.

809 (230). Непостижимо, что Бог есть, и непостижимо, что Его нет, что у тела есть душа, что у нас нет души, что мир был сотворен, что он не был сотворен, и т. д., что первородный грех был и что его не было.

810 (193). Quid fiet hominibus qui minima contemnunt majora non credunt ¹.

811 (741). Две самые древние книги в мире — это книги Моисея и Иова. Один — иудей, другой — язычник, и оба видят в И. Х. их общее средоточие и цель — Моисей, передавая обетования Божии Аврааму, Иакову и т. д., и Иов. Quis mihi det ut, и т. д. Scio enim quod redemptor meus vivit ¹, и т. д.

812 (798). Стиль Евангелия замечателен во многих отношениях, и среди прочего тем, что в нем не найти поношений палачам и врагам Иисуса Христа. У евангелистов нет никакой хулы на Иуду, Пилата или кого-нибудь из иудеев.

Если бы такая сдержанность евангелистов была притворной, равно как и множество других столь же прекрасных черт, и если б они притворялись только для того, чтобы об этом заговорили, они — если не решались говорить об этом сами, — непременно снискали бы себе друзей, которые говорили бы об

этом к их выгоде; но поскольку они вели себя так без всякого притворства, движимые чистым бескорыстием, этого никто не заметил, и я думаю, что многие такие вещи остаются незамеченными и по сей день, что свидетельствует о невозмутимости, с которой это делалось.

813 (895). Никогда зло не творится так широко и так весело, как когда оно делается по убеждению.

814 (6). Как люди портят себе ум, так портят и чувства.

Ум и чувства образуются беседами, беседами ум и чувства портятся. Благие или дурные беседы их образуют или портят. Поэтому важно уметь их различать, чтобы образовывать себя и не портить. Но такой выбор можно сделать, только если человек уже образован и не испорчен. Вот замкнутый круг, и блаженны те, кому удается его разорвать.

815 (259). Люди обыкновенно могут не думать о том, о чем думать не хотят. Не думай про то, что сказано о Мессии, говорил иудей своему сыну. Так часто поступают и наши, и так для многих людей сохраняются ложные религии, да и истинная тоже.

Но есть люди, которые не могут помешать себе думать и думают тем упорнее, чем строже им запрещают. Такие порывают с ложными религиями, и истинной тоже, если не находят убедительных доводов.

816 (240). Я бы сразу же отказался от наслаждений, говорят они, если б у меня была вера. А я вам говорю: вера сразу же придет к вам, если вы откажетесь от наслаждений. Начать должны вы. Если бы я мог, то дал бы вам веру. Я не могу этого сделать и тем проверить истинность ваших слов, но вы несомненно можете отказаться от наслаждений и проверить, истинно ли то, что говорю я.

817 (615). Не стоит говорить: признайте, что в христианской религии есть что-то поразительное. Вам скажут: это потому, что вы в ней родились. Отнюдь не так, и я был настроен против нее по этой причине, из страха, как бы мой разум не был соvrащен таким пристрастием; и все же, хотя я в ней рожден, я нахожу ее поразительной.

818 (782). Победа над смертью. Для чего человеку обрести весь мир, если он потеряет душу свою. Кто хочет душу свою сберечь, тот ее потеряет.

Не нарушить закон пришел Я, но исполнить.

Агнцы не брали на себя грехи мира, но Я — Агнец, Который берет на Себя грех мира.

Моисей не дал вам хлеб с неба.

Моисей не избавил вас от плена и не сделал вас истинно свободными.

819 (712). Пророчества, где предсказания всяких частных перемешаны с предсказаниями о Мессии так, чтобы пророчества о Мессии не остались без доказательств, а пророчества о частных без последствий.

820 (561). Есть два способа убеждать в истинности нашей религии: один — силой разума, другой — авторитетом говорящего.

Мы не пользуемся последним, но только первым. Мы не говорим: надо в это верить, потому что так сказано в Писании, а оно от Бога; но мы говорим, что надо в это верить по такой-то и такой-то разумной причине; это слабые аргументы, потому что разум готов склоняться к чему угодно.

Серия XXX

821 (252). Не следует заблуждаться на свой счет, мы представляем собой столько же автомат, сколько дух. Поэтому орудие убеждения для нас — не одни лишь доказательства. Много ли вещей было доказано? Доказательства убеждают только разум, обычай их делает весомей и достоверней. Он склоняет автомат, а тот направляет разум без вмешательства мысли. Кто доказал, что завтра будет день и что мы умрем, и чему люди верят больше, чем этому? Убедил нас в том обычай. Это он создает христиан, турок, язычников, ремесленников, солдат и т. д. В крещении христиане получают веру, больше, чем язычники. К обычаю следует обращаться, когда разум уже увидел, где истина, чтобы оросить и окрасить нас верой, поминутно от нас ускользящей, — ведь всегда иметь перед собой доказательства веры слишком хлопотно. Нужно заиметь веру более удобную — то, что зовется привычкой, которая без насилия, без искусства, без доводов помогает нам уверовать во что-то и склоняет все силы нашей души к этой вере, так что мы принимаем ее естественно. Когда мы верим только по убеждению разума, а автомат склоняется верить в противоположное, — этого мало. Следует заставить веровать обе части нашего существа, разум — доводами, которые достаточно узнать однажды в жизни,

автомат — обычаем и не позволяя ему склоняться в другую сторону. *Inclina cor meum deus* ¹.

Разум действует медленно и исходит из стольких соображений, которые всегда должны быть перед ним, что в любую минуту он может задремать или отвлечься, не имея перед собой всех этих соображений. Чувство действует по-другому, оно действует мгновенно и всегда готово действовать. Поэтому наша вера должна полагаться на чувство, иначе она всегда будет шаткой.

(432 (194). (1.) Мы должны питать жалость друг к другу, но к одним жалость должна рождаться из нежности, к другим — из презрения.

(2.) Надо принадлежать к религии, которую они презирают, чтобы их не презирать.

(3.) Это дурно выглядит.

(4.) Это доказывает, что нам нечего им сказать — не из презрения, но потому что они лишены здравого смысла.

(5.) Люди такого рода — начетчики, школяры, и это самый жалкий род людей, какой я знаю.

(6.) Вы меня обратите.

(7—22.) Я отвергаю это не из ханжества, но по устройству человеческого сердца, не из пылкой набожности и отрешенности от мира, но по чисто человеческим причинам, по соображениям выгоды и самолюбия.

(8.) Очевидно, что нет блага без познания Бога; что мы счастливы в той мере, в какой приближаемся к Нему, и что высшее счастье — в несомненном знании о Нем; что по мере удаления от Него мы становимся несчастны и что худшим из несчастий было бы несомненное отрицание Его.

(9.) Итак, сомневаться — это несчастье, но искать в сомнении — непреложный долг, и потому тот, кто сомневается и не ищет, — одновременно и несчастен, и грешен; но если он к тому же радуется и гордится этим, то я не нахожу слов для определения такого чудовищного создания.

(10.) Разве недостаточно, что чудеса совершаются в одном месте и Провидение являет себя на одном народе?

(11.) И однако несомненно — человек извращен настолько, что в его сердце есть семена радости об этом.

(12.) Разве можно об этом говорить с радостью? Об этом следует говорить с печалью.

(13.) Хорош повод радоваться и бахвалиться с гордо поднятой головой: «Будем же радоваться, жить без страха и тревоги и ждать смерти; ведь все это еще неизвестно, а там увидим, что с нами станет». Не вижу последовательности...

(14.) Разве это храбрость, если умирающий в слабости и агонии своей оскорбляет вечного и всемогущего Бога?

(15.) Истинное воспитание требует не быть снисходительным к себе, а истинная жалость — быть снисходительным к другим.

(16.) Как был бы я счастлив, если бы кто-то сжалился над моей глупостью и по доброте своей избавил меня от нее против моей воли.

(17.) Не огорчаться этим и не любить этого — знак слабости духа и злой воли.

(18.) Какая причина для радости — ожидать только безысходных страданий! Какое утешение — отчаяться найти утешителя!

(Но если мы и не можем их тронуть, они не будут бесполезны.)

(19.) Но даже те, кто как будто больше всех противится славе религии, не будут бесполезны для других.

(20.) Наш первый довод — что здесь есть нечто сверхъестественное, потому что такая слепота естественной быть не может. А если их безумие заставляет их так яростно противиться собственному благу, то оно поможет уберечь других, внушая ужас перед таким плачевным примером и перед безумием, столь достойным сострадания.

(21.) Так ли они тверды, что будут нечувствительны ко всему их касающемуся? Испытаем их утратой состояния или чести. Как? Да это волшебство.

822 (593). История Китая.

Я верю истории только тогда, когда очевидцы готовы идти на смерть.

(Что более заслуживает доверия, Моисей или Китай?)

Не следует рассматривать это в целом; говорю вам, здесь есть то, что ослепляет, и то, что просвещает.

Одним этим словом я опровергаю все ваши рассуждения; но Китай затемняет дело, говорите вы. А я отвечаю: Китай его затемняет, но тут есть и свет. Ищите его.

Все, что вы говорите, подтверждает один замысел и не противоречит другому. Это идет на пользу и не вредит.

Следует рассмотреть это подробно. Надо выложить бумаги на стол.

823 (217). Вот наследник находит семейные грамоты. Скажет ли он, что они фальшивы, и поленится ли он их изучить?

824 (522). Закон обязывал к тому, чего не давал; благодать дает то, к чему обязывает.

825 (901). Как будто опровергает. (?)

Humilibus dat gratiam; an ideo non dedit humilitaten ¹?

Sui eum non receperunt, quotquot autem non receperunt, an non erant sui ²?

Серия XXXI

826 (673). Fac secundum exemplar quod tibi ostensum est in monte ¹.

Иудейская религия была образована по подобию с истиной о Мессии, а истина о Мессии была признана иудейской религией, которая была образом ее.

В иудейской религии истина дана лишь как образ; в небесах она открывается.

В Церкви она сокрыта и познается в соотношении с образом.

С истины был снят образ.

И истина была познана в этом образе.

827 (673). Святой Павел сам сказал, что люди откажутся от брака, и он же говорит об этом коринфянам словами, которые кажутся ловушкой. Ведь если бы пророк сказал одно, а святой Павел сказал потом другое, то его бы обвиняли.

828 (304). Нити, привязывающие почтение одних людей к другим вообще,— это нити необходимости; нужно, чтобы были разные ступени, коль скоро все хотят господствовать и не все это могут, но могут некоторые.

Представим себе, что мы видим, как начинается создаваться человеческое общество. Несомненно, люди будут сражаться между собой, пока наиболее сильная их часть не подавит слабую и не образуется господствующая часть. Но когда это уже определится, властители, не желающие, чтобы война продолжалась, установят, что принадлежащая им власть будет переходить из рук в руки как им заблагорассудится: одни будут ее передавать по выбору народа, другие по праву рождения и т. д.

И вот тут начинает играть свою роль воображение. До сих пор все зависело от грубой силы. Теперь, благодаря воображению, сила принадлежит какой-то части людей: во Франции — дворянам, в Швейцарии — простолюдинам и т. д.

Так что нити, которые привязывают почтение именно к таким-то и таким-то людям,— это нити воображения.

829 (351). Великие усилия ума, порой затрагивающие душу,— это такие вещи, на которых она не задерживается; она присаживается на них не как на трон, навечно, но лишь на миг.

РАЗДЕЛ III. ЧУДЕСА

Серия XXXII

830 (прил.) Вопросы, которые я задал господину аббату де Сен-Сирану ¹, в основном следующие. Но поскольку у меня нет копии, ему придется взять на себя труд вернуть эту бумагу с ответами, которые он соблаговолит мне дать.

1. Чтобы какое-то действие было чудесным, нужно ли ему превосходить силы человеческие, бесовские, ангельские и всей сотворенной природы?

Богословы говорят, что чудеса бывают сверхъестественны либо в своей сущности, quoad substantiam, как проникновение двух тел или пребывание одного и того же тела в двух местах одновременно; либо в способе их совершения, quoad modum, то есть когда они совершаются способами, недоступными никаким природным силам: например, когда Иисус Христос исцеляет глаза слепого грязью, тещу Петра — склоняясь над нею, и женщину, страдавшую кровотечением, — прикосновением к краю Его одежды... Большинство совершенных Им чудес, о которых рассказывается в Евангелии, такого рода. Таково же исцеление от лихорадки или от другой болезни, сотворенное мгновенно или более совершенно, чем то возможно для природы, прикосновением к мощам или призыванием имени Божия, так что мысль того, кто задается этими сложностями, правильна и согласуется со всеми богословами, даже нынешними.

2. Не достаточно ли, чтобы была превзойдена естественная сила тех средств, которые при этом употребляются; моя мысль состоит в том, что всякое действие чудесно, если оно превосходит естественную силу тех средств, которые при этом употребляются. Так, я называю чудесным исцеление болезни прикосновением к святым мощам, исцеление бесноватого призыванием имени Иисуса и т. д., потому что эти

действия превосходят естественную силу слов, которыми призывают Бога, и естественную силу мощей — они не могут исцелять от болезней и изгонять бесов. Но я не называю чудом изгнание бесов с помощью дьявольского искусства; ибо когда используют дьявольское искусство для изгнания дьявола, действие не превосходит естественной силы средств, при этом употребляемых; поэтому мне представляется, что подлинное определение чуда — это то, которое я дал.

То, что может сделать дьявол, — это не чудо, равно как и то, что может сделать животное, хотя человек сам этого сделать не может.

3. Не противоречит ли такое определение святому Фоме, и не полагает ли он, что чудесное действие должно превосходить силу всей сотворенной природы?

Святой Фома держится того же мнения, что и другие, хотя он подразделяет второй род чудес на два: чудеса quoad subjectum² и чудеса quoad ordinem naturae³. Он говорит, что первые — это те, которые природа безусловно может производить, но не в таком предмете; к примеру, она может производить жизнь, но не в мертвом теле; а вторые — это те, которые она может производить в каком-то предмете, но не такими средствами и не с такой быстротой, к примеру, исцелить в один миг и одним прикосновением лихорадку или другую болезнь, пусть даже излечимую.

4. Могут ли явные и признанные еретики творить настоящие чудеса, чтобы подтвердить заблуждение?

Чтобы подтвердить заблуждение, настоящее чудо не может быть совершено никем, ни католиком, ни еретиком, ни святым, ни злодеем, ибо Господь определил бы и заклеил Своей печатью заблуждение как ложного свидетеля или вернее как ложного судью: это несомненно и неизменно.

5. Могут ли явные и признанные еретики творить чудеса, такие, как исцеление от излечимых болезней; к примеру, могут ли они исцелить от лихорадки, чтобы подтвердить ложное положение; о. Ленжанд⁴ считает, что да.

(На этот вопрос он не ответил.)

6. Могут ли явные и признанные еретики совершать чудеса, превосходящие силы всей сотворенной природы, призыванием имени Божия и святыми мощами?

Для подтверждения истины могут, и тому есть примеры в истории.

7. Могут ли скрытые еретики, которые не отделились от Церкви, но тем не менее пребывают в заблуждении, чтобы им было легче соблазнять верных и укреплять свою партию,— могут ли они призыванием имени Иисуса или святыми мощами творить чудеса, превосходящие всю природу, и могут ли они творить хотя бы такие, что превосходят только человека, к примеру, мгновенно исцелять от излечимых болезней?

У скрытых еретиков не больше власти над чудесами, чем у явных; нет ничего скрытого от Бога, Который есть единственный творец и вершитель чудес, какими бы они ни были, лишь бы они были подлинными чудесами.

8. Служат ли чудеса, творимые именем Божиим или вмешательством божественных сил, знаменами истинной Церкви, и не утверждали ли это все католики вопреки еретикам?

Все католики в этом согласны, особенно же иезуитские авторы. Достаточно почитать Беллармино ⁵. Даже когда чудеса творились еретиками, что случилось иногда, хотя и редко,— эти чудеса были знаменами Церкви, ибо они творились единственно для того, чтобы подтвердить истину, которой учит Церковь, а не заблуждения еретиков.

9. Случалось ли когда-нибудь, чтобы еретики творили чудеса, и какой они были природы?

Достоверных таких чудес очень мало; те же, о которых известно,— это чудеса quoad modum ⁶, то есть действия естественные, произведенные чудесно таким способом, который превосходит естественный порядок.

10. Был ли другом или врагом Иисусу Христу тот человек, который изгонял бесов именем И. Х. ⁷ и о котором И. Х. сказал: «Кто не против нас, тот за нас», и что говорят об этом толкователи Евангелия? Я спрашиваю об этом потому, что о Ленжанд утверждал, что этот человек был противником И. Х.

Евангелие достаточно свидетельствует, что он не был противником И. Х.; отцы Церкви того же мнения, и почти все иезуитские авторы.

11. Будет ли Антихрист подавать знамения во имя И. Х. или во имя себя самого?

Поскольку, согласно Евангелию, он придет не во имя И. Х., но во имя себя самого, то он и не будет творить чудеса во имя И. Х., но во имя себя самого и против И. Х., чтобы разрушить веру и Церковь Его; и потому это будут ненастоящие чудеса.

12. *Были ли чудесны оракулы?*

Чудеса язычников и их идолов были не более чудесны, чем прочие действия бесов и колдунов.

831 (810). Второе чудо может предполагать первое; первое не может предполагать второго.

Серия XXXIII

832 (803). 5. Чудеса. Начало.

Чудеса помогают распознать учение, а учение помогает распознать чудеса.

Есть истинные и ложные. Чтобы распознать их, нужно знамение, иначе они бесполезны.

Они вовсе не бесполезны, напротив, они — основа.

Правила, которые Он нам дает, должны не разрушать свидетельств, которые подлинные чудеса дают нам об истине, — а она и есть главная цель чудес.

Моисей дал их два: что слово не сбудется ¹, Втор. 18, и что они не ведут к идолопоклонству ², Втор. 13, и И. X. — одно ³.

Если учение правит чудесами, чудеса бесполезны для учения.

Если чудеса правят...

Различение времени: одно правило при Моисее, другое теперь.

833 (487). Ложна всякая религия, которая в вере своей не поклоняется Богу как началу всех вещей и в морали своей не любит Бога как цель всех вещей.

834 (826). Причины неверия.

Ин. 12. 37.

Cum autem tanta signa fecisset non credebant in eum. Ut sermo Isaias impleretur. Excaecavit, etc ¹.

Haec dixit Isaias quando vidit gloriam ejus et locutus est de deo ².

Judaei signa petunt et graeci sapientiam quaerunt.

Nos autem Jesum Crucifixum.

Sed plenis signis, sed plenum sapientia.

Vos autem Christum, non crucifixum, et religionem sine miraculis et sine sapientia ³.

Люди не верят в истинные чувства потому, что не имеют любви. *In. sed vos non creditis quia non estis ex ovibus* ⁴.

Люди верят в ложные чудеса потому, что не имеют любви.

2 Фес. 2.

Основание религии.

Это чудеса; так что же? Разве Бог говорит против чудес, против основания веры в Него?

Если Бог есть, вера в Бога должна быть на земле; так вот, чудеса И. Х. не предсказаны Антихристом, а чудеса Антихриста предсказаны И. Х. И если бы И. Х. не был Мессией, Он был бы введен в заблуждение, но Антихрист не может ввести в заблуждение.

Когда И. Х. предсказывал чудеса Антихриста, думал ли Он разрушить веру в собственные чудеса?

Нет ни одного основания верить в Антихриста, которое не было бы основанием верить в И. Х.; но у И. Х. есть такие основания, которых нет у другого.

Моисей предсказал И. Х. и велел следовать Ему. И. Х. предсказал Антихриста и запретил ему следовать.

Во времена Моисея было невозможно хранить до поры веру в Антихриста, который им был неизвестен, но во времена Антихриста нетрудно верить в И. Х., уже известного людям.

835 (564). Пророчества, чудеса и доказательства нашей религии не таковы, чтобы их можно было назвать совершенно убедительными, но они достаточно убедительны, чтобы нельзя было сказать, будто верить им совершенно бессмысленно. В них есть очевидность и темнота, чтобы просвещать одних и ослеплять других, но очевидность такова, что она превосходит или по крайней мере равняется очевидности противоположного, так что не разум принимает решение ей не следовать, это могут делать только похоть и злосердечие. Таким образом, тут достаточно очевидности, чтобы осуждать, и недостаточно, чтобы убеждать; и кажется поэтому, что тех, кто следует религии, заставляет ей следовать благодать, а не разум; а тех, кто от нее бежит, похоть, а не разум, заставляет от нее бежать.

Vere discipuli, Vere Israelita, Vere liberi, Vere cibus ¹.

Полагаю, что в чудеса верят.

836 (855). Вы искажаете религию либо в защиту ваших друзей, либо против ваших врагов; вы поворачиваете ее как хотите.

837 (823). Если бы не было ложных чудес, у людей была бы уверенность.

Если бы не было правила, как различать чудеса, они были бы бесполезны и не было бы оснований верить.

А так у людей нет уверенности, но есть основания.

838 (671). Евреи, которые были призваны властвовать над народами и царями, стали рабами греха, а христиане, чьим призванием было служить и покоряться,— чада свободные.

839 (827). Суд. 13. 23. Если бы Господь хотел умертвить нас, то не показал бы нам всего того.

Езекия, Сеннахерим ¹.

Иеремия, Анания лжепророк ² умер в седьмом месяце.

2 Мак. 3. Храм под угрозой разграбления чудесно спасен ³.

2 Мак. 15.

3 Царств 17. Вдова — Илии, который воскресил ее сына. Теперь я знаю, что слова твои истинны.

3 Царств 18. Илия с пророками Вааловыми ⁴.

Никогда в спорах об истинном Боге и об истинной религии не творилось чудо со стороны заблуждения, а не истины.

840 (843). Это вовсе не царство истины; она бродит среди людей неузнанной. Бог покрыл ее завесой, из-за которой ее не узнают те, кто не слышат ее голоса; в этих местах возможно кощунство, и даже об истинах достаточно очевидных. Если провозглашаются евангельские истины, то тут же провозглашаются противоположные, все вопросы запутываются так, что простые люди не могут в них разобраться. И мы спрашиваем: что у вас есть такого, чему вы

верите больше, чем прочему, какое у вас знамение? У вас только слова, и у нас тоже. Если бы у вас были чудеса — другое дело. Это истина — что учение должно подкрепляться чудесами, которые неправильно толкуют, чтобы кощунствовать об истине. А если чудеса происходят, то говорят, что чудес без учения недостаточно, и это еще одна истина, чтобы кощунствовать о чудесах.

И. Х. исцелил слепорожденного и сотворил множество чудес в субботу, чем ослепляя фарисеев, говоривших, что о чудесах надо судить по учению.

У нас есть Моисей, а этого не знаем, откуда он.

Поразительно то, что вы не знаете, откуда Он, а Он между тем творит такие чудеса.

И. Х. ничего не говорил ни против Бога, ни против Моисея.

Антихрист и лжепророки, предсказанные обоими Заветами, будут говорить открыто против Бога и против И. Х.

Кто не против, кто будет скрытым врагом, тому Бог не позволит творить чудеса открыто.

Никогда в прилюдном споре, где обе стороны клянутся в верности Богу, И. Х., Церкви, чудеса не случаются у лжехристиан, а другие не остаются без чудес.

Он одержим бесом. Ин. 10. 21. А другие говорили: может ли бес отверзать очи слепым?

Доказательства, которые И. Х. и апостолы извлекают из Писания, не убедительны: ведь они говорят только, что Моисей сказал — пророк придет, но тем они не доказывают, что Он — тот самый; а в этом-то все дело и состоит. Эти места, следовательно, доказывают только то, что тут нет противоречия Писанию и что здесь нет расхождений, но не что здесь есть совпадение. И этого достаточно: до того, как совершатся чудеса, исключаются расхождения.

Есть взаимные обязательства между Богом и людьми. Следует принять это слово, *quod debui*¹; «рассудите Меня», — говорит Бог у Исаии.

1. Бог должен исполнить Свои обещания, и т. д.

Долг людей перед Богом — принять ту религию, которую Он им посылает. Долг Бога перед людьми — не вводить их в искушение.

Они были бы введены в искушение, если бы чудотворцы возвещали учение, которое не казалось бы очевидно ложным при свете здравого смысла, и если бы более великий чудотворец не предупредил заранее, что им нельзя верить.

И если бы был раскол в Церкви и, к примеру, ариане, утверждающие, что

они исходят из Писания, как и католики, творили чудеса, а католики — нет, мы были бы введены в заблуждение.

Ибо как человек, возвещающий нам тайны Божии, недостойн, чтобы ему верили только из уважения к нему самому, и потому нечестивцы в этом сомневаются; так и человеку, который в подтверждение своей связи с Богом воскрешает мертвых, предсказывает грядущее, перемещает моря, исцеляет больных, верят даже все нечестивцы; а неверие фараона и фарисеев есть следствие противоестественного жестокосердия.

Когда мы видим, что и чудеса, и учение вместе не вызывают сомнений с одной стороны, то тут нет трудностей; но когда и чудеса, и учение вызывают сомнения с одной и той же стороны, надо посмотреть, что яснее. И. Х. вызывал сомнения.

Ослепление Вариисуса ². Сила Господня превосходит силу Его врагов.

Иудейские заклинатели, избиваемые бесами, говорили: «Иисуса знаю, и Павел мне известен, а вы кто?» ³.

Чудеса для учения, а не учение для чудес.

Если чудеса истинны, можно ли убедить в истинности всего учения? Нет, ибо этого не случится.

Si angelus ⁴.

Правило.

Нужно судить об учении по чудесам, нужно судить о чудесах по учению.

Все это верно, но здесь нет противоречия.

Ибо надо различать время.

Как вы довольны, что знаете общие правила; вы думаете, что тем зароните смущение и сделаете все бесполезным. Мы не дадим вам это сделать, отец мой, истина — единственная и неколебимая.

Долг Господень делает невозможным, чтобы человек, скрывающий свое дурное учение и показывающий только доброе и утверждающий, что он согласен с Богом и Церковью, творил чудеса и тем незаметно внушал нам учение ложное и хитрое. Этого не может быть.

А еще меньше — чтобы Господь, Который знает сердца людские, творил чудеса в его защиту.

841 (829). И. Х. говорит, что Писание свидетельствует о Нем, но не показывает, чем.

Пророчества сами по себе не могли доказать И. Х., пока Он был жив; поэтому люди не были бы виновны, что не верили в Него до Его смерти, если бы чудес не было достаточно и без учения; следовательно, те, кто не верили в Него при Его жизни, были грешники, как Он и сам сказал, и им нет оправданий. Следовательно, у них должно было быть доказательство, которому они противились; а поскольку у них не было Писания, но только чудеса, то чудес достаточно, если они не противоречат учению. И им следует верить.

Ин. 7. 40. Споры между иудеями, как сегодня между христианами.

Одни верили в Христа, а другие в него не верили из-за пророчеств, утверждавших, что Он должен родиться в Вифлееме.

Они должны были лучше проверить, не родился ли Он там; поскольку Чудеса Его были убедительны, они должны были проверить, точно ли Его учение противоречит Писанию, и эта темнота не оправдывала их, но ослепляла.

Поэтому тем, кто сегодня отказывается верить в чудеса из-за выдуманного, несуразного противоречия, нет оправданий.

Народу, который верил в Него ради чудес, они говорили: этот народ невежда в законе, проклят он. Уверовал ли в Него кто из начальников или из фарисеев? Ведь мы знаем, что из Галилеи не приходит пророк. Никодим ответил: «Судит ли закон наш человека, если прежде не выслушают его?»

842 (588). Наша религия мудра и безумна: мудра, потому что она — самая разумная и более всех подтверждена чудесами, пророчествами и т. д., безумна, потому что не это все приводит к ней людей. Это дает основания осуждать тех, кто вне ее, но не это заставляет верить тех, кто внутри. То, что заставляет их верить,— это крест, *ne evacuata sit crux*¹.

Потому и святой Павел, который пришел в премудрости и знамениях, говорит, что он пришел и не в премудрости, и не во знамениях, ибо он пришел, чтобы обращать в веру Христову; но те, кто приходят просто убеждать, могут говорить, что пришли в премудрости и во знамениях.

843 (836). Большая разница — не быть за И. Х. и говорить об этом, или не быть за И. Х. и притворяться, что это не так. Одни могут творить чудеса, а другие нет, ибо про одних ясно, что они против истины, а про других нет. Потому и чудеса яснее.

844 (837). То, что надо любить одного Бога, столь очевидно, что чудеса для доказательства этого не нужны.

845 (861). Как хорошо для Церкви, когда у нее нет другой опоры, кроме Бога.

846 (808). И. Х. никогда не удостоверял, что Он — Мессия, сверяя Свое учение с Писанием и пророчествами, но всегда Своими чудесами.

Он доказывает, что имеет власть прощать грехи, с помощью чуда.

Не радуйтесь чудесам вашим ¹,— говорит И. Х.,— но радуйтесь тому, что имена ваши написаны на небесах.

Если они не веруют в Моисея, то не уверуют в Воскресение.

Никодим узнал по чудесам, что Его учение — от Бога. Scimus quia venisti a deo magister, nemo enim potest facere quae tu facis nisi deus fuerit cum illo ². Он судит не по учению о чудесах, но по чудесам об учении.

У иудеев было учение о Боге, как у нас есть учение об И. Х. И подтвержденное чудесами, и с запретом верить всем чудотворцам; и к тому же с повелением обращаться к первосвященникам и следовать их словам. И все основания не верить чудотворцам, которые есть у нас, были и у них по отношению к их пророкам. И все-таки на них великая вина, что они отказались верить пророкам, из-за чудес и И. Х. На них не было бы вины, если б они не видели чудес. Nisi fecissem peccatum non haberent ³.

Пророчество не называется чудом. К примеру, святой Иоанн говорит о первом чуде в Кане, затем о том, что Иисус Христос сказал Самарянке, открыв ей всю ее сокровенную жизнь, а потом исцеляет сына царедворца. И святой Иоанн называет это вторым чудом.

847 (893). Доказывая истину, мы заставляем в нее поверить; но доказывая несправедливость господ, мы ее не исправляем; мы укрепляем разум, указывая на заблуждение, но не укрепляем кошелька, указывая на несправедливость.

848 (806). Истина и чудеса необходимы, ибо нужно убеждать человека всего целиком, тело и душу.

849 (665). Любовь — не иносказательная заповедь. Говорить, что Иисус Христос, пришедший убрать иносказания, чтобы установить истину, пришел лишь дать иносказание любви, чтобы убрать подлинную действительность, бывшую прежде,— это ужасно.

Если свет — это тьма, что же такое тьма?

850 (821). Искушать и вводить в заблуждение — это разные вещи. Бог искушает, но не вводит в заблуждение. Искушать — значит предлагать такие обстоятельства, в которых не навязывается необходимости совершать какой-то поступок, если человек не любит Бога. Вводить в заблуждение — значит ставить человека перед необходимостью думать и поступать ложно.

851 (842).

Si tu es Christus dic nobis ¹.

Opera quae ego facio in nomine patris mei.

Haec testimonium perhibent de me.

Sed vos non creditis, quia non estis ex ovibus meis.

Oves meae vocem meum audiunt ².

Ин. 6. 30, *quod ergo tu facis signum, ut videamus et credamus tibi; non dicunt: quam doctrinam predicas* ³.

Nemo potest facere signa, quae tu facis nisi deus fuerit cum illo ⁴.

² Мак. 14. 15.

Deus qui signis evidentibus suam portionem protegit ⁵.

Volumus signum videre de caelo tentantes eum — Luc 11.16 ⁶.

Generatio prava signum quaerit, et non dabitur ⁷.

Et ingemiscens ait, duid generatio ipsa signum quaerit ⁸.

Они просили знамения с дурными намерениями. *Et non poterat facere* ⁹. И тем не менее Он обещает им знамение Ионы о своем воскресении, великое и несравненное.

Nisi videretis signa non creditis ¹⁰. Он винит их не за то, что они не веруют без чудес, но что они не веруют без того, чтобы быть их очевидцами.

Антихрист. *In signis mendacibus*, говорит святой Павел. 2 Фес. 2.

Secundum operationem satanae. In seductione iis qui pereunt eo quod

charitatem veritatis non receperunt ut salvi fierent. Ideo mittet illis deus operationes erroris ut credant mendacio ¹¹. Как сказано в этом месте у Моисея: tentat enim vos deus utrum diligatis eum ¹².

Ecce praedixi vobis vos ergo videte ¹³.

852 (835). В Ветхом Завете — когда вас отвращают от Бога; в Новом — когда вас отвращают от И. Х.

Вот случаи, когда исключаются из веры очевидные чудеса; других исключений не должно быть.

Следует ли из этого, что они имели право исключать всех пророков, появившихся у них? Нет. Они согрешили бы, не исключив тех, кто отрицал Бога, и согрешили бы, исключив тех, кто Его не отрицал.

Итак, при виде чуда надо либо принять его, либо иметь неоспоримые свидетельства противоположного. Нужно разобраться, отрицает ли оно Бога, или Иисуса Христа, или Церковь.

853 (192). Попрекнуть Митона тем, что он останется невозмутим, когда Бог его попрекнет.

854 (839). Если вы не верите в Меня, поверьте хотя бы в чудеса. Он их как бы отсылает к более убедительному доводу.

Евреям, как и христианам, было заповедано, чтобы они верили не всем пророкам; тем не менее фарисеи и книжники очень заняты Его чудесами и, пытаясь доказать, что они либо ложны, либо от дьявола, оказываются вынуждены решать, признают ли они, что эти чудеса от Бога.

Нам сегодня нетрудно делать такое различие; его даже очень легко делать. Те, кто не отрицает ни Бога, ни Иисуса Христа, творят только несомненные чудеса.

Nemo facit virtutem in nomine meo et cito possit de me male loqui ¹.

Но нам не нужно ломать голову над такими различиями. Вот святая религия, вот Терние из венца Спасителя мира ², над которым князь мира сего не имеет власти; оно творит чудеса силой крови, пролитой за нас. Вот Бог, Который Сам избрал эту обитель, чтобы слава Его здесь воссияла.

Но люди творят эти чудеса некоей неизвестной и сомнительной силой, которая обязывает нас проводить сложные различия. Это сам Бог, это орудие страстей Его единственного Сына, которое, побывав во множестве мест, избрало именно это и привело отовсюду людей, чтобы они получили здесь чудесное облегчение в своих скорбях.

855 (834). Ин. 6. 26. non quia vidistis signum sed quia saturati estis ¹. Те, кто следуют за И. Х. ради Его чудес, чтят Его власть во всех чудесах, которые ею творятся; но те, кто клянутся, что следуют за ним ради Его чудес, а на самом деле лишь потому, что Он их утешает и насыщает благами мира сего,— они бесчестят Его чудеса, если те мешают их благополучию.

Ин. 9. non est hic homo a deo quia sabbatum non custodit. Alii: quomodo potest homo peccator haec signa facere ². Что яснее.

Этот дом — Божий, ибо здесь творятся удивительные чудеса.

Другие: этот дом не может быть Божьим, ибо здесь не думают, что 5 положений содержатся у Янсения. Что яснее? Tu quid dicis, dico, quia propheta est, nisi esset hic a deo non poterat facere quidquam ³.

856 (828). Распри.

Авель, Каин / Моисей, волхвы. / Илия, лжепророки / Иеремия, Анания. / Михай, лжепророки / И. Х., фарисеи / Святой Павел, Вариисус. / Апостолы, заклинатели / Христиане и неверные / католики, еретики / Илия, Енох, Антихрист /

Истина в чудесах всегда побеждает. Два креста ¹.

857 (819). Иер. 23. 32. Чудеса лжепророков, по-древнееврейски и у Ватабля ¹. Тут есть оттенки.

«Чудо» не всегда означает чудеса. I Царств 14, 15. Чудо означает ужас, и так же по-древнееврейски. Так же, очевидно, и у Иова 33.7, и еще Ис. 21. 4, Иер. 44.22.

Portentum означает simulacrum ². Иер. 50. 38, и так же по-древнееврейски и у Ватабля.

Ис. 8. 18. И. Х., говорит ³, что Его и уверовавших в Него будут сопровождать знамения.

858 (840). У Церкви три рода врагов: евреи, которые никогда в нее не входили, еретики, которые из нее вышли, и дурные христиане, которые раздирают ее изнутри. Эти три рода неприятелей обыкновенно сражаются поразному, но в этом они с ней сражаются одинаково.

Поскольку у всех у них чудес нет, а у Церкви против них всегда были чудеса, то им всем выгодно чудеса устранить. Все они прибегают к одной и той же уловке — что следует судить не об учении по чудесам, но о чудесах по учению. Среди слушавших И. Х. было две партии, одни следовали Его учению ради чудес, другие говорили... Во времена Кальвина было две партии. Теперь — иезуиты, и т. д.

Серия XXXIV

859 (852). Неправые гонители тех, кого Бог явно защищает.

Если они упрекают вас за ваши излишества, то они говорят как еретики.

Если они говорят, что благодать Иисуса Христа различает нас, то они еретики.

Если совершаются чудеса — это доказательство их ереси.

Иезекииль.

Сказано: Вот народ Божий, который говорит так.

Езекия.

Преподобные отцы мои, все это происходило иносказательно. Другие религии гибнут, эта не гибнет.

Чудеса важнее, чем вы думаете. Они лежали в основании и послужат к сохранению Церкви вплоть до Антихриста, до конца. Два свидетеля.

Синагога была образом Церкви и потому не гибла; и она была только образом, и потому погублена. Это был образ, который содержал в себе истину, и потому она существовала до тех пор, пока не перестала ее содержать.

Сказано: веруйте в Церковь; но не сказано: веруйте в чудеса, потому что одна от природы, а другие нет. Одна имела нужду в заповедях, а другие нет.

И в Ветхом Завете, и в Новом чудеса совершаются через иносказания — спасение или нечто бесполезное, если не для того, чтобы доказать, что нужно покоряться твари. / Образ таинств.

860 (807). Всегда либо люди говорили об истинном Боге, либо истинный Бог говорил с людьми.

861 (805). Два основания: одно внешнее, другое внутреннее, благодать, чудеса, и то, и другое сверхъестественно.

862 (883). Несчастные, которые понуждают меня говорить об основаниях религии.

863 (814). Монтень против чудес.
Монтень в защиту чудес.

864 (884). Грешники, очищенные без покаяния, праведники, освященные без любви, все христиане без благодати, Бог без власти над человеческой волей, предопределение без тайны, искупление без уверенности.

865 (832). Чудеса перестали быть необходимы, потому что они уже совершились; но когда люди больше не держатся предания, когда полагаются на одного только папу, когда его обольстили, и когда вот так отвергнут настоящий источник истины, то есть предание, а папа, ее хранитель, опутан сетями предубеждения, и истина уже не вольна являться,— тогда люди не говорят больше об истине. Истина должна сама заговорить с людьми. Что и случилось во времена Ария.

Чудеса при Диоклетиане
и при Арии ¹

866. Беспрерывность.
Основан ли ваш характер на Эскобаре?

Быть может, вы правы, что не осуждаете их.
Достаточно, чтобы вы знали то, что я вам о них говорю.

867 (875). Разве бесчестье для папы — получать свою мудрость от Бога и предания, и разве не значит это его бесчестить — вырывать его из этого святого союза, и т. д.

868 (890). Тертуллиан: *nunquam ecclesia reformabitur* ¹.

869 (508). Чтобы сделать из человека святого, нужна благодать; а кто в этом сомневается, тот не знает, ни что такое святой, ни что такое человек.

870 (845). Еретики всегда боролись против этих трех свидетельств, которых сами не имеют.

871 (844). Бесперывность — Молина — Новшества.

872 (813). Чудеса.

Как я ненавижу тех, кто представляется неверующими в чудеса.

Монтень в двух местах говорит об этом как должно. Из одного видно, насколько он осмотрителен, и тем не менее в другом он верит и издевается над сомневающимися.

Как бы то ни было, если они правы, то Церковь остается без доказательств.

873 (824). Бог либо опроверг ложные чудеса, либо предсказал их. И в том, и в другом случае Он вознесся над тем, что представляется нам естественным, и вознес нас самих.

874 (881). Церковь учит, а Бог вдохновляет; и то, и другое непогрешимо. Действие Церкви лишь приготавливает к благодати либо к проклятию. Того, что она делает, достаточно для проклятия, но не для вдохновения.

875 (820). *Omne regnum divisum est*, ибо И. Х. действовал против дьявола и разрушал его власть над сердцами, чему служит образом изгнание бесов, чтобы установить Царство Божие; поэтому Он добавляет: *in digito dei... regnum dei ad vos* ¹.

Если бы дьявол благоприятствовал учению, которое его уничтожает, он разделится бы в самом себе, как говорил И. Х.

Если бы Бог благоприятствовал учению, которое уничтожает Церковь, Он разделится бы в Самом Себе.

876 (300). Когда добром своим владеет сильный и вооруженный, владения его в безопасности.

877 (849). Est et non est ¹: будет ли это распространяться на веру так же, как на мораль, коль скоро в рассуждениях эти вещи столь неразлучны.

Когда святой Ксавье ² совершает чудеса...

Судьи несправедливые, не творите законов сегодняшних; судите по тем, что уже установлены, и установлены вами же.

Vae qui conditis leges iniquas ³.

Чтобы ослабить ваших противников, вы обезоруживаете всю Церковь.

Vae qui conditis ³.

Святой Иларий ⁴: о несчастные, понуждающие нас говорить о чудесах.

Бесконечные лжечудеса.

Если они говорят, что послушны папе, то это лицемерие.

Если они готовы подписать все постановления, то этого недостаточно.

Если они говорят, что спасение наше зависит от Бога, то они еретики.

Если они говорят, что не следует убивать человека за яблоко, то они нападают на католическую мораль.

Если у них творятся чудеса, то тут вовсе не свидетельство их святости, а напротив, тень ереси.

Церковь выжила благодаря тому, что истина не оспаривалась, или если оспаривалась, то был папа, а если нет, то была Церковь.

878 (846). / Возражение. Ангел с неба.

Нужно судить не по чудесам об истине, но по истине о чуде.

Следовательно, чудеса бесполезны.

Но они нужны, и нельзя идти против истины.

Следовательно, сказанное о Ленжандом, что Бог не позволит, чтобы чудо могло ввести в заблуждение...

Когда внутри Церкви возникают распри, их разрешает чудо.

2 Возражение.

Но Антихрист сотворит знамения.

Фараоновы волхвы не вводили в заблуждение.

Поэтому нельзя будет сказать И. Х. об Антихристе: Ты ввел меня в заблуждение, ибо Антихрист сотворит их против И. Х., и они не смогут ввести в заблуждение.

Бог либо не допустит ложных чудес, либо затмит их более великими.

(И. Х. существует от начала мира, это сильнее, чем все чудеса Антихриста.)

Если бы внутри Церкви чудеса творились на стороне заблуждающихся, это могло бы ввести в заблуждение.

Раскол — вещь очевидная, чудо — вещь очевидная, но раскол больше свидетельствует о заблуждении, чем чудо — об истине; следовательно, чудо не может ввести в заблуждение.

Ubi est deus tuus ¹. Чудеса это показывают, они как молния.

879 (138). Мы от природы кровельщики и люди всех прочих занятий, только не у себя в комнате.

880 (831). 5 положений были уклончивы, теперь они уже не таковы.

881 (850). Что 5 положений осуждены, тут нет никакого чуда. Ведь нападали не на истину, но на Сорбонну, на буллу.

Невозможно, чтобы те, кто любит Бога всем сердцем, не распознали правоту Церкви, так она очевидна.

Невозможно, чтобы тех, кто не любит Бога, Церковь убедила бы.

Чудеса имеют такую силу, что как бы ни было ясно, что Бог есть, Ему понадобилось предупредить, чтобы люди не верили им против Него.

Без этого они могли бы смущать души.

Эти места (Втор. 13) не только не умаляют значение чудес, а напротив, нет ничего, что более свидетельствовало бы об их силе.

Так и с Антихристом, вплоть до совращения избранных, будь это возможно.

882 (222). Атеисты.

Какие у них основания говорить, что нельзя воскреснуть из мертвых? Что труднее — родиться или воскреснуть, чтобы появилось то, чего никогда не было, или чтобы снова стало то, что уже было? Не труднее ли начать жить, чем вернуться к жизни? Одно по привычке кажется нам легким, другое по отсутствию привычки кажется невозможным.

Распространенный способ суждения.

Почему девственница не может родить? Разве курица не несет яйца без петуха? Что их отличает по внешнему виду от других? И кто нам сказал, что курица не может образовать зародыш, как и петух?

883 (946). Между его глупостью и теми достоинствами, которые он в себе предполагает, расстояние так велико, что невозможно поверить, будто он настолько в себе ошибается.

884 (860). После стольких свидетельств благочестия им выпали еще и преследования — лучшее свидетельство благочестия.

885 (936). Это хорошо, что они поступают несправедливо; было бы опасно, если бы казалось, что молинисты действуют справедливо, а так они не заслуживают снисхождения. Они достойны таких поступков.

886 (51). Пирронист вместо упрянца.

887 (78). Декарт бесполезен и сомнителен.

888 (52). Никто не говорит «царедворец», кроме тех, кто сам к ним не принадлежит, «педант» — кроме педанта, «провинциал» — кроме провинциала, и бьюсь об заклад, что в заглавие «Писем к провинциалу» это слово поставил издатель.

889 (165). Мысли.

In omnibus requiem quaesivi ¹.

Если бы удел наш был поистине счастливым, нам для счастья не нужно было бы отвлекаться мыслями от него.

890 (436). Все людские занятия целью своей имеют достижение блага; но у людей нет ни права владеть им по справедливости, ни сил владеть им прочно. Так и с науками, и с наслаждениями: мы не обладаем ни истиной, ни благом.

891 (804). Чудо.

Это действие, превосходящее природную силу употребляемых для того средств. А не-чудо — это действие, которое не превосходит природной силы употребляемых для того средств. Поэтому те, кто исцеляет, призывая имя дьявола, чудес не творят. Ибо это не превосходит природной силы; но...

892 (822). Авраам, Гедеон: знамения выше откровения ¹.

Иудеи ослепляли себя, судя о чудесах по Писанию.

Бог никогда не оставлял Своих верных.

Я предпочту следовать за И.Х., а не за кем другим, потому что с Ним чудо, пророчество, учение, непрерывность и т. д.

Донатисты ², нет чуда, заставляющего говорить, что это дьявол.

Чем подробнее говорят о Боге, И.Х., Церкви...

893 (573). Ослепление Писанием.

В Писании,— говорили евреи,— сказано, что неизвестно, откуда придет Христос. Ин. 7. 27 и 12. 34. Мы слышали из Закона, что Христос пребывает вовек, а этот говорит, что умрет. Столько чудес сотворил Он перед ними,— говорит святой Иоанн,— и они не веровали в Него, да сбудется слово Исаии пророка: «Народ сей ослепил глаза свои», и т. д.

894 (844). Три свидетельства религии: непрерывность, добродетельная жизнь, чудеса.

Они разрушают непрерывность правдоподобностью, добродетельную жизнь — своей моралью, чудеса — опровержением либо их истинности, либо их следствий.

Если им верить, то Церкви не нужны ни непрерывность, ни святость, ни чудеса.

Еретики их отрицают, либо отрицают то, что из них следует; но нужно либо вовсе забыть о честности, чтобы их отрицать, либо лишиться здравого смысла, чтобы отрицать их следствия.

895 (285). Религия сообразна умам всякого рода. Одни довольствуются просто установлением, и религия эта такова, что одного ее установления достаточно для доказательства ее истинности. Другие углубляются до апостолов, самые сведущие доходят до начала мира. Ангелы видят ее еще лучше и дальше.

896 (390). О Боже, какие это глупые речи. Разве Бог создал мир на проклятие? Разве Ему нужно столько грешников? Пирронизм — лекарство от этой болезни и поможет умерить такое тщеславие.

897 (533). *Communiutes cor* ¹. Святой Павел. Вот христианский характер. Избранник Альбы, ты — отныне мне чужой ². Корнель. Вот характер нечеловеческий. Человеческий характер ему противоположен.

898 (933). Те, кто написали это по-латыни, говорят по-французски.

Коль скоро уже сделано зло и их перевели на французский, надо было сделать добро и осудить их.

Есть только одна ересь, которую богословы и свет объясняют по-разному.

899 (844). Люди никогда не идут на мученическую смерть за те чудеса, которые они, по их утверждениям, видели; безумие человеческое может дойти и до мученичества за те чудеса, в которые турки верят по преданию, но не за те, которые люди видели своими глазами.

900 (887). Янсенисты схожи с еретиками тем, что изменяют нравы, но вы с ними схожи во зле.

901 (841). Чудеса помогают разбираться в вещах неясных — между евреями и язычниками, евреями и христианами, католиками и еретиками, оклеветанными и клеветниками, между двумя крестами.

Но еретикам чудеса были бы бесполезны, ибо Церковь, опираясь на несомненные чудеса, говорит, что у них нет истинной веры. Это подлинно так, ибо первые чудеса Церкви исключают веру в их чудеса. Тут чудо против чуда, и первые и более великие чудеса — на стороне Церкви.

902 (841). Эти сестры поражены ¹, что о них говорят, будто они на пути гибели, будто их духовники ведут их в Женеву, внушают им, что И.Х. нет в Евхаристии и одесную Отца. Они знают, что все это ложь, и предают себя Господу со словами: *Vide si via iniquitatis in me est* ². Что же тут происходит? Эту обитель, которая объявлена храмом дьявола, Бог делает Своим храмом.

Говорят, что надо забрать оттуда детей,— Бог их исцеляет. Говорят, что этот дом — оружейный двор ада, Бог делает его святилищем Своей благодати. Наконец, ему угрожают всем гневом и всей мезтью небес, а Бог осыпает его Своими милостями. Нужно вовсе лишиться рассудка, чтобы из этого заключить, будто они на пути погибели.

Тут, несомненно, те же знамения, что были даны святому Афанасию.

903 (851). История слепорожденного.

Что говорит святой Павел ¹? Ссылается ли он поминутно на пророчества? Нет, но на свое чудо.

Что говорит И.Х.? Ссылается ли Он на пророчества? Нет, Его смерть их не исполнила, но Он говорит: *si non fecissem* ², верьте делам.

Два сверхъестественных основания нашей совершенно сверхъестественной религии, одно видимое, другое невидимое.

Чудеса с благодатью, чудеса без благодати.

Синагога, к которой относились с любовью за то, что она была образом Церкви, и с ненавистью за то, что она была всего лишь образом, уже готовая пасть, была поднята, когда она пребывала с Богом, и потому была образом Церкви.

Чудеса доказывают власть Бога над сердцами посредством Его власти над телами.

Церковь ни разу не признала чуда у еретиков.

Чудеса, опора религии. Они помогли сделать различия между евреями. Они помогли различать христиан, святых, невинных, истинно верующих.

Не следует так уж бояться чуда у схизматиков, ибо схизма, которая видна лучше, чем чудо, есть очевидное доказательство их заблуждения; но когда схизмы нет и заблуждение еще оспаривается, решает чудо.

Si non fecissem quae alius non fecit ².

Эти несчастные, которые вынудили нас говорить о чудесах.

Авраам, Гедеон.

Укреплять веру чудесами.

Иудифь, Бог говорит наконец Свое слово ³ в последний миг испытаний.

Если охлаждение любви почти лишит Церковь истинно верующих, чудеса их возбудят.

Это последнее действие благодати.

Если бы случилось чудо у иезуитов.

Когда чудо обманывает ожидания тех, в чьем присутствии оно совершается, и когда есть несоразмерность между их верой и орудием чуда, тогда оно должно вызывать в них перемены, но... и т. д. Иначе у нас были бы все основания говорить, что если бы Евхаристия воскресила мертвого, то следовало бы сделаться кальвинистом, а не оставаться католиком; но когда оно вознаграждает ожидания и те, кто надеялись, что Бог благословит лекарства, исцеляются без лекарств...

Нечестивцы.

Никогда знамение от дьявола не являлось без более великого знамения от Бога, во всяком случае, без предсказания, что оно случится.

904 (927). Ваше безумное представление о важности вашего ордена заставило вас избрать эти ужасные пути. Очевидно, что это оно толкнуло вас на путь клеветы, коль скоро вы клеймите как ужасный грех малейшую неискренность во мне, которую себе прощаете, потому что меня вы рассматриваете как частный случай, а себя — как *Imago* ¹.

Ваши хвалы кажутся вздором из басни, как привилегия избежать проклятия ².

Значит ли это ободрять чад ваших — осуждать их за то, что они служат Церкви?

Это дьявольская уловка — направлять в другую сторону то оружие, которым люди сражались с ересями.

Вы плохие политики.

905 (385). Пирронизм.

Всякая вещь отчасти верна, отчасти ложна. Существенная же истина не такова, она совершенно чиста и совершенно верна. Подобное смешение ее разрушает и уничтожает. Нет никакой чистой истины, а потому нет никакой истины, пока нет чистой истины. Можно сказать — истина, что человекоубийство дурно: да, потому что мы знаем, в чем зло и ложь. Но что мы назовем добром? Целомудрие? Я скажу — нет, потому что тогда мир бы кончился. Брак? Нет, воздержание выше. Не убивать? Нет, потому что беспорядок был бы ужасен, и злые поубивали бы всех добрых. Убивать? Нет, это разрушает природу. У нас все истинно и хорошо только отчасти и смешано со злом и ложью.

906 (916). Пробабилизм ¹.

У них есть кое-какие верные понятия, но они их ложно употребляют, а ложное употребление истины должно быть наказуемо так же, как утверждение лжи.

Как если бы существовало два ада, один для грехов против любви, другой для грехов против справедливости.

907б (55). Отмыкающая сила ключа, притягивающая — багра.

908 (262). Суеверие и похоть.

Щепетильность, дурные желания.

Дурной страх.

Страх, не тот, который от веры в Бога, но тот, который от сомнения, есть Он или нет. Благой страх — от веры, дурной страх — от сомнения; благой страх сопряжен с надеждой, ибо рождается из веры, и люди уповают на Бога, в Которого веруют; дурной сопряжен с отчаянием, ибо люди боятся Бога, в Которого не веруют. Одни боятся Его утратить, другие — Его найти.

909 (924). Люди без слов, без веры, без чести, без истины, двоедушные, двоемысленные и похожие, как вас упрекали когда-то, на то земноводное животное из басни, которое находилось в промежуточном положении между рыбами и птицами.

Пор-Рояль стоит Вольтигерода ¹.

Насколько ваше поведение праведно согласно таким воззрениям, настолько оно несправедливо, если сообразовываться с христианским благочестием.

Королям и князьям важно почитать набожность, поэтому они должны исповедоваться вам.

910 (781). Образы всеобщности искупления, как то, что солнце светит для всех, доказывают некую всеобщность, но образы исключений, как избранность евреев во исключение язычников, доказывают определенное исключение.

911 (781). И.Х.— Искупитель всех людей. Да, ибо Он принес Себя в жертву как человек, который искупил всех, кто захочет к Нему прийти. Если кто умрет по дороге — это их беда, но Он предлагал им искупление.

Это хорошо в том случае, если Тот, Кто искупает, и Тот, Кто не дает умереть,— два лица, но не в случае И.Х., Который соединяет в Себе и то, и другое. Нет, ибо И.Х. в качестве Искупителя, быть может, не есть Властитель всех людей, и потому в Самом Себе Он — Искупитель всех.

912 (781). Когда вы говорите, что И.Х. умер не за всех, вы употребляете во зло слабость людей, которые тотчас относят себя к этому исключению, что побуждает их к отчаянию, вместо того чтобы их от него отвращать и побуждать их к надежде.

Ибо так, через эти внешние привычки, воспринимаются внутренние добродетели.

РАЗДЕЛ IV. ФРАГМЕНТЫ, НЕ ВОШЕДШИЕ В КОПИЮ

Мемориал

913

Год Благодати 1654.

Понедельник 23 ноября, день святого Климента, папы и мученика, и других в Мартирологе.

Канун святого мученика Хризогона и других.

Приблизительно от половины одиннадцатого до приблизительно половины первого ночи.

Огонь.

Бог Авраама, Бог Исаака, Бог Иакова, а не Бог философов и ученых.

Уверенность, уверенность, волнение, радость, мир.

Бог Иисуса Христа.

Deum meum et deum vestrum ¹.

Твой Бог будет моим Богом.

Забвение мира и всего, кроме Бога.

Его находят только на путях, указанных в Евангелии.

Величие человеческой души.

Отче праведный! И мир Тебя не познал; а я познал Тебя.

Радость, радость, радость, слезы радости.

Я был разлучен с Ним.

Dereliquerunt me fontem aquae vivae ².

Боже мой, неужели Ты меня покинешь.

Да не разлучусь с Ним вовеки.

В том жизнь вечная, что они знают Тебя, единого истинного Бога, и Того, Кого Ты послал, И.Х.

Иисус Христос.

Иисус Христос.

Я был с Ним разлучен, я бежал, отрекся от Него, я Его распял.

Да не разлучусь с Ним никогда.

Его хранят только на путях, указанных в Евангелии.

Полное и кроткое отречение.

И т. д.

Полная покорность Иисусу Христу и моему духовнику.

Вечная радость за день испытаний на земле.

Non obliviscar sermones tuos ³. Amen.

914 (882). Всякий раз, когда иезуиты обманывают папу, они делают весь христианский мир вероотступниками.

Папу очень легко обмануть благодаря его занятости и его доверию к иезуитам, а иезуиты умело обманывают благодаря клевете.

915 (902). Толки вокруг фельянов ¹ побудили меня встретиться с ним,— сказал мой старый друг; мы говорили о набожности, и ему показалось, что у меня есть кое-какие мысли на этот счет.

И что я вполне мог бы стать фельяном.

И что я мог бы принести пользу, особенно в нынешнее время, если б написал против нововведений.

Мы это сделали недавно против главного нашего предмета — подписания буллы.

Он желает, чтобы Бог меня вдохновил.

Отец мой, следует ли подписывать?

916 (920). Если они не отказываются от пробабиллизма, то их добрые правила столь же далеки от святости, как и дурные, ибо они основаны на человеческом авторитете. И потому если они более справедливы, то будут более разумны, но не более святы — они наследуют свойства того дичка, к которому привиты.

Если мои слова не могут вразумить вас, они могут вразумить простой народ.

Если они замолчат, заговорят камни.

Принуждение молчать — самое страшное из гонений. Святые никогда не безмолвствовали. Это верно, что нужно призвание, но узнать, призван ты или нет, можно не из постановлений Совета, а из необходимости говорить. После того как Рим высказался и мы полагаем, что он осудил истину, после того как они это написали, а книги, утверждающие противоположное, запрещены, надо кричать тем громче, чем несправедливее запреты и чем яростнее попытки задушить слово, до тех пор, пока не придет такой папа, который выслушает обе стороны и который, вынося приговор, будет сверяться с древними установлениями.

Так добрые папы застанут Церковь, еще объятую ропотом.

Инквизиция и Общество Иисуса — два бича истины.

Что же вы не обвиняете их в арианстве, ведь они сказали, что И.Х. — Бог; быть может, они считают, что природа его не божественна, как сказано: *dii estis* ¹.

Пусть мои Письма осуждены в Риме; то, что я в них осуждаю, осуждено на небесах.

Ad tuum domine Jesu tribunal appello ².

Вы сами подвержены порче.

Я испугался было, не написал ли дурного, когда узнал, что меня осудили, но пример стольких благочестивых сочинений убеждает меня в обратном. Теперь уже не позволяется писать благие вещи.

Настолько Инквизиция испорчена или невежественна.

Лучше повиноваться Богу, чем людям.

Я ничего не боюсь, ни на что не надеюсь. Епископы ведут себя иначе. Пор-Рояль боится, и разделять их — плохая политика ³. Они перестанут бояться и заставят бояться себя.

Я не боюсь даже ваших запретов; слова, если они не основаны на словах предания.

Вы запрещаете все? Как, даже мое уважение? Нет; тогда скажите, что именно; иначе вы не сделаете ничего, если не укажете на зло и не объясните, почему это зло. А вот это им будет сделать очень трудно.

Пробабализм.

Забавно, как они понимают надежность: установив, что все их пути надежны, они называют надежным не то, что ведет на небеса без риска не попасть туда, но то, что туда ведет без риска сбиться с ихнего пути.

917 (540). К упованию христиан обладать бесконечным благом примешано столько же радостной уверенности, сколько страха; ведь это не так, как у тех, кто уповал бы на некое царство, ничем в нем не владея; но они уповают на святость, на избавление от греха, и кое-чем из этого они владеют.

918 (459). Реки Вавилона ¹ текут и низвергаются и уносят с собой.

О святой Сион, где все неподвижно и ничто не низвергается.

Нужно сидеть при этих реках, не внизу или внутри, но наверху, и не стоять, но сидеть, чтобы пребывать в смирении сидя и в безопасности наверху; но во вратах Иерусалима мы будем стоять.

Посмотрите, неподвижно или текуче это наслаждение; если оно преходяще, то это река Вавилона.

Таинство Иисуса ¹

919 (553 и 791). Иисус в страстях Своих терпит муки, причиненные Ему людьми, но в агонии Он терпит муки, причиненные Ему им Самим. Turbare semetipsum ². Это казнь не от руки человеческой, но от руки всемогущей, и надо быть всемогущим, чтобы ее снести.

Иисус ищет утешения хотя бы у троих Своих любимейших друзей, а они спят; Он просит их побыть с Ним немного, а они в полной беспечности оставляют Его, испытывая так мало сострадания, что это даже не могло на миг удержать их от сна. Так Иисус был оставлен один на один с гневом Божиим.

Иисус на земле не только единственный, кто испытывает ни с кем не деля Свои страдания, но и единственный, кто о них знает. Небо и Он одни с этим знанием.

Иисус не в саду наслаждений, как первый Адам, который погубил в нем себя и весь род человеческий, но в саду мук, где Он спас Себя и весь род человеческий.

Он испытывает это страдание и одиночество в ужасе ночи.

Иисус, кажется, посетовал только в этот единственный раз. Но в этот раз Он сетовал так, словно не мог больше сносить Свою непомерную муку. Душа Моя скорбит смертельно.

Иисус ищет общества людей и утешения от них.

Мне кажется, это единственный раз за всю Его жизнь, но Он этого не получает, ибо ученики Его спят.

Иисус будет терпеть крестную муку до конца мира. Нельзя спать в это время.

Иисус, оставленный всеми, даже своими друзьями, избранными для того, чтобы они бодрствовали с Ним, найдя их спящими, огорчается из-за опасности, которой они подвергают не Его, но самих себя, и наставляет их об их собственном спасении и об их благе с сердечной нежностью к ним в ответ на их неблагодарность. И наставляет их, что дух бодр, плоть же немощна.

Иисус, найдя их еще спящими, так как никакая забота, ни о Нем, ни о самих себе, им не помешала, являет столько доброты, что не будит их и дает им отдохнуть.

Иисус молится в сомнении о воле Отца и в страхе смерти. Но, узнав Его волю, Он идет навстречу ей принести Себя в жертву. *Eamus processit*³.

Иисус просил людей и не был услышан.

Иисус, пока ученики Его спали, творил их спасение. Он делал это для каждого из праведников, пока они спали, и в небытии до их рождения, и в грехах после их рождения.

Он только один раз молит, чтобы миновала Его чаша сия, и то с покорностью, и дважды — чтобы Он ее испил, если так нужно.

Иисус в тоске.

Иисус, видя, что все друзья Его спят, а все враги бодрствуют, предает Себя Отцу Своему.

Иисус видит в Иуде не его вражду, а волю Господа, Которого Он любит; вражду же замечает так мало, что называет его другом.

Иисус отрывается от Своих учеников, чтобы принять крестную муку; нужно оторваться от своих самых близких и самых любимых, чтобы подражать Ему.

Иисус пребывает в крестной муке и величайших страданиях; будем же молиться неустанно.

Мы молим о милосердии Божиим не для того, чтобы Он дал нам жить спокойно с нашими грехами, но чтобы Он нас от них избавил.

Если бы Господь давал нам владык Своей рукой — о, как радостно следовало бы им повиноваться! Тут непременно и необходимость, и случайные обстоятельства.

Утешься. Ты не искал бы Меня, если б уже Меня не нашел ⁴.

Я думал о тебе на кресте; вот эти капли крови я пролил за тебя.

Гадать, хорошо ли ты бы поступил, пока того-то и того-то еще не случилось, — это значит больше искушать Меня, чем испытывать себя. — Я совершу это в тебе, когда оно наступит.

Позволь Моим законам водить тебя. Смотри, как Я водительствовал Пречистую Деву и святых, которые позволили Мне действовать в них.

Отец любит все, что Я делаю.

Или ты хочешь, чтобы Я постоянно проливал за это Мою человеческую кровь, а тебе это не стоило бы и слезинки?

Твое обращение — Моя забота; не бойся и молись с твердым упованием, как за Меня.

Я рядом с тобой — Моим словом в Писании, Моим духом в Церкви и боговдохновением, мощью Моей в священниках, молитвой Моей в верных.

Врачи не исцелят тебя — ведь в конце концов ты умрешь; но Я тебя исцелю и сделаю тело бессмертным.

Сноси цепи и телесное рабство. Ныне Я избавляю тебя лишь от рабства духовного.

Я тебе больше друг, чем тот и этот, ибо Я сделал для тебя больше, чем они, и они не страдали так, как Я страдал за тебя, и они не умрут за тебя, когда ты неверен и жесток, а Я это сделал и готов делать и делаю в избранных Моих — и в Святых Дарах.

Если бы ты знал свои грехи, ты ужаснулся бы. Я ужаснусь, Господи, ибо я верю Тебе, что они мерзостны. Нет, ибо Я, открывший это тебе, могу тебя от них исцелить, и то, что Я тебе это говорю, — это знак, что Я хочу тебя исцелить. Искушая их, ты будешь их познавать, и тебе будет сказано: Вот грехи, которые отпускаются тебе.

Покайся же в своих сокровенных грехах и в тайной мерзости тех, которые ты знаешь.

Господи, отдаю Тебе все.

Я люблю тебя горячее, чем ты любил мерзость свою. *Ut immundus pro luto* ⁵.

Слава за то да будет Мне, а не тебе, червь и прах.

Признайся своему духовнику, что Мои слова для тебя — повод для злобы и тщеславия и любопытства.

(На обороте.) Ложная справедливость Пилата лишь заставляет страдать И.Х. Ведь по своей ложной справедливости он велит бичевать Его, а потом Его убивает. Лучше было бы убить Его сначала. Таковы лжеправедники. Они делают и добрые, и злые дела для того, чтобы нравиться миру и показать, что они не до конца с И.Х., — ведь они стыдятся Его и при больших искушениях и в крайних случаях Его убивают.

Я вижу всю бездну моей гордыни, и любопытства, и похоти. Нет связи между мною и Богом и И.Х. праведным. Но вот Он взял мои грехи на Себя. Все Твои кары пали на Него. Он ужасней, чем я; но Он не только меня не ненавидит, а почитает за честь, что я иду к Нему и Ему помогаю. Но Он исцелился Сам и тем более сможет меня исцелить.

Я должен присовокупить мои язвы к Его язвам и соединиться с Ним, и Он спасет меня, спасая Себя.

Но не следует умножать этого впредь.

Eritis sicut dei scientes bonum et malum ⁶; все считают себя богами и судят: это хорошо, а это дурно, и слишком огорчаются или радуются всяким обстоятельствам.

Делать малые вещи как великие благодаря величию И.Х., Который совершает их в нас и видит нашу жизнь, а великие как малые и легкие благодаря Его всемогуществу.

920 (957). У нас самих нет общих правил. По нашему уставу вы едва ли сможете нас узнать: нам предписывают нищенствовать и не появляться при дворах, и однако, и т. д.; но это не значит его нарушать, ибо слава Божия повсюду.

Есть разные пути этого добиться. Святой Игнатий ¹ избрал одни, а теперь у нас другие. Лучше было бы затем заняться остальными. Ведь люди утрашились бы, если б мы начали с высоты. Это противно природе.

Но общее правило — что надо держаться устава, ведь отступлениями от правил можно злоупотреблять; мало найдется таких, как мы, кто умеет возвышаться без тщеславия.

Unam sanctam ².

Тяжесть ее падет на янсенистов.

О. Сен-Жюр ³ — Эскобар.

Tanto viro ⁴.

Аквивива ⁵ 14 дек. 1621. Таннер ⁶.

Климент и Павел V ⁷. Бог нас явно хранит.

Против неосторожных суждений и колебаний.

Святая Тереза 474.

Falso crimine ⁴...

Лукавство ради выживания.

Вся истина с одной стороны, мы ее распространяем на обе.

Два препятствия: Евангелие, законы государства; а majori ad minus ⁴.
Junior ⁴.

Не говорить о личных пороках.

Прекрасное письмо Аквививы, 18 июня 1611.

Против правдоподобных мнений.

Святой Августин 282.

И святой Фома в тех местах, где он прямо касается этих предметов.

Clemens placet ⁸.

И новшества.

И не извиняет высших чинов ордена то, что они этого не знали, потому что они обязаны были это знать, 279—194, 192.

О морали 283. 288.

Общество важно для Церкви 236.

В добре и во зле 156.

Аквоквиес исповедовал женщин. 360.

921 (518). Любим людям и даже мученикам согласно Писанию есть чего бояться.

Величайшая мука чистилища — неизвестность приговора.

Deus absconditus ¹.

922 (856). О чуде.

Бог ни одно семейство не делал более счастливым, да не найдет Он и более благодарного.

923 (905). Об исповедях и отпущениях грехов без знаков сожаления.

Бог смотрит только на внутреннее, Церковь судит только по внешнему. Бог отпускает грехи сразу же, как только видит раскаяние в сердце; Церковь — когда видит раскаяние в делах. Бог сотворит Церковь чистой изнутри и своей внутренней, духовной святостью побеждающей внутреннюю нечестивость гордецов и фарисеев. И Церковь станет собранием людей, чьи внешние нравы будут так чисты, что восторжествуют над нравами язычников; а если в ней есть лицемеры, притворяющиеся не столь умело, чтобы она не распознала их яда, то она их терпит. Ибо хотя их не принимает Бог, Которого они не могут обмануть, их принимают люди, которых они обманывают. Поэтому ее не бесчестит их поведение, кажущееся благочестивым. Но вы... Вы хотите, чтобы Церковь не судила (ни по тому, что внутри, ибо это дело одного лишь Бога, ни по тому, что снаружи, поскольку Бог останавливается только на внутреннем. И так, отнимая у нее всякое различие между людьми, вы оставляете в Церкви самых развратных и таких, которые настолько ее позорят, что иудейские синагоги и секты философов отвергли бы их как недостойных и гнушались бы ими как нечестивцами.)

924 (498). Правда, что начинать благочестивую жизнь трудно; но причиной этому не зарождающееся в нас благочестие, а оставшаяся в нас порочность. Если бы наши чувства не противились покаянию и наша испорченность не противилась чистоте Божией, мы не испытывали бы никаких тягот. Мы страдаем лишь в той мере, в какой порок, естественно нам присущий, сопротивляется сверхъестественной благодати; сердце наше раздирается этими противоположными устремлениями, но было бы несправедливо обвинять в таком насилии Бога, Который влечет нас к Себе, а не оставляет миру, нас удерживающему. Точно так же ребенок, которого мать вырывает из рук разбойников, должен в причиняемой ему боли любить законное и любовное насилие от той, которая защищает его свободу, и ненавидеть только вредоносное и тираническое насилие от тех, которые несправедливо его удерживают. Самая жестокая война, которую Бог мог бы объявить людям в этой жизни,— это лишить их такой войны, которую Он пришел принести. Я пришел принести войну, говорит Он, и орудием этой войны Я принес железо и огонь. До него среди людей царил ложный мир.

925 (520). Закон не нарушил природы, но наставил ее. Благодать не нарушила закона, но дала ему исполнителя.

Вера, принимаемая при крещении, есть источник всей жизни христианина и новообращенных.

926 (582). Мы творим себе кумира из самой истины; ведь истина вне любви — не Бог, она Его образ и кумир, который не заслуживает любви и поклонения, а еще меньше заслуживает любви и поклонения ее противоположность — ложь.

Я могу любить полную темноту, но если Бог погружает меня в полутьму, толика темноты, там присутствующая, меня раздражает, и коль скоро я не вижу там достоинств полной темноты, она мне неприятна. Это порок и свидетельство того, что я творю себе кумира из темноты, отдельно от воли Божией. А поклоняться можно только не выходя из Его воли.

927 (505). К чему мне было бы...
 Мерзостные.
 Сенглен ¹.

Все может стать смертоносным для нас, даже вещи, созданные для того, чтобы нам служить; так в природе случается, что нас убивают стены или ступеньки, если мы оступаемся.

Малейшее движение важно для всей природы, камешек воздействует на целое море. Так и в благодати малейший поступок имеет важные последствия для всего; значит, все важно.

В каждом поступке нужно иметь в виду не только сам поступок, но и наше настоящее, прошлое, будущее и других, для которых он может иметь значение. И видеть связи всех этих вещей; тогда мы будем более осмотрительны.

928 (499). Внешние дела.

Нет ничего более опасного, чем то, что нравится и Богу, и людям; ибо в таких вещах, которые нравятся и Богу, и людям, есть нечто, угодное Богу, и другое, приятное людям, как в величии святой Терезы; Богу угодно глубокое смирение в ее откровениях, людям нравятся ее дарования. И вот мы выбиваемся из сил, подражая ее речам, и думаем, что так можно подражать состоянию ее души и любить то, что любит Бог, и привести себя в состояние, любезное Богу.

Лучше не поститься и унижаться этим, чем поститься и впадать от этого в самодовольство.

Фарисей, мытарь.

К чему мне помнить об этом, если это в равной мере может быть мне и на пользу, и во вред; все зависит от благословения Божия, которое Он дает только тому, что сделано для Него, и согласно Его законам и на Его путях.

Способ совершения столь же важен, как сам поступок, а может быть, и важнее, поскольку Бог может из зла извлекать добро, а без Бога из добра извлекается зло.

929 (555). Сравнивай себя не с другими, но со Мной. Если ты не находишь Меня в тех, с которыми себя сравниваешь, значит, ты сравниваешь себя с мерзостью. Если ты Меня в них находишь, сравнивай себя с ними; но что ты с ними сравниваешь? Себя или Меня в тебе? Если себя, то это мерзость; если Меня, то ты сравниваешь Меня со Мной. Я — Бог во всем.

Я часто говорю с тобою и даю тебе советы, потому что твой Водитель не может с тобой говорить, а Я не хочу, чтобы ты оставался без Водителя.

И может быть, Я делаю это по молитве его. И так он водительствоует тобою невидимо для тебя.

Ты не искал бы Меня, если бы Меня не обрел.
Так не тревожься же.

(Я получил от мадемуазель Паскаль, супруги председателя, сумму в чetyреста ливров).

930 (513). Для чего Бог установил молитву?

1. Чтобы сообщить своим созданиям достоинство причинной связи.
2. Чтобы открыть нам, Кем нам дается добродетель.
3. Чтобы помочь нам заслужить другие добродетели своими усилиями.

Но чтобы сохранить за Собой первенство, Он дает молитву тому, кто Ему угоден.

Возражение: но люди подумают, что молитва исходит от них самих.

Это нелепость, ибо, если имея веру, нельзя стяжать добродетели, как мы стяжали бы веру? Разве между неверием и верой расстояние не больше, чем между верой и добродетелью?

Заслужил — это слово двусмысленно.

Meruit habere redemptorem ¹.

Meruit tam sacra membra tangere ².

Digna tam sacra membra tangere ³.

Non sum dignus ⁴, qui manducat indignus ⁵.

Dignus est accipere ⁶.

Dignare me ⁷.

Бог дарует лишь по обетованиям Своим.

Он обещал воздать справедливость по молитвам.

Никогда Он не обещал молитв никому другому, кроме как чадам обетования.

Святой Августин прямо сказал, что силы отнимутся у праведника.

Но он сказал это случайно, поскольку могло быть и так, что повод сказать

это не представился бы.— Но из его основных воззрений следует, что коль скоро такой повод явился, он не мог этого не сказать или сказать противоположное. Значит, он скорее был вынужден это сказать, когда представился повод, чем просто это сказал, потому что повод был. Одно — по необходимости, другое — по случаю. Но оба вместе — все, чего можно требовать.

931 (550). (Я люблю всех людей как своих братьев, потому что все они искуплены.)

Я люблю бедность, потому что Он ее любил. Я люблю богатство, потому что оно дает мне возможность помогать нищим. Я храню верность всем. Я не плачú злом тем, кто причиняет мне зло, но желаю им быть в том же расположении духа, что и я, когда не принимаешь ни зла, ни добра от людей. Я стараюсь быть справедливым, честным, искренним и верным со всеми людьми и питаю сердечную нежность к тем, с кем Бог связал меня теснее.

И один ли я или на виду у людей, я во всех своих делах на виду у Бога, Которому надлежит их судить и Которому я их все посвящаю.

Вот каковы мои чувства.

И я всякий день своей жизни благословляю Спасителя моего, Который вложил их в меня и из человека, исполненного слабости, ничтожества, похоти, гордыни и честолюбия, сделал человека свободного от всех этих зол силою благодати, которой и принадлежит здесь вся слава, а от меня здесь только ничтожество и заблуждения.

932 (191). И вот этот человек будет насмехаться над другим?

Кто должен насмехаться? И однако вот этот не насмехается над другим, но жалеет его.

933 (460). Похоть плоти, похоть очей, гордость и т. д.

Есть три порядка вещей. Плоть, ум, воля.

Плотские люди — это богачи, цари. Их предмет — тело.

У любознательных и ученых предмет — ум.

У мудрецов предмет — справедливость.

Бог должен царить надo всем и все соотносить с Собой.

В плотских вещах царит собственно похоть.

В умозрительных — собственно любознательность.

В мудрости — собственно гордость.

Не то чтоб люди могли гордиться своими богатствами или познаниями, но

место гордости не тут; ведь воздавая человеку должное за его ученость, мы не перестаем его убеждать, что ему не следует быть гордецом.

Подлинное место гордости — мудрость; нельзя признать, что человек достиг мудрости, и отказывать ему в праве этим хвалиться. Ведь тут все по справедливости.

Один только Бог дарует мудрость, и вот почему: *qui gloriatur in domino gloriatur*¹.

934 (580). У природы есть совершенства, доказывающие, что она — образ Бога, и недостатки, доказывающие, что она — всего лишь образ Его.

935 (490). Люди, привыкшие не возвращать заслуги, но только вознаграждать их там, где они уже есть, судят о Боге по самим себе.

936 (698). Люди понимают пророчества только тогда, когда предсказанное исполняется, и так же свидетельства отката и движения, тишины и т. д. служат доказательством только для тех, кто их понимает и им верит.

Святой Иосиф — внутренний человек, живший при внешнем законе.

Внешнее покаяние располагает к внутреннему, как уничтожения к уничтоженности, и поэтому...

937 (104). Когда страсть влечет нас к каким-то действиям, мы забываем о своем долге; если нам нравится книга, мы читаем ее, когда должны были бы заниматься другими вещами. Но чтобы напомнить себе об этом, нужно предложить себе сделать что-нибудь ненавистное; тогда мы оправдываем себя тем, что нам нужно сделать что-то другое, и таким образом вспоминаем о своем долге.

938 (658). Иносказания Евангелия для изображения больной души — это больные тела. Но поскольку одно тело не может быть достаточно больным, чтобы хорошо это выразить, понадобилось их несколько. Потому в Евангелии есть глухой, немой, слепой, расслабленный, мертвый Лазарь, бесноватый: все это вместе есть в больной душе.

939 (897). Слуга делает только то, что делает господин, потому что господин указывает ему только действие, но не цель. Вот почему он подчиняется рабски и часто грешит против цели. Но И. Х. указал нам цель.

А вы эту цель разрушаете.

940 (790). И. Х. не пожелал, чтобы Его убили без соблюдения форм правосудия, ибо много больше бесчестия в смерти по закону, чем по незаконному насилию.

941 (264). Нам не может наскучить есть и спать каждый день, потому что сон и голод рождаются снова; иначе нам бы это наскучило.

Так мы скучаем, не испытывая голода по вещам духовным; голод праведности, восьмого блаженства ¹.

942 (941). Цель. Точно ли это она? Нет ли тут сомнений? Рассмотрим. Никаких доказательств в себе. Святой Фома.

943 (554). Мне кажется, И. Х. дал коснуться только Своих ран после воскресения. *Noli me tangere* ¹. Мы должны приобщаться только к Его страданиям.

Он дает причаститься Себе как смертный во время Тайной Вечери, как воскресший — ученикам в Эммаусе, как вознесшийся на Небо — всей Церкви.

944 (250). Внешнее должно присоединяться к внутреннему, чтобы стяжать милость Божию; то есть надо становиться на колени, шевелить губами и т. д., чтобы надменный человек, не желавший покоряться Богу, теперь покорялся тварному. Ожидать помощи от этих внешних вещей — суеверие; отказываться присовокупить их к внутренним — гордыня.

945 (661). Покаяние единственное из всех таинств было прямо объявлено — иудеям и святым Иоанном Предтечей, а затем другие таинства, чтобы показать, что каждый человек, как и целый мир, должен соблюдать этот порядок.

946 (785). Поговорить об И. Х. во всех лицах и в нас самих. И. Х. как Отец в Своем Отце. И. Х. как брат в Своих братьях. И. Х. как бедняк в бедняках. И. Х. как богатый в богатых. И. Х. как богослов и священник в священниках. И. Х. как государь в князьях, и т. д. Ибо Он по славе Своей — все, что есть великого в Боге, а по Своей смертной жизни — все, что есть низкого и презренного. Для того Он и принял этот жалкий удел, чтобы войти во все лица и стать образцом любого удела.

947 (504). Другое рассуждение: что любовь смотрит на это как на лишение духа Божия и дурное действие из-за перерыва или приостановления духа Божия в ней, и раскаивается и сожалеет об этом.

Праведник действует по вере в самых мелких вещах. Браня своих слуг, он желает их обращения с помощью духа Божия и молит Бога их наставить и ожидает столько же от Бога, сколько от своих увещаний, и молит Бога благословить его наставления, и так и в других поступках.

948 (668). Мы удаляемся только тогда, когда удаляемся от любви.

Наши молитвы и наши добродетели мерзостны перед Богом, если это не молитвы и добродетели И. Х. И наши грехи будут предметом не милосердия, но суда Божия, если это не грехи И. Х.

Он принял наши грехи и допустил нас в союз с Собой, ибо добродетели Ему свойственны, а грехи чужды, а нам чужды добродетели и свойственны грехи.

Изменим мерило, по которому мы до сих пор судили о добре. Мерилом для нас служила наша воля; возьмем теперь за него волю Божию: все, чего Он желает, для нас хорошо и справедливо, все, чего Он не желает,— несправедливо и дурно.

Все, чего не желает Бог, запрещено. Грехи запрещены, так как Бог объявил, что они все Ему неуютны. Другие вещи, которые Он оставил без общего запрета и которые поэтому называют позволительными, тем не менее позволительны не всегда; ведь когда Бог что-то удаляет от нас и по какому-то событию, которое есть проявление воли Божией, видно, что Бог не хочет для нас какой-то вещи,— тогда она запретна для нас, как грех, ибо воля Божия такова, чтобы мы не имели ни того, ни другого. Между этими двумя вещами разница только та, что мы твердо знаем, что Бог никогда не пожелает греха, тогда как с другими вещами у нас нет такой уверенности. Но если Бог их не хочет, мы должны

относиться к ним как к грехам, так как отсутствие воли Божией, которая одна и есть все добро и вся справедливость, делает их дурными и несправедливыми.

949 (930). Обращайтесь с ними столь человечно, сколь это возможно, чтобы держаться посередине между любовью к истине и долгом милосердия.

Да не сведется благочестие к тому, чтобы никогда не восставать против братьев своих. Это было бы слишком легко, и т. д.

Это ложное благочестие — сохранять мир в ущерб истине.

Это ложное рвение — сохранять истину, нанося раны милосердию.

Итак, они не сетовали на это.

Для их правил есть свое место и свое время.

Из их заблуждений вырастет тщеславие.

Они подобны Отцам своими ошибками.

И мученикам — своими страданиями.

Но все-таки они ни от чего не отреклись.

Им надо было всего лишь сделать выжимку и отречься от нее.

Sanctificant praelium ¹.

Г. Бурсеис ². Уж по меньшей мере они не могут отпираться, что воспротивились осуждению.

950 (951). Павел IV в своей булле, *Cum ex apostolatus officio* ¹, опубликованной в 1558 году.

Мы постановляем, возглашаем, объявляем, определяем, что каждый и все, кто окажутся — по совращению или по своей воле — впавшими в ересь или схизму, и какого бы звания и сословия они ни были, миряне, клирики, священники, епископы, архиепископы, патриархи, примасы, кардиналы, графы, маркизы, герцоги, короли и императоры, должны быть, кроме вышесказанных кар и наказаний, без всякого заступничества по праву или факту, лишены во всем и всецело и навечно своих орденов, епархий, бенефициев, должностей, королевства, империи, без возможности когда-либо их вернуть. Их наказание отдаем на усмотрение светских властей, с условием, что тем, кто путем искреннего покаяния отойдет от своего заблуждения, снисхождение будет оказано не иначе, как если по благоволению и милости Святого Престола будет

сочтено, что они заслужили помещения в монастырь для вечного покаяния на хлебе и воде, но что при этом они останутся лишены всякого достоинства, ордена, сана, графства, герцогства, королевства. И что те, кто станут их укрывать и защищать, будут за это осуждены к отлучению и поношению, лишены королевства, герцогства, богатства и имущества, каковые отойдут в право и собственность тем, кто первые их захватят.

Si hominem excommunicatum interfecerunt, non eos homicidas reputamus, quod adversus excommunicatos zelo catholicae matris ardentes aliquem eorum trucidasse contigerit. 23 q. 5. Урбана II ².

951 (950). (Хорошенько их помучавши, мы вас отошлем обратно домой.)

(Апелляции, расцененные как злоупотребления, — весьма слабое утешение. Ведь лишившись главного способа злоупотреблений...

К тому же большинство не сможет приехать из дальних уголков Перигора или Анжу и подать жалобу в Парижский парламент.

К тому же они сразу же получают постановления Совета, запрещающие эти апелляции как злоупотребления.)

(Ибо хотя они и не смогли добиться того, чего требовали, само это требование показывает их могущество, такое огромное, что оно подвигло их требовать вещи столь несправедливой, что было очевидно — они не смогут ее добиться.

Это только яснее показывает их намерения и подтверждает то, что нельзя ни в коем случае принимать и вводить в действие буллу, которую они хотят сделать основанием для этих новых установлений.)

(Это не просто булла, но основание.

При выходе из дворца.)

121. Папа запрещает королю заключать браки своих детей без папского разрешения. 1294.

Scire te volumus ¹.

Ребяческая.

952 (956). *Clemens placentium* ¹.

Генералы нашего ордена опасались потерь из-за внешних занятий. 208. 152. 150. из-за Двора. 209. 203. 216. 218. из-за того, что люди не следовали самым надежным и самым почитаемым воззрениям. Святой Фома и т. д. 215. 218.

Stipendium contra Consti ². 218.

Женщины. 225. 228.

Государя и политика. 227. 168. 177.

Пробабализм. Новшества 279. 156 — новшества, истина.

Скорее для того, чтобы проводить время и развлекаться, чем для того, чтобы спасти души. 158.

Снисходительные воззрения. 169. Смертный грех — в простительный. Со-
крушение 102. Политика 162. Упреждающий либо... 162.

Житейские удобства возрастают у иезуитов. 166.

Внешние и ложные блага, которыми они обманываются. 192.

(И высших чинов не извиняет, что они не знали о...)

О. Лемуан ³, 10 000 экю за пределами его провинции.

Смотрите, сколь бессильно предвидение человеческого. Все то, в чем первые
наши генералы видели опасность гибели для Общества, — через то она и воз-
растает: сильные мира сего, противодействие нашему уставу, многочислен-
ность монахов, разнообразие и новизна воззрений и т. д. 182. 157.

Политика 181.

Дух первых иезуитов угас. 170, 171 до 174, 183 до 187. non è più quella ⁴.
Вителески ⁵. 183. (altri tempi altre cure) ⁶.

Жалобы генералов. У святого Игнатия их нет. И у Лайнеза ⁷. Несколько
у Борджа ⁸ и Аквавивы ⁹. Бесчисленные у Муцио, и т. д.

Правильное ли у вас представление о нашем Обществе?

Церковь так долго жила без этих вопросов.

Другие так поступают, но это не одно и то же.

Как вы думаете, может быть сравнение между 20 000 разделенных людей
и 200 000 000 объединенных, которые готовы умереть друг за друга? Бессмерт-
ный корпус.

Мы стоим друг за друга под угрозой смерти, Лами.

Мы вынуждаем наших врагов, о. Пюис ¹⁰.

Все зависит от правдоподобности.

Люди естественно нуждаются в религии, но снисходительной.

Мне хотелось бы доказать вам это с помощью необычного довода. Я бы вам
сказал: если бы Господь нас не хранил особым Своим промыслом на благо
Церкви, я берусь вам доказать, что даже рассуждая по-человечески мы не
можем погибнуть.

Согласитесь со мной в этом основном положении, и я вам докажу все. Оно в том, что у Общества и Церкви одна судьба.

Без этого положения ничего не докажешь.

Нельзя жить долго в открытом пороке, равно как и жить естественно в суровой аскезе.

Приноровляющейся религии свойственно жить долго.

Перед ними заискивают из распутства.

Не знаю, можно ли придумать лучший способ для тех частных лиц, кто не хочет властвовать с помощью оружия.

Короли, папа.

3 Цар. 246.

Право и прямотушие в набожности.

(231. С иезуитами советуются обо всем.)

(165. 166. 164. 165. Пересаженные.)

6. 452. Короли-кормильцы.

4. Ненавидимы за свои достоинства.

(Университет.)

(3 Цар.)

Апол. Универс. 159. Постановление Сорбонны.

Короли 241. 228.

Повешенные иезуиты 112.

Религия. И наука.

Jesuita omnis homo ¹¹.

(Коллежи — дети на выбор.)

Коллежи, родственники, друзья, дети на выбор.

Устав.

253. Бедность, честолюбие.

257. Прежде всего князья, вельможи, которые могут повредить или поспособствовать.

12. Бесплезны, отброшены / хорошая мина./ Богатство, знатность и т. д.

Как, вы боялись, что их не примут раньше?

27.

47. Отдать свое состояние Обществу для славы Господней.

51. 52. Единство мнений, декл. подчиниться Обществу и тем сохранить

единообразие. Сегодня это единообразие — в разномыслии. Ибо так хочет Общество.

117. Уст. Евангелие и святой Фома. Декл. приноравливающаяся теология.

65. Немногие благочестивые ученые; наши предки изменили свое мнение.

23. 74. Нищенствовать.

19. Не давать родственникам, доверяться советникам, назначенным высшим чином.

1. Не заниматься исследованием совести. Декл.

2. Совершенная бедность, не служить месс ни для проповеди, ни за вознаграждающую милостыню.

4. Декл. Имеют такую же силу, как устав.

Конец. Читать устав каждый месяц.

149. Декларации все портят.

154. Ни побуждать к постоянной раздаче милостыни, ни требовать ее по справедливости, ни кружки для ее сбора. Декл. non tanquam Eleemosina ¹².

200. 4. Сообщать нам обо всем.

190. Устав против войска. Декл. толкуют войско.

Всемирный и бессмертный корпус.

Сильная и неразборчивая привязанность к общине опасна.

По религии мы все были бы богаты, без нашего устава, поэтому мы бедны.

И с истинной религией, и без нее мы сильны.

953 (958) ¹. Читать Отцов для того, чтобы приноравливать их к своему воображению, вместо того чтобы строить свою мысль на мысли Отцов.

Скромность.

Месса. Не знаю, о чем он говорит.

Политика.

К несчастью — или, скорее, к редкому счастью для Общества, то, что делает один, приписывается всем.

Строго повиноваться епископам, чтобы не казалось, будто мы притязаем равняться с ними по примеру св. Ксавье.

Завещания, процессы.

Они нагромождают, даже придумывают ложные истории.

Правдоподобность, *tueri pius potest, probabilis est auctore non caret* ².

Клеветники не наказываются.

Чтобы Общество не разващалось.

Непослушание, чтобы искать доброго мнения о себе.

Непослушание, искать поддержки сильных мира сего.

Они делают вещи неприличные и непозволительные для Общества и говорят, что им докучают с тем знатные вельможи, но это они им докучают, так что приходится либо делать их своими врагами, отказывая им, либо губить Общество, соглашаясь.

Целомудрие.

Бедность, свобода мнений, противник Истине.

Виноградники, и т. д.

954 (925). Рассмотреть побуждения цензуры через отдельные случаи; найти гипотезу, подходящую для всех.

Облачение создает учение.

(Вы исповедуете множество людей, которые исповедуются всего раз в год.)

(Я думал, что тут борьба мнений.)

(Когда человек так дурен, что уже вовсе не имеет угрызений совести, то он больше не грешит.)

(Так вы преследуете г. Арно без угрызений совести.)

Я сомневаюсь в этом учении, потому что оно обходится со мной слишком мягко, если помнить о том зле, которое, говорят, во мне таится.

(Отчего вы не изберете какую-нибудь явную ересь?)

Я сомневаюсь в их единстве из-за их частных противоречий.

Я подожду, чтобы они договорились между собой, прежде чем становиться на чью-то сторону. За одного друга я получу слишком много врагов. Я недостаточно сведущ, чтобы им отвечать.

(Я думал, людей осудили за то, что у них не было добрых мыслей; но за то, что они думали, будто ни у кого их нет,— это для меня новость.)

(Для чего это — чтобы утешить праведных и спасти отчаявшихся? Нет, ибо никто не может считать себя праведником.)

(Г. Шамийяр¹ был бы еретиком, что явная ложь, ибо он писал в защиту г. Арно.)

В году 1647 благодать давалась всем; в 1650 она стала реже, и т. д.

(Благодать господина Корне², господина...)

Лютер — все, кроме истины.

Если бы в Церкви не случилось такого — но я верю моему кюре.

Сколь мало бы благодать нас ни стесняла, они придумывают все новую благодать; они распоряжаются ею, как плодами своего труда.

Один говорит правду.

(Каждому случаю — своя благодать; и каждому человеку, благодать для вельмож, благодать для мошенников.)

Г. Шамийяр к этому так близок, что если есть ступени, ведущие к небытию, (эта достаточная благодать) теперь ближе всего.

(Забавно стать еретиком из-за этого.)

Нет никого, кто бы на этом не попался, ведь этого нельзя встретить ни в Писании, ни у Отцов, и т. д.

Давно ли это стало членом символа веры, отец мой? Не ранее как со слов о непосредственной способности³. И я думаю, что он впал в эту ересь от рождения и что он только для того и родился.

(Цензура просто запрещает говорить так о святом Петре⁴, и ничего больше.— Я им весьма обязан).

(Это хитрые люди. Они боялись, что письма к провинциалам...)

(Не стоило этого делать ради одного слова.)

(Ребяческая наивность.)

(Его хвалят заранее, не зная.)

(Негодяи кредиторы.)

(Я думаю, они колдуны.)

Лютер (все, кроме истины.)

Еретический член.

Unam sanctam ⁵.

Картинки ⁶ нам повредили.

Одна и та же мысль хороша у одного автора и дурна у другого. Да, но тогда есть и прочие дурные мысли.

Есть люди, которые склоняются перед цензурой, другие — перед доводами, и все перед доводами. Странно, что вы не пошли по общему пути вместо особого или хотя бы к ним не присоединились.

Множество видов благодати.

Переводчики-янсенисты.

У святого Августина их больше всего из-за раздоров среди его врагов. Кроме того, что можно считать неразрывной традицией 12 000 пап, Соборов и т. д.

Должно быть, у г. Арно очень дурные воззрения, если он заражает ими тех, кого целует.

Цензура им полезна тем, что когда она им что-то запрещает, они с ней борются, говоря, что поступают как янсенисты.

Какое облегчение для меня; ни один добрый католик-француз...

Литании. Климент VIII, Павел V, цензура. Господь нас явно хранит.

Человек очевидно безрассуден. Он не может сотворить муравья.

Для этого вместо Бога — благодать.

955 (929). (И вы собираетесь изгнать из Церкви тех, кто отказывается делать такое признание.) Все заявляют, что эти положения таковы. Г. Арно (и его друзья) уверяет, что осуждает их по их сути и где бы они ни встретились, и что если они есть у Янсения, он их там осуждает.

И что даже если их там нет, если смысл этих еретических положений, осужденных папой, можно найти у Янсения, то он осуждает Янсения.

Но вам мало этих заверений, вы хотите, чтобы он подтвердил, что эти положения дословно содержатся у Янсения. Он ответил, что не может этого подтвердить, поскольку не знает, так ли это; что и он, и множество других их там искали, но так и не нашли. Они просили вас и всех прочих указать, на каких страницах они содержатся, и никто ни разу этого не сделал. И тем не менее вы хотите выбросить его из Церкви за этот отказ, хотя он и осуждает все, что она осуждает, единственно на том основании, что он не подтверждает, будто некие слова или некий смысл содержатся в книге, в которой он их так и не нашел и в которой никто другой не желает их ему показать. Поистине, отец мой, предлог этот такой пустячный, что, может быть, Церковь никогда не прибегала к мерам столь непонятным, столь несправедливым и столь тираническим.

(Церковь может обязать.)

(Климент VIII.)

(Si quis dixerit.)¹

Не нужно быть богословом, чтобы увидеть: их ересь состоит всего лишь в их противодействии вам; я испытываю это на себе, и общее доказательство этому видно на всех тех, кто выступал против вас.

Руанские кюре-янсенисты.

Канский обет².

Ваши замыслы кажутся вам столь благородными, что вы даете за них обет.

Два года назад их ересь сводилась к булле, в прошлом году она стала внутренней. Полгода назад это было *totidem*³; теперь это смысл.

Разве я не вижу, что вы хотите одного — объявить их еретиками. Святые Дары⁴.

Я спорил с вами, защищая других.

Вы просто смешны, что подняли столько шума вокруг Положений. Это пустяки, люди должны это понять.

Без имен авторов, но поскольку замысел ваш был известен, 70 возражали⁵. Установить дату решения.

Для того, чтобы те, кого вы не сумели объявить еретиками за их собственные слова, и т. д.

(Кто недоволен мною за то, что я доказал: все это написано вашими авторами, вплоть до самых ужасных.)

Ведь все известно.

(У вас ведь есть только этот ответ и только этот способ его доказать.)

Либо он знает — да или нет, либо он сомневается; либо грешник, либо еретик.

Предисловие Виллелуэна.

Янсений, Аврелий ⁶, Арно, Письма к Провинциалу.

(Собрание окаянных.)

(Можно вскрыть все кружки для сбора милостыни в Сен-Мерри ⁷, вы не станете от того менее безгрешны.)

(После Пелагия.)

(Потому-то это неудивительно. Ложное право. Бароний ⁸.)

(А я уж лучше предпочту быть притворщиком, чем... и т. д.)

Какие у вас для того основания? Вы говорите, что я янсенист, что о. Р. защищает 5 положений и что, следовательно, я их защищаю. Трижды ложь.

Имея в виду только язычников.

Тот самый свет, который открывает сверхъестественные истины, безошибочно открывает их в том месте, которое свет... и т. д.

Как можно обнаружить смысл Янсения в положениях, вовсе ему не принадлежащих.

И прошу вас, не говорите мне, что это не вы, (а епископы), приводите все это в действие. (В ответ я бы наговорил вам таких вещей, которые не понравились бы ни вам, ни другим.) Избавьте меня от необходимости отвечать.

Либо это есть у Янсения, либо нет. Если есть, он уже осужден за это, если нет, почему вы хотите, чтобы его осудили.

Пусть только осудят одно из положений вашего отца Эскобара. Я буду держать в одной руке Эскобара, в другой — запрет, и проведу следствие по всей форме.

Папа осудил не две вещи, он осудил только смысл положений.

Или вы скажете, что он его не осудил? Но смысл Янсения в них заключен, — говорит папа. Мне ясно, что папа так думал из-за ваших *totidem*³, но он не сказал этого под страхом отлучения от Церкви.

Как мог он не поверить этому и французским епископам. Вы говорили *totidem*³, а они не знали, что вы способны это говорить, даже если это не так.

Лжецы, мое 15-е письмо еще не прочитано.

956 (928). Диана¹.

Чему служит Диана.

11. Позволено не отдавать самым достойным бенефиции, не связанные с заботой о душах паствы; Тридентский Собор² как будто говорит обратное. Но вот как он это доказывает: если б это было так, всем прелатам было бы уготовано проклятие. Ведь они все ведут себя подобным образом.

11. Король и папа не обязаны выбирать самых достойных. Если б это было так, папа и короли взвалили бы на себя тяжелую ношу.

21. И к тому же, будь такое мнение неверно, у кающихся и у исповедников было бы слишком много хлопот, вот почему я полагаю, что в житейском обыкновении нужно следовать ему.

(21. Если бы это мнение было верно и касательно возмещения ущерба — о, сколько бы пришлось возмещать.)

А в другом месте, где он определяет, при каких условиях грех становится смертным, он обставляет это таким множеством условий, что смертный грех, оказывается, вообще едва ли существует; и, установив это, он восклицает: О, как легко и сладостно Господне иго!

11. К тому же мы не обязаны давать милостыню от избытка своего на повседневные нужды бедняков. Будь верно обратное, надо было бы осудить большинство богатых и их духовников.

Эти доводы вывели меня из терпения, и я сказал преподобному отцу: «Но что же мешает сказать, что так оно и есть?»

Словно предвидев это, он отвечает мне в том же месте, сказав — 22, — «Будь это верно, самые богатые были бы прокляты». Он добавляет: «На это

Аррагоний отвечает, что так и есть, а иезуит Бони прибавляет, что и их духовники, но я отвечаю вместе с другим иезуитом, Валенсией, и прочими авторами, что есть множество причин, извиняющих этих богачей и их духовников».

Я был восхищен подобным рассуждением, но тут он меня совсем добил таким: «Если б это мнение было верно касательно возмещения ущерба,— о, сколько бы пришлось возмещать!»

— Хороший довод, отец мой,— сказал я.— О,— сказал мне преподобный отец,— вот это человек.— Отец мой,— ответил я,— сколько людей оказались бы прокляты без ваших казуистов. (О,— произнес он,— как жаль, что нам не позволяют говорить об этом.) — Отец мой, сколь широким вы делаете путь, ведущий на небеса! О, сколько людей его находят! Вот один...

957 (512). На его наречии она вся — тело Христово, но он не может сказать, что она — все тело Христово.

Соединение двух вещей без изменения не позволяет говорить, что одна становится другой.

Такова душа в соединении с телом.

Огонь с деревом без изменения.

Но нужно изменение, чтобы форма одного стала формой другого.

Таково соединение Слова с человечеством.

Ибо мое тело без моей души не было бы человеческим телом. Следовательно, моя душа, соединенная с любой материей, составит мое тело.

Он не различает условие необходимое и условие достаточное; соединение необходимо, но не достаточно.

Левая рука не есть правая.

Непроницаемость есть свойство тела.

Тождественность de numero ¹ в одном и том же времени требует тождественности материи.

Поэтому если бы Бог соединил мою душу с каким-нибудь телом в Китае, то же самое тело idem numero ² было бы в Китае.

Та же река, которая течет здесь,— idem numero, что та, которая течет в то же время в Китае.

958 (75). Часть I. I. 2. Гл. I. Разд. IV ¹.

(Догадка, нетрудно будет спуститься еще ступенькой ниже и выставить ее в смешном свете.)

Что может быть нелепей, чем утверждения, будто у неодушевленных тел есть страсти, опасения, страхи, будто у бесчувственных, безжизненных и даже не способных к жизни тел есть страсти, предполагающие душу, по меньшей мере достаточно чувствительную, чтобы их вместить. Тем более, что предмет этих страхов — пустота. Что же такого есть в пустоте, что может их пугать? Что может быть глупее и смешнее?

Это еще не все; в них самих заключено некое начало движения, чтобы избегать пустоты. Или у них есть руки, ноги, мускулы, нервы?

959 (636). Если не обозначает безразличия.

Малах.

Исаия.

Ис. si volueris ¹, etc.

In quacumque die ².

960 (362 и 921). (Чего вы достигли, обвиняя меня в глумлении над святынями? Вы достигнете не большего, если будете обвинять меня во лжи.)

(Я не все сказал, вы увидите.)

Я вовсе не еретик. Я вовсе не поддерживал 5 положений. Вы это говорите, но не доказываете. Я говорю, что вы это сказали, и доказываю это.

Я сказал вам, что вы лжецы, и я это доказываю. И что вы бесстыдно не скрываете этого. Бризасье ¹, Менье ², д'Альби ³. И что вы это одобряете; Elidere ⁴.

Когда вы считали г. Пюиса ³ врагом Общества, он был недостойный пастырь, невежда, еретик, без веры, без нравственности; теперь он достойный пастырь, глубоко верующий и нравственный.

Клевета, haec est magna caecitas cordis ⁵.

Не видеть в ней зла, haec est major caecitas cordis ⁶.

Защищать ее вместо того, чтобы признаться в ней, как в грехе, tunc hominem concludit profunditas iniquitatis ⁷ и т. д.— 230, Проспер ⁸.

Вельможи разделяются в гражданских войнах.
Так и вы разделяетесь в гражданских войнах между людьми.

(Я хочу сказать это вам самим для вящей убедительности.)

(В одобрении тех, кто читает книги внимательно, я не сомневаюсь, но те, кто только проглядывает заголовки — а таких большинство,— могут поверить вам на слово. Нужно не...— что монахи были лжецами — наших уже вразумили с помощью цитат. Надо вразумить других с помощью *elidere*.)

Ex senatus consultis et plebiscitis ⁹.

Попросить подобные места.

Я очень рад, что вы публикуете то же, что и я.
ex contentione ¹⁰, святой Павел.

Me causam fecit ¹¹.

(Не то чтоб я не видел, в каком вы замешательстве, ведь если бы вы хотели отречься от своих слов, это было бы сделано, но и т. д.)

Святые вдаются в тонкости, чтобы найти в себе грешников и осудить лучшие свои поступки, а эти вдаются в тонкости, чтобы оправдать самые дурные.

Не говорите, что в спорах это уходит. Мы напечатаем ваши сочинения полностью и по-французски; тогда все смогут о них судить.

Здание, столь же прекрасное снаружи, но на дурном фундаменте; его строили языческие мудрецы, а дьявол обманывает людей этим внешним сходством, основанным на столь отличающемся фундаменте.

Никогда еще человек не защищал столь правое дело, как я, и никогда никто другой не был столь легкой добычей, как вы.

Светские люди не верят, что могут быть на добром пути.

Чем больше слабостей они подмечают во мне, тем больше правоты они придают моему делу.

Вы говорите, что я еретик. Позволено ли это? И если вы не боитесь, что люди воздадут мне по справедливости, неужели вы не боитесь, что Бог мне воздаст?

Вы почувствуете силу истины и отступите перед ней.

Я прошу справедливости к себе — не верьте больше им на слово.

Надо было обязать всех на свете вам верить под страхом смертного греха.

Это грех — без оглядки верить клевете.

Non credebant temere calumniatori ¹². Святой Авг.

Fecitque cadendo undique me cadere ¹³ с помощью правила о клевете.

В подобной слепоте есть что-то сверхъестественное. Digna necessitas ¹⁴.

Я один против тридцати тысяч — отнюдь. За вами двор? Вы ложь, я истина.— В этом вся моя сила. Если она у меня пропадет, я пропал, в обвинителях и карателях у меня недостатка не будет. Но со мной истина, и мы посмотрим, кто возьмет верх.

Я не заслуживаю того, чтобы защищать религию, но вы не заслуживаете того, чтобы защищать заблуждение. И... я надеюсь, что Господь по милосердию Своему, пренебрегая тем злом, которое есть во мне, и не пренебрегая тем добром, которое есть в вас, окажет милость нам всем и не попустит, чтобы истина погибла в моих руках, а ложь...

mentiris impudentissime ¹⁵.

230. Защищать это — великий грех. Elidere.

340. Час нечестивых.

doctrina sua noscetur vir ¹⁶.

66. labor mendacii ¹⁷.

80. Милостыня.

Ложное благочестие, двойной грех.

Elidere, Карамуэль ¹⁸.

Вы мне угрожаете.

Коль скоро вы коснулись только этого, значит, вы одобряете все остальное.

961 (888). Вы не сведущи в пророчествах, если не знаете, что все это должно произойти, князья, пророки, папа — и даже священники,— а Церковь все равно останется.

По милости Божией мы до этого не дошли, горе вам, священники. Но мы надеемся, что Господь будет к нам милосерд и мы до этого не дойдем.

1. Святой Петр. 2. Лжепророки — в прошлом — образ будущего.

962 (902). Хорошо бы,— говорит фельян,— чтобы это не было столь бесспорно, ибо спор означает неуверенность.

Святой Афанасий, святой Иоанн Хризостом ¹.

Мораль. Неверующие.

Иезуиты не сделали истину сомнительной, но они сделали несомненной свою нечестивость.

Противоречия всегда оставались, чтобы ослеплять нечестивых, ибо все, что оскорбляет истину или любовь, дурно. Вот истинное правило.

963 (940). Сердцу человеческому безразлично, верить ли в 3 или в 4 лица Троицы, но не... и т. д. Поэтому они с пылкостью защищают одно, но не другое.

Хорошо делать одно, но нельзя оставлять другое, тот же самый Бог, Который нам сказал, и т. д.

И кто верит в одно, не веря в другое, верит не потому, что так велел ему Бог, а потому, что его похоть этому не противится и очень легко пойти на это и так без труда получить свидетельство своей чистой совести, которая...

Но это ложное свидетельство.

964 (953). Письмо о жестоких установлениях иезуитов повсюду.

Сверхъестественная слепота.

Эта мораль, во главе которой распятый Бог.

Вот те, кто дал обет послушания *tanquam Christo* ¹.

Упадок иезуитов.

Наша религия, которая вся божественна.

Некий казуист Мируэр.

Если вы находите, что это хорошо, то это хороший знак.

Удивительно, что нет способа внушить им понятие о религии.

Распятый Бог.

Отделяя это наказуемое дело от схизмы, они будут наказаны.

Но как все перевернуто: дети, обнимая их, любят растлителей. Враги их ненавидят.

Мы — свидетели.

Что до множества казуистов, то это отнюдь не повод для обвинений против Церкви, а наоборот, повод для ее стенаний.

И чтобы нас нельзя было заподозрить.

Подобно тому, как евреи несут свои книги, которые не могут вызывать подозрений у язычников, они несут нам свой Устав.

965 (889). Если правда, с одной стороны, что некоторые беспутные монахи и дурные казуисты, не принадлежащие к числу иерархов, погрязли в этих пороках, но с другой — неизменно, что истинные пастыри Церкви, истинные хранители божественного слова сберегли его в неприкосновенности, невзирая на усилия тех, кто вознамерился его разрушить.

И потому у верующих нет никаких оснований следовать распущенной морали, предлагаемой им только чужими руками этих казуистов, а не спасительному учению, которое протягивают им отеческие руки их собственных пастырей. А у нечестивцев и еретиков нет никаких оснований выдавать эти злоупотребления за доказательства того, что Провидение Божие отвращено от Церкви, ибо Церковь живет собственно в собрании своих иерархов, и потому из нынешнего состояния вещей не только нельзя заключить, что Бог оставил Церковь предаваться разврату, но напротив, никогда не было видно так ясно, как сегодня, что Бог, очевидно, оберегает ее от разврата.

Ибо если кое-кто из тех людей, кто по особому призванию дал обет

удалиться от мира и постричься в монахи, чтобы пребывать в состоянии более совершенном, чем обыкновенные христиане, — если они впади в заблуждения, вызывающие ужас у обыкновенных христиан, и стали среди нас тем, чем были лжепророки среди иудеев, то это частная и личная беда, о которой действительно следует сокрушаться, но нельзя из того заключить, что Бог оставил попечение о Своей Церкви, поскольку все это столь ясно предсказано, и так давно были возведены искушения, которые придут от таких людей, что человеку поистине сведущему в этом видятся скорее свидетельства заботы Божией о нас, чем Его забвения.

966 (926). Надо выслушать обе стороны, о чем я и позаботился.

Выслушивая только одну сторону, мы с нею всегда согласны, но другая меняет наше мнение; тогда как тут сам иезуит подтверждает.

Не то, что они делают, но то, что они говорят.

Их крики направлены только против меня. Я этому рад. Я знаю, с кем рассчитывать.

И. Х. был камнем соблазна.

Достойный осуждения, осужденный.

Политика.

Мы обнаружили два препятствия нашему замыслу облегчить жизнь людям, одно — внутренние законы Евангелия, второе — внешние законы государства и религии.

Одни в нашей власти, с другими вот как мы поступили. *Amplianda, restringenda, a majori ad minus. Junior* ¹.

Правдоподобно.

Они рассуждают как те, кто доказывает в полдень, что сейчас ночь. Если такие жалкие доводы правдоподобны, тогда будет правдоподобен любой.

1. довод. *Dominus actuum conjugalium*. Молина.

2. довод. *Non potest compensari*. Лесс ².

Противопоставлять не святые правила, но мерзостные.

Бони — поджигатель Овинов ³.

Маскареньяс ⁴, Тридентский Собор о священниках в состоянии смертного греха. *Quam primum* ⁴.

967 (895). Церковь тщетно ввела эти слова — анафема, ересь и т. д.; их используют против нее.

968 (654). Разница между обедом или ужином ¹.

В Боге слово не расходится с намерением, ибо Он истинен, ни слово с действием, ибо Он могуществен, ни средства с действием, ибо Он мудр. Берн. *Ult. serm. In missus* ².

Авг. 5. *De Civit* ³. 10. Это общее правило. Бог может все, кроме тех вещей, совершая которые Он не был бы всемогущ, к примеру, умереть, обмануться и т. д., лгать и т. д.

Несколько евангелистов для утверждения истины.
Различия между ними полезны.

Евхаристия после Тайной Встречи. Истина после образа ее.

Разрушение Иерусалима, образ разрушения мира.
Через 40 лет после смерти Иисуса.

И не знает как человек и посланец ⁴. *Матф.* 24. 36.

И осужден евреями и язычниками.

Два сына — образы евреев и язычников. *Авг.* 20. *de Civit.* 29⁵.

969 (514). Трудитесь для своего спасения со страхом.

Нищие благодатью.

repenti dabitur ¹. Следовательно, просить в наших силах; напротив, ибо в наших силах получать, но не просить. Потому, что не в наших силах спастись и в наших силах получить, молиться не в наших силах.

Праведнику не следовало бы отныне уповать на Бога, ибо он не должен уповать, но стараться получить то, о чем просит.

Итак, поскольку человек больше не может обладать непосредственной способностью и Бог не желает, чтобы человек таким путем не отдалялся от Него, то человек не отдаляется от Бога только путем действенной способности.

Следовательно, те, кто отдаляются от Него, не имеют этой способности, без которой люди отдаляются от Него, а те, кто не отдаляются, имеют эту действительную способность.

Следовательно, те, кто какое-то время делят молитву с помощью действительной способности, перестают молиться с исчезновением этой способности.

Значит, Бог в этом смысле покидает первым.

970 (632). Об Ездре ¹.

Вымысел: книги были сожжены вместе с храмом, испорчены Маккавеями: Иеремия дал им закон.

Вымысел, что он все говорил наизусть: Иосиф и Ездра отмечают, что он читал книгу.

Барон. anno 180. nullus penitus haebraeorum antiquorum reperitur qui tradiderit libros perisse et per Esdram esse restitutos nisi in 4 Esdr ².

Вымысел, что он изменил буквы.

Филон, in vita Moysi. Illa lingua ac caractere quo antiquitas scripta est lex sic permansit usque ad 70 ³.

Иосиф говорит, что Закон был написан на древнееврейском, когда его переводили 70.

При Антиохе и Веспасиане, когда книги хотели уничтожить и когда не было пророков, этого сделать не могли, а при вавилонянах, когда не было никаких преследований и было множество пророков, их дали сжечь?

Иосиф насмехается над греками, которые не могли допустить...

Tertul. Perinde potuit abolefactam eam violentia cataclysmi, in spiritu rursus reformare: quemadmodum et hierosolymis babylonia expugnatione deleta, est omne instrumentum iudaicae litteraturae per Esdram constat restauratum. Tert. I. de cultu femin. c. 3 ⁴.

Он говорит, что Ной точно так же мог восстановить в уме книгу Еноха, утраченную во время потопа, как Ездра мог восстановить писания, утраченные в пленении.

Θεός ἐν τῇ ἐπὶ Ναβουκοδόνοσος αἰχμαλωσία τοῦ λαοῦ, διαφθαρεῖσθαι τῶν γραφῶν, ἐνέπνευσε Ἐσδρά τῷ ἱερεὶ ἐκ τῆς φυλῆς Λευὶ τοῦς τῶν προγεγονότων προφητῶν πάντα, ἀνατάξασθαι λόγους, καὶ ἀποκαταστήσαι τῷ λαῷ τὴν διὰ Μωσέως νομοθεσίαν ⁵.

Он ссылается на это, чтобы доказать: нет ничего невероятного в том, что 70 поняли Священное Писание с тем единомыслием, которым восхищался у них Евсев ⁶. I. 5. ист. гл. 8, а он перенял это у святого Иринея ⁷ кн. 3. гл. 25.

Святой Иларий ⁸ в предисловии к Псалтири говорит, что Ездра привел псалмы в порядок.

Источник этого предания восходит к 14 гл. 4 книги Ездры ⁹.

Deus glorificatus est, et scripturae verae divinae creditae sunt, omnibus eandem, et eisdem verbis et eisdem nominibus recitantibus ab initio usque ad finem uti et praesentes gentes cognoscerent quoniam per aspirationem dei interpretatae sunt scripturae. Et non esset mirabile deum hoc in eis operatum quando in ea captivitate populi quae facta est a Nabuchodonosor corruptis scripturis et post 70 annos judaeis descentibus in regionem suam, et post deinde temporibus Artaxerxis persarum regis inspiravit Esdrae sacerdoti tribus levi praeteritorum prophetarum omnes remorare sermones et restituere populo eam legem quae data est per Moysen ⁵.

971 (633). Против вымыслов Ездры.

2 Макк. 2.

Иосиф Древн. II. I. Кир благодаря пророчеству Исаии отпустил евреев.— При Кире евреи мирно владели своей собственностью в Вавилоне. Следовательно, они вполне могли иметь и Закон.

Иосиф, рассказывая всю историю Ездры, ни словом не упомянул об этом восстановлении.

4 Царств — 17. 27.

972 (634). Если верить вымыслам Ездры, то надо верить и тому, что Писание — Священное Писание; ибо эти вымыслы основаны лишь на авторитете людей, повторяющих слова Семидесяти, что доказывает, что Писание священо.

Итак, если эта сказка правдива, то мы выигрываем с ее помощью; если нет — иначе. И вот те, кто хотел бы разрушить веру в истинность нашей религии, основанной на Моисее, укрепляют ее с помощью того самого авторитета, ссылаясь на который они на нее нападают. И так по промыслу Божию она продолжает жить.

973 (919). Это последствия грехов и мирян, и иезуитов: вельможи хотели, чтобы им льстили; иезуиты хотели, чтобы вельможи их любили. Все они заслуживают того, чтобы пребывать во власти духа лжи: одни за то, что обманывают, другие за то, что обманываются. Они были алчны, горды, сласто-

любивы: Coacervabant sibi magistros ¹. Достойные ученики таких учителей, digni sunt ², они искали льстецов, и они их нашли.

974 (949). Как мир в государстве имеет единственной своей целью сохранить в неприкосновенности богатства народа, так и мир в Церкви имеет своей единственной целью сохранить в неприкосновенности истину, которая и есть ее богатство и ее сокровище, с которым сердце ее. И как было бы противно цели мира пустить чужеземцев в государство и отдать его им на разграбление, не сопротивляясь, из страха этим нарушить покой (ибо мир справедлив и полезен лишь ради сохранения богатств, и он становится несправедлив и опасен, когда позволяет их утратить, а война, которая может их защитить, становится и справедлива, и необходима); так и в Церкви, когда враги веры оскорбляют истину, когда ее хотят вырвать из сердец верующих, чтобы в них воцарилось заблуждение,— тогда будет ли мир означать служение Церкви или предательство ее? Будет ли это означать ее защиту или разрушение? Разве не очевидно, что как преступно тревожить мир там, где царит истина, так преступно и пребывать в мире там, где истина уничтожается? Есть время, когда мир справедлив, и есть время, когда он несправедлив. И сказано: «Есть время мира и время войны» ¹, а мерило здесь — интересы истины. Но нет времени истины и времени заблуждения, и сказано, напротив, что «слово Бога пребудет вечно» ²; вот почему Иисус Христос, сказавший, что Он пришел принести мир, говорит также, что пришел принести меч; но Он не говорит, что пришел принести истину и ложь. Истина, следовательно, есть первое правило и последняя цель всех вещей.

975 (275). Люди часто путают воображение с душой; им кажется, будто они уже обратились к Богу, как только подумали об обращении.

976 (19). Последнее, что находишь, трудясь над каким-нибудь сочинением,— это что поместить в его начало.

977 (320). Самые неразумные вещи в мире оказываются самыми разумными из-за людской испорченности. Что может быть менее разумно, чем избирать для управления государством первенца королевы? Чтобы управлять кораблем, не избираем же мы того из путешественников, кто принадлежит к самому знатному роду. Такой закон был бы смешон и несправедлив; но поскольку он есть и будет всегда, он оказывается разумен и справедлив, ибо кого же

избирать? Самого добродетельного и самого мудрого? И вот мы немедленно начинаем драться друг с другом, ибо каждый полагает, что он и есть этот самый добродетельный и самый мудрый. Привяжем же эти качества к чему-то неоспоримому. Это старший сын короля; тут все ясно, не о чем спорить. Разум не может сделать лучший выбор, ибо гражданская война есть величайшее из зол.

978 (100). Природа самолюбия и человеческого «я» в том, чтобы любить только себя и считаться только с собой. Но что делать человеку? Он не может изменить того, что этот предмет его любви полон слабостей и недостатков; он хочет быть великим, а видит, что несчастен; он хочет быть совершенным, а видит, что полон несовершенств; он хочет быть предметом любви и уважения других людей, а видит, что его недостатки вызывают лишь неприязнь и презрение. Он оказывается в таком замешательстве, рождающем в нем самую извращенную и самую преступную страсть, какую только можно вообразить; ибо он питает смертельную ненависть к той истине, которая корит его и убеждает в его недостатках. Он хотел бы ее уничтожить; и, будучи не способен сделать это с ней самой, он это делает, насколько возможно, в своем сознании и в сознании других; иначе говоря, он кладет все свои силы на то, чтобы скрыть свои недостатки и от других, и от самого себя, и не выносит, чтобы их показывали ему и чтобы их видели.

Конечно, это зло — быть исполненным недостатков; но еще большее зло — иметь их и не желать их признавать, ведь это значит прибавлять к ним еще один — добровольный самообман. Мы не хотим, чтобы нас обманывали другие; мы находим несправедливым, если они требуют от нас уважения большего, чем заслуживают; следовательно, столь же несправедливо, если мы их обманываем и требуем от них уважения большего, чем заслуживаем.

Поэтому, когда они обнаруживают в нас только несовершенства и пороки, которые мы и вправду имеем, то очевидно, что они не чинят нам никакого вреда, поскольку не они тому причиной, и творят нам добро, поскольку помогают избавиться от зла — неведения своих несовершенств. Мы не должны досадовать, что они их знают и что они презирают нас, ибо будет справедливо, и чтобы они знали нас такими, какие мы есть, и чтобы они презирали нас, если мы заслуживаем презрения.

Вот те чувства, которые должны бы рождаться в сердце, исполненном справедливости и непорочности. Что же сказать о нашем, имеющем совсем другие наклонности? Разве не правда, что мы ненавидим истину и тех, кто нам ее говорит, и что нам приятно, чтобы люди обманывались в нашу пользу, и что мы хотим, чтобы они принимали нас не за тех, кто мы есть на самом деле?

И вот доказательство, которое меня приводит в ужас. Католическая религия

не обязывает нас открывать свои грехи всем без разбору; она разрешает таиться от всех прочих людей, но делает исключение для единственного, которому велит открывать глубины своего сердца и показывать себя таким, каков ты есть. Есть только один этот человек на свете, которого она приказывает не обманывать, и его она обязывает нерушимо хранить тайну, так что этого знания, которое есть у него, как бы и нет. Можно ли вообразить что-либо мягче и милосерднее? И однако же человек столь испорчен, что этот закон еще кажется ему суровым; и это одна из главных причин, которая подвигла большую часть Европы восстать против Церкви.

Как же несправедливо и безрассудно человеческое сердце, если ему кажется дурно, что его заставляют делать с одним человеком то, что в каком-то смысле было бы справедливо делать со всеми людьми! Ведь разве справедливо, чтобы мы их обманывали?

Есть разные степени этого отвращения к истине; но можно сказать, что в какой-то степени оно присуще всем, ибо оно неотделимо от самолюбия. Это дурная деликатность заставляет тех, кто вынужден укорять других, прибегать к смягчающим уклончивостям и недомолвкам, чтобы их не ранить. Им приходится преуменьшать наши недостатки, делать вид, что они их извиняют, примешивать к укорам похвалы и свидетельства нежности и уважения. И все равно эта пилюля горька для нашего самолюбия. Оно принимает ее как можно реже, всегда с отвращением, а зачастую и с затаенной злобой против того, кто ее предлагает.

Вследствие этого тот, кто почему-либо ищет нашей любви, избегает оказывать нам услугу, которая заведомо будет нам неприятна; он обращается с нами так, как нам того хочется: мы ненавидим истину — он ее от нас скрывает; мы хотим, чтобы нам льстили, — он нам льстит; мы хотим, чтобы нас обманывали, — он нас обманывает.

Потому и получается, что каждая ступенька удачи, возвышающая нас в мире, все дальше уводит нас от истины; ведь люди больше боятся ранить тех, чье благорасположение полезнее, а неприязнь опасней. Государь может стать притчей во языцех для всей Европы, и только он один ничего о том не будет знать. Я этому не удивляюсь: говорить правду полезно для того, кому ее говорят, но вредит тому, кто говорит, ибо вызывает ненависть к нему. А те, кто живет близ государей, больше озабочены пользой для себя, чем для государя, которому служат; и потому они не заботятся о том, чтобы оказать ему услугу и тем навредить самим себе.

Такое несчастье, без сомнения, больше и встречается чаще среди самых высокопоставленных; но и люди обыкновенные от него не избавлены, поскольку всегда есть какая-то выгода в том, чтобы тебя любили. Поэтому жизнь человеческая — всего лишь вечный обман; мы только и делаем, что лжем и льстим друг другу. Никто не говорит о нас в нашем присутствии так, как

говорит о нас за глаза. Союзы между людьми основаны единственно на этом взаимном обмане; и мало какие дружеские связи не порвались бы, если б каждый знал, что говорит о нем его друг за глаза, хотя бы он и говорил это искренне и беспристрастно.

Человек — это всего лишь притворство, ложь и лицемерие, и с самим собой, и с другими. Он не хочет, чтобы ему говорили правду. Он избегает говорить ее другим; и все эти склонности, столь далекие от разума и справедливости, по природе укоренены в его сердце.

979 (945). Судный день.

Так вот что вы зовете смыслом Янсения, отец мой; так вот что вы внушаете и папе, и епископам!

Если бы иезуиты были порочны и мы бы вправду были одни,— тем больше было бы у нас оснований не поддаваться.

Quod bellum firmavit, pax ficta non auferat ¹.

Neque benedictione, neque maledictione movetur, sicut angelus Domini ².

Вы нападаете на величайшую из христианских добродетелей — любовь к истине.

Если подписание имеет такой смысл, позвольте мне это разъяснить, чтобы не было недоразумений: ведь надо признать, что многие полагают, будто подписание означает согласие.

Если бы докладчик не подписал постановления, оно утратило бы силу; если бы булла не была подписана, она оставалась бы в силе; итак, это не...

Я огорчен, что вынужден вам здесь заявить: я всего лишь рассказываю.

Это высоко возносит их вместе с Эскобаром; но они так не считают; и высказывая неудовольствие, что оказались между Богом и папой...

980 (918). Они говорят, что Церковь говорит то, чего она не говорит, и что она не говорит того, что говорит.

981 (918). Что были бы иезуиты без пробабализма и что был бы пробабализм без иезуитов?

Уберите пробабализм, и вы больше не можете нравиться миру; возьмите пробабализм, и вы больше не можете ему разонравиться. Прежде было трудно избегать грехов и трудно их искупать; теперь легко их избежать с помощью тысячи уловок и легко их искупить.

982 (918). Мы превратили разнообразие в единомыслие, ведь мы все единомышленники в том, что стали единомышленниками.

983 (216). Г. де Роаннез говорил: «Объяснения причин приходят ко мне после, а сначала какая-нибудь вещь мне нравится или меня отталкивает без всякой причины, и тем не менее это меня отталкивает по той самой причине, которую я только затем обнаружу». Но я думаю, не эта вещь его отталкивает по причинам, которые обнаруживаются позднее, а сами причины обнаруживаются только потому, что эта вещь его отталкивает.

984 (216). Страшна одна только внезапная смерть, вот почему при сильных мира сего живут духовники.

985 (942). ...А пробабиллизм необходим для других утверждений, к примеру, тех, что делают Лами и клеветник.

A fructibus eorum ¹...— Судите об их вере по их морали.

Правдоподобность — пустяк без порочных средств, а средства — ничто без правдоподобности.

Приятно быть уверенным, что можешь делать добро и знаешь, как его делать: «*Scire et posse*» ². Это дается благодатью и пробабиллизмом, ведь можно отчитываться перед Богом, опираясь с уверенностью на их авторов.

986 (891). Нужно объяснить еретикам, приверженным учению иезуитов, что это не учение Церкви... и что наши расхождения не отрывают нас от единства.

987 (892). Если бы мы, при всех наших различиях, осуждали, то вы были бы правы. Единомыслие без разнообразия бесполезно для других, разнообразие без единомыслия опасно для нас.— Одно вредит снаружи, другое внутри.

988 (488). ...Но невозможно, чтобы Бог был целью, не будучи основанием. Мы возводим очи горé, но стоим на песке: и земля уйдет из-под ног, и мы упадем, заглядываясь на небо.

989 (935). Иезуиты. — Иезуиты захотели сочетать Бога с миром, а добились только презрения и от Бога, и от мира. Что касается совести, то это очевидно; а что касается мира, то они не такие уж искусные интриганы. У них есть власть, как я не раз говорил, но это лишь по сравнению с другими орденами. Они достаточно сильны, чтобы построить часовню или заполучить право на праздничную проповедь, но не столь могущественны, чтобы раздавать епархии и губернаторские должности. Они занимают в свете глупое положение монахов, по их собственному признанию (о. Бризасье, «Бенедиктинцы»). Однако... вы сгибаетесь перед теми, кто могущественнее вас, и давите изо всех ваших маленьких сил тех, кто меньше, чем вы, интригует в свете.

990 (948). Свращая епископов и Сорбонну, они если и не смогли представить свое суждение справедливым, то смогли представить несправедливыми своих судей. А если их осудят в будущем, они скажут *ad hominem*¹, что те несправедливы, и так опровергнут их приговор. Но все это ни к чему. Ведь как не могут они доказать, что янсенистов осудили правильно, на том единственном основании, что их осудили,— так не смогут они доказать, что их самих осудили неправильно, на том основании, что это сделали продажные судьи. Ибо приговор им будет справедлив не потому, что его вынесут судьи, неизменно справедливые, но судьи, справедливые в этом случае; что будет подтверждено и другими доказательствами.

991 (952). Поскольку две главные заботы Церкви — это сохранение благочестия у верных и обращение еретиков, мы преисполнены скорби, видя, как образуются ныне партии для того, чтобы внушать заблуждения, более всего способные навсегда закрыть еретикам доступ к общению с нами и смертельно развратить всех тех, кто еще остается верен благочестию и католической Церкви. Такие дела, столь открыто совершаемые сегодня против истин религии, важнейших для спасения души, наполняют нас не только скорбью, но испугом и ужасом, ибо кроме тех чувств, которые всякий христианин должен испытывать к подобной смуте, у нас есть еще и обязанность ее усмирять и употреблять власть, данную нам Богом, на то, чтобы паству, которую Он нам вручил, и т. д.

992 (946). Аннá¹. Он без невежества как ученик и без высокомерия как учитель.

993 (909). Все их Общество в полном составе не может успокоить совесть заблуждающегося; вот почему так важно выбирать хороших наставников.

Так они будут вдвойне виновны: в том, что шли путями, которыми не следовало ходить, и в том, что слушали учителей, которых не следовало слушать.

II. Фрагменты, не включавшиеся в другие издания

I. Так иезуиты либо внушают вам заблуждения, либо заставляют поклясться, что вы их разделяете, и ввергают вас либо в заблуждение, либо в клятвенно-преступничество, и растлевают либо ум, либо сердце.

II. Ибо хотя прошло около двух тысяч лет с тех пор, как они были сотворены, поколений за этот срок сменилось так мало, что они были столь же новы для тогдашних людей, как нам теперь то, что случилось лет триста тому назад. Это объясняется долгожительством первых людей. Так что Сим, который видел Ламеха, и т. д. Подобного доказательства достаточно, чтобы убедить людей разумных в достоверности Потопа и Творения, и в этом виден промысел Бога, Который, видя, что Творение начинает отдаляться, дал людям историка, которого можно назвать очевидцем, и поручил целому народу хранить его книгу. Еще тут удивительно то, что эта книга была принята единодушно, без всяких возражений, не только всем еврейским народом, но и всеми царями и всеми народами на земле с особой почитательностью и благоговением.

III. Хорошо подвигать людей, внутренне обновленных благодатью, на дела благочестия и покаяния, соразмерные им самим, ибо и то, и другое сохраняется, только если доброта дел сообразна тому духу, которым они творятся. Когда понуждают творить необычайные дела благочестия и покаяния того, кто еще не обновился внутренне, то повреждают и то, и другое: человек своей греховностью портит дела, а дела раздавливают слабого человека, которому их бремя непосильно. Это дурной знак, если человек приступает к внешним действиям с самой минуты своего обращения. Порядок любви должен укорениться в сердце, прежде чем творить добрые дела вовне.

IV. Когда страсть подвигает нас на какой-то поступок, мы забываем о своем долге. К примеру: мы увлечены книгой, мы читаем ее, хотя должны

были заниматься чем-то другим. Но чтобы напомнить себе об этом, нужно вообразить, что надо сделать что-то ненавистное, и тогда мы находим себе оправдание в том, что надо делать что-то другое, и таким образом вспоминаем о своем долге.

V. Я чувствую в себе дурные свойства, которые мешают мне согласиться с Монтенем, что живость и крепость с возрастом в нас ослабевают. Я не хотел бы, чтобы это было так. Я завидую самому себе. Мое «я» в двадцать лет — это уже не я.

VI. Сон есть слепок со смерти, говорите вы; а я говорю, что это скорее слепок с жизни.

VII. По Монтеню, Аристотель в своем трактате «О душе» говорит только о действиях души, которые всем известны, и ничего не говорит ни о ее сути, ни о ее происхождении, ни о ее природе, а это и есть то, что мы хотим узнать.

VIII. Человек удаляется в деревню и прячется там восемь месяцев, чтобы с блеском прожить четыре месяца при Дворе.

IX. Всякое удовольствие лишается для меня вкуса,— говорит Монтень,— если я не могу о нем рассказать: свидетельство того, как высоко человек ценит человека.

X. Писание отсылает человека к муравьям: явное свидетельство испорченности его природы. Это прекрасно — видеть, как властелина мира отсылают к насекомым поучиться у них мудрости!

XI. Тот, кто замечает, что сказал или сделал глупость, всегда думает, будто она станет последней. Вывод его отнюдь не тот, что он наделает еще множество других глупостей, но что эта помешает ему их делать.

XII. Ученые философы говорят о добродетели, а риторы о красноречии, не разбираясь в них. Укажите одним на человека поистине добродетельного, но

без внешнего блеска, а другим на речь, исполненную естественных красот, но без украшений: они ничего в этом не поймут.

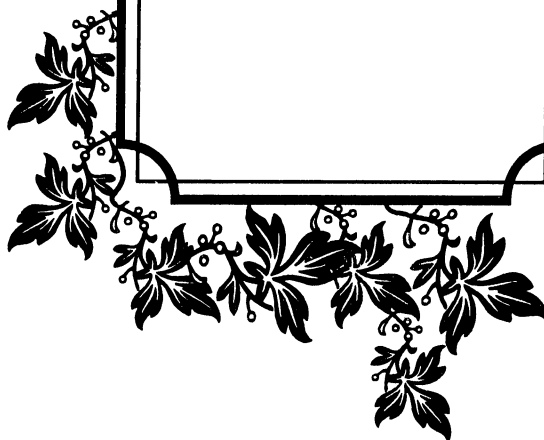
XIII. Я нахожу, что нет ничего легче, чем назвать все это сказками. Но я нахожу, что нет ничего труднее, чем возразить на это.

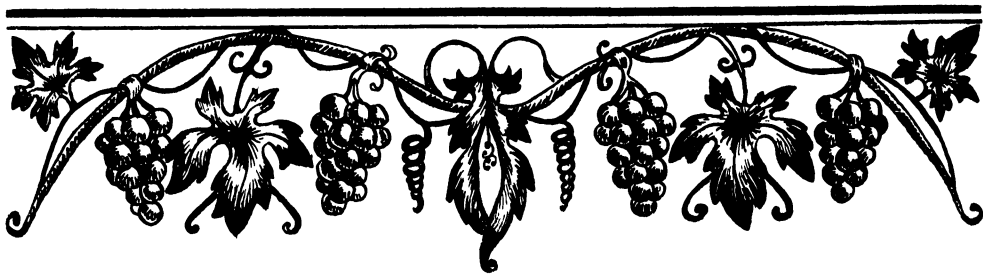
XIV. Почему Бог не открывается нам? — А вы этого достойны? — Да.— Вы очень самоуверенны и потому недостойны.— Нет.— Вот поэтому-то вы и недостойны.

XV. Бог сокрыт от нас. Но Он позволяет Себя найти тем, кто Его ищет. Всегда, во все времена были явные свидетельства о Нем. В наши дни это пророчества. Другие времена имели другие свидетельства. Все эти доказательства взаимосвязаны. Если верно одно, верно и другое. И потому каждое время, имея те доказательства, что годились для него, через них узнавало и другие. Те, кто видели Потоп, верили в Творение и в то, что придет Мессия. Те, кто видели Моисея, верили в Потоп и в исполнение пророчеств. А мы, видящие исполнение пророчеств, должны верить в Потоп и в Творение.

МАЛЫЕ
СОЧИНЕНИЯ

БЕСЕДА С ГОСПОДИНОМ ДЕ САСИ

Господин Паскаль в то время также поселился в Пор-Рояле-в-Полях. Не стану распространяться о том, кто был этот человек, которым восхищалась не только вся Франция, но и вся Европа. Его ум, неизменно живой и деятельный, был более широк, возвышен, тверд, пронизателен и точен, чем это можно вообразить. В математике не было такого сведущего человека, который бы ему не уступал: тому свидетельством знаменитая история с циклоидой, занимавшая тогда всех ученых. Известно, что он словно бы одухотворял медь и вдыхал разум в бронзу. Он заставлял неодушевленные колесики, на каждое из которых было нанесено по одной из первых цифр, рассуждать лучше самых рас-судительных особ и словно повелевал безмолвным машинам заговорить, чтобы шутя решать арифметические задачи, над которыми бились ученые. Это стоило ему таких усилий и такого напряжения ума, что, доведя свою машину до того состояния, в котором все ей дивились и в котором я ее видел своими глазами, он сам вышел из строя более чем на три года. Этот замечательный человек, когда Бог наконец посетил его, подчинил свой высокий ум сладостному игу Иисуса Христа, и столь благородное и столь великое сердце смиренно обратилось к покаянию. В Париже он предал себя в руки господина Сенглена, решившись делать все, что тот ему велит.

Познакомившись с таким гением, господин Сенглен счел за благо послать его в Пор-Рояль-в-Полях, где господин Арно мог бы составить ему компанию по части высокой науки и где господин де Саси научил бы его ее презирать. Итак, он поселился в Пор-Рояле. Господин де Саси по правилам учтивости не мог его не навестить, тем более, что господин Сенглен его об этом просил; но свет святого знания, который он нашел в Писании и у Отцов Церкви, помогал

ему надеяться, что он не будет ослеплен всем блеском господина Паскаля, как тот ни чаровал и ни восхищал всех вокруг.

Он и в самом деле нашел все, что говорил господин Паскаль, весьма верным. Он охотно признавал силу его ума и убедительность его речей. Но в этом не было ничего нового: все, что говорил великого господина Паскаль, он и до того знал из святого Августина; и желая воздать по справедливости всем, он говорил: «Господин Паскаль заслуживает глубочайшего уважения за то, что, не читав Отцов Церкви, он сам, силой своего разума, нашел те же истины, которые нашли они. Они ему кажутся поразительными,— добавлял он,— потому что он их нигде не встречал; но нам ведь привычно встречать их повсюду в наших книгах». Так этот мудрый церковнослужитель, полагая, что у древних знания было не меньше, чем у нынешних, на том и стоял и весьма ценил господина Паскаля за то, что тот во всем был согласен со святым Августином.

У господина де Саси было обыкновение, беседа с людьми, приравнивая эти беседы к тем, с кем он говорил. Если, к примеру, он встречался с господином Шампенем¹, то говорил с ним о живописи. Встретившись с господином Амоном², он беседовал с ним о медицине. С местным костоправом он говорил о костоправстве. Те, кто выращивали виноград, или плоды, или злаки, ему рассказывали все, что было в том примечательного. Все служило ему поводом тотчас переходить к Богу и наводить на Него других. Он решил поэтому, что должен и с господином Паскалем говорить о том, что того более всего занимало,— о чтении философских сочинений. Он навел его на этот предмет в первых же их беседах. Господин Паскаль сказал, что книги, которые он чаще всего читает,— это Эпиктет и Монтень, и весьма ему хвалил этих двух писателей. Господин де Саси, который всегда полагал, что едва ли обязан читать этих авторов, попросил господина Паскаля рассказать ему о них поосновательней.

«Эпиктет,— сказал он,— из тех философов, которые лучше всех на свете познали, в чем состоит долг человека. Он учит прежде всего, что человек должен почитать Бога главной своей целью; должен твердо знать, что Он правит миром справедливо; покоряться Богу всем сердцем и во всем следовать за Ним по доброй воле, поступая всегда с величайшей осмотрительностью; и такое расположение духа прекратит все жалобы и стенания и приготовит его дух к тому, чтобы с невозмутимостью сносить самые злосчастные обстоятельства. По его словам, никогда не надо говорить: «Я потерял это», лучше сказать: «Я это вернул. Мой сын умер, я вернул его. Моя жена умерла, я ее вернул». То же самое и с богатством и со всем остальным. «Но тот, кто у меня это отнимает, злодей»,— скажете вы. Отчего вы возмущаетесь, что тот, кто вам это одолжил, забирает это обратно? Пока он позволяет вам этим достоянием пользоваться,

берегите его, как добро, принадлежащее другому, ведите себя, как путешественник в гостинице. Вы не должны, — говорит он, — желать, чтобы все происходило так, как вам хочется; но вы должны желать, чтобы все происходило так, как происходит. Помните, — говорит он в другом месте, — что вы здесь словно актер и играете ту роль в пьесе, какую вашему хозяину было угодно вам дать. Если он дал вам короткую, играйте короткую; если длинную, играйте длинную, если он хочет, чтобы вы изобразили нищего, делайте это со всей достоверностью, на какую вы способны; и так далее. Ваш удел — хорошо играть ту роль, которая вам дана; но выбирать ее — удел другого. Думайте всякий день о смерти и несчастях, которые кажутся вам самыми невыносимыми, и у вас никогда не будет ни низких мыслей, ни чрезмерных желаний.

И так он показывает на тысячу ладов, как должен поступать человек. Он учит, что надо быть смиренным, скрывать свои добрые намерения, особенно поначалу, и осуществлять их втайне: ничто не вредит им так, как если их выставляют напоказ. Он не устает повторять, что всякое ученье и всякое желание человеческое должно состоять в том, чтобы познавать волю Божию и ей следовать.

Вот какова, — говорил господин Паскаль господину де Саси, — мудрость этого человека, который так глубоко постиг, в чем состоит наш долг. Смеею сказать, что он заслуживал бы поклонения, если бы столь же глубоко постиг, в чем состоит наше бессилие; но чтобы научить людей и тому, и другому, надо быть Богом. Но поскольку он был пыль и прах, то поняв так хорошо, что мы должны делать, вот как он заблуждается в своих горделивых представлениях о том, что мы можем. Он говорит, что Бог дал человеку средства исполнять все свои обязанности; что эти средства в нашей власти; что нужно искать блаженства в тех вещах, которые нам подвластны, потому что Бог нам их для того и дал; что надо различать, в чем наша свобода; что богатство, жизнь, почет не в нашей власти и потому не ведут к Богу; но что разум нельзя заставить верить тому, что он считает ложным, а волю — любить то, что заведомо несет ей несчастье; что, следовательно, эти две силы свободны и через них мы можем достичь совершенства; что человек благодаря этим силам может совершенно познать Бога, любить Его, повиноваться Ему, Ему угождать, исцелиться от всех пороков, обрести все добродетели и так сделаться святым и сопутником Божиим. Такие мысли, внушенные дьявольской гордыней, ведут его и к другим заблуждениям, к примеру: что душа — частица божественной сущности; что страдания и смерть вовсе не зло; что нам позволено самоубийство, когда мы так гонимы, что можно подумать, будто Бог нас призывает; и прочее.

Что до Монтеня, о котором вы также просите меня рассказать, то он, родившись в христианской стране, исповедует католическую религию, в чем нет ничего особенного. Но поскольку он желал выяснить, к какой морали должен нас обязывать разум без света веры, то исходил из этого

предположения; и имея в виду человека, вовсе лишенного откровения, он рассуждает так. Он подвергает все вокруг сомнению столь полному и всеобъемлющему, что оно включает и самое себя, то есть, сомневается ли он, и сомневаясь даже в этом последнем предположении, его неуверенность вращается вокруг самой себя, описывая круги постоянно и без остановки, равно противореча и тем, кто утверждает, что все сомнительно, и тем, кто утверждает, что сомнительного нет ничего, ибо он ничего не желает утверждать. Вот в таком сомнении он сомневается в себе и в том неведении, которое не ведает себя и которое он называет своим главным состоянием, не умея найти для него никакого положительного определения. Ибо если он говорит, что сомневается, то предаёт себя уже тем, что утверждает, будто он сомневается; и поскольку это прямо противоречит его намерениям, он не смог выражаться иначе как в вопросительной форме; не желая сказать: «Я не знаю», он говорит: «Что я знаю?» и делает это своим девизом, помещая его под весами, которые, взвешивая противоречивые суждения, находятся в совершенном равновесии; иначе говоря, он настоящий пирронист. На этом основаны все его рассуждения и все его «Опыты»; это, по его мнению, единственная вещь, которую он доподлинно установил, хотя и не всегда обнаруживает свои намерения. Так он незаметно разрушает все, что считается самым несомненным у людей, не для того чтобы утверждать противоположное с той уверенностью, с которой он только и враждует, но лишь для того, чтобы показать, что когда два мнения кажутся одинаково очевидными, мы не знаем, чему же верить.

Так он смеется над всякой очевидностью: к примеру, он спорит с теми, кто полагали дать Франции сильнодействующее лекарство от сутяжничества в виде многочисленных и якобы справедливых законов; как будто возможно выполоть корни сомнений, из которых рождаются тяжбы, как будто существуют дамбы, способные сдержать поток двусмысленностей и остановить домыслы! Тут, когда он говорит, что все равно, отдать ли свое дело на рассмотрение первому встречному или же судьям, вооруженным множеством законов, он не притязает ни на то, что надо менять порядки в государстве, у него нет столь честолюбивых намерений; ни на то, что его мнение — наилучшее, он ни одно не считает верным. Он только пытается доказать ненадежность общепринятых воззрений, объясняя, что отсутствие законов скорее уменьшит число споров, чем огромное количество законов, служащее лишь к их умножению, потому что сложности возрастают по мере их рассмотрения; что темных мест становится больше из-за комментариев к ним; и что самый верный способ понять смысл речи — это не изучать ее, а принять по первому впечатлению: как только начнешь ее истолковывать, всякая ясность исчезнет. И вот он судит наугад обо всех человеческих поступках и событиях истории, судит то так, то эдак, свободно следуя первому своему впечатлению, не стесняя свою мысль правилами рассудка, обладающего

лишь ложными мерками; он в восторге от того, что может на своем примере показать всю противоречивость одного и того же человеческого разума. При такой вольной прихотливости ума ему все равно, одержит ли он верх в споре или нет; и в том, и в другом случае у него есть возможность показать тщету человеческих воззрений; подобное всепоглощающее сомнение дает ему то преимущество, что он только укрепляется в своем мнении и при победе, и при поражении.

Вот в такой позиции, как она ни шатка и неустойчива, он с непоколебимой твердостью сражается с еретиками того времени, с их притязаниями на то, что им одним известен истинный смысл Писания; в такой же позиции он мощными ударами разит ужасную нечестивость тех, кто смеет утверждать, будто Бога нет. Особо он ими занимается в «Апологии Раймунда Сабундского»; и видя, что они добровольно лишили себя откровения и следуют только свету природного разума, обходясь вовсе без веры, он спрашивает их, на чем основана та смелость, с которой они берутся судить о высшем Существо, по определению бесконечном, они, не имеющие подлинного знания даже о вещах природных! Он спрашивает, из каких доводов они исходят; он требует, чтобы они их представили. Он рассматривает все те, которые они могут предьявить, и благодаря своим превосходным дарованиям он проникает в них так глубоко, что показывает всю тщету тех из них, что считаются самыми очевидными и неопровержимыми. Он спрашивает, способна ли душа познавать что-либо; знает ли она саму себя; является ли она субстанцией или акциденцией³, телом или духом; что такое каждая из этих вещей, и есть ли что-нибудь, не принадлежащее ни одному порядку; знает ли она свое собственное тело; что такое материя; может ли она делать различия в бесчисленном разнообразии тел, произведенных из материи; как может она рассуждать, если она материальна; и как может быть она прикреплена к какому-то одному телу и ощущать его страсти, если она духовна; когда начинается ее существование, вместе с телом или прежде него; умирает она вместе с ним или нет; никогда ли она не ошибается; понимает ли она свои заблуждения, коль скоро суть ошибки в том и состоит, что они не сознаются; не полагает ли она в своем невежестве столь же твердо, что два и три будет шесть, как после убеждается, что это будет пять; рассуждают ли, мыслят и говорят животные; и кто может определить, что такое время, что такое пространство или протяженность, что такое движение, что такое единство, кто такие все вещи, нас окружающие и совершенно необъяснимые; что такое здоровье, болезнь, смерть, добро, зло, праведность, грех, о которых мы говорим на каждом шагу; носим ли мы в самих себе первоначала истины, и сообразуются ли те, в которых мы убеждены и которые мы называем аксиомами или общими понятиями, потому что они разделяются всеми, с самой существенной истиной; и поскольку нам известно из одной только веры, что всеблагое Существо даровало нам их истинными, сотворив нас для познания

истины,— кто знает без света веры, не сомнительны ли они, сложившись случайно, или, если их сотворило существо лживое и злое, не дало ли оно их нам ложными, чтобы нас соблазнить; и так он доказывает, что Бог и истина неразделимы, и что в зависимости от того, есть Бог или Его нет, можно ли в Нем сомневаться или нельзя, то же самое непременно следует сказать и об истине. Так кто же знает, заключена ли в здравом смысле, который мы полагаем судьей в деле истины, сущность Того, Кто его создал? К тому же, кто знает, что такое истина, и как можно быть в ней убежденным, ее не зная? И кто знает хотя бы, что такое «быть», чему невозможно дать определение, потому что нет понятия более общего, и чтобы объяснить его, понадобилось бы сначала воспользоваться самим этим словом, говоря: «Это *есть* то...» А коль скоро мы не знаем, что такое душа, тело, время, пространство, движение, истина, добро и даже бытие, не можем объяснить свои понятия о них, то как мы можем утверждать, что они у всех людей одинаковы, при том, что у нас нет другого доказательства, кроме единообразия выводов, которые вовсе не обязательно есть знак единообразия первоначальных понятий? Ибо они могут быть весьма различны и тем не менее приводить к одинаковым заключениям; ведь всякий знает, что верный вывод зачастую делается из ложной посылки.

Наконец, он тщательно обсуждает науки — и математику, шаткость которой он показывает и в ее аксиомах, и в понятиях, которым она не может дать определения, таких, как протяженность, движение и т. д., и физику с еще большей убедительностью, и медицину с помощью гораздо более многочисленных доводов, и историю, и политику, и мораль, и юриспруденцию и все прочее, так что становится ясно, что мы наяву рассуждаем не лучше, чем если б мы были погружены в некий сон, от которого нас пробуждает только смерть и во время которого мы имеем столько же представления об истине, сколько и во время настоящего сна. Он так решительно и жестоко расправляется с разумом, лишенным веры, что заставляет его усомниться в собственной способности суждения, в том, обладают ли ею животные, и в большей или в меньшей степени, чем мы; и тем он свергает разум с тех высот, куда он сам себя поместил, и из снисхождения уравнивает его с животными, не позволяя покидать это место до тех пор, пока его Создатель не просветит его хотя бы о том, чего он стóит,— что ему самому неизвестно; а в случае неповиновения грозит отправить его на самый низ, что сделать не труднее, чем обратное; и позволяет ему действовать лишь для того, чтобы с искренним смирением сознавать собственную слабость, а не возноситься по глупой спеси».

Господину де Саси казалось, что он очутился в другой стране и слушает незнакомый язык; он повторял про себя слова святого Августина: «О Боже истины! Те люди, что умеют рассуждать столь хитроумно, могут ли тем снискать Твое благоволение?» Он испытывал сострадание к этому философу, который непрестанно жалил и ранил себя этими шипами, им самим возвращен-

ными, как говорил святой Августин о себе самом, пока пребывал в таком состоянии. После довольно продолжительного молчания он сказал господину Паскалю:

«Я весьма вам признателен, месье; я уверен, что если бы долго читал Монтеня, то узнал бы его не лучше, чем из той беседы, которую я имел с вами. Этот человек мог бы пожелать, чтобы его узнавали единственно из ваших рассказов о его сочинениях; и он мог бы повторить за святым Августином: *Ibi me vide, attende* ⁴. Я не сомневаюсь, что человек этот был умен; но, быть может, своим столь изящным изложением его мыслей вы придали ему ума чуточку больше, чем было на самом деле. Вы понимаете, что при той жизни, какую я вел, мне нечасто советовали читать этого автора, во всех сочинениях которого нет ничего, что по заветам святого Августина мы должны прежде всего искать в книгах, ибо слова его едва ли проистекают из глубин смирения и благочестия. Философам былых времен, которых называли академиками ⁵, простительно все подвергать сомнению. Но что за нужда была Монтеню направлять свой разум по этой ложной дороге, возрождая учение, которое ныне у христиан считается безумным? Вот как святой Августин судит о таких людях. Можно отнести к Монтеню его слова: «Он исключает веру из всего, что говорит; поэтому мы, обладающие верой, должны исключить все, что он говорит». Я не виню разум этого автора, разум — великий дар Божий; но он мог бы распорядиться им лучше и принести его в жертву Богу, а не дьяволу. Для чего нужно благо, если его так дурно употребляют? *Quid proderat* и т. д.— говорит о себе самом, каким он был до своего обращения, этот святой учитель. Счастливы вы, месье, что поднялись над такими людьми, которых называют учителями, одержимыми хмелем науки, но не имеющими истины в сердце. Бог указал вашему сердцу иные улады, иные приманки, чем те, что вы находили у Монтеня. Он оторвал вас от этих пагубных радостей, а *jucunditate pestifera*, как говорит святой Августин, вознося благодарение Богу за то, что Он простил грехи, совершенные им, пока он вкушал плоды этой суетности. Святому Августину тут тем более следует верить, что он и сам некогда держался таких воззрений; и как вы говорите, что Монтень при помощи такого всеобъемлющего сомнения сражался с еретиками своего времени, так и святой Августин с помощью сомнения, которому учили академики, расправился с манихейцами ⁶. С тех пор, как он обратился к Богу, он отрекся от этой суеты и называл ее святотатством и так же поступил со многим другим. Он понял, сколь мудро святой Павел остерегал нас соблазняться такими рассуждениями. Он признает, что в них есть некая приятность и притягательность; какие-то вещи кажутся порой истинными потому лишь, что их высказывают красноречиво. Это опасные яства, говорит он, но подают их на роскошных блюдах; однако эти яства не насыщают душу, но опустошают ее. Мы становимся тогда похожи на спящих, которым мнится

во сне, что они едят: эти воображаемые яства оставляют их такими же голодными, какими они и были».

Господин де Саси высказал господину Паскалю множество подобных вещей; на что господин Паскаль отвечал, что если господин де Саси льстит ему, говоря, что он хорошо знает Монтеня и умеет его хорошо излагать, то он может сказать господину де Саси без всякой лести, что тот много лучше знает святого Августина и много лучше его излагает, хотя для бедного Монтеня это не слишком благоприятно. Он уверял, что для него была весьма поучительна глубина всего того, что говорил ему господин де Саси; однако же, будучи еще весь полон своим автором, он не мог удержаться и сказал ему:

«Признаюсь вам, месье, что не могу смотреть без радости на то, как у этого автора гордый разум наголо разбивается его же собственным оружием и человек непримиримо восстает на человека, свергая его с высот общения с Богом, куда он залетел с помощью рассуждений своего жалкого разума, в природное равенство с животными; и я бы всем сердцем полюбил такого сурового мстителя, если бы, будучи учеником Церкви по вере, он следовал правилам морали, побуждая людей, которых он с такой пользой для них уничтожал, не раздражать новыми беззакониями Того, Кто один может избавить их от беззаконий, которые, как он доказал, они не могут даже распознать.

Но он, напротив, поступает тут как язычник. Поскольку, — говорит он, — вне веры все неопределенно и люди бьются в поисках истины и добра, не продвигаясь к цели, то он заключает отсюда, что следует передать такие заботы другим, а самим оставаться в покое, лишь слегка касаясь всех предметов из страха потонуть в них при попытке на них опереться; и судить об истине и добре по поверхности, не ощупывая, ибо они так непрочны, что стóит чуть-чуть сдавить их рукой — и они ускользают между пальцев, оставив после себя пустоту. Вот почему он доверяется чувствам и расхожим понятиям; ведь чтобы их опровергнуть, нужно совершать насилие над собой, и неизвестно, выиграем ли мы при этом, поскольку неизвестно, в чем состоит истина. Поэтому он бежит страданий и смерти, побуждаемый к тому инстинктом, и не сопротивляется по той же причине, но не делает вывода, что это — подлинное зло, не слишком полагаясь на естественное чувство страха, поскольку мы, бывает, испытываем и чувство удовольствия, которое считается дурным, хотя природа говорит обратное. В поведении его нет ничего необычного; он поступает как и прочие; и все то, что другие делают в глупой уверенности, будто действуют согласно истинному понятию о добре, он делает по иной причине, полагая, что поскольку разноречивые мнения одинаково правдоподобны, то для него решающими доводами будут чужой пример и собственное удобство.

Итак, он следует нравам своей страны, потому что того требует обычай: он

садится на лошадь, словно бы и не был философом, потому что он это допускает, не думая, что у него есть на то право, ибо он не знает, нет ли, напротив, у этого животного права пользоваться его услугами. Он также кое в чем насилует себя, чтобы избежать некоторых пороков; он даже хранит супружескую верность, ибо разгул приносит заботы; и если те, что ему предстоят, превосходят те, которых он избегает, то он предпочитает не двигаться с места, избрав правилом своего поведения удобство и покой во всем. Он далеко отбрасывает от себя ту стоическую добродетель, которую изображают с суровым лицом, с морщинами и каплями пота на лбу, в неудобной, напряженной позе, вдали от людей, в мрачном молчании стоящей одиноко на вершине скалы: это, как он говорит, привидение, которым пугают детей и которое только для того и выбивается постоянно из сил, чтобы достичь покоя — и не достигает его никогда. Его же добродетель простодушна, доступна, приветлива, весела, так сказать, немножко сумасбродна; бежит туда, куда ее тянет, и смеется над всякими дурными или добрыми происшествиями, нежится на груди безмятежной праздности и оттуда показывает людям, которые с такими трудами ищут счастья, что найти его можно только там и что невежество и нелюбознательность — это две мягкие подушки под хорошую голову, как сам он говорит.

Не стану скрывать от вас, месье, что читая этого автора и сравнивая его с Эпиктетом, я убедился, что это были без сомнения два величайших поборника двух самых знаменитых сект в мире — и единственных согласных с разумом, потому что можно идти лишь по одному из этих двух путей: либо Бог есть, и тогда высшее благо заключено в Нем; либо это неизвестно, и тогда истинное благо также неизвестно, ибо нет его источника.

Мне доставляло особенное удовольствие отмечать в этих столь различных рассуждениях, в чем и те, и другие до какой-то степени приближаются к истинной мудрости, которую стремятся постичь. Ведь если приятно наблюдать в природе ее желание запечатлеть Бога на всех своих созданиях, и какие-то Его черты там видны, ибо они суть образ Божий, — то сколько же утешительнее разглядывать в произведениях умов те усилия, которые они прилагают, чтобы подражать истинной добродетели, даже когда бегут от нее, и замечать, в чем они к ней приближаются, а в чем от нее удаляются, что я и старался делать, изучая их!

Да, месье, вы замечательно показали мне, как мало пользы могут извлечь христиане из такого философского чтения. И все же, с вашего позволения, я продолжу излагать вам свою мысль, будучи тем не менее готов отвергнуть любые наставления, не идущие от вас: при этом мне выпадает удача либо наткнуться на истину по счастливой случайности, либо получить ее несомненной из ваших рук. Я полагаю, что источник заблуждений этих двух сект — в их неведении разницы между нынешним состоянием человека и его первоначальным

состоянием; поэтому один, замечая следы его изначального величия и не видя его испорченности, заключает, что природа наша здорова и не нуждается в целителе, и это верх гордыни; тогда как другой, сознавая нынешнее ничтожество и не ведая об изначальном достоинстве, считает, что природа обречена на болезнь и неизлечима, что заставляет его отчаяться в возможности достичь истинного блага и потому толкает к крайнему малодушию. Вот так эти два состояния, которые следует познавать одновременно, чтобы видеть истину всю целиком, — когда их познают порознь, непременно ведут к одному из двух пороков, к гордыне или к лени, в чем и пребывают непременно все люди без благодати, ибо если они не отдаются порокам из малодушия, то расстаются с ними из тщеславия; так верно то, что вы мне сказали из святого Августина и что мне представляется очень глубокой мыслью. Мы и вправду платим порокам дань многими способами.

Из-за такого несовершенного знания и получается, что один, понимая долг человека и не ведая его бессилия, грешит высокомерием, а другой, понимая его бессилие и не понимая долга, впадает в малодушие; поэтому может показаться, что поскольку одно ведет к истине, а другое к заблуждению, то, соединив обоих, мы создадим совершенную мораль. Но вместо такого мира из их сочетания выйдет только война и всеобщее разрушение: ведь один защищает уверенность, другой — сомнение, один — величие человека, другой — его слабость, и так они уничтожают истину вместе с ошибками друг друга. Они не могут ни существовать по отдельности из-за своих недостатков, ни соединиться из-за своих споров, и так они разбивают и искореняют друг друга, чтобы дать место евангельской истине. Это она примиряет разногласия своим божественным искусством и, соединяя все истинное и отбрасывая все ложное, она творит мудрость поистине небесную, где соглашаются между собой все противоречия, которые были несовместимы в учениях человеческих. Причина тут в том, что мирские мудрецы помещают противоположности в один предмет; один приписывает величие природе, а другой — слабость той же самой природе, что невозможно; тогда как вера нас учит помещать их в различные предметы: все немоющее принадлежит природе, все могучее принадлежит благодати. Вот удивительное и небывалое единство, которое один Бог может объяснить, один Бог может создать и которое есть лишь образ и следствие неизреченного единства двух природ в одной личности Богочеловека.

Прошу меня извинить, месье, — сказал господин Паскаль господину де Саси, — что я ударился при вас в богословские рассуждения, вместо того чтобы держаться философии, моего единственного предмета; но это произошло незаметно; и трудно обойти теологию, о чем бы ни шла речь, потому что она — средоточие всех истин; здесь это особенно очевидно, ибо она так явно заключает в себе истины, которые содержатся в этих воззрениях. И я не могу понять, как кто-либо из них мог отказаться за нею следовать. Если их переполняет

мысль о величии человека, то какое же они могли вообразить величие больше, чем обещания Евангелия, которые есть не что иное, как достойная цена смерти Бога? А если им приятно смотреть на слабость природы, их представления не могут сравниться с настоящей слабостью греха, от которой та же смерть несет исцеление. Так все находят в теологии больше, чем желали; и замечательно то, что в ней соединяются все те, кто не могли достичь бесконечно меньшей степени согласия».

Господин де Саси не мог утаить от господина Паскаля своего восхищения тем, как тот умеет обращаться с такими предметами; но в то же время выразил опасение, что не все так, как он, владеют секретом извлекать из чтения мысли столь мудрые и возвышенные. Он сравнил его с теми искусными врачами, которые умеют точным обращением с самыми страшными ядами извлекать из них самые целительные лекарства. Он добавил, что хотя ясно видит, ибо господин Паскаль это сказал, что ему такое чтение было полезно, он все же не думает, что оно может быть благотельно для многих людей, чей ум не столь изошрен и не столь возвышен, чтобы читать этих авторов и судить о них и уметь извлекать жемчужины из навозной кучи, *aurum ex stercore*⁷, как говорил Отец Церкви. И это можно еще с бóльшим основанием сказать о тех философах, чья навозная куча своими черными испарениями может помрачить шаткую веру тех, кто их читает. Вот почему он все-таки советовал бы таким людям не подвергать себя легкомысленно опасностям подобного чтения, из страха заблудиться вместе с этими философами и стать добычей бесов и кормом для червей, по слову Писания, что и случилось с этими философами.

«Что до пользы подобного чтения,— сказал господин Паскаль,— то я выскажу вам мою мысль очень просто. Я нахожу, что Эпиктет несравненно владел искусством смущать покой тех, кто ищет его в вещах внешних, и заставлять их признать, что они — настоящие рабы и жалкие слепцы; что они не могут найти ничего иного кроме заблуждений и страданий, от которых они и бегут, если не предадутся без оглядки одному Богу. Монтень несравненен для того, чтобы сбивать гордыню с тех, кто возомнил, будто можно обладать подлинной праведностью вне веры; чтобы открыть глаза тем, кто держится за свое мнение и полагает, что найдет неколебимую истину в науках; и чтобы так бесповоротно убедить разум в его собственном невежестве и его заблуждениях, что если правильно воспользоваться этими понятиями, то будет затруднительно поддаваться искушению находить несурзанности в таинствах: ведь человеческий ум потерпел такое поражение, что весьма далек от желания судить, возможно ли Боговоплощение или таинство Евхаристии, чем большинство людей занимается слишком часто.

Но если Эпиктет сражается с ленью, то ведет к гордыне и потому может

быть весьма вреден для тех, кто недостаточно твердо убежден в испорченности даже самой совершенной праведности вне веры. А Монтень губителен для тех, кто имеет какую-то склонность к нечестивости и порокам. Вот почему подобным чтением следует управлять очень тщательно, осмотрительно и принимая во внимание положение и нравы тех, кому мы его советуем. Я только думаю, что если их соединить, то большого ущерба быть не может, потому что один уравновешивает зло от другого: нет, они не могут научить добродетели, но могут смутить в пороках, поскольку в душе будут бороться эти противоположности, одна из которых изгоняет гордыню, а другая — лень, и душа не может ни успокоиться разумом на одном из этих пороков, ни избежать их всех».

Так эти две osoby столь высокого ума согласились наконец между собой по поводу чтения названных философов и пришли к одному выводу, хотя и разными путями: господин де Саси пришел к нему сразу благодаря ясному христианскому взгляду, а господин Паскаль много плутал по окольным тропам, изучая воззрения этих философов.

В то время как господин де Саси и весь Пор-Рояль были преисполнены радостью от обращения господина Паскаля и его пребывания там, и все восхищались всемогущей силой благодати, которая по беспримерному милосердию даровала такое глубокое смирение уму столь возвышенному от природы...

СРАВНЕНИЕ ПЕРВЫХ ХРИСТИАН С НЫНЕШНИМИ

В прежние времена христиане были непременно сведущи во всем том, что необходимо для спасения;

тогда как ныне мы видим невежество столь грубое, что оно заставляет скорбеть всех тех, кто питает любовь к Церкви.

В Церковь вступали только после больших трудов и долгих стремлений.

Сегодня в нее вступают безо всякого труда, без забот и усилий.

Тогда Церковь допускала к себе людей лишь после самых строгих испытаний.

Теперь их допускают до того, как они становятся готовы к испытаниям.

Тогда принимали только после того, как человек отступался от своей прежней жизни, отрекался от мира и плоти и дьявола.

Теперь люди вступают в Церковь до того, как становятся готовы сделать что-нибудь из этого.

Наконец, в былые времена нужно было уйти от мира, чтобы войти в Церковь, тогда как сегодня входят в Церковь и в мир одновременно.

По таким поступкам и узнавали тогда глубокое различие между миром и Церковью.

Тогда мир и Церковь считали двумя противоположностями, словно бы двумя непримиримыми врагами, один из которых непрестанно преследует другого, и слабейший по виду должен будет некогда победить сильнейшего, так что надо было покинуть один из этих борющихся станом, чтобы присоединиться к другому. Люди отбрасывали правила одного, чтобы принять правила другого; совлекали с себя понятия одного, чтобы облечься понятиями другого.

Наконец, люди отступали, отрекались, отказывались от мира, в котором приняли первое свое рождение, чтобы целиком посвятить себя Церкви, в которой принимали как бы второе рождение, и так познавалась пугающая разница между тем и другим.

Тогда как теперь люди оказываются почти одновременно тут и там; в тот самый миг, когда мы рождаемся на свет, мы возрождаемся в Церкви; так что приходящий к нам разум больше не делает различий между этими двумя состояниями и этими двумя рождениями, столь далекими друг от друга. Он воспитывается и образуется и в том, и в другом вместе. Люди причащаются Святых Тайн и наслаждаются мирскими радостями, и т. д.

И вот, тогда как в прежние времена люди видели существенную разницу между одним и другим, теперь они видят их перемешанными и слитными, так что почти уже их не различают.

Когда Церковь только рождалась, в ней обучали оглашенных, то есть тех, кто готовился к крещению, прежде чем его над ними совершить, и допускали к нему только при полном постижении тайн религии, покаянии в прежней жизни, глубоком знании величия и превосходства исповедания веры и заповедей христианской религии, которую они желали принять навсегда, при явных свидетельствах истинного обращения сердца и жарком стремлении креститься.

Когда вся Церковь была об этом оповещена, над ними совершали таинство вхождения и нового рождения, через которое они становились членами Церкви;

тогда как теперь, когда таинство крещения, по весьма важным соображениям, совершается над неразумными младенцами, случается, что родительское небрежение позволяет христианину дожить до старости, ничего не зная о величии нашей религии.

Когда обучение предшествовало крещению, все были обучены. Но теперь, когда обучение следует за крещением, оно из обязательного становится добровольным, потом забрасывается, а потом и вовсе отменяется.

Истинная причина такого поведения в том, что мы убеждены в необходимости крещения, но не убеждены в необходимости обучения. Так что когда обучение предшествовало крещению, необходимость одного означала необходимость прибегать к другому;

тогда как теперь, когда крещение предшествует обучению, когда христианами делаются не учась, мы полагаем возможным оставаться христианами, не пройдя обучения...

Из чего следует, что прежде христианами были только люди весьма сведущие;

тогда как теперь они пребывают в ужасающем невежестве.

Если первые христиане выказывали столько признательности Церкви за милости, которые она им даровала только после долгих молитв, то нынешние

выказывают столько же неблагодарности за ту самую милость, которую эта добрая мать дарует им даже прежде, чем они успеют о ней попросить.

И если ей были столь отвратительны прегрешения первых христиан, хотя и весьма редкие, сколь же ей должны быть мерзостны все новые и новые прегрешения нынешних, хотя они ей обязаны много больше, ибо она их раньше и великодушнее избавляет от проклятия, на которое они обречены своим первым рождением.

Она не может видеть без стога, как злоупотребляют величайшей из ее милостей, и как то, что она сделала им во спасение, оборачивается едва ли не верным орудием их гибели; ведь она не изменилась духом, хотя переменяла обычай.

Однако способ, которым этим пользуются, столь противен намерениям Церкви, что о нем нельзя думать без ужаса. Теперь люди почти уже и не сознают столь великого благодеяния, ибо никогда его не добивались, никогда о нем не молили и не помнят даже, что получили его. (Они не помнят, что связали себя обетом...)

Вот почему в былые времена те, кто получил второе рождение в крещении и покинул мирские пороки, чтобы обрести благочестие в Церкви, так редко спускались снова из Церкви в мир, тогда как теперь нет ничего более обыкновенного, чем мирские пороки в сердцах христиан.

Церковь святых оказалась теперь покрыта грязью от примеси грешников, и чада ее, которых она зачала, носила и питала в лоне своем,— это те самые люди, которые приводят в самое ее сердце, то есть едва ли не причащаясь самым священным ее таинствам, злейшего ее врага — дух мира, дух честолюбия, дух мести, дух нечистоты, дух похоти: а ее та любовь, которую она питает к чадам своим, заставляет впускать в самое чрево свое самого жестокого из ее гонителей...

Но не Церковь надо винить в несчастьях, последовавших за переменой столь спасительных установлений; ведь она не изменилась в духе, хотя изменилась в поведении. Видя, что задержка с крещением оставляет множество младенцев в проклятии Адамовом, она пожелала извлечь их из толпы погибающих, ускорив помощь, которую им подает. И эта добрая мать не может без горьких сожалений видеть, как то, что она давала во спасение детям своим, превращается в орудие гибели для взрослых.

Истинное ее намерение было в том, чтобы те, кого она в столь нежном возрасте оберегала от мирской заразы, обретаи воззрения, противоположные мирским. Потому она и предупреждает действие разума, чтобы предупредить пороки, к которым влечет извращенный разум; и прежде чем их разум начинает действовать, она наполняет его духом своим, чтобы они жили в полном неведении мира и в состоянии, тем более далеком от порока, что они о нем и не подозревают.

Это проявляется в обряде крещения, ибо она допускает младенцев к крещению лишь после того, как они объявят устами своих крестных, что желают его, что они веруют и отрекаются от мира и Сатаны. И поскольку она желает, чтобы они сохраняли такое расположение духа всю свою жизнь, то строго им велит нерушимо его беречь и приказывает крестным неукоснительно исполнять заповедь обучать детей всему этому. Ибо она не желает, чтобы те, кого она питала сосцами своими с младенчества, стали теперь менее сведущи и менее ревностны, чем те, кого она принимала в число верных взрослыми. Она не желает меньшего совершенства в тех, кого принимает.

Но поскольку очевидно, что Церковь требует не меньше рвения от тех, кто возрос в вере, чем от тех, кто к ней стремится,— то следует держать перед глазами пример оглашенных, оценивать их рвение, их набожность, их отвращение к греху, их благородное отречение от мира; и если их не считали достойными принять крещение без этих качеств, те, кто не находит их в себе...

Итак, нынешние христиане должны принять то обучение, которое они проходили бы, если б с него начинали, чтобы войти в общение с Церковью.

Чтобы расположить их к ученью, надо объяснить им разницу между обычаями, которые были приняты в разные времена.

Нужно, чтобы они держали перед глазами пример оглашенных, оценивали их рвение, их набожность, их отвращение к миру и благородное отречение от всей его суеты. Ибо если их не считали достойными принять крещение без этих качеств, то разве не будет справедливо, чтобы те, кто не находит их в себе, уже приняв его, прилагали все усилия, чтобы возрастить в себе воззрения столь же благородные, предавались спасительному покаянию до конца дней своих и питали меньше отвращения к жизни в постоянных муках распятия, чем они черпают наслаждения в отравленных радостях греха.

МОЛИТВА, ЧТОБЫ БОГ ДАЛ МНЕ УПОТРЕБИТЬ БОЛЕЗНИ ВО БЛАГО

Господи, Чей дух так добр и кроток во всем, Кто так милосерд, что не только благоденствие, но и беды, падающие на избранных Твоих, даются им по милосердию Твоему, даруй мне благодать Твою, чтобы я не поступал как язычник в том состоянии, в кое повергла меня Твоя справедливость: чтобы как истинный христианин я признавал Тебя отцом моим и Богом моим, в каком бы состоянии ни был, ибо перемена в моем состоянии не означает перемены Твоего, Ты всегда все тот же, хотя я и подвержен переменам, и Ты по-прежнему Бог мой, и когда удручаешь и караешь, и когда утешаешь и обходишься со снисхождением.

Ты дал мне здоровье, чтобы служить Тебе, а я сделал ему мирское употребление. Теперь Ты посылаешь мне болезнь, чтобы исправить меня: не попусти же мне употребить ее на то, чтобы гневить Тебя моим нетерпением. Я дурно употребил свое здоровье, и Ты справедливо покарал меня. Не дай же мне дурно употребить Твою кару. И поскольку природа моя так испорчена, что милости Твои для меня опасны, сделай так, о Боже мой, чтобы Твоею всемогущей благодатью наказания Твои стали для меня спасительны. Если сердце мое было привязано к миру, пока была еще в нем какая-то крепость, разрушь эту крепость мне во спасение и сделай меня неспособным наслаждаться миром, либо по слабости телесной, либо по христианской любви, дабы наслаждение мое было заключено в одном Тебе.

О Боже, Ты, Кому я должен буду дать точный отчет во всех моих поступках при конце моей жизни и при конце света! О Боже, позволяющий существовать миру и всем вещам в мире лишь для того, чтобы испытывать избранных Твоих или наказывать грешников! О Боже, позволяющий закоренелым грешникам

упоительное и преступное наслаждение миром! О Боже, посылающий смерть нашим телам и в час смерти отрывающий нашу душу ото всего, что она любила в мире! О Боже, Ты, Кто оторвет меня в этот последний миг моей жизни ото всего, к чему я был привязан, в чем было сердце мое! О Боже, Ты, Кто поглотит в тот последний день и небо, и землю, и всех тварей на ней, чтобы показать всем людям, что не останется ничего, кроме Тебя, и потому ничто не достойно любви, кроме Тебя, ибо нет ничего вечного, кроме Тебя! О Боже, Ты, Кто разрушит всех этих ложных идолов и все губительные предметы наших страстей! Хвалю Тебя, Боже мой, и буду благословлять Тебя всякий день моей жизни за то, что Тебе угодно было приблизить ради моей пользы этот страшный день, уничтожив для меня все это той немощью, в какую Ты меня поверг. Хвалю Тебя, Боже мой, и буду благословлять Тебя всякий день моей жизни за то, что Тебе угодно было сделать меня неспособным наслаждаться радостями здоровья и мирскими удовольствиями; и за то, что Ты для пользы моей словно бы уничтожил ложных идолов, которых Ты и вправду уничтожишь, чтобы смутить грешников, в день гнева Твоего. Господи, сотвори так, чтобы я осудил себя самого после этого разрушения, сделанного для моей пользы, дабы Ты не осудил меня Сам после того полного разрушения, которому Ты подвергнешь мою жизнь и весь мир. Господи, коль скоро в миг смерти я окажусь отделен от мира, лишен всего, одинок перед лицом Твоим и буду отвечать перед праведным судом Твоим за все движения моего сердца,— то сотвори так, чтобы я полагал себя в этой болезни пребывающим как бы в смерти, отделенным от мира, лишенным всех предметов моей привязанности, одиноким перед лицом Твоим, дабы молить милосердие Твое обратить мое сердце; а потому величайшее утешение мое в том, что Ты послал мне теперь некое подобие смерти, дабы явить милосердие Свое, прежде чем пошлешь мне настоящую смерть, дабы явить суд Свой. Даруй же, о Господи, чтобы как Ты предупредил мою смерть, так и я предупредил бы суровость Твоего приговора и обрел бы милосердие у Тебя.

Сотвори так, о Боже мой, чтобы я в молчании принял благоговейно повеление Твоего божественного промысла о путях моей жизни; чтобы Твой бич стал мне утешением; и чтобы, прожив безбедное время в горечи моих грехов, я вкусил небесной сладости Твоей благодати в спасительных недугах, Тобою мне посланных. Но я сознаю, Господи, что сердце мое столь огрубело и так полно всяких мирских помышлений, забот, тревог и привязанностей, что ни болезнь, ни здоровье, ни речи, ни книги, ни Твое Священное Писание, ни Твое Евангелие, ни самые святые Твои таинства, ни милостыня, ни пост, ни умерщвление плоти, ни причащение Святых Даров, ни жертва Тела Твоего, ни все мои старания, ни старания всех людей на свете не смогут ничего сделать для моего обращения, если Ты не придашь всему этому сверхъестественной помощи Своей благодати. Боже мой, потому я и зываю к Тебе, Боже всемогу-

щий, чтобы испросить дара, которого все тварные существа вместе не могут мне дать. Я не посмел бы обращаться к Тебе мои слезные мольбы, если бы кто-нибудь другой мог их исполнить. Но коль скоро обращение моего сердца, о котором я прошу, есть дело, превосходящее все силы природы, то я и могу взывать только к Творцу и всемогущему Повелителю и природы, и моего сердца. К кому воззову я, Господи, к кому прибегну, если не к Тебе? Все, что не есть Бог, не может наполнить моего ожидания. Самого Бога я прошу и ищущу; к Тебе одному, Боже мой, я взываю, чтобы обрести Тебя. Отопри мое сердце, Господи; войди в эту мятежную крепость, занятую пороками. Они ее покорили; войди в нее, как в дом сильного; но прежде свяжи врага сильного и могучего, который властвует над нею, а потом возьми сокровища, в ней хранящиеся. Господи, возьми любовь мою, которую мир похитил, точнее сказать, верни ее Себе, потому что она Тебе принадлежит как дань, которую я должен Тебе платить, ибо на ней запечатлен Твой образ. Ты вычеканил его, Господи, в миг моего крещения, то есть второго рождения; но он весь стерся. Мирские помыслы врезаны теперь так глубоко, что Твоего образа уже не распознать. Ты один мог создать мою душу: Ты один можешь создать ее заново. Ты один мог нанести на нее Свой образ: Ты один можешь нанести его вновь и запечатлеть на ней Свое стершееся изображение, то есть Иисуса Христа Спасителя моего, Который есть Твой образ и знак сущности Твоей.

О Боже мой, как счастливо сердце, способное любить предмет столь прекрасный, который не бесчестит его и привязанность к которому для него спасительна! Я чувствую, что не могу любить мир, не гнева Тебя, не вредя себе и себя не бесчестя; и все же в мире заключена радость моя. О Боже мой, как счастлива душа, чья радость — в Тебе, ибо любви к Тебе она может предаваться не только без угрызений, но и с достоинством. Как прочно и долговечно ее блаженство, ибо ожидания ее не будут обмануты, потому что Ты никогда не перестанешь быть, и ни жизнь, ни смерть не разлучат ее с предметом ее желаний; и тот самый миг, который повлечет грешников с их идолами к общей гибели, соединит праведников с Тобой в общей славе; и как одни истлеют с тленными предметами своей привязанности, так другие будут жить вечно в предмете самом по себе вечном и непреходящем, с которым они тесно соединены. О, как счастливы те, кто с полной свободой и неодолимой склонностью воли любят свободно и совершенно то, что непреложно обязаны любить!

Заверши же, о Господи, добрые порывы, которыми Ты меня одариваешь. Будь им конечной целью, как Ты есть их начало. Увенчай Свои собственные дары, ведь я узнаю в них дары Твои. Да, Боже мой; отнюдь не полагая, будто молитвы мои заслуживают, чтобы Ты непременно их исполнил, я смиреннейше признаю, что, отдав тварному свое сердце, которое Ты создал для Себя одного, а не для мира и не для меня самого, я могу ожидать милости только от милосердия Твоего, ибо во мне самом нет ничего, что могло бы Тебя на то

подвигнуть, и все естественные порывы моего сердца, влекущиеся к тварному или ко мне самому, могут лишь раздражить Тебя. И потому благодаря Тебя, Боже мой, и за добрые порывы, которые Ты мне посылаешь, и даже за тот, которым Ты побуждаешь меня благодарить Тебя за них.

Посети мое сердце раскаянием в прегрешениях моих, ибо без этой скорби внутренней внешние недуги, которыми Ты посещаешь мое тело, станут мне новым случаем согрешить. Дай мне познать, что недуги телесные суть не что иное, как и наказание за недуги души, и одновременно их образ. Но сотвори так, Господи, чтобы они стали и лекарством, заставляя меня видеть в страданиях, которые я испытываю, те, которых я не чувствовал в душе моей, хотя она вся была больна и покрыта язвами. Ведь это тяжчайшая из болезней, Господи,— такая бесчувственность и крайняя слабость, которая лишает душу всякой возможности ощущать свои собственные недуги. Дай мне живо их чувствовать, и остаток моей жизни станет непрерывным покаянием, чтобы смыть прегрешения, мною совершенные.

Господи, хотя в прошлой моей жизни и не было больших преступлений, повод совершить которые Ты удалял от меня, все же она была Тебе ненавистна из-за неизменной моей беспечности, небрежения словом и духом Твоим, праздности и совершенной бесполезности моих поступков и мыслей, из-за полной потери времени, которое Ты дал мне лишь на то, чтобы поклоняться Тебе, искать, чем бы я ни занимался, способа угодить Тебе, и каяться в прегрешениях, которые совершаются всякий день и свойственны даже самым праведным, так что их жизнь должна быть непрерывным покаянием, без которого они рискуют лишиться своей праведности. И вот, Боже мой, я всегда Тебе противился.

Да, Господи, до сих пор я был неизменно глух к Твоим велениям: я презирал Твои предсказания; я судил не так, как Ты судишь; я противоречил святым заповедям, которые Ты принес в мир от лона предвечного Отца Твоего и по которым Ты будешь судить мир. Ты говоришь: «Блаженны плачущие, и горе утешившимся». А я говорил: «Несчастливы стенающие, и счастливейшие те, кто утешился». Я говорил: «Счастливы те, кто наслаждается благосклонностью удачи, громкой славой и крепким здоровьем». Почему же я считал их счастливыми? Не потому ли, что все эти преимущества давали им возможность беспрепятственно наслаждаться тварным, то есть оскорблять Тебя? Да, Господи, признаюсь, что полагал здоровье благом не потому, что это удобное средство служить Тебе с пользой, посвящать больше забот и бессонных ночей службе Тебе и помощи ближним, но потому, что обладая им я мог свободней предаваться всем наслаждениям жизни и больше вкушать ее мерзостных радостей. Смилуйся же, Господи, преобрази мой извращенный разум и согласи мои суждения с Твоими. Да буду я полагать себя счастливым в невзгодах и, лишив меня возможности действовать вовне, да очистишь Ты мои суждения

настолько, что они не будут более противны Твоим; и так да найду я Тебя в глубине себя самого, когда не смогу по немощи своей искать Тебя вовне. Ибо Царствие Твое, Господи,— в верных Твоих; и я найду его в себе, если найду в себе Твой дух и Твое суждение.

Но, Господи, что же я сделаю для того, чтобы Ты излил Свой дух на этот жалкий прах? Все, что есть я, Тебе ненавистно, и я не нахожу в себе ничего, что могло бы быть Тебе угодно. Я не вижу в себе ничего такого, Господи, единственно кроме моих скорбей, которые имеют хоть малое сходство с Твоими. Сравни же муки, которые я терплю, с теми, которые мне грозят. Взгляни милосердным взглядом на раны, нанесенные мне Твоей рукой, о Спаситель мой, возлюбивший Свои страдания в смерти! О Боже, вочеловечившийся лишь для того, чтобы страдать больше, чем кто-либо из людей, для спасения людей! О Боже, воплотившийся после грехопадения человеческого и облекшийся телом для того лишь, чтобы выстрадать телом все муки, которых заслужили грехи человеческие! О Боже, так возлюбивший тела страдающие, что избрал для Себя тело, удрученное страданиями больше, чем то бывало на свете! Да будет тело мое Тебе угодно, не ради него самого, не ради всего, что в нем заключено, ибо все это достойно гнева Твоего, но ради мук, которые оно претерпевает и которые одни могут быть достойны Твоей любви. Возлюби мои страдания, Господи, и да пригласят Тебя мои муки посетить меня. Но чтобы закончить приготовления к посещению Твоему, сотвори так, о Спаситель мой, чтобы, если у тела моего то общее с Твоим, что оно страдает за грехи мои, то душа моя имела бы то общее с Твоей, что сокрушалась бы об этих самых грехах; и чтобы я страдал с Тобой, и подобно Тебе, и телом, и душой, за прегрешения, мною совершенные.

Господи, дай мне милость соединить утешения Твои с моими страданиями, чтобы я страдал как христианин. Я не прошу избавления от мук: это награда святым; но я молю, чтобы я не был отдан мукам природным без утешений Духа Твоего: это проклятие иудеев и язычников. Я не прошу полноты утешения без всякого страдания: это жизнь в славе. Я не прошу и полноты страдания без всякого утешения: это удел религии Иудейской. Но я молю, Господи, чтобы я ощущал и природные страдания за грехи мои, и утешения Духа Твоего через Твою благодать: ибо это истинный удел христианства. Да не испытаю я страданий без утешения; но да испытаю я страдания и утешение вместе, чтобы научиться наконец чувствовать только Твои утешения безо всяких страданий. Господи, Ты оставил меня томиться в муках природных без утешения до пришествия Сына Твоего единственного: ныне Ты утешаешь и облегчаешь страдания верных благодатью Сына Твоего единственного; и венчаешь чистейшим блаженством святых Своих во славе Сына Твоего единственного. Таковы дивные ступени, по которым Ты ведешь дела Свои. Ты поднял меня с первой, дай мне перейти на вторую, чтобы достичь третьей. Господи, об этой милости я и молю Тебя.

Не попусти мне остаться так далеко от Тебя, чтобы я мог думать о душе Твоей, скорбящей смертельно, и о теле Твоем, сраженном смертью за мои грехи, не радуясь своим страданиям душевным и телесным. Ибо что есть более постыдного и, однако, более обыкновенного между христианами и у меня самого, чем жить в наслаждениях, пока Ты истекаешь кровью во искупление наших беззаконий; чем то, что христиане, исповедующие Тебя, те, кто через крещение отрекся от мира, чтобы следовать за Тобой, кто перед лицом Церкви торжественно поклялся жить и умереть с Тобой, кто дал обет верить, что мир Тебя гнал и распял, кто верует, что Ты предал Себя гневу Божьему и жестокости людской, чтобы искупить их грехи; что те, говорю я, кто верует во все эти истины, кто полагает тело Твое жертвой, принесенной за их спасение, кто полагает наслаждения и грехи мира сего единственной причиной Твоих страданий, а сам мир — Твоим палачом, ищут ублажить свои тела теми же наслаждениями в том же самом мире; и что те, кто не могли бы без дрожи ужаса смотреть на человека, ласкающего и привечающего убийцу своего отца, который принес себя в жертву, чтобы сохранить ему жизнь, могут жить так, как жил я, в неомраченной радости, посреди мира, который я признаю истинным убийцей Того, Кого исповедую Богом моим и Отцом моим, Кто принес Себя в жертву ради спасения моего, Кто взял на Себя муки за беззакония мои? Господи, Ты справедливо прервал радость столь преступную, как та, в какой я пребывал под сенью смерти.

Отгони же от меня, Господи, ту печаль о моих страданиях, какую могла бы породить во мне любовь к самому себе, и о мирских благах, которые не даются мне по желанию моего сердца и не служат к Твоей славе; но вдохни в меня печаль, согласную с Твоей. Да помогут мои страдания угасить гнев Твой. Преврати их в случай для спасения и обращения моего. Да не возжелаю я отныне здоровья и жизни кроме как для того, чтобы его употребить и ее окончить для Тебя, с Тобой и в Тебе. Я не прошу у Тебя ни здоровья, ни болезни, ни жизни, ни смерти; но чтобы Ты располагал моим здоровьем и моей болезнью, моей жизнью и моей смертью, на славу Тебе, мне на спасение и на пользу Церкви и святым Твоим, к которым я уповаю благодатью Твоей быть причислен. Ты один знаешь, что мне надобно: Ты верховный властитель; делай, что угодно Тебе. Давай мне, бери у меня; но согласуй мою волю с Твоей; да приуготовлю я себя, в совершенной и смиренной покорности и в святом уповании, к приятию повелений Твоего предвечного промысла, и да буду я равно благоговеть перед всем, что посылается мне от Тебя.

Сотвори так, Боже мой, чтобы я всегда с одинаковым расположением духа принимал всевозможные происшествия, ибо мы не знаем, чего должны просить, и я не могу желать одного более, чем другого, без гордыни и не полагая себя в том судьей и ответственным за последствия, которые Премудрость Твоя справедливо пожелала от меня сокрыть. Господи, я знаю, что знаю только

одно: что следовать за Тобой — хорошо, а оскорблять Тебя — дурно. А кроме этого я не знаю, где наилучшее или наихудшее. Я не знаю, что мне на пользу — здоровье или болезнь, богатство или бедность, и так со всем прочим на свете. Вот различие, превосходящее силы людей и ангелов и сокрытое в тайнах промысла Твоего, которому я поклоняюсь и углубляться в который не хочу.

Дай же, Господи, чтобы я, такой какой я есть, сообразовывался с волей Твоей; и чтобы в нынешней моей болезни я славил Тебя в страданиях моих. Без них я не смогу стяжать славы; и Ты Сам, Спаситель мой, пожелал обрести ее лишь через страдания. По знакам страданий Твоих узнавали Тебя Твои ученики; по страданиям Ты узнаешь, кто же ученик Твой. Признай же меня учеником Своим по мукам, которые я терплю телом и духом за совершенные мною прегрешения. И коль скоро Богу может быть угодно лишь то, что Ты Ему предлагаешь, соедини мою волю с Твоей и мою скорбь с той, что Ты претерпел. Сделай так, чтобы моя скорбь стала Твоей. Соедини меня с Собой; исполни меня Собой и Своим Духом Святым. Войди в мое сердце и душу, неси в них мое страдание и продолжай претерпевать во мне то, что осталось еще претерпеть Тебе в страстях Твоих, которые Ты завершаешь в членах Твоих до полного принесения жертвы Тела Твоего; так, чтобы, исполнившись Тебя, уже не я жил и страдал, но Ты бы жил и страдал во мне, о Спаситель мой; и чтобы через то меня, приявшего малую толику Твоих страданий, Ты исполнил всею славою, кою они Тебе принесли и в коей Ты живешь с Отцом и Духом Святым во веки веков. Да будет так.

ТРИ БЕСЕДЫ О ПОЛОЖЕНИИ СИЛЬНЫХ МИРА СЕГО

Первая беседа

Чтобы познать ваше истинное положение, давайте рассмотрим его в такой притче.

Некий человек заброшен бурей на неведомый остров, обитатели которого сбились с ног в поисках своего пропавшего короля; поскольку этот человек лицом и сложением был очень похож на короля, весь народ и принял его за короля и признал в таком качестве. Сначала он не знал, как и поступить, но наконец решился не противиться своему счастью. Он стал принимать все почести, которые ему желали оказывать, и позволил считать себя королем.

Но поскольку он не мог забыть о своем природном положении, то, принимая эти почести, он в то же время думал о том, что он не король, которого искал этот народ, и что это королевство ему не принадлежит. Так он следовал двойному ходу мысли: согласно одному он вел себя как король, согласно другому он признавал свое истинное состояние и понимал, что на трон его посадил только случай. Согласно первому он обходился с народом, согласно второму он обходился с самим собой.

Не думайте, что вы обладаете принадлежащими вам богатствами не по такой же случайности, по какой тот человек стал королем. Вы сами и ваше происхождение не дает вам на них никаких прав, как и ему: вы не только оказались сыном герцога, но и вообще на свете оказались лишь благодаря бесконечному числу случайностей. Ваше рождение зависит от брачного союза, вернее, от множества брачных союзов, заключенных вашими предками. Но от чего зависят эти браки? От визита вежливости, от небрежно брошенного слова, от тысячи непредвиденных обстоятельств.

Вы говорите, что наследуете ваши богатства от предков; но разве ваши

предки их приобрели и сохранили не с помощью тысячи случайностей? Или вы думаете, что богатства перешли к вам от ваших предков согласно какому-то естественному закону? Это неправдоподобно. Такой порядок основан только на воле законодателей, которая могла быть и вполне разумна, но отнюдь не основывается на вашем природном праве. Если бы им было угодно постановить, чтобы эти богатства, принадлежавшие отцам при жизни, после их смерти возвращались к государству, у вас не было бы никаких причин сетовать на то.

Поэтому любое ваше право на владение вашими богатствами есть не природное право, но человеческое установление. Другой поворот воображения у тех, кто создает законы, превратил бы вас в бедняка; и лишь случайная встреча, позволившая вам родиться, в соединении с благоприятными для вас законами, отдает вам во владение все эти богатства.

Я не хочу сказать, что они принадлежат вам незаконно и что другому позволено у вас их отнять; ибо Господь, Который властвует надо всем, допустил, чтобы общество создало законы для раздела богатств; а когда эти законы уже установлены, не должно нарушать их. Вот что несколько отличает вас от человека, который владел своим королевством только благодаря ошибке народа; ибо Господь не благословил бы его владения и обязывал бы его от этих владений отказаться, тогда как ваше Он благословляет. Но что у вас с ним совершенно общее — это то, что ваше право, так же как и его, не основано ни на каких качествах и заслугах, которые были бы внутренне вам присущи и делали бы вас достойным этих богатств. Ваши душа и тело никак не влияют на ваше положение — перевозчика или герцога; нет никаких природных уз, которые привязывали бы их к тому, а не к другому положению.

Что из этого следует? Что вам, как и тому человеку, о котором мы говорили, должен быть свойствен двойной ход мысли; и что если внешне вы ведете себя с людьми сообразно вашему положению, то мыслью более потаенной, но и более близкой к истине, вы должны признать, что от природы вы ничем не выше их. Если мысль явная вас возвышает над обыкновенными людьми, то другая пусть принижает вас и совершенно уравнивает со всеми; ибо таково ваше естественное положение.

Простолюдины, благоговейшие перед вами, возможно, не знают этой тайны. Они думают, что благородное происхождение есть подлинное величие и почти что считают вас людьми не такой природы, как остальные. Если хотите, не открывайте им глаза на это заблуждение; но не злоупотребляйте заносчиво вашим высоким положением, а главное, не обманывайтесь сами, полагая, будто в самом вашем существе заключено нечто более высокое, чем в других людях.

Что бы вы сказали о том человеке, который стал королем по ошибке народа, если б он вообразил, будто королевство ему полагается, будто он его заслуживает и оно принадлежит ему по праву? Вы удивились бы его глупости

и безумию. Но разве не таковы же и знатные особы, живущие в столь удивительном беспамятстве о своем естественном состоянии?

Как важна эта мысль! Ведь вся вспыльчивость, и все буйство, и все тщеславие сильных мира сего происходит от того, что они не знают, кто они такие на самом деле: те, кто внутренне считает себя равным всем прочим людям и твердо убежден, что в них самих нет ничего, что делало бы их достойными мелких преимуществ, которыми Бог одарил их больше, чем других, едва ли обходились бы с другими высокомерно. Для этого надо забыть о самих себе и полагать, что они обладают неким истинным превосходством, в чем и состоит та иллюзия, которую я пытаюсь вам раскрыть.

Вторая беседа

Месье, вам следует знать, что вам полагается, чтобы не пытаться требовать того, что не полагается вам; это была бы очевидная несправедливость; однако же она весьма распространена среди людей вашего сословия, потому что они не понимают ее природы.

На свете есть два вида величия: величие по человеческому установлению и величие природное. Величие по установлению зависит от воли людей, которые разумно решили, что некоторые сословия следует чтить и воздавать им некие почести. К этому виду величия относятся сан и благородное происхождение. В одной стране почитают дворян, в другой — простолюдинов; тут старших, там младших. Почему? Потому что так захотелось людям. До установления между ними не было различий; но с тех пор, как различия установились, они делаются справедливы, поскольку несправедливо их нарушать.

Природное величие — это то, которое не зависит от прихоти людской, потому что состоит в подлинных и действительных качествах души или тела, которые делают то или другое более достойным уважения, к примеру, ученость, светлый ум, добродетель, здоровье, сила.

Мы обязаны уважать и тот, и другой вид величия; но поскольку природа у них разная, то и уважение наше будет различно.

Величию по установлению мы обязаны платить установленные почести, то есть некие внешние знаки, которые все же, согласно разуму, должны сопровождаться и внутренним признанием справедливости такого порядка, но не заставляют нас предполагать какие-то настоящие достоинства в тех, кого мы чтим таким образом. С королями нужно говорить на коленях; в спальнях принцев нужно стоять. Не воздавать им таких почестей — это глупость и низость духа.

Но природные почести, состоящие в уважении, мы должны воздавать только природному величию; и наоборот, мы должны питать презрение и отвращение к тем качествам, которые противоположны природному величию.

Я не обязан вас уважать потому, что вы — герцог; но я обязан вам кланяться. Если вы герцог и достойный человек, я буду воздавать должное и тому, и другому. Я не откажу вам ни во внешних почестях, которых вы заслуживаете как герцог, ни в уважении, которого вы заслуживаете как достойный человек. Но если бы вы были герцогом, не будучи достойным человеком, я все равно обходился бы с вами по справедливости; ибо, воздавая вам почести, которые установленный людьми порядок назначил вашему происхождению, я не переставал бы внутренне испытывать презрение к вам, которого заслуживала бы низость вашего духа.

Вот в чем состоит наш долг по справедливости. А несправедливость состоит в том, чтобы связывать природное уважение с установленным величием или требовать установленных почестей для природного величия. Господин Н.— математик лучший, чем я; и в таком качестве он хочет пройти впереди меня: я скажу ему, что в этом он ничего не смыслит. Математика относится к природному величию; она требует предпочтительного уважения, но люди не связывают с ней никаких внешних предпочтений. Поэтому я пройду впереди него; и буду уважать его больше, чем себя, как математика. И точно так же, если вы, будучи герцогом и пэром, не удовлетворитесь тем, что я стою перед вами обнажив голову, и потребуете, чтобы я к тому же еще и уважал вас, то я попрошу, чтобы вы доказали мне те ваши качества, которые заслуживают моего уважения. Если вы это сделаете, то добьетесь его, и я по справедливости не смогу вам в нем отказывать; но если нет, вы будете несправедливы, требуя его от меня, и вы без сомнения его не добьетесь, будь вы даже самым знатным человеком на свете.

Третья беседа

Я хочу, месье, чтобы вы знали ваше истинное положение; ибо это то, что людям вашего сословия известно меньше всего на свете. Что значит, по-вашему, быть большим вельможей? Это значит владеть множеством вещей, составляющих предмет человеческой похоти, и потому иметь возможность удовлетворять нужды и желания многих людей. Вот эти-то нужды и желания и влекут их к вам и заставляют их вам покоряться; не будь этого, они и не взглянули бы в вашу сторону; но своими услугами и знаками почтения они надеются получить от вас какую-то долю тех благ, которых они жаждут и которыми вы распоряжаетесь.

Бог окружен существами, исполненными любви и молящими у Него тех благ любви, которые в Его власти; потому Он поистине царь любви.

Вы так же окружены немногими людьми, над которыми царствуете на свой лад. Эти люди исполнены похоти. Они просят у вас благ похоти; похоть их

привязывает к вам. Потому вы поистине царь похоти. Ваше царство невелико; но в этом вы равны величайшим царям земным; они, как и вы,— цари похоти. Их сила — от похоти, то есть от власти над вещами, к которым стремятся вождения человеческие.

Но зная ваше природное положение, используйте средства, которые оно вам дает, и не пытайтесь царствовать иным способом, кроме того, который и позволяет вам стать царем. Не ваши природные сила и мощь покоряют вам всех этих людей. Не пытайтесь же властвовать над ними силой и обходиться с ними жестоко. Удовлетворяйте их справедливые желания; облегчайте их нужды; почитайте свою доброту удовольствием для себя; помогайте им сколько можете, и вы будете вести себя как подлинный царь похоти.

То, что я вам говорю, метит не слишком высоко; и если вы на этом остановитесь, то не перестанете губить свою душу; но по крайней мере вы будете ее губить как порядочный человек. Есть люди, которые губят себя так глупо,— скупостью, грубостью, распутством, жестокостью, гневливостью,

богохульством! Путь, который я вам открываю, без сомнения много

честнее; но, по правде сказать, губить себя даже так — все

равно безумие; а потому не следует останавливаться

на этом. Нужно презирать похоть и ее царство

и стремиться к тому царству любви, где все

подданные дышат одной любовью и же-

лают одних благ любви. Путь туда

укажут вам другие; мне же доволь-

но того, что я отвратил вас от

грубой жизни, которой, как

я вижу, захвачены

многие особы вашего

сана,— оттого, что

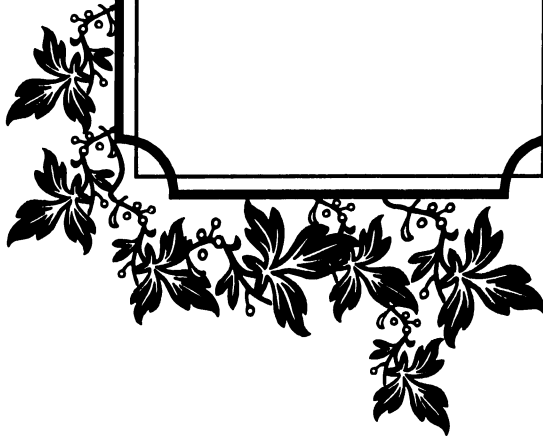
не знают истин-

ного своего

положения.

ПИСЬМА

ГОСПОЖЕ ПЕРЬЕ

Сего 26 января 1648

Дорогая сестра,

...[Прошу тебя верить, что] даже когда я совсем тебе не пишу, нет такого часа, чтобы ты не была передо мной, чтобы я не желал продолжения великих замыслов, внушенных тебе Богом. Я снова радовался при чтении твоих писем, свидетельствовавших о них, и был восхищен, что ты продолжаешь их питать, не имея никаких вестей от нас. Это заставляет думать, что у них есть опора посильнее человеческой, ибо они не нуждаются в людской поддержке, чтобы устоять. И все же я желал бы чем-нибудь быть им полезен, но у меня нет для того необходимых качеств. Я так слаб, что если б решился на это, то такой поступок был бы больше похож на безрассудство, чем на христианскую любовь, и мне следовало бы опасаться для нас обоих того несчастья, которое грозит слепому, идущему за слепым. Я особенно почувствовал свое беспримерное бессилие со времени этих визитов; я отнюдь не вынес из них достаточно мудрости для других, а только смущение и беспокойство для себя; Бог может меня от таких чувств избавить, и я сам буду стараться о том, но без спешки и тревоги, твердо зная, что они только удалят меня от моей цели. Я говорю тебе, что Бог может меня от них избавить и я сам буду стараться, потому что лишь нахожу случаи зародить и усилить их в тех, от кого ждал успокоения: так что, будучи предоставлен самому себе, я могу только молить Бога благословить мои старания. Мне нужно было для этого общение с людьми сведущими и с людьми беспристрастными; первые не станут этого делать, и я ишу теперь только вторых, и потому бесконечно желал бы тебя видеть,— ведь письма в таких случаях длинны, неудобны и почти бесполезны. И все же кое-что об этом я тебе напишу.

Когда я в первый раз увидел господина Ребура ¹, я был представлен ему и встречен с такими любезностями, каких только можно желать; ими я всецело обязан нашему отцу, ибо принимал их от его имени. После первых приветствий я попросил позволения бывать у него иногда; он мне его дал. Так я получил право заезжать к нему — эту первую встречу я за визит не считаю, она только послужила разрешением. Через какое-то время я нанес ему визит и среди прочего сказал ему, с обычной моей прямою и простодушием, что мы читали их книги и книги их противников; что этого оказалось достаточно, чтобы мы склонились на их сторону. Он выказал мне свою радость по этому поводу. Затем я сказал, что, на мой взгляд, можно бы, исходя из самих правил здравого смысла, доказать многие вещи, которые их противникам представляются здравому смыслу противоречащими, и что умелое рассуждение заставило бы в них поверить, хотя в них следует верить и без помощи рассуждений.

Таковы в точности были мои слова, и я не думаю, что они могли бы чем-то оскорбить самую щепетильную скромность. Но ты знаешь, что любой поступок может иметь два источника и что подобные речи могли быть рождены тщеславием и доверием к рассудку; и такого подозрения, усиленного тем, что он знал о моих занятиях математикой, оказалось достаточно, чтобы он нашел мои слова неуместными и дал мне это понять возражением, исполненным такого смирения и скромности, что оно конечно сломило бы гордыню, которую он хотел смирить. Я все же пытался объяснить ему мои побуждения; но мои оправдания лишь усилили его сомнения, а мои извинения он принял за упорство. Признаю, речь его была так прекрасна, что если бы я был в том состоянии, какое он себе представлял, то она бы меня из него извлекла; но поскольку я не думал, что болен этой болезнью, то и не хотел принять лекарство, которое он мне предлагал. Но он еще увеличивал дозу, коль скоро я, казалось, его избегал, потому что принимал мой отказ за упрямство; и чем больше он прилагал стараний, тем больше мои изъявления благодарности показывали ему, что я не считаю это лекарство необходимым. Так вся эта беседа прошла в двусмысленностях и недоразумениях, которые продолжились во всех последующих и так и не смогли рассеяться. Другие разговоры я не передаю тебе слово в слово — в этом нет необходимости, да и ни к чему. Говорю только по существу, о главном, что было сказано, или, лучше сказать, о главном их содержании.

Но прежде всего прошу тебя не выводить никаких заключений из всего того, что я тебе рассказал, ведь могло случиться, что я что-то описал неточно; из-за этого у тебя могут родиться подозрения, быть может, столь же обидные, сколь и несправедливые. В конце концов, хорошенько поразмыслив над этим, я нахожу здесь только неясность, принимать решения в которой опасно и затруднительно, и сам я отказываюсь выносить какие бы то ни было решения, по причине как моей слабости, так и недостаточной осведомленности...

ПАСКАЛЬ И ЕГО СЕСТРА ЖАКЛИНА —
ГОСПОЖЕ ПЕРЬЕ, ИХ СЕСТРЕ*Париж, сего 5 ноября, вечер, 1648*

Дорогая сестра,

...Первое — о твоих словах, что мы научили тебя тому, о чем ты нам пишешь. Я не помню, чтобы говорил тебе об этом, настолько, что для меня это было совершенно ново. К тому же, будь это и правда, боюсь, что ты это восприняла как свойственно человеку, коль скоро ты не забыла, от кого это узнала, и не вспоминаешь одного лишь Бога, Который только и может тебя поистине наставить. Если бы ты помнила об этом как о чем-то благом, то не стала бы думать, будто это пришло от кого-то другого, ибо ни ты, ни другие не могут этому научить, кроме одного только Бога. Ибо хотя в такого рода благодарности мы не останавливаемся на людях, к которым обращаемся, словно бы благо, полученное при их посредстве, исходило от них самих, все же при этом образуется некое противопоставление Богу, особенно у людей, которые полностью очистились от плотских чувств, заставляющих считать того, через кого передается благо, самим источником этого блага.

Это не значит, что мы не должны благодарить и помнить людей, от которых получили наставления, если они имеют право это делать, как имеют его отцы, епископы, духовники, ибо они — учителя, а остальные — их ученики. Но к нам это не относится; ибо как Ангел отказался принимать поклонение от равного ему святого служителя², так мы говорим тебе, прося не употреблять более таких выражений человеческой признательности, чтобы ты остерегалась обращать к нам подобные лестные слова, ибо мы такие же ученики, как и ты.

Второе — о том, что ты говоришь, будто нет необходимости повторять нам то, что мы и так знаем; это внушает нам опасения, что ты недостаточно видишь различия между тем, что говоришь ты, и тем, что говорит свет; это последнее довольно услышать один раз, чтобы его усвоить и больше не иметь нужды ему внимать, тогда как другие слова мало воспринять однажды, чтобы познать их как должно, то есть по внутреннему голосу Бога, и сохранить это знание таким же образом, хотя в памяти их удержать нетрудно. Это не значит, что их нельзя помнить и что мы не запоминаем Послание святого Павла с такой же легкостью, как и книги Вергилия; но знания, которые мы обретаем таким образом, равно как и их сохранение, даются одним лишь действием памяти, тогда как для восприятия этого таинственного и загадочного языка от сущих на небесах нужно, чтобы та самая благодать, которая одна может дать нам о нем первое понятие, постоянно его укрепляла и удерживала его присутствие, врезая его в сердца верных, чтобы он жил там всегда, как Бог постоянно возобновляет

в сердцах блаженных их блаженство, которое есть действие и следствие благодати; равно как и Церковь учит, что Отец постоянно рождает Сына и поддерживает вечность Своей сущности постоянным изливанием Своей субстанции, которое непрерывно и бесконечно.

И потому длящаяся праведность верных есть не что иное, как длящееся вливание благодати, а не единовременная благодать, продолжающая свое существование; этому нас ясно учит наша постоянная зависимость от милосердия Божия; ведь если оно прервется хоть ненадолго, неизбежно последует иссушение сердца. Подобная неизбежность определенно показывает, что нужно постоянно прилагать все новые усилия, чтобы обрести постоянную новизну духа, ибо сохранить былую благодать можно только обретением новой благодати, а иначе утратишь то, что надеешься сберечь, как те, кто, желая запереть свет, запирают лишь мрак. Итак, мы должны беспрестанно следить за своей внутренней чистотой, которую нарушают все новые пятна при сохранении старых, ибо без упорных стараний к обновлению мы не способны принять то новое вино, которое не будет влито в старые мехи.

Вот почему ты не должна бояться выставлять нам на глаза то, что лежит в нашей памяти и должно быть помещено в сердце, потому что твои слова, без сомнения, послужат лучшим орудием благодати, чем представления в нашей памяти, ибо благодать дается прежде всего молитве, а твоя любовь к нам есть молитва из числа тех, что никогда не должны прерываться. Вот так же никогда не следует отказываться от чтения или слушания святых слов, как бы известны и общеупотребительны они ни были; ведь наша память, равно как и сведения, в ней содержащиеся,— это всего лишь безжизненное, иудейское тело без того духа, который их животворит. И часто случается, что Бог пользуется этими внешними средствами, чтобы их объяснить и дать людям меньше оснований для тщеславия, когда они приемлют благодать таким образом. Так книга или проповедь, как бы ни были они общедоступны, приносят больше пользы тем, кто внимает им с лучшим расположением духа, чем блеск речей более изысканных, которые обычно более приятны, чем поучительны; и мы часто видим, что те, кто им внимают должным образом, будь они и невежественны и даже тупы, бывают тронуты одним упоминанием имени Божия, одним словом, которое грозит им адом, хотя это и есть все, что они там поняли, и хотя они это знали прежде.

Третье — о твоих словах, что ты пишешь это лишь для того, чтобы уведомить нас, каких ты держишься мыслей. Мы должны и за это тоже похвалить и поблагодарить тебя; мы хвалим тебя за стойкость и благодарим за то, что ты нам об этом сообщалась. Мы уже добились такого же признания от господина Перье, и слова, которые мы хотели от него услышать, нас совершенно успокоили; передать тебе, как они нам были приятны, можно, только если ты вообразишь, с какой радостью ты бы выслушала от нас такие слова.

Особо нам сказать тебе нечего, разве что о ваших намерениях с домом. Мы знаем, что господин Перье слишком близко принимает к сердцу все, чем занимается, чтобы думать о двух вещах сразу, и что замысел ваш столь обширен, что для его завершения требуется, чтобы он долгое время ни о чем другом не думал. Мы знаем также, что его план касается только части здания; но дело это не только длительно само по себе, оно подтолкнет и к завершению остального, как только к тому не останется препятствий, как бы ни укреплять себя в намерениях этому не поддаваться, особенно если употреблять на стройку время, которое следовало бы тратить на то, чтобы бороться с очарованием тайных соблазнов, в ней заключенных. Поэтому мы посоветовали ему строить меньше, чем он намеревался, и только самое необходимое, хотя и по тому же плану, так, чтобы ему и увлечься было нечем, и чтобы возможности это делать не вовсе были утрачены. Мы просим тебя подумать об этом серьезно, решиться самой и посоветовать ему, опасаясь, как бы ни случилось так, что у него окажется больше осмотрительности и он уделит больше труда и забот строительству дома, который он строить не обязан, чем возведению той мистической башни, о которой, как тебе известно, святой Августин говорит в одном из писем, что взялся достроить ее в своих беседах. Прощай.

Б. П.— Ж. П.

Приписка Жаклины: Я собираюсь написать тебе особо о моем деле и рассказать тебе его подробности; а пока моли Бога о его исходе.

Если знаешь какую-нибудь добрую душу, попроси и ее тоже молиться за меня.

ПИСЬМО ГОСПОДИНУ И ГОСПОЖЕ ПЕРЬЕ
В КЛЕРМОН
ПО СЛУЧАЮ СМЕРТИ ГОСПОДИНА ПАСКАЛЯ-ОТЦА,
СКОНЧАВШЕГОСЯ В ПАРИЖЕ 24 СЕНТЯБРЯ 1651

Париж. 17 октября 1651

Поскольку вы теперь оба знаете о нашем общем несчастье и письмо, которое мы начали, принесло вам какое-то утешение рассказом о счастливых обстоятельствах, сопровождавших причину нашего горя, я не могу отказать вам в тех утешениях, которые еще остаются в моих мыслях и которые я молю Бога мне даровать и многожды повторить уже полученные нами от Его благодати и вновь даруемые друзьями по этому случаю.

Не помню, на чем кончилось первое письмо. Наша сестра отослала его, не забываясь, окончено ли оно. Мне кажется, оно содержало лишь кое-что вкратце из наставлений Божиих о жизни и болезни, которые я хотел бы повторить вам — настолько я запечатлел их в своем сердце и столько в них истинного утешения,— если бы вы сами не смогли их понять из предыдущего письма и если наша сестра не собирается рассказать вам о них поточнее при первой возможности. Итак, я буду говорить вам здесь только о заключениях, которые я из этого извлек, а именно о том, что кончина его была столь христианская, блаженная, святая и завидная, что и кроме тех, кому это важно из природных чувств, нет христианина, который не должен был бы этому радоваться.

На таком великом основании я и начну то, что хочу вам сказать,— рассуждением весьма утешительным для тех, у кого достаточно широты духа, чтобы воспринять его и в самой сильной скорби. Мы должны искать утешения в наших бедах не в самих себе, не в людях, ни в чем бы то ни было тварном; но в Боге. Это потому так, что все тварные создания не суть первопричина случайностей, которые мы зовем несчастьями, но провидение Божие им единственная и подлинная причина, судья и властелин; а потому несомненно, что нужно прибегать прямо к источнику и восходить к началу, чтобы получить истинное облегчение. Если мы последуем этому совету и будем рассматривать такие происшествия не как стечение случайных обстоятельств, не как роковую неизбежность природы, не как игру стихий и составляющих человека частиц (ибо Господь не отдал избранных Своих на милость прихоти и случая), но как необходимое, неотвратимое, справедливое, святое, полезное для блага Церкви и прославления имени и величия Божия следствие того, что было решено Провидением Его от века и должно быть исполнено по совершении времен в такой-то год, в такой-то день, в такой-то час, в таком-то месте, таким-то образом; если будем думать, что все случившееся было извечно предусмотрено и предопределено в Боге; если, подвигнутые благодатью, мы будем рассматривать это событие не в нем самом и вне Бога, но вне его самого и внутри воли Божией, в справедливости Его приговора, в лоне Его Провидения, которое есть его истинная причина, без которого оно бы не произошло, единственно благодаря которому оно произошло, и таким образом, каким оно произошло,— то мы с благоговением поклонимся священным Его решениям, благословим поступь Его Провидения; и соединяя нашу волю с волей Самого Бога, мы желаем вместе с Ним, в Нем и для Него того, чего Он от века желал в нас и для нас.

Будем же думать об этом таким образом и применять то знание, которое я получил от некоего замечательного человека в дни самого тяжкого нашего горя: что нет иного утешения, кроме как в одной лишь истине. Несомненно, Сенека и Сократ не убеждают в таких обстоятельствах. Они пребывали в том же заблуждении, которое ослепляло всех людей изначально: они все считали

смерть естественной для человека; и все их рассуждения, основанные на этой ложной посылке, столь ничтожны, что могут лишь показать своей пустотой, как слаб человек вообще, коль скоро глубочайшие произведения величайших из людей так мелки и легковесны.

Не то с Иисусом Христом; не то с каноническими книгами. В них открывается истина, и утешение соединяется с ней столь надежно, сколь надежно она отделена от заблуждения. Взглянем же на смерть с помощью истины, открытой нам Святым Духом. Мы имеем удивительное преимущество — знать, что поистине и действительно смерть есть наказание за грех, наложенное на человека, чтобы он искупил свое преступление, наказание, необходимое человеку, чтобы очистить его от греха; оно единственное, что может избавить душу от похоти членов, без него и святые не живут в этом мире. Мы знаем, что жизнь, жизнь христианская, есть непрерывное жертвоприношение, которое может быть закончено только смертью; мы знаем, что Иисус Христос, входя в мир, счел Себя и предложил Себя Богу приношением и истинной жертвой; что Его рождение, жизнь, смерть, воскресение, вознесение, Его присутствие в Евхаристии и вечное пребывание одесную суть не что иное, как одно-единственное жертвоприношение; мы знаем, что то, что свершилось в Иисусе Христе, должно свершиться во всех Его членах.

Подумаем же о жизни как о жертвоприношении; и о том, что происшествия жизни должны запечатлеваться в душах христиан лишь в той мере, в какой они прерывают или совершают это жертвоприношение. Будем называть злом лишь то, что превращает жертву Богу в жертву дьяволу, а добром называть то, что жертву дьяволу в Адаме превращает в жертву Богу; исследуем природу смерти, основываясь на этом правиле.

Для этого надо обратиться взглядом к Иисусу Христу; ибо все, что ни есть в людях, мерзостно, и как Бог смотрит на людей не иначе как через Посредника, Иисуса Христа, так и люди должны смотреть на других и на самих себя только через посредство Иисуса Христа, ибо если мы минуем это средоточие, то найдем в себе лишь подлинные несчастья или мерзкие наслаждения; но если будем глядеть на все через Иисуса Христа, то найдем только утешение, радость и поучение.

Подумаем же о смерти в Иисусе Христе, а не вне Иисуса Христа. Без Иисуса Христа она ужасна, она отвратительна и противна природе. В Иисусе Христе она совсем иная: добрая, святая и радостная для верующего. Все сладостно в Иисусе Христе, даже смерть; вот почему Он страдал и умер, чтобы освятить смерть и ее страдания; как Бог и как человек Он был всем, что есть великого и что есть презренного, дабы освятить в Себе все, кроме греха, и быть образцом любого состояния человеческого.

Чтобы понять, что такое смерть и что такое смерть в Иисусе Христе, нужно посмотреть, какое место она занимает в Его постоянном и непрерывном

жертвоприношении, а для того заметить, что в жертвоприношениях главная часть — это смерть жертвы. Предшествующие ей приношение и освящение суть приуготовление; но свершением будет смерть, в которой, через уничтожение жизни, тварь воздает Богу всю ту честь, какую способна воздать, уничтожаясь перед Его величием и поклоняясь Его высшему существованию, которое одно поистине существует. Правда, есть еще одна часть, после смерти жертвы, без которой смерть ее будет бесполезна: это приятие Богом жертвоприношения. Что и сказано в Писании (Быт. 8, 21): *Et odoratus est Dominus suavitatem*. «И обонял Господь приятное благоухание». Оно-то поистине и венчает приношение; но это скорее действие Бога по отношению к твари, чем твари по отношению к Богу, и не меняет того, что последнее действие твари — это смерть.

Все это совершилось в Иисусе Христе. Входя в мир, он принес Себя (Евр. 9, 14; 10, 5): *Obtulit semetipsum per Spiritum sanctum. Ingrediens mundum, dixit: Hostiam noluiti... Tunc dixi: Ecce venio. In caritate, etc.* Он принес Себя Духом Святым. Входя в мир, Он сказал: «Господи, жертвы и приношения Ты не восхотел, но тело уготовал Мне». Тогда Я сказал: «Вот, иду исполнить волю Твою, Боже, и закон Твой в сердце Моем». Вот Его приношение. Освящение Его последовало сразу же за Его приношением. Это жертвоприношение длилось всю Его жизнь и было завершено Его смертью. Ему надлежало пострадать, чтобы войти в славу Свою (Лк. 24, 26). Хотя Он и Сын Божий, однако страданиями навыв к послушанию. Но во дни плоти Своей с сильным воплем принес моления Могущему спасти Его от смерти; и услышан был за Свое благоговение (Евр. 5, 7). И Бог Его воскресил и послал Ему славу, некогда изображавшуюся огнем небесным, падавшим на жертву, чтобы сжечь и поглотить ее тело и дать ее духу жизнь и славу. Вот что обрел Иисус Христос, и вот что совершилось в Его воскресении.

Итак, когда это жертвоприношение совершилось смертью Иисуса Христа и исполнилось даже в теле Его через воскресение, где образ грешной плоти был поглощен славой, Иисус Христос закончил все, что надлежало сделать Ему; оставалось только, чтобы жертва была принята Богом, и подобно тому, как дым поднимался и нес благоговение к престолу Божию, Иисус Христос был бы как жертва совершенная предложен, принесен и принят у самого престола Божия; что и совершилось в Вознесении, в котором Он был поднят ввысь и собственной силой, и силой Своего Святого Духа, окружавшего Его со всех сторон: Он был вознесен, как дым от жертв, образов Иисуса Христа, был унесен ввысь воздухом, Его поддерживавшим, — образом Духа Святого; и Деяния Апостолов нам дают ясно понять, что Он был принят на небесах, чтобы уверить нас, что это святое жертвоприношение, совершенное на земле, было угодно Богу, принято в лоно Божие, где Он горит славой во веки веков.

Так обстоит дело с Господом нашим. Поразмыслим, как оно обстоит

с нами. Как только мы входим в Церковь, которая есть мир верных, в особенности же избранных, куда Иисус Христос вошел с минуты Своего воплощения по особой привилегии единственного Сына Божия,— мы предложены и освящены. Это жертвоприношение продолжается в жизни и совершается в смерти, в которой душа, поистине расставаясь со всеми пороками и любовью земной, чье тлетворное дыхание заражало ее на протяжении этой жизни, завершает свое жертвоприношение и приемлется в лоно Божие.

Не будем же сокрушаться, как язычники, не имеющие надежды. Мы не потеряли отца в миг его смерти. Мы его потеряли, можно сказать, тогда, когда он вошел в Церковь через крещение. С тех пор он принадлежал Богу. Его жизнь была посвящена Богу: поступки его совершались в мире лишь для Бога. В смерти он совершенно расстался с грехами; и в этот миг он был принят Господом и его жертвоприношение получило свое завершение и увенчание. Итак, он сделал то, в чем дал обет: он закончил дело, которое Бог поручил ему сделать; он исполнил то единственное, ради чего был создан. Воля Божия совершилась в нем, а его воля растворилась в Боге. Да не разлучит же наша воля то, что Бог соединил; заглушим или умерим постижением истины чувства, внушенные испорченной и обманчивой природой, в которой нет ничего кроме ложных образов и которая своими иллюзиями смущает святость тех чувств, что должны внушать нам истина и Евангелие.

Будем же думать о смерти не как язычники, но как христиане, то есть с надеждой, как велит нам святой Павел (1 Фес. 4, 13), ибо это особая привилегия христиан. Не будем думать о теле как о падали смердящей, ибо так представляет его лживая природа, но как о нерушимом и вечном храме Святого Духа, ибо так учит вера. Ведь мы знаем, что в телах святых Дух Святой обитает до воскресения, которое совершится силой этого Духа, для чего Он и пребывает в них. Таково мнение Отцов Церкви. Потому мы и почитаем останки умерших и согласно этому верному правилу некогда вкладывали евхаристию в уста покойникам, ибо знали, что они — храм Духа Святого, и потому полагали их достойными также причаститься Святых Даров. Но Церковь изменила этот обычай; не потому, что тела эти не святы; но потому, что евхаристия — хлеб жизни и живых, а значит, его не следует давать мертвым.

Не будем больше думать, что человек перестал жить, как подсказывает нам природа; но что он начал жить, как уверяет нас истина. Не будем думать, что душа его погибла и впала в небытие, но что она оживилась и соединилась с высшей жизнью; и так, внимая этим истинам, избавимся от заблуждений, глубоко в нас укоренившихся, и от ужаса, столь естественного для человека.

Чтобы успешнее преодолевать этот ужас, надо хорошо понимать его причину; и чтобы коснуться этого в немногих словах, я должен рассказать вам, каков вообще источник всех пороков и всех грехов. Я узнал это от двух весьма почтенных и весьма праведных особ. Истина, открывающая эту тайну, состоит

в том, что Бог, сотворив человека, дал ему две любви: одну к Богу, другую к себе самому; но с тем повелением, чтобы любовь к Богу была бесконечна, то есть без иного предмета, кроме Самого Бога, а любовь к самому себе конечна и соотносена с Богом.

Человек в таком состоянии не только любил себя безгрешно, но не мог не любить себя безгрешно.

С тех пор свершился грех, и человек утратил первую свою любовь; а любовь к самому себе, оставшись одна в этой великой душе, способной на бесконечную любовь, разлилась и заполнила ту пустоту, которую оставила после себя любовь к Богу; и так он стал любить одного себя, и любить все прочее для себя, то есть любить себя бесконечно.

Вот начало себялюбия. Оно было естественно для Адама и в невинности его праведно; но оно стало неумеренным и преступным вследствие греха.

Вот источник этой любви и причина ее ущербности и ее чрезмерности.

И так же обстоит дело с жаждой власти, с ленью и прочим. Доказать это нетрудно. Обратимся к нашему единственному предмету. Страх смерти был естественен для невинного Адама: коль скоро жизнь его была весьма приятна Богу, она была приятна и человеку; а смерть была отвратительна, коль скоро она обрывала жизнь, согласную с волей Божией. С тех пор человек согрешил, жизнь его стала нечистой, тело и душа — врагами друг другу, и оба — врагами Господу.

Хотя эта ужасная перемена отравила столь святую жизнь, любовь к жизни осталась, и остался также страх смерти, что было праведно у Адама и преступно у нас.

Вот где начало страха смерти и причина его ущербности.

Осветим же заблуждение лучом веры.

Страх смерти естественен, но для состояния невинности: смерть и вправду ужасна, но когда она обрывает совершенно чистую жизнь. Следовало ее ненавидеть, когда она разлучала святую душу со святым телом: но ее следует любить, когда она разлучает святую душу с нечистым телом. Следовало от нее бежать, когда она нарушала мир между душой и телом; но не когда она кладет конец непримиримому спору между ними. Наконец, когда она сражала невинное тело, когда она лишала тело свободы чтить Бога, когда она разлучала с душой послушное и содействующее ее воле тело, когда она обрывала все доброе, на что человек способен,— тогда следовало ее ненавидеть; но когда она обрывает нечистую жизнь, когда она лишает тело свободы грешить, когда она освобождает душу от могучего и отвергающего все доводы к спасению бунтовщика,— тогда совершенно не следует сохранять те же чувства.

Не будем же расставаться с любовью к жизни, которую внушает нам природа, потому что мы получили ее от Бога; но пусть это будет любовь к той жизни, к какой Бог нам ее и дал, а не к противоположному предмету.

И принимая любовь, которую Адам питал к своей невинной жизни и которую сам Иисус Христос питал к Своей и которая проявилась в Его отвращении к собственной смерти, научимся ненавидеть жизнь, противоположную той, какую любил Иисус Христос, и страшиться только той смерти, какой страшился Иисус Христос и которая случается с телом, угодным Богу; но не бояться иной смерти, которая, карая тело виновное и очищая тело порочное, должна внушать нам совершенно противоположные чувства, если есть в нас хоть немного веры, надежды и любви.

Это одно из великих правил христианства — что все, что случилось с Иисусом Христом, должно произойти и в душе и в теле каждого христианина; как Иисус Христос страдал во время Своей смертной жизни, умер для этой смертной жизни, воскрес в новой жизни, вознесся на небеса и воссел одесную Отца, так тело и душа должны страдать, умереть, воскреснуть, вознестись на небеса и воссесть одесную.

Все это совершается в душе во время земной жизни, но не в теле.

Душа страдает и умирает для греха в покаянии и в крещении; душа воскресает для новой жизни в том же крещении; душа покидает землю и возносится на небо в час смерти, и восседает одесную, когда Бог это велит.

Ничто из всего этого не происходит в теле за время земной жизни; но то же самое происходит с ним потом.

Ибо в смерти тело умирает для смертной жизни; на Страшном Суде оно воскреснет для новой жизни; после Суда оно поднимется на небеса и воссядет одесную.

Так одни и те же вещи случаются с телом и с душой, но в разное время; и перемены в теле случаются лишь после того, как они совершились в душе, то есть в час смерти; так что смерть есть увенчание души блаженством и начало блаженства для тела.

Вот удивительные решения премудрости Божией для спасения святых; и святой Августин учит нас, что Бог так распорядился из опасений, что если бы человеческое тело умирало и воскресало навеки в крещении, то Евангелию повиновались бы только из любви к жизни; тогда как величие веры сияет ярче, когда люди стремятся к бессмертию через мрак смерти.

Вот каковы наши понятия и вера, которую мы исповедуем; и я полагаю, этого более чем достаточно, чтобы подкрепить утешение для вас моими слабыми силами. Я не стал бы предлагать вам помощь от себя самого, но поскольку это лишь повторение того, что я узнал, я это делаю с уверенностью, моля Бога благословить эти семена и дать им прорасти; ведь без Него мы ничего не можем сделать, и Его пресвятыя слова не входят в нас, как Он Сам сказал (Мк. 4, 16).

Это не значит, будто я желаю, чтобы вы не испытывали горечи; удар слишком чувствителен и был бы просто непереносим без сверхъестественной

помощи. Нам не следует также вовсе не испытывать скорби, подобно ангелам, не имеющим никаких природных чувств; но нам не следует также и оставаться безутешными, подобно язычникам, не имеющим никаких благодатных чувств; но нам следует скорбеть и утешаться как христианам, и чтобы утешение благодати превозмогало чувства природные; чтобы мы говорили, подобно апостолам: «Гонят нас, мы благословляем» (I Кор. 4, 12)³, да не только благодать войдет в нас, но будет в нас победоносна; да святится имя Отца нашего, и да будет воля Его нашей волей; и да станут печали наши словно бы плотью жертвы, которую Его благодать поглощает и уничтожает для славы Божией; и эти жертвы отдельные да чувствуют и предвосхищают жертву всеобщую, в коей вся природа будет поглощена силой Иисуса Христа.

Так мы извлечем преимущество из наших собственных несовершенств, ибо они послужат плотью для этого всеожожения; ведь цель истинных христиан и состоит в том, чтобы воспользоваться своими несовершенствами, потому что все способствует благу для избранных.

И если мы взглянем попристальнее, то обнаружим большие преимущества нам в поучение, размышляя об этом в свете истины, как мы уже говорили: поскольку вероятно, что смерть тела есть всего лишь образ смерти души, и на этом основании мы строим догадку, что в таком случае у нас есть все основания надеяться на ее спасение, то несомненно, что если мы не можем воспрепятствовать такому печальному обстоятельству, то можем из него заключить, что поскольку смерть тела так ужасна, что вызывает в нас подобные чувства, смерть души должна была бы вызывать в нас чувства еще более безутешные. Бог послал нам первую, Бог отвратил вторую. Сравним же величие нашего счастья с величием нашей беды, и пусть избыток нашей скорби послужит мерой избытку нашей радости.

Ничто не может ее омрачить, кроме страха, не придется ли ему какое-то время томиться в муках, которым предназначено смыть с него остаток грехов этой жизни; и мы должны положить все наши заботы на то, чтобы умилистить гнев Божий.

Молитвы и жертвы — лучшее средство от его мук. Но я узнал от одного святого человека в наших несчастьях, что среди самых верных и полезных дел милосердия по отношению к мертвым — это поступать так, как они велели бы, если б еще жили на свете, и исполнять святые советы, которые они нам давали, и ради них приводить себя в то состояние, какого они нам желают теперь.

Ради этого мы словно оживляем их в нас, ведь это их советы в нас еще живут и действуют; и как ересиархов карают в другой жизни за грехи, на которые они подтолкнули своих последователей, в коих еще живет их яд, так и вознаграждаются усопшие, кроме как за свои собственные заслуги, еще и за те, которым они помогли возрасти своими советами и своим примером.

Постараемся же всеми силами оживить его в нас перед Богом; и утешимся в единении наших сердец, в котором он как будто еще живет, и да вернет нам наше единение словно бы его присутствие, как Иисус Христос присутствует в собрании верных.

Молю Бога заронить и укрепить в нас такие чувства и сохранить те, которые Он дал мне питать к вам и к моей сестре,— более нежные, чем когда-либо; мне кажется, что любовь, которую мы питали к нашему отцу, не должна быть утрачена для нас, что мы должны изливать ее друг на друга, и главное — унаследовать ту привязанность, которой он дарил нас, чтобы любить друг друга еще горячее, если это возможно.

Молю Бога укрепить нас в такой решимости и в надежде на это прошу вас принять от меня совет, к которому вы пришли бы и без меня; но я все-таки его дам. Он в том, чтобы мы, найдя основания утешаться в мыслях о нем, не потеряли бы их для себя в заботах о делах и нуждах, которые мы имели бы при его жизни.

Меня это касается более всего. Если бы я потерял его шесть лет назад, я бы погиб; и хотя сейчас я как будто испытываю в нем потребность не столь настоящую, я знаю, что он был бы мне необходим еще десять лет и нужен всю жизнь. Но мы должны надеяться, что коль скоро Бог повелел этому случиться в такое-то время, в таком-то месте, таким-то образом, то это без сомнения лучше всего для Его славы и нашего спасения.

Как бы это ни казалось странно, я полагаю, что мы должны так судить в любых обстоятельствах и что сколь бы мрачными они нам ни казались, мы должны надеяться, что Бог извлечет из них источник нашей радости, если мы предадимся Его воле.

Нам известны знатные особы, страшившиеся смертей своих близких, которые Бог, быть может, отвратил по их молитвам, но это стало причиной или поводом для таких несчастий, что надо было бы желать, чтобы молитвы эти не были исполнены.

Человек, несомненно, слишком слаб, чтобы здраво судить о последствиях будущих событий. Будем же уповать на Бога и не будем изнушать себя нескромным и дерзким заглядыванием в будущее. Препоручим Богу течение нашей жизни и не дадим недовольству властвовать над нами.

Святой Августин учит нас, что в каждом человеке заключены змей, Ева и Адам. Змей — это чувства и наша природа; Ева — похотливое желание, а Адам — разум. Природа нас постоянно искушает, похотливое желание часто вожделеет; но грех не совершается, если разум не соглашается. Пусть же действуют в нас змей и Ева, если мы не можем этому помешать; но будем молить Бога укрепить нашего Адама настолько, чтобы он всегда оставался победителем; и да торжествует Иисус Христос, и да царит Он в нас вечно. Аминь.

АВГУСТЕЙШЕЙ КОРОЛЕВЕ ШВЕЦИИ

Июнь 1652

Мадам,

Если бы здоровье мое равнялось моему рвению, я отправился бы сам представить Вашему Величеству плод многолетних трудов, который осмеливаюсь предложить издалека; и не потерпел бы, чтобы честь принести его к ногам величайшей государыни в мире досталась чужим рукам, а не моим. Это приспособление, Мадам,— машина для совершения действий арифметики без пера и без жетонов. Вашему Величеству известно, скольких трудов и времени стоят новые изобретения, особенно если изобретатели хотят сами доводить их до возможного совершенства; вот почему нет надобности говорить, сколько я над ним работал; не могу передать это лучше, чем сказав, что я занимался им с таким рвением, словно предвидел, что оно предстанет однажды перед такой августейшей особой. Но, Мадам, если эта честь и не была в действительности побудительной причиной моего труда, она по крайней мере будет ему наградой, и я буду полагать себя бесконечно счастливым, если множество бессонных ночей, на него потраченных, доставят Вашему Величеству несколько приятных мгновений. Я не стану больше утомлять Ваше Величество всякими подробностями об устройстве этой машины; если они возбудят ваше любопытство, вы сможете его удовлетворить с помощью моего пояснения, обращенного к господину де Бурдело ⁴: там я в немногих словах коснулся истории этой машины, цели ее изобретения, обстоятельств, при которых шли изыскания, возможной пользы от нее, ступенек, по которым она продвигалась, успеха в ее завершении и правил обращения с нею. Здесь я назову только причину, побуждающую меня поднести ее Вашему Величеству, что я считаю увенчанием и счастливейшим концом ее истории. Я знаю, Мадам, что кто-то может счесть, будто я ищу славы, поднося ее Вашему Величеству, ибо она непременно прослышет чем-то необычайным, когда люди увидят, что она предназначена вам, и вместо того, чтобы попасть к вам единственно за свои превосходные достоинства, она прослышет превосходной единственно по той причине, что попала к вам. И тем не менее не этой надеждой внушен мне мой замысел. Он слишком велик, Мадам, чтобы иметь иную цель, кроме самого Вашего Величества. То, что действительно меня подвигло,— это соединение в вашей священной особе двух качеств, которые представляются мне равно достойными восхищения и почитания: державной власти и глубоких познаний; ибо я питаю особое благоговение к тем, кто вознесен на высшую ступень либо власти, либо познаний. Последние, если я не заблуждаюсь, могут, как и первая, почитаться державными; и власть королей над подданными, как мне кажется, есть лишь образ власти

умов над умами, стоящими ниже их, над которыми они осуществляют свое право убеждать, и это право среди них есть то же самое, что право повелевать для политической власти. Мне представляется даже, что эта вторая держава принадлежит порядку более высокому, как умы принадлежат порядку более высокому, чем тела, и более справедливому, ибо в нем места распределяются и сохраняются единственно по достоинствам, тогда как в другом это может делаться по рождению или по случаю. Поэтому следует признать, что каждая из этих держав велика сама по себе; но, Мадам, позвольте мне сказать: вовсе не в обиду Вашему Величеству, одна без другой представляется мне ущербной. Как бы ни был могуществен монарх, его славе чего-то недостает, если он не наделен превосходством ума; и как бы ни был просвещен подданный, он всегда в униженном положении из-за своей зависимости. Люди, естественно желающие полного совершенства, по сей день неизменно стремились увидеть такую воплощающую его владетельную особу. Все цари и все ученые были только набросками, исполнявшими их ожидания лишь наполовину, и едва ли нашим предкам, пока существует мир, удавалось видеть монарха, обладавшего хотя бы посредственной ученостью; этот шедевр хранился для вашего века. И чтобы такое величайшее чудо явилось сопровождаемое всеми возможными поводами для изумления, та его степень, о которой люди не могли и помышлять, воплотилась в юной королеве, в которой совместились преимущества опыта с нежностью молодости, отданный наукам досуг с занятиями, свойственными королевскому происхождению, превосходство познаний со слабостью ее пола. Ваше Величество, Мадам, явило миру этот единственный недостававший ему образец. В Вашем Величестве могущество исходит от света познаний и ученость возвышается блеском власти. Благодаря столь чудесному соединению Ваше Величество не видит никого, кто был бы выше властью, и никого, кто был бы выше разумом; вы станете предметом восхищения всех последующих веков, как стали плодом усилий всех предыдущих. Царите же невиданным доселе образом, несравненная государыня; да покорит вам ваш гений все то, что не покорилося вашему оружию; царите долгие годы над множеством цветущих земель; но царите вечно силою ваших достоинств надо всем миром. А я, не рожденный в первой из ваших держав, хочу, чтобы все знали, что я почитаю за честь для себя быть подданным второй; и чтобы засвидетельствовать это, я и осмеливаюсь поднять взгляд на мою королеву, поднося ей это первое доказательство моей верноподданности.

Мадам, вот что подвигает меня сделать вам этот дар, хотя он и не достоин Вашего Величества. Слабость моя не умерила моих честолюбивых притязаний. Я полагаю, что хотя одно имя Вашего Величества как бы удаляет все, что ему несоразмерно, вы тем не менее не отвергаете все, что ниже вас; иначе ваше величие лишилось бы почестей, а ваша слава — хвалы. Вы довольствуетесь тем, что принимаете усилия ума, не требуя, чтобы это было усилие ума, равнели-

кого вашему. Благодаря такой снисходительности вы соизволяете входить в сношения с другими людьми; и все эти соображения вместе побуждают меня высказать вам со всем поклонением, на какое способен один из самых ревностных почитателей ваших непревзойденных достоинств, что ничего я не желаю так пылко, как оставаться,

Мадам,

Вашего Величества

смирнейшим, покорнейшим

и преданнейшим слугою,

Блез Паскаль.

ОТРЫВОК ИЗ ПИСЬМА СЕСТРЫ ЖАКЛИНЫ ОТ СВЯТОЙ ЕВФИМИИ ⁵ К ГОСПОДИНУ ПАСКАЛЮ, ЕЕ БРАТУ

Сего 19 января 1655

...Мне представляется похвальным то нетерпение, с каким вы стремитесь отбросить все, что хоть сколько-нибудь напоминает земное величие; но поразительно, что Бог одарил вас такой благодатью, ибо вы, казалось бы, во многих отношениях имеете право еще какое-то время испытывать отвращение к злованию, на которое вы так поспешно согласились, и было бы справедливо, чтобы все, что еще отдает мирским, держало бы вас пленником в вашем уединении, после того как столь отдаляло вас от всего, что могло бы вас освободить. Но Бог пожелал показать на этом примере, что Его милосердие превосходит все Его другие дела; и я молю Его по-прежнему вам Свое милосердие оказывать, позволяя вам использовать дарованный Им талант.

То же самое нужно сказать и о деревянной ложке и глиняной посуде: это золото и драгоценные камни христианства; только владетельные особы должны иметь их на своем столе; нужно быть настоящим бедняком, чтобы заслужить такую честь, в которой совершенно отказано простолюдинам, как считает господин де Ранти ⁶. Но утешает меня то, что титул этот не передается по наследству и что как можно утратить его, обладавши им какое-то время, так можно его и обрести после долгого презрения к нему; и на мой взгляд, наилучший путь к тому — вести себя так, словно он уже получен, не через самозванство или лицемерие, но чтобы перейти от лишений к бедности, как переходят от унижений к смирению: да подарит нам Господь такую милость!

Я первая испытала на себе, что здоровье зависит больше от Иисуса Христа, чем от Гиппократата, и что диета для души исцеляет тело, если только Богу не угодно испытывать и укреплять нас нашими недугами. Правда, что это большое преимущество — иметь довольно здоровья для того, чтобы делать все, что нам советуют, для исцеления души; но не меньшее — получить испытание прямо из Божьих рук... Если мы принадлежим Ему, то нам всегда будет хорошо, живем ли мы или умираем. Не сказано: Если кто хочет прийти ко мне, пусть совершает подвиги изнурительные и требующие много сил, но: Пусть он отречется от самого себя. Большой, возможно, может делать это лучше, чем человек совершенно здоровый...

ПИСЬМО СЕСТРЫ ЖАКЛИНЫ
ОТ СВЯТОЙ ЕВФИМИИ
ГОСПОЖЕ ПЕРЬЕ, ЕЕ СЕСТРЕ

В Пор-Рояле, сего 25 января 1655

Дорогая моя сестра,

не знаю, у кого более нетерпения — у меня рассказать вам новости об известной вам особе или у вас их узнать; и все же мне кажется, что, не имея лишнего времени, я не должна была писать вам раньше, из опасений, как бы не пришлось опровергать то, что я уже рассказала. Но теперь положение дел таково, что надо вас о том известить, какое бы продолжение Господь всему этому ни дал.

Я полагаю, что была бы виновата перед вами, если б не поведала вам эту историю с самого начала; это было за несколько дней до того, как я впервые сообщила вам эту новость, то есть к концу прошлого декабря. Он приехал ко мне и во время этого визита открылся мне, вызвав у меня глубокую жалость, и признался, что посреди его серьезных занятий и всего того, что могло бы способствовать его успеху в свете, к чему, смею думать, он был весьма чувствителен, он испытывал такое желание все это бросить — и от великого отвращения к безумствам и развлечениям света, и от постоянных упреков собственной совести,— что он чувствовал себя столь безразличным ко всему этому, каким не бывал никогда, хотя бы отчасти; но что вместе с тем он был так покинут Богом, что не слышал никакого зова с той стороны; что он все же стремился туда изо всех сил, но чувствовал, что скорее его собственный дух и разум побуждали его к тому, что он считал наилучшим, чем дуновения божественной воли; и что в нынешнем его безразличии ко всему, если бы у него

были те же понятия о Боге, что прежде, он полагал бы себя способным предпринять что угодно, и что, очевидно, у него была в то время какая-то ужасная склонность противиться дарованной ему милости Божией и побуждениям, которые Он ему посылал. Эта исповедь столь же изумила меня, сколь исполнила радости, и с тех пор я стала питать надежды, каких у меня не было раньше, и я полагала, что должна вам кое-что об этом рассказать, чтобы подвигнуть вас молить Бога. Если бы я стала описывать подробно и все другие его посещения, то получился бы целый том; ведь с тех пор они были столь часты и продолжительны, что казалось, будто у меня нет никаких других дел. Я только следовала за ним, вовсе не пытаюсь его убеждать; я видела, как он понемногу вырастал, так что я его не узнавала больше; я думаю, вы испытаете то же самое, если Господь продолжит Свои дела, прежде всего в том, что касается смирения, покорности, недоверия и презрения к себе самому и желания вычеркнуть себя из славы и памяти людской. Вот каков он ныне. Только Богу известно, каким он станет. Наконец, после множества визитов и долгой борьбы, которую он принужден был вести с самим собой из-за трудностей в выборе наставника, ибо он не сомневался, что наставник ему нужен, и хотя самый для него подходящий был уже найден, тем не менее из-за недоверия, которое он питал к самому себе, он опасался, что слишком следует чувству и ошибается, не в достоинствах того человека, но в его предназначении, явных подтверждений которого он не видел, поскольку тот человек не был его естественным пастырем; я ясно видела, что это лишь остатки своеволия, таившегося в глубине его сердца и прибегавшего к любому оружию, чтобы избежать подчинения, которое при нынешнем его расположении духа могло быть только полным. Я никак не хотела торопить его; я сказала только, что, на мой взгляд, с лекарем для души следует поступать так же, как с лекарем для тела,— выбирать лучшего; что, действительно, Епископ — наш естественный пастырь, но что для Епископа Парижского невозможно быть пастырем для всех своих прихожан, ни даже для кюре, ни даже для приходских священников, хотя кому-то они могут быть пастырями, и что человек вроде него, не имеющий собственного дома, который может поселиться в том приходе, в каком ему угодно, остается господином своего выбора, как беря своего кюре, так и другого священника, одобряемого Епископом; что когда Епископ Женевский⁷ советует выбирать себе руководителя из десяти тысяч, то есть предпочитая его десяти тысячам,— он, Епископ и ревностный защитник иерархии, не желает ограничить выбор для каждого его приходскими священниками. Не могу уже припомнить, это ли заставило его уступить, или то благодать, возраставшая в нем на глазах, рассеяла все тучи, противившиеся столь счастливому началу, не утруждая себя доказательствами; но как бы там ни было, он вскоре решился. Однако и тогда это не было сделано, потому что нужно было еще многое для того, чтобы убедить согласиться господина Сенглена, который на редкость

осторожен в таких вещах; но наконец он не мог более противиться множеству доводов о том, что нельзя дать угаснуть порывам столь искренним и рождающим такие надежды на счастливое продолжение, и он сдался на мои уговоры и пожелал обременить себя обязанностями наставника; но все еще длящееся нездоровье почти лишает его возможностей эти обязанности исполнять, ведь он даже говорить почти не может без вреда для себя. Во все это время произошло множество событий, рассказывать о которых было бы слишком долго, да и нет нужды; но главное — что наш новообращенный подумал сам, что по многим причинам ему на какое-то время будет необходимо уединение не у себя дома. Господин Сенглен в это время находился в Пор-Рояле-в-Полях для лечения, и хотя он, как известно, очень остерегался видеться с кем бы то ни было, кроме меня, в этой обители, он все же решился отправиться к нему под предлогом какой-то деловой поездки туда, надеясь, что, изменив имя и оставив слуг в какой-нибудь близлежащей деревне, откуда он собирался пойти пешком к господину Сенглену, он никем, кроме него, не будет опознан, и никто не сможет узнать об их беседах, и таким образом уединение его не будет нарушено. Я ему посоветовала не делать этого без согласия господина Сенглена, который вовсе этого не хотел, потому что еще не решился взять на себя заботу о нем; так что он был принужден терпеливо ожидать его возвращения, ибо не хотел ничего делать против его воли, выраженной им в совершенно прекрасном письме, которым он называл меня его руководительницей, пока Бог даст понять, его ли Он желает видеть в таком качестве. Наконец, господин Сенглен вернулся, и я стала настойчиво его просить, чтобы он освободил меня от этой обязанности, и я добилась того, чего желала, так что он его принял, и оба они сочли, что ему хорошо бы совершить путешествие в деревню, где ему было бы покойней, чем в городе, потому что вернулся его добрый друг ⁸ (вы знаете, о ком я говорю) и занимал его собою целиком. Он открыл ему это намерение, и, получив его согласие, которое было дано не без слез, он на другой день после Крещенья отправился вместе с господином де Люином в один из его замков, где и пробыл какое-то время. Но его одиночество там не казалось ему достаточно полным, и потому он занял одну из комнат или келий среди отшельников Пор-Рояля, откуда он написал мне с огромной радостью, что его приняли и поселили по-королевски, но по-королевски в понимании святого Бернарда, в уединенном месте, обитатели которого дают обет бедности во всем, что позволено приличием. Он ходит ко всем службам, от заутрени до вечерни, и не чувствует ни малейшего неудобства от того, что встает в пять часов утра; и словно Богу угодно, чтобы он соединил пост с бодрствованием, в нарушение всех советов врачей, настрого запретивших ему и то, и другое, у него от ужина начинает болеть желудок, так что я думаю, он от ужина откажется. Он не остался без руководителя, ибо господин Сенглен, который все это время пребывал в городе, нашел ему наставника, с которым он вовсе не был

знаком; это человек несравненный, которым он совершенно восхищен, и к тому же он хорошего рода. Он там вовсе не скучал, но кой-какие дела против воли вынудили его вернуться. Он не сказал никому, куда ездил, кроме госпожи Пинель⁹ и Дюшена¹⁰, которого брал с собой. Тем не менее кое-кто об этом догадывается, но это чистые домыслы. Одни говорят, что он сделался монахом, другие — отшельником, третьи — что он в Пор-Рояле. Он это знает и вовсе об этом не заботится; таково сейчас положение дел.

До сих пор я видела его в таком страхе, как бы хоть что-нибудь из этого не стало известно, что даже не осмеливалась просить его, чтобы он вам об этом рассказал. Наконец, за несколько дней до его возвращения я написала ему об этом; он ответил, что если бы ему велели это сделать, он это сделал бы, но что сам он не может на это решиться, поскольку полагает, что продвинулся слишком мало и вовсе не понимает, о чем тут писать; что если я нахожу, что писать есть о чем, то он охотно соглашается, чтобы я вам написала, но что самому ему рассказывать не о чем. Потому я и начала это письмо в первый же мой свободный час, в тот день, которым письмо помечено, а кончаю его только сегодня, 8 февраля. Я никак не могла выкроить достаточно времени раньше.

Теперь он дома, где его удерживают дела, но я думаю, что он сделает все возможное, чтобы скорее вернуться в свое уединение. Вчера он мне сказал, что напишет вам с Божьей помощью, и просил меня вам написать. Он хочет что-нибудь сделать для моей милой кузины контролерши Паскаль¹¹, и поскольку он исполнен милосердия, я надеюсь, что он отныне будет выплачивать ей пенсию, но не уверена, захотят ли этого мать и сын; пожалуйста, напишите мне об этом поскорее, и как надо за это братья. Я этого очень бы желала, потому что считаю ее одной из наших сестер и не могу думать без содрогания о том, в каком вижу ее сейчас состоянии, душой и телом. В конце концов она племянница моего отца, и я сужу о чувствах, которые он испытывал к ней, по тем, которые я питаю к вашим детям.

ОТРЫВОК ИЗ ПИСЬМА СЕСТРЫ ЖАКЛИНЫ ОТ СВЯТОЙ ЕВФИМИИ ГОСПОДИНУ ПАСКАЛЮ, ЕЕ БРАТУ

Сего 1 декабря 1655

Меня поздравляют с тем особенным рвением, которое так высоко поднимает вас над всеми житейскими обычаями, что вы и метлу считаете предметом, излишним в обиходе... Вам необходимо хотя бы в течение нескольких месяцев

быть столь же опрятным, сколь сейчас вы грязны, чтобы люди видели, что вы можете так же преуспеть в смиренном прилежании и заботе о теле, которое вам служит, как и в смиренном небрежении обо всем, что вас окружает; и тогда будет почетно для вас и поучительно для других видеть вас в грязи, если все-таки верно, что совершенство состоит в этом, в чем я весьма сомневаюсь, ибо святой Бернард держался иного мнения.

К РОАННЕЗАМ ¹²

24 сентября 1656

...Разумеется, нельзя отрываться без боли. Пока следуешь добровольно за тем, кто влечет тебя, своих уз не ощущаешь,— говорит святой Августин. Но когда начинаешь сопротивляться и двигаться в другую сторону, приходит страдание; узы натягиваются и испытывают на себе всю силу давления; и эти узы — наше собственное тело, которое разрушается только со смертью. Господь наш сказал, что «От дней Иоанна Крестителя», то есть от Его пришествия в мир, а значит, от Его пришествия в каждого верного, «Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его» (Мтф. 11, 12). Пока Бог не коснулся человека, он чувствует только груз похоти, пригибающий его к земле. Когда Бог влечет вверх, эти два противоположные усилия и создают силу, которую один Бог может побороть. «Но мы можем все,— говорит святой Лев ¹³,— с Тем, без Кого мы ничего не можем». Значит, следует решиться претерпевать эту войну всю свою жизнь: ибо мира здесь нет вовсе. Иисус Христос пришел принести меч, а не мир (Мтф. 10, 34). Но все же нужно признать: как в Писании сказано, что «Мудрость мира сего есть безумие пред Богом» (I Кор. 3, 19), так и мы можем сказать, что эта война, которая людям кажется жестокой, есть мир пред Богом; ибо это и есть тот мир, который тоже принес Иисус Христос. Однако совершенен он будет только тогда, когда разрушится тело; это и заставляет желать смерти, тем не менее по доброй воле претерпевая жизнь ради любви к Тому, Кто претерпел за нас и жизнь, и смерть, и Кто может дать нам больше благ, чем мы можем просить или помыслить, как говорит святой Павел в Послании, читаемом сегодня на мессе (Еф. 3, 20).

К РОАННЕЗАМ

Конец октября 1656

Мне кажется, вы принимаете наше чудо так близко к сердцу, что я должен вам сообщить отдельно: проверка его закончена Церковью, о чем вы узнаете из решения господина Главного Викария.

Так мало есть людей, которым Бог открывается подобными необычайными явлениями, что мы должны как следует воспользоваться этим случаем; ведь Он отбрасывает тайну природы, Его скрывающую, лишь для того, чтобы побудить нашу веру служить Ему тем ревностней, чем несомненной мы Его познаем.

Если бы Бог открывался людям постоянно, не было бы никакой заслуги в том, чтобы верить в Него; а если бы Он не открывался никогда, веры бы не было вовсе. Но Он обычно сокрыт, а открывается редко и тем, кого хочет призвать в служение Себе. Эта удивительная тайна удаления Бога, непроницаемая для взора человеческого, есть для нас великий урок стремиться к одиночеству и держаться в стороне от человеческих взоров. Он оставался сокрыт под покровом природы, прятаяшим Его от нас, до самого Воплощения; а когда Ему пришло время явиться, Он оказался укрыт еще надежнее Своим человеческим обликом. Его скорее можно было узнать, когда Он был невидим, чем когда Он сделался видимым. И наконец, когда Он пожелал исполнить данное Им апостолам обетование пребывать с людьми до Своего последнего пришествия, Он избрал пребывание здесь в самой удивительной и самой непостижимой тайне из всех — под видом Евхаристии. Это таинство святой Иоанн называет в Апокалипсисе (2, 17) сокровенной манной; и наверно Исаия видел Его в таком состоянии, когда говорил, исполнившись пророческим духом: «Истинно Ты Бог сокровенный» (Ис. 45, 15). Вот последняя тайна, в которой Он может пребывать. Сквозь покров природы, прячущий Бога, проникали взоры многих неверовавших, которые, по словам апостола Павла, познали Бога невидимого через творения видимые (Рим. 1, 20). Христиане-еретики познали Его через Его человеческий облик и поклоняются Иисусу Христу Богу и человеку. Но познать Его под видом хлеба — это дано только католикам; только нас Бог просвещает до такой степени. Можно прибавить к этим рассуждениям и тайну Духа Божия, еще сокрытую в Писании. Ибо в нем есть два совершенных смысла: буквальный и мистический; и евреи, остановившись на одном, не догадываются даже, что есть и другой, и не помышляют его искать; так и нечестивые, видя проявления природы, приписывают их природе, не помышляя, что есть у них и другой Творец; и как евреи, увидев совершенного человека в Иисусе Христе, не подумали искать в Нем другой природы: «Мы ни во что ставили Его», — говорит опять же Исаия (53, 3), так и еретики, видя совершен-

ную кажимость хлеба, не помышляют искать в нем иной природы. Все вещи скрывают некую тайну; все вещи — покровы, скрывающие Бога. Христианин должен узнавать Его во всем. Земные невзгоды скрывают вечные блага, к которым они ведут. Земные радости скрывают вечные муки, которым они причиною. Будем же молить Бога, чтобы Он дал нам узнавать Его и служить Ему во всем. Воздадим Ему бесконечное благодарение за то, что, скрываясь во всех вещах для других, Он открывается нам во всех вещах и столь многими способами...

К РОАННЕЗАМ

Декабрь 1656

Что бы ни случилось в деле с...¹⁴, слава Богу, достаточно и того, что уже совершилось, чтобы извлечь из этого неопровержимые доводы против этих злосчастных убеждений. Те, кто принимает в этом какое-то участие, должны горячо возблагодарить Бога, а их родные и друзья должны молить Бога за них, чтобы они не пали с высоты такого счастья и такой чести, какими удостоил их Бог. Все мирские почести — только видимость; одни эти подлинны и прочны, и однако же они бесполезны без доброго расположения сердца. Ибо ни умерщвление плоти, ни работа ума, ни добрые порывы сердца их не выслуживают и не помогают сносить терзания тела и души. Ибо для освящения требуются две вещи: скорбь и радость. Святой Павел сказал, что «многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Божие» (Деян. 14, 22). Это должно утешать тех, кто их испытывает, ибо коль скоро они предупреждены, что путь к Небу, которого они взыскуют, скорбями полнится, то они должны радоваться свидетельствам того, что они на правильном пути. Но эти скорби не лишены радостей и только радостями и преодолеваются. Ибо так же, как те, кто покидает Бога, чтобы вернуться в мир, делают это лишь потому, что находят больше отрады в земных наслаждениях, чем в радости соединения с Богом, и эта неодолимая прелесть их влечет и, заставляя раскаиваться в прежнем выборе, делает их кающимися дьяволу, по слову Тертуллиана, — так и наслаждения мира люди никогда не покидали бы для креста Иисуса Христа, если бы не находили больше отрады в уничтожении, нищете, лишениях и отверженности от людей, чем в сладости греха. И потому, как говорит Тертуллиан, не следует думать, будто христианская жизнь — это жизнь в печали. Радости можно покинуть для еще больших радостей. «Всегда радуйтесь. Непрестанно молитесь. За все благодарите», — говорит святой Павел (I Фес. 5, 16). Радость обретения Бога есть основание печали об оскорблении Его и перемены всей

жизни. Человек, найдя сокровище, скрытое на поле, так радуется, говорит Иисус Христос, что от радости продает все, что имеет, и покупает поле то (Матф. 13, 44). Мирские люди не знают той радости, какую мир не может ни дать, ни отнять, как говорит Иисус Христос (Ин. 14, 27; 16, 22). Блаженные имеют эту радость без всякой печали; мирские люди имеют свою печаль без этой радости, а христиане имеют эту радость, смешанную с печалью о том, что гнались за иными наслаждениями, и со страхом утратить ее из-за привлекательности этих иных наслаждений, непрерывно нас искушающих. И потому мы должны неустанно трудиться, чтобы сохранить радость, умеряющую наш страх, и сохранить страх, хранящий нашу радость; и если кто почувствует, что слишком наклоняется в одну сторону, то должен склониться в другую, чтобы удержаться на ногах. Помните об утехах во дни страдания, и о страдании во дни счастья, сказано в Писании (Сир. 11, 25—27), доколе не сбудется обещание Иисуса Христа о том, что радость Его будет совершенна в нас (Ин. 16, 24). Не дадим же печали сломить нас и не будем полагать, что благочестие состоит в горечи без утешения. Истинное благочестие, которое может быть совершенно лишь на небесах, столь богато радостью, что ею исполнены и начало, и путь, и увенчание. Это свет столь яркий, что им озаряется все, ему принадлежащее; и если примешана тут некая печаль, особенно в начале, то она исходит от нас, а не от добродетели; это действие не благочестия, которое зарождается в нас, но нечестивости, которая в нас еще остается. Отринем нечестивость, и радость станет чиста. Будем винить в печали не набожность, но нас самих, и искать избавления от печали лишь исправляя себя...

ОТРЫВОК ИЗ ПИСЬМА ПАСКАЛЯ ¹⁵

Июнь 1657

Я рад, что вы поведали мне все подробности вашей фронды, прежде всего потому, что это вас касается. Надеюсь, что вы не подражаете нашим здешним фрондерам, которые (как мне по крайней мере кажется) столь дурно пользуются благой возможностью, предоставленной им Богом: пострадать немного ради установления Его истин. Ведь если бы речь шла об установлении их истин, они вели бы себя не иначе; им словно бы неизвестно, что Провидение, ниспослав свет истины одним, отнимает его у других; и стараясь их убедить, они словно бы служат не тому же самому Богу, Который позволяет, чтобы на их пути стояли препоны. Они полагают, что оказывают Богу услугу, если ропщут на эти препятствия, как если бы одна сила побуждала их к благочестию, а другая укрепляла тех, кто ему противостоит.

Вот что делает наш собственный разум. Когда мы желаем по своей воле, чтобы какая-нибудь вещь удалась, то препятствия нас раздражают, ибо мы чувствуем в этих помехах то, чего не вкладывала в них побудительная причина наших действий, и находим в них нечто такое, что чуждо нашему собственному разуму, побуждающему нас действовать.

Но когда наши действия поистине внушены нам Богом, то мы не находим во вне ничего, что исходило бы не из того же начала, которое побуждает нас действовать; нет противодействия тому, что подвигает нас; та же движущая сила, которая заставляет действовать нас, заставляет других нам сопротивляться, по крайней мере допускает это; и поскольку мы тут не находим разницы и не наш разум сражается с чуждыми вещами, но один и тот же разум, который творит добро и позволяет зло,— такое единообразие не тревожит мира в нашей душе и есть один из вернейших признаков, что мы действуем согласно Божьему разуму. Ведь куда вероятнее, что Бог позволяет это зло, как бы велико оно ни было, чем то, что Бог (а не какое-нибудь иное тайное побуждение) творит в нас добро, как бы велико оно нам ни казалось; а для того, чтобы распознать, истинно ли Бог побуждает нас действовать, нужно судить себя скорее по внешнему поведению, чем по внутренним побуждениям, потому что если мы будем заглядывать только внутрь себя, то даже обнаружив там одно только добро, мы не можем быть уверены, что это добро исходит поистине от Бога. Но когда мы смотрим на себя снаружи, то есть судим, с терпением ли мы принимаем внешние препятствия,— это значит, что существует некое единство духа между той движущей причиной, которая внушает нам наши страсти, и той, которая позволяет сопротивление нашим страстям; а поскольку несомненно, что это Бог позволяет последнее, то мы вправе смиренно надеяться, что это Бог внушает первое.

Но нет! Мы ведем себя так, словно наш долг — добиваться торжества истины, тогда как мы должны лишь бороться за нее. Желание победить так для нас естественно, что когда оно прикрывается желанием добиваться торжества истины, мы часто принимаем одно за другое и полагаем, что ищем славы Божией, хотя на самом деле ищем славы себе. То, каким образом мы переносим всяческие помехи, есть, по-моему, самый верный признак этого: ведь если мы желаем только исполнения воли Божией, то мы без сомнения должны желать торжества Его справедливости столько же, сколько и торжества Его милосердия, и при условии, что мы не можем упрекнуть себя в небрежении, нам должно быть все равно, признана ли истина или она гонима, ибо в одном случае торжествует милосердие Божие, а в другом — Его справедливость.

Pater juste, mundus te non cognovit. «Отче праведный! и мир Тебя не познал» (Ин. 17, 25). На что святой Августин говорит, что таково свойство Его справедливости — не быть познанной миром. «Будем молиться и трудиться и радоваться всему», как говорит святой Павел (I Фес. 5, 16).

Если бы вы побранили меня за первые мои провинности, я не совершил бы

этой; и я умерил бы свой пыл. Но я не сумею загладить ни той, ни другой; вы сделаете это сами, если пожелаете. Я ничего не мог с собой поделаться, в таком я был гневен на тех, кто непременно хочет, чтобы люди принимали истину, раз они ее доказывают, чего не делал Иисус Христос по Своему человечеству, это насмешка, и мне кажется...

ИЗ ПИСЬМА К ГОСПОЖЕ ПЕРЬЕ ¹⁶ (1659)

В общем, мнение их таково, что вы не можете, не оскорбляя смертельно христианской любви и вашей совести и не беря на себя вину за одно из величайших преступлений, ввергать ребенка такого возраста, такой невинности и такого благочестия в самое опасное и самое низкое для христианства состояние. Действительно, в глазах света этому делу ничто не препятствует и его можно совершить не колеблясь; но перед Богом ему все препятствует, и от него следует отказаться не колеблясь, потому что выгодный брак — вещь столь же завидная в глазах света, сколь низменная и предосудительная перед Богом. Не зная, к чему она призвана, не обладает ли она темпераментом настолько уравновешенным, что сможет благочестиво жить в девичестве, — это означает вовсе не понимать цены, которую придется платить за то, чтобы побудить ее утратить благо, столь желанное для самого человека и столь желанное отцам и матерям для их детей: коль скоро они уже не могут желать его для самих себя, то должны стремиться в детях своих вернуть Богу то, что утратили, и утратили обыкновенно не во имя Бога, а ради других причин.

К тому же мужья, как бы богаты и разумны они ни были в понятиях света, на самом деле перед Богом — настоящие язычники; так что в заключение эти господа сказали, что выдавать ребенка замуж за обыкновенного мужчину — это своего рода человекоубийство и словно богоубийство в их лице.

ПИСЬМО К ФЕРМА ¹⁷

Из Бьенасси ¹⁸, 10 августа 1660

Месье,

Вы — самый любезный человек на свете, а я несомненно принадлежу к тем, кто особо чувствителен к таким качествам и умеет бесконечно ими восхищаться, тем более, когда они соединены с талантами, коими вы обладаете как никто другой; все это обязывает меня засвидетельствовать собственноручно мою признательность за сделанное вами предложение, хотя мне еще трудно писать

и читать самому; но честь, которую вы мне оказали, так мне дорога, что самая большая спешка с ответом не будет тут неуместна. Признаюсь вам, месье, что будь я здоров, то полетел бы в Тулузу и не допустил бы, чтобы такой человек, как вы, сделал бы хоть один шаг ради такого человека, как я. Признаюсь также, что хотя я считаю вас величайшим математиком в Европе, не эти ваши достоинства меня бы привлекали, но что я предвкучаю столько ума и чести в ваших беседах, что искал бы встречи с вами ради них. Сказать вам откровенно, я считаю математику самым возвышенным упражнением для ума; но в то же время я нахожу ее столь бесполезной, что не вижу большой разницы между человеком, который всего лишь математик, и искусным ремесленником. Да, я называю ее прекраснейшим ремеслом на свете; но в конце концов это не более чем ремесло; и я часто говорю, что она хороша для испытания, но не для приложения наших сил: так что я не сделал бы и двух шагов ради математики и твердо уверен, что и вы твердо держитесь того же мнения. Но теперь у меня к этому добавляется еще и то, что я погружен в занятия, столь далекие от таких вещей, что едва помню об их существовании. Я занялся было ими год или два назад по совершенно особой причине и, исчерпав ее, мог бы больше никогда о том и не думать, разве что здоровье мое еще недостаточно поправилось; я так слаб, что не могу ходить без палки и держаться в седле. Даже в карете я могу делать всего три или четыре мили; так, из Парижа сюда я добирался двадцать два дня. Врачи посылают меня на воды в Бурбон на сентябрь, а еще два месяца назад я условился, насколько для меня это возможно, поехать оттуда в Пуату по реке до Сомюра и погостить до Рождества у господина герцога де Роаннеза, губернатора Пуату, который питает ко мне чувства, мною не заслуженные. Но так как я буду проезжать через Орлеан, направляясь в Сомюр по реке, то если здоровье не позволит мне двигаться дальше, я вернусь оттуда в Париж.

Вот какова, сударь, моя нынешняя жизнь; я счел себя обязанным рассказать вам об этом, чтобы уверить в невозможности для меня сейчас принять честь, которую вы сообразовали мне оказать и за которую я всем сердцем надеюсь когда-нибудь отблагодарить либо вас, либо ваших сыновей, коим я глубоко предан, испытывая особое почтение к тем, кто носит имя первого человека на свете. Остаюсь, и проч.

Паскаль

ПРИНЯТЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ БИБЛЕЙСКИХ КНИГ

Быт.	— Бытие	Иона	— Книга пророка Ионы
Исх.	— Исход	Мих.	— Книга пророка Михея
Чис.	— Числа	Соф.	— Книга пророка Софонии
Втор.	— Второзаконие	Агг.	— Книга пророка Аггея
Нав.	— Книга Иисуса Навина	Зах.	— Книга пророка Захарии
Суд.	— Книга Судей Израилевых	Мал.	— Книга пророка Малахии
Руфь	— Книга Руфи	Мак.	— Книга Маккавейская
Цар.	— Книга Царств		
Пар.	— Книга Паралипоменон	Мтф.	— От Матфея святое благовествование
Иудифь	— Книга Иудифи	Мк.	— От Марка святое благовествование
Иов	— Книга Иова	Лк.	— От Луки святое благовествование
Пс.	— Псалтирь	Ин.	— От Иоанна святое благовествование
Притч.	— Притчи Соломона		
Еккл.	— Книга Екклесиаста или Проповедника	Деян.	— Деяния святых апостолов
Песн.	— Песнь песней Соломона	Иак.	— Послание Иакова
Прем.	— Книга Премудрости Соломона	Пет.	— Послание Петра
Сир.	— Книга Премудрости Иисуса, сына Сирахова	Рим.	— Послание к Римлянам
Ис.	— Книга пророка Исаии	Кор.	— Послание к Коринфянам
Иер.	— Книга пророка Иеремии	Гал.	— Послание к Галатам
Плач	— Плач Иеремии	Флп.	— Послание к Филиппийцам
Иез.	— Книга пророка Иезекииля	Фес.	— Послание к Фессалоникийцам
Дан.	— Книга пророка Даниила	Тит.	— Послание к Титу
Ос.	— Книга пророка Осии	Евр.	— Послание к Евреям
Иоил.	— Книга пророка Иоила	Откр.	— Откровение апостола Иоанна Богослова (Апокалипсис)
Ам.	— Книга пророка Амоса		

КОММЕНТАРИИ

Жизнь господина Паскаля

¹ *Ле Пайёр* (? — 1654) — друг Этьена Паскаля, математик-самоучка, впрочем, предпочитавший высокой науке музыку, танцы, сочинение легкомысленных стихов и вообще жизнь беззаботную и рассеянную.

² *Жетоны* — разноцветные кружочки различного достоинства (20, 50 единиц и так далее), с помощью которых вели счет в XVII веке.

³ *...Некий человек, который обучал новой философии...* — Жак Фортон, сьер де Сент-Анж Монкар, священник и богослов, автор нескольких философско-теологических сочинений; среди них «О естественном суждении» (1637—1645) и «Рассуждение о союзе разума и веры» (1642).

⁴ *Пор-Рояль-в-Полях* — женский монастырь Пор-Рояль имел два помещения, в самом Париже и в его окрестностях; загородный Пор-Рояль и назывался Пор-Рояль-в-Полях.

⁵ *...чтобы свечу зажженную покрывали сосудом...* — Имеются в виду евангельские слова: «Никто, зажегши свечу, не покрывает ее сосудом, или не ставит под кровать, а ставит на подсвечник, чтобы входящие видели свет» (Лк. 8, 16).

⁶ *Трактат о книгах Моисеевых* — «Рассуждение о доказательствах книг Моисеевых» (1672) Жана Филло де Лашеза, почитателя Паскаля и издателя «Мыслей».

⁷ *Один человек* — герцог Артюс Гуфье де Роаннез (1627—1696). Его тесная дружба с Паскалем завязалась осенью 1653 года. После его смерти герцог в течение семи лет был председателем комитета по изданию «Мыслей».

⁸ *Дело с каретами* — предприятие, которым Паскаль вместе с герцогом де Роаннезом и еще несколькими людьми занимался незадолго до смерти. Оно состояло в открытии в Париже первого маршрута общественного транспорта; по нему двигались кареты, за место в которых надо было платить всего пять су. Затея увенчалась полным успехом.

⁹ *Отель-Двё* — самая старинная больница Парижа, расположенная вблизи собора Парижской богоматери.

¹⁰ *...один человек, замечательный величием ума и благородством...*— Жан Дома (1625—1696), известный адвокат, близкий друг Паскаля, набросавший его портрет в юности и присутствовавший при его кончине.

¹¹ *Псалом 118* — в принятой Православной Церковью нумерации это Псалом 117.

¹² *Памятка* — рассылавшаяся прихожанам записка с каким-нибудь нравоучительным текстом, предлагавшимся как тема для размышлений. Подобные записки, хотя и более светского содержания, раздавались хозяевами некоторых салонов их завсегдатаям.

¹³ *...будто он незадолго до смерти отрекся...*— Имеется в виду от своих проянсенистских воззрений.

Заметки о жизни господина Паскаля

Перевод сделан по изданию: Pascal. Œuvres complètes. Paris, Gallimard (Bibliothèque de la Pléiade), 1954.

¹ *Мерсенн* Марен (1588—1648) — францисканский монах, богослов, математик и философ; близкий друг Декарта. В 1635 году он основал свою Академию, где общались между собой французские и иностранные ученые, представители различных научных и теологических школ.

² *Каркави* Пьер де (1603—1684) — ученый, математик и библиофил, друг Декарта, Паскаля и Ферма.

³ *Насчет автомата* — Декарт полагал, что в человеке неодушевленный телесный механизм, «автомат», соединяется с мыслящей душой.

⁴ *Тонкая материя* — по Декарту, особое вещество; в частности, он считал, что в опытах с «Торричеллиевой трубкой» пространство над столбиком ртути заполнено тонкой материей.

МЫСЛИ

4. ¹ * *Пирронисты* — последователи греческого философа Пиррона (ок. 360—270 до н. э.), родоначальника скептицизма.

² *Догматики* — последователи Аристотеля.

* Первая цифра означает номер фрагмента, следующая — номер примечания внутри этого фрагмента.

5. ¹ *Машина* — декартовское понятие. Все то в человеке, что проистекает не из разумной мысли, повинуется некоему механизму, заключенному в нашем теле и влияющему даже на душу через воображение и страсти. Чтобы устранить препятствия, создаваемые телом, нужно покорить тело, выработать в себе как бы искусственную природу, которая будет подчиняться разумной воле, а не противиться ей.

7. ¹ Праведный верою жив будет (Рим. 1, 17).

² Вера от слышания [а слышание от слова Божия] (Рим. 10, 17).

³ Не «знаю», но «верую».

14. ¹ [Потому что] тварь покорила суете [не добровольно, но по воле покорившего ее, в надежде, что и сама тварь] освобождена будет [от рабства тлению в свободу славы детей Божиих] (Рим. 8, 20—21).

² *...то место из святого Иакова о предпочтении, оказываемом богатым...*— «Если в собрание ваше войдет человек с золотым перстнем, в богатой одежде, войдет же и бедный в скудной одежде, и вы, смотря на одетого в богатую одежду, скажете ему: «тебе хорошо сесть здесь»,— а бедному скажете: «ты стань там», или «садись здесь, у ног моих», то не пересуживаете ли вы в себе и не становитесь ли судьями с худыми мыслями?» (Иак. 2, 2—4).

15. ¹ *Персей* — царь Македонии. В 168 г. до н. э. он был разбит в битве при Пидне войсками римлян во главе с Луцием Эмилием Павлом (228—160 до н. э.). Когда Эмилию Павлу передали просьбу Персея о том, чтобы его не вели за колесницей победителя во время триумфального шествия, тот ответил: «Пусть он попросит об этом самого себя» (то есть покончит с собой).

18. ¹ *Кончик капюшона воздвигает на барьбу 25 000 монахов.*— В XIII—XIV вв. монашеский орден францисканцев сотрясали споры о форме капюшона на их рясах.

27. ¹ Великим мира сего часто любезны перемены (Г о р а ц и й. Оды, III, 29).

29. ¹ Дикое племя, которое не представляет себе жизни без оружия (Т и т Л и в и й. История Рима, XXIV, 17).

44. ¹ *Пушистые коты* — этот образ для судейских придумал Рабле («Пантагрюэль», V).

² О мнении, владыке мира (*ит.*).

48. ¹ О смехотворнейший герой! (*ит.*)

60. ¹ Не остается ничего нашего, и то, что я называю нашим, есть просто ухищрение — сильно измененные слова Цицерона («О высшем благе и высшем зле», V, 21); так они процитированы у Монтеня.

² На основании постановлений сената и решений народа творятся преступления (Сенек а. Письма, 95, 30).

³ Подобно тому как когда-то мы страдали от преступлений, так страдаем теперь от законов (Т а ц и т. Анналы, III, 25).

⁴ Когда не ведаешь освобождающей истины, кажется, что лучше обманываться --- неточная цитата из святого Августина.

62. ¹ ...человек, заручившийся благосклонностью английского короля, польского короля и шведской королевы... --- Речь здесь идет о бренности земного величия: английского короля Карла I казнили в 1649 году, польский король Ян Казимир в 1656 году был свергнут, шведская королева Кристина в 1654 году отреклась от престола.

63. ¹ Дети в Пор-Рояле, которых оберегают от этих укусов зависти и тщеславия... --- Янсенисты в своих «маленьких школах» всячески старались избегать духа состязательности у детей, поэтому они не хвалили и не бранили детей, не раздавали наград (в отличие от иезуитов, которые такими педагогическими средствами пользовались очень широко).

65. ¹ Каждый гумор крови... --- По Гиппократу, жизнь организма определяется четырьмя жидкостями (гуморами): кровью, желтой желчью, черной желчью и флегмой (слизью). В зависимости от преобладания того или иного гумора человек наделен одним из четырех темпераментов: сангвиническим, холерическим, меланхолическим или флегматическим.

67. ¹ «Паси овец Моих» (Ин. 21, 17), а не твоих.

68. ¹ Проходит, как память об однодневном госте (Прем. 5, 14).

76. ¹ Блажен, кто смог познать причины вещей (В е р г л и й. Георгики, II, 489).

² Ничему не удивляться -- вот едва ли не единственное, чем можно достичь блаженства и сбросить его (Г о р а ц и й. Послания, I, VI, I).

³ [Какое] из этих мнений [верное? Только богу известно] (Ц и ц е р о н. Тускуланские беседы, I, II).

82. ¹ Если [не обратитесь и] не будете, как дети, [не войдете в Царство Небесное] (Мтф. 18, 3).

84. ¹ ...это происходит с помощью числа и движения... Декарт писал: «Телесная машина создана так, что все изменения, проистекающие из движения духов, могут открывать те или иные поры в мозгу» («Трактат о страстях», I, 16).

85. ¹ Высшее право есть высшая несправедливость (Теренций. Сам себя истязавший, IV, 5, 47).

² *Конец Двенадцатого «Письма к провинциалу».*— Этот отрывок звучит так: «Удивительная и долгая война — та, в которой насилие пытается подчинить себе истину. Все атаки насилия не могут ослабить истину и только поднимают ее еще выше. Весь свет истины не может остановить насилия и только еще больше его раздражает. Когда сила борется с силой, более мощная разрушает менее мощную; когда рассуждения противостоят рассуждениям, те, что истинны и убедительны, разбивают и рассеивают те, в которых только тщета и ложь; но насилие и истина ничего не могут поделать друг с другом. Из этого не следует заключать, что они равны между собой; между ними та огромная разница, что насилию полагают предел веления Бога, направляющего его последствия к славе той самой истины, на которую оно нападает, тогда как истина не умирает и в конце концов торжествует над своими врагами, ибо она вечна и всемогуща, как Сам Бог».

86. ¹ Об истинном праве.

89. ¹ *Странно, что Монтень не видит, какая тут разница...*— У Монтеня говорится: «Все вещи, кроме нас самих, оцениваются только по их собственным качествам. Мы хвалим коня за силу и резвость, а не за сбрую; борзую за быстроту бега, а не за ошейник; ловчую птицу за крылья, а не за цепочки и бубенчики. Почему таким же образом не судить нам и о человеке по тому, что ему присуще? Он ведет роскошный образ жизни, у него прекрасный дворец, он обладает таким-то влиянием, таким-то доходом; но все это — при нем, а не в нем самом» (1, 42).

98. ¹ *Эпиктет* (ок. 50 — ок. 130) — греческий философ-стоик.

99. ¹ Худые сообщества развращают добрые нравы (I Кор. 15, 33).

109. ¹ *Академики* — то есть последователи Платона, чья школа называлась «Академия» (по названию местности, где она располагалась).

122. ¹ *Д. П.-Р.*— Для Пор-Рояля. Этими буквами помечены фрагменты, составляющие часть тех заметок, которые Паскаль приготовил для своего выступления в Пор-Рояле в 1658 году с рассказом о плане «Апологии».

127. ¹ Буквально: «склонность гнать прочь», инстинкт сторожевой собаки.

131. ¹ Радость моя *была* с сынами человеческими (Притч. 8, 31).

² Излию от Духа Моего на всякую плоть (Иоил. 2, 28).

³ Вы — боги (Пс. 81, 6).

⁴ Всякая плоть — трава (Ис. 40. 6).

⁵ Человек... уподобится животным, которые погибают (Пс. 48, 13).

⁶ Сказал я в сердце своем о сынах человеческих [чтоб испытал их Бог, и чтобы они видели, что они сами по себе — животные] (Еккл. 3, 18).

136. ¹ ...совет, который дали Пифру...— Этот античный анекдот рассказывается у Монтеня (1, 42): «Когда царь Пирр намеревался двинуться на Италию, Кинеад, его мудрый советчик, спросил, желая дать ему возможность почувствовать всю суетность его тщеславия: «Ради чего, государь, затеял ты это великое предприятие?» — «Чтобы завоевать Италию»,— сразу же ответил царь. «А потом?» — «Я двинусь... в Галлию и в Испанию».— «Ну, а потом?» — «Я покорю Африку и, наконец, подчинив себе весь мир, буду отдыхать и жить в свое полное удовольствие».— «Клянусь богами, государь,— продолжал Кинеад,— что же мешает тебе и сейчас, если ты хочешь наслаждаться всем этим? Почему бы тебе сразу не поселиться там, куда ты, по твоим уверениям, стремишься, и не избежать всех тяжелых трудов и всех случайностей, стоящих на пути к твоей цели?». *Пифр* (319—272 до н. э.) — царь Эпира. Это с его именем связано выражение «пиррова победа».

140. ¹ [Я есмь] путь и истина [и жизнь] (Ин. 14, 6).

² *Зенон* (ок. 335 — ок. 262) — греческий философ, основатель стоической школы. Он был известен своими добродетелями; но, по Паскалю, все равно был грешен, ибо жил в языческом мире и руководствовался его понятиями.

145. ¹ *Три похоти*.— В I Послании Иоанна (2, 16) сказано: «Ибо все, что в мире: похоть плоти, похоть очей и гордость житейская, не есть от Отца, но от мира сего».

147. ¹ Чтобы ты довольствовался самим собой и теми благами, которые от тебя исходят (Сенек а. Письма, XX, 8).

149. ¹ *Прозопоия* — литературный прием, состоящий в том, чтобы приписывать слова и чувства неодушевленным предметам, мертвецам и т. д.

171. ¹ Они приняли слово со всем усердием, ежедневно разбирая Писания, точно ли это так (Деян. 17, 11).

172. ¹ Скорее страх, чем веру.

184. ¹ Взгляните на меня; буду ли я говорить ложь [пред лицом вашим] (Иов. 6, 28).

189. ¹ Ибо, когда мир своею мудростью не познал Бога в премудрости Божией, то благоугодно было Богу юродством проповеди спасти верующих (I Кор. 1, 21).

190. ¹ Что приобрели любознательностью, то потеряли через гордыню (Святой Августин. Проповедь 141).

191. ¹ Чем ты лучше, тем станешь хуже, если припишешь самому себе то, что есть в тебе доброго.— Слова святого Бернарда.

193. ¹ ...дикарям нечего делать в Провансе.— Реминисценция из Монтеня: «Благодаря привычке всякому нравится та местность, где природа судила ему родиться; и дикарям из Шотландии нечего делать в Турени, а скифам — в Фессалии» (1, 23).

199. ¹ «Обо всем, доступном познанию».— Заглавие сочинения Джованни Пико делла Мирандолы (1463—1494), итальянского философа-неоплатоника.

² Цитата из Тацита, приведенная у Монтеня (III, 8): «Благоденствия приятны только тогда, когда знаешь, что можешь за них отплатить; когда же они непомерны, то вместо благодарности воздаешь за них ненавистью».

³ Способ, каким дух соединяется с телом, не может быть понятен человеку; а между тем это и есть человек (Святой Августин. О граде Божием, 21, 10).

206. ¹ Вещь они видели, причину ее — нет.— Слова святого Августина о Цицероне, описывавшем ничтожество человеческое («Против Пелагия», IV, 60).

207. ¹ Цельс — греческий писатель, автор антихристианского сочинения «Истинное слово» (ок. 176), от которого сохранились лишь незначительные отрывки в трудах его оппонентов.

² Порфирий (ок. 233 — ок. 300) — греческий философ-неоплатоник. 15 книг, написанных им против христиан, утеряны.

211. ¹ Измышление зла.

213. ¹ Заслуживая побоев больше, чем поцелуев, я не боюсь, потому что люблю.— Слова святого Бернарда.

221. ¹ Мало того, что [ты будешь рабом Моим для восстановления колен Иаковлевых] (Ис. 49, 6).

² Свет к просвещению язычников (Лк. 2, 32).

³ Не сделал Он того никакому другому народу (Пс. 147, 9).

⁴ Он сделал это всякому народу; мало того, что и т. д.

224. ¹ Чудеса Веспасиана.— Веспасиан (9—72) — римский император. У Тацита рассказывается, что Веспасиан исцелил в Александрии слепого, помазав ему глаза своей слюной, и паралитика, наступив ему на руку, чему были свидетели.

228. ¹ Да не узрят очами (Ис. 6, 10).

236. ¹ *Монт. Сабунд.*— Имеется в виду 12 глава II книги «Опытов» Монтеня — «Апология Раймунда Сабундского».

² *Фамарь* — хананейка, родившая двух сыновей Иуде; один из них был праотцем Христа (Быт. 38; Мтф. 1, 3).

³ *Руфь* — моавитянка, бабка Давида и, следовательно, прародительница Христа. Ее история рассказывается в Книге Руфи.

237. ¹ [И будет он] освящением и... скалою соблазна (Ис. 8, 14).

242. ¹ Истинно Ты — Бог сокровенный (Ис. 45, 15).

246. ¹ *Судьба народов... двумя людьми, встретившимися Моисею...*— «Моисей... увидел, ...что Египтянин бьет одного Еврея из братьев его. Посмотрев туда и сюда и видя, что нет никого, он убил Египтянина, и скрыл его в песке. И вышел он на другой день, и вот, два Еврея ссорятся: и сказал он обижающему: зачем ты бьешь ближнего твоего? А тот сказал: кто поставил тебя начальником и судью над нами? не думаешь ли убить меня, как убил Египтянина?» (Исх. 2, 11—14).

247. ¹ *...святой Павел говорит...*— ...В Послании к Евреям, 8, 4—5.

248. ¹ *Горящие борода и волосы.*— Имеется в виду рассказ пророка Даниила о трех иудеях, оставшихся невредимыми в горящей печи, куда их бросили по приказу царя Навуходоносора (Дан. 3, 94).

249.¹ Истинные поклонники (Ин. 4, 23).

² Вот Агнец Божий, Который берет [на Ссбя] грех мира (Ин. 1, 29).

250. ¹ Сильный (Пс. 44, 4).

251. ¹ *Авг., О хр. уч.*— Святой Августин, «О христианском учении».

253. ¹ Подлинно Израильтянин (Ин. I, 47).

² Истинно свободны (Ин. 8, 36).

255. ¹ *...мем означает 600 лет.*— Буквы древнееврейского алфавита имели разные числовые значения и разную графику в зависимости от своего положения в слове. Поэтому пророчество Исаии о рождении Младенца (9, 6) подвергалось различным толкованиям.

256. ¹ *Мессия... видел его.*— «Когда же собрались фарисеи, Иисус спросил их: Что вы думаете о Христе? чей Он сын? Говорят Ему: Давидов. Говорит им: как же Давид, по вдохновению, называет Его Господом?.. Итак, если Давид называет Его Господом, как же Он сын ему? И никто не мог отвечать Ему ни слова» (Мтф. 22, 41—46).— «Авраам, отец ваш, рад был увидеть день Мой; и увидел и возрадовался. На это сказали Ему Иудеи: Тебе нет еще пятидесяти лет,— и Ты видел Авраама? Иисус сказал им: истинно, истинно говорю вам: прежде нежели был Авраам, Я есмь» (Ин. 8, 56—58).

257. ¹ *...согласовать предсказания Осии... с пророчеством Иакова.*— «Ибо долгое время сыны Израилевы будут оставаться без царя и без князя и без жертвы, без жертвенника, без ефода и терафима» (Ос. 3, 4). *Ефод* — верхняя одежда первосвященника; *терафим* — изображение домашнего божества, рудимент язычества у иудеев. *Пророчество Иакова* — «Не отойдет скипетр от Иуды и законодатель от чресл его, доколе не придет Примиритель, и Ему покорность народов» (Быт. 49, 10).

259. ¹ Агнец, закланный от создания мира (Откр. 13, 8).

² Бесперывное жертвоприношение.

266. ¹ *...пророчество их оказалось ложным при Ироде.*— Царь Ирод был не из колена Иудина.

270. ¹ *...одно только нужно.*— Лк. 10, 42.

² *Сосцы возлюбленной* — выражение из Песни песней (4, 5). По толкованию некоторых талмудистов, оно обозначает двух Мессий — Спасителей, одного из колена Иудина, Который не умрет и Чье царство будет длиться вечно, а другого — смертного из колена Ефремова.

272. ¹ Седи одесную Меня (Пс. 109, 1).

² Возгорится гнев (Ис. 5, 25).

³ Ибо он укрепляет веревы ворот твоих (Пс. 147, 2).

⁴ *...недостающие цад и ге означают таинства* — см. прим. к фр. 255.

274.¹ *Моисей Маймонид* (1135—1204) — еврейский философ, жил в качестве врача при дворе египетского султана Салах-ад-дина; его учение, соединявшее библейское откровение с арабским аристотелизмом, оказало немалое влияние на схоластическую философию.

² *Каббала* — мистическое течение в иудаизме, развивавшее традиции аллегорического толкования Библии.

275. ¹ Но чтобы вы знали, что Сын Человеческий имеет власть [на земле] прощать грехи,— [говорит расслабленному]: Тебе говорю: встань (Мк. 2, 10—11).

277. ¹ «*Кинжал веры*» — книга испанского монаха-доминиканца Раймунда Мартини (XIII в.). Ее полное название — «Кинжал христиан, пронзающий вероломство нечестивых, а в особенности иудеев». Раймунд Мартини был членом комиссии, назначенной французским королем Людовиком Святым для «проверки на богохульство» иудаистских книг, очень распространенных в Европе в то время. Результатом этой работы и был «Кинжал веры» — одновременно реферат, сборник и опровержение трудов раввинов. Для Паскаля эта книга была основным источником сведений по иудаизму.

² *Сифра* — толкование к Книге Левит.

³ *Барайта* — буквально «внешнее», внемишнаитское учение; то, что не вошло в Мишну и было использовано в других сборниках.

⁴ *Тосефта* — сборник добавлений к Мишне.

⁵ *Бар Нахони* — возможно, Рабба бар Нахмани, один из авторов Вавилонского Талмуда.

278. ¹ *Моисей га-Даршан* (XI в.) — толкователь Библии, жил в Нарбонне.

² *Сукка* — трактат Мишны, Тосефты и обоих талмудов, рассматривающий преимущественно постановления о празднике Кущей.

³ *Мидраш* — книга толкований, стремящихся проникнуть в дух Писания. Мидраш делятся на морально-назидательные (агадические) и чисто законодательные (галахические). *Тегиллим* — Псалтирь.

⁴ *Когелет* — библейская книга Екклесиаст.

281. ¹ *Енох* — библейский патриарх; в Послании Иуды говорится: «...Пророчествовал и Енох, седьмой от Адама, говоря: «се, идет Господь со тьмами [Ангелов] Своих, сотворить суд над всеми» (14—15).

² *Ламех* — внук Еноха и отец Ноя.

³ На помощь Твою надеюсь, Господи! (Быт. 49, 18).

⁴ *Кружок в Монтене* — одна из пометок, которые делал Паскаль в своем издании «Опытов».

283. ¹ *Шесть веков... шесть восходов...* — Шесть веков, по святому Августину, соответствуют шести дням Творения. Их утра, «восходы», — это Творение, отплытие Ноева ковчега, призвание Авраама, царствование Давида, вавилонское пленение, проповедь Христа.

290. ¹ *Другой кружок* — см. прим. 4 к фр. 281.

295. ¹ Если бы все в народе Господнем были пророками (Чис. 11, 29).

² *Он утомился от народа.* — Моисей говорит, обращаясь к Господу: «Я один не могу нести всего народа сего; потому что он тяжел для меня» (Чис. 11, 14).

301. ¹ Излию от Духа Моего [на всякую плоть] (Иоил. 2, 28).

312. ¹ Читай то, что было возведено. Узри то, что исполнилось. Собирай то, что следует исполнить.

316. ¹ *Смерть святого Стефана* — в «Деяниях святых Апостолов», книге, приписываемой евангелисту Луке, рассказывается, что когда Стефан, один из первых учеников апостолов, был обвинен в нарушении законов Моисеевых, он отвечал речью, в которой обличал своих гонителей, а принимая мученическую смерть, молился за своих убийц.

317. ¹ *Иосиф Флавий* (37 — после 100) — еврейский историк, автор «Иудейской войны» и «Иудейских древностей».

² *Филон Александрийский* (ок. 25 до н. э.— ок. 50 н. э.) — иудейско-эллинистический философ. *Ad Caium* («О посольстве к Гаю») — сочинение Филона Александрийского, рассказывающее о его поездке в Рим с протестом против воздвижения статуй императора в александрийских синагогах и в Иерусалимском храме.

³ *Четвертое царство*. — Имеется в виду истолкование, которое пророк Даниил дал сну царя вавилонского Навуходоносора об истукане с золотой головой, серебряной грудью, медным чревом и частью железными, частью глиняными ногами. Этот истукан символизирует четыре царства: «Ты (Навуходоносор) — это золотая голова! После тебя восстанет другое царство, ниже твоего, и еще третье царство, медное, которое будет владычествовать над всею землею. А четвертое царство будет крепко, как железо... А что ты видел ноги и пальцы на ногах частью из глины горшечной, а частью из железа, то будет царство разделенное, и... частью крепкое, частью хрупкое... И во дни тех царств Бог Небесный воздвигнет царство, которое вовеки не разрушится, и царство это не будет передано другому народу; оно сокрушит и разрушит все царства, а само будет стоять вечно» (Дан. 2, 38—44).

320. ¹ *Макробий Амвросий Феодосий* (ок. 400—?) — римский писатель, эрудит и филолог, автор книг, посвященных вопросам грамматики, философии, риторики, комментированию сочинений Вергилия и Цицерона.

323. ¹ Поклонятся пред Тобою все племена язычников (Пс. 21, 28).

² См. прим. 1 к фр. 221.

³ Проси у Меня [и дам народы в наследие Тебе] (Пс. 2, 8).

⁴ И поклонятся ему все цари (Пс. 71, 11).

⁵ Свидетели неправедные (Пс. 34, 11).

⁶ Подставляет ланиту свою биющему его, пресыщается поношением (Плач 3, 30).

327. ¹ ...после того, как вы убьете наследника виноградника. — Имеется в виду притча о виноградарях, прогнавших одного за другим рабов, посланных к ним за плодами хозяином виноградника, а затем убивших его сына, чтобы завладеть наследством (Лк. 20, 9—16).

329. ¹ *Камень Даниила* — во сне Навуходоносора камень сам оторвался от горы и разрушил огромного истукана (см. прим. 3 к фр. 317); по толкованию Даниила, этот камень означает царство, которое «сокрушит и разрушит все царства, а само будет стоять вечно»; у христианских апологетов — это царство Христа.

334. ¹ *Иаддуй Александру*.— У Иосифа Флавия в «Иудейских древностях» рассказывается, что иудейский первосвященник Иаддуй держался с Александром Македонским очень твердо и заставил царя-завоевателя почитать Бога иудеев.

337. ¹ *Бар-Кохба* — предводитель восстания евреев против римского владычества (132—135). Восстание поначалу было весьма успешным, но в конце концов потерпело поражение, и Бар-Кохба был убит. В «Кинжале веры» говорится: «Они сделали из Бар-Кохбы своего Мессию в Иерусалиме, а после его смерти сделали из Биттера второго Бар-Кохбу; а когда и этот был убит римлянами, они вопреки рассудку ждали третьего Мессию».

² *Свет*.— Гай Светоний Транквилл (ок. 70 — ок. 140), римский историк. Паскаль, очевидно, хотел поговорить о том, что современные Христу историки рассказывали (и что умалчивали) о Христе.

340. ¹ Нет у нас царя, кроме кесаря (Ин. 19, 15).

343. ¹ *Умер великий Пан*.— Древнегреческий бог стад, лесов и полей Пан воспринимался как олицетворение языческой природы. У Плутарха есть рассказ о том, как мореплаватель Фамос услышал у берегов пустынного острова голос, произносящий весть о смерти Пана и повелевающий Фамосу ее прокричать. Когда Фамос это сделал, раздались горестные восклицания и плач целого невидимого хора. Этот чудесный случай произошел в царствование римского императора Тиберия, то есть в начале христианской эры, и истолковывался как знамение гибели языческого мира.

345. ¹ См. прим. 1 к фр. 221.

347. ¹ [Я простираю руки Мои] к народу непослушному и упорному (Рим. 10, 21).

350. ¹ *Иафет начинает родословную*.— Описка Паскаля: из сыновей Ноя родословная Христа (и всего еврейского народа) восходит не к Иафету, а к Симу.

² *Иосиф перекрещивает руки и отдает предпочтение младшему*.— Неточная фраза: речь идет о том, что Иаков, отец Иосифа, благословляя внуков, возложил правую руку на голову младшего, Ефрема; Иосиф указал отцу, что тот предпочитает младшего, и пытался переложить его руки, но Иаков ответил: «Знаю, сын мой, знаю... Но меньший... брат будет больше его, и от семени его произойдет многочисленный народ» (Быт. 48, 13—20).

369. ¹ Будем твердо стоять за народ наш и за города Бога нашего,— и Господь пусть сделает, что Ему угодно (I Пар. 19, 13).

372. ¹ Соединяющийся с Господом есть один дух [с Господом] (I Кор. 6, 17).

379. ¹ Ссылка на «Сумму теологии», сочинение Фомы Аквинского: часть I, вопр. 113, параграф 10, ответ на 2 возражение.

380. ¹ Приклони сердце мое к [откровениям Твоим] (Пс. 118, 36).

382. ¹ Тех, кто его любит.

² Бог склоняет сердца тех...

384. ¹ *Маккавеи* — иудейский род, возглавивший героическое и победоносное сопротивление сирийскому царю Антиоху Эпифану, пытавшемуся силой искоренить иудейскую религию; затем Маккавеи стали первосвященниками и правителями иудеев (II—I вв. до н. э.).

² *Массофа* — сборник текстологических трудов иудаистских ученых, имевший целью закрепить и сберечь канонический текст Ветхого Завета.

386. ¹ [Ибо] упражнение в нечестии [помрачает доброе, и волненис похоти развращает ум незлобивый] (Прем. 4, 12).

396. ¹ *Мадемуазель Перье* — Жильберта, замужняя сестра Паскаля; замужних женщин буржуазного сословия в XVII веке было принято именовать «мадемуазель», а не «мадам», как аристократок.

408. ¹ См. прим. I к фр. 76.

² Блажен, кто ничему не удивляется (Г о р а ц и й. Послания. II, II, 61).

³ *280 видов истинного блага у Монтеня.* — «Философы ни о чем не спорят так страстно и так ожесточенно, как по поводу того, в чем состоит истинное благо человека; под подсчетом Варрона, существовало двести восемьдесят восемь школ, занимавшихся этим вопросом» («Опыты» II, 12). *Марк Теренций Варрон* (116 до н. э. — 27 до н. э.) — римский ученый.

410. ¹ *Де Барро* (1602—1673) — поэт-либертин, известный своим распутством, дурными манерами и богохульными выходками; однако в периоды болезни он раскаялся и даже писал благочестивые стихи.

418. ¹ *Туаз* — старинная французская мера длины, равная 1, 949 м.

427. ¹ См. прим. I к фр. 242.

433. ¹ Пророки: Зачем мягутся народы, [и племена замышляют тщетное?] Восстают цари земли, [и князья совещаются вместе против Господа и] против Помазанника Его (Пс. 2, 1—2).

436. ¹ ...Троя и Агамемнон — такой же вымысел, как и золотое яблоко.— Имеется в виду миф о золотом яблоке с надписью «Прекраснейшей», за которое спорили три богини — Гера, Афина и Афродита,— что и послужило причиной Троянской войны.

² *Сивиллины Книги*.— Сивиллы — древние пророчицы. Под именем «Сивиллиных Книг» в Риме тщательно хранился сборник предсказаний, написанных по-гречески и изложенных весьма невнятно; к нему прибегали жрецы в дни общественных бедствий. Сборник был сожжен в 389 г. по приказу императора Феодосия.

³ *Трисмегист* («Трижды величайший») — этим именем греки называли бога Гермеса, в эллинистическую эпоху отождествлявшегося с египетским божеством Тотом. Ему приписывалось авторство сорока двух оккультных книг. Кое-что из этих греческих текстов сохранилось до Нового времени.

437. ¹ Я человек, испытавший [горе от жезла гнева Его] (Плач 3, 1).

451. ¹ *Двенадцать таблиц* — древнейший письменный свод римских законов (451—450 до н. э.).

453. ¹ Раздирайте сердца ваши, [а не одежды ваши]. (Иоил. 2, 13).

² Помилуй [меня, Боже] — 50 Псалом Давида, начинающийся этим словом.

³ Я ожидал.

⁴ [И попустил им] учреждения недобрые (Иез. 20, 25).

⁵ ...*По чину Мелхиседека*.— Мелхиседек — «царь праведности», хананейский царь и священник. Он благословил Авраама (Быт. 14, 18). В Псалме 109 Мессия называется «священником по чину Мелхиседека». Апостол Павел в Послании к Евреям говорит о Мелхиседеке, не происходившем из священнического колена Левия, как о прообразе Христа — «священника иного», «который таков не по закону заповеди плотской, но по силе жизни непрестающей» (7, 16).

⁶ Господь сказал.

481. ¹ *Историки... восемьсот лет*.— У Монтеня говорится: «Жители мексиканского королевства... верили, что существование мира подразделяется на пять периодов и это связано с жизнью пяти последовательно сменявших друг друга солнц, из которых четыре уже прожили свои сроки, а то, что их освещает,— пятое... Принятая у них дата гибели четвертого солнца совпадает по времени с тем сочетанием небесных светил,

которое, как полагают наши астрологи, приблизительно восемьсот лет назад принесло миру великие и многочисленные новшества и изменения» (III, 6).

483. ¹ *...вашей матери.*— У Паскаля: «синагоги».

² *Вы, которые возжигаете огонь...*— У Паскаля здесь добавлено: «гнева Господня на вас».

³ *Пророк... за них.*— Эти слова принадлежат самому Паскалю.

⁴ *Аггей 2, 4.*— На самом деле Паскаль цитирует Книгу пророка Аггея, начиная с третьего стиха второй главы.

⁵ *Зоровавель* — иудейский князь из дома Давидова, вождь израильтян, возвратившихся из Вавилона. Он положил начало восстановлению Храма.

⁶ *Иисус, сын Иоседеков* — сын и преемник первосвященника Иоседека, вместе с Зоровавелем старавшийся восстановить храм и богослужение в Иерусалиме; один из прообразов Христа.

⁷ *...как сказано в другом месте.*— Паскаль имеет в виду Пс. 49, 8—15.

485. ¹ *Аппион* (ок. 100 — ок. 170) — греческий историк из Александрии.

² *Юстин* (? — ок. 165) — странствующий проповедник и писатель, обратившийся в христианство.

³ *Рафия* — прибрежный город в Палестине.

486. ¹ Горе тем, которые постановляют несправедливые законы (Ис. 10, 1).

Пойди, народ мой, войди в покои твои, и запри за собой двери твои, укройся на мгновение, доколе не пройдет гнев (Ис. 26, 20).

Горе венку гордости (Ис. 28, 1).

Земля сетует, сохнет; Ливан постыжен, увял (Ис. 33, 9).

Ныне Я восстану, говорит Господь, ...ныне вознесусь (Ис. 33, 10).

Все народы перед ним как ничто (Ис. 40, 17).

Кто возвестил об этом изначально, чтобы нам знать, и задолго перед тем, чтобы нам можно было сказать: «правда»? (Ис. 41, 26).

Я сделаю, и кто отменит это? (Ис. 43, 13).

Он не может... сказать: «не обман ли в правой руке моей»? (Ис. 44, 20).

Помни это, Иаков и Израиль, ибо ты раб Мой; Я образовал тебя; раб Мой ты, Израиль, не забывай Меня.

Изглажу беззакония твои, как туман, и грехи твои, как облако; обратись ко Мне, ибо Я искупил тебя.

Торжествуйте, небеса, ибо Господь соделал это... Ибо искупил Господь Иакова, и прославится в Израиле.

Так говорит Господь, искупивший тебя и образовавший тебя от утробы матерней: Я Господь, Который сотворил все, один распростер небеса и Своею силою разостлал землю. (Ис. 44, 21—24).

В жару гнева Я сокрыл от тебя лице Мое на время, но вечною милостию помилую тебя, говорит Искупитель твой Господь (Ис. 54, 8).

Который вел Моисея за правую руку величественною мышцею Своею, разделил пред ними воды, чтобы сделать Себе вечное имя (Ис. 63, 12).

Так вел Ты народ Твой, чтобы сделать Себе славное имя (Ис. 63, 14).

Только Ты — отец наш; ибо Авраам не узнаёт нас, и Израиль не признаёт нас своими (Ис. 63, 16)

Для чего, Господи, Ты попустил... ожесточиться сердцу нашему, чтобы не бояться Тебя? (Ис. 63, 17).

Те, которые освящают и очищают себя в роцах... все погибнут, говорит Господь (Ис. 66, 17).

Говоришь: «так как я невинна, то верно гнев Его отвратится от меня». — Вот, я буду судиться с тобою за то, что говоришь: «я не согрешила» (Иер. 2, 35).

Они умны на зло, но добра делать не умеют (Иер. 4, 22).

Смотрю на землю — и вот, она разорена и пуста, — на небеса, и нет на них света.

Смотрю на горы — и вот, они дрожат, и все холмы колеблются.

Смотрю — и вот, нет человека, и все птицы небесные разлетелись.

Смотрю — и вот, Кармил — пустыня, и все города его разрушены от лица Господа, от ярости гнева Его.

Ибо так сказал Господь: вся земля будет опустошена, но совершенного истребления не сделаю (Иер. 4, 23—27).

И сказал я сам в себе: это, может быть, бедняки; они глупы, потому что не знают пути Господня, закона Бога своего.

Пойду я к знатым и поговорю с ними, ибо они знают путь Господень, закон Бога своего. Но и они все сокрушили ярмо, расторгли узы.

За то поразит их лев из леса... барс будет подстерегать у городов их... (Иер. 5, 4—6).

Неужели Я не накажу за это? говорит Господь; и не отмстит ли душа Моя такому народу, как этот?

Изумительное и ужасное совершается в сей земле:

Пророки пророчествуют ложь, и священники господствуют при посредстве их, и народ Мой любит это. Что же вы будете делать после всего этого? (Иер. 5, 29—31).

Так говорит Господь: остановитесь на путях ваших и рассмотрите, и расспросите о путях древних, где путь добрый, и идите по нему, и найдете покой душам вашим. Но они сказали: не пойдём.

И поставил Я стражей над вами, сказав: слушайте звука трубы. Но они сказали: не будем слушать. Итак, слушайте, народы... что с ними будет.

Слушай, земля: вот, Я приведу на народ сей пагубу... (Иер. 6, 16—19).

...Я так же поступаю с домом сим, над которым наречено имя Мое, на который вы надеетесь, и с местом, которое Я дал вам и отцам вашим, как поступил с Силомом (Иер. 7, 14).

Ты же не проси за этот народ... (Иер. 7, 16).

Ибо отдам вашим Я не говорил и не давал им заповеди в тот день, в который Я вывел их из земли Египетской, о всесожжении и жертве;

Но такую заповедь дал им: слушайтесь гласа Моего, и Я буду вашим Богом, а вы будете Моим народом, и ходите по всякому пути, который Я заповедаю вам, чтобы вам было хорошо.

Но они не послушали... (Иер. 7, 22—24).

Ибо сколько у тебя городов, столько и богов у тебя, Иуда, и сколько улиц в Иерусалиме, столько вы наставили жертвенников постыдному...

Ты же не проси за этот народ... (Иер. 11, 13—14).

...Не пророчествуй во имя Господа, чтобы не умереть тебе от рук наших.

Посему так говорит Господь... (Иер. 11, 21—22).

Если же скажут тебе: «куда нам идти?», то скажи им: так говорит Господь; кто обречен на смерть, иди на смерть, и кто под меч, — под меч; и кто на голод, — на голод; и кто в плен — в плен (Иер. 15, 2).

Лукаво сердце человеческое более всего и крайне испорчено; кто узнает его?

Я, Господь, проникаю сердце и испытываю внутренности... (Иер. 17, 9—10).

А они сказали: «придите, составим замысел против Иеремии; ибо не исчез же закон у священника... и слово у пророка...» (Иер. 18, 18).

Не будь страшен для меня, Ты — надежда моя в день бедствия (Иер. 17, 17).

...Ибо от пророков Иерусалимских нечестие распространилось на всю землю (Иер. 23, 15).

Они... говорят пренебрегающим Меня: «Господь сказал: мир будет у вас». И всякому, поступающему по упорству своего сердца, говорят: «не придет на вас беда» (Иер. 23, 17).

487. ¹ [Зачем вы употребляете в земле Израилевой эту] пословицу (Иез. 18, 2).

489. ¹ *И всякое пророчество... не станет* — цитата из Книги пророка Исаии (29, 11—14); слова в скобках добавлены Паскалем.

² *Если вы боги... никто не возвестил* — достаточно вольный пересказ стихов 22—26 из Книги пророка Исаии, 41.

³ *Я Господь... отступили от Меня* — пересказ главы 42, 1 и 43, 8—21, 25—27 Книги пророка Исаии.

498. ¹ *Гроций* Гуго (1583—1645) — голландский юрист и государственный деятель.

502. ¹ Запечатаяй откровение при учениках Моих (Ис. 8, 16).

503. ¹ Но чтобы вы знали, [что Сын Человеческий имеет власть на земле прощать грехи, — говорит расслабленному:] тебе говорю: встань, [возьми постель твою и иди в дом твой] (Мк. 2, 10—11).

² *Киркерус* — Конрад Кирчер, *Уссерий* — Джек Ашер, современные Паскалю английские ученые-гебраисты.

506. ¹ Человек не удивляется тому, что видит часто, даже если не понимает причины этого явления. Однако если происходит нечто такое, чего он раньше никогда не видел, он считает это чудом (Ц и ц е р о н. О гадании, II, 22).

² Этот человек с великими потугами собирается сказать великую глупость (Т е р е н ц и й. Сам себя истязавший, IV, 8).

³ Есть ли кто несчастнее человека, ставшего рабом своих собственных измышлений (П л и н и й. II, 7).

507. ¹ См. прим. 2 к фр. 60.

² Нет такой величайшей нелепости, которая не была бы сказана кем-нибудь из философов (Ц и ц е р о н. О гадании, II, 58).

³ Те, кто связали себя с каким-либо строго определенным учением, вынуждены теперь защищать то, чего не одобряют (Ц и ц е р о н. Тускуланские беседы, II, 2).

⁴ В изучении наук мы отличаемся такой же невоздержанностью, как и во всем остальном (С е н е к а. Письма, 106, 12).

⁵ Всякому больше всего подобает то, что больше всего ему свойственно (Ц и ц е р о н. Об обязанностях, I, 31).

⁶ Таковы первые законы, данные природой (В е р г и л и й. Георгики, II, 20).

⁷ Для хорошей души не требуется много науки (С е н е к а. Письма, 106, 12).

⁸ Я же полагаю, что вещь, сама по себе не постыдная, неизбежно становится постыдной, когда ее прославляет толпа (Ц и ц е р о н. О высшем благе и высшем зле, II, 15).

⁹ Мой обычай таков, а ты поступай, как тебе нужно (Т е р е н ц и й. Сам себя истязавший, I, 1, 18).

508. ¹ Редко кто в достаточной мере уважает себя (К в и н т и л и а н. Обучение оратора, X, 7).

² Столько богов, суеящихся вокруг одного человека (С е н е к а Старший. Контроверзы, I, 4).

³ Нет ничего постыднее, чем предварять утверждением и одобрением познание и восприятие (Ц и ц е р о н. Академические вопросы, I, 12).

⁴ Я не стыжусь, подобно этим людям, признаваться в незнании того, чего не знаю (Ц и ц е р о н. Тускуланские беседы, I, 25).

⁵ Им легче не начинать, [чем остановиться на полпути] (С е н е к а. Письма, 72, 11).

519. ¹ Животные бежит (*греч.*).— Во многих диалектах французского языка местоимение *l* лица единственного числа сочетается с глаголом множественного числа, тогда

как в греческом существительное среднего рода множественного числа сочетается с глаголом в единственном числе.

520. ¹ *Аркесилай* (315 до н. э. — 240 до н. э.) — греческий философ, труды которого до нас не дошли. Он привнес с собой элементы пирронизма в платоновскую школу, основав так называемую Среднюю Академию. Цицерон, а за ним и святой Августин полагали, что Академия скрывала свое истинное учение, а непосвященным являла его под видом скептицизма.

524. ¹ *Святой Павел на острове Мальта*.— Паскаль имеет в виду происшествие, случившееся с апостолом, когда он и его спутники были выброшены кораблекрушением на остров Мелит (Мальту): «Иноплеменники оказали нам немалое человеколюбие: ибо они, по причине бывшего дождя и холода, разложили огонь и приняли всех нас. Когда же Павел набрал множество хвороста и клал на огонь, тогда ехидна, вышедши от жара, повисла на руке его. Иноплеменники, когда увидели висящую на руке его змею, говорили друг другу: верно, этот человек — убийца, когда его, спасшегося от моря, суд Божий не оставляет жить. Но он, стряхнув змею в огонь, не потерпел никакого вреда. Они ожидали было, что у него будет воспаление, или он внезапно упадет мертвым; но, ожидая долго и видя, что не случилось с ним никакой беды, переменяли мысли и говорили, что он Бог» (Деян. 28, 2—6).

538. ¹ Святой да освящается еще (Откр. 22, 11).

544. ¹ [И выходили к нему] вся страна Иудейская и Иерусалимляне; и крестились [от него все] (Мк. 1, 5).

545. ¹ *Похоть чувствования, похоть познания, похоть властвования* — такими выражениями передавал Янсений в своем «Августине» слова из I Послания Иоанна (2, 16), приведенные Паскалем в начале фрагмента.

548. ¹ Не обратятся, чтоб Я исцелил их (Ис. 6, 10).

² Будут прощены [сынам человеческим все] грехи (Мк. 3, 28).

549. ¹ Друг, для чего ты пришел? (Мтф. 26, 50)

² ...тому, у кого не было брачных одежд.— Друг! Как ты вошел сюда не в брачной одежде? (Мтф. 22, 12)

550. ¹ И ты [некогда], обратившись, утверди братьев твоих (Лк. 22, 32).

² Господь, обратившись, взглянул на Петра (Лк. 22, 61).

³ *Святой Петр просит разрешения ударить Малха*.— Когда Иуда с людьми первосвященника пришел за Христом, «бывшие же с Ним, видя, к чему идет дело,

сказали Ему: Господи! не ударить ли нам мечем? И один из них ударил раба первосвященника и отсек ему правое ухо. Тогда Иисус сказал: оставьте, довольно. И коснувшись уха его, исцелил его» (Лк. 22, 49—51). Евангелие от Иоанна уточняет, что ударившим был Петр, а раба звали Малх (18, 10—11).

552. ¹ [Мысли людей меняются так же, как и плодоносный] свет, которым [отец Юпитер] озаряет земли.— Паскаль прочел у Монтеня эту латинскую фразу, принадлежащую Цицерону, который переложил ею стих из «Одиссеи».

567. ¹ *Как говорили греки на Соборе.*— Имеется в виду Феррарско-Флорентийский Собор (1438—1445), на котором была предпринята попытка объединения Западной и Восточной Церквей.

² Двое или трое в одном.— Возможно, реминисценция из I Кор. 14, 27: «Если кто говорит на незнакомом языке, говорите двое, или много трое, и то порознь, а один изъясняй».

569. ¹ [Он же сказал им: цари господствуют над народами, и владеющие ими благодетелями называются;] а вы не так: [но кто из вас больше, будь как меньший, и начальствующий как служащий] (Лк. 22, 25—26).

571. ¹ Пейте из нее все (Мтф. 26, 27).

² [Как одним человеком грех вошел в мир, и грехом смерть, так и смерть перешла во всех человеков, потому что] в нем все согрешили (Рим. 5, 12).

575. ¹ *Апокалипсисы* — те, кто разделял ожидания близкого конца света, апокалипсиса,— к примеру, в таких движениях, как лолларды или гуситы.

² *Преадамиты.*— В 1656 году в Голландии была издана книга Исаака де Ла Пейрера (1594—1676) под названием «Преадамиты, или Рассуждение о стихах 12, 13, 14 главы V Послания Апостола Павла к Римлянам, из коих следует, что первые люди были созданы прежде Адама».

³ *Миллениаристы* (хилиасты) — последователи учения, согласно которому Христос вернется на землю и будет со Своими святыми царствовать на ней в течение тысячи лет. Это учение основывалось на 20 главе Апокалипсиса (1—7).

⁴ *Во 2 Паралип. ...о двух разных людях.*— «И набрал Соломон колесниц и всадников... и он разместил их в колесничных городах и при царе в Иерусалиме» (2 Пар. 1, 14).

579. ¹ *Г. ле М.*— Антуан Леметр (1608—1658) — племянник Антуана Арно, один из первых «отшельников» Пор-Рояля. Удаляясь от мира, он бросил блестящую адвокатскую карьеру. Сборник его речей был издан в 1657 году.

581. ¹ *Скарамуш, Доктор* — персонажи итальянской комедии дель арте.

590.¹ Адам есть образ будущего (Рим. 5, 14).

² *Шесть веков* — см. прим. 1 к фр. 283.

591.¹ Если действовать [против еретиков] страхом, а не убеждением, это будет похоже на тиранию.

² Против лжи, воззвание к Совету.

593.¹ [Препояшь Себя по бедру] мечом Твоим, Сильный (Пс. 44, 4).

597.¹ *Митон* Дамьен (ок. 1618—1690) — приятель Паскаля и шевалье де Мере, вольнодумец и игрок. Впрочем, в старости, будучи в течение двадцати лет прикован к постели параличом, он вновь обрел религиозные чувства.

598.¹ *Святой Афанасий* (ок. 295—373) — патриарх Александрийский. Он боролся с арианами и был осужден многими общинами, обвинявшими его в убийстве и святотатстве; даже папа Либерий от него отступился, но в конце концов он одержал победу.

² *Святая Тереза* (1515—1583) — испанская монахиня, осуществившая реформу ордена кармелиток, автор замечательных мистических сочинений. Говоря о святых Афанасии и Терезе, Паскаль, возможно, думал о героях Пор-Рояля — Антуане Арно и матери Анжелике, настоятельнице монастыря.

³ *...говорит святой Петр* — описка Паскаля; на самом деле он имеет в виду слова из Послания Иакова (5, 17): «Илия был человек подобный нам».

599.¹ *Правдоподобность* — понятие иезуитской казуистики: поскольку из множества взглядов на вопрос ни один не может считаться несомненно достоверным, то у нас есть право выбирать мнение хотя бы правдоподобное; правдоподобным же считается то, что основано на суждении признанного авторитета (каковым иезуиты наделяли и своих новейших авторов). Нет нужды говорить, что при великом разнообразии воззрений «правдоподобным» всякий раз оказывалось то, которое было самым удобным.

602.¹ *Священником становится кто захочет, как при Иеровоаме.* — Иеровоам — первый царь Израильского царства, выбранный десятью коленами (кроме Иудина и Вениаминова, составивших царство Иудейское). Он построил капища, в которых служили Богу в образе золотого тельца, «и поставил из народа священников, которые не были из сынов Левиных» (3 Цар. 12, 31).

603.¹ *Авраам не взял ничего для себя, но только для слуг своих.* — «И сказал царь Содомский Аврааму: отдай мне людей, а имение возьми себе. Но Авраам сказал царю Содомскому: поднимаю руку мою к Господу Богу всевышнему, Владыке неба и земли, что даже нитки и ремня от обуви не возьму из всего твоего, чтобы ты не сказал: «Я

обогатил Авраама», — кроме того, что съели отроки, и кроме доли, принадлежащей людям, которые ходили со мною» (Быт. 14, 21—24).

² [И сказал Господь Каину: ...у дверей грех лежит; он влечет тебя к себе, но ты господствуй над ним (Быт. 4, 6—7)].

604. ¹ *Sacerdos dei* — «священник Бога». *Святой Киприан* (?—258) — мученик и Отец Церкви. Паскаль имеет в виду слова в одном из его писем: «Если мы — священники Бога и Христа, то не вижу, за каким еще водителем мы должны следовать, кроме Бога и Христа».

610. ¹ 2, 4 и 5 — Второе, Четвертое и Пятое «Письмо к провинциалу».

608. ¹ [Христос,] входя в мир, [говорит: «жертвы и приношения Ты не восхотел, но тело уготовал Мне»] (Евр. 10, 5).

609. ¹ [И они воззрят на Него, Которого] пронзили (Зах. 12, 10).

² [Он избавит Израиля] от всех беззаконий его (Пс. 129, 8).

618. ¹ *Рассуждение нечестивцев в Премудрости...* — «Будем же наслаждаться настоящими благами и спешить пользоваться миром, как юностью; преисполнимся дорогим вином и благовониями, и да не пройдет мимо нас весенний цвет жизни» (Прем. 2, 6—7).

630. ¹ Все звери (Быт. 7, 14).

635. ¹ *Клебулина* — персонаж романа Мадлены де Скюдери «Артамен, или Великий Кир» (1649—1653).

643. ¹ ...на странице 184... — На этой странице в том издании «Опытов», которым пользовался Паскаль, говорится: «Вспомним о почтенной супруге Сабина, римской матроне, которая, не желая беспокоить других, вынесла муки рождения двух близнецов совсем одна, без чьей-либо помощи и без единого крика и стога. Простой мальчишка-спартанец, украв лисицу и спрятав ее у себя под плащом, допустил, чтобы она прогрызла ему живот, лишь бы не выдать себя... Другой, кадя благовониями во время заклания жертвы и выронив из кадьницы уголек, упавший ему за рукав, допустил, чтобы он прожег ему тело до самой кости, опасаясь нарушить происходившее таинство».

647. ¹ Ничего слишком.

654. ¹ *Эскобар* и Мендоза Антонио (1589—1669) — один из самых плодovitых и одиозных иезуитских авторов, предмет постоянных нападок Паскаля в «Письмах к провинциалу».

659. ¹ Побеждай зло добром (Рим. 12, 21).

660. ¹ *Spongia solis*.— Имеются в виду либо «пятна на Солнце», предсказывающие его затухание, либо «болонский камень», открытый в 1604 году Винченцо Кашароло и названный им «солнечной губкой», который имеет свойство светиться ночью, что ставит под вопрос всю физическую теорию света.

662. ¹ *Пелагиане* — последователи британского монаха Пелагия (ок. 360 — после 418). Пелагий проповедовал возможность спасения усилиями человеческой свободной воли и отрицал природную испорченность человека из-за наследственного действия первородного греха. Пелагианство, с которым боролся святой Августин, было в 431 году предано анафеме Ефесским Собором.

664. ¹ Всякое животное [любит подобное себе, и всякий человек — ближнего своего] (Сир. 13, 19).

675. ¹ Ты говорил скорее как поэт, чем как человек (Петроний. Сатирикон, 90).

680. ¹ *Мадемуазель де Гурне* Мари (1566—1645) — приемная дочь Монтеня и издательница его сочинений. В предисловии к «Опытам» она писала, что в рассуждениях о любви опасны не откровенные мысли и слова, а жеманство и туманные намеки, свойственные поэтам и романистам.

² *Люди без глаз*.— «Есть страны, где люди рождаются без головы, а глаза и рот помещаются у них на груди... где у людей только один глаз во лбу» (II, 12).

³ *Квадратура круга*.— «Если кто-нибудь добавит к этому еще... философский камень, квадратуру круга и прочее, в чем причины и следствия столь же несовместимы,— он сможет извлечь, пожалуй, из всего этого кое-какие доводы в пользу смелого утверждения Плиния: «Одно несомненно, что нет ничего несомненного» (II, 14).

⁴ *Мир больше нашего*.— «Великий ученый Птолемей установил границы нашего мира... Если Птолемей в свое время ошибся в расчетах, внушенных ему разумом, то не глупо ли было бы с моей стороны в настоящее время верить тому, что утверждают нынешние ученые? И не правдоподобно ли, что то огромное тело, которое мы называем миром, совсем не таково, каким мы его считаем?» (II, 12).

⁵ *Добровольное человекоубийство*.— «Самая добровольная смерть наиболее прекрасна. Жизнь зависит от чужой воли, смерть же — только от нашей» (II, 3).

⁶ 730.— На этой странице у Монтеня читаем: «Чисто душевные страдания удручают меня значительно меньше, чем большинство других людей... Но подлинные физические страдания я переживаю очень остро» (II, 37). На стр. 331 — «Прямо противоположен любопытству другой недостаток — беспечность, к которой я склонен по своему нраву» (II, 4).

⁷ *Языческие воззрения на смерть.* — К примеру: «От мыслей о смерти более тягостной становится жизнь, а от мыслей о жизни — смерть... Если мы не сумели по-настоящему жить, несправедливо учить нас смерти и усложнять нам конец всего... Я остаюсь при том мнении, что смерть действительно конец, однако не венец жизни» (III, 12).

681. ¹ *Эпаминонд* (IV в. до н. э.) — греческий государственный деятель и полководец. Монтень писал о нем: «Он вносил в самые жестокие и необузданные человеческие деяния доброту и человечность, притом доведенную до такой степени утонченности, какая известна лишь самым человечным из философских учений» (III, 1).

683. ¹ *Воздерживайся и сдерживай себя* — заповедь стоической морали.

686. ¹ *Conatus recedendi* — центробежная сила, действующая «на все тела, которые движутся по кругу, чтобы они удалялись от того тела, вокруг которого движутся» (Декарт. Начала философии, III, 54).

691. ¹ То, чего вы ищете, не зная его, религия вам возвещает. — Возможно, перефразированные слова апостола Павла к афинянам: «Сего-то, Которого вы, не зная, чтите, я проповедую вам» (Деян. 17, 23).

692. ¹ *Монтальт* — «Письма к провинциалу» в 1657 году были изданы в Кёльне под псевдонимом Луи де Монтальт.

695. ¹ [Потому что немудрое Божие] премудрее человек (I Кор. 1, 25).

700. ¹ *Генералы* — то есть генералы ордена иезуитов.

² *Могатра* — так называемый «контракт Могатра», сделка, при которой человек покупает какой-либо товар в долг по высокой цене и тут же перепродает обратно продавцу по цене более низкой, но за наличные. Эскобар такие сделки оправдывал. Речь об этом идет в Восьмом «Письме к провинциалу».

³ Такое великое зло называют миром (Прем. 14, 22).

704. ¹ *Венеция.* — В 1606 году иезуиты были изгнаны с территории Венеции. Но в 1657 году Венецианская республика, истощенная войной с турками, была вынуждена уступить настояниям своих союзников и вновь призвать иезуитов.

713. ¹ *Дочери Лота.* — Лот — племянник Авраама, спасенный Богом от гибели при истреблении Содома, близ которого он жил. После этого Лот с двумя своими дочерьми поселился в горной пещере, опасаясь вернуться в долину. «И сказала старшая младшей: отец наш стар; и нет человека на земле, который вошел бы к нам по обычаю всей земли.

Итак, напоим отца нашего вином, и переспим с ним, и восставим от отца нашего племя»; что они и сделали (Быт. 19, 23—38).

719. ¹ *Я оставил [между Израильтянами] семь тысяч* — слова из III Цар. 19, 18.

722. ¹ *Молина* Луис (1535—1600) — испанский иезуит, автор книги «Согласие свободы воли с дарами благодати, Божественным присутствием, Провидением, предопределением и осуждением» (1588), положившей начало молинизму — иезуитскому учению о благодати.

² *Лессий* Леонард (1554—1623) — теолог из Испанских Нидерландов.

³ *Симония* — торговля духовными благами (по имени Симона Волхва, пожелавшего приобрести за деньги у апостолов дар низводить Духа Святого посредством возложения рук — Деян. 18—24).

⁴ Как можно скорее.— Португальский иезуит Эмануэль Маскареньяс (1604—1654) утверждал, что священник, собирающийся служить мессу в состоянии смертного греха, при некоторых обстоятельствах не обязан исполнять предписание Тридентского Собора исповедаться «как можно скорее».

730. ¹ [Иудеи сказали Ему в ответ: не за доброе дело хотим побить Тебя камнями, но за богохульство и за то, что Ты,] будучи человек, делаешь Себя Богом (Ин. 10, 33).

² [Иисус отвечал им:] не написано ли [в законе вашем: «Я сказал:] вы боги»? [Если Он назвал богами тех, к которым было слово Божие,] и не может нарушиться Писание... (Ин. 10, 34—35).

³ Эта болезнь не к смерти, но к жизни.— Сравните: «Эта болезнь не к смерти, но к славе Божией» (Ин. 11, 4).

⁴ [Говорит им потом:] Лазарь [друг наш] уснул... [Иисус сказал им прямо:] Лазарь умер (Ин. 11, 11—14).

733. ¹ Не отвечай [глупому по глупости его] (Притч. 26, 4).

² *Ариане* — приверженцы учения александрийского пресвитера Ария (ум. 335); Арий полагал, что Христос был не богом, а лишь «превосходнейшим творением» Бога. Главным противником Ария был святой Афанасий.

734. ¹ *Крест святого Андрея* — Паскаль здесь вспоминает Монтеня: «У народов, отделенных друг от друга огромными расстояниями и веками, существует множество одинаковых и широко распространенных... воззрений... и верований, которые никак не вытекают из нашего природного разума... Существовали народы, ничего о нас... не знавшие, у которых широко распространено было обрезание... были и такие, которые различным образом поклонялись кресту; в одних местах кресты ставили на могилах, в других — крестами пользовались (например, крестом святого Андрея) для защиты от ночных призраков и при родах, чтобы защитить новорожденного от колдовских чар...»

(11, 12). Крест святого Андрея — крест в виде буквы «X», на котором, по преданию, был распят апостол Андрей.

736. ¹ ...почему вена вздувается под жгутом.— Уильям Гарвей, создатель теории кровообращения, называет такие причины притока крови в этом случае: теплота, боль, боязнь пустоты.

738. ¹ *История со щукой и лягушкой Лианкура*.— Роже Дюплесси, герцог де Лианкур (1598—1674), смолоду был вольнодумцем, однако затем попал в орбиту влияния Пор-Рояля. Но в противоположность янсенистам и Паскалю, разделявшим Декартовы воззрения на животных как на «автоматы», наделенные только инстинктом, Лианкур, страстный охотник и собачник, видел в животных разумные существа. Источником истории о щуке и лягушке была, возможно, книга чешского священника Яна Скалы «О живорыбных садках и рыбах, которых в них разводят», где говорилось о жестокой драке щуки с лягушкой, в которой лягушка оказалась победительницей.

745. ¹ *Соломон де Тюльти* — имя, принятое Паскалем в «Письмах к провинциалу».

753. ¹ *Сат*.— «Сатурналии», книга Макробия.

755. ¹ Каждый лепит себе бога.— Сравните: «Суетный труженик из той же глины лепит суетного бога»; «никакой человек не может образовать бога, как он сам» (Прем. 15, 8, 16).

762. ¹ *Дионисий Ареопагит* — первый епископ Афин; ему приписывалось несколько мистических сочинений, оказавших большое влияние на европейскую религиозную мысль. В Деяниях святых апостолов говорится: «Итак, Павел вышел из среды их. Некоторые же мужи, пристав к нему, уверовали; между ними был Дионисий Ареопагит» (17, 34). Паскаль имеет в виду, что у Дионисия было достаточно любви — либо для того, чтобы судить об апостоле Павле, либо для того, чтобы толковать Писание.

769. ¹ [Так говорит Господь:] остановитесь на путях ваших [и рассмотрите,] и расспросите о путях древних, [где путь добрый,] и идите по нему, [и найдете покой душам вашим.] Но они сказали: не пойдём (Иер. 6. 16).— [Но они говорят: «не надейся,] мы будем жить по своим помыслам [и будем поступать каждый по упорству злого своего сердца]» (Иер. 18, 12).

774. ¹ И не входи в суд [с рабом Твоим, потому что не оправдается пред Тобой ни один из живущих] (Пс. 142, 2).

² ...в одном месте...— Рим. 2, 4.

³ ...а в другом...— Иона 3, 5—10.

777. ¹ Во тьме восходит свет правым (Пс. 111, 4).

780. ¹ ...о делениях *Шаррона*...— Шаррон Пьер (1541—1603) — последователь Монтеня. В своей книги «Мудрость» он пытался систематизировать взгляды Монтеня, изложить их в виде стройного учения. Эта небольшая книга содержит 117 глав, каждая из которых, в свою очередь, подразделяется на еще более мелкие части.

781. ¹ Отца не знает никто, кроме Сына, и кому Сын хочет открыть (Мтф. 11, 27).

² См. прим. 1 к фр. 242.

785. ¹ Не бойся, малое стадо (Лк. 12, 32). Со страхом и трепетом [совершайте свое спасение] (Флп. 2, 12).

² Так что же? Не бойся, если только боишься.

³ Кто Меня примет, тот не Меня принимает, но Пославшего Меня (Мк. 9, 37).

⁴ Никто не знает... ни Сын (Мк. 13, 32).

⁵ Се, облако светлое осенило их (Мтф. 17, 5).

787. ¹ *Кондран Шарль де* (1588—1641) — генерал ордена ораторианцев.

791. ¹ «В общем» и «в частности».

² *Полупелагиане* — последователи Иоанна Кассиана (ок. 360—431), ученика Иоанна Златоуста; основав монастырь в Массилии (Марселе) и разработав устав монастырской жизни, он своей судьбой, деятельностью и воззрениями, в частности, в вопросе о благодати и свободе воли, был как бы связующим звеном между Западной и Восточной Церквями. Различия «общего» и «частного» здесь имеются в виду применительно к благодати.

793. ¹ И ты будешь ошупью ходить в полдень (Втор. 28, 29).

² Сравните: [И всякое пророчество для вас то же, что слова в запечатанной книге, которую] подают умеющему читать книгу [и говорят: «прочитай ее!»] и тот говорит: «не могу, [потому что она запечатана]» (Ис. 29, 11).

798. ¹ *Марциал* Марк Валерий (ок. 40 — ок. 102) — римский поэт, автор 15 книг эпиграмм.

² Отбросит тешащие тщеславие украшения (Гораций. Послание к Пизонам, 447—448).

799. ¹ И поставлю завет Мой между Мною и тобою [и между потомками твоими после тебя в роды их,] завет вечный в том, что Я буду Богом твоим [и потомков твоих после тебя] (Быт. 17, 7).

² [И сказал Бог Аврааму:] ты же соблюди завет Мой... (Быт. 17, 9).

801. ¹ Упражнение [в нечестии помрачает доброе, и волнение похоти развращает ум незлобивый] (Прем. 4, 12).

² [Уснули] сном своим (Пс. 75, 6).

³ [Проходит] образ мира сего (I Кор. 7, 31).

⁴ Будешь есть хлеб твой (Втор. 8, 9).

⁵ Хлеб наш [насущенный подавай нам на каждый день] (Лк. 11, 3).

⁶ Враги его будут лизать прах (Пс. 71, 9).

⁷ С горькими травами (Исх. 12, 8).

⁸ [Падут нечестивые в сети свои, а] я перейду (Пс. 140, 10). В латинском тексте: «а я один перейду».

804. ¹ Никого нельзя назвать счастливым до дня его кончины (О в и д и й. Метаморфозы, III, 135).

807. ¹ Многие уверовали в Него. Тогда сказал Иисус [к уверовавшим в Него Иудеям]: если пребудете в слове Моем, то вы истинно Мои ученики. [И познаете истину,] и истина сделает вас свободными. Ему отвечали: мы семя Авраамово и не были рабами никому никогда (Ин. 8, 30—33).

808. ¹ Чтобы не упразднить креста Христова (I Кор. 1, 17).

810. ¹ «Что станет с людьми, которые презирают вещи малые и не верят великим?» — Возможно, эта фраза принадлежит самому Паскалю.

811. ¹ О, если бы записаны были слова мои!.. А я знаю, Искупитель мой жив... (Иов 19, 23—25).

821. ¹ Приклони сердце мое [к откровениям Твоим] (Пс. 118, 36).

825. ¹ [Бог гордым противится, а] смиренным дает благодать. (Иак. 4, 6 и I Пет. 5, 5). Паскаль добавляет: «Значит ли это, что Он не дал смирения?»

² [Пришел к своим, и] свои Его не приняли (Ин. 1, 11). И Паскаль добавляет: «Но те, кто не приняли Его, разве не были они свои?»

826. ¹ Сделай их по тому образцу, который показан тебе на горе (Исх. 25, 40).

830. ¹ *Сен-Сифан*, Мартен де Баркос, *аббат де* (1606—1678) — видный янсенистский деятель, племянник и наследник духовного руководителя Пор-Рояля.

² Относительно предмета.

³ Относительно природного порядка.

⁴ *О. Ленжанд* — в XVII веке было известно два священика с таким именем:

иезуит Клод де Ленжанд (1591—1660) и епископ Жан де Ленжанд (1595—1665); оба они были проповедниками.

⁵ *Беллармино* — святой Роберто Беллармино (1542—1621), кардинал и ученый-богослов; принадлежал к ордену иезуитов.

⁶ Относительно способа.

⁷ ...*тот человек, который изгонял бесов именем И. Х.* ...— Имеется в виду евангельский эпизод: «При сем Иоанн сказал: «Наставник! мы видели человека, именем Твоим изгоняющего бесов, и запретили ему, потому что он не ходит с нами. Иисус сказал ему: не запрещайте; ибо, кто не против вас, тот за вас» (Лк. 9, 49—50).

832. ¹ ...*что слово не сбудется...*— Имеется в виду место из Писания: «Если пророк скажет именем Господа, но слово то не сбудется и не исполнится, то не Господь говорил сие слово, но говорил сие пророк по дерзости своей,— не бойся его» (Втор. 18, 22).

² ...*что они не ведут к идолопоклонству...*— «Если восстанет среди тебя пророк, или сновидец, и представит тебе знамение или чудо, и сбудется то знамение или чудо, о котором он говорил тебе, и скажет притом: «пойдем вслед богов иных, которых не знаешь, и будем служить им»: то не слушай слов пророка сего, или сновидца сего; ибо чрез сие искушает вас Господь, Бог ваш, чтобы узнать, любите ли вы Господа, Бога вашего, от всего сердца вашего и от всей души вашей» (Втор. 13, 1—3).

³ ...*И. Х.— одно.*— «Никто, сотворивший чудо именем Моим, не может вскоре злословить Меня» (Мк. 9, 39).

834. ¹ Столько чудес сотворил Он [пред ними,] и они не веровали в Него, да сбудется слово Исаия пророка: «[Господи! кто поверил слышанному от нас?.. Народ сей] ослепил [глаза свои и окаменил сердце свое] (Ин. 12, 37—40).

² Сие сказал Исаия, когда видел славу Его и говорил о Нем (Ин. 12, 41).

³ Ибо и Иудеи требуют чудес, и Еллины ищут мудрости; а мы проповедуем Христа распятого, [для Иудеев соблазн, а для Еллинов безумие] (I Кор. 1, 22—23). А Паскаль добавляет: «Но с полнотой знания, но с полнотой мудрости. А вы — Христа не распятого и религию без чудес и без мудрости».

⁴ Но вы не верите, ибо вы не из овец Моих (Ин. 10, 26).

835. ¹ Истинные ученики, истинный израильтянин, истинно свободные, истинный хлеб. Ср. Ин. 1, 47; 8, 36; 6, 32.

839. ¹ *Езекия, Сеннахирим.*— В IV Книге Царств (18—19) рассказывается, как ассирийский царь Сеннахирим вторгся в Иудейское царство и наложил огромную дань на царя иудейского Езекию. Но пророк Исаия обещал Езекию помощь Господню, и той же ночью ангел вошел в стан Сеннахирима и поразил 185 000 человек.

² *Анания лжепророк* — его смерть была точно предсказана пророком Иеремией (Иер. 28).

³ *Храм... чудесно спасен.*— Во Второй книге Маккавейской (15) рассказывается, как иудеи во главе с Иудой Маккавеем защитили храм от много превосходящего их числом и оружием войска полководца Никанора, причем «бывшие с Никанором шли со звуком труб и криками, а находившиеся с Иудой с призыванием и молитвами».

⁴ *Илия с пророками Вааловыми.*— У пророков языческого бога Ваала на жертвеннике огонь так и не разгорелся, несмотря на все их заклинания, а на жертвеннике пророка Илии огонь пожрал всесожжение, и дрова, и камни, и даже воду во рве; это было свидетельство об истинном Боге.

840. ¹ Что еще надлежало бы сделать [для виноградника Моего, чего Я не сделал ему?] (Ис. 5, 4).

² *Ослепление Вариисуса.*— Вариисус — волхв, лжепророк, которого апостол Павел ослепил, чтобы тем было доказано превосходство истинного учения и чтобы Вариисус перестал «сворачивать с прямых путей Господних» (Деян. 13, 10).

³ *Иисуса знаю...*— Деян. 19, 13—16.

⁴ ...Если бы [даже мы, или] Ангел [с неба стал благовествовать вам, ...да будет анафема] (Гал. 1, 8).

842. ¹ См. прим. 1. к фр. 808.

846. ¹ *Не радуйтесь чудесам вашим...*— Сравните: «Тому не радуйтесь, что духи вам повинуются; но радуйтесь тому, что имена ваши написаны на небесах» (Лк. 10, 20).

² Мы знаем, что Ты — Учитель, пришедший от Бога; ибо таких чудес, какие Ты творишь, никто не может творить, если не будет с ним Бог (Ин. 3, 2).

³ Если бы Я не сотворил [между ними дел, каких никто другой не делал, то] не имели бы греха; [а теперь и видели, и возненавидели и Меня и Отца Моего] (Ин. 15, 24).

851. ¹ Если ты Христос, скажи нам прямо (Ин. 10, 24).

² [Иисус отвечал им: Я сказал вам, и не верите;] дела, которые творю Я во имя Отца Моего, они свидетельствуют о Мне; но вы не верите, ибо вы не из овец Моих, [как я сказал вам]. Овцы Мои слушаются голоса Моего (Ин. 10, 25—27).

³ [На это сказали Ему:] какое же Ты дашь знамение, чтобы мы увидели и поверили Тебе? (Ин. 6, 30). И Паскаль добавляет: Они не говорят: какое учение проповедуешь?

⁴ См. прим. 2 к фр. 846.

⁵ [Молились Тому, Который...] видимо защищал удел Свой (в латинском тексте — «видимыми чудесами») (II Мак. 14, 15).

⁶ А другие, искушая, требовали от Него знамения с неба (Лк. 11, 16).

⁷ [Но Он сказал им в ответ:] род лукавый [и прелюбодейный] ищет знамения; и знамение не дастся ему, [кроме знамения Ионы пророка; ибо как Иона был во чреве

кита три дня и три ночи, так и Сын Человеческий будет в сердце земли три дня и три ночи] (Мтф. 12, 39—40).

⁸ И Он, [глубоко] вздохнув, сказал: для чего род сей требует знамения? (Мк. 8, 12).

⁹ И не мог совершить [там никакого чуда] (Мк. 6, 5).

¹⁰ [Иисус сказал ему:] вы не уверуете, если не увидите знамений и чудес (Ин. 4, 48).

¹¹ [Того, которого пришествие,] по действию сатаны, будет со [всякою силою и] знамениями и чудесами ложными, и со всяким неправедным обольщением погибающих за то, что они не приняли любви истины для своего спасения. И за сие пошлет им Бог действие заблуждения, так что они будут верить лжи (II Фес. 2, 9—10).

¹² Ибо чрез сие искушает вас Господь, Бог ваш, чтобы узнать, любите ли вы Господа, Бога вашего (Втор. 13, 3).

¹³ Вот, я наперед сказал вам... когда вы увидите всё сие (Мтф. 24, 25—33).

854. ¹ Никто, сотворивший чудо именем Моим, не может вскоре злословить Меня (Мк. 9, 39).

² *Терние из венца Спасителя мира.* — Имеется в виду случай, когда Святое Терние исцелило племянницу Паскаля Маргариту Перье.

855. ¹ [Вы ищете Меня] не потому, что видели чудеса, но потому, что [ели хлеб и] насытились (Ин. 6, 26).

² [Тогда некоторые из фарисеев говорили:] не от Бога этот Человек, потому что не хранит субботы. Другие говорили: как может человек грешный творить такие чудеса? (Ин. 9, 16).

³ [Опять говорят слепому:] ты что скажешь [о Нем, потому что Он отверз тебе очи?] Он сказал: это пророк... если бы Он не был от Бога, не мог бы творить ничего (Ин. 9, 17, 33).

856 (828). ¹ *Два креста* — эпизод из Ветхого Завета, когда Моисей, бросив дерево в горький источник Мерру, сделал его воду сладкой и годной для питья (Исх 15, 23—25), церковное предание толкует символически: древом Креста горечь Закона превратилась в сладость духовного постижения.

857. ¹ *Ватабль* — Вейтблед Фрэнсис (?—1547), английский ученый-гебраист, издатель и комментатор Библии.

² Первое из этих латинских слов значит и «чудо», и «вымысел»; второе — «статуя, подобие».

³ *И. Х. говорит* — в Мк. 16, 17.

865. ¹ *Чудеса при Диоклетиане и при Арии.* — Арий начал свою проповедь в последний

год царствования римского императора Диоклетиана, гонителя христиан, отрекшегося от престола в 305 году; умер Арий внезапно, и его противники видели в такой смерти чудесное возмездие.

868. ¹ Церковь никогда не будет преобразована.— Квинт Септимий Флоренций *Тертуллиан* (160— после 220) — христианский писатель и богослов.

875. ¹ [Некоторые же из них говорили: Он изгоняет бесов силою веельзевула, князя бесовского... Но Он, зная помышления их, сказал им:] всякое царство, разделившееся само в себе, [опустеет, и дом, разделившийся сам в себе, падет; если же и сатана разделится сам в себе, то как устоит царство его? а вы говорите, что Я силою веельзевула изгоняю бесов... Если же Я] перстом Божиим [изгоняю бесов, то, конечно,] достигло до вас Царствие Божие (Лк. 11, 15—20).

877. ¹ *Да и нет.*— Паскаль возмущается уклончивостью иезуитских казуистов, склонных любую мысль объявлять и верной, и неверной, любой поступок — и позволительным, и запретным, «словно бы,— как пишет Паскаль в другом месте,— учение Христа вдруг стало учением Пиррона».

² *Святой Ксавье* — Франсуа де Жассю (1506—1552), иезуит, друг и сподвижник святого Игнатия Лойолы; неутомимый миссионер, он обратил в христианство множество людей в азиатских странах.

³ Горе тем, которые постановляют несправедливые законы (Ис. 10, 1).

⁴ *Святой Иларий* (ок. 315 — ок. 367) — один из Отцов Церкви, противник арианства.

878. ¹ [Слезы мои были для меня хлебом день и ночь, когда говорили мне всякий день]: «где Бог твой?» (Пс. 41, 4).

889. ¹ Между всеми ими я искала успокоения (Сир. 24, 7).

892. ¹ *Авраам, Геден: знамение выше откровения.*— Обоим этим библейским персонажам, кроме слов Господа, обращенных к ним, были даны и знамения, эти слова подтверждающие (Быт. 15; Суд. 6, 12—23).

² *Донатисты* — последователи епископа Карфагенского Доната Великого (ум. ок. 355). Эта секта, просуществовавшая до VII в., отличалась крайним аскетизмом и ригоризмом; со времен гонений на христиан они считали себя «Церковью мучеников» в противоположность «Церкви предателей», допускали добровольное мученичество и требовали особой религиозной и нравственной чистоты от своих членов.

897. ¹ Сердца сокрушенного и смиренного [Ты не презришь, Боже] (Пс. 50, 19).

² *Избранник Альбы, ты — отныне мне чужой* — цитата из «Горадия» Корнелия (II,

3; перевод Н. Рыковой). Эти слова римлянин Гораций обращает к жителю Альбы Куриацию, человеку, связанному с ним узами родства и дружбы, после того как Рим и Альба назначили людей, в поединке которых должен был решиться спор между двумя городами; этими людьми оказались Гораций и Куриаций. Гораций, победивший в поединке, а затем убивший собственную сестру, посмевавшую оплакивать Куриация, своего жениха,— воплощение стоической доблести.

902. ¹ *Эти сестры поражены...*— Речь идет о монахинях Пор-Рояля; Женева здесь называется как оплот кальвинизма.

² И зри, не на опасном ли я пути (Пс. 138, 24).

903. ¹ *Что говорит святой Павел?* — Очевидно, имеются в виду слова: «Признаки Апостола оказались перед вами всяким терпением, знамениями, чудесами и силами» (II Кор. 12, 12).

² Если бы Я не сотворил [между ними дел, каких никто другой не делал...] (Ин 15, 24).

³ *Иудифь, Бог говорит наконец Своё слово.*— Жители иудейского города Ветилуи, осажденного ассирийским военачальником Олоферном, отчаялись и решили, что если Бог не поможет им в течение пяти дней, то они сдадутся ассирийцам. Тогда Иудифь, вдова из Ветилуи, укорив своих сограждан за то, что они искушают Бога, проникла в шатер Олоферна и убила его; воины Олоферна в страхе обратились в бегство и были разбиты иудеями.

904. ¹ *Imago* — Образец, ироническая ссылка на книгу: «Образец, подаваемый нам Обществом Иисуса в его первый век» (1640).

² *Привилегия избежать проклятия.*— Иезуитские казуисты придумывали множество уловок, с помощью которых любой грех мог быть объявлен простительным — или вовсе не существующим, особенно если это шло на пользу Ордену. В частности, в Пятнадцатом «письме к провинциалу» приводится такая цитата из важного иезуитского текста, опубликованного в 1645 году: «Почему бы не считать простительным грехом, если ты ложно припишешь какое-либо преступление своему врагу, чтобы ему перестали доверять?»

906. ¹ *Пробабиллизм*, от латинского слова *probabilis* — вероятный, правдоподобный — иезуитский принцип в спорных случаях следовать правдоподобному (по большей части — удобному для себя) суждению. См. прим. 1 к фр. 599.

909. ¹ *Вольтигерод* — бернардинское аббатство в Саксонии, которым иезуиты стремились завладеть.

Фрагменты, не вошедшие в копию

В этом разделе собрано то, что Жильберта Перье после смерти брата не сочла нужным отдавать переписчикам, а также то, что переписчиками было пропущено, и наброски «Писем к провинциалу».

913. ¹ [Будет] твой Бог — моим Богом (Руфь 1, 16).

² Меня, источник воды живой, оставили (Иер. 2, 13).

³ Не забываю слова Твоего (Пс. 118, 16).

915. ¹ *Фельяны* — монашеский орден, отпочковавшийся в конце XVI века от бернардинцев.

916. ¹ [Иисус отвечал им: не написано ли в законе вашем: Я сказал:] вы боги? (Ин. 10, 34).

² Вываю к Твоему суду, Господи Иисусе.— Фраза из письма святого Бернарда по поводу несправедливости, учиненной папой Каликстом II.

³ *Пор-Рояль боится, и разделять их — плохая политика.*— Речь идет о намерениях разогнать «отшельников» Пор-Рояля, а монахинь рассеять по разным монастырям.

918. ¹ *Реки Вавилона* — сравните: «При реках Вавилона, там сидели мы и плакали...» (Пс. 136, 1).

919. ¹ *Таинство Иисуса.*— Этот текст, возможно, был написан Паскалем в начале 1655 года, во время его пребывания в Пор-Рояле-в-Полях. Страсти Христовы Паскаль излагает в основном по Матфею (26, 36—56).

² [Иисус, когда увидел ее плачущую и пришедших с нею Иудеев плачущих,] Сам [восскорбел духом и] возмутился (Ин. 11, 33): В латинском тексте буквально сказано: «возмутил Самого Себя».

³ [Иисус же, зная все, что с Ним будет,] вышел [и сказал им: кого ищите?] (Ин. 18, 4).

⁴ *Ты не искал бы меня, если б уже Меня не нашел.*— Эта мысль принадлежит святому Бернарду, основателю той ветви бенедиктинского ордена, к которой принадлежал и Пор-Рояль.

⁵ *Жил бы нечистым он псом и свиньей в грязи бы валялся* (Гораций. Послания 1, 2, 26. Перевод Н. С. Гинцбурга).

⁶ Вы будете как боги, знающие добро и зло (Быт. 3, 5).

920. ¹ *Святой Игнатий* — Лойола (1491—1556), основатель ордена иезуитов.

² «Единая святая».— Булла папы Бонифация VIII (1294—1303), которая, по словам Паскаля, «объявляла еретиками тех, кто не считал, будто король Франции

обязан подчиняться папе даже в мирских вещах, и постановяла, что для спасения необходимо думать, будто папа владеет обоими мечами, духовным и светским».

³ *Сен-Жюр* (1588—1657) — иезуит, автор многочисленных духовных сочинений.

⁴ Имеются в виду рассуждения иезуитов по поводу различных «казусов»: «О таком человеке», «О ложном преступлении», «От большего к меньшему», «Самый недавний».

⁵ *Аквавива* Клавдио (1543—1615) — пятый генерал ордена иезуитов.

⁶ *Таннер* Адам (1572—1632) — австрийский богослов.

⁷ *Павел V* — римский папа с 1605 по 1621 год.

⁸ *Климент допускает* (чтение предположительное). Климент VIII — римский папа с 1592 по 1605 год.

921. ¹ См. прим. 1 к фр. 242.

927. ¹ *Сенглен* Антуан (1607—1664) — священник, духовник Сен-Сирана, духовный руководитель Пор-Рояля с середины 50-х годов.

930. ¹ Сноски 1, 2, 3, 7 — слова из церковной службы различных дней: «Он заслужил Спасителя», «Он заслужил [достойн] коснуться Святых Членов», «Сочти меня достойным».

⁴ [Господи!...] я недостойн, [чтобы Ты вошел под кров мой] (Лк. 7, 6).

⁵ Кто ест [и пьет] недостойно, [тот ест и пьет осуждение себе.] (1 Кор. 11, 29).

⁶ Достойн [Ты, Господи,] приять [славу и честь и силу] (Откр. 4, 11).

933. ¹ Хвалящийся хвались Господом (1 Кор. 1, 31).

941. ¹ *Восьмое блаженство*. — Имеется в виду восьмой по порядку «разряд» блаженных, названных в Нагорной проповеди: «Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное» (Мтф. 5, 10).

943. ¹ Не прикасайся ко Мне (Ин. 20, 17).

949. ¹ Освящают войну. — Сравните: «Так говорит Господь на пророков, вводящих в заблуждение народ Мой, которые грызут зубами своими — и проповедуют мир, а кто ничего не кладет им в рот, против того объявляют войну (в латинском тексте: «проповедуют священную войну») (Мих. 3, 5).

² *Бурсеис* Амабль де (1606—1672) — аббат, член Французской Академии, один из самых ревностных янсенистов.

950. ¹ «По апостольскому долгу своему». *Павел IV* — римский папа с 1555 по 1559 год.

² «Если они предадут смерти отлученного, мы не сочтем их человекоубийцами, ибо они дошли до убийства одного из отлученных, пылая ревностной любовью к своей католической Матери». Блаженный *Урбан II* — римский папа с 1088 по 1099 год, вдохновитель I Крестового похода.

951. ¹ Мы хотим, чтобы ты знал.

952. ¹ См. прим. 8 к фр. 920.

² Плата против Устава.

³ *Лемуан Альфонс* (ум. 1659) — доктор Сорбонны.

⁴ Уже не то (*ит.*).

⁵ *Виттелески Муцио* (1563—1645) — генерал иезуитов с 1615 года.

⁶ Другие времена, другие заботы (*ит.*).

⁷ *Лайнез Яго* (1512—1565) — второй генерал ордена иезуитов.

⁸ *Борджа*, святой *Франциск* (1510—1572) — третий генерал иезуитов.

⁹ См. прим. 5 к фр. 920.

¹⁰ *Пюис* — лионский кюре, который перевел на французский сочинение некоего капуцина: «О долге христиан по отношению к своему приходу и против тех, кто их от него отвращает». Иезуиты приняли это на свой счет, и один из них, отец Альби, печатно обрушился на отца Пюиса, обвиняя его в ереси и распутстве. Когда же отец Пюис публично заявил, что не имел в виду иезуитов, отец Альби тут же признал его человеком безупречных нравов, просвещеннейшим и достойнейшим пастырем.

¹¹ «Иезуит — любой человек». — То есть умеет меняться сообразно обстоятельствам.

¹² Не в качестве милостыни.

953. ¹ Этот фрагмент представляет собой заметки Паскаля по поводу записей, которые Арно сделал на полях сборника писем генералов ордена иезуитов.

² Благочестивый может следить; правдоподобно то, за чем стоит авторитет.

954. ¹ *Шамийяр* Гастон, аббат де Сери — противник янсенистов; за это на него обрушился град памфлетов, называвшихся «шамийярды».

² *Корне* Никола (1592—1663) — синдик Богословского факультета Сорбонны, сформулировавший в Пяти Положениях суть доктрины Янсения и представивший их на суд своих коллег.

³ *Непосредственная способность* — возможность в данный момент исполнять заповеди; о том, всегда ли такую способность имеют праведники, и шли споры между теологами.

⁴ *Цензура просто запрещает говорить так о святом Петре...* — Апостол Петр, трижды отрекшийся от Христа, был излюбленным героем янсенистских рассуждений о том, что и праведник без помощи благодати не может исполнять заповеди.

⁵ См. прим. 2 к фр. 920.

⁶ *Картинки*.— В декабре 1653 года иезуиты выпустили альманах, озаглавленный «Бегство и смятение янсенистов». Так они праздновали появление антиянсенистской буллы Иннокентия X. В альманахе была помещена гравюра, изображавшая папу, осуждающего янсенизм, Янсения с дьявольскими крыльями, бегущего к Кальвину, самого Кальвина, раскрывающего объятия монахине-янсенистке, и прочее в таком роде. Месяц спустя Исаак де Саси, племянник Арно, откликнулся на этот альманах, выпустив сочинение под заглавием: «Картинки к Альманаху иезуитов». Это были стихотворные нападки на иезуитов с претензией на остроумие, но грубые и дурного вкуса, что отличало их от обычно суховатого и сдержанного стиля янсенистов; даже многие сторонники янсенистов признавали, что такого рода писания не делают им чести.

955. ¹ Если кто скажет.— Начало формулы предания анафеме.

² *Канский обет*.— Речь идет, очевидно, о каком-то месте из «Канских тезисов» — иезуитского сочинения, изданного в 1644 году в городе Кане (Нормандия).

³ Буквально.

⁴ *Святые Дары*.— Некоторые иезуитские авторы утверждали, что можно допускать к причастию даже тех, кто грешат против закона Божия, против природы и против Церкви.

⁵ *70 возражали*.— Имеются в виду 70 богословов, воспротивившихся осуждению Арно при разбирательстве его дела в Сорбонне.

⁶ *Аврелий* — псевдоним аббата де Сен-Сирана.

⁷ *Сен-Мерри* — монастырь и богатый приход в центре Парижа; иезуиты обвинили старосту этого прихода в воровстве, но по суду он был оправдан.

⁸ *Бароний Цезарь* (1538—1607) — кардинал, автор «Анналов Церкви», защитник папской власти.

956. ¹ *Диана Антонино* (1585—1563) — монах-театинец, казуист.

² *Тридентский Собор* (1545—1563) — Вселенский Собор католической Церкви; его решения стали программой Контрреформации.

957. ¹ Порядка.

² Того же порядка.

958. ¹ *Часть I...*— Речь идет о «Трактате о пустоте».

959. ¹ Если захотите [и послушаетесь, то будете вкушать блага земли] (Ис. 1, 19).

² В любой день.

960. ¹ *Бризасье Жан де* (1603—1668) — ректор иезуитских коллежей в разных городах Франции, автор антиянсенистского сочинения.

² *Менье* Бернар (1604—1682) — проповедник, автор «Заговора Пор-Рояля и Женевы против Пресвятых Даров алтаря» (1656).

³ См. прим. 9 к фр. 952.

⁴ Убрать.

⁵ Это великое ослепление сердца.

⁶ Это еще большее ослепление сердца.

⁷ Тогда человека поглощает бездна греха.

⁸ Возможно, святой *Проспер* Аквитанский (ок. 390 — между 455 и 463), историк, поэт и богослов, сражавшийся против полупелагиан; один из почитаемых авторитетов у янсенистов.

⁹ См. прим. 2 к фр. 60.

¹⁰ [Глупых же состязаний и родословий, и] споров [и распрей о законе удаляйся, ибо они бесполезны и суетны] (Тит. 3, 9).

¹¹ Он отчитался передо мной.

¹² Не поверили без оглядки клеветнику.

¹³ Падая отовсюду, он стал причиной моего падения.

¹⁴ [Влекла же их к тому концу] судьба, которой они были достойны (Прем. 19, 4).

¹⁵ Вы бесстыдно лжете.

¹⁶ Хвалят человека по мере разума его (Притч. 12, 8). По-латыни эта фраза звучит так: «По учению его познается человек».

¹⁷ Лукавствуют до усталости (Иер. 9, 5).

¹⁸ *Карамуэль* Жуан (1606—1682) — испанский монах-бернардинец, автор «Моральной теологии» (1652).

962. ¹ *Святой Иоанн Хризостом* (Златоуст, ок. 350—407) — учитель Церкви, патриарх Константинопольский, автор множества сочинений, славившийся своим красноречием.

964. ¹ Подобно Христу.

966. ¹ Расширяя их, сужая, от большего к меньшему. Самый недавний.

² «Господин супружеского поведения жены», «не может быть возмещено». На вопрос Эскобара, «должна ли жена отдавать мужу то, что получила за прелюбодеяние», Молина отвечал утвердительно, ибо «муж есть господин супружеского поведения жены», Лессий же считал, что «прелюбодеяние не может быть возмещено деньгами».

³ *Бони* — поджигатель Овинов. — Бони Этьен де (1564—1649) — теолог, один из самых яростных врагов янсенизма. Овины — ферма вблизи Пор-Рояля-в-Полях, где селились «отшельники».

⁴ См. прим. 4 к фр. 722.

968. ¹ *Разница между обедом или ужином.*— Имеется в виду текст из Евангелия от Луки: «Когда делаешь обед или ужин, не зови друзей твоих, ни братьев твоих, ни родственников твоих, ни соседей богатых, чтобы и они тебя когда не позвали, и не получил ты воздаяния. Но, когда делаешь пир, зови нищих, увечных, хромых, слепых, и блажен будешь, что они не могут воздать тебе, ибо воздастся тебе в воскресение праведных» (14, 12—14).

² Святой Бернард. Последние проповеди, о тексте из Евангелия от Луки: «Послан был [Ангел Гавриил]» (1, 26).

^{3,5} Августин. О Граде Божием.

⁴ Имеется в виду текст из Евангелия от Матфея: «О дне же том и часе никто не знает, ни Ангелы небесные, а только Отец Мой один» (24, 36).

969. ¹ Просящему будет дано.

970. ¹ *Ездра* — священник из рода Ааронова, живший в Вавилоне; в 458 г. до н. э. он отправился с возвращавшимися в Иерусалим переселенцами и там ревностно старался восстановить древнее богослужение, обычаи и нравы. Ему приписывалось собирание и соединение священных книг.

² Среди древних евреев не было никого, кто рассказывал бы, что книги погибли и были восстановлены Ездрой, кроме IV Книги Ездры (Бароний, X—XVIII).

³ Язык и буквы, которыми был написан Закон, оставались неизменными вплоть до 70.— (Филон Александрийский, «Жизнь Моисея»). 70 — семьдесят мудрецов, в III—II вв. до н. э. переведившие Ветхий Завет с древнееврейского на греческий. По преданию, хотя они работали независимо друг от друга, их переводы в точности совпали между собой.

⁴ [Ной] мог точно так же восстановить в уме книгу [Еноха], уничтоженную яростью потопа, как Ездра мог это сделать со всеми еврейскими книгами, уничтоженными во время Вавилонского пленения (Т е р т у л л а н. «Об одежде женщин», 1, 3).

⁵ Чуть дальше Паскаль сам переводит на латынь греческий текст Евсевия, включающий и этот отрывок: «[Бог был прославляем, и люди верили поистине божественным Писаниям, которые они повторяли в точности одними и теми же словами от начала до конца, дабы ныне живущие народы знали, что Писания эти истолкованы богодухновенно. И неудивительно, что Господь совершил в них такое, ибо во время пленения народа] при Навуходоносоре Писания были уничтожены, [и когда 70 лет спустя евреи вернулись в свою землю и затем во времена Артаксеркса, царя персидского,] Он внушил Ездре, священнику из колена Левия, собрать древние пророчества и восстановить для народа закон, который Он дал через Моисея».

⁶ *Евсевий* (ок. 260—339) — епископ Кесарийский, историк, признающийся «отцом истории Церкви».

⁷ *Святой Иринеи* Лионский (ок. 130 — ок. 208) — церковный писатель, борющийся с ересью гностиков.

⁸ См. прим. 3 к фр. 877.

⁹ В русском переводе текст, который имеет в виду Паскаль,— это 14 глава III Книги Ездры. Там говорится, что Ездра просил Бога: «Закон Твой сожжен, и оттого никто не знает, что соделано Тобою или что должно им делать. Но если я приобрел милость у Тебя, ниспосли на меня Духа Святого, чтобы я написал все, что было соделано в мире от начала, что было написано в законе Твоем, дабы люди могли найти стезю и дабы те, которые захотят жить в последние времена, могли жить». Господь исполнил его просьбу, сказав: «Я возжгу в сердце твоём светильник разума, который не угаснет, доколе не окончится то, что ты начнешь писать. И когда ты совершишь это, то иное объяви, а иное тайно передай мудрым».

973. ¹ [Ибо будет время, когда здравого учения принимать не будут, но по своим прихотям] будут избирать себе учителей, [которые льстили бы слуху] (II Тим. 4, 3).

² Достойны.

974. ¹ Время войне, и время миру (Еккл. 3, 8).

² Слова из Ис. 40, 8.

979. ¹ Что война утвердит, ложный мир да не поколеблет.

² [Господин мой царь,] как Ангел Божий, и может выслушать и доброе и худое (II Цар. 14, 17). В переводе с латыни это звучит так: «не поколеблется ни благословением, ни проклятием».

985. ¹ По плодам их [узнаете их] (Мтф. 7, 16).

² Знать и мочь.

990. ¹ Применительно к человеку.

992. ¹ *Анна Франсуа* (1590—1670) — иезуит, духовник Людовика XIV, адресат двух последних «Писем к провинциалу».

МАЛЫЕ СОЧИНЕНИЯ

Беседа с господином де Саси

Исаак-Луи Леметр де Саси (1613—1684) — один из первых «отшельников» и один из духовных руководителей Пор-Рояля. Беседы Паскаля с де Саси были записаны секретарем последнего, Никола Фонтеном (1625—1709).

¹ *Шампень Филипп де* (1602—1674) — художник, чья судьба и творчество были тесно связаны с Пор-Роялем.

² *Амон Жан* (1617—1687) — один из «отшельников», врач Пор-Рояля.

³ *Субстанция* — сущность, нечто, существующее само по себе, ни от чего другого не завися; *акциденция* — случайное, преходящее, несущественное свойство.

⁴ Посмотри на меня там внимательно.

⁵ См. прим. 1 к фр. 109 «Мыслей».

⁶ *Манихейцы* — последователи учения Мани (III в.) о борьбе добра и зла как равноправных начал бытия. Манихейство подвергалось гонениям с самого своего возникновения, однако влияние его сказалось и в некоторых средневековых дуалистических ересьях.

⁷ Золото из навоза.

Сравнение первых христиан с нынешними

Этот текст был написан, по всей вероятности, между 1655 и 1657 годами.

Молитва, чтобы Бог дал мне употребить болезни во благо

Если верить Жильберте Перье, «Молитва» написана не ранее 1659 года.

Три беседы о положении сильных мира сего

Юный герцог, к которому обращены эти «беседы», — Шарль-Оноре де Шеврёз (1640—1712), сын герцога де Люиня, внук первого министра Людовика XIII и ближайшей подруги Анны Австрийской, в будущем — зять Кольбера. Пор-Рояль-в-Полях был расположен на землях, принадлежавших этому семейству; герцог де Люинь одно время был в большой дружбе с янсенистами. Беседы эти состоялись скорее всего в конце 1660 года.

ПИСЬМА

¹ *Ребур* Антуан де (1592—1661) — один из «отшельников» Пор-Рояля.

² *Ангел... от правного ему святого служителя...* — «Я, Иоанн... пал к ногам Ангела, показывающего мне сие, чтобы поклониться ему; но он сказал мне: смотри, не делай сего; ибо я сослужитель тебе и братьям твоим пророкам и соблюдающим слова книги сей; Богу поклонись» (Откр. 22, 8—9).

³ Цитата из I Кор. 4, 12 приведена неточно. На самом деле у апостола Павла сказано: «Злословят нас, мы благословляем; гонят нас, мы терпим».

⁴ *Бурдело* Пьер (1610—1685) — врач; он был придворным врачом принца де Конде, когда Паскаль демонстрировал принцу свою счетную машину. В 1651 году Бурдело пригласили в Швецию в качестве личного врача королевы Кристины.

⁵ Перевод писем Жаклины Паскаль сделан по изданию: Pascal. Œuvres complètes. Paris, Gallimard (Bibliothèque de la Pléiade), 1954.

⁶ *Ранти* Гастон-Жан-Батист де (1611—1649) — нормандский дворянин, отличавшийся необыкновенным благочестием, смирением и ревностным милосердием. Он вел в миру почти монашескую жизнь. Иезуит отец Сен-Жюр издал в 1651 году его жизнеописание, пользовавшееся большим успехом, многократно переиздававшееся и переведенное на многие языки.

⁷ *Епископ Женевский* — святой Франциск Сальский (1567—1622).

⁸ *Его добрый друг* — герцог де Роаннез.

⁹ *Госпожа Пинель* — Франсуаза Дельфо, сестра старой служанки Этьена Паскаля; она служила Блезу до самой его смерти.

¹⁰ *Дюшен* — лакей Паскаля.

¹¹ *Контролерша Паскаль* — дочь брата Этьена Паскаля, Бремона, контролера военного ведомства.

¹² *К Роаннезам.* — Шарлотта де Роаннез (1633—1683), сестра герцога де Роаннеза, 4 августа 1656 посетила Пор-Рояль, чтобы поклониться Святому Тернию. Под впечатлением этого события она пожелала стать монахиней. Чтобы Шарлотта смогла проверить прочность своих намерений, герцог увез ее с собой в Пуату. Туда-то и послал Паскаль несколько писем брату и сестре Роаннез. Вернувшись в Париж в июне 1657 года, Шарлотта удалась в Пор-Рояль, но была возвращена к матери повелением короля. После смерти Анжелики Арно и Паскаля, бывших ей опорой, Шарлотта не смогла более противиться настояниям семьи и в 1667 году вышла замуж за герцога де Ла Фейяда, к которому и перешел титул Роаннезов, поскольку брат Шарлотты в брак так и не вступил. За несколько дней до смерти Шарлотта пожелала отдать письма Паскаля на хранение верному человеку, но муж ее этому воспротивился и приказал их сжечь. Кое-какие отрывки из этих писем сохранились благодаря герцогу де Роаннезу, брату Шарлотты.

¹³ *Святой Лев.* — Римских пап, носивших имя Лев и причисленных к лику святых, было несколько; кого из них цитирует Паскаль, сказать трудно.

¹⁴ *Что бы ни случилось в деле с...* — Речь идет о документах, подписанных восемью парижскими кюре и направленных против «распущенной морали» иезуитов. Паскаль, а также Арно и другие «отшельники» участвовали в написании этих текстов.

¹⁵ *Отрывок из письма...* — Это письмо, возможно, адресовано Жану Дома (см. прим. 10 к «Жизни господина Паскаля» Жильберты Перье).

¹⁶ *Из письма к госпоже Перье.* — Речь в этом письме идет о планах замужества Жаклины Перье, которой тогда было 15 лет; люди, с которыми Паскаль советовался, — это, по всей вероятности, Сенглен, де Саси и де Ребур.

¹⁷ *Ферма Пьер* (1601—1665) — французский математик, один из создателей аналитической геометрии, теории чисел и теории вероятностей.

¹⁸ *Бьенасси* — дом супругов Перье в Клермоне, тот самый, заботиться о строительстве которого Паскаль отговаривал Флорена Перье.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

<i>Годы</i>	<i>Жизнь Паскаля</i>	<i>События во Франции и в Европе</i>
1616	В овернском городе Клермон-Ферране Этьен Паскаль, королевский советник, женится на Антуанетте Бегон, дочери сенешаля Оверни. Жениху 28 лет; невесте — 20.	На французском троне Людовик XIII.
1620	У супругов Паскаль рождается дочь Жильберта.	В Европе бушует Тридцатилетняя война.
1621		В Париже сжигают на костре вольнодумца Жана Фантанье.
1622		Рождение Мольера.
1623	19 июля рождается Блез Паскаль.	
1624		Кардинал Ришелье становится первым министром.
1625	Рождение Жаклины Паскаль.	

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

<i>Годы</i>	<i>Жизнь Паскаля</i>	<i>События во Франции и в Европе</i>
1626.	Умирает Антуанетта Бегон.	Падение Ларошели, главной крепости французских протестантов.
1628		Англичанин Уильям Гарвей излагает теорию кровообращения.
1631	Этьен Паскаль с детьми переезжает в Париж.	
1632		Галилей публикует доказательства своей астрономической системы
1634	Блез Паскаль пишет «Трактат о звуках».	
1635	Блез открывает для себя геометрию и самостоятельно доходит до 32 теоремы Евклида.	Ришелье учреждает Французскую Академию.
1636	Этьен Паскаль вместе с Блезом и Жильбертой возвращается в Овернь.	Премьера трагедии Пьера Корнеля «Сид». Аббат де Сен-Сиран, друг голландского богослова Корнелия Янсена, становится духовным руководителем женского монастыря Пор-Рояль.
1637		«Рассуждение о методе» Декарта
1638	Этьен Паскаль участвует в протестах парижских рантье против действий властей и, опасаясь ареста, вынужден скрываться.	Рождение дофина — будущего Людовика XIV. Умирает Янсений. Ришелье арестовывает аббата де Сен-Сирана.
1639	Ришелье, простив Этьена Паскаля ради его дочери Жаклины, назначает его интендантом в Нормандию.	Рождение Жана Расина.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА.

<i>Годы</i>	<i>Жизнь Паскаля</i>	<i>События во Франции и в Европе</i>
1640	Этьен Паскаль с детьми приезжает в Руан. Блез печатает свой «Опыт о конических сечениях».	Выходит в свет «Августин» Янсения.
1641	Жильберта Паскаль выходит замуж за своего кузена, Флорена Перье.	
1642	Паскаль изобретает счетную машину.	Умирает Ришелье. В Англии начинается гражданская война. Томас Гоббс, за два года до того бежавший во Францию, публикует сочинения в защиту королевской власти.
1643		Умирает Людовик XIII. Первым министром при малолетнем Людовике XIV и регентше, Анне Австрийской, становится кардинал Мазарини. Антуан Арно печатает свою книгу «О частом приобщении Святых Тайн». Смерть Сен-Сирана. Опыты Торричелли с «пустотой».
1645		В России всходит на престол царь Алексей Михайлович.
1646	Этьен Паскаль и вся его семья знакомятся с руанскими янсенистами. Блез начинает опыты с «трубкой Торричелли».	
1647	Блез и Жаклина возвращаются в Париж. Декарт дважды навещает больного Паскаля. Выходит в свет работа Паскаля «Новые эксперименты относительно пустоты».	

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

<i>Годы</i>	<i>Жизнь Паскаля</i>	<i>События во Франции и в Европе</i>
1648	Зять Паскаля Флорен Перье проводит по его просьбе решающий опыт «с пустотой» на горе Пюи-де-Дом. Паскаль публикует «Рассказ о великом эксперименте равновесия жидкостей».	Вестфальский мир кладет конец Тридцатилетней войне. Во Франции вспыхивает Фронда.
1649		Казнь английского короля Карла I Стюарта. Никола Корне представляет на рассмотрение Богословского факультета Сорбонны «Пять Положений Янсения».
1650		Декарт умирает в Стокгольме, при дворе шведской королевы Кристины, в возрасте 44 лет. Немецкий физик Отто фон Герике изобретает воздушный насос.
1651	Смерть Этьена Паскаля.	
1652	Жаклина становится послушницей в монастыре Пор-Рояль.	
1653	Путешествие Паскаля в Пуату вместе с герцогом де Роаннезом.	Конец Фронды. Кромвель становится лордом-протектором. Булла папы Иннокентия X, объявляющая «Пять Положений» ересью.
1654	Переписка Паскаля с Ферма о теории вероятностей. Паскаль часто видится с Жаклиной и признается ей в желании покинуть мирскую жизнь. 23 ноября — ночь «Мемориала».	
1655	Паскаль ненадолго поселяется в Пор-Рояле-в-Полях. Он беседует с господином де Саси о Монтене и Эпиктете.	Христиан Гюйгенс открывает кольцо Сатурна.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

<i>Годы</i>	<i>Жизнь Паскаля</i>	<i>События во Франции и в Европе</i>
1656	Появляются шестнадцать «Писем к провинциалу». Чудо Святого Терния.	Антуана Арно исключают из Сорбонны.
1657	Выходят 17-е и 18-е «Письма».	
1658	Паскаль рассылает европейским математикам письмо об условиях конкурса по циклоиде и рассказывает отшельникам в Пор-Рояле о своем замысле написать «Апологию христианской религии».	Смерть Кромвеля. Труп Мольера перебирается из провинции в Париж.
1660	Письма к Ферма. Беседы с юным герцогом де Шеврёзом.	На английский престол возвращаются Стюарты.
1661	Умирает Жаклина Паскаль.	Смерть Мазарини. Кольбер становится членом Совета. Духовные и светские власти требуют безоговорочно подписывать антиянсенистский «Формуляр». Смерть Анжелики Арно, аббатисы Пор-Рояля.
1662	В Париже открывается первая линия движения «общедоступных карет». 19 августа — смерть Блеза Паскаля.	

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Юлия Гинзбург. Мысли о главном</i>	5
Жизнь господина Паскаля, написанная госпожой Перье, его сестрой, супругой господина Перье, советника палаты сборов в Клермоне . . .	38
Заметки о жизни господина Паскаля, написанные мадемуазель Маргаритой Перье, его племянницей	69
МЫСЛИ	77
МАЛЫЕ СОЧИНЕНИЯ	
Беседа с господином де Саси	375
Сравнение первых христиан с нынешними	387
Молитва, чтобы Бог дал мне употребить болезни во благо	391
Три беседы о положении сильных мира сего	398
ПИСЬМА	403
Комментарии	433
Хронологическая таблица	475

Блез Паскаль

МЫСЛИ

Редактор *В. Сагалова*
Технический редактор *З. Теплякова*
Корректор *Б. Тумян*

Лицензия № 060446 от 3.12.91 г.
Сдано в набор 7.06.94. Подписано в печать 25.04.95. Формат 70 × 90^{1/16}. Бумага офсетная.
Гарнитура «Баскервиль». Печать офсетная. Усл. печ. л. 35,1. Уч.-изд. л. 36,12.
Тираж 15 000 экз. (1-й завод 5000 экз.). Заказ 3068

Издательство имени Сабацниковых
1,19270 Москва, Фрунзенская наб., 38/1

Полиграфическая фирма «Красный пролетарий»
103473, Москва, Краснопролетарская, 16

Отпечатано в Московской типографии № 2 РАН. 121099 Москва, Шубинский пер., 6

Блез ПАСКАЛЬ Мысли

Блез
ПАСКАЛЬ

Мысли

